

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

НОВОЕ О БУЛАТЕ

МОСКВА
2009

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

Новое о Булате

Выпуск 6

Москва
БУЛАТ
2009

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6
О52

Редакционная коллегия:

Н. А. Богомолов, М. Р. Гизатулин, В. А. Зайцев,
Ю. Ф. Карякин, А. Е. Крылов (гл. редактор),
А. В. Кулагин, Вл. И. Новиков, С. В. Свиридов,
В. А. Щербакова, В. Ш. Юровский

Составитель
А. Е. Крылов

Редактор
И. А. Соколова

Серийное оформление – С. Сысуев
На 1-й с. переплёта воспроизведён
портрет с натуры работы художника В. Врядя (1981);
на 4-й – рисунок художника Н. Дронникова (1978)

Составитель и издатель благодарят
Н. Е. Дронникова, Ю. А. Плаксину, А. А. Коваленко,
П. Ф. Качанко, И. А. Некрасова
за помощь в подготовке материалов книги

О52 Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6 / Сост. А. Е. Кры-
лов. – М.: Булат, 2009. – 496 с.: ил.

ISBN 978-5-91457-006-1

Шестой выпуск ежегодного альманаха о творчестве известного писателя и барда посвящён событиям и исследованиям в области окуджавоведения за 2008 год. Все материалы публикуются впервые либо существенно дополнены и переработаны для настоящего сборника. Исключение составляют перепечатки статей, ранее появившиеся в «русском» там-издате, и переводы. Книга снабжена подробным справочным аппаратом и большим количеством иллюстраций, многие из которых также увидят свет впервые. Для студентов, преподавателей и широкого круга читателей, любящих русскую литературу и авторскую песню.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91457-006-1

© Указанные авторы, 2009

Чем дольше живём мы,
 тем годы короче,
тем слаще друзей голоса...
Ах, только б не смолк
 под дугой колокольчик,
глаза бы глядели в глаза!

Дорогие друзья!

Думаем, что уже можем так обратиться к своим читателям, ибо те, кто заинтересовался этой книгой, наверняка прочитали первые пять выпусков альманаха, а таких людей иначе как друзьями назвать нельзя, — разве что родственниками.

Простите нам несколько игривый тон этого текста, предвещающего серьёзную книгу. Просто мы радуемся, что уже перевалили за вторую половину первого десятка (шестой выпуск). Никого по дороге не потеряли, не потеряли и уверенности в том, что делаем нужное дело.

Совсем недавно, когда этот том уже был готов к печати, в одной из газет появилась очередная статья, пышущая ненавистью к герою наших исследований. Там, в частности, говорится, что песни Булата Окуджавы давно и прочно забыты, что сам он — ничтожный и гадкий человек, мелкий фарцовщик.

И вы знаете, так на душе стало радостно! Стало быть, мы на правильном пути!

Не потому, что мы собираемся вступать в полемику с автором этого сугубо «эмоционального» произведения, а просто — если кто-то до сих пор зарабатывает себе гонорары и известность на имени двенадцать лет назад умершего человека, с пеной у рта доказывая, что тот давно забыт, а кто-то ещё рассчитывает поднять свои тиражи на том же, значит, дела этого ушедшего от нас Человека не так уж плохи.

Удивительное дело: месяца не проходит, чтобы не встретить где-нибудь в Интернете или в газете очередную порцию гадостей в адрес Булата Окуджавы. Что же это такое делается? Другие проблемы закончились, что ли, в стране? Или в семье? Или в зеркале? Как там говорит Жванецкий: «Не нравится — отойди!».

Н-е-е-е-т, они не отойдут, им ещё надо детей вырастить и внуков выкормить молоком, купленным за счёт «мелкого фарцовщика».

Ну, а мы отойдём. Поздравим друг друга и... нет, не воспалим, а продолжим заниматься своей работой.

(В качестве справки: никто из авторов альманаха гонорара не получает).

Перед Вами, дорогой читатель, шестой том альманаха, посвящённого жизни и творчеству Булата Окуджавы. Этот выпуск призван отразить события окуджавознания и окуджавоведения за 2008 год. Пожалуй, самым резонансным событием этого года стали журнальные публикации глав первой биографии поэта, написанной известным писателем Дмитрием Быковым для серии «Жизнь замечательных людей». Сама книга вышла уже в начале текущего года, и хотя бы поэтому подробный разговор о ней состоится на страницах следующего ежегодника — за год 2009-й.

А пока...

Пётр ЕВЛАДОВ

ЗНАКОМСТВО С ГЕРОЕМ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

...А времена шестидесятых — во многом самой своею внутриполитической однозначностью культурной жизни, идеологии — делали героем всякого, кто оказывался многограннее, многозначнее. Таких людей искусств оказывалось всё больше — народ оценил их общий подвиг: вписал в свою Историю славным именем «шестидесятники».

Булат Окуджава мгновенно, с первых песен, разнесённых по всей стране магнитофонами, стал родным человеком, любимым и удивительным, свежим ветерком доброты и доверительности. Таким он стал и в моей семье, для всех моих детей-подростков. Интеллигентность вливалась в души соками извечной доброй красоты российской.

...Я работал в редакции газеты «Вечерний Свердловск» художником, когда случай послал мне первую встречу с кумиром: он шёл по длиннейшему коридору нашего Дома печати. Я знал его по портретам и остолбенел: «Неужели?»

И когда он приблизился, я пролепетал:

— Здравсте! Неужели сам Булат — к нам в «Вечёрку»?!

Он и его молоденькая спутница улыбнулись:

— Здравствуйте. Но не к вам, к сожалению, а только на минутку в молодёжную вашу — «На Смену!», к редактору, — сказал Булат. — Мы правильно путь держим?

— Да-да, так держать! — лыбился я, указал на третью от нас дверь, и они прошли...

А я — бегом в свою служебную обитель, взял свой фотоаппарат и скорёхонько к ним. Вошёл без стука (у нас тут во всех трёх редакциях так велось), спутница Булата сидела справа, в сторонке, а он стоял у правой стороны стола редактора, и тот сидел, и они говорили негромко. Я даже не сказал Юре Ерёми-

*Свердловск,
1964 г.
Фото автора*

ну приветствия, чтоб не мешать, а нагло подошёл к его столу слева и примерил гостя в кадр. Щёлкнул, стал переводить плёнку и... о, ужас! (как пишут в таких случаях) — плёнка в камере кончилась! Я тихонько вышел, проклиная свою беспечность, побежал к фотокорам, но никого не оказалось в их рабочих кабинетах. Всё! Отснялся! Перезарядиться нечем...

Ладно ещё, что сообразил: надо же спросить, как и когда вручить фотку, — побежал обратно и как раз застал Окуджаву и его спутницу прощающимися с Ерёминым у его кабинета. Они разошлись, и я спросил. Оказалось, что завтра на вокзале я только и смогу увидеться вновь, на перроне, у вагона...

Так на другой день и произошло: я и мой друг, коллега Лёва Степанов, прибыли к вагону за немногие минуты до отхода поезда в Москву. Булат Шалвович попрощался с кем-то (двумя или тремя, не знакомыми нам). Мы показали фотографии (Льву я такую же сделал, 18x24 размером), ну и Булату, разумеется. Ему очень понравилось моё произведение. Я извинился: мол, единственный кадр сделал не по скупости, а по растяпству. Но исправлюсь, мол, приезжайте только, пожалуйста: мы все в ваших восторженных поклонниках... — ну и в таком духе потрепались. При этом я попросил Булата заглянуть на обратную сторону одного из отпечатков, которые ему отдал, а сам «озвучил» для всех то, что там я начертил от себя, экспромтом, по пути сюда:

Он тот, кого народ весь любит
и новых встреч с поэтом ждёт:
БУЛАТ — не тот, который рубит,
а тот, кто песенки поёт!..

14.04.64

Пётр Евладов

А он на своём изображении, что оставалось у меня, написал:

Петру Евладову с благодарностью.

Булат Окуджава.

Свердловск 14.IV.1964 года

Другу моему, узнав, что он не только журналист «Вечёрки», но ещё и капитан дальнего плавания, ещё раз крепко пожал руку...

Другая интересная встреча была тоже у нас в Свердловске. Это было 15 сентября 1986 года, много позднее тех, первых. Этот приезд Булата был связан с концертами. А до их начала, утром, он был приглашён в редакцию журнала «Уральский следопыт» и прибыл в сопровождении моего коллеги по редакции «Вечёрки» (тоже стихотворца одержимого, как и я грешный) Яши Андреева.

Он и ранее говорил, что знаком хорошо с Окуджавой. И поэтому я ему доверил переслать Булату (года за три до того) фотографию-портрет его отца, погибшего от сталинских репрессий здесь на Урале. Он был большим руководителем в Нижнем Тагиле. И вот в наши времена эти жертвы были вспомнаны на стендах у фасада Главпочтамта в Свердловске. Я сделал репродукцию фото Шалвы Окуджавы и спросил у Якова адрес Булата. Яша сказал, что не надеется на память, но как раз будет писать ему по делу и может и портрет послать.

Об этом я теперь вспомнил и спросил перед началом встречи — получил ли фото тогда, давно. Булат встрепнулся:

— А Яков, что ли, не передал мою глубочайшую благодарность?! Я был потрясён таким подарком драгоценным! Я и не знал, что существовала такая фотография! Огромное спасибо! Огромное... Пётр Владимирович!..

Теперь я был потрясён: он помнил меня по имени и отчеству!..

Встреча получилась отличная, домашне-непринуждённая, в небольшом зале-кабинете секретариата, в присутствии всего человек пятнадцати. Я попал в «избранные», поскольку с первого номера журнала что-то временами делал как художник, как фотограф. Главный редактор Станислав Фёдорович Мешавкин,

его зам. Давид Яковлевич Лившиц, ответ-секретарь Игорь Тарабукин были моими лучшими друзьями — по журналистике, по поэзии, по душам родным. Да и все, в общем-то, в редакции мне симпатизировали...

Окуджаву усадили в кресло, к столику, пред всеми — удобно для «перекрёстного допроса», и уж точно провели часа два интереснейших разговоров обо всём-всём. Не упомнить, не пересказать. О фотоаппарате я позабыл...

Интересный эпизод из его рассказа запомнился: в Париже Булата пригласили на звукозапись его наиболее популярных и знаковых песен. Студия была настроена работать весь день, а если надо — то и ночь. А Булат с первого исполнения так записался, что у всех — шок восторга! И — никаких дублей!..

Кое-что я всё-таки отщёлкал, но большинство из первых пробных отпечатков, что показывал предварительно, растащили, конечно же... а возвращаться к «пройденному» — кто же соберётся в редакционных круговертях... Теперь попробуй отыскать ту плёнку...

Хранятся плёнки магнитные — с тех, первых появлений песен — на катушках. А на чём воспроизвести — проблема... Зато в памяти — всё звучит поныне... И — в душе...

И на той же фотографии — вторая роспись поэта...

Михаил ХАЗИН

С БУЛАТОМ — ПО МОЛДОВЕ¹

«Если сравнить кумиров разных времён, таких разных исполнителей песен, как Вертинский, Лещенко, Окуджава, Высоцкий, кого из них вы поставили бы выше? Кого?» — выжидающе замолкает Борис Слуцкий, задавший вопрос загорелому парню, звукооператору фирмы звукозаписи «Мелодия». В ожидании Слуцкого — пытлиное любопытство. У специалиста из «Мелодии» — заминка и усмешка: как можно сравнивать такие непохожие таланты? Но Слуцкий настойчив: сравнивают же силу шахматистов, живших в разные эпохи, — скажем, Стейница, Ласкера, Капабланку с Ботвинником, Фишером, Каспаровым?

Эксперт из «Мелодии» пожимает загорелыми плечами. Сам Слуцкий склоняется к мысли, что Булат Окуджава ему, пожалуй, ближе, чем иные шансонье или современные барды. «Но песни Галича — панорама нравов нашего общества», — вставляет слугитель «Мелодии».

Мы троём лежим на гальке Коктебельского залива, греемся после заплыва, ведём неторопливый разговор. Ритмично накатывают волны, облачко плывёт над Кара-Дагом. Из дома Волошина, до которого от пляжа рукой подать, доносится песня с магнитофонной ленты: «А если что не так — не наше дело. Как говорится, родина велела».

Ещё жива Марья Степановна Волошина, ещё из Дома Пота не выветрился дух вольнодумства, правдолюбия, неподкупной поэзии, ещё водится в нём и самиздат, и тамиздат, и магнитиздат. А между тем эпоха застоя и запоя достигла пышного расцвета в нашей лихой и хвастливой сверхдержаве, до распада

¹ Впервые: *Хазин М.* Еврейское счастье: Записи для друзей. Очерки и эссе. Schuykill Haven: Hermitage, 2007. Р. 27–37. Переработано и дополнено для настоящего издания.

которой осталось — кто бы мог подумать? — всего-то каких-нибудь два десятилетия. «Иду себе, играю автоматом. Как славно быть ни в чём не виноватым», — поёт магнитофон солнечному дню, морскому простору и нам, грешным.

* * *

С Булатом Окуджавой меня в Ялте познакомил Григорий Поженян, о феерической личности которого надеюсь подробнее рассказать как-нибудь в другой раз. Сейчас ограничусь одним штрихом, который нужен для этого разговора.

Два слова о Поженяне как герое войны. В Одессе, на улице Пастера, после войны была установлена на одном из домов мемориальная доска в честь группы погибших летом 1941 года моряков-разведчиков, которые были посланы из осаждённого, истекавшего кровью города в тыл врага. Эти ребята прорвались сквозь кольцо окружения, на несколько часов подключили перекрытую водопроводную трассу, напоили изнывавшую от жажды Одессу, заплатив своей жизнью за это утоление жажды. Через много лет Поженян — сценарист и режиссёр — создал кинофильм «Жажда», посвящённый его погибшим друзьям-морякам, участникам этой операции.

В скорбном списке на мраморной доске вы и сегодня можете найти среди павших имя Григория Поженяна. Григорий Михайлович чудом остался в живых, лежал в госпиталях, потом воевал до конца войны. Сам человек мужественный, он превыше прочих достоинств ценил мужество в других. В том числе в Булате Окуджаве, в его стихах и песнях — верней, в его поющей поэзии.

Должно быть, в знак неразлучности со своим фронтовым прошлым Поженян любил носить тельняшку. И любил дарить тельняшки друзьям. Меня тоже такой дар не обошёл стороной. Тельняшку, подаренную Гришей довольно давно, я привёз с собой за океан и здесь, в Штатах, иногда надеваю.

В один из наших ялтинских дней Поженян сказал мне: есть хорошая новость. Завтра теплоход «Грузия» приходит в Ялту, и капитан судна Анатолий Гарагуля, один из лучших гришиных боевых друзей, приглашает в гости на борт его, Гришу, вместе с теми друзьями, которых тот сочтёт нужным захватить с собой.

Спутников для нанесения «визита дружбы» распорядительный Поженян подобрал оперативно. Что и говорить, приглашение весьма приятное. Кого не порадует общение со зна-

менитым капитаном, к тому же поклонником муз? Кому не понравится морская прогулка на роскошном судне?..

Среди зарослей глициний, магнолий мы пешком спускались с горы, где располагался писательский Дом творчества, в порт, к трапу круизного теплохода. В гости к капитану, помню, шли тогда Константин Ваншенкин с женой Инной Гофф и дочерью Галей, Булат Окуджава с женой Ольгой Арцимович и мы с Поженяном. Капитан Анатолий Гарагуля принял Гришу и его спутников, распахнув перед нами океан приветливости и радушия. Сам сопровождал нас по отсекам, палубам, мостикам «Грузии», потом привёл в свои капитанские апартаменты, где стол ломился от яств, а горничные в белоснежных фартучках вышколенно ждали начала застолья.

Капитан рассказывал о недавних рейсах «Грузии» на Кубу, показывал фотографии, запечатлевшие его рядом с Фиделем и Раулем Кастро. И не забывал подчеркнуть, как в дальних плаваниях, в трудной морской работе ему помогает поэзия. Особенно были ему по душе набравшие тогда силу песни Окуджавы. Капитан жестом мага включил студийный магнитофон с большими бобинами, и в его просторной каюте зазвучали песни Булата. Синий троллейбус, Чёрный кот, Голубой шарик, Бумажный солдатик — там были и фронтовое братство, и арбатство, и Смоленская дорога, и виноградная лоза. Песни звучали так проникновенно и чисто, что Булат не сдержал зависти и сказал капитану, что даже у него, автора, нет такой качественной магнитофонной записи... Анатолий Гарагуля тут же обещал Булату подарить копию.

У капитана, конечно, нашлась гитара, и он сказал, что запись-то хороша, но живое исполнение... Булат, пригубив рюмку армянского коньяка, взял инструмент, погладил струны. И зазвучал его душевный, с таким неповторимым тембром баритон. Пел как всегда от души, без интересничания, исповедально, но и насмешливо, иронично — про Ваньку Морозова. По-новому что-то понял я тогда в песне, озорно названной «Франсуа Вийон».

Господи мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля ещё вертится, и ей это странно самой,
пока ей ещё хватает времени и огня,
дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня.

Раньше я не понимал, почему Булат применил к Всевышнему вычурный, как мне казалось, эпитет *зеленоглазый*. Но там,

в застолье у капитана, я заметил, как вспыхнули искры в изумрудно-зелёных глазах Ольги, когда Булат пел именно эту строчку. И загадка вроде бы вычурного эпитета перестала быть загадкой.

Спев ещё несколько песен, Булат с улыбкой сказал, что недавно слышал интересную пародию на его песенку, сочинённую студентами физтеха МГУ. Запомнились острые строки из той пародии:

Загоним все народы в катакомбы
И сверху бросим атомные бомбы!
А если что не так — не наше дело,
Как говорится, родина велела.

Не слишком ли вольный оборот принял разговор на судне? Капитан махнул рукой:

— Не смущайтесь, друзья. Капитан — верховная власть на корабле. Он здесь и прокурор, и КГБ, и женить может, и развести. Так что можете говорить без опаски... Я разрешаю!

И мы говорили — о Польше, о чувствительности поляков к ущемлению свободы, о Пражской весне и Дубчеке, о культе личности и кольте личности, о Москве, Одессе, о Грузии, Армении, Молдавии, о всякой всячине. Булат расспрашивал меня о некоторых его кишинёвских знакомых, о журнале «Кодры», в котором я тогда работал. Стихи читали и Ваншенкин, и Поженин, — хорошие, очень хорошие стихи, — но подлинным любимцем этой встречи всё-таки стал Окуджава. Капитан так сосредоточил восторженное внимание на нём, что потом, по дороге домой, в Дом творчества, Константин Ваншенкин даже немного обиделся, почувствовав себя, видимо, не по рангу обделённым.

* * *

Каждой республике в Советском Союзе полагалось — по статусу — иметь оперный театр, творческие союзы, свои газеты и журналы, в том числе литературный ежемесячник. В Кишинёве я много лет работал в редакции такого литературного журнала — «Кодры», который, печатая в основном работы местных авторов, оставался, откровенно говоря, окраинно-периферийным, хотя много талантливых произведений писателей Молдовы впервые увидели свет на его страницах. Чтобы вывести журнал на всесоюзную орбиту и привлечь к нему больше читателей, нужны были имена. Нужны были произведения, за которыми читатель бы охотился. Об этом я говорил с Вален-

тином Катаевым, с Василием Аксёновым; их произведения вскоре были напечатаны в «Кодрах», вызвали недовольство идеологических церберов, но своё дело сделали — повысили авторитет журнала в глазах ценителей литературы.

О сотрудничестве с журналом из Молдовы я завёл разговор и с Окуджавой. В ту пору он делал первые шаги по минному полю прозы. Успел напечатать в сборнике «Тарусские страницы» повестушку о фронтовой юности. Первым делом Булат спросил меня, что означает это слово *кодры*, так похожее на *кадры*? Я пояснил, что Кодры — это молдавские леса, эмблема края.

— Так сказать, молдавская тайга? — понятиливо усмехнулся Окуджава.

Булат оказался очень сговорчивым, не кичливым автором. Сказал, что у него лежит готовая небольшая повесть о том, как он в 1950 году работал сельским учителем в Калужской области.

Недели через две я получил по почте рукопись, которая называлась «Новенький, как с иголочки». Была — или чудилась мне? — в этой повести свежесть, исповедальная нота, присущая песням Окуджавы. Прибыл в деревню Шамордино работать в школе молодой учитель в ещё солдатской шапке-ушанке. Сугубо городской человек, урбанист до мозга костей, он недавно убеждал начальство на распределении: «Я могу только в городе работать... Мне деревня противопоказана. В городе — другое дело. А деревня мне противопоказана».

Но молодого специалиста власть взяла рукой за горло. «Я чувствую, как она жёстка». И он — как говорится, через не хочу — приехал в глухомань, где едят полугнилую картошку, где петухи кричат, жаворонки поют, где сено косят, а ученики с учителем запанибрата. Присмотрелся к деревенскому люду, к неброской красе природы — и полюбил свою неволю. «Разве мог я понимать, как прекрасны люди, пока не попал сюда?» — размышляет герой этой незатейливой вещицы.

Повесть была напечатана в «Кодрах» и приветливо встречена читателями. Вскоре после этого приехав в Кишинёв, Булат в знак признательности презентовал мне свой декабристский роман «Бедный Авросимов» с дружеской дарственной надписью, просил сходить с ним в кишинёвский Дом-музей Пушкина, в масонскую ложу «Овидий», членом которой был Пушкин... Гусарско-рыцарское обаяние горстки отчаянных молодых офицеров и генералов, охваченных пламенной страстью — изменить к лучшему вековой уклад российской

жизни, словно окутывало Булата, и ему хотелось в Кишинёве пройти по их следам.

* * *

Вросшая в землю хата с низкими оконцами и покатою крышей, уютный южный дворик, осенённый густыми кронами клёнов, каштанов, белой акации — бывший заезжий дом кишинёвского купца Наумова. Первое пристанище Пушкина-изгнанника, прибывшего в кишинёвскую ссылку золотым сентябрьским днём 1820 года. Теперь в этой хатёнке, расположенной в сердце старого города, Музей поэта. Она, эта бережно отреставрированная хата, и есть, между прочим, главный и самый достоверный экспонат Музея. Сюда, на улицу Антоновскую, я и привёл Булата, предварительно созвонившись с директором Музея, моим приятелем, журналистом Владимиром Михайловичем Субботиным.

Встречу с Булатом предусмотрительный Субботин наметил на такой день, когда Музей закрыт для посетителей по случаю выходного. Он запасся в своём директорском кабинете бутылкой доброго молдавского «каберне», гитарой и приветствовал нас с Булатом «в приюте муз и вдохновений» со всем хозяйским радушием.

Говорили о кишинёвских влюблённостях и дуэлях Пушкина, о сохранившейся Малой Малине — городской окраине, где горячие и шепетильные в вопросах чести сыны XIX века «poleвали», то есть в поединках решали свои контрверзы. Булату интересно было узнать, что в монастыре Нямцу, в Румынии, хранится череп Калипсо. Той самой, что по преданиям была возлюбленной Байрона, затем Пушкина. И что вообще существовал такой способ захоронения: сохранение черепа в монастырской усыпальнице.

Близ Пушкинского музея, по другую сторону скверика, на соседней улице сохранилось каменное здание бывшей масонской ложи, носившей имя поэта-изгнанника Овидия. Завсегда-таями и членами этой ложи были Пушкин, декабристы Орлов, Пестель, Раевский, Липранди, другие примечательные персоны российской истории. В советское время залы масонской ложи переоборудовали в клетушки коммунальных квартир, обитали в них преимущественно еврейские семьи невысокого достатка. По этому поводу Булат Окуджава пошутил — дескать, ничего зазорного... Среди декабристов тоже был еврей... Правда, он состоял не в Южном, а в Северном тайном обществе — Григорий Перетц.

— Знаете, как-то заговорщикам, друзьям Перетца, понадобился условный знак для опознания своих, иначе говоря — пароль. Перетц предложил использовать слово на иврите «хейрут», означающее свободу, — между прочим рассказал Окуджава.

Историю декабризма Булат, видимо, знал блистательно, в мельчайших подробностях, смакуя детали с оттенком юмора и восхищения.

— Толкуя о том, что ограничение самовластия пойдёт России на пользу, тот же Перетц, — продолжал Окуджава, — в доказательство приводил из Священного писания какие-то законы Моисея, что Бог покровительствует такому благому делу.

Когда речь зашла о Пестеле, директор Музея Субботин не без оттенка гордости заметил, что знаменитое стихотворение Давида Самойлова о Пушкине, Пестеле и Анне вдохновлено Кишинёвом. Самойлов любил приезжать в Молдавию, переводил на русский язык стихи здешних коллег. По пушкинской традиции, влюблялся в Бессарабии. Так что Анна из его стихов — не вымышленный образ, а самый что ни есть реальный. «Мы с Мишей её знаем», — сказал Субботин.

Окуджава (кстати, тоже переводивший молдавских поэтов) отнёсся с пониманием к увлечению Самойлова и намекнул, что и он в некотором роде тоже не промах — следует по этой части пушкинской традиции:

— Мы живём в трудное время, в трудной стране. Но и при аракчеевых и бенкендорфах жизнь берёт своё...

За разговором Субботин придвинул Булату музейную книгу отзывов, и поэт занёс в неё несколько строф из его песни-сожаления по поводу того, что нельзя с Александром Сергеевичем закатиться в «Яр» хотя бы на четверть часа. Не обошлось, конечно, и без пения. В узком кругу песни Булата звучат особенно задумчиво.

Потом разговор перекинулся на книжные новинки. Кто что прочёл? Кто что купил? В те годы, когда Окуджава наезжал в Молдавию, Кишинёв имел репутацию книжного города. Здесь без переплаты можно было достать нечто дефицитное — Дюма, Булгакова, Воннегута. Страну тогда сотрясал книжный бум. Ночами напролёт люди стояли в очередях у магазинов подписных изданий, чтобы обзавестись очередным собранием сочинений. У евреев в квартирах почти ритуально стояли на полках тома Фейхтвангера, Эренбурга. Приезжие люди не упускали случая отовариться в кишинёвских

книжных магазинах. Тем более если есть доступ в подсобку завмага.

Но Булат проявил полное равнодушие к расхожим изданиям. Он сказал, что давно перестал покупать романы. Его интересовали только мемуары. Преимущественно прошлого века. Дома у него на полках, по его признанию, в основном, книги воспоминаний. Окуджава поинтересовался, знакомы ли мы с мемуарами маркиза де Кюстина «Николаевская Россия»? Ни Субботин, ни я этой работы не знали.

Окуджава оживился: маркиз этот, рассказал Булат, побывал в России в 1839 году, но написал о ней так остро и пронизательно, что многие его суждения о российских нравах, обычаях, укладе не устарели поныне. И, к сожалению, долго ещё будут актуальны. Герцен сказал о мемуарах де Кюстина, что это, без сомнения, самая занимательная и умная книга, написанная о России иностранцем. Говоря об этом сочинении, Булат не мог сдержать восторга.

Его взволнованность передалась мне. Забегая вперёд, скажу, что, оказавшись вскоре в Москве, я помчался в Ленинскую библиотеку и заказал там книгу де Кюстина. (Только там её в ту пору можно было найти.) Погружаясь в мемуары, я вспоминал беседу с Булатом и полней понимал его волнение. Полней понимал строй его мыслей. По ходу чтения я делал выписки. Заносил в тетрадь суждения, казавшиеся мне особенно прозорливыми. Думаю, эти меткие фразы и у Булата вызывали искренний отклик. Вот некоторые строки маркиза: «До сих пор я думал, что истина необходима человеку как воздух, как солнце. Путешествие по России меня в этом разубеждает. Лгать здесь — значит охранять престол, говорить правду — значит потрясать основы».

Страна напоминает де Кюстину казарму: «Русский государственный строй — это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства».

По мнению маркиза, тайна и ложь составляют фундамент русского деспотизма. Он задумывается над вечными вопросами русского бытия: «Я не знаю, характер ли русского народа создал таких властителей, или же такие властители выработали характер русского народа... Но мне всё кажется, что здесь налицо обоюдное влияние. Нигде, кроме России, не мог бы возникнуть подобный государственный строй, но и русский народ не стал бы таким, какой он есть, если бы он жил при ином государственном строе».

В советское время, когда насаждалось историческое отношение к родине, Окуджава вдруг мог позволить себе привести высказывание Чаадаева о том, что есть вещи превыше родины — например, истина.

* * *

В Молдову, которую называли «садом великой страны», Булат Окуджава приезжал неоднократно — и в составе делегации столичных писателей, и с творческими целями (как автор, переводчик), и, наконец, с частными визитами, которые предпочитал не афишировать. Этот «сад» с его гостеприимным народом, с его плодами и винами, с цветами его словесности, с отзвуками россыпей латыни в его романской речи был близок его душе. А если к тому же напомнить, что Бессарабия — пушкинский край, арена деятельности декабристов, которыми так неустанно интересовался Булат, да и ссыльного Овидия помнит эта земля, симпатии Булата Окуджавы станут ещё понятней.

Что особенно запомнилось? В 1976 году в Молдове с большим размахом проводились Дни советской литературы с участием обширного писательского десанта из Москвы, Ленинграда, из многих союзных республик. Одним из наших желанных гостей был и Булат Окуджава. Вместе с другими коллегами, приехавшими и местными, участвовал он в литературных вечерах, творческих дискуссиях, поездках из Кишинёва в живописную глубинку. Венцом этого праздника литературы стали памятные многолюдные торжества, посвящённые дню рождения Пушкина, поездка в живописное село Долна, выступления и концерт на Пушкинской поляне, близ родника Земфиры, где юный Александр Сергеевич, по преданию, впервые встретился с прелестной цыганкой, ставшей впоследствии героиней его поэмы.

В те дни мы с Булатом были почти неразлучны в поездках по республике, встречах с читателями, сопровождавшихся пирами и возлияниями, в редких пешеходных прогулках с разговором по душам, на которые оставалось мало времени. Помню, как в поездке веселили и восхищали Булата устные рассказы моего друга, молдавского писателя Андрея Стрымбяну, который запечатлён вместе с Булатом и со мной на фотографии, сделанной в те дни.

Один из гротескных сюжетов Андрея — про колорадского жука. Жук этот — известный сельскохозяйственный вредитель

*Слева направо:
Владимир
Субботин,
Булат Окуджава,
Михаил Хазин,
Аркадий
Минчковский,
Фазиль Искандер,
Андрей Стрымбяну.
Сентябрь 1976 г.
Архив автора*

(картофеля), да ещё родом из штата Колорадо... Советская пропаганда отчётливо давала понять всем гражданам, что появляется он у нас на родине не сам по себе, а заброшен американской разведкой со спецзаданием — подорвать наши продовольственные запасы и помешать нашей сытой жизни. Плакаты призывали бдительно высматривать, не появился ли где колорадский злодей в Молдове. А ежели такой попадётся на глаза, немедленно доставить его куда следует, за что было предусмотрено вознаграждение, — кажется, в пятьдесят рублей.

Один ушлый парень из Молдовы, служивший в армии где-то в Белорусском Полесье, знал, что в том бульбяном краю полным-полно этого колорадского жука, — продолжал Андрей Стрымбяну свой рассказ. — Решил он махнуть туда, навестить места своей боевой славы и привёз домой полный чемодан колорадских жуков. Для начала сдал в инспекцию два-три экземпляра, получил денжат, на которые купил вдоволь вина и закуски. Родственник парня, узнавший про источник его доходов, не замедлил попросить в долг хоть несколько колорадских жуков... И — пошло-поехало, начались несусветные приключения. Стрымбяну написал о них рассказ, потом великолепный сценарий, полный сарказма и остроумия.

Смеясь и вздыхая, выслушал Булат этот сюжет. Сказал, что могла бы получиться едкая кинокомедия. Если бы взялся за эту тему талантливый режиссёр... Жаль, что такая вещь не востребована. И добавил, что ему, Окуджаве, повезло встретить мало известного тогда, но очень талантливого режиссёра. Зовут его Владимир Мотыль. Он снял первый фильм по сценарию Була-

та — «Женя, Женечка и «катюша»». Потом совместно работали над «Белым солнцем пустыни». Голливудские киношники изобрели жанр «вестерна», потому что Америка осваивала вест, дикий Запад. Россия прирастала территориями со всех сторон, но в основном двигалась на Восток, на ост, потому Мотыль называл свой жанр «остерном». И «Белому солнцу пустыни» улыбнулась госпожа удача...

— Сейчас, — продолжал Булат, — заканчиваем работу над фильмом «Звезда пленительного счастья», — о декабристах. Всегда рад встрече с ними.

В Кишинёве он побывал в доме, где располагалась масонская ложа «Овидий»-25. Туда сходились Пушкин, Орлов, Раевский, наведывался Пестель...

Другая байка, рассказанная Андреем Стрымбяну, была про портрет. Особняк на углу улиц Гоголя и Пирогова занимали два министерства — просвещения и культуры. Власти решили их отселить, а особняк передать министерству юстиции и главной прокуратуре. Бывшие обитатели вывезли свои бумаги, мебель, весь скарб. Но то ли по недосмотру, то ли по другой причине в одном из освобождённых кабинетов остался висеть на стене портрет в раме. Кто изображён на портрете, — никто не мог определённо сказать, никто не мог ручаться...

Вселившиеся чиновники столкнулись с дьявольски каверзной задачей: снять портрет со стены? А вдруг это кто-то из вождей? По головке за это не погладят. Оставить его висеть на старом месте? А вдруг это враг народа? Сразу пришьют статью. Так и висел портрет, изводил своим присутствием несчастных чиновников, пребывавших в растерянности и тяжких сомнениях: снимать портрет? или не снимать?..

С видимым удовольствием выслушал Булат и эту историю, тоже пригодную для уморительной комедии о бюрократических нравах. Раз уж речь зашла о таких потешных происшествиях, рассказал и я одну быль. Тем более, что связана она с именем Владимира Субботина, директора Пушкинского музея в Кишинёве, — Окуджаву я познакомил с ним раньше, когда редактировал повесть Булата, опубликованную в журнале «Кодры». Итак, про предостережение, сделанное Субботину самим Леонидом Ильичом.

Дело было в 50-е годы XX века, Субботин в ту пору работал собственным корреспондентом «Правды» по Молдавии. Республику тогда возглавлял Брежнев. Субботин, человек ум-

ный и задиристый журналист, дерзнул навлечь на себя недовольство Леонида Ильича. Вызвано оно было тем, что Субботин опубликовал в «Правде» фельетон о невежественном директоре Госиздата Молдовы, который как на грех пользовался благосклонностью Брежнева. Эрудиция анекдотического героя фельетона была такова, что он, желая сказать «в анналах истории», по невежеству изменил это крылатое выражение на свой лад. У него оно выглядело так: «В аммоналах истории». После того как фельетон об этом грамотее появился в газете, Брежнев сделал Субботину «отеческое» внушение. «Мальчик, осторожнее на поворотах», — многозначительно сказал будущий лидер великой державы.

Булат прокомментировал эту реплику Леонида Ильича в том духе, что лучше бы он сказал эти слова себе и своим соратникам перед августом шестьдесят восьмого года, когда решалась участь Пражской весны... Что касается аммонала, то есть взрывчатки, — её много в анналах истории... Субботин, можно сказать, обогатил русский язык ещё одним крылатым выражением, — «в аммоналах истории».

Задумчиво, силясь что-то вспомнить, Булат поинтересовался: что за писатель у вас — не то Ляху... или Мляху? У Булата Шалвовича эта фамилия оставила в памяти недобрый след. Она стояла под кратким письмом в редакцию «Литературной газеты», опубликованным в августе того же шестьдесят восьмого года. Автор письма, писатель из Молдовы, поддерживал акцию стран Варшавского пакта по оказанию братской помощи чехословацкому народу, желал успеха танкам, давившим Пражскую весну.

Я уточнил, что речь идёт о Самсоне Шляху, писателе из рабочей среды, который был коммунистом-подпольщиком с юных лет, когда Бессарабия ещё входила в состав Румынии, а правил страной король Карол Второй.

Запомнилось рассуждение Окуджавы по этому поводу. Значит, размышляя он вслух, этот Шляху не был трусом. Зачем же он опозорил себя таким холуйским одобрямсом? Ведь сейчас вроде не сажают, как при «отце народов». Не пытаются в застенках... Чего ж дрожать? Ну, что сделали бы с ним, откажись он подписать такое, с позволения сказать, письмо? Пожалуй, перестали бы щедро печатать его опусы, поставили бы на карантин — до следующего поворота в политике... Такие гонения вполне можно пережить...

Тем временем наш роскошный интуристовский автобус прикатил в Долну. Много в Молдове красивых, живописных сёл, но нет более воспетого в стихах на разных языках, чем Долна, приютившая юного опального поэта, село, ставшее духовным истоком пушкинских «Цыган».

С табором поэт скитался по Молдове до Кагульских степей и Прутской поймы, и только пронзительные холода той ранней осени заставили его покинуть цыганские шатры, — вспоминали старожилы этих мест. Волны холмов, покрытых лесами-кодрами, виноградники на крутосклонах, утопающие в зелени садов белые сельские хаты с чешуйчатыми черепичными крышами — сама природа этих мест словно служит неким особым комментарием к стихам, родившимся в этом крае.

Наверно, как любой паломник этих мест, в Долне Окуджава особенно остро ощущал эффект незримого присутствия Александра Сергеевича. И когда на празднике пришёл его черёд подойти к микрофону, он взял в руки гитару и запел.

Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем,
у каждой эпохи свои подрастают леса...
А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеечем
поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа...

Победы свои мы ковали не зря и вынашивали,
мы всё обрели: и надёжную пристань, и свет...
А всё-таки жаль — иногда над победами нашими
встают пьедесталы, которые выше побед...

Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу.
И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот
извозчик стоит, Александр Сергеич прогуливается...
Ах, нынче, наверное, что-нибудь произойдёт.

Конечно же, в те праздничные минуты Булат даже не мог догадываться, как быстро сбудется предсказание из его песни. И что-нибудь произойдёт. А пока яркий праздник в Долне продолжался. От души посмеялся Булат шутке литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса. Увидев зажигательный танец здешних цыганских девушек, современных Земфир, Межелайтис воскликнул: «Я хочу, чтобы меня сослали в Долну!»

Выступление народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова поначалу вызвало настороженность. Кугультинов произнёс загадочную, не совсем понятную фразу: «Пушкин спас мой народ от гибели». В этих словах и Булату, и другим слуша-

телям послышалось изрядное преувеличение. Но Кугультинов напомнил о трагичных послевоенных днях и годах, когда «неистовый Виссарионыч» обрушил свой державный гнев на чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков.

Он, Давид Кугультинов, разделил тогда участь своего народа, который целиком — от маленьких детей до седебородых старцев — был сорван с родных мест и в одночасье сослан в дальние края. В советских газетах, по радио об этой акции, естественно, ни слова нельзя было прочесть или услышать. Даже слова «калмык» нельзя было упомянуть, оно звучало крамольным намёком, напоминанием о страдающем, депортированном народе.

А тем временем в центре Москвы, на Пушкинской площади, в прекрасной и глубокой своей задумчивости высился опекунский Пушкин. На постаменте его памятника светились слова, врезанные в камень, врезанные в память поколений:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

Из-за упоминания калмыка, продолжал Давид Кугультинов, некоторые ретивые чиновники замыслили стесать с гранита бессмертную строфу. Но даже в ту мрачную пору самовластья власти на это не решились: Пушкин во всеуслышание напоминал стране и миру о репрессированном народе. И «друг степей калмык» всё-таки вернулся в родные края.

«Теперь вы понимаете, как Пушкин спас мой народ?» — завершил свой рассказ Давид Кугультинов.

Заключительным событием, посвящённым Дням советской литературы в Молдове, стал торжественный вечер в большом зале кишинёвской филармонии, где гости республики делились впечатлениями об увиденном, размышляли о ключевых проблемах культуры, отвечали на вопросы слушателей. Председательствовал на этом форуме поэт Петру Заднипру, один из руководителей Союза писателей Молдовы. Выступали Виктор Астафьев, Василий Белов, Фазиль Искандер и другие известные авторы. Добрым словом о торжествах в Долне отозвался и Булат Окуджава. Ничто пока не предвещало накала страстей.

Но тут из зала раздался спокойный вопрос слушательницы, адресованный Окуджаве:

— Скажите, как вы относитесь к Солженицыну?

К тому времени Солженицын уже был выслан из страны, заклеимён советской пропагандой как изменник родины, отщепенец, перевертыш, «литературный власовец» и т. п. Отозваться в таких условиях положительно об изгнаннике, — не каждый мог тогда решиться. Булат — смог. Он высказался в том духе, что высоко ценит его прозу, считает его смелым писателем и человеком, как и подобает фронтовику.

Вечер продолжался по накатанной колее. Но последствия его оказались скандальными. Первые шишки свалились на Петру Заднипру. При «разборе полётов» партийные власти поставили ему в вину, что он как председатель не дал отпора идеологически вредному высказыванию Окуджавы. Сделал вид, будто ничего особенного не произошло, что, безусловно, по их мнению, свидетельствовало об утрате партийной принципиальности.

Вслед улетевшему в Москву Булату Окуджаве полетела «телега» на него, адресованная начальству Союза писателей. В результате у Булата возникли новые неприятности — задержка рукописи в издательстве, помехи к публикации в периодике. Но Булат не жаловался на невзгоды. Как-никак, кровавые времена становились чуть-чуть более вегетарианскими.

* * *

В один из его приездов в Кишинёв славно мы сходили с Булатом в мастерскую молдавского художника-сатирика Глеба Саинчука, мастера выразительных шаржей, самобытных масок и вообще любимца творческой интеллигенции Молдовы.

Человек редкого чистосердечия и непосредственности, Глеб — куда бы ни направился — всегда имел при себе рисовальные принадлежности: листы плотной бумаги, фломастер, карандаш или уголёк. И везде рисовал, делал наброски — сидя в троллейбусе, в очереди за свежим хлебом, на премьере спектакля или на писательском форуме. Про Глеба друзья, шутя, говорили, что его пускают даже на закрытые партийные собрания, хотя он беспартийный. Вельможные партайгеноссе знали, что Глеб всё равно пропускает речи с трибуны мимо ушей — сидит себе и рисует.

В мастерской Глеба Саинчука, увешанной работами художника, Булат Окуджава с интересом разглядывал маски,

холсты, рисунки. Со смехом узнал он Жан-Поля Сартра, певицу Марию Биешу, поэта и режиссёра Эмиля Лотяну и многих других из, так сказать, общества ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты). В честь гостя Саинчук устроил маленький спектакль. Включил игривую, ироничную музыку, надел маску Андрея Лупана, шаржированными движениями и гротескными жестами стал изображать знаменитого поэта.

Потом сменил маску и создал другой образ. Потом третий. Сначала Булат улыбался, но через пару минут уже не мог сдерживать хохота. Казалось бы, какое может быть лицедейство, если исполнитель в маске? Ведь в соответствии с логикой, надо сорвать маску с модели, чтобы обнажить её истинное лицо. Но в том-то и парадокс, что Глеб Саинчук создавал образ, выявлял характер модели, как бы надевая на неё маску.

Общение с обаятельным молдавским художником доставило Булату большое удовольствие. Из мастерской Глеба мы пешком шли в гостиницу по ночному Кишинёву, говорили о талантливости Саинчука, о наших общих молдавских друзьях. Мне пришла в голову идея: а недурно было бы показать выступление Глеба с масками в популярной тогда передаче московского телевидения «Вокруг смеха». Окуджаве эта мысль пришлась по душе, тем более что ведущим передачи «Вокруг смеха» в ту пору был его близкий приятель — пародист Сан Саныч Иванов.

Примерно через неделю после возвращения Булата в Москву мне прибыло короткое деловое письмо от Александра Иванова: «Булат Окуджава рассказал мне о Глебе Саинчуке, — писал Сан Саныч. — Это может, на мой взгляд, быть полезным для передачи “Вокруг смеха”. Прошу Вас сообщить мне адрес и телефон художника. В свою очередь я порекомендую этот номер нашим редакторам. Заранее благодарен».

Понятное дело, я сообщил нужные данные. Глеба Саинчука пригласили в Москву, на центральное телевидение. Его выступление с масками прошло с большим успехом, способствовало всесоюзной известности художника из бессарабской глубинки. Во многом благодаря дружественности Булата Окуджавы.

* * *

Как-то оказавшись наедине с Булатом, я поинтересовался, как он ведёт нотную запись своих песен. Ответ был неожиданным:

— Я ведь даже нотной грамоты не знаю... — И добавил с присущей ему естественной, не показной скромностью: — Если бы меня в детстве учили музыке, из меня, пожалуй, мог бы выйти неплохой композитор. А так — подбираю на слух... Помогает мне в записи, оркестровке композитор Исаак Шварц. Мы с ним очень близки по духу, мы с ним — одной группы крови...

Творческое слияние этих двух талантов — поэта и композитора — было таким органическим, что порой их работы нечаянно путали. Скажем, песню Шварца «Ваше благородие, госпожа удача» приписывали Окуджаве, хотя ему в данном случае принадлежат только стихи. Но сам композитор потом говорил, что у него бы эта песня не написалась, не будь стихов Булата.

Своему преданному другу Исааку Шварцу Окуджава посвятил проникновенное стихотворение «Музыкант»:

Музыкант играл на скрипке — я в глаза его глядел.
Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел.
Я не то чтобы от скуки — я надеялся понять,
Как способны эти руки эти звуки извлекать...
Счастлив он, чей путь недолог, пальцы злы, смычок остёр,
Музыкант, соорудивший из души моей костёр.
А душа, уж это точно, ежели обожжена,
Справедливей, милосерднее и праведней она.

Жаль, Булат ушёл из жизни, не успев послушать итоговую работу композитора — обжигающую душу симфоническую поэму «Жёлтые звёзды», посвящённую памяти шведского дипломата Рауля Валленберга, который уже после Второй мировой войны погиб в сталинских застенках, как и отец Исаака Шварца в 1937 году, как и отец Булата Окуджавы в том же недоброй памяти году.

В русских сказках у богатырей встречается прозвище — Булат. В старину на Руси говорили: золото не ржавеет, шёлк не рвётся, булат не гнётся. Булат Окуджава не был несгибаемым богатырём. И не строил из себя героя. Он был человеком хрупким и нежным, естественным и отважным. И, конечно же, безупречно смелым, без рисовки — писателем. С виду строки его воздушно легки, просты, как вдох и выдох. И так же загадочны. По ним не сразу догадаешься, что сложить их мог только поэт-мыслитель, могучий интеллект, не тривиально размышляющий о своём времени, о своей стране и мире.

Казалось бы, немудрёный, почти детсадовский смешной призыв: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» Но эта песня помогала людям, особенно молодёжи, сплотиться, жить и выжить на закате красного деспотизма. И после краха империи зла не утратила силы своего воздействия, помогая противостоять наплывающим испытаниям и напастям.

Задушевные песни, негромкие стихи Булата Окуджавы, надеюсь, долго ещё будут согревать сердца новых поколений, словно их автор живёт и творит рядом с ними, в эти хрустальные, взрывчатые дни, а не высится бронзовым памятником на Арбате.

Строки и мелодии Булата взяли с собой в третье тысячелетие многие искренние ценители его творчества, живущие в разных уголках земли.

Анатолий БЕРШТЕЙН

СВИДАНИЕ С ОКУДЖАВОЙ

В 1978-м моя знакомая получила квартиру на первом этаже нового дома по адресу Безбожный переулок, дом 13. Получив от своего папы, директора чайной плантации в Грузии, очередную посылку с дарами Кавказа, она пригласила нас на вечеринку, приуроченную к новоселью. Выпив «хванчкары» и «тетры», заев мандаринами, чурчхелой и диковинными фейхоа, пахнущими земляникой и ананасом, мы стали играть на гитаре и петь песни, перемежая грузинские, еврейские, блатные и «Битлз». Кто-то запел: «Виноградную косточку в тёплую землю зарюю...». «Да, кстати, — сказала вдруг хозяйка, — а в моём подъезде Окуджава живёт». — «Да ну... Он же где-то на Арбате». — «Переехал». — «Не врёшь?» — «Точно», — и называет номер квартиры. «Ух ты...». «На каком, говоришь, этаже?» — спрашиваю я. «На шестом, по-моему. Хочешь зайти?» — «А что здесь такого?.. Вот пойду и приглашу его к нам в школу». (В то время мне — двадцать шесть лет, и я — классный руководитель десятого класса.)

Сказано — сделано: я встал, вышел из квартиры, сел в лифт, доехал до нужного этажа и позвонил в названный номер квартиры. Через минуту дверь открыли, на пороге стоял Окуджава.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, — ответил он.

— Булат Шалвович, уделите мне, пожалуйста, пять минут времени, — попросил я.

Он внимательно посмотрел на меня и после небольшой паузы сказал:

— Ну, если только пять минут...

Потом я сообразил: он впустил меня не потому, что был такой демократичный, скорее наоборот, и не потому, что поддал-

ся на моё неотразимое обаяние, — просто, увидев домашние тапочки, подумал, что я сосед.

Мы прошли в ближайшую к входной двери комнату, сели в зелёного цвета кресла, Окуджава закурил «Приму».

О чём мы говорили, точно не помню: главное — я пригласил его к нам в школу, и он согласился. К гордости своей только скажу, что пробыл у Окуджавы больше обещанных пяти минут. В какой-то момент в комнату вошла его жена.

— Вот, познакомьтесь: это А. А. — учитель, а это моя жена, Оля, — Окуджава нарочно подчеркнул моё отчество, назвав жену только по имени.

— Анатолий, — попытался поправить я.

— Нет, нет, — настаивал Окуджава, — вы учитель, вас положено по имени-отчеству. — Мне до сих пор кажется, что он немного издевался.

Через несколько месяцев Окуджава приехал к нам на встречу в школу. Потом он признался: если бы я настаивал, форсировал, названивал, назначал сроки, был бы нетерпелив, ничего бы не вышло. Но я выдержал испытание — ждал, и Окуджава приехал.

Атмосфера, как ни странно, была без ажиотажа, что меня даже злило: настолько «зажрались», что приезд Окуджавы воспринимают буднично. Но в зале, конечно, аншлаг: никого не нужно было загонять.

Мы договорились с Булатом Шалвовичем, что петь он не будет — только разговаривать. Он рассказал всякие интересные истории из жизни, чем-то похожие, как и все подобного рода, записанные на «внутренний магнитофон», не раз воспроизводимые, байки. Потом ответил на вопросы.

— *Почему вы ушли из школы, ведь вы проработали там учителем литературы шесть лет?*

— Я любил детей, любил литературу, любил её преподавать... Но не любил учительскую.

— *Вы недавно были в США. Что вы можете сказать об американской системе образования?*

— Американские школьники значительно меньше знают, чем наши. Но они значительно больше умеют. Там нет погони за экстенсивными знаниями, только то, что нужно для жизни. Там всё специализированно. Нет специалистов лучше, чем американцы. Американский профессор, условно буквы «А», знает о ней всё, но о букве «Б» он уже почти ничего не знает.

*На выступлении
в московской школе № 619,
1979 г.*

— *Как вы относитесь к литературной критике?*

— Очень хорошо: критик, зачастую, толкователь литературного произведения, проводник между писателем и читателем. Только она должна быть обязательно доброжелательной, критик должен любить писателя.

— *Даже таких, как Иван Шевцов?*

— Я же говорил о писателях. А так — есть такие ситуации, когда надо руки вязать.

Через часа полтора разговора кто-то, не выдержав, попросил:

— *Булат Шалвович, может быть, что-то споёте?*

— Вы знаете, мы договаривались с вашим учителем, что будет только беседа, а не концерт, поэтому я не взял гитару.

— *Вообще-то, мы взяли гитару. На всякий случай.*

— Ай-яй-яй... Так не честно. Рояль в кустах. Ну, давайте вашу гитару.

Он взял гитару, стал её настраивать, по ходу дела рассказывая, как учился играть, и как не научился до сих пор.

Эта дежурная история была как раз одна из тех, что была «записана на магнитофон».

Окуджава начал петь. Песни были совершенно новые, только что написанные. Мы были очень горды этим обстоятельством. Он спел о том, «как сочинял исторический роман», что-то ещё и помечтал о «друзьях в кабинетах». Как мы ни просили что-нибудь ещё — полноценного концерта не получилось.

Там же. Фото из архива автора

В следующий раз мы встретились через пару лет уже в другой школе, 351-й: Окуджава повторил кое-что из «записанных» историй, больше рассказывал о своей прозе, ничего так и не спел: это было время, когда он прекратил писать стихи и выступать с концертами.

Наконец, через год — уже в 1983-м — мы встретились ещё раз. Получилось так, что в нашей театральной студии, которая была создана ещё в школе, но потом, когда в ней задержались выпускники, превратилась в настоящий молодёжный театр, решили ставить спектакль «Монологи о войне» по стихам и прозе Окуджавы. Почти весь спектакль шёл под музыку Баха, Моцарта, Шуберта и Рахманинова. На один из первых прогонов мы пригласили автора.

Пикантность ситуации заключалась в том, что он только что вернулся из Ленинграда, где смотрел спектакль знаменитого тогда местного ТЮЗа, который так и назывался «Будь здоров, школяр». Отрывки из этой повести вошли и в наш сценарий.

Весь спектакль я не столько смотрел на сцену, сколько наблюдал за Окуджавой. Он тоже, казалось, на сцену не смотрел, а сидел почти весь спектакль, прикрыв лицо рукой.

После сказал:

— Я, конечно, не буду говорить, что ваш спектакль — верх театрального искусства, конечно, в Ленинграде поставили профессиональнее, да и актёры лучше подготовлены. Но зато у вас есть атмосфера, я вспомнил себя молодым и снова пережил то

время. Даже плакать захотелось. Может, это потому, что стихи читаются под такую замечательную музыку. Спасибо вам за это.

У нас не было причин сомневаться в его искренности, и мы были счастливы. Мой собственный «пир духа» продолжился и потом, когда Окуджава предложил подбросить меня к метро на своих «жигулях» (кажется, бордового цвета).

Мы немного отъехали, и я всё же спросил:

— Булат Шалвович, Вам на самом деле спектакль понравился или вы похвалили из деликатности, чтобы поддержать ребят, не обидеть?

— Нет, я сказал правду, — ответил Окуджава, — и по поводу атмосферы и моего эмоционального состояния. Хотя, конечно, не все актёры хорошо читали стихи.

— А почитайте сами, — набравшись смелости, попросил я. После небольшой паузы Окуджава остановил машину где-то в районе Измайловского парка и начал читать. Его интонация, акценты настолько отпечатались в памяти, что я смог практически аутентично передать их на следующей репетиции.

...Моя личная история с Окуджавой на этом не закончилась: я изредка позванивал, узнавал, когда будут его концерты или встречи с читателями. Как-то перед отпуском он предупредил меня, что осенью в трёх номерах в журнале «Дружба народов» выйдет его новый роман «Свидание с Бонапартом». Попросив заранее знакомого киоскёра оставить мне осенние номера, летом я уехал проводить свой огромный, на зависть всем остальным, учительский отпуск. Приехав в Москву, выясняю: «Свидание с Бонапартом» уже выходит в летних номерах. Я был раздосадован до такой степени, что решился позвонить Окуджаве.

— Булат Шалвович, Вы меня дезинформировали: обещали, что роман выйдет осенью, а он вот уже выходит. Меня же не было в Москве, в результате я остался без «Бонапарта».

— Приезжайте через месяц, я вам дам все номера, — несколько раздражённо сказал Окуджава.

Через месяц я снова явился в дом Булат Шалвовича. Такое впечатление, что раздражение его, не то на меня, не то вообще, не прошло. Не приглашая меня зайти, отбросив мешающуюся под ногами собачонку, он быстро зашёл в комнату с зелёными креслами и вынес оттуда переплетённый роман.

Я несколько мялся, потом решился:

— Булат Шалвович, может быть, подпишете?

— Нет, — коротко и без всяких сантиментов ответил он. — Это не книжка. Вот будет книжка, тогда подпишу. — Он торопился, явно желая поскорее от меня отделаться.

Это было моё последнее свидание с Окуджавой.

Кроме этой книги в оранжевом коленкоре и пары любительских снимков общего плана во время первой нашей встречи в школе, больше ничего осязаемого на память от наших встреч так и не осталось: ни совместных фотографий, ни книги с автографом. Неловко это было. Не принято. Даже не думалось особо в этом направлении.

Сейчас жалею.

Валерий ВРАДИЙ

ПОРТРЕТЫ СУДЬБЫ И СУДЬБА ПОРТРЕТОВ

С Окуджавой меня познакомила Юнна Мориц. Однажды, году в семьдесят седьмом — семьдесят восьмом, в кафе ЦДЛ я увидел её, сидящую с Булатом. Я подошёл к ним, и Юнна сказала, представив меня: «Вот, Булат, это молодой художник, он хочет с тобой познакомиться...» И мы познакомились. Долго разговаривали, выпили несколько чашек кофе, и я попросил разрешения порисовать его, сделать его портрет.

Он начал расспрашивать, почему я этого хочу. И рассказал историю — как оказалось, про моего хорошего знакомого, Юру Косаговского.

У меня на улице Грановского (сейчас ей вернули прежнее название — Романов переулок) в доме пять, где я жил в большой коммунальной квартире, собирались разные компании художников и будущих писателей. Юра у нас иногда пел «под Окуджаву», и видно было, что очень ему завидовал...

И вот выяснилось, что однажды он пришёл к Булату в Безбожный и принёс свои две картинки. Булат рассказал мне об этом так:

— Приходит ко мне художник. Говорит: «Здравствуйте! Я Юра Косаговский. Я бы хотел предложить вам две работы».

Булат ему:

— Ну, я же не коллекционер. Я картины не покупаю.

Косаговский:

— Нет-нет! Я настолько люблю ваше творчество, что эти работы я просто вам дарю.

Оставил и ушёл. Кстати, по теме эти его работы никакого отношения к Окуджаве не имели.

Где-то через неделю опять раздаётся звонок в дверь. Появляется Косаговский и говорит:

*Художник и модель.
Фото Л. Мелихова*

— Извините, я думал, думал, — передумал и решил забрать их обратно...

Вот такую историю услышал я тогда от Булата.

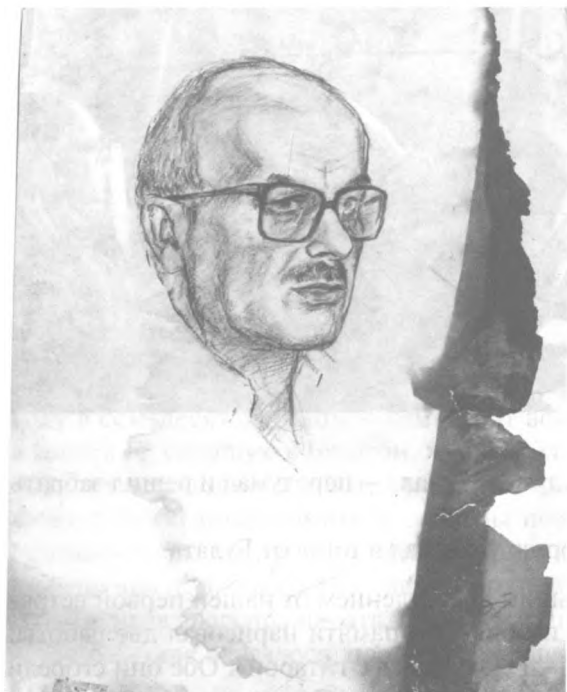
Я был под большим впечатлением от нашей первой встречи. Пришёл домой и ночью по памяти нарисовал две работы: «Кофе с Окуджавой» и «Окуджава с гитарой». Обе они сгорели вот в этой моей мастерской в 1995 году...

А тогда, в ЦДЛ, мы договорились, что Булат как-нибудь придет ко мне. И вот, когда появились эти первые две работы, я пригласил его к себе. Думал — навряд ли он придет: заматают, как всегда, разные дела... Но где-то через неделю он неожиданно позвонил и приехал. Приехал один, на «жигулях», — я ему показал, как машине въехать с улицы во двор. Посидели часа полтора или два, разговаривали...

Так у меня появилась возможность рисовать Окуджаву. В то время я и жил, и часто работал на Грановского. Там у меня было две комнаты; в одной, где был камин, я работал, и вот там-то он мне и позировал.

Стихов Булат при мне не читал — он у меня, скорее, отдыхал, как бы расслаблялся. Было такое ощущение, что он приезжал позировать просто чтобы спрятаться ото всех...

И не пел он у меня, хотя привозил с собой гитару. Показывал её и говорил, что у него нет какой-то своей постоянной гитары, что есть, мол, старая, но на выступления он, как правило, берёт какую-нибудь другую.

*Портрет с натуры
после пожара.
Бумага, карандаш,
65х50 см*

(Кстати, на его концертах я бывал только когда он выступал в Дубовом зале ЦДЛ. Это уже восьмидесятые годы. В основном там была писательская публика.)

...Говорили, конечно, много. Но чтобы у нас с ним были какие-то серьёзные разговоры об искусстве, литературе — такого не было. Было чисто человеческое общение. Шутили, смеялись над ерундой всякой. Но я жалею, что ничего не записал: сейчас уже трудно что-то вспомнить.

Запомнилось, например, как он говорил:

— Я вообще ничего не понимаю в искусстве. Я в живописи плохо разбираюсь.

С ним очень интересно было общаться. Он умел так неординарно подойти... Помню, говорили о Циолковском. У меня была картина «Циолковский» — тоже сгорела, к сожалению. Мы рассуждали об этой картине, и Булат говорит:

— У меня версия, что Циолковский ненавидел калужан и поэтому изобретал ракеты, чтобы улететь от них в космос.

Сеанс
в мастерской
на Грановского.
Фото
Л. Мелихова

Говорили и о том, что как учитель Циолковский был там, можно сказать, совсем не нужен. Как, кстати, и сам Окуджава. Потому что оба были очень странные люди, чудаки какие-то...

Вообще-то Булат гармонично относился к людям. И ему было неважно — министр ты, или дворник, или Хрущёв, с которым он встречался у него на даче, когда того уже отправили на пенсию. Снимок он мне показывал: на дорожке стоит Хрущёв в плаще и Булат рядом, — это фото висело в квартире в Безбожном, там, где книги, слева от входа. Окуджава Хрущёву, когда тот был уже не у власти, всё простил и нормально к нему относился.

...На Грановского Булат был у меня четыре или пять раз, часа по два — по три. Бывал он и в другой моей мастерской — на Крымском валу. Мы и там о многом беседовали. И там, кстати, я заканчивал работу над портретом «Посвящение Булату».

Когда я рисовал Булата, сеансы не были продолжительными, — я рисую сразу. Он пришёл — и я за один сеанс сделал с него рисунок, который так и остался единственным портретом с натуры. На этом первом портрете Булат Шалвович в очках... Слава Богу, что тогда не было никаких мобильных, никто не отвлекал. А мой товарищ Лев Мелихов даже сделал тогда несколько фотоснимков, — они сохранились.

И потом уже я использовал этот рисунок в работе. Изобразил Булата сидящим в кресле. Потом стал писать маслом на большом холсте: Окуджава сидит на фоне окна, а за окном вид на Кремль. Булат увидел — и удивился, что сидит человек, похожий на него, — не мог он себя представить таким, как на этой

*В мастерской
на Крымском валу.
Фото В. Никитина*

картине. Но ему нравилось, что на холсте получился его привычный жест — как он делает рукой всегда, когда ему вроде бы трудно дышать. И в общем всё это совпадало с его музыкой, с его песнями, — так это всё получалось.

Булату Шалвовичу нравилась улица Грановского. Нравилось бывать в моей квартире. Нравился ему этот дом, этот старый двор, камин в комнате, интерьеры. Он приезжал иногда просто в гости. Например, узнав, что я еду в Париж, он приехал рассказать, как весело и с пользой провести там время. Мы с ним обсуждали, что такое этот город. Булат мне рассказывал, как и где он бывал там, какие магазины посещал. Он любил гулять по Парижу и заходить в разные сомнительные места. Рассказывал, как перед Новым годом, возвращаясь из Парижа, купил там полтора метра колбасы, огромную «палку», украшенную лентами с бантиком сверху. Таможенники придрались, что нельзя, мол, провозить пищевые продукты. И он им сказал, что это не колбаса, а «мужской символ». Он любил всякие такие «штучки».

Я стеснялся отвлекать его, очень занятого работой человека. Поэтому приглашал его только в такие моменты, когда было что показать, хотя бы частично законченное, — чтобы они с Ольгой посмотрели. Иногда и они меня приглашали к себе. За чаем мы сидели у него на большом балконе, а в квартире постоянно раздавались телефонные звонки...

Портрет, висящий в квартире Окуджавы, я делал не с натуры. Делал уже потом, по своим рисункам, по эскизам. Замыслил такую композицию, где мне и нужно было, чтобы он сидел

*В московском
кабинете Окуджавы.
На заднем плане — картина
«Булат в шестидесятых»;
холст, уголь, 110х70 см.
Фото А. Бойцова*

в кресле. На портрете этом Булат в кожаной куртке и в рубашке с открытым воротом. Рисунок сделан углём. Я много ночей работал над ним, а отснять его не успел...

Когда рисунок был готов, я пригласил Булата, и он приехал вместе с Ольгой. Они смотрели и долго молчали. Ольга вдруг говорит: «Да, он здесь такой же, как был в молодости...». Получилось, будто я его нарисовал с натуры двадцать лет назад. А это был восемьдесят первый год. Увидев, что им работа понравилась, я им её подарил. Они решили немедленно забрать именно этот портрет, чтобы я его, как они сказали, «не испортил». Портрет, который я до этого сделал с натуры, не взяли, а выбрали именно этот, — а были ведь ещё две картины... И они его повесили у себя.

В восьмидесятых я бывал у Окуджавы в Безбожном. Знаю, что в квартире на стенах висели разные картины. Помню, что были полотна Бориса Биргера, Юрия Васильева, которые Окуджава, скорее всего, не покупал, — видимо, их дарили. По правой стене комнаты висели четыре работы, а по левой, помню, моя висела, а что ещё — не знаю.

А картина «Посвящение Булату», увы, сгорела. Осталась лишь её небольшая фотография. Удивительный этот человек вечно курил «Приму» — крепкие, без фильтра, сигареты («Житан», наверное, он стал курить позже). И вот даже на этой моей

*Утраченный портрет
«Посвящение Булату»;
холст, масло, 200х150 см.
С сохранившейся фотографии*

картине на столике рядом с Окуджавой лежит пачка «Примы». Мне не хотелось его рисовать с гитарой, — и она там стоит сбоку.

На той же картине — вид во двор из окна моей комнаты на улице Грановского. Дальше там известный Дом правительства. Если идти к нему от улицы Герцена (ныне Большой Никитской), то первое большое серое здание — это дом управляющего графа Шереметьева. Там огромная арка ведёт во двор. Вот в этом доме я и жил. А дальше доходные дома графа Шереметьева, красные такие дома. Из окон нашей кухни я мог видеть комнату Будённого в Доме правительства, стол его письменный.

А напротив этого дома был распределитель, где им колбасу перед Новым годом раздавали. Об этом было много разных историй. Продукты из распределителя, которые там оставались, передавались на распродажу в соседний «Военторг», чтобы не испортились... Я иногда покупал отбивные в «Военторге» и видел, что продавцы что-то с них снимали. Мне один раз попалась отбивная с наклейкой, на которой было написано: «Срок реализации четыре часа». И время проставлено. Там и вино было болгарское...

Помню ещё вот такой момент — под Новый год, числа тридцатого декабря, кажется, примерно год семьдесят девятый. Мороз. Зима. Голодно так было. А у распределителя вереница чёрных машин возле тротуара. Шофёры машин в распредели-

*Окуджава позирует.
Фото Л. Мелихова*

тель попасть не могли, внутрь заходили только сами замминистры или какие-нибудь члены... Они выносили огромные такие коробки, а водители их складывали в машины. И вот я шёл в «Военторг» (а может быть, уже шёл обратно) купить какую-нибудь еду. Что-то в багажник бросили, «Волга» отъезжает, гляжу — что-то выпало и катится мне под ноги. И я вижу, что это батон колбасы копчёной — абсолютно недоступный в те времена деликатес. Смотрю — они уже уехали. Думаю: «Да ну их...» — и поднял его...

А у нас тогда были прекрасные встречи Нового года. Я в то время пробовал писать роман, и там были такие строки: «На улице Грановского, в доме номер пять, жизнь была настолько прекрасна и удивительна, что никто не хотел умирать...»

В 1995 году в моей мастерской — здесь, рядом с Третьяковской галереей, случился пожар. Дома в этом районе определили под снос, хотели строить подземный гараж. И дом, видимо, подожгли. У меня сгорело две тысячи работ, все архивы, вся библиотека, рояль, — всё до нуля. А к тому времени у меня уже было около трёх с половиной тысяч работ...

Сгорели и книги с автографами Булата Шалвовича, которые он мне дарил. Помню, что первым из подаренных было «Путешествие дилетантов». Потом он дарил и другие книги, их

было пять или шесть. Пластинки, которые он дарил, тоже погибли в огне. Сгорело всё. Но на второй день после пожара вдруг обрушилась стена кладовой, и из глубины прогоревшего и залитого водой пола между балками выплыло несколько обгоревших картин. В их числе портрет Катаева, портрет Окуджавы и ещё сто пастелей.

Всего, конечно, сейчас не вспомнить. Очень меня вышибло этим пожаром. Я ведь писал кое-что, но рукописи все тоже сгорели.

Почти семь лет я восстанавливал заново свою мастерскую.

А жизнь на улице Грановского не забыть. Бывало, как на угол выйдешь, обязательно то ли Андропова встретишь, который туда приезжал в спецбольницу, то ли ещё кого-либо из членов политбюро. Помню, однажды мне нужно было нести взятку начальнику ЖЭКа. Выхожу, а навстречу Андропов. Ну, думаю, это не к добру...

В перестройку и после пожара мы с Окуджавой уже не встречались. Говорить ему, что его портрет сгорел, мне не хотелось. Полагал, что вот восстановлю, что-то сделаю, потом, когда будет что показывать, приглашу...

Когда Булата не стало, меня в Москве не было. Я находился в Швеции. Но и туда эта весть долетела.

После его смерти я решил подарить уцелевший его портрет фонду Окуджавы и на мемориальном вечере в Политехническом музее это сделал.

Мне не очень понравилась обстановка в Переделкинском музее, когда в те годы я там побывал. Всё как бы временно — всё на кнопках, участок вытоптан, проходят какие-то фестивали... Это не музей.

И памятник, который открыт на Арбате, мне совершенно не нравится, он кажется мне просто жутким: какой-то неизвестный человек «даёт камаринского»... И скорость, с какой всё это было сделано... Куда спешить было? Думать надо было. В скульптуре должна быть вечность. Памятник ведь ставится не на год и не на два. Вообще у нас беда со скульптурой, потому что делают в основном надгробные памятники с фотографий. Я противник всего этого. И так весь Арбат загажен... Впрочем, как получилось, так получилось.

А эти конкурсы каких-то молодых бардов, посвящённые Окуджаве, — это просто смешно. Нужны ли десятки этих ма-

леньких окуджав, похожих на Окуджаву? Был Врубель — и появляются какие-то врубелята... Мне кажется, должно быть так: есть титан — и остальное всё отбрасывается, остаются только самостоятельные острова, айсберги.

Окуджава был, если можно так сказать, живописцем слова. Каждой своей фразой он рисовал в стихах зрительные образы, которые гораздо лучше, чем нарисованные. Его фразы выстроены образно и точно по свету, по тени, — в них есть и тень, но есть и свет. Вроде простейшие слова, но найдены в таком обороте, что они греют. У него тёплое искусство. Мне очень нравится его посвящение женщине: «Тьмою здесь всё занавешено...». Очень по интерьеру напоминает обстановку у меня на Грановского. Может быть, поэтому он любил там бывать...

Я до сих пор обращаюсь к тому, как бы я написал его, как хочу написать. Вижу его задыхающееся тело, его внутренние мучения, с которыми ему всё давалось. Это ведь совсем другое. Это не имеет никакого отношения к поверхностным наблюдениям. Это дар Божий, какой-то особый — в любом его слове, в любом выражении...

Записал Виктор ЮРОВСКИЙ

«ЕРУНДОВСКИЕ СТИШКИ» *Несколько ранних рецензий*

О творчестве Булата Окуджавы написаны тома, довольно обстоятельно исследующие все ипостаси его творчества. Чем же примечательны тексты, предлагаемые сегодня читателю? Главным образом тем, что это — практически самые первые отклики на творчество никому тогда ещё не известного поэта, которые писались без оглядки на заслуги писателя, а главное — без оглядки (за исключением последней рецензии, помещённой в конце подборки) на его песни, которых тогда никто ещё не знал.

Три из четырёх документов относятся к пока мало изученному и, на наш взгляд, не до конца оцененному калужскому периоду жизни поэта.

Первой в нашей подборке помещена редакционная (без подписи) заметка из газеты «Молодой ленинец», которая, строго говоря, никакой рецензией не является и публикуется нами для того, чтобы обозначить проблему, которая, возможно, когда-нибудь разрешится. Дело в том, что в заметке речь идёт о до сих пор не найденной поэме молодого поэта.

Следующий документ — это рукописные заметки известного калужского краеведа С. И. Самойловича (1891–1974), одного из первых биографов К. Э. Циолковского, автора книги о нём «Гражданин вселенной». Сергей Иванович Самойлович вырезал литературные страницы из калужских газет, вклеивал их в ученическую тетрадь и сопровождал своими комментариями. Мы приводим здесь с сокращениями два из них. Один назван автором «Маленькие замечания» и посвящён публикациям газеты «Молодой ленинец» от 1 июля 1955 года. Там публиковались по одному стихотворению калужан В. Стожарова, Б. Окуджавы, В. Константинова, Б. Обновленского и рассказ М. Кучеровой. В своих заметках Самойлович уделил внимание буквально по одной строчке стихам Стожарова и Константинова, но более пристально разобрал стихи Окуджавы и рассказ Кучеровой. Второй комментарий Самойловича написан через полтора месяца и относится к той же газете от 14 августа, где помещены, среди прочего, стихи Б. Окуджавы «В лесу». Естественно, для публикации мы выбрали только то, что касается нашего персонажа.

И лишь третий текст представляет собой действительно рецензию — первую на первую же книгу поэта «Лирика»¹. Автор рецензии Павел Ва-

¹ Окуджавы Б. Лирика. Калуга, 1956.

сильевич Шпилёв, профессиональный строитель и стихотворец-любител, в то время ещё не сделал окончательного выбора в пользу той или иной профессии. Но все, знавшие его и работавшие с ним в газете «Молодой ленинец», с кем нам доводилось говорить, неизменно называли его большим поэтом. К сожалению, в конце концов, Павел Шпилёв оставил поэзию. Николай Панченко, в то время бывший редактором «Молодого ленинца», считал его талант равным (если не больше) окуджавскому. Примерно так же поэтический дар рецензента оценивает старейший из живущих сегодня сотрудников газеты К. М. Афанасьев.

И, наконец, последним публикуется отзыв, из которого нами и взят заголовок этой публикации. Принадлежит он московскому критику и литературоведу Семёну Владимировичу Евгенову (1897–1973). Эта машинописная (первый экземпляр!) страничка хранится в фонде автора в РГАЛИ, и назначение её нам не известно. Одно можно утверждать с уверенностью — писался этот текст не для печати. Ведь там говорится, что поэта посадили на «голодный паёк», а в Советском Союзе, «оплоте свободы и демократии», говорить вслух о каких-либо запретах было не принято. Может быть, это — дневниковая запись или неотправленное письмо? Возможно, — не будем гадать. Заметим лишь, что эти заметки неожиданно заканчиваются припиской (вероятно, более поздней). На мысль о том, что дополнение было сделано позже, наталкивает тот факт, что по сути своей доброжелательные заметки неожиданно заканчиваются уничижительной оценкой творчества разбираемого писателя. Однако, вполне возможно, что С. Евгенов собирался дописать свои заметки и, чтобы не забыть, хлёстко обозначил главное...

ОБСУЖДЕНИЕ НОВОЙ ПОЭМЫ²

Областное литобъединение обсудило новую поэму Б. Окуджава «Беспокойный человек».

Герой поэмы — беспокойный, ищущий советский человек, участник гражданской войны, строитель новой социалистической жизни.

Своеобразное по форме и интересное по содержанию произведение вызвало оживлённую дискуссию участников обсуждения.

Критически отнёсся к поэме М. Травкин, заявив, что главный герой схематичен, и упрекнув автора поэмы в излишней и не совсем удачной подражательности В. Маяковскому. Тт. Преображенская и Ивакин положительно оценили поэму в целом, сделав, однако, ряд существенных замечаний. При обсуждении выступили также М. Кучерова, Д. Сачков, М. Просви́рнов, Н. Панченко и А. Авдонин. Последний считает возможным опубликовать поэму при условии некоторой доработки её.

Выступивший в заключение Б. Окуджава признал справедливыми и правильными многие критические замечания о поэме и сказал, что продолжит работу над произведением.

Обсуждение поэмы «Беспокойный человек» показало глубокую заинтересованность членов литобъединения в творчестве молодого поэта и свидетельствует о несомненной пользе товарищеских дискуссий по вопросам литературного творчества.

С. И. САМОЙЛОВИЧ³

МАЛЕНЬКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

<...>

Интересное нововведение, широко известное народному творчеству, даёт Б. Окуджава. Это — повторы:

И было как-то не до слёз,
Всё время было не до слёз...⁴

² Молодой ленинец. Калуга, 1954. 24 дек.

³ Публикуется впервые. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-560. Оп. 2. Ед. хр. 144.

⁴ Речь идёт о стихотворении «Вдова». Ср. в газетной публикации (курсив наш): <...> Под скрип сапог, под стук колёс // Война её водила, // И было как-то не до слёз, // *Всё время было не до слёз*, // Не до раздумий было. // Лежит в шкапушке медальон // Убитого солдата. // И снял шинели батальон, // *Давно в гражданке батальон*, // Где он служил когда-то...» — и т. д. В сборнике «Лирика»

Эти повторы усиливают мысль, её выразительность. Повторами пользовались и раньше поэты нашей литературы, но это было случайностью, а не в системе. Различают звуковые повторы, например: «Где *выл*, крутятся, сердитый *вал*» (А. Пушкин). Могут быть и повторы слов, например: «Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами» (В. Князев). Самым интересным видом повторов является повторение фраз, однородных синтаксических оборотов. М. Ю. Лермонтов, в своём «Демоне», например, пишет:

Клянусь я первым днём творенья,
Клянусь его последним днём,
Клянусь позором преступления
И вечной правды торжеством...

Конечно, гораздо интереснее, если повтор заключается не в повторении одного и того же синтаксического оборота, а однородного, выраженного другими словами, но подчёркивающими и усиливающими одну и ту же мысль. Поэтому, повтор — «Не верят вдовы в смерть мужей, Не могут верить в смерть мужей» в стилистическом отношении более интересный приём, чем повтор — «Всем не вернувшимся с войны, всем не вернувшимся с войны».

Для поэзии стихотворной формы немного тяжёлым является повтор:

И снял шинели батальон,
Давно в гражданке батальон...

Надо усилить своё внимание, чтобы понять, что скрывается в этом повторе. Вся беда в слове «в гражданке», понимаемом, очевидно, в гражданском платье. До сих пор под «гражданкой» мы разумели «гражданку» и «гражданку» — русский гражданский шрифт, введённый при Петре I.

Совсем нехорошо по ритму и рифме строчки:

Их взгляду нет *границы*...
Что голова *кружится*...

<...>

3—4.07.55

из подобных повторов остались лишь два: в первом и пятом четверостишиях. Возможно, среди прочего, именно повторами не нравилось то же стихотворение другому рецензенту — П. Шпилёву (см. ниже), — и в книге Булат Окуджава, друживший со Шпилёвым и прислушивавшийся к его мнению, большинство из них убрал. (В итоговой книге «Стихотворения» из серии «Новая библиотека поэта» /СПб., 2001/ комментатор В. Сажин на эти разночтения не указывает.)

ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ РАСТУТ

Из стихов наиболее сильное впечатление производят «Рассвет» В. Стожарова и «В лесу» Б. Окуджавы.

<...>

Б. Окуджава хорошо написал стихотворение, но оно дышит личным чувством: очутившись в лесу один на один со своими думами, он сначала радуется своему одиночеству, а потом затосковав по ней, потянулся домой, и ему кажется, что это она тянет его.

Словно кто-то тянет к дому...
 Не её ли то рука?

 Словно смотрит в сердце кто-то...
 Не её ли то глаза?
 Не она ли тропку эту
 Вслед послала за тобой,
 Чтоб с любых краин света
 Воротить тебя домой?

Превращать же это личное чувство автора до широких социальных обобщений и утверждать, что родина-мать тянет его домой «с любых краин света», с самых отдалённых уголков лесных трущоб за границы нет никаких для этого данных: это значит, всё стихотворение надо понимать символично.

Для выражения лирических настроений не совсем удобны такие фразы: «поглядишь со стороны», «но едва шагнёшь ногою», — они просто грубоваты. Но зато большой поэзией дышит строка:

И тропа, с травой слившись,
 Сквозь лесные рубежи,
 Осторожно и неслышно,
 Как живая, пробежит.

15.08.55

П. ШПИЛЁВ⁵

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Первый сборник стихов Булата Окуджавы выглядит весьма скромно — небольшая, тоненькая книжечка в простой бумажной обложке едва ли привлечёт внимание любителей изящных изданий. Но дело не в этом!

⁵ Впервые: Молодой ленинец. 1956. 22 июля.

Читая сборник, с каждым стихотворением убеждаешься, что в нашу литературу вступил поэт с большими и обнадеживающими творческими задатками. Стихи Булата Окуджавы подкупают своей простотой, искренностью и выразительностью. В сборнике нет ни одного стихотворения, написанного не от души, рассчитанного лишь на «актуальность» темы.

Биография Булата Окуджавы — это биография поколения, биография безусых мальчишек, в годы войны ушедших на фронт.

По законам людским, по статьям стародавним
Я не буду к фаланге героев причислен.
Слишком мало побед, слишком мало страданий
В послужном моём списке коротком и чистом.
Ничего необычного не случилось со мною —
Всё такое простое, всё настолько земное...

Поэт, правда, излишне скромен — его поколение испытало горечь поражений, вынесло много страданий, но выстояло, выдюжило и вместе со всем народом познало радости победы.

Настоящий поэт пишет только о том, что сам пережил и выстрадал. Не случайно поэтому в сборнике значительное место отведено стихам о минувшей войне. Отголоски этой темы слышатся чуть ли не во всех стихотворениях сборника. Но Б. Окуджава не повторяет сказанного до него — он находит своё, самобытное, только ему свойственное решение этой темы.

Например, в одном стихотворении он пишет:

Безногие люди сидят на скамье,
они не хотят говорить о войне,
лишь вслед мне упрямо и долго глядят:
«Откуда такой невредимый солдат?»
И молча грустят
и вздыхают незло:
«Здорово мальчику
повезло...»
(«Ночь после войны»).

Да, мальчику повезло — он остался жив, но он вернулся с войны уже не мальчиком. Этот мальчик пережил свою юность в окопах, у него не было первой любви, не было назначенных встреч и свиданий. От романтики не осталось и следа. Так стоит ли упрекать Булата Окуджаву в том, что ему немножко грустно? Нам кажется, что мы не имеем на это права.

В лирике Б. Окуджавы нет фальши и сюсюканья. Такие стихотворения сборника, как «Сердце скажет...», «Посредник», «Здравствуй, маленький», надолго остаются в памяти.

К недостаткам того или иного поэта иногда относят то, что у него нет стихов о пуске новых домен, строительстве новых электростанций и т. д., забывая обычно о том, что и домны, и электростанции — всё это — дело рук человека. Читателю нужны стихи не о производственных процессах (об этом лучше писать не в стихах), а о человеке, с глубоким показом его внутреннего мира, его связей с жизнью, его чувств и стремлений. Именно к таким стихам и относятся стихотворения сборника «Апрель», «В лесу», «Шла девушка тропинкою лесной...» и многие другие. Конечно, тематика стихов Б. Окуджавы сравнительно узка, но об этом разговор ниже.

В поэме «Весна в октябре», посвящённой всемирно известному учёному калужанину К. Э. Циолковскому, поэт также не пошёл по проторенной дорожке. Полностью отказавшись от бытоописательства, от слепого и бесстрастного фиксирования внешних черт своего героя, Б. Окуджава создал действительно рельефный и динамичный образ учёного-самоучки, выстоявшего в борьбе со всеми тёмными силами царской России.

...Ему приходилось
Труднее с годами,
Но боль и усталость
Упрямо осиливая,
Учёный мечтал,
Как о радостном самом,
О счастье твоём,
Россия, Россия!

И это счастье пришло — его принесли с собой люди, совершившие Октябрьскую революцию.

...В дырявых лаптях,
В обожжённых шинелях,
Крещённые пулей,
Покрытые пылью...
Но можно ли было
Нежней и сильнее
Любить,
Чем они
свою землю любили?

Именно к этим людям пришёл Циолковский «Как будто к юности обретённой». И он не ошибся — он был нужен этим людям. Поэма «Весна в октябре» завершает сборник Б. Окуджавы.

Оценив всё то положительное, что есть в сборнике, хочется сказать несколько слов о недостатках, но отнюдь не потому,

что о них следует обязательно говорить в конце по неизвестно когда установившейся традиции.

Дело не в традициях — просто хочется предостеречь молодого поэта от чрезмерного увлечения ложной красотой и вычурностью образов, от нетребовательного отношения к слову.

Всем этим, хотя и в разной мере, страдают стихотворения «Здравствуй, жизнь!», «Возвращение», «Вдова», «Письма» и некоторые другие.

Слишком трудно воспринимаются, например, такие неточные образы, как: «словно непогодою осенней, обнимали робкие соседи» и «но твердят назойливо соседи, будто бы опутывают сеть» из стихотворения «Здравствуй, жизнь!»

К счастью, подобных строчек в сборнике мало, и их можно было легко устранить при редактировании.

Хочется дать Б. Окуджаве и ещё один совет. Чтобы интересно и широко писать о судьбах своего поколения, поэту необходимо самому создавать свою биографию и уже от неё идти в работе на более высокую ступень. Домыслить, «дочувствовать» в кабинете то, что не осмыслено в жизни, очень трудно, а подчас и невозможно. А послевоенная жизнь одногодков поэта, хотя и не прошла для него стороной, но глубоко им не прочувствована, не пережита во всём её волнующем многообразии. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что тематика сборника крайне узка.

Булат Окуджава поэт молодой не только по своим произведениям, а и по возрасту. Ему особенно важно сейчас не успокаиваться на достигнутом, а постоянно совершенствовать своё мастерство с тем, чтобы вторая книга его стихов была не хуже, а значительно лучше первой.

С. В. ЕВГЕНОВ⁶

...

Б. ОКУДЖАВА — ОДНА ИЗ ЛЮБОПЫТНЕЙШИХ ФИГУР НАШЕГО ПОЭТИЧЕСКОГО «ФРОНТА» НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ. Участник Великой Отечественной войны, фронтовик, коммунист, он работал в «Литературной газете», чуть ли не был заве-

⁶ Публикуется впервые. РГАЛИ. Ф. 3114. Оп. 1 Ед. хр. 33. Л. 1. К тексту приложена машинопись текстов песен (Там же. Л. 2–3; см. ил.). Текст «Последнего троллейбуса» снабжён рукописным комментарием С. Евгенова: «Эта песенка в исполнении автора включена в кинокартину “Цепная реакция”, <снятую> по нелепому сценарию Л. Шейнина; это лучшее, что есть в картине».

В. Окунькова.

2

БУМАЖНЫЙ СОЛДАТ

Один солдат на свете жил
Красивый и отважный,
но он игрушкой детской был —
он был солдат бумажный.

Он переделал мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
но над кроваткой все висел —
он был солдат бумажный.

Он был бы рад — в огонь и в дым,
за нас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним —
он был солдат бумажный.

Не доверяли вы ему
своих секретов важных...
А почему?
А потому,
что был солдат бумажный.

А он, судьбу свою кляня,
не тихой жизни захотел
и все просил: "Огонь! Огонь!..."
забыл, что он бумажный.

В огонь? Ну что ж. Иди. Идешь?
И он шагнул однажды.
И там сгорел он ни за грош —
он был солдат бумажный.

Ах, много лет уже тому.
Но вот какое дело!
тепло-тепло в моем дому,
как будто печь горела.

ГОЛУБОЙ ШАРИК

Девочка плачет:
Шарик улетел.
Ее утешают,
а шарик летит.

Девушка плачет:
жених на войне.
Ее утешают,
а шарик летит.

Женщина плачет:
муж ушел к другой.
Ее утешают,
а шарик летит.

Плачет старушка:
Мало пожила.
А шарик вернулся...
А он — голубой.

ПЕСНЯ О СОЛДАТСКИХ САПОГАХ

Вы слышите: грохочут сапоги,
и птицы ошалелые летят,
и женщины глядят из-под руки...
Вы поняли, куда они глядят?

Вы слышите: грохочет барабан!
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней...
Уходит взвод — в туман, туман, туман,
а прошлое ясной, ясной, ясной.

А где же наше мужество, солдат,
когда мы возвращаемся назад?
Его, должно быть, женщины крадут
и как птенца за пазуху кладут.

А где же наши женщины, дружок,
когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
да в доме том все тронуты огнем.

А мы рукой на прошлое: "Вранье!"
А мы с надеждой в будущее: "Свет!"
Чтоб не гуляло полем воронье...
Чтобы война не грохотала вслед...

Чтоб снова не стучали сапоги,
по мостовой по пыльной городской,
чтоб милым не глядеть из-под руки
в ватники наши круглые с тоской.

АПРЕЛЬ

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
— Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одиноким, одиноким?

И на коня в конец апреля путь держу я
Стали звезды и крупнее и добрее...
— Мама, мама, это я дежурю,
я — дежурный по апрелю.

А Р Б А Т

Ты течешь как река. Странное название!
И прозрачен асфальт как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое призвание,
ты и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои — люди не великие,
каблуками стучат — по делам спешат...
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей я роду не наделюсь,
сорок тысяч других мостовых любя...
Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество,
никогда до конца не пройди тебя.

ПОСЛЕДНИЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Когда мне не в мочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу
в последний, в случайный.

Последний троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в яблuku полночь
твои пассажиры — матросы твои —
приходят на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье, в молчанье!

Последний троллейбус плывет по Москве,
в рассвет мостовая стекает,
и боль, что скворчком стучала в виске,
стихает, стихает.

ПЕСЕНКА О ЛЕНЬКЕ КОРОЛЕВЕ

Во дворе, где каждый вечер все играла радиолa,
где парн танцевали, пляли,
ребята уважали очень Леньку Королеву
и присвоили ему званье короля.

Был Король, как король, всемогущ. И если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку и спасет.

Но однажды, когда мессершмитты как вороны
разорвали на рассвете тишину,
наш Король, как король, он кепчонку как корону
набекрень... и пошел на войну.

Вновь играет радиолa, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь...
Потому, что тот Король был один, уж извините,
королевой не успел обзавестись.

Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так потудить),
все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
короля повстречам опять.

Потому, что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Леньки сырая земля...
Потому что, виноват, но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля.

1/ Эта песенка в исполнении автора включена в кинокартину
"Утренняя планета", по сценарию Евгения А. Шейнмана; это звучит, что
лучше в картине.

дующим отделом поэзии. Во всяком случае, печатался там и был неременнейшим участником всех читательских конференций газеты, — как оказалось потом — главной их приманкой. Свои стихи-песенки Б. Окуджава сам перелагал на музыку и исполнял под гитару. Популярность его, особенно среди молодёжи, необычайно возросла. На вечера Окуджавы собирались такие толпы, что зрительные залы трещали. Допустить такое нашли невозможным: народ должен увлекаться не тем, что ему нравится, а тем, что ему рекомендуется, что его воспитывает и направляет по стезе благоразумия. Короче говоря, просвещённые вышестоящие товарищи, понаторевшие в период «культа личности» в хватании людей за ляжки и более чувствительные места, сочли за благо для народа «запретить Окуджаву». Творчество его было объявлено упадочным и пошлым. Кроме того, было найдено недопустимым, что поэт «поёт себя под гитару», — как будто не делали этого Дельвиг, Аполлон Григорьев! Как будто не «поёт себя» А. Софронов! Как будто в нашей стране по всем городам и весям, с эстрад концертов, по радио и т. д. не исполняются пошлейшие вещи, в сравнении с которыми опусы Окуджавы — идеологическое совершенство. Окуджава запрещён, и Окуджава живёт, распространённый его поклонниками в тысячах километрах магнитофонных плёнок. Самое удивительное, что распространитель песенок, признанных зловернейшими, продолжает оставаться членом партии и только посажен на голодный паёк, его не печатают, не выпускают в концертах. Из «Литературной газеты», которая ряд лет рекламировалась при его помощи, он, конечно, изгнан...

[Дописка от руки:] (Стишки-то, конечно, ерундовские, но запрет им создал только рекламу.)

Публикация и предисловие Марата ГИЗАТУЛИНА

ПИСЬМА ИЗ ФОНДОВ РГАЛИ (1959–1995)

В этой подборке — ещё пятнадцать неизвестных писем и телеграмм поэта. Это послания разного характера: служебного, делового, поздравительного, личного. Их объединяет то, что все они находятся на хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства (бывшем ЦГАЛИ).

I.

24 октября 1959 г. А. Г. Савельеву¹

Уважаемый товарищ Савельев!

Мы знаем Вас как способного прозаика по роману о Болотникове².

Но повесть в стихах о Спартаке³ Вам не удалась.

По содержанию она мало что прибавляет к известным художественным произведениям о Спартаке, которые Вы и сами перечисляете в своём письме.

Что же касается стихов, то они очень несовершенны, не квалифицированы, не отвечают самому принципу поэтической речи — они не образны.

Обширная рукопись Ваша содержит около семи тысяч ритмически однообразных, чисто описательных строк, вроде:

¹ Савельев Александр Гаврилович (1907–1974) — прозаик, член СП с 1962 г.; автор повестей и пьес «Сын крестьянский», «Гнев народный», «Родные берега», «Родной завод» и под. Авт. машинопись. Ф. 1814. Оп. 9. Ед.хр. 2677. Л. 1. Правленая машинопись, автограф. В данный личный архив письмо, вероятно, попало вместе с жалобой Савельева К. М. Симонову как секретарю правления Союза писателей СССР (1954–1959, 1967–1979) или члену редколлегии «Литературной газеты»; точнее выяснить не представляется возможным в связи с закрытием наследниками материалов фонда К. М. Симонова, где имеется его переписка с Савельевым.

² Савельев А. Г. Сын крестьянский: Повествование [об Иване Болотникове]. М.: Воениздат, 1956; переиздана в 1967-м.

³ Данных о публикации не имеется.

Дворцы есть в Риме стилей разных;
Но также там лачужек тьма;
Стоят вдоль улиц узких, грязных
Многоэтажные дома.

Владельцы их сдают охотно.
Там серость⁴, грязь и темнота.
Набиты всюду очень плотно
Рабы, плебеи — беднота.

Эти строки взяты без выбора, с первой попавшейся страницы. Можно было бы привести и любые другие, потому что так написана вся повесть.

Но эти монотонные строки не только не делают Ваше повествование выразительным, но, напротив, — мешают читателю воспринять содержание.

Очень жаль, что Вы потратили на эту работу столько сил и времени. Но, мы думаем, она с самого начала была обречена на неудачу. Повесть в стихах жанр очень сложный. Даже опытные мастера редко успешно справляются с ним. Да и самый материал Вашего произведения не обуславливал стихотворной формы. Видимо, ошибка зарыта в самом замысле.

С приветом.

Отдел поэзии «Литературной газеты»

/Б. Окуджава/

2.

<1960–1961> Б. А. Слуцкому⁵

Борис!

Т. к. в эти уважаемые дни⁶ выбраться к Вам не надеюсь, посылаю переводы с курьером⁷.

Судите.

Ломинадзе⁸ пришлёт в понедельник.

Земно кланяюсь.

Булат

⁴ На поля вынесена правка, сделанная, вероятно, адресатом (автором повести) от руки: сырость.

⁵ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) — поэт, переводчик; фронтовик. Здесь и далее: Ф. 3101. Оп.1 Ед.хр. 349. Л. 1.

⁶ Возможно, речь идёт о майских праздниках, включающих День Победы (и день рождения О., на который он традиционно уезжал из города).

⁷ Возможность переслать с курьером позволяет предположить, что письмо написано во время службы в редакции «Литературной газеты».

⁸ Ломинадзе Сергей Виссарионович (Серго; 1926–2008) — критик, лермонтовед; как «ЧСИР» (сын) секретаря международного комсомола отбывал срок в Игар-

На сцене
с Б. Слуцким,
начало 1960-х
(РГАЛИ. Ф. 3101.
Оп. 1. Ед. хр. 654. Л. 8)

3.

8 мая <1964 г.>⁹ Из Ялты; Планерская, Дом писателей,
<Б. А. >Слуцкому

ПОЗДРАВЛЯЕМ¹⁰ ЛЮБИМ ОБНИМАЕМ = АХМАДУЛИ-
НА АКСЁНОВ ОКУДЖАВА СМОЛЬНИКОВ ФОГЕЛЬСОН¹¹.

4.

<После ноября 1965 г.>¹²

Дорогие товарищи!

У моего сына умерла мать. Это большое несчастье. Разве
возможно после этого его переселять, уплотнять, лишать его
площади, на которой он жил с матерью, лишать его дома?

ке; долгое время работал в журнале «Вопросы литературы» — зав. отделом критики, зам. гл. редактора; автор стихов, на которые О. сочинил песню «Марья Петровна идёт за селёдкой...».

⁹ Телеграмма на цветном бланке (сер. Т-18). Л. 3.

¹⁰ 7 мая Слуцкому исполнилось 45 лет.

¹¹ Среди прочих телеграмму подписали: Смольников Алексей Степанович (1926–2000) — поэт, прозаик; парторг поэтической секции СП СССР; фронтовик; Фогельсон Виктор Сергеевич (1932–1995) — редактор сборников О. и Слуцкого, вышедших в издательстве «Советский писатель».

¹² Машинопись. Фонд Владимира Андреевича Сутырина (1902–1985), критика и киносценариста, участника Гражданской и Отечественной войн, председателя жилкооператива (Ф. 3107. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1).

Когда-то существовала практика уплотнять квартиры¹³ детей, родители которых «провинились» перед государством. Но это было давно и несправедливо. Как же мне теперь согласиться с тем, что когда-то травмировало и меня самого на всю жизнь?

У Игоря впереди — жизнь. Он ни в чём не виноват. Это его дом.

Может быть, в недалёком будущем я смогу настолько наладить с ним отношения (к чему всё и ведётся), что вообще отпадёт необходимость в этой квартире, и он будет жить у меня, о чём пока я только мечтаю.

Я понимаю, что ситуация сложна не только для меня, но и для вас. И тем не менее надеюсь, что вы сможете понять её и согласиться с моими доводами.

Надеюсь также, что смогу в самые короткие сроки оплатить оставшуюся сумму по паевым взносам.

С уважением

Б. Окуджава

5.

8 июня 1967 г.¹⁴, Т. Г. Цявловской¹⁵

Уважаемая Татьяна Григорьевна!

Письмо получил¹⁶. Благодарю.

Посылаю Вам свою песенку¹⁷. Простите машинку за отсутствии «у».

¹³ Слово вписано от руки.

¹⁴ Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1392. Л. 1. Впервые опубли. в ст.: *Шилов К.* Татьяна Григорьевна, Александр Сергеевич и Булат Шалвович // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 189. Конверт отсутствует. Датируется по авт. дате на приложении (архив К. Шилова; см. сн. ¹⁶).

¹⁵ Цявловская Татьяна Григорьевна (1897–1978) — литературовед, пушкинист, член Пушкинской комиссии Академии наук; вдова профессора М. А. Цявловского; по просьбе Одесской киностудии в мае писала внутреннюю рецензию на сценарий О. (в соавт. с О. Арцимович) «Пушкин в Одессе» (подробнее см.: Там же).

¹⁶ Очевидно, по поводу просмотра кф. «Женя, Женечка и «катюша»» 2 июня в ЦДЛ, на который О. пригласил Цявловскую. Ср. её оценку в письме к К. Шилову от 09.06.67: «Фильм Окуджавы... — очарователен! Очень тонкий образ главного героя — вероятно, поэта, юноши, попавшего в армию, на войну, — и много весёлого, комедийного — на фоне висящей непрерывной опасности. Кончается трагически. Фильм имел колоссальный успех у переполненного зала» (Там же).

¹⁷ К письму была приложена авторизованная машинопись «Песенки о каплях датского короля» из указ. кф., посланная по просьбе Цявловской (свидетельство К. Шилова; Там же).

ПЕСЕНКА О КАПЛЯХ ДАТСКОГО КОРОЛЯ

С детских лет поверил я, что от всех болезней
капель Датского короля не найти полезней,
и с тех пор горит во мне огонёк той веры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Капли Датского короля или королевы –
это крепче, чем вино, слаще карамели
и сильнее клеветы, страха и холеры... ~~Капли Датского короля пейте~~
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Рыв орудий, посылает пузь, звон штыков и сабель
растворяются легко в звоне этих капель.
Солнце, май, Арбат, любовь – выше нет карьеры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Слава головы кружит, власть сердца цекочет.
Грош цена тому, кто встает над другим захочет.
Укрепляйте организм, принимайте меры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Если правду прокрывать вам мешает капель,
не забудьте отхлебнуть этих чудных капель,
перед вами пусть встанут прошлого примеры...
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Балный свет я обошёл, но нигде на свете
мне, представьте, не пришлось встретить капли эти.
Если ж вам вдруг повезёт, вы тогда без меры
Капли Датского короля пейте, кавалеры!

Москва 8.6.67 г.

Б.Окуджава

"Женя, Женечка и Катюша".

Машинопись,
полученная в 1967 г.
К. Шиловым
от Т. Г. Цявловской

К сожалению, не имею возможности завезти Вам «Елисавету Ксаверьевну»¹⁸. Перешлю почтой в ближайшие дни.

С уважением

Б. Окуджава

6.

<Нач. августа 1967 г.> В Госкино СССР¹⁹

Копия — в Правление Союза Советских писателей

Уважаемый товарищ Романов²⁰!

Мне стало известно, что фильм «Женя, Женечка и катюша», получивший первую категорию, одобренный комитетом

¹⁸ Речь идёт о взятой для прочтения рукописи статьи Цявловской «Елизавета Ксаверьевна» об А. С. Пушкине и Е. К. Воронцовой.

¹⁹ Ф. 2944. Оп. 1–8. Л. 55. Правленая машинопись, автограф.

²⁰ Романов Алексей Владимирович (1908–1998) — журналист, партийный деятель, высшего образования не имел; в 1965–1972 гг. председатель госкомитета Совета министров СССР по кинематографии; с 1972-го главный редактор газеты «Советская культура»; с 1983-го на пенсии.

и Главпуром²¹, тепло принятый общественностью Москвы, Ленинграда и Мурманска, получил минимум копий.

Говорят, что кому-то «наверху» фильм не понравился. Говорят и другое. Всё это, согласитесь, похоже на заурядную сплетню. Но я, к сожалению, вынужден довольствоваться слухами, т. к. работники Комитета²² не сочли нужным или забыли уведомить меня официально, хотя я и имею некоторое отношение²³ к злополучному фильму.

Б. Окуджава

Москва а-195, Ленинградское шоссе, дом 86, корп. 2, кв. 72.

7.

<Декабрь 1967 г.>²⁴ Ленинград, В. Ф. Пановой²⁵

Дорогая Вера Фёдоровна!

С Новым годом!

Выздоровливайте!

Больше никаких несчастий — только трудности.

С самыми сердечными чувствами

Булат Окуджава, Оля

8.

7 мая <1969 г.>²⁶ Из Гурзуфа; Планерская, Дом писателей,
<Б. А.>Слуцкому

ПОЗДРАВЛЯЕМ СОВЕРШЕННОЛЕТИЕМ²⁷ ОБНИМАЕМ = ОКУДЖАВА БАЛТЕРА ВАНШЕНКИН-ГОФФ РЫ-
<БА>КОВ Т<...>²⁸.

²¹ Главпур — одна из аббревиатур (ГлавПУ, ГлавПУр) Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота; фактически отдел ЦК КПСС в советских Вооружённых силах.

²² Полное название Госкино в то время — Комитет по кинематографии при СМ СССР.

²³ О. являлся соавтором (с режиссёром В. Мотылём) сценария этого кф.

²⁴ Открытка с репродукцией картины, отпечатанная во Франции. Конверт не сохранился. Датируется по поездке О. в Париж в ноябре-декабре 1967 г. Ф. 2223. Оп. 2. Ед.хр. 276. Л. 2.

²⁵ Панова Вера Фёдоровна (1905–1973) — прозаик, драматург; мать Б. Вахтина (см. сн. ³¹), знакомого О. по Ленинграду.

²⁶ Телеграмма на стандартном бланке. Л. 2. Датируется по зап. кн.: Гофф И. Личная жизнь. М.: Совет. писатель, 2006.

²⁷ На этот день пришёлся юбилей Слуцкого.

²⁸ Фрагменты телеграфной ленты утрачены. Телеграмму подписали: Балтер Борис Исаакович (1919–1974) — прозаик; фронтовик; его жена; Ваншенкин Кон-

Слева направо:
 К. Ваншенкин,
 И. Гофф,
 капитан
 теплохода
 «Грузия»
 А. Гарагуля,
 Б. Окуджава,
 В. Аксёнов

9.

<10 февраля 1971 г.> И. Л. Андроникову²⁹

Дорогой Ираклий Луарсабович!

Не знаю Вашего телефона, хотел попросить у Вас помощи, если это возможно.

В романе, которым я сейчас занимаюсь³⁰, упоминается Сергей В. Трубецкой³¹. Кое-что о нём я разыскал. Может быть, Вам известна какая-нибудь литература о нём, о его семье, о годах его военной службы. Что это такое, и где это может быть.

С уважением

Булат Окуджава

стантин Яковлевич (1925) — поэт; фронтовик; его жена Гофф Инна Анатольевна (1928—1991) — поэт, прозаик; Рыбаков Анатолий Наумович (1911—1998) — прозаик, первый президент российского ПЕН-центра; фронтовик.

²⁹ Автограф. Ф. 3143. Оп. 1. Ед.хр. 564. Л. 1—2. Датируется по почтовому штемпелю. Андроников Ираклий Луарсабович (1908—1990) — литературовед, прозаик, мастер «устного рассказа»; знакомый О. по Тбилиси, где работал в красноармейской газете Закавказ. фронта «Боец РККА», напечатавшей первые стихи поэта (1945); специализировался на творчестве М. Ю. Лермонтова.

³⁰ Роман «Путешествие дилетантов» датируется автором 1971—1977 гг.

³¹ Трубецкой Сергей Васильевич (1815—1859) — князь, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка; в 1851 г. тайно похитил восемнадцатилетнюю жену сына коммерции советника Жадимировского Лавинию Александровну (урождённую Бравура), за это на семь с половиной месяцев был заключён в тюрьму и разжалован. «...Наткнулся на ... узника Петропавловской крепости Сергея Трубецкого, друга Лермонтова, его секунданта в дуэли с Мартыновым — ставшего князем Мятлевым в «Путешествии дилетантов»» (Окуджава Б. «...Не стараясь угодить» / Интервью вела А. Гербер // Веч. Таллин. 1983. 10 апр.).

Мой адрес: Москва А-195, Ленинградское шоссе, 86, корпус 2, кв. 72, тел. 152 07 26.

10.

7 марта 1973 г.³², Ленинград, <Б. Б. >Вахтину³³

ДОРОГОЙ БОРЯ СКОРБИМ³⁴ ВМЕСТЕ ТОБОЙ ОБНИМАЕМ = БУЛАТ ОЛЯ.

11.

<1974–1977>³⁵ Н. и Л. Коржавиным³⁶

Дорогие Эмма и Любочка!

Собрал Вам наспех «Раковые шейки»³⁷ в память о Москве. У нас такое сейчас большая редкость.

Недавно виделись с Беном³⁸. Вспоминали.

Напишите пару слов.

Обнимаю

Булат

12.

<20 марта 1975 г. > Р. Д. Орловой³⁹

Дорогая Рая!

Я всё тянул, т. к. думал, что смогу написать обстоятельнее⁴⁰, но о «себе» писать трудно.

Поклон Лёве⁴¹.

Ваш Булат

³² Телеграмма из Москвы; на стандартном бланке. Ф. 2223. Оп.3. Ед. хр. 458. Л. 31.

³³ Вахтин Борис Борисович (1930–1981) — китаист; сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР; прозаик.

³⁴ 3 марта скончалась В. Ф. Панова — мать Вахтина (о ней см. сн. ²⁵).

³⁵ Автограф; конверт отсутствует. Ф. 3323. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 1. Вероятно, сопроводительная записка к посылке, переданной с оказией.

³⁶ Коржавин Наум Моисеевич (1925) — поэт; Мандель Любовь Семёновна — его жена; эмигрировали в 1973 г., живут в США.

³⁷ Сорт карамели.

³⁸ Сарнов Бенедикт Михайлович (1927) — критик, литературовед.

³⁹ Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989) — критик, литературовед, прозаик; в 1980 г. вместе с мужем эмигрировала в ФРГ. Датируется по приложению. Ф. 2548. Оп. 2. Ед.хр. 208. Л. 13–14.

⁴⁰ Речь идёт об анкете, предложенной Орловой (ответ О. см. в приложении к письму).

⁴¹ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) — прозаик, переводчик, общественный деятель; муж Орловой.

С.А. Приставкиным
у Л. Копелева
в Кёльне

<Приложение>

Конечно, не зная английского языка, рассуждать об американской литературе, даже сдержанно — по меньшей мере неприлично, однако, если закрыть глаза на эти «пустяки» и условиться, что всё допустимо, я могу сказать, что познакомился с американской литературой в детстве, лет в шесть-восемь. Авторов я не знал, а их книги меня взволновали и запомнились. Это были «Маленькие дикари», «Хижина дяди Тома», «Песнь о Гайавате», «Животные-герои» и, конечно, «Приключения Тома Сойера и Гекльбери Финна».

Впоследствии я узнал авторов этих книг. В Сетона-Томпсона влюбился на всю жизнь, к Твену быстро охладел, к Уитмену остался равнодушным.

В зрелом возрасте время от времени приходилось читать книги американских авторов. *Прошёл через увлечение О'Генри, Лондоном, Драйзером, Хемингуэем, Андайком. Они все очень основательно во мне побушевали, но со временем потускнели. Остались Сетон-Томпсон, Фолкнер, Вулф*⁴².

Моё охлаждение к остальным нисколько не означает, что они несовершенно, скорее это относится ко мне, но ведь разговор идёт об американской литературе в целом, а в целом она меня покорила и, по-видимому, уже навсегда непосредствен-

⁴² Этот фрагм. (курсив наш) впервые опубликован: Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве, 1956—1980. Ann Arbor: Ardis, 1988. С. 137; см. также переиздание (М.: Книга, 1990. С. 139). Полностью публикуется впервые.

ностью гениального дитяти, сдержанной мудростью пожившего старца, грубостью и склонностью к риску первооткрывателя и страстной откровенностью человека, ещё не обременённого литературными условностями.

Б. Окуджава

Москва

20 марта 1975 г.⁴³

13.

7 февраля 1977 г.⁴⁴ Из Юрмалы; <Б. А.>Слуцкому

ДОРОГОЙ БОРИС ПОТРАСЕНА КОНЧИНОЙ ТАНИ⁴⁵
БУДЬТЕ МУЖЕСТВЕННЫ ЭТИ ДНИ И ВСЕГДА С ВАМИ =
БУЛАТ ОЛЕГ⁴⁶.

14.

<27 июня 1977 г.>⁴⁷ Бруклин, Н. Коржавину

Дорогой Эмма!

Пишу тебе из деревни, где снял избушку и живу один. Своих спровадил в Крым. Какое счастье раз в году жить молча! Моя жизнь всё та же, если не считать время от времени возникающих болячек, до сей поры неизвестных.

Закончил новый роман⁴⁸. Поставил точку. Пять лет работы. Стихов не пишу, то есть иногда пытаюсь, но мозги перестроились настолько, что кроме совершенно замечательных первых строк — ничего не придумывается.

Никого не вижу, ничего не знаю. Правда, недавно встретились со Стасиком и Алей⁴⁹.

⁴³ Авт. машинопись; подпись и дата — автограф.

⁴⁴ Телеграмма на стандартном бланке. Л. 4.

⁴⁵ Дашковская Татьяна Борисовна (1930—1977) — жена Слуцкого; умерла 7 февраля.

⁴⁶ Чухонцев Олег Григорьевич (1938) — поэт.

⁴⁷ Автограф. Ф. 3323. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 2—3. Датируется по почтовому штемпелю.

⁴⁸ Согласно авторской датировке, в 1977 году закончен роман «Путешествие дилетантов» (окончание романа впервые: Окуджава Б. Путешествие дилетантов: Из зап. отставного поручика Амира Амилахвари: Роман [Кн. 2] // Дружба нар. 1978. № 9. С. 69—120; № 10. С. 66—120).

⁴⁹ Рассадин Станислав Борисович (1935) — критик; работал с О. в изд-ве «Молодая гвардия» и «Литгазете»; его жена Петухова-Якунина Алина Егоровна (1938—2004).

Теперь я стал автомобилистом, и это меня очень радует — маленькая иллюзия независимости. С песнями почти не выступаю: побаливает горло, новых нет — неинтересно, слышать свой голос не могу — неприятно. Однако ради поездки в какую-нибудь интересную страну⁵⁰ готов браться за гитару, ибо в другом качестве меня пока не посылают, да и те, кто приглашает, желают послушать, как я тренькаю. Иногда даже обидно: три романа написал, а езжу с гитарой, — а ведь мог бы и в качестве пожилого прозаика посещать мир и даже — солидно, иронично, утомлённо и снисходительно — вещать, как это водится, перед журналистами. Ан нет.

О тебе я знаю. Оттуда-отсюда — мир маленький, кругленький — известия, как тараканы, куда бы ни ползли — обязатель-

⁵⁰ Весной 1976 г. О. впервые после исключения из партии в 1972-м (подробности см.: «Процесс исключения», 1972 // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 267–318) был выпущен за границу — в ФРГ. Во время написания письма готовились поездки во Францию и Великобританию (осень 1977-го).

С С. Баруздиным.
Фото из собрания
М. Гизатулина

но до меня доползают. «...знаю с грустью: хоть сейчас могу...»
Слушаю, помню, обнимаю.

Булат

Жизнь очень короткая.

15.

<Август 1980 г.>⁵¹ С. А. Баруздину⁵²

Дорогой Сергей!

Спасибо тебе за письмо. Я только что вернулся из долгой поездки по стране и нашёл твоё письмо. Было приятно. Козовому⁵³ тотчас ответил с благодарностью.

Что за костыльность? Я ничего не знаю. На днях заеду к тебе.

Переиздание «Путешествия»⁵⁴ идёт благополучно (тыфу-тьфу). У меня всё хорошо, если не считать того, что совсем ничего не пишу: лень, тупость какая-то...

Хотя отличный сюжет⁵⁵ переполняет мою бедную голову, и я, наверное, скоро не выдержу.

⁵¹ Датируется по упоминаемым событиям. Ф. 2855. Оп. 1. Ед.хр. 381. Л. 1.

⁵² Баруздин Сергей Алексеевич (1924–1991) — прозаик, автор книг для детей; секретарь Правления СП СССР с 1967 г.; с 1966-го — гл. редактор журнала «Дружба народов», в котором О. печатался, начиная с 1969 г.

⁵³ Козовой Вадим Маркович (1937–1999) — поэт, прозаик; в 1957–1963 гг. отбывал срок за участие в подпольном кружке; в 1981 г. эмигрировал во Францию.

⁵⁴ Роман «Путешествие дилетантов» впервые напечатан в «Дружбе народов» (1976, 1978). Речь идёт о втором издании книги в издательстве «Советский писатель» (1980).

⁵⁵ Роман «Свидание с Бонапартом» впервые увидел свет в том же журнале (1983. № 7–9).

С Ф. Искандером
и Н. Коржавиным.
Из собрания
И. Некрасова

Мне очень горько от смерти Володи Высоцкого⁵⁶, но как я ни бился, не смог сочинить стихов, чтобы превратить их в песню, чтобы помянуть его⁵⁷.

Не болей.

Обнимаю

Булат

16.

<Ок. 13 окт. 1995 г.>⁵⁸ Н. М. Коржавину

Новорожденного Эмму дедушка Булат поздравляет с любовью.

Публикация М. ГИЗАТУЛИНА и А. КРЫЛОВА,
комментарии А. КРЫЛОВА

⁵⁶ Высоцкий Владимир Семёнович (1938–1980) — актёр Театра на Таганке и кино; поэт и бард. Умер 25 июля. Баруздин явился одним из инициаторов создания Комиссии по литературному наследию Высоцкого при СП СССР.

⁵⁷ Вероятно, речь идёт о просьбе Баруздина дать посвящённые Высоцкому стихи для публикации. Стихотворение О. «О Володе Высоцком», впоследствии ставшее песней, было прочитано им на сороковины — 2 сентября.

⁵⁸ Уменьшенное изображение инскрипта на тит. л. кн.: Окуджава Б. Прелестные приключения / Худож. И. Волкова. М.: Лайда, 1993 (Ф. 2855. Оп. 1. Ед. хр. 426. Л. 2). В числе других поздравлений с семидесятилетием передано по факсу 14 окт. 1995 г. из редакции «Литературной газеты» в составе шуточного «Приказа № 1», подписанного «дежурным по редакции» И. Ришиной.

СЕМЬ ПИСЕМ К ДАВИДУ САМОЙЛОВУ (1977–1988)

Своим появлением эти письма обязаны тому, что в мае 1976 года поэт Давид Самойлов¹ с семьёй переехал жить в город Пярну Эстонской ССР. Конечно, были телефонные звонки, были встречи во время приездов Самойлова в Москву, были посылки с новыми книгами. Были и письма. Сейчас они находятся в архиве супруги писателя Г. А. Медведевой, которая любезно передала их нам для публикации. К сожалению, нашлись они не все.

Например, нет в этой подборке того послания Окуджавы, которое Самойлов процитировал в 1978 году в статье о рифме²:

Милостивый государь Давид Самойлович!

Большую радость испытал я, получив Ваше письмо с анкеткой, но и не меньшую горечь.

Посудите сами: уж если Вы пишете письма, да, мало того, рассуждаете о всяких материях, стало быть, Вы в добром здравии, и есть отчего радоваться...

Это прямо удивительно, как Вас хватает рассуждать о сих предметах, когда происходят такие события в мире! Ведь люди погрязли в суете и всяких прожектах, а Вы, милостивый государь, всё о рифме да о рифме, ибо, как Вы, наверное, полагаете, всё — преходяще, лишь она одна — вечна. Меня это умиляет и восхищает, хотя, боюсь, не могу служить Вам полной мерой по причине старости, неграмотности и равнодушия. <...>

[1.] Куда ж от неё деться? Будучи проставлена в конце, она ведь не просто слово, она, если хотите, тонкость нашего слуха и изящество нашей души. <...>

¹ Самойлов Давид Самойлович (1920–1990) — поэт, переводчик, стиховед; автор посвящённого О. стихотворения «Памфлет». Ему посвящено стихотворение О. «На углу у гастронома...» (см. также сн. ¹⁶).

² Цит. по ст.: *Самойлов Д.* Поэты о рифме // День поэзии. М.: Совет. писатель, 1978. С. 234–237. Это стилизованное письмо являлось ответом на анкету из пятнадцати вопросов, посвящённую рифме и разосланную «несколько лет тому назад» Д. Самойловым своим коллегам-поэтам. В отрывках приводятся ответы Окуджавы на первые два: «Считаете ли Вы рифму важным или второстепенным элементом стиха?» и «Каковы, по Вашему мнению, перспективы русского безрифменного стиха: белого? свободного?», а также ещё на один — не названный.

[2.] Этого я просто не понимаю. То есть вы хотите знать, куда это всё придёт? Полагаю, что никуда. Да как это возможно!

<...>

Ежели мы, к примеру, читаем стих или поём его душою, наслаждаясь, а после глядь — что же это такое? Отчего это нам так прелестно было? Да в нём же рифма, оказывается! Вот оно откуда наслаждение! Хорошо-то как! Но в иные разы читаешь — и одну лишь рифму слышишь: и красива, и знаменита, и новёхонька, и ловка... А что с того? Да тыфу на неё! <...>

Бедный Авросимов

Нет и последнего по времени — о котором в дневнике Самойлова за 4 июня 1989-го осталась пометка: «Письма от Булата и Лидии Корнеевны». Можно с уверенностью сказать, что это был ответ БШ на присылку ему сборника стихов «Беатриче» (на с. 397 третьего выпуска альманаха мы воспроизвели шутливую стихотворную надпись Самойлова от 16 мая на этой книге). Что ж, будем надеяться, что недостающее ещё обнаружится в обширном семейном архиве.

Большинство писем, публикуемых в этой подборке, стилизованы под эпистолярный стиль XIX века. Это не удивительно — в этом времени почти постоянно «жил» Окуджава-романист. Добрые и уважительные, поражают они другим — редкой и потому удивительной щедростью в оценках трудов «брата по перьям и бумаге».

Что ж, и т а к жили поэты.

1.

<12 окт. 1977 г.>

Милостивый государь Давид Самойлович!

Когда бы Вы только знали, какая для меня была приятность получить Ваше собственноручное письмо.

Давненько не виделись, а жизнь-то короткая.

Что же касается моих глупых рассуждений, то, ежели только Вы считаете возможным без ущерба для себя их представить публике, ваяйте, почту за честь⁴.

Может быть, в скором времени окажусь Вашим соседом в Астраханском уезде⁵.

³ Все письма — автографы; 1–5 датируются по почтовым штемпелям на конвертах.

⁴ Речь идёт о просьбе к О. воспроизвести в публикации отрывки из его процитированного во вступлении письма.

⁵ Имеется в виду Астраханский переулочек, по которому в д. № 5 Самойлов проживал в Москве, и предстоящий переезд О. в новую кооперативную квартиру. Несмотря на отличие в фактических почтовых адресах (см. адрес в письме 2), подъезды домов расположены рядом.

Поклон чадам и домочадцам.
Всегда Ваш

Б. Окуджава

2.

<18 сент. 1978 г.>

Милостивый государь!

Какое счастье было получить Ваш фолиант. Он хорош — ничего не скажешь. Я уже устал повторять везде и всюду, как Вы мне удивительны и замечательны, и не только потому, что гении изволили почивать⁶.

Не скрою даже и от Вас, что встречаются мне и отдельные антагонисты Ваши и спорщики. Но я с ними по давнему зароку никогда не спорю и думаю про себя: «Хуй с вами, господа!»

И об чём спорить?

Всё никак не выберусь к Вам в село, а отчасти потому, что наслышан про Ваше гостеприимство вынужденное (особенно летнее) и думаю: неужто и я уподоблюсь наглým гостям⁷?

Квартира у меня теперь большая, а счастья всё нет и нет. И я, уже позабыв, как писать стихи, придумал такие строчки:

Как тесно сердцу и уму
в моей большой квартире!
Как будто я — в чужом доме,
где висельник в сортире...

Откуда это? Почему? Может, и нынешний Государь мне плох? А хорошо ли это?

Скоро буду иметь честь вручить Вам мой последний опус о прошлых веках.

Пребывая в робкой надежде на Вашу благосклонность,
Ваш покорный почитатель

Бедный Авросимов

Безбожный пер., 16, кв. <...>

⁶ Реминисценция из стихотворения Д. Самойлова «Вот и всё. Смежили очи гении. // И когда померкли небеса, // Словно в опустевшем помещении // Стали слышны наши голоса...».

⁷ Речь идёт о гостеприимстве дома, в котором, судя по опубликованным дневникам поэта, почти ежедневно принимали не только друзей, но и совсем не знакомых людей.

3.

<20 июня 1979 г.>

Милостивый государь Давид Самойлович!

Так и не пришлось нам с Вами увидеться⁸, а жаль. Вы вовремя укатили к себе, ибо в Москве то жара, то холод, вонь, суета и скука. Дом Ваш стоит (чего ему сделается?), Левитанский⁹ хнычет прежним образом и кладёт на ноги перцовый пластырь в тайной надежде помолодеть.

Теперь, после заключения нового Тильзита¹⁰, можете спать спокойно. Словно гора с плеч. До этого я жил в постоянном напряжении, а теперь могу работать, но что-то не работается мне.

⁸ В этот приезд Самойлова в Москву, согласно его дневниковым записям, он трижды встречался с Окуджавой: 1, 2 и 18 мая (см.: В зеркале дневниковых записей и писем современников // *Голос надежды*. Вып. 3. М., 2006. С. 429). Видимо, речь идёт ещё об одной намеченной встрече.

⁹ Левитанский Юрий Давидович (1922–1996) — поэт, переводчик; также фронтовик, общий друг и сосед О. и Самойлова.

¹⁰ Упоминание о хрупком и унижительном для России Тильзитском мире, заключённом ею с Францией перед войной 1812 г., посвящено, по всей вероятности, семейным взаимоотношениям одного из поэтов и навеяно подготовкой к написанию романа «Свидание с Бонапартом», начало работы над которым датировано автором сентябрём 1979 г.

Проводил своё семейство в Крым по соль, думал: вот уж разгуляюсь. Но всё как-то некогда, да и неохота, да и противно, признаться: опять те же анекдоты? Фогель¹¹ меня не поймёт.

Был у меня отчёт о поездке¹². Один из наших вельмож спросил:

— Ну как вы их там? Дали духу?

— То есть?..

— Ну покритиковали их, как коммунист?

— А за что же их критиковать?

— Как за что? За безработицу, за негров, понимаешь, за милитаризм...

— Помилуйте, да они сами себя так критикуют и в таком объёме, что просто уши вянут!

— Странно. Ведь вы были в стране, которая хочет с нами воевать!

— Страна?!

— Ну не страна, конечно, — правительство.

— А я с правительством не общался...

— Н-да, странно, странно...

Вот такой разговор, Давид Самойлович. Ума не приложу, как с этим народом разговаривать.

Надеюсь, что Вы в добром здравии.

Всем низкий поклон.

Обнимаю,

один Ваш знакомый гитарист

4.

<15 дек. 1980 г.>

Милостивый государь Давид Самойлович!

Наше короткое с Вами свидание, а затем прочтение божественной Вашей книги¹³ побудили меня из моей глуши¹⁴ в Вашу направить зимнее письмо.

¹¹ Фогельсон Виктор Сергеевич (1932–1995) — редактор; редактировал сборники О. и Самойлова, вышедшие в издательстве «Советский писатель»; родственник Самойлова.

¹² Имеется в виду первая поездка с выступлениями по США, состоявшаяся в марте–апреле 1979 г. О ней подробнее см. раздел «Глазами американцев, 1979» в настоящем выпуске.

¹³ Самойлов Д. Избранное. М.: Худож. лит., 1980.

¹⁴ О работе О. над романом «Свидание с Бонапартом» в съёмном доме в Салос-лово под Москвой см.: Уварова-Даниэль И. Рифмы судеб // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 43–57.

Когда я увидел Вас, я подумал: Господи, как же мы быстро состарились! Когда читал Вашу книгу — плакал: не мог удержаться, ибо всё справедливо в ней, всё натурально и изобличает в Вас страдальца, несмотря на бодрый голос. В общем, это и есть, наверное <то>, ради чего и мы, и Вы. Плакал-то я не от плаксивости (что возможно по моим летам), а потому что Вы говорите о значительном для меня, а сами не суетитесь нисколько. По нынешним временам таких певцов с гулькин нос.

Обнимаю Вас и Вашу семью.

Окуджаев¹⁵

Р. С. Посылаю Вам на память свои стихи разного времени, нынче же связанные общим Вам посвящением¹⁶. Мне писать как прежде на Москву, Мещанской части¹⁷, в собственном доме.

5.

<19 марта 1982 г.>

Милостивый государь,

Целую ручки и трижды обнимаю Вас за бесценный Ваш подарок и за память («Залив»¹⁸).

Восторгам моим, как всегда, нет конца, а словарь мой беден, чтобы передать их истинную глубину.

Вы, конечно, усмехнётесь, ибо, я Вас знаю, не страдаете самомнением, хотя, несомненно, цену себе знаете. И это прелестно. Усмехнётесь же Вы потому, что сочтёте мои восторги — и справедливо¹⁹ — за выражение моих дружеских чувств и поэ-

¹⁵ Из-за непривычности его фамилии для русского языка О. неоднократно встречался с непониманием при её восприятии на слух (Окуджавов, Акуджава, Акаджав, Ахуджаев, Куджава, Ухудшава, даже Кужалый и Окинава) и часто иронизировал на эту тему (в том числе и в автобиографической прозе).

¹⁶ К письму приложены два стихотворения с общим заглавием «Две песни кавалергарда» — «Весёлая» («На Галерной ночью скверной...») и «Грустная» («Кавалергарда век не долог...») и с общим посвящением: Д. Самойлову. Машинопись, автограф. Первое стихотворение без посвящения известно в авторских фонограммах, однако ранее не публиковалось. Вероятно, посвящение как-то связано с «Песенкой гусара» («Когда мы были на войне...»), точная датировка которой отсутствует. Впервые: Самойлов Д. Голоса за холмами: Седьмая кн. стихов. Таллин: Ээсти раамат, 1985. С. 65. Ныне распространена как народная песня с различными вариантами мелодии и текста.

¹⁷ Т. е. на домашний адрес (имеется в виду старое название района).

¹⁸ Самойлов Д. Залив: Стихи. М.: Совет. писатель, 1981.

¹⁹ Два слова вставлены над строкой без знаков препинания.

тического к Вам расположения, ибо я уже неоднократно Вам изливался. Признаюсь, что и на сей раз не могу удержаться от старой болезни, которая, однако, как Вы догадываетесь, прекрасно сосуществует с моими претензиями, которые ничтожны и, в общем, не играют существенной роли в моей любви к Вам.

Пишу я Вам не только из желания лишний раз выразить свои высокие чувства, но и с тем, чтобы намекнуть, мол, не худо бы, ежели бы Вы сообразили прислать мне и другую Вашу книгу (кажется, детгизовскую²⁰).

Обнимаю

бывший-бывший грузинский крестьянин,
а ныне бывший гитарист
Б. Окуджава

Поклон семейству.

Меня пользует Дима²¹. Втыкает иглы. Читает стихи.

6.

<Апр. 1986 г.>²²

Милостивый государь!

Книги Ваши прекрасны, но эстонская вне всяких сравнений²³. Я плакал над ними от радости и печали, как не плакал уже давно. Как всё в них точно, своевременно. Какая гармония мысли и чувств!

Хоть я и помоложе Вас несколько, но Ваша печаль мне очень понятна, и о том же думаю я, глядя на себя самого. Так что же это? Воздух ли империи, обвевающий нас, или просто дань преклонным летам?

²⁰ *Самойлов Д.* Линии руки: Стихотворения и поэмы. М.: Дет. лит., 1981. *Детгиз* — старое сокращённое название издательства.

²¹ Карасик Дмитрий Юрьевич (1951–2005) — целитель; автор рассказов, стихов, миниатюр. Вот что он написал в предисловии к своей книге: «...Д. Самойлов рассматривал мои афоризмы как литературу. Некоторые из них ему даже нравились. <...> Он же отобрал около сотни высказываний и благословил их на публикацию в “Литературной газете”» (*Карасик Д.* Лебедь, рак и сука, или Слова, которые стоят рядом. М., 1993. С. 3).

²² Без конверта. Датируется по записи на обороте рукой Самойлова: «Булат Окуджава. Апрель 1986». Вероятно, письмо было вложено в бандероль с книгой.

²³ *Самойлов Д.* Стихотворения. М.: Совет. писатель, 1985 (Из аннотации: «В эту книгу вошли стихотворения из шести сборников Д. Самойлова, изданных “Советским писателем” <...>, а также новые произведения поэта»); *Самойлов Д.* Голоса за холмами (см. сн. ¹⁶).

Самое прекрасное заключается в том, что Ваш герой не переменялся, он стал задумываться на пути, согреваемый красотою, добротой, любовью и прощением.

Возбуждённый чтением Ваших стихов, ощутил в себе потребность к стихосложению, но как ни старался, всё получалось похожем на Вас. Таковы обстоятельства, сударь.

Желаю Вам здоровья и счастливых сновидений.

Булат

7.

<18 авг. 1988 г.>²⁴

Дорогой Дезик!

Собирался к тебе, собирался, и как всегда не решился. О нашей жизни узнаешь от Зямы²⁵. Холодно, противно, бездельно.

Для чего мы едем сюда²⁶? С вожделием мечтаю о Москве. Там всё-таки тапочки, тепло и когда хочешь тёплый клозет.

Будешь в московской деревне — заглядывай. В больницу²⁷ не спеши, там даже курилки путёвой нет.

Ваши-то эстонцы молодцы: придумали народный фронт²⁸. Обнимаем тебя,

Булат

Публикация и комментарии А. КРЫЛОВА

²⁴ Без конверта. Датируется по упомянутым событиям. Вероятно, письмо было передано из Литвы с оказией (с Гердтом, захавшим в Пярну по пути в Москву). Гердт прибыл в Пярну 19 авг. 1988 г. на сутки, о чём в дневниках Самойлова есть соответствующие записи (*Самойлов Д.* Подённые записи: В 2 т. М.: Время, 2002. Т. 2. С. 250).

²⁵ Гердт Зиновий Ефимович (1916–1996) — актёр театра и кино; нар. артист СССР; адресат стихов О. и Самойлова.

²⁶ Несколько лет в августе О. отдыхал с семьёй на турбазе Дома учёных «Гауя» в Литве (об этом см.: *Шилов Л.* На реке Гауя: Фотоочерк // *Голос надежды*. [Вып. I]. М., 2004. С. 52–65).

²⁷ Возможно, имеется в виду воспоминание о совместном пребывании в клинике Первого медицинского института в марте 1988 г. (см. соотв. записи в дневнике Самойлова: В зеркале дневниковых записей и писем современников. С. 458).

²⁸ Одними из первых республики Прибалтики, образовав республиканские Народные фронты, взяли курс на выход из СССР. В то время интеллигенция в своём большинстве всячески поддерживала это стремление братских народов к самоопределению. В основу идейных позиций НФЭ были положены требования (документы) Объединённого пленума правления творческих союзов Эстонии (1–2 апреля 1988 г.). Идея создания массового движения в поддержку перестройки была выдвинута 13 апреля 1988 года Э. Сависааром в прямой передаче Эстонского ТВ. Этой же ночью 15 членов инициативной группы, оставшись в студии, написали декларацию о НФЭ.

Владислав ВИНОГРАДОВ

МОНОЛОГ МАСТЕРА О ДЕКАБРИСТАХ

В 1975 году в стране отмечалось столетие декабристского восстания. Знания мои об этом событии ограничивались несколькими прочитанными в юности популярными книжками академика М. Нечкиной да двумя-тремя фильмами, снятыми в разные годы на «Ленфильме» и «Мосфильме». Московская картина была сделана, кажется, по К. Паустовскому.

Моё увлечение отечественной историей в ту пору не выходило за рамки жизни Пушкина, и, как мне казалось, этого было вполне достаточно. Быть может, и справедливо. Пушкин привёл меня в архивы, из которых я не вылезая по сей день.

Однажды мне в руки попал документ: можно сказать, подробная объяснительная записка некоего инженер-поручика, уволенного от службы, — А. Давиньона, адресованная в ведомство Третьего отделения канцелярии его Величества, то есть самому Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

В сороковые годы господин А. Давиньон, стремясь заработать побольше денег, отправился в Сибирь фотографировать тамошних поселян и заодно снял в Иркутске декабристов Панова, Лисневича, Волконского с женой и детьми, Сабинского, Поджою и Трубецкого с женой и детьми.

Он пишет: «Снимал я их портреты, не полагая, чтобы это было не дозволено, тем более что Местные Начальства Сибири не предупредили меня в том, хотя и неоднократно видели готовые портреты с упомянутых поселян и как я с них снимал, ибо снимка производилась при всех посетителях, которые ко мне приходили сниматься. Если бы Местные Начальства Сибири при объявлении мне не принимать ни писем, ни посылок от тамошних поселян присовокупили бы не снимать с них портретов, тогда я, наверно бы, не снимал оных портретов, как удовлетворил Начальству в двух первых приказаниях...»

*На съёмках
телефильма
«Мой Пушкин».
Арбат, 1979 г.
Крайний справа —
В. Виноградов*

Итак. Письмо написано во времена правления Николая I, в 1844 году, через девятнадцать лет после восстания на Сенатской площади и через пять лет после изобретения Дагерром фотографии.

Ничего не поменялось в упомянутой Канцелярии за сто шестьдесят пять лет. Писателю Акунину, думаю, тоже пришлось недавно написать покаянное письмо по поводу своего интервью у государственного преступника Ходорковского...

А ещё порой представляю совсем невероятное: появившись дагерротипы в России на несколько лет раньше, — не в 1839-м, а хотя бы в 36-м, — каким бы мы увидели нашего Пушкина! Уж он-то сердешный отвёл бы душу перед фотокамерой.

Итак, быть может, именно письмо незадачливого фотографа стало для меня началом работы над фильмом «Площадь декабристов».

К моему удивлению, дагерротипы Давиньона сохранились и в отличном состоянии лежали в Историческом музее на Красной площади у Марии Юрьевны Барановской. Оставалось собрать литературный материал.

Первая встреча с Булатом Шалвовичем состоялась на его старой московской квартире. Почему-то запомнилось старинное кресло с высокой спинкой, клетчатая рубашка Булата и множество книг за его спиной. Потом, в 80-х, кресло переехало с хозяином в Безбожный переулок...

Как-то без подготовки он сразу начал про декабристов. И вот, прошло тридцать три года с того дня, а я всё сожалею,

что в руках у меня был лишь магнитофон и не было за спиной друга Паши с кинокамерой. Декабристы «жили» в Булате, он был готов исповедоваться. Красная книжка про Пестеля оказалась лишь ключиком, которым он приоткрыл мне дверь в мир этих людей, о которых, повторю, знал я слишком мало.

Фонограмма беседы с Окуджавой не обнаружена. Её текст публикуется по рукописной расшифровке, сделанной по свежим следам. В публикации сохранён стиль разговорной речи; для лучшего понимания текста лишь переставлены отдельные слова и элементы некоторых сложных предложений, а также опущены некоторые незначащие повторы слов. В тех же целях связи и недостающие в устной речи пропуски восстановлены в угловых скобках.

— Я заключил договор с «Политиздатом» на роман о Пестеле. <Но> никак не мог найти ключи к нему. Писать из серии «ЖЗЛ»¹ мне не хотелось. Я рылся во всех этих документах и вдруг обратил внимание, что многие — с грамматическими ошибками в огромном количестве. Вот тут-то у меня и родился образ этого писаря Авросимова, и от него-то я и пошёл. Я о т о ш ё л от Пестеля. Он присутствует у меня, но — вовсе уж не главная фигура. «Политиздат», получив эту рукопись, «пожал плечами» и два года не печатал. Это было не в их направлении. Но потом там сверху что-то спустилось — какое-то облачко, — они затопились и издали.

Разговор зашёл о вышедшем в 1973 году в той же политиздатовской серии «Пламенные революционеры» романе «Нетерпение» Ю. Трифонова.

Я его очень люблю и считаю одним из крупных литераторов. Но он тяготеет к «ЖЗЛ», по его книге можно изучать историю.

...И вот, когда я изучал эти документы, я невзлюбил Пестеля. Хотя я сам его выбрал себе, когда мне предлагали там различных героев. Не то что невзлюбил — не мне судить его через сто пятьдесят лет, — я вдруг увидел в нём проявление такого страшного деспотизма и фанатизма, которые я в любых проявлениях ненавижу. Просто ненавижу, и всё. Мне это чуждо! Хотя, быть может, это и напрасно, — не знаю! И экстремизм, который в нём есть, ненавижу. Я считаю, что фанатизм и слепота — одно и то же, и от этого всегда больно окружающим людям. Когда люди эти, ни на минутку не сомневаясь, правы ли они, делают своё дело

¹ Здесь и далее имеется в виду не сама серия книг «Жизнь замечательных людей», выпускавшаяся издательством «Молодая гвардия» и возобновлённая в 1990-х, а — преобладающий стиль этой серии.

ради других и хотят нас осчастливить, не подозревая о том, что может быть наоборот, — они приносят нам страдания. Они уверены на сто процентов в своей правоте. Эта самоуверенность даже на добром основании — она мне неприятна.

И тот же самый Рылеев, прохиндей полнейший... Конечно прохиндей, который замучил этого шизофреника Каховского: и натравливал его, и провоцировал его стрелять, и готовил его пустить пулю чужими руками. Это страшная фигура.

И Каховский тоже ненормальный человек.

Единственный, пожалуй, из повешенных — это Сергей Муравьёв-Апостол, — это была личность и гордая, и добрая. Несколько слеповатая <там>, — я не знаю. Во всяком случае, благородная и чистая, конечно.

А то, что они выдавали друг друга, за это их нельзя винить, и обижаться на них нельзя. Потому что они — все были люди одного круга: как Николай Первый, как и все эти Левашовы² и все судьи. Они не представляли себе, что будет вот такая расправа. Они думали, что люди одного круга будут вести разговор на равных, споря. <Нет> опыта тюрем — и вдруг попасть в такую обстановку... Большинство рассказывало, желая счастья другим, желая предотвратить несчастья большие.

Скажем, взаимоотношения царя и Каховского: «Ну, расскажи, в чём там дело?» — «А вот в том-то, том-то и том». — «Господи, боже мой, я же обо всём этом думаю, и вот-вот я собирался всё это претворить в жизнь, а вы возьми и сделай вот такую вещь!» Уцаря слёзы. И Каховский плачет. «Давай-ка мы поговорим на эту тему, пока не произошло дальнейших несчастий. Кто ещё был? — чтобы их удержать»... Вещь нехитрая. Они все — не профессиональные революционеры, ну и...

Мне в них дорого более всего дилетантство. Хотя дилетантство — самая страшная вещь, особенно в политике. Но в них мне оно дорого из-за того, что будь они профессиональными революционерами, о них бы и не стоило так много говорить. Они бы имели программу твёрдую, они бы имели опыт отсидки, твёрдость цели...

А здесь ведь просто благородство их взяло за руку и повело. Благородство, чистая душа. Вот они и пошли, не понимая и не зная. Что их поступок был? К р и к был такой. Крик страдания, чистый совершенно крик. Не было корысти ни у кого из них.

² Генерал-адъютант В. В. Левашов в числе прочих вёл допросы декабристов.

Никто не мечтал стать над толпой, — не было разговоров. Один Пестель, да и то не потому что он был наторевший на этой мысли человек, нет! Он считал, что диктатура необходима.

А может, и прав он был, исходя из российских условий... В России необходима диктатура. Как только нет диктатуры — Пугачёвы появляются, пускают кровь.

Был Тишайший Алексей Михайлович — Степан Разин появился. Потом пришла Екатерина — начали вольничать — Пугачёв тут как тут. Потом пришёл Александр Благословенный — тут декабристы, глядишь. Потом пришёл Николай Первый — всё зажал — тихо было. Пришёл Второй Александр — дал волю крестьянам, передовую судебную реформу — тут за это ему бомбу бросили. Пришёл Александр Третий — зажал — всё кончилось. Николай Второй — началось опять. <Так> что Россия, очевидно... как сказал Тютчев: «У ней особенная стать...».

Мне даже стало страшно, когда я подумал о том, что теория Пестеля и его линия могли бы восторжествовать. Не Никиты Муравьёва, а — его!..

Потому что я прочёл «Русскую правду», а там чёрным по белому написано, что мелкие народы, допустим Северного Кавказа, должны будут выселены в Сибирь. Что потом и осуществилось, кстати, Лаврентием Павловичем и Иосифом Виссарионовичем. Вот такая штука. А потом бы мы расплачивались за ошибки человека, быть может, прекрасного, желающего добра людям.

Дело не в любви, а в <ужасе> каком-то перед деспотией, тиранией. Это — точка зрения современного, сегодняшнего человека, который уж натерпелся, посмотрел на всё...

Но ведь были и у него [у Пестеля] друзья, которые не соглашались с ним и <утверждали, что> России не этот путь свойственен, а другой. Был Никита Муравьёв, который был мягче, и быть может, у него была правда.

Но ведь не случайно существует официальное мнение о том, к а к Россия была отброшена назад в своём развитии, потому что царь был так напуган этим явлением, — и многое из того, что он собирался сделать, помня заветы своего брата Александра Первого, — всё было забыто. Третье отделение царствовало в стране. Так что кто его знает, что лучше.

Пушкин <не входил в круг> декабристов не потому, что он не был в тот день в Петербурге. Он и на самом деле в ы х о д и л: он был очень умный человек. Думаю, что Пушкин на два-три дня

включился <бы> в это дело из озорства или из порыва, но потом отошёл бы. Потому что не страх, а интуиция его заставила б сделать так — заставила б уйти из секты. Он был шире гораздо. Может быть, и легкомысленнее, но я уверен, что он не стал бы активным членом тайного общества. Тем более, что Пушкин — такая сложная фигура... С одной стороны:

Кишкой последнего поэта
Последнего царя удавим...

С другой стороны, мы знаем множество примеров тому, что он был с ними и прочее.

А вот в этих политиках-дилетантах, декабристах, привлекает их полное бескорыстие. Я знаю много примеров политической деятельности, основанной на корысти.

В народе сегодня существует большой интерес к истории своего Отечества. Понимаете, дело в том, что моё отношение к декабризму столь не входит в официальное русло, что говорить другое я не могу, а если э т о я буду говорить, всё равно это вырежут.

А Рылеев... Вот его повесили — потому и шум о нём. Потому что как поэт он не представляет собою ничего. Ничего он не оставил — ничего серьёзного и интересного нету! И он теряется на фоне Пушкина, Тютчева, Баратынского. Вот не повесили бы — так был бы <он> историками поставлен в плеяду Пушкина?.. А теперь вот уж каждая его строчка — историческая. А его и нужно было повесить за то, что он подговаривал других стрелять.

Трубецкой — героический полковник, героический военный, зарекомендовавший себя в 1812 году. И потом тоже — без всякой корысти пошёл туда. Но он был барин, аристократ, сибарит. И тут его — в каземат, топают на него, да ещё смертью грозят. Ну что ж он — он пожалел, конечно, обо всём этом. Но потом, когда через много лет он увидел в Сибири, что ими интересуются, говорят о них, ему стало приятно... Перестрадав и перетерпев, он даже подумал: «боже, какой я прекрасный!» — наверное, он даже о себе крепко подумал.

Женщины. Действительно существовала вот определённая психология русской дворянки передовой. Татьяна у Пушкина тоже пошла бы в Сибирь, даже не любя своего генерала. Было чувство долга высоко развитое. Привязанность, наконец. У части же — была любовь. Ну что тут говорить — Любовь!

Я помню, когда был молод ещё, у меня была первая жена, покойная ныне. Прямо со студенческой скамьи мы поехали учитель-

ствовать в глухую деревню. Там у нас были неприятности — и меня перевели в другую деревню, километров за семьдесят, — так нас наказали. И вот неожиданно я заболел тяжело, и она узнала об этом. А сообщения там никакого нет. Заносы, зима, январь. И она всё-таки уговорила тракториста с прицепом — и ехала сутки ко мне. Небольшой героизм, но всё-таки. Небольшой, — но кто её заставлял?!

Волконская, например, мужа своего Сергея не любила, а к концу жизни даже презирала открыто. Он был более достойный человек, чем она. Она не так прекрасна, как принято о ней думать, — нет, отнюдь. Но — чувство долга!..

Есть такой журнал «Звенья». Вы можете его достать. Он выходил в тридцатые годы, несколько томов. В одном из томов есть статья о Марии Волконской и Волконском — очень большая документальная статья. Весь флёр снят, и — живые люди перед нами. Во многом недостойные, но приятные и в то же время благородные.

...Панкратов — знаете кто такой? Это комиссар Временного правительства, который был начальником по ссылке царя в Тобольске. Он находился там — поехал вместе с царской семьёй и с тремястами солдатами охраны. Они приехали туда, и в доме губернатора Панкратов жил вместе с царём, каждый день общался с ним, — они были в очень хороших отношениях. Он подробно, как дневник, записывает каждый день... Это очень любопытно, очень: все бытовые разговоры, все бытовые детали...

Царь его иногда спрашивал:

— Ну, скажите, пожалуйста, какова наша дальнейшая судьба?

Панкратов говорил:

— Знаете ли, Николай Александрович, надо дождаться Учредительного собрания, которое решит вашу судьбу. Но по всей вероятности, я так думаю, вас всех отправят в Англию.

— Господи, опять в Англию! В России столько мест, — зачем же нас в Англию отправлять?!..

После того, как разговор перешёл к событиям 1919 года, я спросил, не связывает ли Булат Шалвович расстрел царской семьи с неудачей 14 декабря 1825 года и чем, по его мнению, этот расстрел был вызван.

Я думаю, что просто: обыкновенный бандитизм, безнаказанность и страх. Страх и отсутствие закона, — понимаете? Вот и всё.

Конечно, допустим, судили <бы> царя и его, в конце концов, расстреляли... Но рядом с ним — <уничтожили ещё> семнадцать человек, а в соседнем городе ещё восемь, а в Петропавловской кре-

пости ещё двадцать четыре человека... Беспощадно уничтожали со страхом и ужасом, со злобой...

А знаете, как говорится, «что на крови замешано...». Дело же не в самом царе, и я не марксист, ни в коем случае. Но, начитавшись материалов, я знаю Николая Александровича³ очень хорошо: он был ничтожный человек, ничтожный, хотя в семье он был хорошим. Он был типичный обыватель, не очень умный, очень любящий свою семью, мечтающий, чтоб его оставили в покое и дали возможность жить в семье. Мечтал он об этом. Не хотел заниматься политикой, — всё это ему было противно. Если бы не его сумасбродная супруга... Он был такой человек ничтожный, вот и всё. Я понимаю, был бы злодей вроде Иосифа Виссарионовича, сознательный такой, — ну, тут уж другое дело, можно было бы и кокнуть. А этот... Ну что... то, что делалось, делалось за его спиной.

Среди русских царей было очень распространено держаться личного аскетизма.

Николай Первый уж такой был владыка, а личные аппараты его были безобразно скромны. Стояла солдатская койка, покрытая солдатским суконным одеялом, небольшой железный стол и несколько гравюр на стенах...

Александр Третий ходил штопаный. Велел всей семье переместиться из Зимнего дворца в Аничков, потому что в Зимнем жить очень дорого было. Ходил сам по кондитерским, и если вдруг замечал, что конфеты, которые подаются к столу, в кондитерской стоят семь копеек <за> фунт, а ему продаются по одиннадцать (потому что он все отчётности смотрел сам), — по этому поводу был скандал. Но для выходов существовали тысячи мундиров: царская семья по традиции соблюдала определённый ритуал.

Так что Иосиф Виссарионович соблюдал все традиции русских царей: жил в трёх маленьких комнатках, спал на топчане... Но это не мешало ему...

³ Николай Второй.

Марк ДЕЙЧ, Дмитрий БЫКОВ, Марина ТИМАШЕВА

ИНТЕРВЬЮ НА «СВОБОДЕ»

Это интервью Булат Окуджава дал культурно-политическому журналу «Радио Свобода» «Поверх барьеров» в августе 1995 года. Ведёт программу — Марк Дейч. Беседу за круглым столом в московской студии ведут обозреватель радио «Свобода» Марина Тимашева и обозреватель еженедельника «Собеседник» Дмитрий Быков. Продюсер — Юлия Ермолинская.

Разговор начался с воспроизведения фрагмента авторской фонограммы «Песенки об открытой двери».

М. Д. — Булат Шалвович, вы и сейчас, как и тогда, когда вы эту песню написали и впервые исполнили, вот так же бы сказали: «Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта»? Это в наше-то время?

— Ну, я не имел в виду уголовные преступления...

— *Я тоже не это имею в виду.*

— Да, сказал бы.

— *И вы полагаете, что этот ваш призыв нашёл бы отклик сейчас?*

— А я и тогда не предполагал, что он найдёт отклик, — я говорил то, что я думал, то, что мне хотелось увидеть. А уж как обществоотреагирует, тогда меня не очень заботило. Если я встречал сочувствие, для меня как автора — <это> большое счастье. Если нет — я ничего не смог бы сделать, я продолжал бы думать так, как я думаю.

— *Булат Шалвович, в другой не менее знаменитой вашей песне у вас есть такая строчка: «Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слышу». Скажите, вы действительно предпочитаете, чтобы вам говорили правду?*

— Конечно!

— В таком случае сегодня некоторые наши вопросы, может быть, покажутся вам чересчур прямолинейными — я просил бы вас на это не обижаться. Я считаю, это наша профессиональная обязанность.

— Конечно!

— В таком случае — прошу, Марина Тимашева, ваш вопрос.

М. Т. — В бардовской песне (в авторской песне) неожиданно воскресает образ поющего поэта, такой гомеровский, древнейший на самом деле образ — человек, который сопровождает свои стихи игрой на струнном инструменте. Почему вам, поэту, понадобилась гитара?

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Потому что когда это произошло, я не думал о том, что мне необходима гитара. Просто мне показали три аккорда на гитаре, я попробовал (я человек музыкальный), получилась какая-то мелодия, и я спел своё шуточное стихотворение под эту мелодию. Моим друзьям понравилось. Мне это было приятно. И тогда я спел тут же второе стихотворение. Вот так совершенно случайно — как бы — это всё произошло. Но видимо, какая-то потребность была в воздухе, я не знаю. Что-то мной руководило, — теперь я уже думаю об этом, анализируя прошлое. Что-то такое было, кому-то это было нужно. Наверное.

— А если бы вы теперь начинали, вы бы тоже пели стихи на музыку или сейчас вам было бы удобней писать стихи без гитары?

— Нет, я всегда писал стихи без всякой гитары, никогда о музыке не думая, а потом некоторые стихотворения мне хотелось исполнить под аккомпанемент. И сейчас хочется, но уже не получается, — я постарел для этого, видимо.

М. Д. — Совсем недавно, как нам донесла разведка, вы выступали в Париже в ЮНЕСКО...

— Я в Париже выступал в ЮНЕСКО, я выступал в Бонне. Но это другое дело.

Я думаю, что если бы я сейчас начал бы этим заниматься, вряд ли это кого-нибудь заинтересовало бы так, как тогда. Потому что дело не столько в моих способностях и особенностях, сколько в потребностях времени. Вот совпало то, чем я занимался, с потребностями общества, времени, и получилось так, что я стал н у ж е н.

— Дмитрий Быков, — пожалуйста.

Д. Б. — Булат Шалвович, в начале этого года я опубликовал в «Собеседнике» такую антиутопию «Октябрь девяносто пятого», где описывается, как в стране к октябрю произошёл очередной переворот, все демократы сосланы рядовыми, как Лермонтов, воевать на Кавказ; свары демократов очень быстро надоедают лирическому герою, и он идёт к костру шестидесятников, где в шинели, оставшейся с войны, сидит старый солдат Окуджава, перед ним жестяная кружка со спиртом, тоже оставшаяся с войны...

— А почему я ничего этого не знаю?..

— Не читали вы, да?

— Нет, я не читал.

— И вы там поёте под хор демократов «Отшумели песни нашего полка...», что приобретает двойную актуальность. Можете ли вы себе представить такую ситуацию, и каково будет, собственно, ваше место после победы вот этих сил, которая кажется иногда такой неизбежной?

— Я не знаю. Я — легкомысленный грузин и никогда не прогнозирую. Я думаю о сегодняшнем дне. Что там будет? что может быть? — этого я не знаю.

— Но в случае чего оказаться в шинели вы были бы готовы?

— Ну, если понадобится — ради каких-то принципов своих — я готов. Конечно.

— Отсюда как бы вытекает второй вопрос, потому что, как вы знаете, Пушкин упражнял руку, ходя с железной палкой, Лермонтов замечательно стрелял...

— Да.

— В какой степени нужна поэту чисто физическая способность за себя постоять? Потому что иногда — скажем, после плевка в лицо — писать очень трудно.

— Очень важно. Я надеюсь, что я бы смог за себя постоять. Хотя не могу сказать, что я оказался бы победителем.

М. Д. — Булат Шалвович, вы человек с Кавказа, хотя и арбатский человек, и хотя сугубо столичный житель, но всё-таки, повторю, вы — с Кавказа. Вот в этой связи скажите: на ваш взгляд арбатского грузина, человека в общем двух культур, хотите вы этого или нет, хотя вы считаете себя русским, — на ваш

взгляд, кто такой Шамиль Басаев¹? Новый Робин Гуд или террорист и убийца?

— То, что он совершил², конечно, печально и трагично. Но я думаю, что когда-нибудь ему поставят большой памятник. Потому что он — единственный пока, кто смог остановить эту бойню³.

— *Даже такими методами?*

— Ну а какими же ещё! Б о й н я! Семь месяцев идёт бойня. Он такими же методами её останавливает. А какими же методами он <её> мог бы остановить?..

— *Булат Шалвович, но погибли же в больнице мирные люди!..*

— Да. Но перед этим погибли пятьдесят тысяч мирных людей в Чечне.

— *Марина Тимашева, — пожалуйста.*

М. Т. — Булат Шалвович, у меня продолжение этой темы. Но ведь попытка изобразить акцию Шамиля Басаева как реакцию на войну в Чечне и на ввод федеральных войск, — она существует. Но с другой стороны, всем известно, что Шамиль Басаев стоял за террористической акцией угона самолёта задолго до того, как федеральная армия вторглась в Чечню⁴. Тут уже нельзя объяснить это...

— Вы судите Шамиля Басаева или говорите конкретно об этом <его> поступке? Если говорить о Шамиле Басаеве во-

¹ Басаев Шамиль Салманович (1965–2006) — учился в Московском институте инженеров землеустройства и в Исламском Институте (Стамбул); авторитетный полевой командир самопровозглашённой республики Ичкерии; один из лидеров чеченских террористов; ликвидирован российскими спецслужбами.

² Речь идёт о захвате 14 июня 1995 г. отрядом боевиков во главе с Ш. Басаевым заложников, включая беременных женщин, и удержание их в больнице г. Будённовска Ставропольского края до получения от правительства гарантий прекращения боевых действий в Чечне; захват сопровождался большими жертвами среди мирного населения.

³ Речь идёт о так называемой «первой чеченской войне», официально называвшейся «мерами по поддержанию конституционного порядка» и начавшейся 11 декабря 1994 г., когда подразделения Минобороны и МВД России вошли на территорию Чечни на основании указа Президента РФ Б. Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта».

⁴ В 1991 г. Ш. Басаев в знак протеста против введения Чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии совместно с группой осуществил угон самолёта из аэропорта Минеральные Воды в Турцию.

обще... Я не юрист, я недостаточно информирован, — и я не могу обсуждать всю его деятельность, абсолютно. Я этим не занимаюсь. Но если говорить о Будённовске, я говорю, что это трагично, печально и отвратительно. Но я думаю всё-таки: война в Чечне отвратительней, чем этот поступок. И тем более если этот поступок остановил эту войну, — я думаю, что когда-нибудь ему памятник поставят.

М. Д. — Дмитрий Быков.

Д. Б. — Булат Шалвович, я знаю, что вы долгое время, не смотря на все осложнения, дружили с Владимиром Максимовым⁵. Знаю, что когда его ругали все, вы никогда не отзывались о нём плохо. Сейчас, после его гибели, по-новому высвечиваются многие вещи из того, о чём он говорил. У вас нет ощущения его конечной правоты в чём-то сейчас?

— Нет, это не совсем точно. Мы сорок лет дружили с Максимовым. Я его прекрасно знаю почти с юности. Последние годы он стал невыносим, и я порвал с ним отношения. Он поучал, а я хорошо помню выражение Чехова «Умный любит учиться, а дурак учить». Я с такими людьми общаться не могу. Потом он стал м е н я задевать — ну, по-смешному, конечно... Насчёт правоты — я не знаю ни одного человека из «вещавших» в прошлые годы, в ком бы не было элементов правоты.

М. Д. — Марина Тимашева, — пожалуйста.

М. Т. — Булат Шалвович, у меня такой несколько, наверное, нескромный вопрос: а верующий ли вы человек? И если да, то какой конфессии вы принадлежите?

— Я вообще — «о к т я б р ё н н ы й». Меня «октябрили». Значит, на заводе, «Трёхгорке», где работала моя мама. Меня вынесли в цех, играл оркестр... Значит, рабочие стояли у своих станков и поздравляли мою маму. Я был «октябрён». Потом я жил в семье коммунистов, ф а н а т и ч н ы х коммунистов, и конечно воспитывался как всякий «красный» мальчик. Не то что верующие, а когда мы на арбатском дворе встречали вдруг

⁵ Максимов Владимир Емельянович (1930–1995) — прозаик, публицист; после эмиграции с 1974 по 1992 главный редактор журнала «Континент»; упомянут в раннем стихотворении «Песенка о Сокольниках», его дружба с О. закончилась по политическим мотивам. См.: *Окуджава Б.* Несколько сцен из провинциальной пьесы // Родина. 1991. № 4. С. 70–73; *Максимов В.* «Возьмёмся за руки, друзья!..» // Кн. обозрение. 1994. № 3 (21 янв.). С. 3; *Окуджава Б.* «Литературная газета», А. Удальцову. Без копии // Лит. газ. 1994. 15 июля. С. 3.

священника случайно, мы все толкали друг друга... били по плечу, кричали: «Горе не моё!» — это было такое правило, традиция... И конечно я абсолютно равнодушен к церкви. Но в то же время я прекрасно понимаю, что такое вера, — сейчас. Я понимаю прекрасно. Я не могу перековаться, и это было бы лицемерием с моей стороны, — как у многих происходит сейчас. Я опять не верующий... <то есть> не религиозный человек. Н е ц е р к о в н ы й.

Е с т ь во мне какая-то вера, как в нормальном человеке. Есть. Во что-то, чего я не могу объяснить, что руководит мною. Это какая-то логика развития природы... — я не знаю. Что-то такое существует, наверное.

Ну, моя жена, например, глубоко верующий человек, и это нам не мешает сосуществовать.

М. Д. — Я попробую задать ещё один вопрос, хотя политикой вы не особенно — в последнее время, в самое последнее, — занимаетесь, тем не менее. Тем не менее, политические вопросы всех сейчас всё ещё очень волнуют. И вот по этому поводу мой вопрос. Без малого два года назад, Булат Шалвович, вы осенью 1993 года в публицистических статьях, в интервью, в письмах наконец, в <письме> к Президенту, призывали его к решительным действиям⁶. Среди подписей была подпись и ваша. И Президент вам внял. Скажем так. Не кажется ли вам, Булат Шалвович, что более чем решительные действия Ельцина в Чечне всего год спустя после кровавых событий в октябре 1993 года — это, в конечном итоге, результат тех же ваших призывов?

— Нет! Это глубокое заблуждение. Потому что я призывал к с и л е, а не к насилию. Сила — это значит сильная власть. Власть, ответственная за себя и за свои поступки. Власть, которая ответственно добивается решения своих постановлений. А насилие — это кровь. Я всегда был противником насилия.

— Но вам не кажется, Булат Шалвович, что тот ваш призыв большинством населения был воспринят не так, как вы говорите сейчас?

— А я думаю, что это по неграмотности просто. Потому что никто не мог отличить силу от насилия. Корень один! Я объяс-

⁶ Речь идёт о коллективном обращении к согражданам в связи с кровавыми событиями в Москве, подписанном сорока двумя представителями российской интеллигенции, см.: Писатели требуют от правительства решительных действий // Изв. М., 1993. 5 окт. С. 3.

нял несколько раз. В интервью я объяснял. На вечерах, когда мне присылают этот вопрос, я всегда об этом говорил. Я — за силу. Вот не за безалаберность, которая существует сегодня, а за силу. За жёсткую власть. Не жестокую, а жёсткую власть. Всегда об этом говорил. Но, видимо, разницы не понимают. Потому что наша власть — советская власть, она продолжается. Хотя внешние какие-то там черты и меняются, но в принципе это советская власть, она продолжается. А она всегда была однозначна — насильственна. Вот.

— *Дмитрий Быков. Пожалуйста.*

Д. Б. — Помню ещё старую-старую песню, где речь шла о том, что счастливых в этом городе слишком много — так много, что «боже, упаси». Как на ваш взгляд, есть ли счастье, и плодотворно ли для человека это состояние?

— Ну, смотря что понимать под счастьем. Я понимаю под счастьем то, что я живу, например. Какое больше может быть счастье?! Ну, ещё есть д о р о г а к счастью. В этом есть счастье. А окончательный результат — я не знаю, достигим ли он? Я не знаю.

Так же, как Истина, например. Вот мы движемся к Истине, мы приближаемся к ней... А в тот момент, когда мы п р и к а с а е м с я к ней, — нас уводят навсегда.

— *И как бы продолжая... Многие из людей, поющих под гитару (просто за нелюбовью моей к слову «барды»), часто говорят о том, что высшее для них счастье — это когда поют они какие-то свои вещи. Это вам доставляет удовольствие?*

— Нет.

Я тоже не люблю слово «барды», это, по-моему, придумал ЦК комсомола когда-то для удобства. Да...

— *Но петь приятно вам?*

— Нет, сейчас — нет. Нет! К о г д а - т о для меня это было наслаждение. Я вообще всегда... я очень счастливый человек, потому что всю жизнь я делал то, что мне очень было по сердцу. Платили мне за это, не платили ли, там, освистывали или аплодировали, — независимо от этого, — я наслаждался тем, что я делаю. П о т о м я разочаровывался в себе. Это потом уже.

М. Д. — Булат Шалвович, а были случаи, когда вас освистывали?

— Нет, так, чтобы зал меня освистывал, — не было. Потому что я начал выступать уже тогда, когда уже было определён-

ное какое-то отношение ко мне, и приходили люди, кому это интересно.

Был, например, один такой случай замечательный (в старые времена!): мы поехали — группа поэтов, ещё тогда молодых, — поехали выступать по Волге. И вот мы были в Саратове или в Самаре (я сейчас не помню точно) — у нас был вечер, было громадное количество людей. Тогда это было в диковинку всё, и всё это вызывало большой интерес. Первое отделение прошло хорошо, мы пришли за кулисы, отдыхаем... И вдруг к нам входят двое молодых ребят, они очень взволнованны... И вдруг выясняется, что они пошли на этот вечер по поручению горкома комсомола с тем, чтобы нас освистать. Как пошляков, и всё это... (Они никогда раньше о нас не слышали.) И они пошли выполнять задание. Пришли — и заслушались. «А нам, — говорят, — понравилось, и мы не могли свистеть». Было такое, да.

— *Булат Шалвович, скажите, пожалуйста, вы программу «Куклы»⁷ смотрите?*

— Ну, я не могу сказать, что постоянно, но в общем да, смотрел.

— *И как вы относитесь к этой программе? Особенно теперь, после того, как прокуратура возбудила уголовное дело⁸?*

— Ну, так же отношусь, как и относился. С самого начала я считаю, что это очень хорошая выдумка, на очень хорошем уровне. Иногда бывают там просчёты всякие в тексте... Бывают. Скучно, не интересно. Но это другое дело.

Что касается нашей прокуратуры, я совершенно не удивлён. Потому что это — советская прокуратура, выполняющая определённое задание, очень ограниченная по своим способностям... Вот и всё.

— *А вы думаете, она это по своей собственной инициативе, чтобы как-то выслужиться перед...*

⁷ «Куклы» — регулярная (1994–2002) десятиминутная развлекательная сатирическая телевизионная передача канала НТВ на актуальные политические темы. В роли участников каждого выпуска выступали современные российские политики, представленные резиновыми куклами.

⁸ В июле 1995 года против создателей программы «Куклы» было возбуждено уголовное дело по статье 131 УК РСФСР: «Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Объектом преследования стал выпуск передачи в духе горьковской пьесы «На дне», в которой политики изображались в виде нищих, бездомных и попрошайек. Впоследствии дело было закрыто.

— Может быть... Ну вот, — советская прокуратура... Ну вот и всё.

— *Марина Тимашева, — пожалуйста.*

М. Т. — Булат Шалвович, вот ещё в подпольные времена в рок-музыкальной среде бытовала такая точка зрения, что всё, что существует в отечественной рок-музыке действительно хорошего и интересного, обязано возникновением и связям с авторской песней, с поющими поэтами, раз вы не любите слово «барды». Есть ли кто-то из рок-музыкантов в нашем Отечестве, кого вы считаете близким себе человеком, понятным, чьё творчество вас интересует?

— Я в рок-музыке ничего не смыслю. Мне стыдно, но я не могу об этом умолчать. Что касается музыкантов и исполнителей, связанных с рок-искусством, есть несколько человек, которые для меня не р о к - музыканты, а поэты, исполняющие свои стихи под аккомпанемент. Ну, например, Гребенщиков, Макаревич... Они мне интересны, симпатичны. Вот. А насколько они р о к - музыканты, я этого не знаю, мне не интересно это.

М. Д. — Дмитрий Быков.

Д. Б. — Булат Шалвович, есть замечательная фраза Отто Вейнингера⁹: «У добрых людей обычно плоская этика». Вы много писали о добре, и тем не менее, могли бы в ы себя назвать человеком добрым? И не отталкивает ли вас в других вот эта вот доброта, вот это желание помогать ближнему независимо от того, кто он и какой он?

— Ну как это может отталкивать? Это единственное спасение наше. Единственное, что уравнивает зло. Потому что если б не было бы добра, мы давно перегрызли бы друг другу глотки.

Вот, и когда говорят о предназначении искусства, которое «должно вести, учить...», — я считаю, что это неправильно. Я считаю, что предназначение поэзии — е д и н с т в е н н о е — заключается в том, что, может быть, благодаря стихам и любви к стихам... — может быть, это позволяет уравнивать добро и зло в жизни в нашей. Вот и всё.

М. Д. — Как же вы, Булат Шалвович, отнесётесь к знаменитым (в печальном, на мой взгляд, смысле) строкам Ста-

⁹ Вейнингер Отто (1880—1903) — австрийский философ, автор кн. «Пол и характер», пользовавшейся сенсационным успехом в Австрии и Германии в нач. XX в.

нислава Куняева¹⁰ «Добро должно быть с кулаками»? Это как, по-вашему?

— Я давно знаю эти строчки, но я, честно говоря, никогда не задумывался над этим. Потому что мне Куняев не интересен. И я не пытался анализировать его строки.

— *Марина Тимашева, — пожалуйста.*

М. Т. — Булат Шалвович, очень часто и в разговорах, и в прессе пишут, говорят о том, что Булат Окуджава и интеллигенция — это «близнецы-братья», то есть, что Булат Окуджава — это символ интеллигентности, интеллигенции и так далее. Как вы на это реагируете сами? И вообще, что такое интеллигенция?

— Я очень отрицательно реагирую на это, во-первых. Это опять наша беда старая, старая большевистская беда, когда мы не знаем, что такое что. Не знаем. Не знаем, что такое демократия, что такое свобода, что такое закон... Что касается интеллигенции, мне очень хочется, я стремлюсь быть интеллигентным человеком. Да. Но сказать: я — интеллигент, — по-моему, это неприлично. Самому о себе. Это всё равно, что сказать: я — хороший человек.

Интеллигенция — с точки зрения большевиков — раньше превращалась в профессию. Кончил вуз, имеешь диплом, шляпа, очки — это интеллигент. Вот недавно генерал Лебедь¹¹ в очень интересном интервью заявил: «Ну, я, например, интеллигент, у меня два диплома», — сказал он.

М. Д. — Извините, то же самое совсем недавно сказал и Владимир Вольфович Жириновский.

— Ну, вот пожалуйста.

Нет! Нет, это не профессия... Это состояние души... Нужно иметь много качеств, чтобы и м е т ь п р а в о, чтобы о тебе говорили как об интеллигенте. Интеллигент — это прежде всего человек, испытывающий отвращение к насилию, — раз. Че-

¹⁰ Куняев Станислав Юрьевич (1932) — поэт, публицист-«почвенник»; главный редактор одиозного журнала «Наш современник»; прославился строчкой М. Светлова, данной слушателям поэтического семинара с заданием написать на эту тему стихотворение; известен также «разоблачениями» коллег: Э. Багрицкого, Б. Слуцкого, О., В. Высоцкого и др.

¹¹ Лебедь Александр Иванович (1950–2002) — российский военачальник и политик; в то время командующий 14-й российской армией в Приднестровье; позднее баллотировался на пост президента РФ, был избран губернатором Красноярского края.

ловек, у которого больная совесть, — два. Человек, который уважает личность, — три. Человек, который умеет иронически относиться к себе самому и не обольщаться на свой счёт. Человек, который может сомневаться в своей правоте. Человек, для которого духовное выше материального. Ну, и ещё, наверное, есть, — я сейчас не могу всё перечислить. И я думаю, что рабочий человек м о ж е т быть интеллигентом, а академик может быть жлобом.

— *Дмитрий Быков, прошу вас.*

Д. Б. — *Вот, Булат Шалвович, вы много говорите о том, что не следует обольщаться. Я помню вот этот стишок у вас давний: «Я умел не обольщаться даже в юные года...» Но мне представляется, что обольщение — это вещь необходимая для искусства, всякая любовь — обольщение, всякие иллюзии — обольщение. Мне кажется, что иллюзии вообще очень плодотворны. Вам не тяжело было жить без каких-либо гипнозов?..*

— Нет, это правильно, конечно. Не надо всё буквально в стихах воспринимать, конечно. Да. Да и не на эту тему я писал. Просто слово «обольщение» сбивает с толку. Не об этом. Конечно. Умение насладиться собой — да. Но умение и посмеяться над собой. Если они соседствуют — вот это замечательно! Потому что одно без другого не существует.

— *Мне кажется, невозможно ничего написать, если не чувствовать себя гением.*

— Конечно, когда я пишу стихотворение, я понимаю, что я пишу гениальное стихотворение. Но я не кричу: «Ай да Пушкин... сукин сын», да? Но я это ощущаю. Но когда я ставлю точку и через день я перечитываю это стихотворение, — я понимаю, что это далеко от совершенства. Но я утешаю себя тем, что я з н а ю, я убеждён, что с л е д у ю щ е е стихотворение будет гениальным.

— *А через какие стадии у вас проходит только что законченный текст? Вы работаете, во-первых, от руки или на машинке? А во-вторых, есть необходимость сразу кому-то показывать?*

— Стихи на машинке — никогда, нет. Стихи в голове. Потом что-то записываю, какие-то строчки. Случайные совершенно. Потом выясняется, что это не случайно. Это опыт моей жизни.

— *А показывать кому-то у вас нет необходимости?*

— Нет, есть. Когда я только написал — да. Я сразу же звоню в Москву жене и читаю ей по телефону, — она меня ругает в основном.

М. Д. — Вот кстати, об отношении вашей жены к вашему творчеству и, в частности, к вашим песням... Каково оно, это отношение?

— Она очень высоко в принципе относится к тому, что я делаю, и это меня поддерживает очень. Но в частности она — очень жестокий критик.

— *Вот интересно, мне рассказывали одну очень замечательную историю о том, как вы вместе с вашей женой оказались в одном... то ли это был лифт, то ли другое средство передвижения, — с Андреем Дементьевым; и вы выразили соболезнование Андрею Дементьеву в связи с тем, что у него сгорела дача. На что он сказал, что он, дескать, уже заложил новый фундамент, что ничего страшного, скоро будет новая... А вы, дескать, на это сказали: ну а деньги-то на это, надо ведь большие деньги... А он сказал: а я песни пишу. На что вы сказали в ответ: вот я тоже вроде пишу, а денег таких нет. И тут ваша жена, дёрнув вас за рукав, сказала: «Да плохие твои песни, плохие».*

— А, было. Ну, это было давно, когда как-то мои песни не имели такого материального стимула...

— *Булат Шалвович, ну вот Ваши песни в шестидесятых-семидесятых годах пелись молодёжью особенно. Поразительно, но я никогда не думал, что такие песни, как ваши, можно петь хором. А ведь их хором пели...*

— А я очень люблю, когда хором поют песни.

— *Ну, не знаю, мне кажется, что ваши песни настолько индивидуальны, что они предназначены для солиста. Но вот любопытно, что эти песни поются и теперь, пусть не в том количестве и не так, — но всё-таки их поют. Скажите, пожалуйста, молодёжь, которая сейчас поёт ваши песни, она поёт такие строчки, как «Поднявший меч на наш союз...» и «...И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», — как вы думаете, какие мысли у них при этом в голове?*

— Я не знаю. «Песню о комиссарах» я написал в пятьдесят седьмом году, я это тогда так ощущал. Для меня прежде всего важно качество поэтическое. Я тогда так ощущал. Теперь я понимаю, что я во многом, значит, ошибался. Но эти стихи не померкли для меня всё равно. Всё равно.

Так же, как я думаю, что и для Киплинга не померкли бы его, там, милитаристские стихи к концу жизни. Это — стихи. Прекрасные стихи.

А что касается молодёжи, я, честно говоря, не знаю. Ну, кому нравится, тот это исполняет. Может быть, он и не понимает этого смысла. Я не задумывался.

Единственное, что я могу сказать, что меня как автора радует очень: что и сегодня на мои вечера приходит очень много молодых людей. А некоторые молодые родители приводят совсем маленьких детей, которые высиживают два-три часа концерта. Для меня это как для автора — большая честь. Мне это очень приятно.

— *Марина Тимашева.*

М. Т. — Раз Булату Шалвовичу это приятно, то я должна сказать, что моя пятнадцатилетняя дочь только что со своим классом была в Германии, где они на заключительном прощальном концерте исполняли немцам песни. Там была «Под музыку Вивальди» — только одна не ваша, и все остальные песни, которые они пели, был — Булат Окуджава. Так что это к вопросу о поколениях и о том, что это было не только в семидесятые-восемидесятые годы. И о вашем кокетстве, вначале вами проявленном, о том, что это совпало со временем... Это совпало с т а к и м длительным временем!..

— Нет, это не кокетство. Я хотел сказать (может, вы не поняли)... Нет-нет-нет. Тут не столько моя заслуга, сколько заслуга времени, которое этого з а х о т е л о. И я это почувствовал, видимо. Вот и всё.

— *Но вопрос у меня такой: сейчас очень многие люди, москвичи старые, проходя по городу, говорят о том, что они очень чувствуют, как в Калининграде нынешнем нынешние туристы-немцы, — что разрушены дома, сметены дворы и, как получается прямо по вашей песенке, «правнуки забыли свой двор». И вы, наверное, уже понимаете, что я хочу спросить о том, что происходит с Арбатом сегодняшним?*

— Ну, что... уже произошло давно. Может даже, и моя вина отчасти в этом есть, потому что я много об Арбате пел и п р о ш у м е л. Поэтому взоры всех дельцов обратились к нему. И тогда группа архитекторов, наверное, решила его преобразовать. По своему вкусу. И они подали Промыслову свои проекты. Они — друзья, — он утвердил своих друзей.

Вот. Со вкусом у всех было плохо. Вот, решили сделать такую улицу. Теперь выясняется, что везде на Западе во всех городах таких «арбатов» полно. Ничего нового нету, открытия нету. Старого Арбата нет. Есть новый Арбат, — может, он неплохой. Не знаю. Но это уже не Арбат. Ну конечно, люди должны грустить.

Правда, я вот говорил уже, это повторял много раз: я с архитекторами говорил, которые, там, эти фонари устанавливали, да всё это челуховое. Я говорил: «Да что ж вы испортили Арбат!..» Они говорят: «Как то есть испортили?! А вот из Бирюлёва приезжают — им нравится...» Ну и построили бы в Бирюлёве тогда! Зачем же это-то нужно было!..

Ну вот. Ну как быть с этим! Это наша советская безвкусица. Знаете? Решили, подписали — и заработали на этом.

М. Д. — Булат Шалвович, я вынужден вам задать вопрос, которого я хотел бы избежать.

— Ну избежите...

— Нет, по долгу своему не могу тем не менее.

— Ну давайте.

— *Некоторое время назад, когда вы были в Париже, общались с эмигрантами, близко вам знакомыми, из тех, которых знаю я, у вас был некий разговор... Поскольку вы не просили оставить его в секрете, мне его пересказали. И в этом разговоре вы сказали о том, что вас вполне устраивает нынешняя власть, поскольку вас печатают и вы вполне можете ездить по миру. Поэтому вас всё устраивает.*

— Да.

— *Это правда? вы так говорили?*

— Я не думаю, чтобы я т а к сказал, но резон в этом есть. Меня лично — как обывателя — вполне устраивает. Но, конечно, я в очень тяжёлом самочувствии по поводу того, что происходит у нас. Конечно.

— *Скажите, какие вы видите пороки той власти, которая ныне вершит...*

— Т а с а м а я в л а с т ь, — советская власть. Она перекрасилась чуть-чуть. Но внешне. Суть остаётся та же. А тут — ложь. На каждом шагу. Опять. Раньше эта ложь была более твёрдой, потому что информации, кроме как оттуда, я не получал. Я понимал, что — ложь, но всё-таки: «А может быть,

и не ложь». А сейчас я хорошо информирован, а мне лгут в лицо и говорят другие вещи совершенно. Вот это бесстыдство, это наплевательское на мнение общества отношение — вот это и есть советская власть.

— *Дмитрий Быков, — пожалуйста.*

Д. Б. — Булат Шалвович, давно хотел я спросить, и никогда, по-моему, вы об этом не говорили. Как вы провели самый ваш знаменитый день рождения — а именно в сорок пятом году? Кто вас поздравлял, как это происходило? Был ли дополнительный салют, там, от товарищей? Как что <было>?

— Нет. Моя тётя, у которой я жил, вручила мне сто рублей. На сто рублей можно было купить бутылку кахетинского вина «восьмой номер». Я купил эту бутылку, и мы с моим приятелем у меня дома её распили.

М. Д. — Марина, пожалуйста, ваш вопрос.

М. Т. — Булат Шалвович, можно я вернусь к тому разговору, который был раньше, потому что мне самой необходимо что-то понять? Что значит «сила» и что значит «насилие»? Вот пока войска стоят — это сила, а когда они начинают... В чём грань? где?

— Сила — это средство защиты, насилие — это средство подавления.

— *Нельзя ли в таком случае расценивать поведение наших лидеров государственных по отношению к Чечне как меру защиты?*

— Нет. Разбой, самый явный и наглый разбой. Три года тому назад и четыре года тому назад нужно было по-человечески обсуждать этот вопрос. Они сами назначили Дудаева¹², которого сейчас проклинаяют. Они сами его вооружали, да? Чем-то он им не потрафил. И теперь они, значит, обидевшись и оскорбившись, стали его бить по зубам. Потому что советская власть никаких методов не знает, кроме насилия.

М. Д. — Булат Шалвович, скажите пожалуйста, если м о ж е т е ответить на этот вопрос: вот предстоят нам вскорости выборы — сначала в Думу, потом президентские; могли бы вы сказать, за кого будете голосовать на первых выборах и на вторых?

¹² Дудаев Джохар (1944–1996) — до 1990 г. — советский генерал, командир авиаполка, дивизии, командир Тартусского гарнизона; с 1991 г. — глава Объединённого конгресса чеченского народа, президент Чеченской республики (Ичкерии), возглавил сепаратистские и вооружённые действия против российских федеральных войск; ликвидирован российскими спецслужбами.

— Я даже не знаю, кто будет выдвигаться...

— Но у вас есть какие-то предпочтения?

— Ну, я вообще всегда стараюсь голосовать за порядочных людей. А п о т о м уже — за профессионалов...

— Вы считаете, всё-таки есть сейчас там в этих властных структурах...

— ...порядочные люди? Да. Да, я уверен, что там есть порядочные люди.

— Вы их знаете?

— Я знаю.

— Назовите, пожалуйста.

— Ну, я не знаю, тот же Гайдар, Чубайс, Молостров, Юшенков, Золотухин¹³... Много есть. Есть. Не много, то есть, но есть порядочные люди. Как они будут проявлять себя и смогут ли — я не могу этого сказать. Вот они здесь есть, но слово предоставляется в основном клоунаде типа Невзорова, Марычева¹⁴, Жириновского... — вот они там вертятся колесом.

— Булат Шалвович, а Сергея Адамовича Ковалёва вы в число порядочных не включаете?

— О-о! О-о! В высшей степени.

— Просто не сразу...

— Не сразу сработало, да.

— Ну а на президентских выборах за кого бы вы проголосовали?

— А я не знаю, за кого мне предложат голосовать.

— А если за Ельцина предложат, вы отдадите ему свой голос?

— Если т о л ь к о будет Ельцин, я...

— Нет, не только.

— А кто ещё?.. Ну, к примеру?

— Явлинский, Жириновский...

— Да. Ну, то, что предполагается сейчас...

— Да. Может быть, Лебедь выставит свою кандидатуру...

¹³ Здесь и далее (Ковалёв, Явлинский) названы депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва (1993–1995); кроме Явлинского — члены фракции «Выбор России».

¹⁴ Депутаты Госдумы — инициаторы одиозного движения «Наши» (1991).

— Нет. В таком случае — т о л ь к о за Ельцина. Я его уже знаю.

— Дмитрий Быков, — пожалуйста.

Д. Б. — Булат Шалвович, вот здесь для меня удивительно это на самом деле. Ведь когда-то он действительно был для нас альтернативен. Но разве вы не увидели за это время, что там очень много просто чистой «обкомовщины»?

— Увидел. Увидел. И всё-таки: если мне предлагают вот этот список, я не вижу другого человека.

— Там же е с т ь более симпатичные люди — Явлинский, например?

— Не знаю... Он мне симпатичен как человек. Как деятель он мне не известен, — во-первых. А во-вторых, он слишком молод, мне кажется, чтобы быть президентом или самодержцем России.

— А неужели Ельцин у вас не стал вызывать активной антипатии?

— Есть много у меня претензий к нему. Много. Но вот в этом списке... Я не знаю.

Но может быть, и нет. Вы знаете, это вот вопрос по радио, в разговоре... А чёрт <его знает>: а через пять минут я подумаю — «да, действительно, а может...» Я не могу точно сказать — я ж не политик... Потому что если б у нас был кухонный разговор московский — да? — ну, я бы, может быть, и что-то изменил бы и сказал бы: «да нет, пожалуй, нет; пожалуй, вы правы, там...» А когда чётко и коротко: кто? — ну вот...

— Ну, вот это же продолжая: в какой мере вы вообще человек настроения? Вы можете поддаваться злобе, какой-нибудь случайной вспышке? Насколько легко вы взрываетесь?..

— Нет. Злобе — нет... Но я должен долго для себя анализировать и потом сообщить своё мнение.

М. Д. — Булат Шалвович, а что в Ельцине с е й ч а с вызывает в вас наибольшую неприязнь?

— Да не хочется говорить, потому что это может прозвучать обидно. А мне не хочется обижать.

— Ну, не будем обижать президента.

— А! Прошу прощения. А вы знаете, с а м а я главная беда — это отношение к кадрам. Умение подбирать кадры.

— *То есть не - умение?*

— Не - умение, да.

— *Ну да, у нас ведь до сих пор — раз вы говорите, что у нас власть советская, — «кадры решают всё»...*

— *Дмитрий Быков, — пожалуйста.*

Д. Б. — А есть сейчас, интересно, у нас в ночной Москве какие-нибудь места, где вам бывает, там, «надежды голос слышен»? где вам приятно в Москве?

— Нет, нет, нет... У меня в последнее время очень отношения и к Москве и к России изменились, — последние два года. И я встречался с одним высокопоставленным человеком (не буду называть его фамилию; случайно мы столкнулись), и естественно заговорили о судьбе России. И я говорю: «Вы знаете, в этом вопросе я последние два года — пессимист». Он говорит: «Да, пожалуй». Я говорю: «Знаете, я хорошо знаю российскую историю, сопоставляю с сегодняшним днём и...» А он говорит: «Да, пожалуй». Я говорю: «Ну, может быть, когда-нибудь... там, чёрт знает когда...» Он говорит: «О-о! Вы — оптимист», — сказал он. (*Смех в студии*).

М. Д. — Марина, — пожалуйста.

М. Т. — Булат Шалвович, а всё-таки грузинская кровь, она в вас как-то проявляется? Вот все мои знакомые грузины (но, правда, это, как правило, артисты или режиссёры; тот же Резо Габриадзе, можно много называть фамилий) — они все очень темпераментны, экспансивны, экспрессивные люди. А вы — совсем нет. Вы сдерживаете свой <темперамент>?

— Я сдерживаюсь, конечно. Я научился сдерживаться.

М. Д. — А рог вина выпьете? Сможете?

— Мне вредно вино. Но в общем могу выпить, конечно.

— *Булат Шалвович, скажите, вот обычно писатели говорят о себе: я не читатель — я писатель. А вы любите читать что-нибудь, кроме «себя любимого»?*

— Конечно!

— *Кого вы любите читать?*

— Конечно, я люблю читать. Ну, есть постоянные мои авторы, постоянные: начиная с Гофмана, с Александра Сергеевича, с Льва Николаевича, — это постоянно, конечно. Ну, я постоянно слежу за литературой, насколько возможно.

А вот два года тому назад я был членом жюри Букеровского комитета... Я ж не знал, что это такое. Мне позвонили и сказали: «Вот мы хотим вас...» — «О! — я сказал. — Большая честь, с удовольствием...» — «И вы поедете в Лондон...» — «О! И в Лондон я поеду?» — «Да...»

...И прислали мне м е ш о к рукописей: пятьдесят четыре романа. (Ну, там б ы л о несколько замечательных, а остальное всё было кошмарно.) Надо было читать. Вот тут-то я... Да... Отравился очень основательно.

— Дмитрий, — пожалуйста.

Д. Б. — Булат Шалвович, вы говорите о своём знании истории, о любви к ней. В конце концов, вы исторический романист, и естественно было бы вас спросить: какой период российской истории был бы вам для проживания предпочтителен? Есть ли хоть одна историческая ситуация, в которой вы бы оказаться хотели? И личности, с которыми хотели бы пообщаться на этой почве?

— Нет, меня очень устраивает нынешнее время. И время, в которое я живу. Оно очень интересное, и очень достойно меня, и я его тоже.

Но! Однажды, ещё в брежневские времена, со мной делали интервью. И в заключение они меня спросили в шутку: «Булат Шалвович, а кем бы вы хотели быть, если бы жили в начале XIX века?» Ну, я сказал: «Я бы хотел быть богатым просвещённым помещиком». Через несколько дней меня вызвали в партком Союза писателей. Там сидела целая группа во главе с Феликсом Кузнецовым¹⁵. И он мне сказал: «Как ты мог позволить себе пожелать т а к о е!..» Я говорю: «Ну что же, как Пушкин, Герцен, Толстой... — а что ж тут такого!.. И “нёс бы просвещение в массы”»...

А я говорю: «А ты кем бы хотел быть?» Он покраснел, как-то так стушевался немножко и говорит: «А я бы — крепостным». (Общий смех).

М. Д. — Булат Шалвович, вы сами заговорили о Союзе писателей. Сейчас уже их несколько, союзов.

— Да.

— Как вы относитесь к тому расколу, который произошёл? Вы считаете, это явление должно было произойти?

¹⁵ Кузнецов Феликс Феодосьевич (1931) — критик, литературовед; писательский чиновник.

— Да, я думаю, что это вполне закономерно и нормально. Люди разбились не по приказам, а по симпатиям. Так должно быть, и ничего страшного в этом нету. Хотя у нас это страшно, потому в нашем диком обществе тут же начинается кровавая вражда, там, и всё это...

— ...И попытка поделить то, что, в общем, делить-то и не надо.

— Да. Да-да-да, тут же. Суды всякие, там, и гадости всякие. А в общем-то ничего страшного в этом нет.

М. Т. — Булат Шалвович, конечно, это понятно, что они разделились по интересам и по симпатиям, — естественно. Но это единственный творческий союз, который умудрился в этой борьбе растерять имущество, каким-то образом его растратировать. А ведь это имущество, скажем, из которого можно было бы и пенсионный фонд старикам, и что-то ещё...

— Конечно, конечно.

— Это же чудовищная история. Т о л ь к о в писательском <это> произошло.

— Ну, в писательском — в большей степени, — конечно. Ну, что ж: какие писатели — такой и союз. У нас же по-настоящему настоящих писателей в стране было человек, может быть, пятьсот, а числилось — десять тысяч. Кто они такие? Это люди, которые умели поддакивать, да? Их выдвигали...

Вот я помню прекрасно: в «Молодой гвардии»¹⁶ мы выпустили книжку одного токаря — Героя соцтруда. Нам п о р у ч и л и выпустить его книжку. Но он сам не может, поэтому он рассказывал, а за него писал журналист. И вышла книжка. Автор — он. Он пришёл, получил гонорар и зашёл к нам туда, в кабинет, и сел, мы его приветствовали... И я его спрашиваю: «Иван Григорьевич, какие у вас планы теперь?» — «Да вот теперь, думаю, значит, в Индию вот собираюсь ехать... Поеду, посмотрю, — так, роман напишу про Индию». Вот — «писатель» вам, пожалуйста.

— А можно мне ещё один вопрос вслед задать? А что вообще происходит даже с х о р о ш и м и писателями? Почему именно писатели, именно литераторы оказываются так политически страстны и активны? Ну, начиная прямо со Звиада Гамсахурдия¹⁷, литератора, филолога...

¹⁶ В этом издательстве О. недолгое время работал после возвращения в Москву в 1956 г.

¹⁷ Гамсахурдия Звиад Константинович (1939–1993) — доктор филологических наук, писатель, диссидент, общественный и политический деятель; первый законно избранный президент Грузии в 1991–1992 г.

— Он — не писатель, ну что вы...

— *Литератор, филолог... Ну, всё-таки человек очень...*

— Да.

— *...литературного труда, скажем. И Валентин Распутин, и (деятельность я не сравниваю ни в коем случае)...*

— Больные люди они. Просто больные люди. Распутин ничего не пишет много лет уже, занимается политикой. Кто-то вбил...

М. Д. — А Василий Белов¹⁸?

— ...ему в голову, что он — гений, и он без чувства самоиронии это воспринял буквально. Вот и «вещает», и учит...

М. Т. — Но даже Василь Быков¹⁹, насколько я понимаю, теперь...

М. Д. — Я имею в виду Белова...

— А, Белов... Нет, Василь Быков — нет.

— *И Василь Быков — да, это иная статья...*

— Другой, другой...

М. Т. — Я не сравниваю сейчас, я говорю о политической активности.

— Ну, Василь Быков не такой уж активный, но в общем в какой-то степени... Мы все же граждане, да? Мы все здесь живём, нас всех это касается, нас колет, мы кричим от боли... Мы как-то реагировать должны? Конечно, я не люблю выступать на митингах, может быть, там, и всё это... Но если возможность есть — я в интервью где-то скажу свою точку зрения, где-то в песне, где-то в стихе... Ну а как же иначе!.. Должны реагировать. Но по-разному это бывает. Бывает — без тени сомнения, понимаете?..

Когда спрашивают одного очень крупного писателя: «Ну скажите, а как быть-то? Что делать-то?» А он говорит: «Любите друг дру-га!..» Ну, знаем, что надо любить друг друга, знаем...

М. Д. — Булат Шалвович, но ведь вы в Союзе писателей — Советского Союза — не первый год.

— С шестьдесят второго года.

¹⁸ Распутин Валентин Григорьевич (1937), Белов Василий Иванович (1932) — писатели, публицисты-«почвенники».

¹⁹ Быков Василь (Василий Владимирович; 1924–2003) — прозаик, народный писатель Белорусской ССР.

— ...с шестьдесят второго года. Неужели те тенденции, которые проявились только сейчас, тенденции, которые я бы назвал «антиинородческими», — неужели вы их не замечали? Они были всегда...

— Конечно, всё это было... Я не очень замечал, потому что я особенно не посещал Союз писателей. Это была замечательная привилегия: не нужно было посещать собраний — ни партийных, ни... Просто мне звонили, а я говорил: «Я в командировке». Это прощалось, в отличие от мест с л у ж б ы, где это <было> обязательным. Поэтому как-то всё это проходило в стороне.

Конечно мы знали всё это. Был же круг единомышленников; мы это знали и как-то пытались реагировать. Но как на это можно было реагировать!..

— Булат Шалвович, вот вы сейчас наверняка неоднократно (это сейчас любит показывать наше телевидение) видели себя, ну, допустим, на сцене Политехнического музея, когда снимались вы в т е давние времена.

— Ну, есть один кадрик, да.

— Скажите, пожалуйста, что вы испытываете сейчас, когда смотрите на себя вот т о г о времени?

— Да я не смотрю. И на последний Политехнический, который был, я не пошёл... Ну, я сказал, что я болен.

— А на самом деле?

— Да просто не интересно.

— Нет, но всё-таки когда вы видите себя того времени...

— Ну вижу. О-о! У меня волосы, шевелюра... Приятно очень. Потому что молодой был, да... Конечно. То, что хором зал мне подпекает, — я же знаю (это фильм снимался), и там было сказано: значит, будете подпевать в этом <месте>. И я-то всё это знаю, — я не обольщаюсь на этот счёт.

Ну, в общем я знаю, что интерес ко мне определённый — был. Некоторый. Но...

Публикация Д. БЫКОВА.

Подготовила к печати и прокомментировала Т. СУББОТИНА

Мария АЛЕКСАНДРОВА, Диана МОСОВА

«ПЕСЕНКА О КОМСОМОЛЬСКОЙ БОГИНЕ»: ДИАЛОГ С АЛЕКСАНДРОМ БЛОКОМ

«Песенка о комсомольской богине» — одно из воистину загадочных стихотворений Булата Окуджавы. Неочевидность его глубинного смысла определяется как сложнейшей литературной родословной заглавного образа, так и болезненностью личного, биографического подтекста — мыслью поэта о судьбе *прекрасной мамы*.

Идеализацию женщины в творчестве Окуджавы неизменно сопровождают блоковские мотивы¹. Психологические предпосылки возведения мамы в сан Богини очевидны: всегда, ещё до насильственной разлуки с сыном, далёкая от него в своей отрешённости и строгой красоте, посвятившая себя высшему служению, затем обречённая на «хождение по мукам», она была не только объектом любви, но и героиней творческого воображения. Название рассказа «Нечаянная радость» отсылает к од-

¹ Общие закономерности рецепции блоковских образов в лирике XX века определились рано. Героини Блока, сменившие Прекрасную Даму, поначалу казались современникам поэта его «отречением» от идеала. Но уже в некрологах 1921 года, в статьях на годовшину смерти Блока Прекрасная Дама и Незнакомка становятся синонимичными образами; ср. параллельные места в двух текстах (выделено нами. — *Авт.*): «Я слушал его в мае этого года в Москве... он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о *прекрасной даме...*» (Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. II. С. 630); «О Блоке можно сказать — поэт *Незнакомки* и русской культуры» (Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. II. С. 191). В сознании следующих поколений целостное представление об идеальной героине Блока утвердилось окончательно. В лирике Окуджавы реминисценции из «Стихов о Прекрасной Даме» и стихотворения «Незнакомка» (1906) функционально близки. См., например, отзыв критика о героине «Тьмою здесь всё занавешено...»: «Это блоковская *незнакомка* нынешнего городского поэта, его *Прекрасная дама*» (Марпан. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 337).

ноимённой поэтической книге Блока, вводя через это посредничество (и парадоксально переосмысливая источник) сюжет моления грешника Богородице. Мадонне уподобляется мама в «Упразднённом театре»². «Девушка моей мечты» словно бы переводит на язык кинематографической пошлости идеал нездешнего совершенства, а возвращение мамы из лагерного ада — антитеза «Её прибытию». Всеобъемлющий характер блоковского контекста подтверждается и тем, каким образом мотив «узрения» высшего существа переходит из песни-стихотворения «Мне нужно на кого-нибудь молиться...» («И в день седьмой, в какое-то мгновенье // она возникла из ночных огней // без всякого небесного знамения... // Пальтишко было лёгкое на ней» /183/³) в «Звездочёта» (1988):

Вон из пятен ночного тумана
появляется вдруг вдалеке
моя стройная старая мама —
чемоданчик фанерный в руке /432/.

Комсомольская богиня и богиня, сотворённая молитвенным усилием *простого муравья*, также соотнесены в блоковском контексте. Лирическая ситуация «Мне нужно на кого-нибудь молиться...» сложилась, по-видимому, не без влияния эссе Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906). Блок проводит контрастную параллель между романтической европейской легендой и «мраком... российских преданий». Европейский культ Прекрасной Дамы сродни миражу: «Утратила она свою плоть и стала “вечно-женственным”». Всё в розах её лёгкое покрывало, и непробудны её синие глаза...»⁴. Напротив, простонародная мечта устремлена к земному, к Муравьиному царю, хранителю «таинственного корешка», который нужен «корявому и хитренькому мужичонке», чтобы «лечить коровье вымя или свою *больную бабу*»⁵. Наивный европейский мечтатель принимает за далёкую Даму «хорошенькую дочь привратника» («Она — тоже розовая... Она будет за прилавком продавать немцу самые лучшие булки и приумножит светленькие пфенниги»⁶).

² См.: Окуджаву Б. III. Упразднённый театр. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2000. С. 203.

³ Окуджаву Б. III. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. (Новая 6-ка поэта). Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте (номер страницы в ко-
сых скобках).

⁴ Блок А. А. Сочинения: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. II. С. 40.

⁵ Там же. С. 43. Здесь и далее курсивы в цитатах принадлежат нам.

⁶ Там же. С. 41.

Зато во мраке «народных суеверий» России Блоку слышится «пение золота», видится «подземный блеск алмазов»⁷ — залог грядущего преображения всей жизни. Очевидно, что мифологема Блока просто не востребована Окуджавой; не полемизируя с любимым поэтом, он даёт своему лирическому двойнику «муравьиное» имя, именно его делает мечтателем, воистину *Муравьиным царём*, способным возвести своё создание в божественный ранг: «И муравей создал себе богиню *по образу и духу своему*». Но *комсомольская богиня* предшествует *богине муравьиной* (1957-й и 1959-й), что позволяет вновь говорить об автореминисценции, закрепляющей собственную позицию Окуджавы в давнем диалоге с Блоком.

У самого Блока есть пример удвоения идеала Прекрасной Дамы в образе далёкой мамы — «Поэт» (1905):

Сидят у окошка с папой.

Над берегом вьются галки.

— Дождик, дождик! Скорей закапай!

У меня есть зонтик на палке.

— Там весна. А ты — зимняя пленница,

Бедная девочка в розовом капоре...

Видишь, море за окнами пенится?

Полетим с тобой, девочка, за море.

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идёт глупый поэт:

Он вечно о чём-то плачет.

— О чём?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочём:

Ему хочется за море,

Где живёт Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придёт никогда:

Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,

Кончился разговор папы с дочкой⁸.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Там же. Т. I. С. 147–148.

Это стихотворение отмечено особым вниманием Окуджавы в его поздней лирике⁹. Но каким образом могла состояться рецепция Прекрасной Дамы или Незнакомки в период, когда создавалась «Песенка о комсомольской богине», в атмосфере «ностальгического или патетического воспоминания о 1920-х годах как отличных от последующих своей одухотворённостью»¹⁰?

Актуальный (вернее, злободневный) литературный контекст «Песенки...» в работах последних лет представлен стихами Л. Мартынова и Б. Слуцкого¹¹, а также песнями о гражданской войне («Орлёнок» М. Голодного, «Прощание» М. Исаковского, «Гренада» М. Светлова)¹². Светлов по праву пользуется особым вниманием исследователей Окуджавы, однако в конфигурации межтекстовых связей до настоящего времени не был увиден своеобразный треугольник *Блок — Светлов — Окуджава*.

Д. Л. Быков отмечает прямое влияние Светлова в газетном (ещё «предокуджавском») стихотворении «Девушке-солдату» (1945):

Обнимала залпами гроза,
Ветры, надрываясь, песни пели:
«Девичьи усталые глаза,
Серые солдатские шинели...»¹³

Предположение, что *шинели* пришли из светловского стихотворения «Рабфаковке» (1925), а *усталые глаза* — из «Бригантины» Павла Когана¹⁴, следует дополнить вполне определённой

⁹ О преломлении «Поэта» Блока в стихотворениях «Ещё один романс» и «Не сольются никогда...» см.: Мосова Д. Поздняя лирика Булата Окуджавы: блоковский контекст // Сборник материалов студенческой научной конференции Нижегородского государственного лингвистического университета: 7 апреля 2009 года. Ниж. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. (В печати).

¹⁰ Чудакова М. О. Возвращение лирики: Булат Окуджава // Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 82.

¹¹ Чудакова М. О. Указ. соч. С. 83–88.

¹² Абельская Р. Ш. Каждый пишет, как он слышит: Поэтика Булата Окуджавы. Екатеринбург, 2008. С. 30–31.

¹³ Любопытно, что светловское влияние здесь до такой степени нейтрализовано усреднённым стилем «советской поэзии», что забытый газетный текст своей интонацией, рифмами и лексикой удивительно напоминает будущий эстрадный шлягер Пахмутовой — Добронравова: «Милые усталые глаза, // Синие московские метели...». О факторе «нейтрального стиля» у раннего Окуджавы см.: Розенблюм О. Путь в литературу Булата Окуджавы: Между официал. культурой и культур. периферией // Вопр. лит. 2007. № 4. С. 177–213.

¹⁴ Быков Д. Л. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 180. (ЖЗЛ).

отсылкой к «Песне о Каховке» (1935), откуда и позаимствован троп *обнимала... гроза*:

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемёт...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идёт...

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас *обнимала гроза*?
Тогда нам обоим *сквозь дым улыбались*
*Её голубые глаза...*¹⁵

Литературный источник Светлова, в свою очередь, узнаваем для читателя, хотя комментаторы до сих пор ограничивались самыми общими словами о блоковской традиции у «комсомольского поэта», о романтических «ветрах революции» из поэмы «Двенадцать» и т. п.¹⁶ В «Песне о Каховке» варьируется идеальный образ «Незнакомки», где взгляд лирического героя сначала следит за *движением* силуэта *в туманном... окне*, за *Её проходом* по залу, а затем проникает тёмную дымку: «И странной близостью закованный, // Смотрю за *тёмную вуаль...*», «И *очи синие* бездонные // Цветут на дальнем берегу»¹⁷. Для Светлова, начинавшего в 1920-е годы «с литературного нуля» в буквальном смысле, такое чтение было инициацией, посвящением в тайну поэтического.

Подобное ещё только предстояло Окуджаве, который в 1945-м ищет «образцов», путей легитимизации в литературе¹⁸. Со временем его литературные вдохновения — в том числе блоковские, светловские — обретут качество свободных и зачастую «беззаконных» в своей смелости парафразов. «Песенка о комсомольской богине» — один из ярчайших тому примеров. Наблюдения над отголосками «Незнакомки» в лирике Светлова дают ценный материал для осмысления поэтики раннего окуджавского шедевра.

В блоковском контексте становится понятна особая функция *шинельного* мотива, общего для «Каховки» и ностальгической части стихотворения «Рабфаковке»:

¹⁵ Светлов М. А. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Совет. писатель, 1966. С. 242. (Б-ка поэта; Бол. сер.).

¹⁶ См., в частности: Любарева Е. П. «Алмаз горит издалека...»: Блоков. традиции в совет. поэзии. М., 1987.

¹⁷ Блок А. А. Указ. изд. Т. I. С. 177.

¹⁸ Розенблюм О. Указ. соч.

*Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели*¹⁹.

Сравним: «Девичий стан, шелками схваченный...», «И ве-
ют древними поверьями // Её упругие шелка...» У Светлова —
при видимом контрасте обыкновенного *шинельного ремешка*
с благородными *упругими шелками* — предметная деталь акцен-
тирована таким образом, что сам жест опоясывания получает
небытовой смысл, завершая облик героини для вечности. Пре-
ображение современного, рядового в бессмертно-легендарное
подготовлено воображаемой «по книге» картиной гибели Жан-
ны, где главный атрибут идеального облика — всё тот же *деви-
чий стан*:

*Жанна д'Арк отдаёт костру
Молодое тугое тело*²⁰.

Словом, *подпоясанная шинель*, эта реалия гражданской вой-
ны и типичный советизм (в будущем — литературный штамп),
преобразена в новый символ вечной женственности.

Если в 1945 году Окуджава мог и просмотреть «блоковское»
у Светлова, то в конце 1950-х он становится чуток к самобыт-
ным прочтениям поэтической классики. Его диалог со старшим
современником определяет образный строй первой части сти-
хотворения:

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.

За окном всё дождик тенькает:
там ненастье на дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет бой кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

Мальчишеская курточка героини, как и светловская *ши-
нель*, лишь подчёркивает женственную сущность, о которой са-

¹⁹ Светлов М. А. Указ. изд. С. 79.

²⁰ Там же. С. 78.

ма комсомольская богиня готова забыть ради новой жизненной роли товарища, боевого друга («и друзья кругом стоят»). Вместо метафорической боевой *грозы*, процитированной когда-то, фоном становится обычная, казалось бы, непогода («За окном всё дождик тенькает: // там ненастье на дворе»). Однако *окно* — это ещё и блоковская метафора пограничья, причём собственный жест героини («Но привычно *пальцы тонкие* // прикоснулись к кобуре») знаменует её принадлежность к «законному» миру тревог. Преображая в духе времени атрибуты Незнакомки (ср.: «И в кольцах *узкая рука*»), Окуджава, подобно Светлову, верен самому идеалу женственности.

Двухчастность стихотворения как будто тоже подсказана Светловым, а именно композицией «Рабфаковки», где героиня, одна из *наших девушек*, проживает две судьбы — военную и студенческую, *подпоясанную шинель* меняет на *платье серенькое*. Светловская *рабфаковка* и за книгой воюет («Так *покорно* легли листы // *Завоёванного* зачёта»), для *комсомолочки* мирные дела от боёв неотличимы («вот скоро вспыхнет бой кругом»; «лишь только дела гром кругом»).

Здесь сходство поэтических концепций Светлова и Окуджавы заканчивается.

Дело не только в том, что лирическая нежность Светлова («Ты склонилась, *сестры родней*, // Над исписанную тетрадкой...») превращается у Окуджавы в поклонение-обожествление, что родство здесь не метафорическое, а подлинное. Ослабляя (по сравнению с «Рабфаковкой») в своём стихотворении повествовательное начало, скрадывая логический переход от первой ко второй части, Окуджава создаёт впечатление, что его героиня претерпевает некие метаморфозы «воплощения». Благодаря воскрешению блоковского приёма возрастает и сама ошутимость реминисценций.

Если присутствие «Незнакомки» в первой части «Песенки...» угадывалось через посредство текстов Светлова, то во второй части связь с Блоком вполне наглядна; это и синий — Её — цвет, и топография городской пыльной окраины («Вдали, над *пылью переулочной*, // Над скукой загородных дач, // Чуть золотится крендель *булочной*...»):

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метёт,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идёт.

Окуджава сохраняет опорное слово блоковской рифмы, но даёт к нему остросовременную консонантную пару (*булочной — футболочке*); созвучие возникает ещё раз в нерифменной позиции («*комсомолочка* идёт»); новый тип фонетической организации стиха выделяет именно новые слова, невозможные в блоковском мире.

Очередное изменение облика героини отсылает к самой теме чудесной (или роковой) метаморфозы, вовлекая в ассоциативный контекст «Песенки...» одно из поздних произведений Блока, где автор видит свою героиню двойным зрением — «в резком, неподкупном свете дня» и в свете идеала: «Эта прядь — такая золотая // Разве не от старого огня?» («Перед судом», 1915)²¹. На первый взгляд, связь текстов ограничена единичной реминисценцией, взятой в отвлечении от чужой (любовной и метафизической) коллизии:

А её коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске её дрожит.

При этом характер актуализации источника — тот же, что и в рецепции «Незнакомки»: идеальная женственность героини проявляется вопреки её усилиям освоить роль боевитой *комсомолочки*.

И всё же блоковское «Перед судом» может дать нечто большее для понимания «Песенки...».

Близкие по времени создания «Сентиментальный марш», «Песенка о комсомольской богине», «Песенка об арбатских ребятах» («О чём ты успел передумать...») — дань любви двум самым близким людям. Но если смерть молодого отца ещё могла в эти годы стать высокой поэтической темой (в отражённом свете революционного мифа, идеальной гибели *на той единственной Гражданской*)²², то лагерные мытарства *комсомольской*

²¹ Блок А. А. Указ. изд. Т. I. С. 446.

²² «Погибшие были мучениками, но без идейного ореола, необходимого мученику. Те, кто подвергали в середине 1950-х вопросы революции вторичному обсуждению, прежде всего стали компенсировать эту ущербность. <...> У поэтов возвращение к символам революции и гражданской войны было стимулировано желанием найти “готовую” искренность эмоции. Искали не исторического смысла, а только этой искренности» (Чудакова М. О. Возвращение лирики: Булат Окуджава. С. 86). Впрочем, как показано А. В. Кулагиным, «грустные комиссары» Окуджавы знаменуют начальный этап переоценки революционного мифа (Кулагин А. В. Лирика Булата Окуджавы. М.: Булат; Коломна: КГПИ, 2009. С. 124–125).

богини (*горести моей прекрасной мамы*, как будет сказано позднее) даже в 1950-е не находили у Окуджавы поэтического «оправдания». В этой сфере компромисс был для него заведомо невозможен. Иначе говоря, при видимом сходстве *комсомолочки*, увековеченной в своей *синей маечке-футболочке*, и, к примеру, героинь Слуцкого, которые через все страдания «*красные ко-сынки* пронесли», «не предали *девичьих снов*»²³, речь может идти только о близости прототипов, но отнюдь не о подобии творческих установок поэтов-современников. После нескольких лет пребывания во власти нормативной советской поэтики Окуджава интуитивно избегал и нарождающегося канона (хотя для других этот канон, далеко не столь авторитарный, как прежний, был спасителен); свой новый язык он вырабатывал в диалоге со свободно избранными художественными мирами. В дальнейшем, как мы видели, освобождающее воздействие Блока было им осознано и закреплено в ряде образных формул, выражающих всю ту же коллизию отношений сына с далёкой матерью, Первой Дамой поэта.

Восстанавливая по реминисценции-подсказке блоковский фон «Песенки...», мы обнаруживаем, что в обстоятельствах её создания мог быть заново прочитан давно прозвучавший риторический вопрос: «Что же делать, если обманула // *Та* мечта, как *всякая* мечта, // И что жизнь безжалостно стегнула // Грубою верёвкою кнута?»²⁴ Утрата героиней высшего статуса в глазах «судей», её «мучительный... многим женщинам сужденный путь», необходимость отвечать «перед судом» реальности за собственные иллюзии, — таков общий смысл разных жизненных драм. Важнейшим средством выражения «затекстового» содержания становятся у Окуджавы словно бы алогичные противительные конструкции со значением неясного намёка («*но комсомольская богиня...*») и умолчание как специальная тема рефрена («Ах, это, братцы, *о другом!*»). Другое, биографически конкретное (судьба мамы), предстаёт обобщённым благодаря новому витку блоковских ассоциаций. Оксюморон *комсомольская богиня* при финальном повторении заостряется:

²³ Слуцкий Б. Стихотворения. М., 1989. С. 174. Ср. параллель Окуджава — Берггольц — Слуцкий в указ. ст. М. О. Чудаковой (С. 87–88).

²⁴ Блок А. А. Указ. изд. Т. I. С. 446.

*И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом! /150–151/*

Связь с поэтическим миром Блока здесь двоякая. «Комсомолочка идёт» старой улицей, но в преображённом революцией мире, где *никаких богов в помине*²⁵, как будто ступает по следам блоковских разбойников-апостолов: «...*И идут без имени святого* // Все двенадцать вдаль. // Ко всему готовы, // Ничего не жаль...»²⁶; это путь их собственной трагедии. К «безбожной» святыне взывает и лирический герой стихотворения «Перед судом» («Эта прядь — такая золотая // Разве не от старого огня? — // Страстная, *безбожная*, пустая, // Незабвенная, прости меня!»²⁷), молитвенно склоняясь в итоге перед муками её «падения».

Таким образом, пафос Окуджавы заключается не в том, чтобы утвердить безгрешность *комсомольской богини*, засвидетельствовать правоту её выбора. Напротив, сопротивление героини собственной идеальной природе, её воинственная активность увидены «сиротскими» глазами, через годы разлуки. Сама авторская речь, в том числе изображающая *комсомолочку*, несёт печать отвергнутых героиней вечных — глубоко мирных — ценностей: очевидно, что городской пейзаж со *старой булочной* и летней уличной *пылью* окрашен не блоковским ужасом перед житейской пошлостью, а чувством приязни к окружающему; «настойчивое использование уменьшительно-ласкательных суффиксов» (*косички, маечка-футболочка, колечко*) противоречит «революционному пафосу переделки мира», поэзии мятежа²⁸. Поэтому высший статус *богини* обусловлен только одним — отказом любящего человека от суда над нею (так невозможен был суд для лирического героя Блока: «Я не только не имею права, // Я тебя не в силах упрекнуть...»²⁹).

²⁵ «“И никаких богов в помине” — это не столько голос автора, сколько “шум времени”, здесь надо уловить “интонационные кавычки”, — справедливо замечает Вл. Новиков (*Новиков Вл. Булат Окуджава // Авторская песня. М., 1997. С. 31*). Но и создатель «Двенадцати», *слушая музыку революции*, уступал свой голос толпе, восклицавшей: «Эх, эх, без креста!».

²⁶ Блок А. А. Указ. изд. Т. I. С. 532.

²⁷ Там же. С. 446.

²⁸ Кулагин А. В. Указ. соч. С. 120–121.

²⁹ Блок А. А. Указ. изд. Т. I. С. 445.

Возведение в «святые», добровольное обожествление, внушённое одной любовью (притом зрячей любовью), впоследствии станет важнейшей темой Окуджавы. Она смыкается с императивом всепонимания и всепрощения («Искусство всё простить и жажда жить — // *недостижимое совершенство*» /451/). Формирование этической позиции, безусловно, не может быть поставлено в непосредственную зависимость от литературных впечатлений. Творчество Блока в данном случае не источник в узком значении (тем более что полного согласия с классиком даже у начинающего поэта не было), а счастливая литературная «встреча», в результате которой было найдено слово, адекватно выражающее смысл или указующее на невыразимое. Но великодушный рыцарский тон, столь характерный для Окуджавы, закономерно воскрешает память о Блоке.

С. В. СВИРИДОВ

«РЕШАЙТЕ, РЕШАЙТЕ, РЕШАЙТЕ...»

Одно стихотворение в нескольких контекстах

Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

О. Мандельштам

Современный читатель привык сквозь текст любого произведения видеть историю литературы и культуры. Наш подготовленный слух надёжно улавливает интертекстуальное эхо, если только оно есть — а порой даже если его нет. Впрочем, между городом «Нет» и городом «Да» много промежуточных станций: литературная и культурная память выражается в поэзии не только интертекстуальными средствами.

У Булата Окуджавы есть короткое стихотворение, написанное трёхстопным амфибрахием:

Решайте, решайте, решайте
за Марью, за Дарью, за всех.
И в череп свой круглый вменяйте
их слёзы, позор и успех.
Конечно, за голову эту
при жизни гроша не дадут...
Когда же по белому свету
вас в чёрных цепях поведут,
сначала толпа соберётся,
потом как волна опалёт...
И Марья от вас отвернётся,
и Дарья плечами пожмёт.
...И всё же решайте, решайте...¹

¹ Окуджава Б. Ш. Надежды маленький оркестрик: Лирика. 50-е–70-е. Екатеринбург, 2005. С. 191.

Наверное, у каждого читателя оно вызовет свои историко-литературные ассоциации. Нам этот текст напомнил в первую очередь стихи А. Блока из цикла «Заключение огнём и мраком»:

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споёт,
С другими лихая солдатка
Пойдёт, подбодчась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щёки бледны,
Тонки её чёрные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветёт,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!²

Ассоциация, конечно, субъективная, она вызвана внешним формальным сходством и вполне может оказаться случайной. Поэтому, прежде чем рассуждать о родстве этих текстов, нужно критически рассмотреть те совпадения, которые их сближают. Во-первых, это сходство начальных стихов (строка со словоразделами *жжж*³ образована троекратным повтором глагола в повелительном наклонении). Во-вторых, субъектная форма текста — обращение в единственном числе: *ты*. В-третьих,

² Блок А. А. Стихотворения. Л., 1955. С. 318.

³ Наименования словоразделов аналогичны привычным наименованиям рифм: «Словораздел может называться мужским (*м*), если он следует тотчас после ударения, женским (*ж*) — если он следует после первого слога за ударением, дактилическим (*д*) — после второго слога, гипердактилическим (*з*) — после третьего слова, пентоническим (*п*) — после четвёртого» (Гаспаров М. Л. Русский трёхударный дольник XX века // Теория стиха. Л., 1968. С. 79).

стихотворения имеют общий размер — трёхстопный амфибрахий с окончаниями *АБАБ* (далее — *АмЗ*). Сходство не ограничивается формальными аспектами: оба текста говорят о тщетности труда, в обоих труд вознаграждается страданием, оба суждения заканчиваются «открытым» выводом, интонационным многообразием. В обоих случаях главный изображённый персонаж — женщина, которая, однако, не является адресатом поэтического обращения, а играет главную роль в «повествуемом» микросюжете, её образ служит аргументом для авторского суждения. Женщина эта — неверная, но её неверность воплощает непостоянство и забывчивость природы⁴, поэтому не подлежит в полной мере авторскому суду. Оба микросюжета изложены в будущем времени, в модальном значении возможности, вероятности.

Сходство стихотворений Окуджавы и Блока оказывается достаточно велико, чтобы отвести мысль о случайном совпадении. В таком случае, связь этих стихов является либо интертекстуальной, либо метро-семантической, основанной на традиционных значениях (семантических ореолах) *АмЗ*. Конечно, может иметь место то и другое одновременно. Но, подчеркнём, две высказанные гипотезы не сводимы друг к другу — если только мы не считаем интертекстуальность совершенно безбрежной.

Интертекст связывает «младший» текст с неким предшествующим «старшим». Интертекст диалогичен, он обращается к определённом собеседнику в литературе, он реферирует и рефлексировывает конкретный текст-объект. Интертекстуальное отношение сходно с тропом. Согласно Н. Фатеевой, оно сближает произведения, фактически никак не связанные, устанавливает сходство между ними, и в этом смысле аналогично метафоре, оно делает эти тексты смежными в воспринимающем сознании, и в этом смысле создаёт «эффект метатекстовой метонимии»⁵.

Отношение стихотворного текста и семантического ореола метрической формы имеет принципиально иной характер — это отношение текста к языку, коду⁶. Оно не является метатекстовым и напрямую диалогическим, оно безадресно и необъектно,

⁴ Ср. сходную мысль в «Песенке о дальней дороге» Окуджавы, написанной также в форме второго лица, будущего времени.

⁵ Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности: Интертекст в мире текстов. М., 2000. С. 38.

⁶ Левин Ю. И. Семантический ореол метра с семиотической точки зрения // Гаспаров М. Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культур. памяти. М., 2000. С. 291–293.

ведь в общем случае текст не изображает язык, а репрезентирует его «автоматически» и непосредственно. Стихотворение так же не цитирует свой размер, как свежий номер газеты — не цитирует русский язык, а представляет его и пребывает в нём.

Конечно, на практике жёсткой грани между этими двумя типами отношений нет. Во-первых, потому что семантический ореол метра часто формируется под влиянием прецедентного «шедевра», то есть на базе автоматизированного интертекстуального отношения⁷. Во-вторых, поэтический текст всегда обладает языковой функцией — являясь «сам-себе-законом», он готов выступить в роли правила и для другого текста. Соответственно, интертекстуальное отношение всегда содержит в себе потенциал языкового отношения. Наконец, апелляция к размеру как культурному языку может быть дополнена интертекстуальной реляцией с каким-либо из текстов, входящих в поле этого языка. Именно в этом смысле мы должны рассматривать третью гипотезу как совмещение первых двух — интертекстуальной и метро-семантической: стихи Окуджавы могут быть связаны со стихами Блока общим семантическим ореолом трёхстопного амфибрахия и, дополнительно к этому, ещё интертекстуальным отношением.

Трёхстопный амфибрахий, — пишет М. Л. Гаспаров⁸, — активно развивается в русской поэзии с 1840-х годов. Сначала история размера складывается как «разработка трёх традиций XIX в.: заздравной песни, баллады (переходящей в песню) и “гейневской” лирики, ветвящейся на семантику “памяти”, “сна” и “быта” (с “трудом”); и, наконец, в XX в. традиция заздравной песни ложится в основу “торжественного типа” современного *АмЗ*, традиция Гейне — в основу “романтического типа”, а балладная традиция разделяется между ними». Стихотворение Окуджавы принадлежит к типу, который М. Гаспаров называет «романтическим». Судя по приведённым примерам, «романтика» трёхстопного амфибрахия минорная, связанная с чувством потери, страданием, тревогой. Ориентиром этой семантической разновидности в XX веке являются именно стихи А. Блока («Опять с вековой тоскою // Пригнулись к земле ковыли...»⁹). Далее, в ретроспективном порядке, данная традиция уходит

⁷ См.: Там же. С. 292.

⁸ См.: Там же. С. 120–151.

⁹ Блок А. А. Указ. изд. С. 496.

корнями в песенный *АмЗ*, восходящий, в свою очередь, к балладному. Именно от баллады *АмЗ* унаследовал тревожную, драматическую семантику, которая позже снизится до темы давящего тягостного быта («Квартира тиха, как бумага...» О. Мандельштам), обогатится иронией и самоиронией от Гейне («Друзьям» А. Блока). Можно заключить, что общее значение стихотворения «Решайте, решайте, решайте...» — мысли о неблагодарности судьбы и людей, о неизбежности горя на праведном пути, жертвенный стоицизм с оттенком горькой иронии — содержится в семантической традиции трёхстопного амфибрахия.

Самое заметное текстуальное сближение стихотворения Окуджавы со стихотворением Блока — это глагольный первый стих. Однако и оно может оказаться связанным с инерцией трёхстопного амфибрахия. Как отмечает М. Гаспаров, *АмЗ* склонен к образованию формул¹⁰. Есть все основания отнести к их числу формулу тройного повтора. В стихе с женским окончанием, то есть состоящем из трёх полных «стоп» (это стих нечётный, нередко первый), трижды повторяется одно фонетическое слово, так что образуется стих с тройным лексическим повтором и двумя женскими словоразделами. Повторяемое слово «занимает» строго «стопу» амфибрахия. «И вот — их гнездо одиноко! // Они уж в другой стороне — // Далёко, далёко, далёко... // О, если бы крылья и мне!» (А. Майков); «Готовы, готовы, готовы! — // сердца патриотов стучат» (И. Уткин); «Презренье, презренье, презренье // Дано нам, как новое зренье // И пропуск в грядущий покой» (А. Галич); «Желтуха, желтуха, желтуха // В проклятой горчичной глуши!» (О. Мандельштам); «Поляны, поляны, поляны // Везде земляникой цвели. // Баяны, баяны, баяны // Звенели, горели и жгли!» (А. Прокофьев)¹¹. Андрей Белый первым, видимо, заметил, что «амфибрахическое» слово *Россия* тоже укладывается в формулу тройного повтора:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия, —
Безумствуй, сжигая меня!

.....

¹⁰ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 128, 133, 142, 148–149.

¹¹ Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977. С. 141; Уткин И. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1966. С. 222; Галич А. А. Облака плывут, облака. М., 1999. С. 424–425; Мандельштам О. Э. Полное собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 193; Прокофьев А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 304.

И ты, огневая стихия,
 Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
 Мессия грядущего дня!¹²

Утроенное амфибрахийем зывание к родине-России после Белого скоро превратилось в эпигонский штамп, и в 1931 году Амфитеатров уже издевается над ним в парижском «Сатириконе»¹³. Сравним в более поздних стихах советских поэтов: «Россия, Россия, Россия! // Границ красоте не видать» (С. Васильев), «Россия, Россия, Россия! // Веди нас к победам, вперёд!» (Лебедев-Кумач), «Россия, Россия, Россия, // Мы в сердце тебя пронесли» (А. Фатьянов)¹⁴.

Формула тройного повтора остаётся узнаваемой и тогда, когда теряет какой-либо из определяющих признаков. Например, использование односложного неударяемого слова в начале стиха позволяет создать в «трёхкратном» стихе дактилические словоразделы:

И музыка, музыка, музыка
 Вплетается в пенье моё,
И узкое, узкое, узкое
 Пронзает меня лезвие.

(В. Ф. Ходасевич)¹⁵.

Здесь Ходасевичу пришлось ради формулы тройного повтора нарушить постоянство клаузул и дать двум стихам дактилические окончания. В аналогичном случае А. Галич обошёлся без перебоев ритма: «О, Боже мой, Боже мой, Боже! // Кто выдумал эту игру?!» В другой строке из этой же песни формула модифицирована ещё решительней: соблюдены словоразделы, но лексической повтор заменён рядом из трёх синонимичных слов (кстати, с императивным значением), образующих градацию: «*Не надо, оставьте, отставить!* // Мы загодя знаем итог»¹⁶.

Стих «Работай, работай, работай» ближе других приведённых нами стихов подходит к строке Окуджавы «Решайте, решайте, решайте», так как совпадают здесь не только формульные свойства, но также повелительное наклонение и начальное положение стиха в тексте. Однако и в этом качестве стих может быть

¹² Белый А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 215–216.

¹³ См.: Амфитеатров А. История одного четверостишья // Вопр. лит. 2007. [Вып. 1] (январь–февраль). С. 130–132.

¹⁴ Три примера приведены по кн.: Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 142.

¹⁵ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л., 1989. С. 152.

¹⁶ Галич А. А. Указ. изд. С. 349.

назван традиционным для трёхстопного амфибрахия. Впервые он появился не у Блока, а в стихах М. Л. Михайлова (1860)¹⁷ — в его переводе «Песни о рубашке» Т. Гуда (1843), где служил рефреном и располагался в начале строфы. У Блока строка «Работай, работай, работай» (1907) восходит, видимо, к михайловской «песне». Метр стихов Т. Гуда более соответствует русскому дольнику, а М. Михайлов, по его признанию, стремился в своём переводе имитировать характерные «неровности» оригинала¹⁸. В английском тексте уже были тройные повторы, но лишь с участием односложных слов: «Stitch! stitch! stitch!», «Work! work! work!» Первую из этих строк Михайлов перевёл с сохранением ритмической формы — «Шей! Шей! Шей!»; но слово «работай» (*work*) в русском языке трёхсложное, «амфибрахическое». Это обстоятельство, в числе прочих, могло послужить тому, что перевод Михайлова выполнен амфибрахием. Правда, действительно «неровным» — с неупорядоченным чередованием трёхстопных и четырёхстопных стихов и стяжениями междударных интервалов (в 7 стихах из 88). Когда Э. Багрицкий писал свою версию «Песни о рубашке» (1923), он не стал беречь «неровности» Т. Гуда и выполнил весь перевод в размере *АмЗ АБАб*, позаимствованном у Михайлова вместе с рефреном «Работай, работай, работай». Строка из михайловского перевода «Песни о рубашке» была, вероятно, одной из первых формул тройного повтора в русском *АмЗ*¹⁹. В дальнейшем эта модель стихотворной строки удачно легла в «песенное русло» *АмЗ*, в силу естественной склонности литературных «песен» к ритмическим повторам, и, пожалуй, ещё лучше — в русло советских «торжественных» стихов, с их маршевой ритмикой.

Итак, первая строка стихотворения Окуджавы отсылает сразу к нескольким традициям в контексте *АмЗ*. Не меньше этого нам скажет и вторая строка — «За Марью, за Дарью, за всех». Простонародная и несколько архаичная форма имён ассоциируется с русской демократической поэзией конца XIX века. Эту аллюзию укрепляет гражданственный пафос стихотворения и стих «вас в чёрных цепях поведут», напоминающий о штампах и формулах, характерных для стиля русской демократической и революционной поэзии того времени. Сложив данный контекст с контекстом *АмЗ*, мы обнаружим в их пересечении

¹⁷ Михайлов М. Л. Собрание стихотворений. Л., 1969. С. 172–174.

¹⁸ См.: Там же. С. 539.

¹⁹ Несомненно раньше — только стих Майкова (см. выше).

* * *

Решайте, решайте, решайте
 за Марью, за Дарью, за всех.
 И в череп свой круглый вмещайте
 их слезы, позор и успех.
 Конечно, за голову эту
 при жизни гроша не дадут..
 Когда же по белому свету
 вас в черных цепях поведут,
 сначала толпа соберется,
 потом как волна опадет..
 И Марья от вас отвернется,
 и Дарья плечами пожмет.
 .. И всё же решайте, решайте...

Авторская правка
 в вёрстке книги
 «Чаепитие
 на Арбате»
 (М., 1996).
 Архив
 В. И. Цветкова.

прецедентный текст, с которым М. Гаспаров связывал, кстати, закрепление «женской» темы в *АмЗ*²⁰, — поэму Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863).

Переключка стихов Окуджавы с поэмой о смерти крестьянина подкрепляется многими (хотя и косвенными) текстуальными сближениями. Начнём с того, что героиню поэмы зовут Дарья, и уже само сочетание этого имени с *АмЗ* отсылает к поэме «Мороз, Красный нос». Дочку Дарьи у Некрасова зовут Марья. В поэме есть человек в цепях — это деревенский дурак Пахом, носящий вериги (гл. VII). В форме второго лица написаны обращения Мороза к Дарье (гл. XXXI). Толпа, которая *соберётся* и *опадёт*, находит параллель в крестьянах, приходящих в избу оплакать Прокла (гл. X):

На эти рыдания и стоны
 Соседи валили гурьбой:

 На смену входили другие.
 Но вот уж толпа разбрелась...²¹

²⁰ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 130—131.

²¹ Некрасов Н. А. Полное собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. Т. 2. С. 117. Тема площадной толпы вообще периодически проявляется в *АмЗ*. В ближайшем контексте окуджавского стихотворения стоит упомянуть песню Галича «Памяти Живаго» («У церкви Бориса и Глеба // Сойдётся в молчанье толпа...»), начало которой отсылает к блоковским амфибрахиям «Поля Куликова». Совпадает здесь также форма обращения, общая тематика, наличие женского образа.

Отмеченные коннотации ведут, по сути дела, к разным «краям» одного исторического контекста. «Песня о рубашке» в переводе М. Михайлова была впервые опубликована в «Современнике» в 1860 году (№ 9), значит, была хорошо известна Некрасову, бывшему в это время фактическим редактором журнала. Не исключено, что именно размер стихов о страданиях швей был преобразован Некрасовым в его амфибрахии о тяжёлой женской доле²². В свою очередь, *лихая солдатка* Блока написана не без оглядки на *величавую славянку* Некрасова²³.

В стихотворении «Решайте, решайте, решайте...» есть и другая характерно некрасовская тема — гражданский нравственный долг, самопожертвование ради ближних. Нет нужды напоминать хрестоматийный ряд лирических «обращений» Некрасова к соратникам-демократам или его «Элегию» к А. Еракову. Некрасов соотносит судьбу народного заступника-интеллигента с жизнью Христа, толкуемой в свете нравственных императивов (например, в «Пророке» — посвящении Н. Г. Чернышевскому). А следовательно, на уровне текста-кода задан и тот скорбный финал, когда «Дарья от вас отвернётся // и Марья плечами пожмёт». У Окуджавы шествие в цепях перекликается не просто с евангельским текстом, но именно в интерпретации Некрасова и поэтов его круга, в духе той обывательной и несколько клишированной архаики, которая была характерна для творчества русских писателей и художников «демократического лагеря» в 1850-е—1860-е годы. Сама эмблематичность этого образа напоминает об их характерной риторике, в родословии которой прослеживается стиль декабристов и ораторская поэзия предыдущего столетия.

Таким образом, литературные коннотации стихотворения «Решайте, решайте, решайте...» возникают в пространстве трёхстопного амфибрахия как актуализация ряда элементов

²² Приведём пример аналогичного «внутрижурнального» заимствования: последний стих поэмы «Мороз, Красный нос» — «В своём заколдованном сне» — совпадает со строкой из стихотворения Случевского «Статуя», опубликованного в «Современнике» (1860. № 1). (Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. Л., 1962. С. 151).

²³ Отмечено также М. Гаспаровым в обзоре «трудовой» семантики 3-стопного амфибрахия, возводимой им также к «Песне» Гуда в переводе Михайлова (Указ. соч. С. 139—140). Таким образом, Блок в своём «дионисийском» стихотворении намеренно сталкивает два «женских» мотива русской поэзии — образ женщины как несчастной жертвы общества (от Михайлова) — и образ свободной и сильной женщины, воплощающий природное могущество жизни (от Некрасова).

из его семантического спектра. Но эти элементы персонифицированы, в них сохраняется «память» не только о значении метрической формы, но и о том прецедентном тексте, который ввёл данное значение в традицию. Линии историко-литературной памяти стихов «Решайте, решайте, решайте...» ведут, прежде всего, к Некрасову, к его стихам о женской доле, и далее — к его гражданской лирике вообще (независимо от размера). Другим ощутимым ориентиром служат амфибрахии Блока, в свою очередь, соотнесённые со стихами Некрасова. Считать ли эту связь интертекстом — вопрос терминологии. Мы бы воздержались от такой дефиниции, поскольку, как уже говорилось, интертекстуальная связь — гораздо более конкретная и персональная, чем апелляция к культурному языку.

Дело не в том, что в нашем случае интертекстуальность нельзя обосновать. А в том, что обосновать её можно практически всегда — и как раз это должно бы смущать исследователя. Универсальная соединимость «всего со всем» достигается в интертекстуальных штудиях ценой «многоходовых» логических операций, напоминающих шахматные этюды²⁴. Текст *A* не напрямую связывается с текстом *B*, а через посредство, скажем, неких *B* и *G*. Часто делу помогают рокировки — правила игры разрешают в любом тексте находить анаграмму, нередко трансязыковую. Скажем, фамилия героя романа *A* напоминает кличку пса из романа *B*, если её написать по-французски и прочитать задом наперёд. Хотя мы не удержались сейчас от иронии, надо признать, что подобного рода отношения действительно в литературе встречаются. Смущает не столько невероятность сопоставительных операций, сколько их множественность. В некоем отдалённом «колене» почти все люди могут оказаться родственниками, то же и с «родством» текстов. Чем больше промежуточных звеньев мы допускаем, тем легче постулировать интертекстуальную связь. Однако тем меньше оказывается научная ценность полученной информации. «Многоходовые» сближения отражают не художественную организацию текста, а индивидуальный механизм восприятия. Если же мы стремимся увидеть не своё отражение в тексте, а сам поэтический текст, то должны

²⁴ Опосредованность интертекстуальных реляций, вслед за Риффатером, возводят в статус закона отечественные теоретики. См.: *Смирнов И. П.* Порождение интертекста: (Элементы интертекстуал. анализа с прим. из творчества Б. Л. Пастернака). СПб., 1995. С. 17–21; *Фатеева Н. А.* Указ. соч. С. 22–23.

критически относиться к тем методам, которыми получены наши доказательства.

Но вернёмся к стихотворению «Решайте, решайте, решайте...». Конечно, оно сложено не только из рассмотренных (и не рассмотренных) литературных традиций, но воплощает и выражает также и поэтическую индивидуальность Окуджавы; коды его поэтического языка преобразуют и интерпретируют традицию. Прежде всего, нужно обратить внимание на характерное для Окуджавы воплощение гражданской темы: жертвующий герой не получает никакого воздаяния — его благородство не вознаграждается ни народом, ради которого принесена жертва, ни собственной гордостью, ни высшими силами, ни созерцанием благих результатов, ни даже надеждой на них. Умалчивать о воздаянии, умалять труды и победы — это жесты, в которых выражается типично окуджавская этическая шепетильность, выдвигающая красоту как единственный аргумент «чистого» подвига, отводя остальные мотивы в область молчания. Только *напрасный* подвиг по-настоящему возвышен, идеален и чист. Как будто все иные мотивировки, кроме красоты, делают его эгоистически рассчитанным ходом в игре на вечное блаженство или душевный комфорт.

А чем же вы это опасны?
Наверное, тем, что прекрасны,
и тем, что, наверно, пристрастны
в любви к отчизне своей²⁵.

Эту необычную героиню Окуджавы следует рассматривать в контексте его специфической *а н т р о п о л о г и и д е т с т в а*. Детское состояние Окуджавы считает самым высоким, близким к истине состоянием человека, поэтому его поэтический мир — это мир людей, не подверженных «закону отрицания отрицания»: их взрослость не убила их детства, ребёнок продолжает жить в их зрелом существе, как тот парадоксальный шар из «Похождений бравого солдата Швейка», который находится внутри другого шара, но гораздо больше внешнего. Поэтическая парадигма детства — это *простота, малость, игра*. Эти принципы оказывают своё организующее влияние на всех поэтических уровнях текста Окуджавы. Так, простота — это и «детские» стихотворные метроритмы, и упрощённый синтаксис или тавтологии, и «простые» эпитеты, такие как прилагательное

²⁵ Окуджавы Б. Ш. Указ. соч. С. 172.

«круглый» в нашем стихотворении. Если обороты вроде «синяя синька» сродни тавтологии, то оборот «*круглый* череп» — сродни плеоназму, поскольку эпитет номинирует очевидное свойство предмета. Тем самым слово как бы отказывается от полномочий, к которым традиционно стремился эпитет в поэзии XX века — острять предмет, характеризовать его с неожиданной стороны, становиться тропом. Элементарный эпитет Окуджавы словно хочет не повысить, а снизить свою информативность. Такое смирение, само у м а л е н и е языка — эстетически значимый, осмысленный приём²⁶. Простота детского мировидения сказывается у Окуджавы и в том, что абстрактное стремится к воплощению в конкретном, множественное — в единичном, отчуждённое и далёкое — в фамильярно близком. Эту закономерность иллюстрирует знаменитый образ Арбата. Арбат — модель мира, делающая большой, далёкий и отчуждённый универсум — близким, малым и родным, соразмерным тому человеку, который «не звучит гордо», человеку-ребёнку. Будучи переведённым на язык детства, мир гуманизируется. Арбатский дворик в рюкзаке²⁷ подобен словарю, позволяющему читать текст большого мира. И точно так же, как для Лёньки-Короля абстрактная и далёкая «держава» воплощалась в конкретной *крашеной двери*, так абстрактный «народ» воплощается в *Марье* и *Дарье*, а разговорная форма имён позволяет видеть в них конкретных и близких *женщин-соседей*.

Наконец, и г р а — это, в широком смысле, деятельность, свободная от практической цели. Поэтому и является истинным «чистый» бесцельный подвиг, диктуемый лишь красотой и любовью. Напрасный подвиг — это «взрослый» поступок, диктуемый д е т с к и м совершенством человека. В этом плане архетипическим для творчества Окуджавы является самосожжение бумажного солдата, в образе которого пересеклись *детство, игра, малость* и красота «чистого» подвига:

Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
 но он *игрушкой детской* был:
 ведь был солдат бумажный²⁸.

²⁶ Умаление кажущееся, игровое, поскольку «банальность» в данном случае является всё-таки художественным приёмом, в основе которого — демонстрация «избыточности» языка, являющейся свойством и маркером эстетического.

²⁷ «В мешке вешевом и заплечном // лежит... тот двор с человеческой душой» (Окуджава Б. Ш. Указ. изд. С. 68).

²⁸ Там же. С. 64. Курсив наш — С. С.

Стихотворение «Решайте, решайте, решайте...» оказывает-ся отчасти синонимичным «Бумажному солдату», ведь игрушечному воину тоже предлагается *решать*: «В огонь? Ну что ж, иди! Идѣшь?» — и его подвиг оценивается т о й ж е м о - н е т о й и тем же словом, что и в рассматриваемом нами стихотворении. Сравним: «И там сгорел он ни за грош»²⁹ — «при жизни гроша не дадут».

Мы убеждаемся, что органичная связь текста с культурным языком, таким как метрико-семантическая традиция, не придаёт стихотворению вторичность цитаты. Находясь в фокусе поэтических «правил», закреплённых силой лет и авторитетов, оно остаётся всецело авторским, «окуджавским» словом. Так и должно происходить, если отношения текста и языка не осложнены метаязыковой рефлексией, которой у Окуджавы в данном случае мы не находим.

И в заключение затронем наивный вопрос, приходящий в голову, быть может, от школярского простодушия и любопытства. К какому современнику, обладателю «круглого черепа» и подвижнического характера, обращается Окуджава в стихах «Решайте, решайте, решайте...»? Профессиональная осмотрительность литературоведа спешит отместить этот вопрос как симптом наивного буквализма, ведь искусство выдумывает и обобщает, в нём *ты* не имеет паспорта. И всё же — стихи про Марью и Дарью были впервые опубликованы в *августе 1991 года!*³⁰ И, наверное, не у одного читателя тогда возникло подозрение, что, как сказал один знаток и ценитель Окуджавы, здесь имеется в виду *круглый череп* М. С. Горбачёва.

Правда, сам Окуджава, вроде бы, перечеркнул это предположение, поместив «Решайте, решайте, решайте...» в раздел «Шестидесятые» своего итогового сборника «Чаепитие на Арбате» и словно подсказав тем самым, что если мы так уж хотим угадать адресата, то *круглый череп* следует сопоставить с портретом другого либерального лидера СССР, который получил за свой труд такое же воздаяние в 1964 году, какое ч у т ь н е получил Горбачёв в 1991-м. Однако авторской датировке в данном случае не стоит слепо доверять. Известны случаи, когда тот или иной поэт ставил под своими текстами ложную дату с целью затушевать их актуальность, связь с теми или иными событиями

²⁹ Там же.

³⁰ Без последнего стиха: Юность. 1991. № 8. С. 10.

личной или общественной жизни. Остальные стихи, опубликованные в «Юности» вместе с стихотворением «Решайте...» («Несчастье», «На странную музыку сумрак горазд...», «Не уезжай, жена моя, в леса...», «Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться...»), в «Чаепитии...» находятся в разделе «Восьмидесятые». И вообще, как отмечал рецензент, у Окуджавы «распределение стихов по десятилетиям не хронологическое, а образное»³¹.

Попробуем предположить, что стихотворение написано всё-таки в перестроечные годы, в конце 1980-х или начале 1990-х годов. Какие ещё аргументы в пользу этой версии даёт текст? Начиная с 1989 года главной темой общественной жизни, как многие помнят, были Съезды народных депутатов СССР. Заседания Съезда транслировались центральным телевидением в прямом эфире и были, говоря по-нынешнему, самыми «рейтинговыми» программами. В 1989 году Первый Съезд на альтернативной основе избрал М. С. Горбачёва председателем Верховного Совета СССР, то есть спикером советского парламента, руководителем всей его деятельности. А наглядная деятельность представительского органа власти — это прения, голосования, принятие решений. По центральному ТВ страна каждый день видела, как Верховный Совет под руководством Горбачёва *решает, решает, решает*. Нечего и говорить, что от этих решений зависела жизнь страны и всех её граждан. Но для Марьи и Дарьи, сидящих у телевизора, горбачёвский Верховный Совет имел ещё один смысл, который мы не должны упустить. В годы развитого социализма и социалистического «народовластия» советские люди принуждены были участвовать в симулятивной процедуре безальтернативных выборов, которая своим абсурдом огорчала даже многих благонадежных граждан. Выбирался один кандидат из одного, выдвижением которого фактически ведали партийные органы. Никакой реальной электоральной инициативы у граждан не было, а свою политическую волю можно было выразить разве что так, как в стихотворении В. Высоцкого:

Подымайте руки,
в урны суйте
Бюллетени, даже не читав,—

³¹ Майский Я. Окуджава Б. Зал ожидания: Стихи. Окуджава Б. Чаепитие на Арбате: Стихи раз. лет: [Рец.] // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. М., 1997. [Вып. I]. С. 427.

Помереть от скуки!

Голосуйте!

Только, чур, меня не приплюсуйте:

Я не разделяю ваш устав!³²

Впрочем, отказ от голосования был чреват неприятностями. И вот, в марте перестроечного 1989 года выборы были впервые проведены на альтернативной основе, при соблюдении реального права на выдвижение кандидатов и самовыдвижение, при свободном участии беспартийных граждан (однопартийная система в то время ещё сохранялась). На фоне своего прежнего опыта телезрители 1989 года чувствовали, что новый Совет под руководством спикера Горбачёва реально представляет от их лица, действительно уполномочен решать *за Марью, за Дарью, за всех* и что спикер-генсек теперь вынужден *вмещать* в свою ответственность все надежды и страхи страны, замирающей у телевизоров.

Но если эти рассуждения верны, то почему Окуджав дал стихотворению ложную дату? Как ни странно, это решение могло быть связано с публикацией в столь «удачном» для этих стихов августе 1991-го. Неожиданная, почти пророческая «рифма» между словом и временем навязывала стихам прямолинейную и однозначную интерпретацию, перечёркивала многомерность и художественную обобщённость их смысла. А в середине 1990-х, когда делалась книга «Чаепитие на Арбате», Окуджаве ещё меньше хотелось акцентировать былую злободневность своих недавних (как мы предполагаем) строк, чем в 1991-м. Тем более что фактически они не могут быть связаны с событиями 19 августа! Чтобы попасть в восьмой номер ежемесячного журнала, стихи должны были быть поданы в редакцию несколькими месяцами раньше. Августовский номер «Юности» подписан в печать 27 июня, а материалы по следам событий у Белого дома появятся только в октябрьской книжке журнала. А чтобы задуматься о *чёрных цепях*, не обязательно было дожидаться путча. Окуджаву, да и любого гражданина советской страны, вполне могли навести на эту мысль ожесточённые речи коммунистов-консерваторов в парламенте и на митингах.

Так было дело или не так — мы пока точно не знаем. Возможно, открытие рукописей Окуджавы когда-нибудь прольёт новый свет на историю стихотворения «Решайте, решайте, решайте...» и разрешит наши сомнения.

³² *Высоцкий В. С.* Сочинения: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. А. Е. Крылова. Екатеринбург, 1998. Т. 2. С. 18.

Клаус Дитер ЗЕЕМАНН

«ЧЁРНЫЙ КОТ» БУЛАТА ОКУДЖАВЫ КАК АНТИФАШИСТСКАЯ ПАРОДИЯ

В недавнем обзоре русской лирики Ефим Эткинд диаметрально противопоставил Булата Окуджаву и Лебедева-Кумача: «Окуджава явился в мир, чтобы сменить Лебедева-Кумача: пропагандистская песня сталинской эпохи была заменена человеческой и поэтической. Песни Окуджавы это не марши, а сказки»¹.

Если Эткинд таким образом устанавливает общее отношение между поэтом-песенником 1930-х годов и шансоном поздних 1950-х, то в этой статье речь должна пойти о прямой пародийной оглядке Окуджавы на Лебедева-Кумача.

Стихотворение Окуджавы «Чёрный кот» никогда не печаталось в Советском Союзе*. Напротив, от Михайло Михайлова мы знаем, что и с песенным исполнением «Чёрного кота» у Окуджавы возникали трудности, как прежде с «Дураками»: «...несколько лет назад распространился его сатирический стишок “Дураки”. <...> Поэта вызвали в ЦК и сказали примерно следующее: “Вы так красиво поёте свои песенки, зачем вы решили писать эту — о дураках?”. Поэт обещал больше не петь эту песенку на концертах. Годом позже он написал другую сатирическую песенку — “О чёрном коте”. <...> Окуджаву опять вызвали в то же учреждение и сказали: “Вы написали такую красивую песню о дураках, но зачем же вы теперь поёте про чёрного

¹ *Etkind E. Russische Lyrik von der Oktoberrevolution bis zur Gegenwart: Versuch einer Darstellung. München, 1984. S. 239.*

* В действительности стихи впервые опубликованы: Сел. молодёжь. 1966. № 1. С. 33. Тем не менее, рассуждения автора о цензурных запретах верны: текст не вошёл ни в один из авторских сборников советского периода, а вторая его отечественная публикация состоялась лишь в Перестройку: Аврора. 1988. № 4. С. 37. — *Прим. пер.*

кота?..” “Так оно и идёт”, говорит поэт. И его оптимизм полностью оправдывается»².

Вопреки этим трудностям многие записи исполнения этой песни достигли Запада. В одном источнике она датирована 1960 годом³. Во всяком случае, она принадлежит раннему периоду после 1956 года, когда Окуджава, чьи родители в 1937 году были арестованы как партийные функционеры (отец был расстрелян, мать вернулась в 1955-м), — после XX съезда партии с секретной антисталинской речью Хрущёва, — «заново родился» как поэт⁴.

Насколько можно судить, впервые она была опубликована в 1964 году в издательстве «Посев» во Франкфурте, сразу дважды: в издающемся там журнале «Грани», № 56, и в сборнике Окуджавы (Франкфурт-на-Майне, 1964)⁵. С тех пор стихотворение в большинстве случаев перепечатывалось в западных изданиях. Оно трижды переводилось на немецкий язык и опубликовано в польском издании 1973 года⁶.

С 1964 года «Чёрным котом» занимается и критика. Н. Тарасова, подготовившая издание 1964 года, полагала в предисловии, что Чёрный Кот напоминает о советской власти⁷. Над этим

² *Mihajlov M.* Ljeto moskovsko 1964 // Delo. Beograd, 1965. № 2. S. 257 f. Ср. относящуюся к Окуджаве часть в отрывках в русском переводе: Student. London, 1964. № 2–3. S. 9. (В тексте статьи цит. по-сербски. Здесь цит. по перепечатке указ. перевода, конъектуры в котором не отмечались: *Михайлов М.* Булат Окуджава // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 260. — *Прим. пер.*)

³ *Окуджава Б.* 65 песен / Муз. запись, ред., сост. В. Фрумкина. Ann Arbor, 1980. С. 5.

⁴ *Heider H.* Der Hoffnung kleines Orchester: Bulat Okudzava — Lieder und Lyrik. Frankfurt a. M.: Bm, 1983. S. 18. Хайдер передаёт здесь собственное высказывание Окуджавы.

⁵ *Окуджава Б.* Чёрный кот // Грани. № 56. 1964. С. 184–185; *Окуджава Б.* Будь здоров, школяр: Стихи (опубликованные и неопубликованные). Франкфурт-на-Майне, 1964. С. 195; *То же* // Студент. 1964. № 2–3. S. 23. В последний раз: *Окуджава Б.* Проза и поэзия. 7-е изд., изм. и доп. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 220–221. Самое раннее издание на пластинке: *B. Okudzava, poete-compositeur sovietique.* Paris: Le Chant du Monde, 1964. (Best.-Nr. LDX 74358).

⁶ *Okudshawa B.* Ausgewählte Gedichte. Deutsche Übertragung und russischer Originaltext (Übers. von Mary von Holbeck). Frankfurt a. M. 1965. S. 6 f. (В Содержании ошибочно помечено как «первая публикация»); *Он же:* Der frohliche Trommler. Lieder, Chansons, Balladen. A. d. Russ. übertragen von Walter Fischer. Ahrensburg: Paris, 1969. S. 24 f.; *Он же:* Gedichte und Chansons. Deutsch von Alexander Kaempfe u. Gerhard Schindele. München, 1969. S. 20 f. — Все три издания содержат также русский текст.

⁷ *Тарасова Н.* Булат Окуджава — современный баян // Окуджава Б. Будь здоров, школяр... 1964. С. XIII сл. (Перепечатано: Голос надежды. [Вып. 1]. С. 242–248. — *Прим. пер.*)

тогда же потешался А. Флегон, издатель нового лондонского эмигрантского журнала «Студент»: под Котом подразумевается, конечно, Сталин, — только он носил чёрные усы, а не советская власть⁸. После этого остроумного и убедительного вывода в истолковании «Чёрного кота» делались скорее попятные шаги. Не стремясь исчерпать по большому счёту случайные высказывания о стихотворении, назовём здесь двух авторов: Межаков-Корякин (1972) и Хайдер (1983). По совершенно иной логике Межаков-Корякин видит в Чёрном Коте тип нацеленного на собственную выгоду и сознательно живущего за чужой счёт мелкого буржуа, которого он в качестве антипода противопоставляет типу романтика-идеалиста, Бумажного Солдата⁹. Для Хайдера опять-таки очевидно, что «стихотворение не печаталось в Советском Союзе из-за своей политической взрывной силы». Она, кажется, и не знает о приписанных стихотворению без лишних слов в 1964 году в высшей степени политических аллюзиях и о статье Михайлова — и судит осторожно на основании того, что текст сам выносит на передний план: Кот это метафора для «властолюбивого, развращённого тунеядца»¹⁰.

Между тем, усы ведь гораздо более однозначно указывают на Сталина, чем это в 1964 году признавал А. Флегон: сталинские усы, собственно, уже в песне Лебедева-Кумача, славящей Сталина, играют знаковую роль: *Улыбается в усы* — заключительный стих последней строфы в песне «Садовник» (1938), изображающей Сталина мудрым садовником, который в своём саду неустанно, в делах и думах, утруждает себя ради роста плодов и всеобщего благосостояния¹¹. Со времени первой публикации в журнале «Молодая гвардия» в 1938 году песня перепечатывалась во многих изданиях стихов и песен Лебедева-Кумача и ещё в 1938 Никитой Богословским была положена на музыку¹².

⁸ Флегон А. // Студент. 1964. № 4. С. 2.

⁹ См.: Межаков-Корякин И. И. Особенности романтизма в поэзии Булата Окуджавы // Melbourne Slavonic Studies 7. 1972. S. 58–83; особенно S. 70 f.

¹⁰ Heider H. Ibidem. S. 31–33.

¹¹ Лебедев-Кумач В. И. Избранное. М., 1950. С. 22.

¹² Лебедев-Кумач В. Садовник // Молодая гвардия. 1938. № 4. С. 96 (строки 1–2 и 3–4 второй строфы в позднейших публикациях поменялись). За дальнейшие сведения (и, к сожалению, безрезультатный поиск нотного издания в Москве и Ленинграде) я должен поблагодарить Петера Хауманна: Лебедев-Кумач В. Книга песен. М., 1938. С. 75–76, где в комментарии на с. 195 уже указывается на переложение на музыку); Он же. Избранные песни. М. 1939. С. 41–42; Он же. Стихотворения и песни / Вступ. ст. и примеч. С. Васильева. М., 1950. С. 205–206. (Б-ка поэта; Малая сер.)

Обе песни, Лебедева-Кумача и Окуджавы, поместим здесь рядом друг с другом¹³:

Садовник	Чёрный кот
I Вся страна весенним утром Как огромный сад стоит, И глядит садовник мудрый На работу рук своих.	I Со двора подъезд известный Под названием чёрный ход. В том подъезде, как в поместье, Проживает чёрный кот.
II Радость бабочкой весёлой Пролетает по кустам, Льются песни, словно пчёлы По лазоревым цветам.	II Он в усы усмешку прячет, Темнота ему как шит. Все коты поют и плачут, Только чёрный кот молчит.
III Цепи яблонь протянулись Там, где были пустыри... Садовод глядит прищурясь И тихонько говорит:	III Он давно мышей не ловит, Усмехается в усы, Ловит нас на честном слове, На кусочке колбасы.
IV — Не напрасно люди наши Проливали пот и кровь, — Что ни день — светлей и краше Всходит радостная новь!	IV Он не бегают, не просит, жёлтый глаз его горит, каждый сам ему выносит и спасибо говорит.
V День и ночь с весёлым шумом Сад невиданный растёт. День и ночь трудам и думам Отдаётся садовод.	V Он и звука не проронит, только ест и только пьёт. Лестницу когтями тронет — как по сердцу поскребёт.
VI Всё ему проверить надо Взором пристальным своим, Чтобы каждый корень сада Был по-своему любим.	VI Оттого-то, знать, не весел дом, в котором мы живём... Надо б лампочку повесить, — денег всё не соберём.
VII Он помощников расспросит, Не проник ли вор тайком. Сорняки, где надо, скосит, Даст работу всем кругом.	

¹³ Цит. по: *Лебедев-Кумач В. И.* Избранное. М., 1950. С. 22; *Окуджава Б.* Проза и поэзия. 7-е изд., изменённое и дополненное. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 220–221. К песне Окуджавы существует спетый вариант, представленный текстом в журнале «Студент»: стр. II, стих 4: «Только *этот* кот молчит», стр. IV, I: «Он не *требует*, не просит»; далее перестановка стр. V как стр. III. На обложке цитированного здесь издания Окуджавы издательства «Посев» многозначительно во всех отношениях воспроизведён тот возникший, видимо, около 1725 года лубок «Кот казанский...», который, на взгляд знатоков старинных ритуалов, сатирически намекает на усы и многочисленные звания царя Петра I. Ср.: *Lubok. Russische Volksbilderbogen. 17.–19. Jahrhundert. L., 1984. Tafel 18.* См. также лубок «Мыши хоронят кота» (ebd. Tafeln 17, 92, 144), после Ровинского толкуемый как сатира на смерть Петра.

VIII Пар идёт от чернозёма,
 Блещут капельки росы...
 Всем родной и всем знакомый
 Улыбается в усы.

Как видим, только заключительную строку из «Садовника» Окуджава перенял внутрь своего стихотворения (стр. III, стих 2), с лёгким изменением: *Усмехается в усы*. Эта строка образует единственную осторожную реминисценцию с песней Лебедева-Кумача. Однако не может быть сомнения, что Окуджава в «Чёрном коте» пародирует эту хвалебную песню Сталину. Потому что в строфике, стихотворном размере и рифмовке его стихотворение полностью соответствует стихотворению Лебедева-Кумача. Его, таким образом, даже можно было бы спеть на мелодию, которую Н. Богословский выбрал для «Садовника»¹⁴.

Если присмотреться, то можно отметить и другие характерные общие места обеих песен. В том и другом случае речь идёт об аллегориях в узком смысле аллегорического кодирования, обращённого к посвящённым и единомышленникам. То, что подразумевается под лирическим действием переднего плана, Лебедев-Кумач подаёт — через начальное сравнение *всей страны* с садом — гораздо откровеннее, чем Окуджава. Сравнение с (обычно огороженным) *огородом* тоже возникло не случайно: Сталин сам 26 января 1934 года обрисовал оборонноспособность Советского Союза крепким выражением: «А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получают сокрушительный отпор, чтобы впредь не повадно было им совать своё свиное рыло в наш советский *огород*»¹⁵.

Тем самым Сталин вполне логично мог быть изображён в образе огородника. Песня Окуджавы, напротив, глубже закодирована, — ведь даже *усы* представляют невинный, поскольку естественным образом коту принадлежащий атрибут.

Действие переднего плана в обеих песнях построено сходно. Там и здесь оно начинается описанием места*, чтобы вско-

¹⁴ К сожалению, не удалось проверить, пародирует ли Окуджава своим исполнением «Чёрного кота» образец так же и в музыкальном отношении.

¹⁵ Сталин И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Цит. по эпиграфу к написанной с августа по декабрь 1937 года поэме К. Симонова «Ледовое побоище» (см.: Знамя. 1938. № 1. С. 182). Курсив мой. Ср. перевод, — к сожалению, неточный, — у Е. Эткинда: Указ. изд. С. 167.

* Сопоставительные наблюдения автора можно было бы дополнить указанием на не отмеченное им в стихотворении Окуджавы сравнение подъезда с *поместьем*:

ре вылиться в подробную «личностную характеристику» — здесь садовника, там кота.

Оба раза разрабатывается характеристика «начальника», и особенно в отношении к подчинённым¹⁶. В хвалебной песне Лебедева-Кумача он дружелюбен, но твёрд; привыкший отдавать приказы работодатель, который умеет поставить заслон врагу внешнему (*вор*) и внутреннему (*сорняк*). Чёрный кот у Окуджавы постольку живёт в согласии со своими подчинёнными, поскольку привёл их к покорности (стр. III, IV). Мрачный и молчаливый, он одновременно зол и опасен (стр. V).

По-своему изображённое состояние в обеих песнях вневременно. Ситуация такова вообще и всегда: ср. *день и ночь* («Садовник», стр. V, дважды) соотв. *Он давно мышей не ловит* (стр. III).

Эти параллели тем заметнее, что обе песни в соответствии каждая со своей интенцией оканчиваются противоположно: бодро и с уверенностью у Лебедева-Кумача, безрадостно и безнадёжно у Окуджавы.

Схождения, однако, одновременно проявляют и то, что могло побудить Окуджаву пародировать именно эту песню: наряду с аллегорической оболочкой это невольная правда о сталинском режиме в подтексте выражений, использованных Лебедевым-Кумачом: таковы в стр. VII «уничтожение сорняков», которое и впрямь *даёт работу всем кругом*, и ещё более — вложенные в уста садовника двусмысленные строки о кровопролитии (пусть даже и упакованном в библейское ещё сопряжение пота и крови, ср.: Лук., 22, 44), в которых садовник оправдывает средства целью (стр. IV, стихи 1–2).

Все эти наблюдения позволяют определить отношение Окуджавы к песне Лебедева-Кумача, которой он подражает, как пародию в смысле непрямого полемического столкновения с хвалебной песней «Садовник». Образец многократно используется как порождающий фонд для усиления иронической вирулентности.

Тем самым речь идёт об особом случае пародии. В то время как обычная стихотворная пародия какого-нибудь

оно прямо отсылает мысль к *огороду* и *саду*, уравнивая заодно «сельскую» метафорику пародируемого оригинала с напряжённо-выжидательной атмосферой городского *подъезда*. — *Прим. пер.*

¹⁶ Сталина многие называли *хозяином*, как свидетельствуют письма, к примеру Горького и Эренбурга.

стихотворения, всё равно, нападает ли она на пародируемый образец или инструментально его использует, перенимает из него гораздо больше дословных цитат, Окуджава ограничивается лишь названными неопределёнными отсылками¹⁷.

Эту меру задаёт не только предпочитаемый по цензурным причинам эзопов язык, но и такт, обусловленный оглядкой на обстоятельства обычного для времени между 1935 и 1953 годами воскресения поэтического фимиама Сталину.

Правда, творчество Лебедева-Кумача, несмотря на его известный, сочинённый в начале войны гимн «Священная война», который обеспечивает ему прочное место в истории советского песенного жанра, всегда вызывало споры. Современная критика выговаривала ему, что некоторых стихов ему лучше было бы не писать¹⁸. Укажем также и на дистанцированные суждения поэтов Гудзенко и Эренбурга¹⁹. Лебедев-Кумач, безусловно, прототип сталинского поэта — певца приукрашивающей действительность радости жизни, и его творчество отмечено немалым числом упоминаний Сталина и посвящённых ему стихо-творений. Но в то же время в качестве поэта-песенника, вместе с другими товарищами по цеху, он был помечен особо. История восхвалений Сталина в лирике показывает, что они идут от поощряемого самим Сталиным советского фольклора, в том числе и нерусского. Тогда как профессиональные лирики поводом восславить Сталина пользовались умеренно или только на вершине сталинского культа в первые послевоенные годы, именно поэты, писавшие песни в народном духе, — Голодный, Исаковский, Прокофьев, Сурков, — были особенно востребованы к тому уже задолго.

Это одна из глав истории советской литературы и лирики, которая в Советском Союзе лишь очень редко могла об-

¹⁷ Ср.: *Seemann K. D. Zu Praxis und Theorie der russischen Versparodie // ZfslPh 43. 1983. S. 82–109, особенно S. 89 и далее.*

¹⁸ См., напр.: *Розанов Б. И.* [Рец. на: Лебедев-Кумач В. Книга песен. М.: Худ. лит., 1938. 204 с.] // *Новый мир.* 1938. № 5. С. 283 и далее, особенно 284.

¹⁹ *Гудзенко С.* Армейские записные книжки. М., 1962. С. 23 и 27 (соответственно записи от 2.1.1942 и 3.4.1942); *Эренбурге И.* Люди, годы, жизнь. Ч. 5 // *Новый мир.* 1963. № 1. С. 97.

суждаться открыто²⁰. Поскольку лишь немногие поэты смогли уклониться от требования сочинять стихи о Сталине, после 1956 года дело дошло до постыдного вымарывания целых стихотворений и упоминаний о Сталине во всех строках и строфах. И в новейших изданиях Лебедева-Кумача отсутствуют, таким образом, многочисленные в его песнях сталинские реминисценции, не говоря уж о прямых гимнах Сталину, и в их числе «Садовник»²¹. Окуджава был достаточно тактичен, чтобы только слегка отодвинуть в сторону завесу молчания, которая с тех пор по взаимному согласию поэтов, критиков и редакторов окутывает тот бесславный скандальный поэтический культ Сталина.

*Die welt der slaven: Halbjahresschrift für slavistik. München:
Otto Sagner, 1986. № 31. S. 139–146.
Перевод с немецкого С. ШАУЛОВА*

²⁰ Напр.: Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. М.; Л., 1963. С. 267, 268, 371 и (в отношении Лебедева-Кумача) 398.

²¹ Лебедев-Кумач В. И. Песни и стихотворения. М., 1960; Он же. Песня о Родине: Избр. стихотворения. Кемерово, 1983; Он же. Избранное: Стихотворения; Песни. М., 1984.

А. КУЛАГИН

ТОЧНОЕ «НЕТОЧНОЕ» СЛОВО (Глава из новой книги)*

«Булат Окуджаву весь построен на неточности слова. Точно его состояние»¹. Эти слова Д. Самойлова — своеобразный ключ к пониманию поэтического стиля Окуджавы. На первый взгляд они звучат как парадокс; парадоксальным может показаться и определение, данное Вл. Новиковым: «Поэтика Окуджавы — это поэтика *гармонизированного сдвига* на всех уровнях: стиховом, словесном, семантическом»².

Между тем оригинальность и прелесть стихов Окуджавы в самом деле во многом объясняются необычным подходом его к поэтическому слову — подходом, как нам думается, сознательно филологическим (всё-таки поэт был филологом по образованию). В пользу этого говорят и продуманная тавтология (*Какая царская нынче осень в Царском Селе!* — «Осень в Царском Селе»), и грамматические пассажи типа *Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе* («Зазжий музыкант...»), и мастерская аллитерация, когда автор — почти как барочный поэт — ставит перед собой формальную задачу: добиться того, чтобы все слова в стихотворении (при продуманных исключениях) начинались с одной и той же буквы: *Питер парится. Пора парочкам пускаться в поиск по проспектам полуночным...* («Зной»)³.

* Полностью книга (при участии изд-ва «Булат») выходит в изд-ве КПИ: Кулагин А. Лирика Булата Окуджавы: Науч.-попул. очерк. М.: Коломна, 2009.

¹ Цит. по: В зеркале дневниковых записей и писем современников: (Обзор опубликован.) / Подгот. к печати, вступ. зам. и коммент. А. Крылова // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 431.

² Новиков Вл. Место Окуджавы в ряду русских поэтических классиков // Новиков Вл. Роман с литературой. М., 2007. С. 88. Выделено авт. цит.

³ Здесь и далее произведения поэта цитируются нами по изд.: Окуджаву Б. Стихотворения / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. СПб., 2001. Даты написания *песен* приводятся по «самиздатскому» сборнику, готовившемуся в беседах с автором стихов: Окуджаву Б. Собрание соч.: [В 11 т.]. М.: КСП, 1984. [Т. 2.].

Стилевой контраст как важный творческий приём художника был отмечен уже более сорока лет назад: «В одном стихотворении, — писал в 1968 году С. Владимиров, — поэт может соединить самые, казалось бы, несовместимые, противоположные, исключаящие друг друга стилистические краски» — например, «рафинированную сентиментальность салонного романа <...> и разговорную фамильярность уличной песенки» (речь шла о стихотворении «Левкой». — А. К.)⁴. К приведённым критиком примерам можно добавить много других — скажем, таких, где откровенно сталкиваются книжно-поэтическое слово и слово просторечное.

Так происходит, например, в тексте песни «Прощание с новогодней ёлкой» (1964, 1965—1966):

В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья недели
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!
И, утончённые, как соловьи,
гордые, как гренадеры,
что же надёжные руки свои
прячут твои кавалеры?

Строфа включает несколько «литературных» оборотов, должных настраивать читателя и слушателя на высокий лад, создавать впечатление некоторой стилизации в духе, может быть, «золотого века»: *миг расставания, час платежа* (если понимать это слово не в буквальном «сбербанковском» смысле, а в иносказательном, как здесь и требуется⁵), *день увяданья недели* (неожиданный перифраз слова *воскресенье*, другое значение которого будет обыграно ближе к финалу песни: «И в суе тебѣ сняли с креста, // и воскресенья не будет»), *утончённые, гордые* (сравнения соответственно с *соловьями* и *гренадерами* работают на тот же «высокий» эффект), *кавалеры* (это слово настолько говорящее, что и вовсе не нуждается в комментарии). Но весь этот ряд словно перечёркивается одной фразой: *Что они все, оду-*

⁴ Владимиров С. Стих и образ: Размышления о соврем. стихе. Л., 1968. С. 147, 148.

⁵ Ср., кстати, в песне начала 60-х «Какая глупая игра...»: «Какая глупая игра — // пора завязывать, пора, — // хоть пару лет на книжку положить». Деньги как метафора жизни («ещё был не разменян мой первый золотой» и т. п.) — вообще характерный для Окуджавы мотив (отмечено: Богомолов Н. А. Так ли просты стихи Окуджавы? // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Ст. о рус. лит., преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 413).

рели?! Не говоря уже о разговорном слове *одурели*, просто-речна здесь и сама вопросительная интонация: *Что они все...* И впрямь, суть лирического сюжета песни об *удивлённой любви, вспыхнувшей, неутолённой*, заключена именно в этом повороте от надежды к разочарованию. Он выражен, как мы видим, с помощью точного, выверенного стилевого приёма⁶.

Внутри такой стилевой оппозиции «расстановка сил» может оказаться не вполне привычной, ожидаемые стилевые акценты и нюансы могут неожиданно смешаться, заостряя этим поэтическую мысль автора. В стихотворении «Цирк» (1965), позже положенном на музыку А. Рыбниковым и прозвучавшем как песня в фильме «Эквилибрист» (на наш взгляд, одна из наиболее удачных профессиональных композиторских интерпретаций стихов поэта), как раз заметно такое смещение:

Все костюмы наши праздничные — смех и суета.
Все улыбки наши пряничные не стоят ни черта
перед красными султанами на конских головах,
перед лицами, таящими надежду, а не страх.

Поскольку сквозной лирической коллизией стихотворения является противопоставление возвышенного циркового искусства и обыденной приземлённой жизни («В цирке надо не высидывать, а падать и взлетать»), то всё связанное с цирком здесь поэтизируется, а всё житейское, напротив, снижается. В другом контексте *костюмы наши праздничные* и *улыбки* означали бы поэтический позитив, но здесь они *не стоят ни черта!* Ради такого впечатления поэт не стесняется просторечно-сниженного оборота, обнажившего подлинную суть и вроде бы двусмысленного поначалу эпитета *пряничные* (удивительно, что *чёрта* пропустили на экран тогдашние худсоветы, обычно борющиеся с подобными языковыми вольностями)⁷. С другой стороны, и *лица*, и тем более *конские головы* сами по себе высокого пафоса не содержат, но в данном-то случае как раз содер-

⁶ Об этой песне в поэтическом (стихи о новогодней ёлке Пастернака, Н. Матвеевой, Левитанского...) и общественном контексте см.: Быков Д. «Прощание с новогодней ёлкой» (1966) // Голос надежды. Вып. 4. М., 2007. С. 429–437; это эссе представляет собой главу из книги об Окуджаве, готовящейся к изданию в серии «Жизнь замечательных людей» (Быков Д. Булат Окуджав. М.: Молодая гвардия, 2009. — Ред.).

⁷ Любопытно, что в других случаях поэт мог употребить это же слово тоже во фразеологизме, но уже в позитивном значении: *красив как чёрт* («Песенка о ночной Москве» того же года); *губаст и учён как чёрт* («Счастливчик Пушкин»).

жат — ведь в одном семантическом ряду с ними находятся *красные султаны* и важнейший, как мы уже видели, мотив всего поэтического мира художника — *надежда*.

Подобный контраст «высокого» и «низкого» не раз встречается и в сравнительно позднем творчестве поэта, где нарастает ощущение драматизма жизни, а оно, в свою очередь, располагает к поэтическим антиномиям: *...лишь с розою в руке слоняюсь...* («Я выселен с Арбата...»); *...быть влюблённым и не думать о спасенье, пить вино из чёрных кружек, хлебом заедать домашним...* («Дунайская фантазия»); *Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел; ...из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил, из какой-то там фантазии, которой он служил* («Музыкант»). Мотивы творчества, влюблённости, фантазии органично сочетаются с мотивами будничной жизни, быта, еды, предметного мира; соответственно этому сопряжены в стихах и контрастные лексико-стилевые средства.

В роли одного из полюсов стилевой оппозиции может оказаться и идеологически окрашенный советский канцелярит («новояз», *new speak*, по известному определению из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»), своего рода квазиязык, на наличие которого в лирике Окуджавы (и Высоцкого) указывает С. С. Бойко: «Март намечается великодушный!»; «слоняюсь вдоль незримой границы на замке» (курсив наш) и т. п. По мнению исследовательницы, в этих случаях (подтверждающих теорию группы польских лингвистов о политической диглоссии в тоталитарном обществе, то есть оппозиции языка номенклатуры — введённого, однако, и в сознание простых обывателей — и «подпольного» языка) лирический субъект «лингвистически является носителем “новояза”, а идеологически — выражает анти-тоталитарное мировоззрение»⁸.

Между тем и «лингвистически» этот герой тоже непросто. «Новоязовская» лексика звучит в его устах в сочетании с лексикой то «высокой» (*великодушный*), то «низкой» (*слоняюсь*). В обоих случаях она подвергается своеобразной стилевой поверке (сверху ли, снизу), контрастно оттеняется, а во втором случае явно развенчивается. Можно привести и другие примеры такого рода. Так, в одной из самых известных своих песен, «Молитве» (1964, 1965–1966), поэт пел, обращаясь к Богу:

⁸ Бойко С. С. «Новояз» в поэзии Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. М., 1999. Т. I. С. 278.

Я знаю: ты всё умеешь, я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый, что он проживает в раю...

Слово *проживает*, позаимствованное из канцелярита и довольно двусмысленное в своём буквальном значении, поневоле напоминающее близкое по звучанию «прожигает (жизнь)», — оказалось здесь как бы в двойном контрастном контексте. Во-первых, оно не подходит к *раю*: последнее слово — в лирике обычно высокое, поэтическое — с «новоязом» никак не вяжется, тем более что в раю нельзя не только *проживать*, но и жить... А уж *убитому солдату* и вовсе не легче от того, где именно он теперь *проживает* (ср. в стихотворении второй половины 80-х «Ах, что-то мне не верится...»: *А может быть, подстреленный, давно живу в раю*). Ощущение продуманной «неуместности» канцелярского глагола усиливается (во-вторых) и столь же контрастно звучащим рядом с ним оборотом из первого стиха, несущим в себе высокопарную, прямо-таки одическую интонацию: *я верую в мудрость твою*. Не закрадывается ли при этом у слушателя песни доля сомнения во всеилии божества (которую, признаться, мы и сами прежде не замечали, полагая, что лирический герой «Молитвы» в таком всеилии как раз уверен⁹), особенно с учётом следующих далее строк: «...как верит каждое ухо тихим речам твоим, // как веруем и мы сами, не ведая, что творим!» Согласимся, вера необычная, если не сказать странная, хотя странность эта и завуалирована; но всё же она, хотя и вскользь, замечена критиком, воспринимающим песню «со всею строгостью религиозного понимания»¹⁰. Здесь возможно влияние богоборческих стихов из любимой поэтом, как мы знаем, ещё с молодости поэмы Маяковского «Облако в штанах» (*Я думал — ты всеильный божество, а ты недоучка... и так далее*). Впрочем, сложная и неоднозначная «Молитва» ещё ждёт своего основательного анализа, и мимо канцелярского словца *проживает* её будущим интерпретаторам никак не пройти. Не исключено, что со временем в тексте песни проступит нечто подобное тому явлению, которое Вл. Новиков применительно к поэзии Высоцкого определил так: «смысл плюс смысл»¹¹.

⁹ См.: Кулагин А. Эту книгу читал молодой Окуджава // Голос надежды. Вып. 4. С. 280–281.

¹⁰ Зорин А. Вестник до-верия // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф. ... 19–21 нояб. 1999 г. Переделкино. М., 2001. С. 141.

¹¹ См.: Новиков Вл. В Союзе писателей не состоял...: Писатель Владимир Высоцкий. М., 1991. С. 84–97.

Другой канцеляризм обнаруживаем в стихотворении «Старый дом» (не позднее 1964):

Дом предназначен на слом. Извините,
если господствуют пыль в нём и мрак.
Вы в колокольчик уже не звоните.
Двери распахнуты. Можно и так.

В этом стихотворении, навеянном, по-видимому, происходившим как раз в начале 60-х разрушением старых арбатских переулков, речевой штамп *дом предназначен на слом* повторяется ещё дважды как рефрен. Между тем казённому обороту в тексте стихотворения противостоит едва ли не всё остальное — от *пыли* и *мрака*, от ушедших со двора *печальных мышей* до не нужных больше *колокольчика*, *ставеньки* и *столика* (обратим внимание на уменьшительно-ласкательные суффиксы, постоянное пристрастие поэта к которым отмечено С. В. Свиридовым в аспекте «поэтики детства»¹²) и продолжающей висеть как след невозвратимой прежней жизни чьей-то *фотокарточки*. Лирическая кульминация заключена в последнем четверостишии, где до конца раскрывается основная коллизия стихотворения — несовместимость чиновничьего бездушия и живой души, живой памяти:

Ну-ка, взбежим по ступенькам знакомым!
Ну-ка, для успокоенья души
крикнем, как прежде: «Вы дома?.. Вы дома?!»
Двери распахнуты. И ни души.

Слово *души* не только звучит в этом четверостишии дважды, но даже зарифмовано само с собою! Вновь лексика и стиль обнажают смысловую оппозицию внутри произведения.

Между тем канцелярит под пером Окуджавы — не обязательно советский «новояз». Это может быть и выражение из языка девятнадцатого века, что не удивительно при настойчивом интересе поэта к исторической жизни:

Этот полдень с отливом зелёным между нами по горстке деля,
Как стараются неутомимо Бог, Природа, Судьба, Провиденье,
Короли, спаниели, и розы, и *питейные* все *заведенья*.
Сколько прелести в этом законе! Но и грусти порой... Voila!
(«Парижская фантазия», 1982, курсив наш)

¹² Свиридов С. В. Поэтические константы Окуджавы // Голос надежды. Вып. 4. С. 337. Эта работа содержит немало полезных наблюдений над языком лирики поэта («детская» лексика, упрощённый синтаксис, этикетные формулы типа *Ваше благородие* и проч.).

Питейные заведения, которые уместнее представить где-нибудь на страницах Достоевского, здесь оказались в соседстве с понятиями самой *возвышенной пробы* (выражение из этой же песни), хотя в их ряд столь же неожиданно проникли ещё и *спаниели* (см. выше: «У парижского спаниеля лик французского короля...»). Несмотря на стилевой контраст, ожидаемого нами смыслового контраста в этом случае нет: *Бог, Природа...* и *питейные заведения* — проявления общей *прелести* бытия (слово очень «окуджавское» — напомним, что написанную в 1968 году книжку для детей он назвал «Прелестные приключения»¹³). Такое оказалось возможным благодаря, во-первых, лёгкой исторической стилизации, у Окуджавы обычно поданной любовно (эта песня, с её «эмигрантско-дореволюционным» колоритом, — не исключение: «На бульваре Распай, как обычно, господин Доминик у руля. // И в его ресторанчике тесном заправляют полдневные тени, // петербургскою ветхой салфеткой прикрывая от пятен колени, // розу красную в лацкан вонзая, скатерть белую с хрустом стеля»¹⁴); во-вторых — тому, что речь идёт о Париже, русского поэта восхищавшем (ср. в стихотворении «Париж для того, чтоб ходить по нему...»: «Он благоуханием так умахён, // таким он мне весь достаётся, // как будто я понят уже и прощён, // и праздновать лишь остаётся»); и в-третьих — тем, что антитеза в стихах всё же есть, но водораздел проходит в другом месте: *прелесть/грусть*. При всём «наслажденчестве» (Вл. Новиков), песня содержит отчасти и элегические интонации, характерные для лирики Окуджавы двух последних десятилетий. Отмечая такую творческую тенденцию у поэта, А. Урбан-Подольян связывает с нею обращение поэта в эту пору к приёму перечисления, органичному для лирико-ретроспективного взгляда назад, в прожитую жизнь (например: «...когда бы не грязные лапы, // неправый вершащие суд, // не бранные крики, не залпы, // не слёзы, что речкой текут!» — «Пока ещё жизнь не погасла...»)¹⁵. В «Парижской фантазии» мы имеем дело, несомненно, именно с таким случаем.

¹³ См. специальную работу: Кондратова Т. И. «...И наша жизнь будет иметь смысл»: О дет. кн. Булата Окуджавы «Прелест. приключения» // Голос надежды. Вып. 2. М., 2005. С. 285–297.

¹⁴ Об этом реальном парижском ресторане, своеобразном пристанище русских эмигрантов, см.: Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001. С. 206.

¹⁵ См.: Урбан-Подольян А. Заметки об одной стилистической особенности поздней поэзии Булата Окуджавы (фигура *enumeratio*) // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей междунар. науч. конф. 18–20 марта 2005 г. Переделкино. М., 2007. С. 155–157.

Ощущение «неточности слова» в лирике Окуджавы возникает за счёт и других языковых средств. В небольшой, но насыщенной статье И. П. Буксы, опубликованной ещё при жизни поэта¹⁶, отмечено его тяготение к «алогизмам разных уровней», к которым исследовательница относит, в частности, оксюмороны. Разумеется, этот приём (суть которого заключается в сочетании несочетаемого — типа *безнадёжная надежда*) употребляется поэтом тоже не всеу и несёт важную поэтическую нагрузку. Напомним для примера строки из песни «Я вновь повстречался с Надеждой...» (1975):

Когда бы любовь и надежду связать воедино,
какая бы (трудно поверить) возникла картина!
Какие бы нас миновали напрасные муки,
и только прекрасные муки глядели б с чела...

Разве бывают *прекрасные муки*? Но поэт хочет сказать, что вовсе безмятежной жизни не бывает, что счастье предполагает полноту бытия, а она, в свою очередь, немислима без переживаний и утрат, даже если *любовь и надежду связать воедино*. Эти строки поневоле напоминают пушкинское «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

Другой пример использования оксюморона — строка из не раз уже упоминавшегося нами стихотворения «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...»: «...и горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб». Она вписывается в сквозную лирическую коллизию этих стихов — противостояние нынешней относительной бытовой налаженности в Безбожном переулке и прежней — пусть не столь комфортной, но дорогой поэту другими качествами — арбатской жизнью, о чём в тексте сказано с иронией, но исчерпывающе: «Хоть сауна напротив, да фауна не та». Прежняя, арбатская, *фауна* — это, по-видимому, и *зоомагазин*, куда теперь *ходят оккупанты*, и знаменитый *чёрный кот* из давней песни поэта «Со двора подъезд известный...»

И. П. Букса пишет и о «собственно алогизмах», видя в них «приём активизации читательского внимания». Таких случаев в лирике Окуджавы разных лет, в самом деле, очень много, и перечислять их можно долго. Например, почему в «Полночном троллейбусе» (1957) *Москва, как река, затухает?* Разве река *затухает*? Скорее уж *затухает* город, когда гаснут его огни. Одна

¹⁶ См.: Букса И. Поэтический голос Булата Окуджавы // Культура и творчество: Сб. науч. тр. Тверь, 1995. С. 159–170.

метафора словно породила другую. Неспроста эта строка показалась «не очень внятной» В. Сикорскому¹⁷. Не покажется ли странным и стих *грохнет лёд на реке в лиловые трещины* в песне «На арбатском дворе — и веселье и смех...» (1958)? Как можно *грохнуть* в *трещины* — они уже сами по себе есть следствие этого самого грохання (заметим заодно интересную тавтологию в зачине: *и веселье и смех*; разве это не синонимы?). Внешне алогична строка *От любви твоей вовсе не излечишься* в «Песенке об Арбате» (1959): логика требовала бы сказать *от любви к тебе*. *Живописцам* в одноимённой песне 1961 года предложено окунуть кисти *в суету дворов арбатских и в зарю* — тем самым *суета* и *заря* оказались однородными членами предложения и почти синонимами, в одном смысловом ряду (точно так же сойдутся в одной строке «Речитатива» 1970 года *разгулы будней, и подъездов глушь, и мостовых дыханье*). Как объяснить странный переход «через» многоточие от одной поэтической мысли к другой в «Заезжем музыканте...» (1971, 1975): «...и на своей трубе, как чайник, раскалённой // вздыхает тяжело... А я тебя люблю?» Недавно упоминавшиеся нами *прекрасные муки* («Я вновь повстречался с надеждой...») *глядели б* почему-то *с чела*, где глаз вообще-то нет; да *муки*, в отличие от глаз, и не умеют *глядеть* — на *челе* они могут разве что «отразиться».

Не составляют исключения и произведения 80-х. В песне «Я выселен с Арбата...» своеобразно нарушена последовательность состояний умирающего цветка: *Заледенела роза и облетела вся*. Должно быть скорее уж наоборот, как, например, и в стихотворении «Мне не в радость этот номер...»: *смерть моя и жизнь моя*. В «Парижской фантазии» же есть даже вдвойне (если не втройне) алогичный пассаж: *в глазах парижского спаниеля, голубых и счастливых, отражаются жизнь и земля*. Во-первых, может ли вообще что-то отражаться в глазах спаниеля? Точнее — может ли заметить это человек? Во-вторых, *голубые и счастливые* — опять-таки однородные члены предложения, но сами слова принадлежат и здесь разным семантическим рядам. В-третьих, то же самое можно сказать о *жизни и земле*. Почему они *отражаются* порознь? Ведь *жизнь* и происходит как раз на *земле*.

Можно было бы попытаться разобрать каждый из этих случаев, «поверить алгеброй гармонию». Но читатель, думается,

¹⁷ См.: Сикорский В. Встреча с памятником // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 14. Ср. там же наблюдение о том, что в троллейбус невозможно *сесть на ходу*, как это делает лирический герой песни.

и сам может поразмышлять над их содержанием; поэт же, как нам кажется, не настаивал бы на однозначной трактовке своих непростых строк, где «семантика смешена, поколеблена, зато соответственно усилена скользящая неопределённость стиха»¹⁸. Но хочется всё же рассмотреть хотя бы один пример — скажем, последний из приведённых нами выше. Попробуем восстановить ассоциативную цепочку смыслов, которой мог следовать автор «Парижской фантазии». Мотив глаз, придающих спаниелю «человеческий» облик, следует за уподоблением спаниеля человеку в самом зачине песни:

У парижского спаниеля лик французского короля,
не погибшего на эшафоте, а достигшего славы и лени:
набекрень паричок рыжеватый, милосердие в каждом движении...

Слава и лень, возможность быть *милосердным* — это ли не *счастье*, особенно в сравнении с *гибелью на эшафоте*? Вот уже и оправдано прилагательное *счастливых*. Голубой же цвет в поэтике Окуджавы, его «излюбленный колер» (В. Соловьёв) — ещё не обретший в ту пору в нашем языке двусмысленного значения романтический цвет надежды и любви, начиная с известной песни «Голубой шарик»; можно вспомнить ещё *голубые глаза* медсестры Марии из одноимённой песни или нечто *голубое*, куда должны окунуть свои кисти всё те же *живописцы*, чтобы с *надеждой и любовью* нарисовать проходящих по *Тверской* героев песни... По смыслу это близко мотиву счастья, так что поэтическое сочетание *голубых и счастливых* оказывается вполне объяснимым. Что касается оборота *отражаются жизнь и земля*, то если представить человеческий зрачок неким зеркалом, то отражение в нём в самом деле состоит словно из двух половинок — тёмной (*земля*) и светлой (небо и люди на его фоне — то есть *человеческая жизнь*).

Так что при внимательном вчитывании можно выявить творческое обоснование едва ли не любого окуджавского алогизма. Мы здесь имеем дело с последовательной стилиевой стратегией, подобные алогизмы Окуджаве нужны — они позволяют взглянуть на знакомые вещи непредвзято, в неожиданном ракурсе; в частности, именно в них и заключён тот самый гармонизированный сдвиг, о котором пишет Вл. Новиков.

Но важно понять и другое: на пустом ли месте возникает этот приём? нет ли в русской поэзии прецедента именно такой

¹⁸ Соловьёв В. Поэзия ходячих истин: Из мемуарного романа «Записки скорпиона» // Там же. С. 36.

работы со словом? Нам представляется, что Окуджава использует и развивает стилевой опыт Александра Вертинского — поэта, которого Галич назвал «родоначальником русского шансоньерства»¹⁹. Поэтическая манера этого мастера по-своему предвосхищает стиль Окуджавы. Когда Вертинский поёт *тихонько любить, голубые ошибки, улыбаясь глубиной души, иметь золотого ребёнка, молиться... печально и тонко* — его стихи оказываются столь же алогичны. *Молитва* вдруг оказывается *тонкой*, будто это слово — синоним слова *печальная*. Прилагательное *золотой* применительно к ребёнку синонимично здесь *желанному* («мне когда-то хотелось иметь...»), но такого значения в русском языке оно не имеет, зато имеет близкое ему, метафорическое: *дорогой*. Иногда поэтическому алогизму становится тесно в рамках словосочетания, и он усложняется, выходит на синтаксический уровень: «В этот вечер Вы были особенно нежною, // Как лампадка у старых икон...» («За кулисами»). *Лампадка* не может быть *нежною* даже в переносном значении: в этой паре слов нет общего признака, необходимого для обычной метафоры. *Нежным* можно назвать разве что свет от *лампадки*. Но самое замечательное то, что здесь с лампадкой сравнивается человек. Перед нами овеществление, то есть «олицетворение наоборот». Такое нарушение привычных смысловых связей между словами есть та изюминка, что придаёт «песенкам» Вертинского неповторимое стилевое очарование.

Генезис стиля самого же Вертинского следует искать, на наш взгляд, в так называемой суггестивной (от англ. *to suggest* — внушать) поэзии Жуковского, повлиявшей, впрочем, на творчество крупнейших русских лириков позднейших эпох — Тютчева, Фета, Блока. Термин «суггестия» означает не называние, а внушение эмоций, происходящее за счёт ослабления основного и усиления дополнительного смыслового оттенка слов. Для этого в стихах «отбирался определённый ряд слов эмоционально-оценочных <...> Соединялись имена прилагательные — качественное и относительное; слова, передающие зрительное и осязательное впечатления <...>; антонимы употреблялись как синонимы; широко применялись разнообразные инверсии...»²⁰

¹⁹ Галич А. Прощальный ужин: [Эссе] // Галич А. Песня об Отчем Доме: Стихи и песни с нотн. прилож. / Сост. и подгот. текста А. Н. Костромина. М., 2003. С. 130. Произведения Вертинского цитируются ниже по изд.: Вертинский А. Дорогой длиною... / Сост. и подгот. текста Ю. Томашевского. М., 1991; ссылки на него не оговариваются.

²⁰ Баевский В. С. История русской поэзии: 1730–1880: Компендиум. Смоленск, 1994. С. 66.

Скажем, в строках Жуковского «Как свежая роса денницы, // Был сладок сей привет» (баллада «Пустынник») вполне предсказуемая метафора *сладкий привет* обретает суггестивное звучание за счёт сравнения со *свежей росой*. *Сладкий* и *свежий* — прилагательные из разных смысловых рядов, а здесь они оказываются, в сущности, синонимами (а у нас, кстати, сразу возникает параллель со строками песни Окуджавы «Новое утро» 1957 года: «И сладки, как в полдень пасеки, // как из детства голоса, // твои руки, твои песенки, // твои вечные глаза»; вдумаясь — *сладки руки, песенки и глаза*, и *сладки* они, *как пасеки* и *как голоса* одновременно; стало быть, и *голоса сладки* тоже: одна метафора словно помножена на другую. То же самое — в «Прощании с новогодней ёлкой»: *утончённые, как соловьи*).

Творчество Вертинского Окуджава хорошо знал, в молодости даже побывал на его концерте в Тбилиси. Поэт признавался, что ценит звучащую поэзию Вертинского, считал (как и Галич — см. выше), что Вертинский стоит у истоков современной авторской песни, выделял у него отдельные любимые песни и строки²¹. Так что возможное влияние стиля «грустного Пьеро» русского искусства не должно удивлять читателя и слушателя Окуджавы. Порой образы двух художников столь близки, что позволяют предположить непосредственное влияние. Скажем, не отозвались ли обороты *на деревьях цветут снеговые улыбки* («Дым без огня») и *улыбаясь глубиной души* (вторая цитата — из песни Вертинского на стихи Б. Даева «Матросы»), но принадлежность стихов другому автору не должна нас смущать: Окуджава, как и большинство слушателей, наверняка считал их стихами Вертинского, самым фактом исполнения как бы авторизовавшего чужие тексты) в одной из первых песен Окуджавы — «Отрада» (1957):

В будни нашего отряда,
в нашу окопную семью
девочка по имени Отрада
принесла улыбку свою.

И откуда на переднем крае,
где даже земля сожжена,
тонких рук доверчивость такая
и улыбки такая тишина?

²¹ Подборку высказываний Окуджавы о Вертинском см.: Булат Окуджава: «Я люблю его песни...» // Голос надежды. Вып. 2. С. 325–328. О творческом влиянии Вертинского на лирику Окуджавы и на авторскую песню 50–80-х годов см., например: Кулагин А. «Сначала он, а потом мы...» // Там же. С. 335–356 (на с. 335 — библиография).

Налицо суггестивность в духе «первого барда», уже знакомая нам переакцентировка значений слова, заостряющая традиционные поэтические мотивы *улыбки, тишины, девичьих рук: принесла улыбку; улыбки такая тишина; тонких рук доверчивость* (заметим в очередной раз расположенность поэта к аллегорической образности: *девочку* зовут не каким-либо привычным женским именем, а — *Отрада*; напомним имена *трёх сестёр* из одноимённой песни — *Вера, Надежда, Любовь*, или даже ещё более близкий нашему случаю — строки из миниатюры «В саду Нескучном тишина...»: *А женщину зовут Дорога...*). Ну а в стихотворении «Из фронтового дневника», написанном, по-видимому, в 80-е годы, нам слышится прямая реминисценция из Вертинского: «...у солдат неземные улыбки // расцветают на пыльных губах»²².

Между тем суггестивный текст отличается, напомним, ещё и «разнообразными инверсиями» (В. Баевский) — то есть перестановками слов внутри предложения. Их у Окуджавы тоже немало, и можно, как нам кажется, говорить об инверсии как о «фирменном» приёме мастера: *а дождь сентябрьский льёт такой; расколотый кружится шар земной; надежды маленький оркестрик; Павловска перрон пустынный, Петергофа плен прекрасный; И чайных ложек целые оркестры ударят разом; и совершалось наших душ тогда мужание; В тёмно-красном своём будет петь для меня моя Дали, в чёрно-белом своём преклоню перед нею главу; Божественной субботы хлебнули мы глоток; Жёлтой свечкой стеаринной я украшу ваш уют; и поручиком в отставке сам себя воображал; Не сольются никогда зимы долгие и лета; Вползают в наши души вкрадчиво то злая правда, то обман; Кто Пречистенки не хохлил, Божедомки не любил, по Варварке слёз не пролил, Якиманку позабыл?; Надежды крашеная дверь. Фортуны мягкая походка; Мой опыт мне совсем не накопил от бед защиты...* При этом окуджавские инверсии порой столь рискованны, что чреваты изменением смысла поэтического высказывания, звучат «на грани фола». Вот он пишет в стихотворении «Чаепитие на Арбате» (1975):

Вы представьте, друг любезный,
Как казались нам смешны
Парадоксы те из бездны
Фронтового сатаны.

²² Этому стихотворению посвящена специальная работа: *Александрова М. А.* О стихотворении Булата Окуджавы «Из фронтового дневника» // *Художественный текст и культура*. Владимир, 2006. С. 155–160.

Если судить по внешнему расположению слов, то слово *бездна* должно относиться к *фронтному сатане*. Но ведь оно относится к слову *парадоксы*: это они, а не *сатана* — из *бездны*. Нечто похожее происходит в тексте песни «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?...» (не позднее 1985): «Кричи и плачь. Авось твой труд упорный // Потомки не оценят свысока». Форма фразы (*не оценят*, да ещё и *свысока*) не совпадает с её смыслом (*оценят не свысока*). Прибегая к таким перестановкам, поэт, как нам думается, заостряет наше внимание на ключевых мотивах своих произведений, «остраивает» их²³. Так, *фронтной сатаной*, отстаивающий преимущество *чая* перед *кипятком из котелка* («вы с ума сошли, солдаты: // это — дрянь, а не питьё!»), оказывается в итоге прав со своей апологией *чаепития*: «Как обида нас ни жгла, // та сентенция напрасной, // очевидно, не была». Ну а о значимости признания потомками *голоса* поэта, который открыто подразумевается под аллегорическим *кузнечиком* (песня посвящена Ю. Киму), не приходится и говорить. И чтобы простые вроде бы *сентенции* не казались *напрасными*, поэт с помощью синтаксической «неточности» выделяет их на фоне сравнительно «гладкого» или даже высокопарного внутреннего контекста (*Вы представьте, друг любезный; Из нашего бессмертного полка...*).

Раз мы заговорили о синтаксисе, уместно вспомнить о приёме, введённом в научный оборот М. Эпштейном в самое последнее время. Это анафраза — «перестановка слов во фразе и соответствующие трансформации её смысла» (по аналогии с анаграммой — перестановкой букв в слове)²⁴: *Не верь войне, мальчишка, не верь: она грустна. Она грустна, мальчишка...* («Не верь войне...»); *и то простить, чего нельзя простить* («Прощание с осенью»); *...да любит не тебя. А я люблю тебя* («Заезжий музыкант»); *я опять гляжу на вас, а вы глядите на него, а он глядит в пространство* («Чудесный вальс»). Пример более развёрнутого, сюжетообразующего использования анафразы находим в песне «Всё глуше музыка души...» (не позднее 1985):

²³ А. Крылов вспоминает, что Окуджава советовался с ним по поводу другой строки той же песни о кузнечике: «Как лучше: “он достигает неба своего” или “он неба достигает своего”»? Оба собеседника предпочли второй вариант — с двойной инверсией (см.: Крылов А. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М., 2005. С. 98).

²⁴ Эпштейн М. Анафраза: языковой феномен и литературный приём // Вопр. лит. 2006. [Вып. 5] (сент. — окт.). С. 227.

Всё глуше музыка души,
 всё звонче музыка атаки.
 Но ты об этом не спеши:
 не обмануться бы во мраке,
 что звонче музыка атаки,
 что глуше музыка души.

.....
 чем выше музыка любви,
 тем громче музыка печали,
 чем громче музыка печали,
 тем чище музыка любви.

По терминологии М. Эпштейна, такую лирическую композицию можно соотнести с полифразом: этим термином учёный предлагает называть «сверхфразовую единицу, вариациями которой выступают анафразы данного набора слов»²⁵. В нашем случае такой «набор слов» включает в себя существительное *музыка* и предлоги *чем* и *тем*, чередование которых обеспечивает развитие лирического сюжета.

Перевод поэзии на другой язык — всегда большая проблема, но «неточное» слово Окуджавы поддаётся переводу особенно трудно. Насыщенная метафоричность, игра значениями слова и оттенками этих значений, инверсии — весь этот зыбкий поэтический арсенал легко может ускользнуть в русле другого языка. Любопытный пример приводит Р. Р. Чайковский, много занимающийся проблемой перевода, в том числе — перевода произведений Окуджавы. Сравнив переводы «Песенки об открытой двери» (1959) на четыре европейских языка²⁶, он обнаружил, что глагол *кричит* в первой строке песни (*Когда метель кричит как зверь*), вообще не раз встречающийся в лирике поэта (*Всю ночь кричали петухи; Кричи и плачь. Авось твой труд упорный потомки не оценят свысока* и так далее) и важный для него как знак эмоционального напряжения и даже творчества, — в английском, немецком и польском переводах был представ-

²⁵ Там же. С. 236.

²⁶ См.: Чайковский Р. Поэтический перевод как затруднённое прочтение: («Песенка об открытой двери» Булата Окуджавы в пер. на англ., нем., пол. и укр. яз.) // Чайковский Р. Милости Булата Окуджавы. Магадан, 1999. С. 66–67. См. также другие статьи о переводах произведений Окуджавы в этой и последующей («Истины Булата Окуджавы») книгах филолога, а также серию специальных статей в вышедшем под его редакцией сборнике: Проблемы творчества Булата Окуджавы: Тез. докл. и материалы науч. конф. ... Магадан, 1999.

лен соответствующим эквивалентом русского слова *воет*, и лишь в украинском переводе он остался как таковой: *як звіром віхоли кричати*. Надо признать, что сохранить слово оригинала украинскому переводчику, носителю родственного языка, было значительно легче, чем его коллегам из других стран. В их языках буквальный перевод неожиданного глагола, вне контекста оруджавского словоупотребления, мог бы показаться неуместным. Так что проблема адекватной передачи стихов Оруджавы иноязычными средствами действительно есть, а для русского читателя она означает лишь то, что стихи эти написаны большим мастером, виртуозом поэтического слова.

Но тут нужно сказать, наконец, об ещё одном парадоксе. Как ни странно на первый взгляд, тонкая поэтическая работа художника нисколько не противоречит демократичности и доходчивости его творчества. В своей литературной эпохе Оруджава — один из лидеров по количеству строк, ставших крылатыми выражениями, вошедших в языковой обиход нации; конечно, их популярности (как и популярности строк Высоцкого) поспособствовала песенная форма подачи, но мало ли что звучит со сцены или телеэкрана, затем бесславно уходя в небытие... Р. Р. Чайковский, автор специальной статьи на эту тему²⁷, приводит внушительный перечень фраз поэта, звучащих в нашей речи, ставших названиями газетных статей и литературных произведений: *Мы за ценой не постоим; Давайте говорить друг другу комплименты; Не обращайтесь к маэстро; До свидания, мальчики; Пока Земля ещё вертится; На фоне Пушкина; Возьмёмся за руки, друзья...* То, что не все они успели попасть в словари крылатых выражений, говорит лишь о том, что наука (и лингвистическая в том числе) всегда вынуждена «догонять» меняющееся время.

Между тем есть у поэта особая песня, уникальная тем, что почти весь её текст представлен отдельными фразами в нашем языковом активе: «А мы с тобой, брат, из пехоты...» (с музыкой В. Левашова песня вошла в фильм «От зари до зари», а во второй половине 70-х часто звучала по радио и телевидению в исполнении актёра А. Покровского). Обследовав заголовки многочисленных публикаций в центральной и местной прессе рубежа

²⁷ См.: Чайковский Р. Слова, вставшие на крыло: (Афоризмы Булата Оруджавы) // Чайковский Р. Милости Булата Оруджавы. С. 29—40.

1990–2000-х годов (а это существенный показатель нынешней популярности текста), А. Е. Крылов выявил, что особенно часто журналисты используют строки *А мы с тобой, брат, из пехоты; С войной покончили мы счёт; Четыре года мать без сына; Опять весна на белом свете; Бери шинель — пошли домой* (последнюю — более всех других)²⁸. Так что к особенностям и достоинствам поэтического языка Окуджавы непременно надо добавить и его афористичность.

²⁸ См.: Крылов А. Материалы к «Словарю цитат и крылатых выражений Булата Окуджавы»: Песня «Бери шинель, пошли домой» // Голос надежды. [Вып. 1]. С. 338–368. Вариации строк этой песни на страницах газет встречаются самые неожиданные, порой комические, например: «Бери протез, пошли в собес...» Проблема использования стихов Окуджавы в качестве газетно-журнальных заголовков был посвящён доклад И. В. Шумкиной на молодёжной научной конференции в Музее Окуджавы в Переделкине в 2008 году (см.: Шумкина И. В., Некрасов И. А. Окуджава и Высоцкий в русской речи: Опыт сравнит. анализа // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 464–484).

С. С. БОЙКО

«СУДЬБА СУДЬБЫ»

*Борис Пастернак — Николай Глазков —
Буллат Окуджава и другие*

1930-е годы в советской литературе — эпоха канонизации. Не позднее 1936 года социалистический реализм вступает в так называемую «фазу экстремального сужения канона»¹, и произведения, не сверенные по часам текущей конъюнктуры, попасть в печать не могут. Значительная часть подлинной русской литературы живёт в эти годы невидимо, подобно подземной реке. «Двойная жизнь литературы — одну рукопись в редакцию, другую — в письменный стол — существовала и тогда, но почти не ощущалась, — вспоминал Вениамин Каверин. — Самиздата не было. О том, что М. Булгаков работает над “Мастером и Маргаритой”, знали пять человек, а может быть, и меньше <...> Андрей Платонов, печатаясь под десятком псевдонимов, в глухоте, в немоте создавал свои блистательные романы. То, что Л. Чуковская в 1938 году написала “Софью Петровну”, кажется мне чудом»².

«Двойная жизнь литературы» оказала в то же время непосредственное влияние на поколение, которое — к досаде поэтов и читателя-друга — критика именovala «фронтовой обоймой». С одной стороны, уже перед войной дебютанты живо интересовались тою подлинной современной поэзией, которая была всё-таки доступна читателю (говоря об Окуджаве, мы с уверенностью называем имена Маяковского, Пастернака, Тихонова, Светлова...). С другой стороны, в 1930–1950-х годах рукописи,

¹ Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 285.

² Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М.: Аграф, 1997. С. 239.

предназначенные «в стол» (разумеется, если это не «Софья Петровна» и не «Реквием»), читаются в сравнительно узких и тесных кругах интересующихся. И подцензурное, и потаенное откладывается в сознании читателя-поэта. То и другое проступит со временем в его творчестве.

1.

По совершенно особой роли в поэтическом процессе выделялся среди сверстников Николай Глазков (1919–1979). В предвоенный период он студент: сначала Педагогического института (МГПИ), позднее — Литературного³. В эту пору он «настойчиво обивает пороги редакций, стремясь хоть что-нибудь опубликовать <...> Все, к кому он ни обращался, относились к нему с должным вниманием, слушали его стихи и похваливали, но разводили руками в ответ на Колину просьбу напечатать что-либо из прочитанного»⁴.

Любители поэзии высоко ставили глазковское творчество, с конца 1930-х «стихи его ходили в списках, литературная молодёжь знала их наизусть»⁵. «У нас на глазах происходило небывалое: поэт, не опубликовавший ещё ни единой строки, — сразу стал известен. Сначала за стенами Литинститута, очень скоро по всей Москве, а затем стремительно в самых отдалённых уголках нашей страны и за её пределами»⁶. Так что подлинный литературный процесс шёл в среде молодёжи полным ходом: «Мы, его товарищи, его сверстники, знали чуть не все его стихи. Он их сам переписывал, раздавал, дарил; многое мы помнили наизусть, запоминали с ходу. Среди них попадались настоящие шедевры»⁷.

³ «...Глазков давно уже не давал спать факультетскому, а может быть, и институтскому начальству. А тут подвернулся подходящий повод. Стало известно (информаторы всегда найдутся!), что на квартире старшекурсницы Нины Бондаревой устраивается нечто вроде «литературных ассамблей», другими словами, весьма подозрительные сборища, где гвоздём программы является чтение Глазковым своих «возмутительных» стихотворений <...> расправа была суровая. Нину Бондареву исключили из комсомола. А Николая Глазкова — из института <...> В это трудное время его поддержали Л. Ю. Брик и Н. Н. Асеев, который добился зачисления Николая Глазкова в свой семинар при Литературном институте» (Терновский А. В. Что запомнилось // Воспоминания о Николае Глазкове. М.: Совет. писатель, 1989. С. 91–92).

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Шахбазов Н. Вспоминая Глазкова // Там же. С. 111.

⁶ Достян Р. Поэт изустной славы // Там же. С. 119.

⁷ Наровчатов С. С. Слово о Николае Глазкове // Там же. С. 13.

Об огромном и не всегда уследимом влиянии Глазкова на поэтов-современников сказал стихами Борис Слуцкий:

Он остался на перевале.
Обогнали? Нет, обогнули.
Сколько мы у него воровали,
а всего мы не утянули⁸.

С этим согласились и поэты более молодого поколения. Т. А. Бек писала: «Глазков был разграблен — по строчкам, по образам, по рифмам, по метафорам»⁹.

Говоря об авторитете Н. Глазкова в кругах литературной молодёжи, сведущие современники подчёркивали своеобразие его мастерства: «Глазков решительно отличался от своих сверстников <...> в свои 22 года был поэтом зрелым. Мы по преимуществу экспериментировали, путались в сложностях. Глазков был прост и ясен. Полная естественность выражения, афористичность, имевшая следствием то, что вся литературная Москва повторяла его строки»¹⁰.

Выходом из вынужденного литературного молчания для Николая Глазкова стало составление машинописных сборников своей поэзии. Как будто в один из первых вошло «всё, написанное Глазковым до 20 марта 1940 года»¹¹, когда стихи поэта были отосланы отцу его друга Алексея Терновского для перепечатки. По аналогии с аббревиатурой Государственного издательства, «фирма» была названа — «Самсебяиздат» (учитывая «патент» на это слово, сегодня многие называют Глазкова отцом самиздата¹²). Обыкновение готовить машинописные «самсебяиздатовские» книжки сохранилось у поэта даже после 1957 года¹³, во времена его живой жизни в подцензурной литературе. Позже поэт вспоминал в стихах:

«Самиздат» — придумал это слово
Я ещё в сороковом году /198/¹⁴.

⁸ Слуцкий Б. А. «Это Коля Глазков. Это Коля...» // Там же. С. 18.

⁹ Бек Т. А. В отсутствие Поэтограда // Лит. газ. 1996. 18 сент. (№ 38). С. 4.

¹⁰ Слуцкий Б. Лицо поэта // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 15.

¹¹ Терновский А. Указ. соч. С. 89.

¹² См., например: Лосев Л. Собранное. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 571—574.

¹³ См. «самсебяиздатовские» тетради от 1947 и 1964 годов: РГАЛИ. Ф. 3101. Оп. 1. Ед. хр. 577.

¹⁴ Глазков Н. И. Избранное. М.: Худож. лит., 1989. Ссылки на это издание даютс-
ся в тексте с указанием страницы.

При всей нонконформистской репутации Глазкова, в конце 1930-х он такой же убеждённый носитель революционного менталитета, как и его знакомые студенты московских ВУЗов, «лобастые мальчики невиданной революции»¹⁵. В его легендарном «Вороне», который литературная молодёжь скандировала наизусть, лирический герой задаётся задушевным вопросом:

Но народы в коммунизме
Сыщут счастье?... /19/

Революционность соединяется в сознании художника с высокосортным, неподражательным искусством, она как бы гарантирует поэзию от вторичности:

У молодости на заре
Стихом владели мы искусно,
Поскольку были мы за ре-
волюционное искусство /340/.

На этом и других примерах довоенных стихов убедительно показано, что «Революция, Ленин — были для него [Глазкова] самыми заветными понятиями <...> Среди стихотворений этих лет немало связано с темой Революции, Ленина, острыми проблемами современной политической ситуации. Конечно, они носят неповторимый отпечаток глазковского стиля. Но это как раз и подтверждает, что они написаны не из конъюнктурных соображений, а искренне, от души»¹⁶. Тем самым, ранний, врождённый революционаризм поколения можно считать также и объединяющей чертой двух арбатцев — Глазкова и Окуджавы.

2.

В стихах Николая Глазкова зарифмован его адрес:

Арбат, 44,
Квартира 22.
Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова¹⁷.

¹⁵ Коган П. Письмо // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб.: Академ. проект, 2005. С. 161. Это пророчество и автохарактеристика поколения по праву цитируется часто: «...Мы, лобастые мальчики невиданной революции. // В десять лет мечтатели, // В четырнадцать — поэты и урки. // В двадцать пять — // Внесённые в смертные религии».

¹⁶ Терновский А. В. Указ. соч. С. 85.

¹⁷ Глазков Н. И. Арбат, 44 / Сост. Р. Глазкова. М.: Совет. Россия, 1986. С. 9.

Довоенный адрес Булата Окуджавы — Арбат, 43, квартира 12¹⁸ — то есть через улицу наискосок. Как ближайшего соседа по Арбату Окуджава упоминает поэта в своём программном стихотворении «Речитатив», которым в итоговом сборнике «Чаепитие на Арбате» он открывает блок «Семидесятые»:

Тот самый двор, где я сажал берёзы,
был создан по законам вечной прозы
и образцом дворов арбатских слыл;
там, правда, не выращивались розы,
да и Гомер туда не заходил...
Зато поэт Глазков напротив жил.

Друг друга мы не знали совершенно,
но, познавая белый свет блаженно,
попеременно — снег, дожди и сушь,
разгулы будней, и подъездов глушь,
и мостовых дыханье, неизменно
мы ощущали близость наших душ¹⁹.

Поскольку впоследствии вернуться жить на Арбат Окуджава не смог, оба поэта были соседями только в предвоенный период. В отличие от Глазкова, Окуджава трактует соседство не через адрес или тождество реалий, а обобщённо — как «близость душ». Попытаемся увидеть её корни.

Биографы указывают, что в 1932 году «Булат с мамой возвращаются в Москву [из Тифлиса. — С. Б.]. Булат продолжает учёбу в московской школе № 69»²⁰. После Нижнего Тагила, уже лишившись отца, он вновь будет жить здесь, на Арбате, вероятно, с марта 1937 года²¹ до второй половины 1940-го²², посещая ту же школу в Дурновском переулке²³. Таким образом, школьниками, идущими с урока по арбатским переулкам, Глазков и Окуджава были почти одновременно.

¹⁸ См.: Гизатулин М. Р., Юровский В. Ш. Хроника жизни и творчества // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате. М.: Деком, 2003. С. 12.

¹⁹ Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М.: ПАН, 1996. С. 261. Далее это издание цитируется в тексте с указанием номеров страниц.

²⁰ Гизатулин М. Р., Юровский В. Ш. Указ. соч. С. 12. Ср.: Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004. С. 44.

²¹ См.: Там же. С. 110.

²² См.: Там же. С. 143. Ср. также: «Лето 1940. Булат переезжает в Тбилиси и живёт в семье сестры матери Сильвии Степановны» (Гизатулин М., Юровский В. Указ. соч. С. 12).

²³ См.: Розенблюм О. Указ. соч. С. 114–115.

Школьное обучение ознаменовалось в 1930-х схожими перипетиями. Одноклассник Глазкова вспоминал: «7-я школа ФОНО, куда мы попали, <...> была создана на базе бывшей Хвостовской гимназии <...> Старшее поколение учителей, получивших солидное образование и имеющих большой педагогический опыт, как правило, с иронией и в штыки встречало различные новшества и эксперименты, осуществляемые в те годы Наркомпросом <...> Молодые же учителя <...> отвергали всё прошлое, вплоть до Державина, Жуковского и даже Пушкина, которых считали представителями дворянства и враждебной идеологии». В период апробирования так называемого «бригадного метода» обучения, например, спрашивали только кого-либо одного, а отметки за его ответ выставлялись всей бригаде²⁴. В Николае Глазкове ситуация выковывает нонконформиста: «Коля же отличался прилежанием, а главное, любил и знал географию, русский язык и литературу, и поэтому чужие тройки или четвёрки, красовавшиеся в его дневнике по этим предметам, вызывали у него возмущение»²⁵.

Эксперименты Наркомпроса проходили по всей стране, и жертвой их становится герой «Упразднённого театра» Ванванч, ходивший в первый класс ещё в Тбилиси: «...Ему, первокласснику, добрая учительница заявила непререкаемо, что Пушкин был плохой, потому что имел крепостных крестьян и издевался над ними, а Демьян Бедный — хороший, потому что он высмеивает капиталистов...»²⁶.

Дети из семей, где образованность ставилась высоко, — а семья Окуджавы в этом совпадает с Глазковыми — попадали в школу в сферу альтернативных оценок. Как показано в «Упразднённом театре», это вынуждает ребёнка к попыткам разрешить конфликт для себя, что исподволь влияет на точку зрения, и далее — на характер. Маленький Ванванч бежит к праведному судье — мамуле, которая присудила, что Пушкин главнее, чем Демьян Бедный.

Для Булата Окуджавы его отец был не просто кумиром, но старшим другом-просветителем. Как мы помним, в доме Окуджавы «царил культ книги», Шалва Степанович сам приобщал Булата к чтению²⁷. Схоже относился к сыну и отец Николая

²⁴ См.: *Попов А.* Здравствуй, Коля! // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 43.

²⁵ Там же. С. 44–45.

²⁶ *Окуджавы Б.* Упразднённый театр. М.: Издат. дом Русанова, 1995. С. 154.

²⁷ См.: *Окуджавы Б.* Упразднённый театр... / Беседует И. Мильштейн // Огонёк. 1991. № 19 (4–11 мая). С. 4. Отмечено: *Розенблюм О.* Указ. соч. С. 64.

Глазкова, Иван Николаевич, «член Московской коллегии адвокатов, высокий, статный <...> был человеком резким, волевым и добрым»²⁸. Колины друзья запомнили, как «в кабинете на кожаном диване под брокгаузовским многотомьем» он читал детям «Роман с контрабасом» А. Чехова. «Литературные вечера прервал тридцать восьмой год»²⁹.

При всей разности политических убеждений, семьи Окуджава и Глазковых сходятся в том, что касается отношений между близкими. Это проявляется не только в содержании бесед, но и во всём укладе дома, иными словами — в представлении о том, как человеку жить с людьми.

Таким образом, смысловые «обломки различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом»³⁰, совмещаются внутри одного сознания. Юных «лобастых мальчиков революции» могли *октябрить*, морально готовить к немедленной мобилизации на борьбу. Но в то же время семья растила и воспитывала их гуманистами, и притом с уважением к традиционной образованности, в них закладывались начатки человеческого достоинства, независимости.

Родители в обеих семьях, увы, становятся жертвами режима.

С «необоснованными репрессиями» в домах иссякают не только культурные ресурсы. Оноклассник Николая Глазкова вспоминал: «Мы оба в те годы были очень стеснены в средствах. Особенно нелегко приходилось Николаю после ареста его отца в марте 1938 года <...> мы <...> стали подрабатывать, используя свою физическую энергию»³¹. Окуджава моложе на пять лет. Последовавший за расстрелом отца (1937) арест матери (не позднее начала 1939 года³²) поставил семью на грань нищеты³³. Беспомощные попытки мальчика заработать, видимо, тоже имели место, — скорее всего, в 1938 или 1939 году³⁴.

3.

Наряду с многочисленными чертами сходства биографий, закономерными для людей одной генерации, главным в «бли-

²⁸ Штейн С. Воспоминания соседа // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 22.

²⁹ Там же. С. 23–24.

³⁰ Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 101.

³¹ Попов А. Указ. соч. С. 51.

³² См.: Розенблюм О. Указ. соч. С. 113.

³³ См. об этом: Окуджава Б. Упразднённый театр. С. 292.

³⁴ Недостоверные свидетельства об этом вызывают разногласия среди биографов. См.: Розенблюм О. Указ. соч. С. 114.

зости душ» является, естественно, общность культурной парадигмы, которая до определённого времени имеет революционный характер.

О революционном менталитете — как о мировоззрении, существующем не благодаря, а вопреки влиянию среды, — Глазков писал до войны в своём программном «Поэтограде»:

На складах картофель сгнивал и зерно,
Пречёрствый сухарь голодающий грыз,
И не было хлеба, картофеля, но
Я всё равно любил коммунизм.

На собраниях старательно переливали из
Пустого в пустое. Вопросы ставились
На повестку дня. Комсомольцы старились,
А я всё равно любил коммунизм.

В искусстве безвкусью платили дань,
Повылезло много бездарных подлиз.
Меня не печатали. Печатали дрянь.
Но я всё равно любил коммунизм /352/.

Революционный менталитет молодого Булата Окуджавы, в свою очередь, проявился в его творчестве — правда, преимущественно на раннем, эпигонском этапе, в частности, в сборнике 1956 года «Лирика» (эта книжка была ориентирована на господствующий стиль и по справедливости подверглась уничижительной критике авторитетных современников). Но и десять лет спустя, когда Окуджава уже стал Окуджавой — автором великих песен, произведений гуманистического содержания, — его пьеса о Михаиле Бестужеве ещё строилась на героизации революционной борьбы, на преклонении перед подвигом главного героя как предтечи пролетарской революции. Коммунистический пафос, привитый во младенчестве, устойчив.

В зрелом стихотворении «Арбатское вдохновение» поэт так описал своё детское мировоззрение:

И льну душой к заветному Кремлю,
и усаца кремлёвского люблю,
и самого себя люблю за это /444/.

В позднем частном письме поэт называл себя молодого: «мальчик, отравленный большевизмом»³⁵. Для людей, как Глазков, чуть более взрослых, вера в коммунизм не распространя-

³⁵ Cit. по: *Марьясин И. Л.* Переписка с Булатом // *Голос надежды*. Вып. 3. М.: Булат, 2006. С. 107.

лась на представителей власти (которые «переливали из // Пустого в пустое», «печатали дрянь» и проч.), — уже поэтому она становилась нонконформистской. Большая часть стихов Глазкова этого периода — это апология духовной независимости. Его позиция лишь по видимости похожа на официально рекомендованную.

В стихотворных воспоминаниях Окуджавы также отражено формирование его духовной самостоятельности. В «Речитативе» это связано, в частности, с посвящением его Владлену Ермакову, другу дворового детства, отличавшемуся уже в ту пору умением противостоять влиянию среды. Поэт рассказал об этом в одном из интервью, касаясь периода 1937–1940 годов: «Мало, мало кто мог устоять. Среди моих знакомых был всего лишь один такой самостоятельный человек — Владик Ермаков, с которым я подружился после ареста родителей. Что нас свело, не понимаю, думаю, так судьба распорядилась: мне нужен был в тот момент сильный друг, человек умнее и честнее меня. И он появился. Владик жил собственной, не коллективной жизнью, у него был свой круг интересов, он много читал — и такого, о чём я понятия не имел. Например, Хэмингуэя»³⁶.

Итак, отход от «революционной культуры» (когда перевесили другие «обломки» — элементы гуманистической парадигмы) происходит у Глазкова и Окуджавы (как и у других представителей генерации) постепенно, по-разному и в разное время. Но в итогах этого процесса есть сходство: оба отвергли упрощённый путь превращения коммунизма в анти-коммунизм, то есть в политизированность с обратным знаком. Для обоих она была в своём роде пройденным этапом, поскольку в «идейных» нонконформистах они уже побывали — в детстве и в юности. О стихах Окуджавы справедливо сказано: «Не вступая в спор с застрявшей во всех углах *идеологии*, он преодолел её — на наших глазах — *поэтикой*»³⁷. Думается, такую интенцию ценил Окуджава и в Глазкове.

Известно также поэтическое упоминание Глазкова об Окуджаве. Оно встречается в позднем цикле его акростихов. «Глазков знал толк в этом жанре и считал его несправедливо уни-

³⁶ Окуджава Б. С иллюзиями надо расставаться / [Беседовал] М. Поздняев // Общ. газ. 1997. 17–23 июля (№ 28). С. 16.

³⁷ Чудакова М. О. «Лишь я, таинственный певец...» // Лит. обозрение. 1998. № 3. С. 12. Выделено автором цитаты.

женным <...> В сущности, почти все свои эпистолярии он непременно сводил к акрострофам»³⁸. Перед нами «стихи на случай», не для печати, посвящённые друзьям или близким³⁹.

Арбат. Я прожил в нём полвека,
Люблю свой старенький Арбат.
Его воспел Булат-коллега,
Король гитар, сосед Булат.
Смотрю на собственное детство,
Есть тут и молодость моя.
Её в дни радостей и бедствий
Встречали старые друзья
У незабытого подъезда⁴⁰.

Если знать Окуджаву, эта строфа наглядно подтвердит его строчку: «Друг друга мы не знали совершенно». К 1970-м — а эти глазковские акростиhi поздние, опубликованы посмертно — трудно бы назвать певца обиднее для него, чем «король гитар». Он давно разлюбил выступления и «к устойчивости своей первоначальной репутации [певца-гитариста. — С. Б.] относился покорно»⁴¹ (см., например, рассказ «Гитарист»). В то же время говорят, что «У Глазкова был особый дар активного слушанья. При нём как-то сами собой забывались стёртые слова, банальные истины»⁴². Зная Окуджаву лично, едва ли захотел бы задеть писательское самолюбие собрата столь неостроумно.

Зато слово *коллега* в устах Глазкова — похвала. И смысл обращения к Арбату у обоих поэтов схож: «дни радостей и бедствий» Глазкова напомним читателю, например, слова Окуджавы: «Ты — и радость моя, и моя беда» /82/. Поэты сошлись в видении городского пейзажа — поприща духовной жизни «невеликих людей» — «старых друзей у незабытого подъезда».

У Глазкова позднего, «печатного» периода (после 1957 года) «...В стихах <...> входит природа как мера высшей справедливости».

³⁸ Цимбал И. Одинокий лицедей // Звезда. 1999. № 2. С. 151.

³⁹ По первым буквам стихов прочитывается, например: Нонне, Тонечке, Олечке, Ганичеву, Жарову, Нилину, Росиночке, Осипову, Аллочке, Алексееву, Наташе, Боре Слушкому, Юрию Панкратову, Диме Ковалёву, Щупилцову, Умнице—Умнице (жене Рофине Моисеевне), Наровчатову, Серёже Наровчатову, Беатусе, Зеликину, Нелли (Глазков Н. Арбат, 44. С. 232–241).

⁴⁰ Там же. С. 234–235.

⁴¹ Белая Г. А. Он не хотел жить с головой, повёрнутой назад // Булат Окуджава. Спец. вып. [«Лит. газ.». 1997. [21 июля]. С. 15.

⁴² Цимбал И. Указ. соч. С. 150.

ности и доброты»⁴³; произведения его связаны с путешествиями⁴⁴ по всей стране, «от Якутского Севера, по дорогам которого поэт поездил немало, о чём можно судить по большому количеству стихотворений, воспевающих красоты Лены, Индигирки и вообще “незвестных рек”»⁴⁵.

Окуджава, со своей стороны, был поэтом-пейзажистом (см. его маленькую поэму «Полдень в деревне» и многочисленные стихотворения). Согласно мемуарам, он даже утверждал, что «качество поэтического дара лучше всего проявляется в отношении человека к природе. Так называемые “пейзажные” стихи писать намного труднее, чем сюжетные, но зато они более ярко выражают талант поэта или его бесталанность»⁴⁶. Так поздний Глазков и Окуджава совпали в способе осмысления мира через его «вечные» приметы.

В итоге «близость наших душ» раскрывается трояко: как ранняя приверженность коммунизму, затем преодоление её и наконец как ориентир новой экзистенциальной парадигмы («не советская, но и не антисоветская, выше того и другого», как писал А. Володин об Окуджаве).

3.

И ещё один штрих — о временах поисков или итогов, совпадений или противоречий. Глазков, который «так и не смог возрастить в себе “желания стать солдатом”» в своих стихах военного времени сделал об этом «немало “саморазоблачительных” признаний»⁴⁷. В ту эпоху он создал произведения антивоенного содержания. При этом, как тогда выражались, поэт стоял на позициях *абстрактного* гуманизма, то есть отрицания войны именно как гибели и разрушения, как братоубийства. «Проповедь любви и ненасилия», облечённая в игровую форму»⁴⁸ в стихотворении Глазкова «Лапоть» (1942), звучит обобщением:

⁴³ Терновский А. В. Глазков Н. // Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 2000. С. 192.

⁴⁴ Ср. названия сборников Н. Глазкова: «Дороги и звёзды» (1966), «Творческие командировки», «Незвестные реки» (оба — 1975) — и др.

⁴⁵ Петрунин Ю. Поэт северной дороги // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 494.

⁴⁶ Дагуров В. Г. Один поэт на свете жил // Голос надежды. Вып. 3. С. 34.

⁴⁷ Винокурова И. «Всего лишь гений...»: Судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2006. С. 216.

⁴⁸ Там же. С. 224.

Всё в этом мире спор да битва,
Вражда да ложь.
НН зачем-то вынул бритву,
Бродяга — нож.

Они зарезали друг друга,
Ну а потом
Они пожмут друг другу руку
На свете том⁴⁹.

У добровольца войны Булата Окуджавы антивоенные строки, например, слова *подлая война*, прозвучат в песне 1958 года («До свидания, мальчики»). А вот сюжет загробной встречи и братания врагов, уничтоживших друг друга на земле, — такой, как и у Глазкова, — появляется уже в ранней, «детской», домашней песенке, с определённой вероятностью датируемой «первой половиной 1942 года, до того, как автор ушёл на фронт. Стало быть, именно её, видимо, надо считать самой первой [песней Окуджавы. — С. Б.], во всяком случае, на сегодняшний день»⁵⁰. Слова этой песенки помнят разные мемуаристы⁵¹:

Однажды Тирли, Тирли, Тирли
Напал на Дугу, Дугу, Дугу
И долго Тирли, Тирли,
И долго Дугу, Дугу
Долбали понемножечку друг друга.

Когда взошёл на небо Тирли, Тирли
Увидел дорогого друга Дугу:
Я очень Тирли, Тирли,
Я очень, Дугу, Дугу...
И бросились в объятия друг к другу⁵².

Заветная мечта — о том, чтобы враги «бросились в объятия друг к другу», о том, как они «пожмут друг другу руку // На свете том» — эта мечта была высказана и Глазковым, и Окуджавой уже во время войны.

Надежда на возрождение человечности много значила в эти дни. Она звучала, например, в стихах маститого Асеева, чей сборник «Годы грома» (1941–1943) не был допущен в печать,

⁴⁹ Глазков Н. Хихимора. М.: Время, 2007. С. 28.

⁵⁰ Гизатулин М. Булат Окуджава: «... из самого начала». М.: Булат, 2008. С. 63.

⁵¹ Обзор и анализ мемуарных свидетельств, подтверждающих авторство Окуджавы, и варианты песенки «Однажды Тирли-Тирли-Тирли...» см.: Там же. С. 60–63, 220 и др.

⁵² Цит. по: Живописцева И. Опали, как листва, десятилетия...: Воспоминания. СПб., 1998. С. 9.

в частности, за слова поэта о том, «что ненависть к врагу преходяща, что, только избавившись от неё, мы снова будем людьми»⁵³. В своём «неправильном, политически вредном»⁵⁴ (с точки зрения Управления пропаганды и агитации ЦК партии) стихотворении «Надежда» Асеев писал:

Убийство зовёт убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать.

У всех, увлечённых боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребём,
и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!⁵⁵

Скрытая теплота гуманизма жила в душах современников страшной битвы. Асеев, говоря о ней, надеялся на печаль. Окуджавы и Глазков — нет или почти нет. Асеев писал об избавлении от крови и ненависти. Младшие поэты — к тому же и о примирении врагов. А Булат Окуджавы — возможно, ещё и о раскаянии в содеянном: «Я очень, Дугу, Дугу...»

Тема загробного братания врагов прозвучит в полный голос в позднем творчестве Окуджавы, в итоговых стихах 1996 года:

И немец, застреленный Лёнькой, в раю проживает,
и Лёнька, застреленный немцем, в соседях живёт.

Что было, то было. Не нужно им славы и денег.
По кушам и рощам гуляют они налегке.
То пёрышки белые чистят, то яблочко делят,
то сладкие речи на райском ведут языке⁵⁶.

(«Что было, то было. Минувшее не оживает...»)

Но вину за пролитую кровь поэт возлагает не на Лёньку и не на его противника. Вопрос об ответственности ставится по отношению к самому себе:

⁵³ Докладная записка начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Шербакову о книге стихов Н. Н. Асеева «Годы грома» // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 2002. С. 506.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Асеев Н. Избранные произведения. М.: Худож. лит., 1990. С. 364–365.

⁵⁶ Окуджавы Б. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 600.

Что было, то было. И я по окопам ползил
и всласть пострелял по живым — всё одно к одному.
Убил ли кого? Или вдруг поспешил и промазал?..
...А справиться негде. И надо решать самому⁵⁷.

4.

Наметив характер поэтических взаимоотношений Глазкова и Окуджавы, обратимся, так сказать, к посреднической роли этого заочного знакомства. По всей видимости, в кругу поэтов, хорошо знавших творчество Николая Глазкова, Окуджава познакомился, так сказать, с мадригалом в адрес не признанного в печати гения. Хорошо ныне известное хвалебное стихотворение Глазкову было создано ещё в 1941 году его старшим современником — поэтом-лефовцем Петром Незнамовым.

Знакомство Николая Глазкова с Петром Незнамовым связано с довоенным неформальным литературным бытом; скорее всего, оно состоялось в доме Л. Ю. Брик, которой Глазков был представлен в конце 1940 года⁵⁸. Он оказался в числе начинающих поэтов (М. Кульчицкий, Б. Слуцкий, П. Коган и др.), пользовавшихся одобрением и всяческой поддержкой Лили Брик и её окружения. «Навряд ли квартиру Бриков 40-х годов можно назвать литературным салоном, хотя превосходно разбирающаяся в искусстве, остроумная и проникательная хозяйка, радушно принимая в те суровые годы многих ярко-талантливых людей, сумела создать атмосферу салона в лучшем смысле этого слова <...> Ангелом-хранителем она оказалась и для Глазкова»⁵⁹.

Пётр Васильевич Незнамов (Лежанкин) (1889–1941) поддерживал дружбу с Лилей Брик до самой своей смерти⁶⁰. Футуристом он был ещё до того, как перебрался в 1922 году в Москву. Основываясь на читинских публикациях 1919 года, исследователи показали даже, что пропаганда творчества Маяковского здесь «началась ещё до приезда в Читу Асеева, Третьякова и Чужака. И начал её Петр Незнамов»⁶¹. Автор ценных ме-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Долгин Ю. В сороковые годы // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 99–105. Комментаторы указывают дату знакомства: 21 декабря 1940 года (Там же. С. 99).

⁵⁹ Там же. С. 100, 104.

⁶⁰ Ср. её письмо Эльзе Триоле в Париж от 11 июня 1945 г.: «Все, о ком ты спрашиваешь, живы. Только Петя Незнамов умер в плену» (*Брик Л.* Пристрастные рассказы. Нижний Новгород: Деком, 2003. С. 255).

⁶¹ Дворниченко Н. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. С. 84.

муаров о Маяковском⁶², секретарь журнала «Новый Леф», он был не только критиком, но и поэтом, которому, по мнению современников, было «нельзя отказать в таланте»⁶³. Н. Асеев вспоминал: «Он был даровитый поэт, принципиально преданный существовавшей тогда среди нас “фактографии”, то есть обязательности отражения действительности, в противоположность работе фантазии, выдумки, воображения <...> Стихи его <...> всё же не могли совершенно избежать “злонамеренного” воображения <...>»⁶⁴. Валерий Брюсов справедливо отмечал относительную творческую независимость этого преданного жреца лефовской доктрины: «Не знаю, относить ли к “левому фронту” П. Незнамова. Его техника — умеренный футуризм, на нём, несомненно, влияние В. Хлебникова. Но П. Незнамов претворил это во что-то своё и остался в пределах “классических” форм»⁶⁵.

Поэтическое посвящение Петра Незнамова Николаю Глазкову датировано февралём 1941 года:

В спасопесковской тиши я,
В Москве,

а не в Глазгоу,
Люблю четверостишиям
Внимать ГЛАЗКОВА.

Он пишет,
словно дышит,
Он время
славно слышит, —
Не связан
И не скован, —
Вздохнёт,
потом подпишет

Фамилией
ГЛАЗКОВА⁶⁶.

Через уподобление письма — дыханию передана органичность глазковского творчества. Это действительно была главная черта героя, что отмечено многими: «Он был поразительно ор-

⁶² См.: Незнамов П. В. Маяковский в 20-х годах // Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963. С. 355–391.

⁶³ Зенкевич М. А. Обзор стихов // Новый мир. 1930. № 2. С. 233.

⁶⁴ Асеев Н. Н. Воспоминания о Маяковском // Маяковский в воспоминаниях современников. С. 415–416.

⁶⁵ Брюсов В. Я. Среди стихов // Печать и революция. 1923. № 6. С. 69. Здесь, в частности, рецензируется сб. Незнамова «Пять столетий» (1923).

⁶⁶ Незнамов П. В. В спасопесковской тиши я... // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 110.

ганичным поэтом. Встав из-за письменного стола, он продолжал мыслить как поэт <...>⁶⁷. А слова о «спасопесковской тиши» приводят на Арбат. Незнамов запечатлел себя и младшего собрата гостями «литературного салона» Лили Брик.

Мадригал Незнамова отвечает одновременно и футуристической ангажированности автора, и его художнической свободе. Он хвалит коллегу как бы за соблюдение лефовского требования актуальности: «Он время славно слышит». На вершину ценностной пирамиды Незнамова поднимаются ступеньки: *писать* > *дышать* > *слышать время*. Но при этом он высоко ценит естественность, свободу, творческую раскованность (благодаря которой *небывалист* Глазков оставался поэтическим кумиром неконформной артистической молодёжи): «Он пишет, словно дышит», «Не связан // И не скован»⁶⁸. Поэтому цепочка продолжается: ...*слышать время* > *дышать* («вздохнёт») > *писать* («подпишет»). Значит, здесь Незнамов не ограничивает себя «лефовством», фактически принимая ту самую концепцию органического творчества (выдвигавшуюся критиками группы «Перевал»), с которой сам так страстно полемизировал в 1920-х⁶⁹.

Итак, похвала, произрастая из лефовской доктрины, отражает притом черты *небывалого* писателя Глазкова. Так она стала обобщённой формулой творчества и была востребована художником следующей эпохи, Булатом Окуджавой.

Строка «Он пишет, словно дышит» напомнит современному читателю другие слова — рефрен стихотворения Булата Окуджавы «Я пишу исторический роман»:

...каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить... /296/

⁶⁷ Шахбазов Н. Вспоминая Глазкова // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 113. Ср. также: «Он не изобрёл свой типаж, он естественно произрос из самого себя. Он так жил» (Фаликов И. Спрокинем хрусталь...: Новые кн. знакомых авт. // Лит. газ. 1996. 12 июня /№ 24/. С. 4).

⁶⁸ Ср.: «В стихотворении, как видим, отмечено главное глазковское свойство: “не связан и не скован”. И в таком контексте, казалось бы, излишнее уточнение “в Москве, а не в Глазгоу” уже не кажется притянутым для рифмы. Действительно, то, что писал в это время Глазков, “в Москве, а не в Глазгоу” было очень странно услышать» (Винокурова И. Указ. соч. С. 184).

⁶⁹ Например, против «органического творчества», провозглашённого, в частности, в книге критика-перевальца Д. Горбова «Поиски Галатеи» (М., 1929), направлены стихи: «Но мы идём / не по искусства чистеньким, // при слове: Галатея — / форменно лютеем, // затем, что мы стоим / за публицистику, // а не за Галатею» (Незнамов П. Хорошо на улице. М.: Федерация, 1929. С. 94).

Новейшее окуджавоведение не оставило эту строфу без внимания, однако опубликованные ныне комментарии нельзя признать удовлетворительными. Справедливо предполагая, что строчка-рефрен основана на какой-либо реминисценции, наблюдатели ищут источник её в любых произведениях, содержащих слова *пишет так*, например: «Ср. слова Тригорина в “Чайке” Чехова: “Каждый пишет так, как хочет и может”»⁷⁰. Очевидно, что комментатор игнорирует метафоричность, представленную у Окуджавы и Незнамова (творчество уподоблено дыханию), отсутствующую в предложенном прецедентном тексте⁷¹.

Сравним ряды глаголов в стихотворениях предшественника и последователя. У Незнамова дышащий тем самым воспринимает время:

писать > *дышать* > *слышать время* > *дышать* > *писать*.

У Окуджавы «каждый слышит, как он дышит». Восприятие, как и творчество, обусловлено личностью, и это мыслится в качестве закона природы («так природа захотела»):

писать > *слышать* (2 раза) > *дышать* (2 раза) > *писать*.

Здесь значимо отсутствует важнейший в русской культуре XIX века образ художника, который видит и внемлет, — художника-зеркала, эха, эоловой арфы, настроенной на звуки бытия. А в контексте XX века — тем самым отвергается незнамовское (лефовское, «маяковское», соцреалистическое) требование — «слышать время». И, уже отринув образы *поэт-эхо* и *поэт-публицист*, Окуджава ставит акцент на органичности творчества: «Как он дышит, так и пишет». Следующая строка — «не стараясь угодить» — пояснение, подтверждающее уже понятный слушателю ход мысли.

Сравнение поэзии с дыханием также напоминает о том, что она, по происхождению и по сути, — «искусство устное, искусство звучащее»⁷². Сергей Аверинцев привлекал внимание именно к этой особенности поэтики Окуджавы, где «мелоди-

⁷⁰ Сажин В. Н. [Примечания] // Окуджава Б. Стихотворения. 2001. С. 646.

⁷¹ Обзор афоризмов литературного происхождения, схожих по смыслу с рефреном Окуджавы, например: «Жизнь и поэзия — одно» (Жуковский), «Я как живу, так и пишу, свободно и свободно» (Грибоедов), см.: Александрова М. Поэт и роза: К теме творчества в лирике Булата Окуджавы // Голос надежды. Вып. 4. М.: Булат, 2007. С. 321.

⁷² Аверинцев С. С. Поэзия, сохраняющая тепло человеческого дыхания // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй междунар. науч. конф. 30 нояб. — 2 дек. 2001 г. М.: Соль, 2004. С. 32.

ческий облик задаёт поступательное интонационное движение, которое, в свою очередь, делает внутренне необходимым, эстетически необходимым объём каждого стихотворения»⁷³. Изменённая цитата из Незнамова («он пишет, словно дышит» — «как он дышит, так и пишет») не только выражает, тем самым, собственные взгляды поэта-певца, но и обозначает глубинное, древнее свойство лирики.

Мы уже высказали предположение о том, что при передаче творческой эстафеты от Незнамова к Окуджаве роль литературного салона сыграло литературное окружение Глазкова. Как видно из стихов и мемуаров, дом его, во-первых, был открыт для друзей, для беседы и совместных чтений ещё в бытность школьником, а студентом — и подавно. Во-вторых, «салон» Лили Брик мог послужить для Глазкова как бы примером для подражания. В квартиру на Арбате (здесь поэт прожил до 1974 года⁷⁴), мы помним, «шли паломники послушать настоящие стихи, окунуться в атмосферу истинной поэзии» (Ю. Долгин). «Арбат любили все. И запросто забежать к Глазковым было доступно»⁷⁵. В атмосфере этого быта постоянно происходил обмен идеями, текстами, по сути решался вопрос о том, *«как быть писателем»*⁷⁶.

Отсутствие личного знакомства между Окуджавой и Глазковым не препятствовало циркуляции стихов (как принадлежавших Глазкову, так и посвящённых ему), которая и привела к цитации. Общие знакомые, общие мемуаристы Глазкова и Окуджавы — это Давид Самойлов и Борис Слуцкий, оба сыгравшие важную роль в литературной судьбе Окуджавы. Это Александр Межиров и Константин Ваншенкин. Наум Коржавин. Николай Панченко. Лазарь Шерешевский. Б. Сарнов и С. Рассадин. А. Вознесенский и Е. Евтушенко... Среди них многие дали восторженные оценки творчества обоих поэтов. Многие стали адресатами их произведений. Каждый мог бы зачитать слушателя любимыми стихами.

Где и когда именно получает Окуджава эстафетную палочку от поэтов-читателей (скорее всего) своего поколения, сегодня сказать трудно. Одно из наиболее ранних его литературных

⁷³ Там же. С. 31.

⁷⁴ Глазкова Р. Непредсказуемый человек // Воспоминания о Николае Глазкове. С. 453.

⁷⁵ Фёдорова Л. Как молоды мы были // Там же. С. 276.

⁷⁶ Эйхенбаум Б. М. «Мой современник»...: Худож. проза и избр. ст. 20–30-х годов. СПб.: Инапресс, 2001. С. 63.

знакомств такого рода — это Александр Межиров (родился в 1923), который, по сообщению Окуджавы, в 1948 году приезжал в Тбилиси одновременно с П. Антокольским и Н. Тихоновым. В это время Булат (1924 г. р.) учился на филологическом факультете Тбилисского университета и был одним из организаторов неформального литературного кружка (возможно, он назывался или «Соломенная лампа», или «маяковцы»), состоявшего в основном из одноклассников⁷⁷. Участники кружка «набрались храбрости и каким-то чудом пробились»⁷⁸ к приезжим знаменитым писателям; маститый Антокольский и «молодой Межиров» слушали чтение студенческих стихов.

Не будет преувеличением сказать, что Межиров в ту пору находился под обаянием музыки Николая Глазкова: недаром свой дебютный яркий сборник он назвал глазковским словом⁷⁹ — «Дорога далека» (1947)⁸⁰. Знакомство и сближение состоялось весной 1944 года, «у Глазкова и Межирова было немало точек соприкосновения, и это способствовало зарождению дружбы, на первых порах чрезвычайно тесной»⁸¹. Таким образом, талантливый и располагающий дебютант Окуджава (хотя, по его воспоминаниям, слушатели тогда и не одобрили его собственных стихов) в принципе мог уже в 1948 услышать от поэта-собрата символ его тогдашней поэтической веры — стихи Глазкова.

Во второй половине 1950-х Окуджава бывал, во-первых, на литературном объединении «Магистраль», возглавляемом поэтом Г. Левиным. Здесь творчество Глазкова хорошо знали⁸². Далее, в 1959–1962 годах он работает в «Литературной газете»

⁷⁷ Розенблюм О. М. Путь в литературу Булата Окуджавы: Между официал. культурой и культур. периферией // Вопр. лит. 2007. № 4. С. 193, 195.

⁷⁸ Окуджава Б. «Всё зависит от таланта...» / Беседовал Г. Елин // Лит. Россия. 1984. 10 февр. (№ 7). С. 8–9.

⁷⁹ Глазков Н. Дорога далека: Поэма // Глазков Н. Хихимора. С. 326–340. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте без указания номера страницы.

⁸⁰ Ср.: «И хотя в контексте этого сборника — с его главной темой фронтовых дорог, глазковская строчка обретала другие коннотации и звучала совершенно по-своему, выбор такого названия означал установку на переключку с Глазковым. А это было, как Межиров не мог не понимать, весьма рискованно. Ведь если бы Глазкова посадили, эта переключка высветила бы добавочным светом все те «изъяны» сборника, которые сразу же отметила критика» (Винокурова И. Указ. соч. С. 316–317).

⁸¹ Там же. С. 315, 316.

⁸² См.: Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004. С. 358.

в отделе поэзии. Л. И. Лазарев вспоминает: «А у нас и в самом деле возник своеобразный клуб, куда приходили по делу и без дела, потрепаться, узнать новости и просто провести время в приятной компании»⁸³. Услышать что-либо относящееся к творчеству Глазкова Окуджава вполне мог и здесь⁸⁴. Наконец, общение в этой среде продолжалось и после того, как Окуджава, уволившись из редакций, посвятил себя творчеству и самообразованию.

Знакомство Окуджавы с ранним творчеством Николая Глазкова может подтверждаться ещё одним примером реминисценции, на сей раз связанной с собственным произведением *небывалиста*. В вышеупомянутой поэме Глазкова «Дорога далека» есть строфа:

*Судьба судьбы командует судьбою*⁸⁵,
Неповиновенья не терпя.
Ты можешь пропадать, и чёрт с тобою,
Твоей судьбе теперь не до тебя.

Как видим, повтор, плеоназм «*судьба судьбы...*» выглядит здесь как словосочетание, состоящее из форм одного слова, в рамках предложения, где это же слово употреблено ещё раз. «Повтор-синтагма» передаёт неотвратимый, фатальный характер обрисованных в поэме внешних обстоятельств — *судьбу* лирического героя военных, да и пред- и послевоенных времен. Тавтология такого типа (а также и множество других её разновидностей) вообще характерна для идиостиля Глазкова, например в поэме «Дорога далека» читаем: «Огнеупорные губы // *Курят окурок окурка*».

⁸³ Продолжим цитату: «Назову хотя бы нескольких наиболее частых посетителей нашего "клуба" — это Наум Коржавин и Борис Балтер, Илья Зверев и Макс Бремснер, Лев Кривенко и Борис Слуцкий, Камил Икрамов и Евгений Винокуров, Фазиль Искандер и Владимир Корнилов, Владимир Войнович и Феликс Светов, Василий Аксёнов и Виктор Гончаров...» (*Лазарев Л.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты: Кн. воспоминаний. М.: Книжный сад, 1999. С. 95). Как видим, многие лица связаны здесь с глазковским кругом. Ещё один «список» на ту же тему: «Тот же Лазарев, Бенедикт Сарнов, Инна Борисова <...> Коржавин, Балтер, Владимов, Максимов, Винокуров, Слуцкий, Чухонцев... И т. д. и т. п. — не слабая литгазетская компания, которая попросту раз навсегда определила мою судьбу. Могу ли сказать: сделала меня?» (*Рассадин Ст.* Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. М.: Текст, 2004. С. 15–16).

⁸⁴ О спонтанном чтении стихов в этом кругу: «Ранней осенью 1960-го, в Тамани, я услышал от Эмки Коржавина стихотворение [Глазкова. — С. Б.], очаровавшее сразу и напавал...» (*Рассадин Ст.* Указ. соч. С. 244)

⁸⁵ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — С. Б.

Стихотворение Окуджавы «Заезжий музыкант целуется с трубою...» (1971, 1975⁸⁶) заканчивается следующей строфой:

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ней, с её горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе... /311/

На слух плеоназм «*судьба, судьбы...*» у Окуджавы вначале звучит, как у Глазкова. Но синтаксически он оформлен иначе: представляет собою склонение, набор независимых слов, дополнительно распределённых грамматических значений — «повтор-парадигма». Как и у Глазкова, судьба показана вездесущей. Но, не в пример ему, — милостивой, благоприятной. Судьба причастна к духу музыки, которая олицетворяет добро и гармонию в художественном мире Окуджавы.

Таким образом, как и в случае с незнамовским мадригалом, как и всегда в поэзии Окуджавы, цитация связана с переосмыслением: слово *судьба* выражает те значения (*судьба-фортуна, предназначение и т. п.*), которые были как бы «позабыты», не учтены поэтом-предшественником (у Глазкова здесь *судьба-рок, обречённость, доля...*)

Обращение к творчеству П. Незнамова позволяет выдвинуть ещё одну гипотезу происхождения «повтора-склонения» в стихотворении «Заезжий музыкант...» Круг чтения Булата Окуджавы (как показывает анализ источников его прозы) далеко выходил за рамки общедоступных изданий. В него могли попасть и книжки Петра Незнамова. Помимо выше разобранный цитаты из мадригала «В спасопесковской тиши я...» (которая, скорее всего, связана с передачей текстов из рук в руки, из уст в уста), основанием для такого предположения служат «Стихи о Крутобайкальской железной дороге» (1922) из сборника Незнамова «Пять столетий»:

Смотри, смотри: утёсам тесно
От человеческих чудес!
Зато теперь стальные петли
Локомотивам дали петь.

Какая каменная давка:
Гора, горой, горе, горы!..
Тоннели, рельсы и вода
И поезда, и лязг, и рык⁸⁷.

⁸⁶ Бойко С. Комментарии // Окуджава Б. Стихотворения. М.: Эксмо, 2006. С. 399, 440.

⁸⁷ Незнамов П. Пять столетий: Стихи. М., Петроград: Госиздат, 1923. С. 29.

Плеоназм «*Гора, горой, горе, горы!...*» в виде склонения (не по порядку) ключевого слова (наряду с перечислениями, со словами *тесно, давка* и проч.) передаёт захватывающий восторг от яркого пейзажа, преображённого людьми. Однородный по структуре повтор в цитированном стихотворении Окуджавы, как и у Незнамова, запечатлел чувства лирического героя — здесь они вызваны музыкой:

Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит. (*Труба, трубы, трубой...*)
.....
Что мир весь рядом с ней, с её горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе... /310–311/

5.

Итак, мы рассмотрели два гипотетических прецедентных текста («Стихи о Кругобайкальской железной дороге» Незнамова и поэма «Дорога далека» Глазкова) для приёма «повтора-склонения». Необходимо наконец указать и главный, наиболее вероятный его источник. До настоящего времени, к сожалению, он не отмечался в исследовательской «окуджавоведческой» литературе (что закономерно в силу преобладающего в ней, с позволения сказать, эмоционалистского подхода). В лирике Окуджавы в первую очередь следует говорить о влиянии поэтического творчества Бориса Пастернака, которое, несомненно, было хорошо знакомо дебютанту (что проявилось, в частности, в ряде зафиксированных реминисценций). Огромное значение личности и поэзии Пастернака для себя Окуджава неоднократно подчёркивал⁸⁸. Преемственность в данном случае является естественной, «обычной», не требуя дополнительных доказательств: напечатанные произведения мастера вызвали закономерный интерес младших читателей-поэтов.

В поэме Пастернака «Лейтенант Шмидт» (1926–1927) с помощью повтора-склонения нарисован митинг, на котором навязчиво звучат знаковые слова пропаганды:

...И агитаторша-девица
С жаргоном из аптек и больниц.

⁸⁸ Ср.: «Есть любители Пастернака раннего периода, есть, наоборот, любители его стихов из “Доктора Живаго”. А для меня Пастернак, вся его система поэтическая, его метрика, ход его мыслей, он как личность — всё это вместе, вся эта музыка мне очень близка» (*Окуджава Б.* «Для меня Пастернак был Богом» / Запись И. Ришиной // Булат Окуджава: Спец. вып. С. 16).

И каторжность миссии: переорать
(Борьба, борьбы, борьбе, борьбою,
Пролетарьят, пролетарьят)
Иронию и соль прибоя,
Родящую мятеж в ушах
В семидесяти надежах⁸⁹.

Ряд приёмов: повтор слов, гипербола (70 падежей!) и «повтор-склонение» — нацелен на задачи автора, который, «пользуясь материалами того времени <...> подходил к ним без романтики и реалистически <...> Поэтому, когда документы, наряду с высотой и трагизмом матерьяла, обнаруживали *черты ограниченного ли политического фразёрства*, или по-иному смешные, автор переносил их в поэму с целью и умыслом в сознании их самообличающей красноречивости»⁹⁰.

Приём повтора-склонения берётся Окуджавой от Пастернака с переменной эмоциональной оценки. Агитаторский жаргон о *борьбе пролетарьята* в «Лейтенанте Шмидте» воспринимается негативно, иронично (это *черты ограниченного политического фразёрства*). Младший поэт к своей *трубе-судьбе*, напротив, прислушивается, вверяет себя ей — восприятие здесь позитивное, непосредственное. Если говорить о глазковском прецеденте, то его *судьба судьбы* (как и *борьба пролетарьята*) тоже написана мрачной краской. А вот в «каменной давке» Незнамова (*гора, горой, горе, горы!*) нагроможденье гор нарисовано с восхищением, т. е. этот прецедент, как и у Окуджавы, связан с положительной коннотацией. Поскольку для Окуджавы характерна смена оценок, сопровождающая цитацию, то это говорит в пользу прецедентов Пастернака и Глазкова, однако, в связи с комплексом вышеизложенных обстоятельств, возможность соотнесения с Незнамовым и в этом случае необходимо принять к сведению.

Отметим, что приём «повтора-склонения» встречается у Окуджавы не единожды. Так, стихотворение из сборника «Март великодушный» (1967) «Пробралась в нашу жизнь клевета...» заканчивается своего рода выяснением отношений с этим олицетворённым «персонажем»:

⁸⁹ Пастернак Б. Полное собр. стихотворений и поэм. СПб.: Академ. проект, 2003. С. 244.

⁹⁰ Там же. С. 715. Курсив мой. — С. Б.

И смеюсь над её правотой,
хрипотью её, слепотою,
как пропойца — над чистой водою.

Клевета.

Клеветы.

*Клеветой*⁹¹.

Неоднократное употребление «повтора-склонения» указывает на доверие Окуджавы к выразительности этого приёма.

6.

Выразительный окуджавовский приём повтора-склонения не прошёл незамеченным для литературных современников. Мы находим его уже в песне Владимира Высоцкого «Чужая колея» (1973), то есть на следующий год после появления текста «Заезжего музыканта» в печати (День поэзии. М., 1972). Высоцкий с помощью повтора-склонения подчёркивает роль *колеи* в композиции стихотворения: она стала для лирического героя навязчивой темой, «расплеваться бы» с ней:

Крутые скользкие края
Имеет эта колея.
Я клянупроложивших её —
Скоро лопнет терпенье моё —
И *склоняю*, как школьник плохой:
*Колею, в колее, с колеёй...*⁹²

Приём обнажается словом *склоняю*, которое усиливает эффект от неполной парадигмы. Во-первых, оно позволяет сразу правильно понять синтаксис строчки «Колею, в колее, с колеёй...» (точнее, отсутствие синтаксиса: формы перечисляются, а словосочетаний нет). Во-вторых, благодаря слову *склоняю* мы можем мысленно продлить фразу (в склонении существительных больше форм, чем дано в песне, и сознание учитывает, что «запас» не истрачен, на него только указано).

Высоцкий наследует в этом традиции Пастернака, который, упоминая о *семидесяти надеждах*, эксплицировал приём повтора-склонения, тем самым его усиливая. Что касается коннотации, то Высоцкий, как и Пастернак, обозначает с помощью повтора-склонения то, что антипатично лирическому герою,

⁹¹ Окуджава Б. Стихотворения, 2001. С. 303.

⁹² Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. 9-е изд., испр. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 1997. С. 341–342.

что приобретает для него негативную окраску. Мы склонны считать это очередным заимствованием со сменой оценочного значения: Окуджава «менял» коннотацию, заданную Пастернаком, на положительную, Высоцкий — обратно.

* * *

Подведём итоги.

Поэтическое наследие Петра Незнамова не затерялось «в сплошной лихорадке буден», как это нам представлялось. Цитата («Он пишет, словно дышит») из его позднего стихотворения «В спасопесковской тиши я...» обрела новый блеск в творчестве поэтического «внучатого племянника», став рефреном стихотворения-песни Окуджавы «Я пишу исторический роман». По-видимому, и другие незнамовские произведения, покинув с годами силовое поле лефовской доктрины, были по достоинству оценены младшими поэтами. Эта гипотеза косвенно подтверждается стихотворением Окуджавы «Засезжий музыкант целуется с трубою...», где приём повтора-склонения существительного («судьба, судьбы, судьбе...», «труба, трубы, трубой...») может восходить к Пастернаку («Борьба, борьбы, борьбе...» в поэме «Лейтенант Шмидт»), к Николаю Глазкову («повтор-синтагма»: «Судьба судьбы командует судьбою...» в поэме «Дорога далека»), а возможно, и к Незнамову («Гора, горой, горы, горе» в «Стихах о Кругобайкальской железной дороге»). Поэтика этих мастеров, вышедшая из футуризма, закономерно порождала такой яркий, броский приём.

Заимствование приёма у Пастернака является для Окуджавы естественным: это прямое влияние широкоизвестных стихов авторитетного старшего современника⁹³. Цепочка поэтической преемственности «футурист Незнамов — “небывалист” Глазков — шестидесятник Окуджава» обнаруживается при изучении цитат и реминисценций, на фоне литературного быта конца 1930-х — начала 1960-х годов. Она содержала в промежутке важные «звенья». Это ряд «литературных салонов» и кружков: дом Лили Брик, куда Глазков был вхож довоенным дебютантом;

⁹³ Ср.: «Историко-революционные поэмы “Девятьсот пятый год” и “Лейтенант Шмидт” первым изданием вышли в 1927 г. под общ. загл. “Девятьсот пятый год” (М.; Л., ГИЗ). Это издание без изменений было повторено в 1930, 1932, 1937 гг.» (Баевский В. С., Пастернак Е. В. Примечания // Пастернак Б. Полное собр. стихотворений и поэм. С. 667).

«то ли литературный кружок, то ли дружеский круг»⁹⁴ одnogруппников Окуджавы; «литературная» квартира Глазкова, а также литературные «клубы», участником которых были как Окуджава, так и многочисленные знатоки Глазкова. Эти — часто виртуальные — «поэтические салоны» заменили младшим писателям середины века «нормальную» литературную жизнь (с её манифестами, спором группировок, более или менее полноценной газетно-журнальной полемикой и проч.).

Займствование приёма у Окуджавы Владимиром Высоцким происходит уже, скорее всего, через песню: вся интеллигенция по возможности следила за творческим развитием поющих поэтов, и сами они не были исключением (слушая концерты и/или магнитофонные записи).

Комментарии этого ряда проливают свет на стихотворение Булата Окуджавы «Речитатив», в котором, с нашей точки зрения, отразилось его восприятие поэзии Глазкова. Рассмотренное на фоне глазковского творчества, оно — в числе других произведений — указывает на смену экзистенциальной парадигмы обоих художников.

⁹⁴ Розенблюм О. Путь в литературу Булата Окуджавы. С. 195.

И. В. ШУМКИНА

ОБРАЗ ОКУДЖАВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

Мы часто здороваемся
строчками Окуджавы,
обнимаемся его строчками,
мы протягиваем ими
руки друг другу,
мы поём их,
когда нам горько,
или хорошо, или одиноко,
или светло, когда мы
становимся лучше,
чем есть на самом деле.

*Интернет-публикация
2008 года*

В настоящее время Б. Ш. Окуджава относится к одним из самых цитируемых авторов, а многие строчки его песен являются состоявшимися крылатыми выражениями. Об этом свидетельствует и словарная практика, и ведущиеся в этом направлении исследования¹. Словарями и справочниками уже зафиксированы не менее пятидесяти его крылатых еди-

¹ См. например: *Чайковский Р.* Слова, вставшие на крыло // Рус. речь. 1994. № 2 (март–апр.). С. 22–25; *Крылов А.* Материалы к «Словарю цитат и крылатых выражений Булата Окуджавы»: Песня «Бери шинель, пошли домой» // Голос надежды. [Вып. 1]. М., 2004. С. 338–368; *Шумкина И. В., Некрасов И. А.* Окуджава и Высоцкий в русской речи: Опыт сравнит. анализа // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 464–483; *Шумкина И. В.* Строчки Б. Ш. Окуджавы в журнально-газетных заголовках // Булат Окуджава: проблемы жизни и творчества. Материалы науч. конф. молодых учёных (Москва, 12 апреля 2008 г.). М.: Гос. центр-музей Б. Ш. Окуджавы, 2008. (В печати).

ниц². Фразы поэта не только активно цитируются в прессе рубежа XX–XXI веков, но и используются в названиях кинофильмов, художественных и публицистических произведений, культурных мероприятий, в том числе и никак не связанных ни с самим поэтом, ни с бардовской песней вообще. Всё это свидетельствует о прочном проникновении слова Окуджавы в речевую культуру, и не просто о проникновении, но и об активном употреблении его строк.

При цитировании фрагментов песен Окуджавы в текстах газетных статей журналисты нередко снабжают их комментариями эмоционально-оценочного характера. Как пишет В. Варченко, «читатель в этом случае смотрит на цитату через призму вводящего её текста»³. Подобные комментарии («скрепы»⁴, «метакоммуникативные “заставки”»⁵) могут содержать информацию об авторе, жанре и времени создания и бытования песни, например:

«...Фотограф щёлкает, и птичка вылетает», — кажется, так в прошлом веке пел Окуджава. А вместе с птичкой улетает что-то ценное из жизни. [В статье говорится о том, что в настоящий момент у публики нет надобности в художественной фотографии и в фотосалонах.] Мы привыкаем, нас приучают к суррогатам, к портретам с плоскими лицами, ко всему дешёвому и массовому. Такой век на дворе» (ukn.oblast74.ru: 18.03.08).

С социокультурной точки зрения, подобные комментарии отражают образ поэта, сложившийся в сознании большинства и функционирующий в речевой (и не только речевой) культуре. В данной работе мы задались целью выявить черты этого образа. Материалом для анализа послужили контексты, содержащие прямые, и с к л ю ч и т е л ь н о п р и ц и т а т н ы е ссылки на поэта (более 300).

² См: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; Грушко Е., Медведев Ю. Современные крылатые слова и выражения. М., 2000; Крылатые слова: Энцикл. / Авт.-сост. В. Серов. М., 2003; Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М., 2003; Крылатые слова из произведений русской литературы: Справ. / Авт.-сост. Г. Л. Нефагина, В. А. Капцев, Э. Ю. Дюкова. Минск, 2006; Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени: Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008.

³ Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 44.

⁴ Там же.

⁵ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М. 2008. С. 72.

1.

Характеристики поэта, представленные в комментариях, можно разделить на две группы: объективные и эмоционально-оценочные. Первые содержат информацию, отражающую «реальные», «энциклопедические» сведения об авторе цитаты, вторые — субъективную, передающую мысли и чувства человека, который использует чужое высказывание. Оговоримся, что определение «объективные» (характеристики) достаточно условно, потому что сам выбор представляемых об авторе фактов субъективен.

Среди **объективных** характеристик в первую очередь надо отметить указание на *род деятельности* цитируемого автора. Несмотря на песенный характер творчества Окуджавы, наиболее популярна лексема *поэт* (замечена нами более чем в 40 случаях). Например:

«Он — москвич, исконнее не бывает. Из числа тех, кого, по словам поэта, "арбатский двор возвёл в дворянство"» (Парламент. газ. 2002. 25 окт.);

«А пока — [нужно] отвечать на вызов безжалостного государства объединением всех трудящихся (не только во время выборов) и всех слоёв российского общества <...> Хочется повторить слова советского поэта Б. Окуджавы, правда, произнесённые по другому поводу: "Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!", а вернее, чтобы не погибнуть от безысходности, нищеты и отчаяния!» (Совет. Россия. 2004. 22 июля);

«...Когда уже не приходилось рассчитывать на синий троллейбус, "последний, случайный", воспетый поэтом, оставалась всегдашняя надежда на такси» (Лит. газ. 2004. 22 сент.)

Довольно редко используется лексема *бард* (более 10). Например, в следующей публикации под заголовком «Окуджаву остался бы доволен»:

«Наши дети совершенно лишены контактов с природой, а жизнь познают только с экранов телевизоров. К такому выводу пришли грузинские педагоги после ряда экспериментов. Так, дети начальных классов <...> рисовали растения и животных, у них получались голубые телята, оранжевые буйволы и синие деревья <...> А как же быть с известным нашим бардом, который написал когда-то: "Синий буйвол, белый орёл и форея золотая"» (Труд. 1999. 16 февр.).

Хотя, как правило, данная лексема сопровождается другой, вышеназванной:

«Гимном легендарной улицы стали слова Булата Окуджавы: "Ах, Арбат, мой Арбат, ты моё отечество". Многие слишком прямолинейно истолковали тексты барда и его признание: "Я дворянин арбатского

двора...» Действительно, в стране, где существует прописка, это звучит не очень скромно. Возможно, поэт просто не учёл, что право жить на Арбате давно уже стало своеобразным дворянством» (Рус. курьер. 2004. 28 мая);

«Когда-то Булат Окуджава в стихах, посвящённых поэту, воскликнул: “До свидания, Павел Григорьевич! Нам сдаваться нельзя. Все враги после нашей смерти запишутся к нам в друзья...” Слава богу, известный бард ошибся» (Лит. газ. 2006. 11 окт.) и др.

Распространённость первой лексемы (*поэт*), на наш взгляд, обусловлена двумя причинами. Во-первых, её употребление отражает жанровые особенности песен Окуджавы, представляющих собой, по мнению исследователей и самого автора, в большей степени «явление поэтическое»⁶ нежели музыкальное. Хотя здесь необходимо отметить, что при указании на род источника преобладают ремарки типа: *как поётся в песне, строки из песни, знакомая мелодия* и т. п. — и довольно редко в качестве жанрово-родовой характеристики называются *стихотворение* или *поэтические строки*. Сравним:

«Конечно же, это не конкретная сценка, а как бы “разрез” эпохи — разрез романтический, песенный. Точнее всего сказать, что это видение далёких героических лет, вроде того, что встаёт в строках известной баллады Булата Окуджавы: “Я всё равно паду на той, на той единственной гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной”» (Искусство. 1985. № 12);

«“Запад вовсе не готов раскрыть свои объятия перед бедной и нестабильной Украиной, образ которой размыт и обезличен. Прямо как в романсе Окуджавы — “Что касается меня, то я опять гляжу на Вас, а Вы глядите на него, а он глядит в пространство...”», — пишет по этому поводу “Фраза”, подчёркивая, что “в пространство мимо Украины” смотрят и Запад, и Россия, а Украина тем временем переводит взгляды с одного на другую» (zadonbass.org: 06.02.08);

«Но скажу в утешение мужчинам: быть настоящим мужем — дело очень благородное, благодатное. Как в песне Окуджавы: “Товарищ мужчина, а всё же заманчива должность твоя”». (Православие. Ru: 04.03.08);

— и:

«...Обратная дорога в Симферополь вьётся по красивейшей, пробуждённой весной Судакской долине. В памяти всплывают строки из стихотворения Окуджавы: “Виноградную косточку в тёплую землю запрячь...”» (Електронні Вісті. Киев, 1999. 13 апр.).

К тому же в качестве глагольных скреп довольно часто используются лексема *поёт* и подобные, например:

⁶ Соколова И. А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М.: Благовит. Фонд Владимира Высоцкого, 2002. С. 31.

«Постоянно возникает тема крепких парней применительно к шоу-бизнесу. Его изнаночная сторона довольно груба, и как пелось в старой песенке Окуджавы, “здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы”. Вы с этим сталкиваетесь?» (Мир новостей. 1997. 14 апр.);

«Как грустно спел мастер шансона, “отшумели песни нашего полка, отзвенели звонкие копыта”» (Лит. газ. 2000. 26 апр.);

«Знаменитая 110-я — школа уникальная, единственная в своём роде. И не только потому, что именно о её мальчишках, ушедших всем десятым классом в 1941-м на войну, проникновенно пел Булат Окуджава: “До свидания, мальчики, постарайтесь вернуться назад...”» (Моск. комсомолец. 2001. 3 окт.);

«А я ничего и не думаю, я просто смотрю на эту женщину, и как это поётся у Окуджавы, “и немею”». (Мир. 2002. 9 апр.) и др.

Однако популярность лексемы *песня* и т. п. при лексеме *поэт* вполне закономерна. Здесь также отразилась черта самого явления авторской песни, где авторов вслед за Окуджавой стали называть «поющими поэтами»⁷.

Другая причина редкого использования определения *бард*, на наш взгляд, связана с тем, что данное слово в современной повседневной речи обозначает очень размытое и неопределённое понятие, при этом нередко обладающее отрицательной коннотацией: «Все мы видим, сколь популярным ныне стало слово “бард”. Им охотно пользуются все, кому не лень, хотя значение его остаётся весьма туманным, и едва ли вам кто-то внятно разъяснит, в чём его смысл. <...> Ситуация такова, что “бардом” сейчас можно назвать кого угодно, или может назваться кто угодно, и никаких обязательств при этом у такого товарища <...>» (<http://www.kspural.ru/forum/>: 7.05.04).

Вышеназванные указания на род деятельности автора могут быть распространены — уточнены с помощью дополнительных сведений («жанровых», «географических», «идеологических» и других), например:

«Приглажнул ей бравый кавалерист. “На войне как на войне, хоть и вправду убивают...” Это строки из стихов одного из первых в Союзе бардов-диссидентов Булата Окуджавы. Так вот, Николай Кононов хоть и не лез на рожон, но и каждой пуле не кланялся» (Киев. новости. 1998. 31 мая);

«Крутится, крутится в памяти пластинка, напевает задумчиво голосом поэта-фронтовика Булата Окуджавы: “Ах, война, что ты, подлая, сделала: вместо свадеб — разлуки и дым...” И перед глазами — послевоенная пора» (Парламент. газ. 2001. 21 июня) и др.

⁷ См. подробнее: Там же. С. 32.

Другая группа объективных характеристик относится к представлению **биографических данных** («сведений» о родителях, друзьях и т. д.). Такие указания несут определённую смысловую нагрузку: выбранный автором статьи тот или иной факт должен «усилить» звучание чужого слова и основную мысль всего текста. В разной мере эти указания выполняют аргументирующую функцию.

Например, в следующем контексте биографический факт подкрепляет слова автора статьи:

«Первыми реабилитаторами “белых” были песни. <...> Знаменитый бард — сын расстрелянного коммуниста, пощипывая гитарные струны, перешёл от романтики “комиссаров в пыльных шлемах” к ностальгии по императору и офицерам его свиты <...>» (Независимая газ. 1992. 29 сент.).

В приведённом контексте рассматриваемое указание носит характер причины (описываемой «реабилитации»), которую автор статьи показывает на частном примере.

Появление «биографического факта» при цитировании (да и самой цитаты) может быть вызвано тематикой статьи, которая имеет к цитируемому поэту непосредственное отношение. Так происходит в следующем контексте, посвящённом Букеровской премии:

«Да, не червонец, как и не соответствующая кунюра в фунтах стерлингов... [Речь идёт о сумме премии.] Но мы-то, братицы, — по выражению одного из букеровских лауреатов, — о другом. Посмотрите на список лауреатов премии (ниже прилагается), которой исполнилось 15 лет. Есть ли там достойные произведения?» (Лит. газ. 2006. 13 дек.).

Предметом характеристики может стать и **манера исполнения** автором своих произведений, например: *грустно спел мастер шансона, проникновенно пел Булат Окуджава* (см. выше) или *неторопливые гитарные переборы* (Совет. культура. 1988. 1 сент.).

2.

На стыке двух типов комментариев (объективных и эмоционально-оценочных) находятся ссылки, описывающие **характер творчества** поэта. Такие ссылки отражают основные черты поэтики автора.

В качестве доминирующей в речевой культуре черты творчества (и самой личности) Окуджавы прежде всего надо отметить **лиричность** и **проникновенность**. Это иллюстрируют многочисленные контексты, в которых слова и строки поэта сопровожда-

ются соответствующими эпитетами, а сам автор называется *зна-
током души*, например:

«Хорошо бы нам всем почаще вспоминать совет знатока человечес-
кой души Булата Окуджавы: “Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова”» (Труд. 1984. 25 нояб.);

«Стоит вслушаться в пронзительные слова из песни Булата
Окуджавы: “Виноградную косточку в тёплую землю зарю”, и осме-
лимся утверждать, что каждый <...> сердцем верит, какое это святое
и благородное дело растить лозу» (Изв. 1987. 22 дек.);

«Чем более я углубляюсь сейчас в материал [про Арбат] <...> тем
более осознаю, как прав проникновенный знаток души Арбата Булат
Окуджава: “Никогда до конца не пройди тебя!”» (Град. новости. М.,
1993. 18 окт.);

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моё призвание... Эти проникновен-
ные слова из песни Булата Окуджавы — в сердце каждого москвича
и каждого россиянина» (Тверская, 13. 2004. 23 дек.) и др.

В комментариях также репрезентируется и *романтический,
мечтательный тон* песен Окуджавы. Это, с одной стороны, от-
ражается в предикативных конструкциях (типа *мечтал, грезил*),
а с другой — в соответствующих эпитетах.

Например:

«Горбачёв недавно по ТВ сказал, что мы в последний момент успе-
ли ухватить пролетающего Бога за полу шинели. Очень это, конечно,
по-горбачёвски: представить Бога... в шинели. Но нельзя не вспомнить,
что и у Булата Окуджавы комиссары в пыльных шлемах отчасти вме-
сто Бога склонялись над смертным одром. Не полы ли тех романтических
окуджавских шинелей всплыли в подсознании Горби?» (Новая газ. 2001.
27 дек.);

«“Я в синий троллейбус сажусь на ходу, в последний, в случай-
ный...” Эти строки из песни Б. Окуджавы я часто вспоминаю, когда ви-
жу проезжающий мимо троллейбус. Отчасти и благодаря барду у мно-
гих из нас возникло, можно сказать, романтическое отношение к этому
виду транспорта» (Труд. 2001. 28 сент.);

— или:

«Пролётки извозчиков — не кареты и не такси, “окон” у них
не было. И когда сам Лебедев, выйдя из студии поздно ночью на Твер-
скую <...>, увидел пролётку (видимо, ту единственную, о которой в шес-
тидесятые мечтал Окуджава), он, Артемий Лебедев, к себе на Полянку
поехал тоже через Моховую» (Новая газ. 1998. 16 марта) [намёк на текст
«Былое нельзя воротить...»];

«Когда к его [Пушкина] фамилии добавляет притяжательное
местоимение Цветаева или когда Окуджава мечтает хоть четверть
часа посидеть с Пушкиным в “Яре” — это одно дело, а когда в друзья ле-
зет кто ни попадя — совсем другое» (Эксперт. 1999. 22 февр.);

«Ожидания в основном связаны с тем, что в Париже живёт очень много моих друзей. По сравнению с 70-ми годами этот процесс даже активизировался. И мечта Окуджавы о том, что *“опустеет Париж”*, становится как-то всё более недостижимой.» (НГ Ex libris. 2005. 17 марта);

«Дожили шестидесятники и до *времен, о которых грезил Окуджава в шуточной песне: “Зайду к Белле в кабинет, скажу, здравствуй, Белла, скажу, дело у меня, помоги решить. Она скажет: ерунда, разве это дело? И, конечно, мне тогда станет легче жить”*. Есть в одной стране такой кабинет. И есть такое кафе, где Белла кормит Мандельштама. Это страна называется — *Поэзия*» (Изв. 2007. 10 апр.) и др.

Этот «окуджавский» тон проявляется ещё ярче при сравнении с другими авторами. Так, в следующем контексте журналист пытается описать образ Москвы посредством образов, созданных Окуджавой и Высоцким, высвечивая при этом разницу поэтических миров этих поэтов:

«Это не грустная, но невыразимо прекрасная Москва Булата Окуджавы, с его *“синими троллейбусами”* и *“часовыми любви”*. Скорее это Москва Владимира Высоцкого с его *“ударил первым я тогда, так было надо”*, *“у них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает”*, *“стоит мне поддать — и я мгновенно поплыву и даже полечу”*» (Веч. Москва. 2008. 21 окт.).

Ещё одной важной чертой, получающей отражение при цитировании Окуджавы, является *«лозунговый» характер* его строчек. Заметим, что авторская песня в целом, как пишет О. А. Семенюк, способствовала построению нового «лозунгового универсума», альтернативного официальному, сложившемуся в советский период⁹. В журнально-газетных публикациях «создателем» такого универсума выступает прежде всего Окуджава.

Это, во-первых, проявляется в том, что выражения поэта часто становятся девизом (нами обнаружено 7 контекстов), гимном, призывом, эпиграфом¹⁰ (по 4 контекста), формулой, советом (по 3), а также принципом, заветом, набатом, наказом и т. п. описываемого в публикациях события (или предмета), а сам поэт — символом, например:

«Удаётся ли достичь желаемого? Редко-редко покажется, что вроде бы вот получилось, но тут же засомневаешься. Тут иногда *помо-*

⁸ Последнее двуступище, кстати, принадлежит А. Дольскому.

⁹ См. например: Семенюк О. А. Авторская песня и русский язык периода 60–80-х годов XX века // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы третьей междунар. науч. конф. Москва, 17–20 марта 2003 г. М.: ГКЦМ им. В. С. Высоцкого, 2003. С. 199.

¹⁰ Непосредственно эпиграфы из поэзии Окуджавы здесь не учитывались; они подлежат отдельному рассмотрению.

дает совет поэта: Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтётся... Что дать нам: удалось — не удалось?» (Лит. обозрение. 1980. № 2);

«Я не призываю к осторожности, которая граничит с трусостью, я лишь хочу напомнить стихотворный наказ Б. Окуджавы мальчикам, уходящим на фронт: “Не жалейте ни пуль, ни гранат и себя не щадите, и всё-таки — постарайтесь вернуться назад”» (Киров. правда. 1984. 16 июня);

«“Возьмёмся за руки, друзья!” Слова этой популярной песни, слово лейтмотив Игр доброй воли, как нельзя лучше выражают самую суть происходящего сейчас в нашей стране крупнейшего международного спортивного события» (Совет. торговля. 1986. 15 июля);

«Собрались, чтобы вместе вспомнить и взгрустнуть об Арбате, помечтать о новых встречах с улицей их молодости. “Никогда до конца не пройди тебя” — эти слова Булата Окуджавы, сказанные об Арбате, стали как бы камертоном встречи» (Веч. Москва. 1993. 2 дек.);

«Всё же XX век научил самому главному. Не уподобляться Белинскому и не учить поэтов, что и как им писать. “Каждый пишет, как он слышит” — манифест Окуджавы, символ веры конца XX века» (Новые Изв. 2001. 17 февр.);

«Но судьбу филармонического артиста решает директор. Или собрание директоров — деля и распределяя творческие силы по пропетому Окуджавой принципу: “...дай каждому, чего у него нет”. Ибо чего нет у одного, у другого всенепременно сыщется» (Сибир. посад. Тюмень, 2002. 28 янв.);

«Однажды я заметил Александру Евгеньевичу по этому поводу: — Живёте под девизом Окуджавы: “Дверям закрытым — грош цена, замку цена — копейка”? Не боитесь? Подслушают? Подсмотрят?» (Версия. 2004. 10 мая);

«Именно он, этот невысокий, постоянно смущающийся человек, написал прекрасный гимн любви, слова которого как нельзя более подходят Международному дню объятий: Давайте восклицать, друг другом восхищаться...» (Страна.Ru: 21.01.08) и др.

Во-вторых, «лозунговость» выражается в глагольных лексемах, скрепляющих цитату и текст статьи. Например: учил, велел, декларировал, сформулировал Булат Окуджава. Как правило, в роли такой лексемы выступает глагол *призывать*. Сравним:

«Мужчине тоже можно говорить комплименты, и великий Окуджава нас к этому призывал» (Россия. 2002. 11 июня);

«Булат Окуджава призывал: “Давайте понимать друг друга с полуслова, чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова!” Увы, этому призыву сегодня в России внимают не более 15%» (Новые Изв. 2006. 20 марта);

— или:

«Лимонов понял то, чего не понимает наша, так сказать, интеллектуальная элита. То, что когда-то нечаянно сформулировал в своей песенке Окуджава: “Все идущие должны держаться левой стороны” [о национал-большевизме]» (Новая газ. 2000. 25 сент.);

«День города — как раз такой случай, когда можно и даже нужно, не стесняясь, как велел Булат Окуджава, “восклицать, друг другом восхищаться, высокопарных слов не стоит опасаться...”» (Карелия. Петрозаводск, 2001) и др.

Благодаря закрепившемуся за окуджавскими песнями «лозунговому» характеру, на наш взгляд, известные строки современного барда О. Митяева и в устной и в письменной речи приписываются Мастеру, например:

«“Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...” — эти строки Б. Окуджавы о нас, о нашем ЭБЦ, о наших незабываемых каникулах, о нашем лагере “Радуга”» (Туапсин. новости. 2007. 19 апр.).

Вероятно, это произошло благодаря сюжетной и функциональной схожести с популярным призывом Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья...»:

«На струны поющей души ложатся поэтические строки — и рождается подхватываемое тысячами голосов “возьмёмся за руки, друзья” или “как здорово, что все мы здесь сегодня собрались”» (Кемерово. 2001. 7 сент.).

Обе песни стали гимнами не только бардовских слётов, но и всевозможных корпоративных встреч.

3.

Эмоционально-оценочные комментарии, во-первых, репрезентируют *мудрость* и *авторитетность* поэта. Это, прежде всего, прослеживается в использовании прямых оценок при ссылках на автора, например:

«Прав мудрейший Булат Шалвович: “Так хочется кому-нибудь молиться”. Хочется. Но не умею и некому» (Моск. новости. 1993. 17 янв.);

«Уверяют, что развитие российско-китайских отношений может быть надёжно обеспечено только при наличии социалистического строя в России и Китае. “Былое нельзя воротить и печалиться не о чем. У новой эпохи свои подрастают леса”. Эти *мудрые слова Булата Окуджавы* вспомнил Лев Делюсин, анализируя эти “фальшивые ноты”» (ИЗВ. 1999. 2 окт.);

«В конце концов от каждого из граждан зависит развитие главы государства; ведь выбирали-то его как альтернативу Зюганову. Надеюсь, он этого не забыл, а то, не дай Бог, произойдёт что-то, похожее на один стих мудрого Булата. “Давайте придумаем деспота, чтоб в душах царил он один от возраста самого детского и до благородных седин. Усы ему вырастим пышные и хищные вставим глаза, сапожки натянем неслышные и проголосуем все — за”» (Моск. новости. 2001. 16 янв.) и др.

Хотя в одной обнаруженной нами публикации авторитетность поэта подвергается сомнению:

«Памятник, который открыли возле школы, не совсем обычный [о памятнике Карабасу Барабасу]. <...> Внизу, на постаменте, начертаны окуджавские строки: "...И он никакой не мучитель, а просто наш добрый учитель". Что ж, Булат Окуджава, конечно, авторитетный автор, но есть и поавторитетнее» (Моск. правда. 2001. 5 апр.).

Авторитетность поэта отражают и ремарки, указывающие на его **правоту**, нередко подтверждённую временем. См., например, следующие контексты:

«В жанре миниатюр я не только пишу — я живу. Правильны слова Окуджавы: каждый пишет, как он дышит. Вот я как дышу, так и пишу» (Крокодил. 1987. № 18);

«Оказывается, единственно реальный Арбат — это Арбат из сердца Булата, все остальные преходящи, призрачны. В правоте поэта — правда жизни, другой нет» (Веч. клуб. 1994. 23 апр.);

«А милые, добрые лица наших работников культуры убеждают в правильности песенки Булата Окуджавы: "Оставьте дверь открытой". Не закрывай своё сердце на тяжёлый амбарный замок!» (Голос правды. 2002. 7 марта) и др.

Подобная оценка может быть выражена и не столь категорично, с некоторой долей неуверенности:

«"Как он дышит, так и пишет", — сказал мудрый Булат Окуджава, и, наверное, был прав. Один дышит поверхностно, и ему хватает, другой глубоко, третий вообще отравленным воздухом <...> Тем и отличается журналистский труд от многих других профессий, что он очень сильно зависит от индивидуума» (Нижегор. новости. 2001. 29 июня) и др.

Сюда же примыкают и комментарии, которые подчёркивают **чувство языка** поэта, его **афористический талант**, например: *изящная, афористическая строчка Булата Окуджавы* (Дал. Восток. 1987. № 4.); *лучше всех сказал Булат Окуджава* (Комсом. правда. М., 1995. 4 нояб.) и другие:

«Пожалуй, лучше, чем эта строка из популярнейшей песни Булата Окуджавы, не скажешь о легендарном и любимом месте Москвы: Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моё призвание. Ты — и радость моя, и моя беда... Ты течёшь, как река. Странное название!..» (Культура. 1993. 6 марта);

«Оркестранты умудряются одновременно маршировать и дуть в трубы. Кларнетов принцы, словно принцы крови, Магистры саксофонов или и, кроме, Шли барабанных палок колдуны... Всё равно о военных музыкантах лучше Булата Шалвовича не скажешь» (Новая газ. 2000. 6 мая);

«"Каждый пишет, что он слышит, каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить". Никто не описал процесс писательского творчества короче и точнее Булата Окуджавы» (izbrannoe.ru: 22.08.08) и др.

Наиболее ярко эта черта «высвечивается» в следующем контексте, где автор статьи якобы «поневоле» прибегает к цитированию строчек поэта:

«Он заразил их тягой к объединяющей духовности. Не хочется пользоваться текстом Б. Окуджавы, но лучше не скажешь: “Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке”. Желание взяться за руки есть в этих людях» (Театр. 1988. № 5).

Отдельную группу составляют комментарии, указывающие на *известность* и *популярность* поэта и его произведений. Помимо эпитетов *известный*, *популярный* и *знаменитый* (по отношению к песням, строчкам, самому поэту), которые благодаря многократному использованию потеряли свою экспрессивность, в текстах журнально-газетных статей наблюдаются и их более выразительные варианты, например:

«Недурными звонкими голосами выводят новый текст, положенный на хрестоматийное окуджавское: “Виноградную косточку в тёплую землю зарою...”» (Новые Изв. 2001. 10 окт.);

«Можете ли вы с ходу припомнить пару-тройку поэтических строк, посвящённых Арбату? Только не спешите называть известные рифмы Булата Окуджавы, давно разорванные на цитаты» (Тверская, 13. 2002. 13 янв.);

— и даже:

«После августовской победы в среде демократов на какое-то время возникло ощущение революционного единства. Увы! “Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке” — этим поэтическим заклинанием, ставшим расхожим и отчасти опошленным от неумеренного употребления, тяга к сплочению исчерпалась» (Изв. 1991. 26 сент.).

Как видим, в подобных ремарках содержится прямое указание на глубокое вхождение поэтического наследия Окуджавы в речевую культуру.

4.

Своеобразие образа Окуджавы ярче всего проявляется на фоне других авторов-исполнителей, а именно — Владимира Высоцкого и Александра Галича. Об одном из них мы довольно подробно писали в своём предыдущем исследовании¹¹, поэтому будем опускать соответствующие цитаты.

¹¹ Шумкина И. В. Слово Галича в журнально-газетных текстах: аспекты функционирования // Галич: Новые ст. и материалы. Вып. 3. М.: Булат, 2009. С. 193–228; Шумкина И. В. Песенные цитаты в современной газетной речи // Вестн. Самар. гос. ун-та: Гуманитар. сер. 2009. № 1. С. 151–157.

Так, в качестве доминирующей черты образа Галича выступает *сарказм*, поэт предстаёт как *едкий сатирик*. Ироническое осмысление действительности объединяет данного автора с Высоцким, хотя в ссылках на последнего эта характеристика редко получает своё отражение (нами встречен только один комментарий — *известная сатирическая песня В. Высоцкого* — Независимая газ. 1993. 4 июня). Чаще отмечается *шутливый тон* песен этого поэта: *шутливо-грустная* (Парламент. газ. 2001. 14 сент.), *шуточная* (Ветеран. 1988. 19 дек.; Изв. 1988. 12 апр.), *задорная* (Начало. 1992. № 31). На этом фоне образ проникновенного романтика Окуджавы выглядит ещё рельефнее.

Отмеченные выше такие оценки творчества Окуджавы, как *авторитетность* и *известность* используются и при цитировании строк названных авторов. Кроме того, в ссылках на Высоцкого часто эксплицитно постулируется и *незабываемость, бессмертность* поэта и его творчества: *незабываемый или незабвенный Высоцкий* (Киев. новости. 1998. 17 марта; Изв. 1992. 7 сент. и 2001. 8 июня; Моск. правда. 2002. 19 июля); *неувядаемая песня* или *бессмертная песенка Высоцкого* (Моск. комсомолец. 1988. 25 мая и 2002. 18 марта; Единая Россия. 2004. 5 июля; Лит. газ. 2005. 1 июня).

Однако, кроме того, ремарки репрезентируют и другие черты Галича и Высоцкого. Журналистами отмечается *провидческий характер их творчества* — например:

«...*Брук — обошёл меня на круг*» — *пел Владимир Высоцкий, как обычно, внося в смешную песню элементы предвидения и пророчества. Круг времени свершился, и великий режиссёр второй половины XX века Питер Брук — снова в Москве*» (Совет. культура. 1989. 25 февр.);

«*Что мы видим, — говорит, — кроме телевиденья?*» *Ещё один проклятый вопрос русской культуры, пророчески сформулированный Высоцким*» (Независимая газ. 2005. 27 окт.) и др.

Окуджаве, судя по комментариям, «провидчество» не свойственно, хотя иногда встречаются указания на *притчевый тон* его песен:

«*Песня о трёх сёстрах* [лидера рок-группы “Машины времени”] вызывает в памяти *изящную притчу Б. Окуджавы* о “*молчаливых кредиторах*” — *Вере, Надежде, Любви*» (Лит. учёба. 1988. № 1).

Другой чертой, которая представлена в журнально-газетных материалах при цитировании песен Высоцкого и Галича, является талант поэтов в качестве *историографов* и *летописцев своего (советского) времени*. При ссылках на Окуджаву иногда отмечается даже обратное, — сравним:

«Мы безропотно платили, и со временем “наверху”, видимо, рассудили, что нет особой необходимости сопровождать каждое новое повышение цен на одни товары их снижением на другие, даже самые что ни на есть бросовые. Теперь уже только Высоцкий напоминал нам: “Было время, и цены снижали...”» (Подмосковье. 1992. 2 мая);

«Отвратительное чувство зависти и раздражения по поводу чужого достатка присуще, увы, нашему народу. Высоцкий эту совковую черту увековечил нетленной строкой: “У них денег — куры не клюют, а у нас — на водку не хватает...”» (Изв. 1994. 2 дек.);

— и:

«Не было братства в очередях, где мы простояли годы. И даже в троллейбусах, если честно, оно проявлялось очень редко. Окуджава, наверно, пел о том, что хотел видеть» (Изв. [2009. 10 марта]).

Отчасти подобная оценка содержится в эпитете *воспетый*, которым пользуются журналисты при описании реалий, получивших отражение в творчестве поэтов, например, в газете «Известия» встречаем: *воспетая Владимиром Высоцким гостиница «Советская»* (2007. 20 июня); *воспетый Галичем передовик производства* (1999. 4 марта); *в одной из песен Галича воспета советская фабрика* (1999. 13 июля) и др. Хотя порой упоминаемый предмет, человек или событие вовсе не воспеваются, а лишь упоминаются.

Данный эпитет часто появляется и при цитировании песен Окуджавы (чаще всего «арбатских» песен и песни «Полночный троллейбус» — нами обнаружено по 5 контекстов), например:

«Ты укрой Арбат, гитара, От смертельного удара, От московских наших дураков. Проект “Пешеходной улицы Арбат” сулил новую жизнь старой улице, описанной Львом Толстым, *воспетой Окуджавой*» (Моск. комсомолец. 2001. 21 февр.);

«Зелёный огонёк, светящийся в ночи на улицах нашего города, воспринимается как символ времени. И ещё он ассоциируется со словом “надежда”. Наверно, потому, что когда уже не приходилось рассчитывать на синий троллейбус, “последний, случайный”, *воспетый поэтом*, оставалась всегдашняя надежда на такси» (Лит. газ. 2004. 22 сент.);

«Ничего необычного не увидит случайный прохожий на шумной, забитой машинами и торговыми точками площади Сокольнической заставы. Разве эту пожарную каланчу, *воспетую Булатом Окуджавой: “С последней каланчи, в Сокольниках стоящей, никто не смотрит вдаль на горизонт горящий... Каланча эта и правда последняя в Москве*» (Клиент всегда прав. 1999. 8 дек.) и др.

Вообще за Окуджавой закрепился образ *певца Москвы*, что неудивительно — тема Москвы и её географии является одной из ведущих в его творчестве. Вероятно, это является причиной

того, что ему приписываются «московские» песни других авторов. Например, песня Ю. Визбора:

«Слезайте, граждане, приехали, конец, Охотный ряд, Охотный ряд!» — пел Булат Шалвович Окуджава. И вот из-под земли, из перехода, избыточной массой, как взошедшее дрожжевое тесто, выливаемся с толпой на угол» (Квартир. ряд. М., 2007. 11 окт.);

или популярная советская (Е. Винокуров, музыка А. Эшпая):

«У Булата Окуджавы в песне про Серёжку с Малой Бронной и Витьку с Моховой, погибших на войне, есть строки “Девчонки, их подружки, все замужем давно”». (Нижегор. новости. 2001. 2 марта).

В последнем контексте поводом к неверной атрибуции послужило слияние двух окуджавских тем: московской и военной.

Наконец, **актуальность творчества**, которая многократно репрезентируется журналистами при ссылках на Галича, при цитировании Окуджавы отмечается редко — и в основном в отношении «хрестоматийных» строчек, типа:

«Возьмёмся за руки, друзья!» — не тускнеющий от времени поэтический призыв Булата Окуджавы, объединил всех, кто приурочил это представление ко Дню примирения и согласия» (Век. 1999. 12–18 нояб.).

Итак, мы видим, что в отношении Галича и Высоцкого оценки журналистов разнообразнее. На наш взгляд, это связано:

— с одной стороны, с характером публицистического дискурса конца XX — начала XXI веков, в котором превалирует ироническое осмысление и в отношении прошлого социально-политического опыта, и наблюдаемого настоящего, и даже предполагаемого будущего (соответственно журналисты прибегают к творчеству Высоцкого и Галича, где такое осмысление уже представлено; к тому же этому способствуют жанровое разнообразие и сюжетность многих песен этих двух поэтов);

— с другой стороны, с характером творчества поэтов, вошедшим в сознание большинства. Так, за Окуджавой закрепился образ лирика и романтика, хотя в его репертуаре есть и сатирические песни.

Марат ГИЗАТУЛИН

«СЕСТРА МОЯ ПРЕКРАСНАЯ...»

В 1975 году в журнале «Дружба народов» было опубликовано стихотворение Булата Окуджавы, которое начиналось так:

Сестра моя прекрасная, Натела,
прошли года, а ты помолодела —
так чист и ясен пламень глаз твоих...
Возьми родную речь, горбушку хлеба,
и эти облака, и это небо,
и раздели на нас, на шестерых.

Уже в этих начальных строках есть несколько непонятных, требующих объяснения, мест, но мы не будем сейчас разбирать всё стихотворение, а остановимся только на одной загадке: а кто это — *сестра Натела*? Родных сестёр у Булата Шалвовича как будто бы не было. А может, это вообще такая поэтическая фигура для выражения приязненных чувств, симпатии, благодарности — *сестра моя*? Известно же, что сестрой он часто называл своего близкого друга Беллу Ахмадулину. И не только её. Шведская певица Кристина Андерсон позже тоже стала его *сестрой*.

К кому же обращены эти строки? Где искать их адресата?

Открываем самое солидное и полное издание стихотворений Булата Окуджавы, вышедшее в «Новой библиотеке поэта». В примечании к этому стихотворению видим:

Натела — двоюродная сестра Окуджавы, дочь О. С. Окуджавы и Г. С. Табидзе¹.

Исчерпывающе ясно, казалось бы. Однако, к сожалению, эта коротенькая фраза не только не принесла отгадки, но ещё больше всё запутала. Ведь у Ольги Степановны не только дочерей — вообще детей не было. Видимо, составителей тома ввело

¹ В кн.: *Окуджава Б. Стихотворения* / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина, Д. В. Сажина. СПб., 2001. С. 645.

в заблуждение название стихотворения: «Памяти Галактиона Табидзе». И в инициалах мнимого отца Нателы тоже ошибка: на самом деле мужа Ольги Окуджава, великого грузинского поэта, звали Галактионом Васильевичем.

Так чья же всё-таки дочь *сестра Натела*, если она действительно сестра Булата Окуджава? И заодно уж — кто эти *шестеро*, между которыми ей следовало *разделить горбушку хлеба*? Для выяснения этого нам придётся перенестись на сто лет назад.

1.

...Жили-были в городе Кутаисе Степан и Елизавета Окуджава, и было у них девять детей — шесть сыновей и три дочери. Казалось бы, внуков при таком богатстве должно быть и вовсе видимо-невидимо. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому. Эти девять братьев и сестёр дали потомство, насчитывающее всего восемь человек. Ни одна из дочерей не продолжила свой род. Нина умерла ещё в детстве, да и у сестёр её, Ольги и Марии, детей не было. Двое братьев, Александр и Василий, тоже умерли бездетными. У Михаила было четверо детей, у Шалвы двое и у Владимира с Николаем по одному.

Но в стихотворении Булат Шалвович пишет о шестерых. Где же ещё двое? Дело в том, что сын Николая, тоже Николай, которого в семье все звали Кукуля, трагически погиб в шахте в 1948 году, а с дочерью Владимира Тамарой давно были утеряны родственные связи. Ещё до того, как отцы всех восьмерых были расстреляны, мать Тамары уехала из Грузии и прекратила всякие отношения с остальными Окуджава. А уж после казни мужа она и вовсе поменяла дочери фамилию, дала свою — Заварьян.

Вот и осталось их шестеро: сыновья Шалвы — Булат и Виктор и дети Михаила — Гиви, Натела, Арчил и Важа. Натела и есть та самая двоюродная сестра, о которой говорится в стихотворении.

2.

Троим из четверых детей Михаила Булат Шалвович в разное время посвящал стихи. Одно мы уже знаем, а за десять лет до этого, в 1965 году, в журнале «Юность» была напечатана баллада Булата Окуджава «Руиспири», названная им шуточной.

Обстоятельства появления этого произведения таковы. В 1963 или 1964 году Булат приезжал в Грузию по делам, свя-

*В Грузии
на празднике
«Тбилисoba»,
1979 г.
Слева
от Окуджава —
сестра Натела,
крайний справа
— писатель
Чабуа
Амирэджоби.
Фото из архива
В. М. Окуджава*

занным с выходом его книги в тбилисском издательстве². Заодно привёз с собой молодую невесту Олю — познакомить с родственниками.

Двоюродный брат Булата Арчил Михайлович Окуджава работал в Институте геофизики, занимался в то время проблемой разрушения грозových облаков, предотвращения града — чем-то вроде того, о чём роман Даниила Гранина «Иду на грозу». Эта работа была связана с частыми экспедициями. Одна из экспедиций — в Кахетию — совпала с приездом гостей, и Арчил взял их с собой. Поездка очень понравилась, запомнилась Булату, и впечатления от неё вылились в балладу «Руиспири».

Всё так правильно в этом краю,
как в раю!
Не его ли мы ищем?
Я себя узнаю,
потому что здесь воздух очищен.
Все слова мной оставлены там, в городах,
позабыты.
Все обиды,
словно досками окна в домах,
позабиты.
Все причуды
(их там целые груды,
словно горы немытой посуды
побитой).
Где-то там, свой покой сторожа,
и велик, хоть и прожит,

² Окуджава Б. По дороге к Тинатин. Тбилиси: Лит. да хеловнеба, 1964.

*В Кахетии
с новой
невестой —
Ольгой
Арцимович,
<1963–1964>.*

*Фото
А. М. Окуджава*

мой последний любимый ханжа
до меня дотянуться не сможет.

Нет земли.
Вся земля — между небом и мною.
Остальное — одни пустыки.
И последний альпийский цветок,
что не пробовал зноя,
в городские не верит стихи...

Кстати, после смерти Булата Шалвовича его вдова в телефонном разговоре с Арчилом рассказывала, что перед самым концом, уже в госпитале, он вспоминал Руиспири. Говорил, что ему хочется, если поправится, ещё раз съездить туда. Так это или нет, уже не важно. Главное, что баллада эта имела посвящение: «Арчилу Окуджава».

А почти через десять лет после обращённого к Нателе стихотворения «Памяти Галактиона Табидзе» появилось посвящение другому брату, старшему сыну Михаила Окуджава. Правда, сам Гиви Михайлович этого стихотворения не увидел: называлось оно «Памяти моего брата Гиви».

И только самому младшему, Важе, не повезло: ему стихотворения не досталось. Просто не случилось.

3.

Михаил Степанович женился не рано, на четвёртом десятке. До этого он успел окончить юридический факультет Московского университета, вернуться на родину в Кутаис и начать ад-

*Михаил Окуджава с невестой
Катей Халваши (слева)
и сестрой Ольгой, <1915–1916>.
Фото из собрания
Литературного музея Грузии*

вокатскую практику, правда, совсем недолго продолжавшуюся. И всё это шло параллельно с многолетней, ещё с гимназии, революционной деятельностью, с арестами, побегами и прочими её последствиями. Вот таким «зверским» был царский режим. (Следует при этом учесть, что старший брат Михаила Владимир был террористом, покушавшимся на генерал-губернатора, но избежавшим возмездия и скрывающимся теперь за границей... Интересно, сейчас, во времена «суверенной демократии», смог бы человек с такой биографией, как у Михаила, поступить в Московский университет?)

Его избранница Катя Халваши тоже была членом Российской социал-демократической рабочей партии. Также окончила Московский университет, только исторический факультет, и вернулась в Кутаис. Катю Михаил хорошо знал и до университета — она и её сестра Вера были близкими подругами его сестры Оли Окуджава.

Родители Веры и Кати были так называемые «осенние дворяне». В том смысле, что хоть и дворяне, но бедные, — те, что сыты бывают только осенью, пока урожай не проели. Отец их умер очень рано, и матери одной пришлось поднимать дочерей. Федосья Таризеловна имела что-то вроде пансиона для гимназисток

*М. С. Окуджава с сёстрами
Катей и Верой Халваши
и их матерью Федосьей
Таризловной, <1915–1916>.
Архив Н. М. Окуджавы*

и за счёт этого содержала своих дочерей. Хорошо, хоть за учёбу девочек платить было не нужно: и Вера, и Катя учились отлично, а таких освобождали от платы, если семья была небогатой.

Дать высшее образование обеим дочерям Федосье было не под силу. Поэтому младшая, Вера, хоть и вышла из гимназии, как и Катя, с золотой медалью, сразу продолжить учёбу не смогла, а уехала в Чиатура, преподавать биологию в школе марганце-промышленного общества, где очень неплохо платили. Работая там, она смогла и сестре помогать деньгами, пока та училась в Москве.

Так же получилось и у её подруги Оли Окуджавы. Семья еле-еле сводила концы с концами, а от старших братьев, хоть и были они уже взрослыми, помощи ждать не приходилось — самый старший, Владимир, учился в университете в Швейцарии, а следующий, Михаил, в Московском университете. И если окончания учёбы Михаила вся семья ждала с нетерпением: вот вернётся, начнёт работать, и полегче станет, то на Владимира никаких надежд вообще не было — после тех «художеств», что он натворил на родине, путь назад был ему заказан.

Поэтому Оля оставалась в Кутаисе, работала, чтобы как-то помогать семье. И всё бы хорошо, но появился у неё уха-

*Оля Окуджава.
Собрание Литмузея Грузии*

жёр, который очень не понравился матери. Казалось бы, чего не радоваться: Галактион Табидзе — восходящая звезда на небосклоне поэтической Грузии, и все вокруг от него без ума. Оля и её братья тоже восхищались Галактионом и его поэзией. И только их мать Елизавета не разделяла восторгов своих детей по одной простой причине: Галактион имел пристрастие к вину. Всем хотелось дружить с ним, застольничать, угощать его, а он мало кому отказывал. Вот это-то как раз и не нравилось Олиной матери. Она со своим Степаном всю жизнь из-за этого мучилась и не хотела такой же судьбы для дочери.

Племянник Елизаветы Окуджава Василий Киквадзе много лет спустя вспоминал в разговоре с журналистом Гизо Зарнадзе:

Тётя Лизико никак не хотела такого зятя. У него ничего нет, на нём одни штаны, и больше ничего не имеет. Бездельник. Галактион действительно ничего не делал. Просто писал гениальные стихи. Квартиры нет, последние гроши тратит на фэтоны, а потом голодным болтается. Но мама была в одиночестве, все остальные были сторонниками Галактиона. Миша был просто влюблён в него, был потрясён его стихами. То же и Николай, и жена его Нина Гвахария, Маня, Шалва, об Оле и говорить нечего. Она была просто помешана на Галактионе. Вся семья защищала Галактиона от Лизико³.

И Елизавета решила отправить дочь подальше из Кутаиса, чтобы отвадить ухажёра.

³ В книге Г. Зарнадзе «Галактион, Окуджава и другие». Перевод с груз. О. Дзимистаришвили.

Подруга Оли Вера выхлопотала ей место в чиатурской школе. Поработав в Чиатура, Вера Халваши и Оля Окуджава подкопили денег и поехали на учёбу в Москву, на Высшие женские курсы Герье. Но перед этим, 20 августа 1916 года, Галактион и Оля успели обвенчаться, так что мамины старания оказались напрасными. Новоиспечённый муж Оли поехал вместе с женой и несколько месяцев прожил в Москве.

4.

В начале 1917-го у Миши⁴ и Кати родился сын Гиви. Галактион Табидзе в связи с этим писал своей жене в Москву:

Оля, только что был у ваших, Миша здесь. У Кати сын. Зашёл к вам, и меня сразу же встретил Миша. Миша спрашивает в комнате — Катя, можно ли к тебе? Я зашёл, я ничего не знал, Миша говорит, поздравь её. Я её поздравил, немножко у них побыл, так как меня ждал фазтон. Передали мне твоё письмо. Всё узнаю и завтра напишу. Где карточка Тиде? Мани⁵ не было дома, наверное, её потеряли [имеется в виду фотокарточка — *М. Г.*]. Очень хороший народ все твои родственники. Катя стала нежнее польской пани, а значит, стала нежнее всего. Катя лежала в то время, когда я туда пришёл. Сегод-

⁴ Друзья меня часто упрекают в излишне фамильярном отношении к моим героям. Так, говорят, ты и Александра Македонского скоро Сашей назовёшь. В своё оправдание могу сказать, что это я не специально, это у них в Грузии так принято. Там вообще отчества нет, — так они ещё умудряются уменьшительно-ласкательный вариант имени сделать главным. У Оли Окуджава даже официальное имя звучит как Олия, но никак не Ольга. А чтобы кто-нибудь в разговоре назвал дядю поэта Колю Окуджава Николаем, я просто ни разу не слышал. Коля он — и всё тут! Это совсем не значит, что о нём говорит кто-то близкий или фамильярный. Поэтому я в большом затруднении. Ну ладно, Гиви Михайлович или Важа Михайлович — наши современники, но и отца их Мишу никто в жизни Степановичем не назвал! И если я напишу так, это будет не то чтобы неправда, а как-то фальшиво, неестественно, как мне кажется. Из-за этой грузинской особенности однажды случилась ошибка, которую можно было бы считать даже забавной, если бы не обстоятельства, ей сопутствующие. В докладе Молотова по поводу разоблачения троцкистских шпионов, растиражированном всеми газетами, отец Булата Окуджава именуется Шалико-Окуджава. Видимо, Вячеслав Михайлович, услышав разговор своих подельников Сталина и Берия, что-нибудь вроде: «— Ну что, Шалико Окуджава шлёпнем? — Давай!», решил, что это фамилия такая (тогда грузин уважали и на свой лад фамилии их не склоняли). Ну, откуда ему было знать, что Шалико — это так сына мама ласково звала? И не только мама, но и друзья, и вообще все земляки. Даже когда на приказ о расстреле резолюцию ставили. — *М. Г.*

⁵ Оля писала письма Галактиону по-русски, а он ей по-грузински. *Тиде* — Тициан Табидзе, двоюродный брат Галактиона; *Маня* — Мария Окуджава, сестра Михаила. — *М. Г.*

*Натела Михайловна
и Гиви Михайлович
Окуджава, <1928>.
Архив В. Ш. Окуджава*

ня утром послал тебе письма. Кто его знает, приеду ли я в Москву. Не жалея для себя ничего, будь здорова, живи. До свидания, твой Гал⁶.

Рождение сына несколько не остепенило, не образумило молодых родителей — они продолжают свою подпольную деятельность и, естественно, подвергаются гонениям при всех режимах, пока, наконец, в 1921 году, не без их активного участия, в Грузии не воцарилась большевистская власть. Сразу же они переезжают в Тифлис⁷, и Михаил входит в новое правительство наркомом продовольствия. Очень скоро он становится секретарём ЦК компартии Грузии, то есть первым человеком в партии. (Тогда не было на местах первых или вторых секретарей компартии, секретарь ЦК был единственным. Это не означало, что он — главный человек в республике, просто он был главным партийным функционером). Катя не отстаёт от него и сначала возглавляет женотдел ЦК КП Грузии, а потом становится заместителем наркома здравоохранения.

С собой в Тифлис Михаил забирает всю свою большую семью: маму, братьев и сестру Олю с Галактионом, который к этому времени уже достиг высокого признания: на поэтичес-

⁶ Здесь и далее: Из воспоминаний В. Киквадзе: [Рукопись из арх. авт.]

⁷ *Тифлис* — название Тбилиси до 1936 года.

*Сестра и брат
Ольга Степановна
и Николай Степанович
Окуджава, <1908>.
Собрание Литмузея Грузии*

ком состязании в 1921 году за стихотворение «Поэзия прежде всего» он был признан «королём поэтов».

...О друзья, лишь поэзия прежде, чем вы,
Прежде времени, прежде меня самого,
Прежде первой любви, прежде первой травы,
Прежде первого снега и прежде всего.

Наши души белеют белее, чем снег.
Занимается день у окна моего,
И приходит поэзия прежде, чем свет,
Прежде Светицховели и прежде всего.

Что же, город мой милый, на ласку ты скуп?
Лишь последнего жду я венка твоего,
И уже заклинанья срываются с губ:
Жизнь и Смерть и Поэзия — прежде всего.

(Перевод Беллы Ахмадулиной)

Так что вся семья на большом подъёме. Братья Михаила, Николай и Шалва, тоже начинают головокружительную карьеру и тоже перебираются в Тифлис.

В Кутаисе остались только отец и самый младший из сыновей, Вася. Вася Белый, как его прозвали в семье, чтобы не путать с двоюродным братом, Васей Киквадзе, которого соответственно окрестили Чёрным. Вася Белый ещё был гимназистом, и решено было не дёргать его до конца учёбы.

5.

Но недолго продолжалась их счастливая пора. Очень скоро после переезда в Тифлис Катя заболела и умерла от воспаления лёгких. Похоронили её на родине, в селении Бакисубани под Кутаисом. Её сыну Гиви в то время было всего пять лет. И вот Вера, Катина сестра, тоже поехала в Тифлис — надо было кому-то смотреть за Гиви. С этого времени и на всю жизнь мамой для Гиви стала Вера Владимировна, Верочка — как все её звали тогда, да и теперь зовут, спустя почти сто лет.

В Тифлисе Михаил получил для себя и своих родных большую квартиру в красивом старом доме № 9 на недавно переименованной улице Паскевича. Теперь она называлась именем старшего товарища и соратника Михаила — Филиппа Махарадзе.

Двоюродный брат Гиви Отар⁸:

— Это была очень большая квартира, даже две очень больших квартиры, одна над другой. На втором этаже было три огромных комнаты. Среднюю, самую большую, занимал сам Михаил Степанович, две другие занимали Мишина мама и Галактион с Олей.

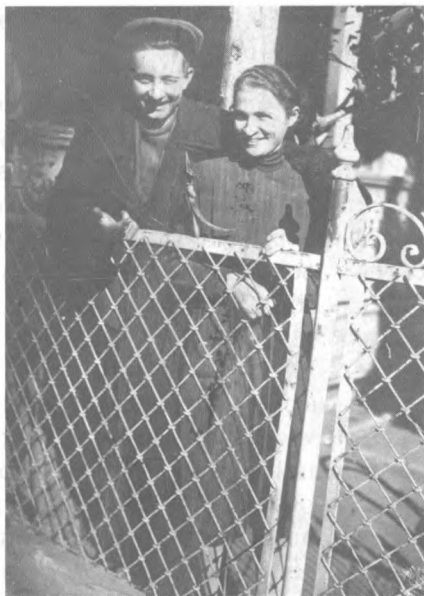
Там же, у мамы, жил и старший брат Михаила Владимир. Вернувшись после февральской революции из Швейцарии, он отошёл от всякой революционной деятельности и люто возненавидел большевиков. Это, однако, не мешало всем родственникам жить дружно. Старшие братья дома о политике старались не говорить. Все любили друг друга, Лизико давно смирилась с непутёвым зятем. В конце концов, он ведь не дебошир был какой-нибудь, а просто тихий пьяница и вообще добрый человек. Она мужа своего всю жизнь жалела по той же причине, а теперь появился ещё один, кого надо было жалеть.

Позже Ольга с мужем переехали в собственную квартиру на улице Жореса.

Через много лет в телевизионной передаче о Галактионе Табидзе Гиви Михайлович Окуджава вспоминал, как они жили вместе: «Галактиона я не просто уважал, а считал его своим старшим другом»⁹.

⁸ Дзимиштаршвили Отар Джумберович (о нём речь впереди). Здесь и далее использованы материалы личных бесед автора с ним, а также с Арчилом Окуджава, Важей Окуджава, Нателой Окуджава, Натальей Александровной Окуджава, Натальей Гивиевной Окуджава и Эллой Викторовной Дейнеко.

⁹ Телепередача о Галактионе Табидзе и Ольге Окуджава была показана 30 апреля 1979 года по грузинскому телевидению.

*Вера Халваши
(Дзимистаришвили)
со своим приёмным сыном
Гиви Окуджава.
Архив О. Д. Дзимистаришвили*

Однажды, когда Галактион сидел за своим столом и что-то писал, покуривая трубку, Гиви, дождавшись, когда он отвернётся, подкрался незаметно и стащил у него эту трубку. Закрывшись в своей комнате и стал курить. «Галактион не рассердился на меня, а только повернулся в сторону той комнаты и сказал: “Слушай, если нас кто-нибудь заметит с этой трубкой, то нас обоих отшлёпают”», — рассказывал Гиви всё в той же телевизионной передаче¹⁰.

Вера со своей мамой Федосьей жили в квартире на первом этаже, в огромной комнате. Ещё одну комнату там занимал посторонний жилец, какой-то сотрудник райсовета.

— Был ещё большой балкон, застеклённую часть которого мы использовали как кухню. Пройдя через неё, можно было попасть в туалет, который был общим на весь первый этаж, — вспоминает сын Веры Отар.

Свою личную жизнь Вера устроила поздно. У неё была давняя, ещё гимназическая любовь с Джумбером Дзимистаришвили. Но в молодости не сложилось — он ушёл в армию, на первую мировую войну. С войны вернулся инвалидом, одна нога у него стала короче другой. Только в 1928 году они поженились. Джум-

¹⁰ Там же.

беру тогда было сорок, а Вере тридцать шесть. В 1929-м у них родился сын Отар.

...Гиви было выделено место на втором этаже, но большую часть времени он проводил внизу, у Веры, а с появлением в доме Нины, новой жены Михаила, он и совсем переехал вниз. То есть, к моменту рождения Отара он давно уже жил внизу, в семье Веры. Не удивительно, что, хоть Отар и был младше своего двоюродного брата Гиви на двенадцать лет, выросли они как родные братья.

6.

За несколько лет до появления Отара оборвалась последняя ниточка, что связывала всех Окуджава с Кутаисом. Отец, остававшийся там практически один, был совсем плох. Вследствие многолетнего пристрастия к алкоголю он находился в тяжёлой депрессии. Младший сын его Василий, единственный, кто находился сейчас рядом с отцом, стал бить тревогу, и Елизавета Павловна поехала к мужу, чтобы забрать его в Тифлис. Но Степан и слышать об этом не хотел.

Это был уже 1925 год¹¹. Михаила ещё три года тому назад обвинили в «национал-уклонизме» и сняли с поста секретаря ЦК. Теперь должность у него была куда менее заметной, а потом наступит время, когда он лишится и этой должности, и вообще свободы.

Степан Васильевич очень переживал за судьбу своих сыновей, — видимо, чувствовал, какие тучи сгущаются над их головами, и всё время горевал, ожидая худшего.

Но накануне своего последнего дня он был спокоен и деловит. Купил дрова, кукурузу, муку, вино, сыр — всё, что требуется для похорон и поминок...

Вот что рассказывала в 1980 году одна из дочерей Степана Мария Окуджава, в то время тоже жившая в Тифлисе:

Кажется, мама позвонила Мише из Кутаиса, да-да, наверняка мама позвонила. Сказала, что, мол, отец очень плох, приезжай. Миша тут же собрался и поехал. Раньше мама писала, что отец по ночам встаёт и прощается с фотографиями. Миша приехал утром на поезде. Отец, как только увидел его, сразу побежал и прыгнул с Красного моста в Риони¹².

¹¹ В романе «Упразднённый театр» Булат Окуджава ошибочно называет год смерти своего деда — 1916-й.

¹² Цит. по: *Зарнадзе Г.* Указ. соч.

*«Любимой маме от Ашхен
и бабушке от маленьких внучат.
Гиви, Кукуля и Дориан.
Лето 1924 года, Абастуман».*
*Тогда ещё Булата
звали Дорианом.*
Архив Н. Н. Окуджава

Видимо, Степан испугался, что сын ему помешает совершить задуманное...

Его похоронили на Огаскурском кладбище возле церкви.

Теперь не было никакого смысла оставаться в Кутаисе и Василию, и его перевели в гимназию в Тифлисе. Всё, что оставалось ещё в их старом доме, перевезли в Тифлис, и на этом кутаисская часть истории семьи Окуджава закончилась.

7.

В том же 1925 году Михаил после трёхлетнего вдовства встретил Нину Модебадзе.

Михаил сам был очень способным, даже талантливым человеком (ещё в гимназии педагоги ему сулили большое будущее), и подобные же люди попадали в его окружение. Под стать ему была первая жена, Катя Халваши. И Нина тоже оказалась очень умной и образованной женщиной.

Нина вышла замуж за Михаила в тяжёлый период его жизни. Собственно, предшествующий взлёт его был коротким: в том же 1922 году, когда он переехал в Тифлис, он и его товарищи по ЦК компартии Грузии вступили в противоборство со Сталиным по вопросу о вхождении Грузии в Советский Со-

юз, за что были заклеены как национал-уклонисты и сняты со своих должностей.

После этого в 1923 году Михаил Окуджава был назначен ректором Закавказского коммунистического университета. Но, разумеется, на этом неприятности не закончились. Новый хозяин новой страны, только что созданного Советского Союза, был очень труслив и мстителен. Он всё время боялся, что власть, перехваченная им с таким трудом, кознями и интригами, будет у него отнята, и, ни на минуту не забывая о старых своих врагах, всё время выискивал новых и новых. А со старыми начал разбираться значительно раньше 1937 года. В первую ссылку Михаил и Николай Окуджава были отправлены ещё в 1927 году. Но это были ещё цветочки — тогда их сослали ненадолго в тихий, спокойный городок Камышин на Волге.

Вернувшись на родину, они недолго побыли дома и уже в декабре 1929 года снова были отправлены в ссылку — в Среднюю Азию, в Самарканд. Теперь и сестра Оля поехала с ними — число врагов вождя множилось. Жена Коли Нина Гвахария, ещё недавно бывшая заместителем министра образования Грузии, тоже должна была ехать в ссылку, но она болела — что-то с сердцем, и ей разрешили остаться (тогда и такое ещё было возможно). Провожать их пришли Вера Халваши, её мама Федосья, Галактион с букетом цветов, Вася Киквадзе. Из Дидубе приехали двоюродные сёстры Маруся и Эля Окуджава¹³.

«Особенную тревогу вызывало плохое состояние здоровья Оли Окуджава», — вспоминал Вася Чёрный.

Тяжело было расставаться Мише с сыном. Он всё повторял: «Гиви, слушайся бабушку Федосью и тётю Веру»...

8.

В Самарканде Миша заболел. 20 июля 1930 года Коля в письме матери сообщал:

Миша стал болеть малярией. По совету врачей необходимо переместить место жительства. Пусть Маня добьётся свидания с Орджоникидзе и скажет, что болезнь прогрессирует и необходимо ускорить выезд. Мане надо продумать встречу с Орджоникидзе, желательно, чтобы встреча состоялась на квартире. Кланяюсь всем. Посылаю привет и наилучшие пожелания Максиму и Макрине Киквадзе, а так-

¹³ Дидубе — тогда окраина Тифлиса. Сёстры Маруся и Эля Окуджава — дочери Николая Васильевича, родного брата Степана.

*Жена Николая Степановича
Окуджава Нина Гвахария и сын
Николай (Кукуля), <1917>.
Фото из семейного архива
Н. Н. Окуджава*

же Епифану и Федосье Георгадзе. Гозинаки приготовления Макрины были чудесными. Дорогая мама! О нас не беспокойся, береги себя»¹⁴.

Маня Окуджава, единственная из их семьи не репрессированная, уже несколько лет жила в Москве, поэтому на неё легли хлопоты за Мишу. Она встретила со своим двоюродным братом Гоги Киквадзе, который учился в то время в Москве, и вместе они составили заявление от Михаила на имя Серго. Молоденькая секретарша, прочитав заявление, сказала: «Оставьте, я передам вместе с почтой». Мария стала упрашивать её доложить о ней прямо сейчас, но тут открылась дверь кабинета, и оттуда вышел сам Орджоникидзе. Она бросилась к нему и по-грузински изложила просьбу. Он посмотрел на неё и тоже по-грузински спросил: «Которая ты по счёту в семье Окуджава?» Прочитав заявление, сказал: «Это я сделаю».

Через несколько дней Михаил был отправлен в Камышин, где ему уже доводилось однажды отбывать ссылку. 10 октября 1930 года его там навестила жена.

Вернувшись в Тифлис, Нина рассказывала родственникам об этой поездке:

¹⁴ Цитируется по воспоминаниям В. Киквадзе.

Вначале я заехала в Москву и гостила у Мани, где мы говорили о наших семейных делах. Маня достала билеты в Большой театр на «Лебединое озеро». Встреча в Камышине была трогательной. Миша страшно скучал по дочери Нателе. Детей я оставила на попечение своей сестры Людмилы, она должна была увезти их в деревню. Камышин славится арбузами, овощами, и мы наедались досыта. Хина, что я привезла, оказалась ненужной. Миша совершенно не чувствовал малярию. Если первые месяцы она давала о себе знать, то к моему приезду всё было хорошо. Миша много читал Достоевского и собирался приступить к чтению Толстого. Из разговоров я поняла, что вырабатывается новая политическая платформа, которая даёт возможность вернуться в партию, сохраняя старые политические взгляды. Семнадцать дней, что я оставалась в Камышине, были самыми счастливыми в моей жизни. На обратном пути я снова заехала к Мане Окуджава, и нашим разговорам не было конца. Гоги нас пригласил в Большой театр на «Кармен». Муж Мани Окуджава Алёша Костин мне очень понравился. Все они провожали меня и были внимательны¹⁵.

9.

Из второй ссылки братья и сестра вернулись в октябре 1932 года. Сердечная болезнь жены Коли не была придумкой ради того, чтобы не ехать в ссылку: она умерла, едва дождавшись мужа. Нине Окуджава (Гвахария) было всего тридцать семь лет. «С меня при цифре 37 в момент слетает хмель», — сказал поэт. Может быть, действительно это какая-то роковая цифра? Вот и отцу Булата было всего тридцать семь, когда его убили. Или это просто наш менталитет подсказывает искать причины в нумерологии?

В Грузии уже вовсю набирал обороты новый хозяин — Лаврентий. Время «гуманного» отношения к врагам заканчивалось. Николаю сразу было запрещено оставаться в Грузии, и он уехал в Москву, где уже в следующем году был арестован и через год расстрелян.

А Михаила оставили в Тбилиси. Берия назначил его заместителем председателя Закавказского Госплана.

Забрали его в 1936 году.

...Михаил с Ниной прожили вместе недолго: если вычесть время ссылок, то и восьми лет не наберётся. За это время у них родились дочь Натела и сыновья Арчил и Важа. Дети были совсем маленькими, когда остались без родителей. Старшему было десять, младшему — шесть. Елизавете Павловне посчастливи-

¹⁵ Записал по памяти В. Киквадзе (Там же).

лось не увидеть тех ужасов, что ожидали её многочисленных детей, она умерла 4 апреля 1935-го. Бабушку Лизу похоронили на Вакинском кладбище в Тифлисе. Собралось очень много народу, были все дети Елизаветы, кроме, — естественно, — Николая, который, как тогда думали родные, был жив, но находился в заключении в Москве, и, — неестественно, — Шалвы, который, находясь в Нижнем Тагиле, не смог или не захотел приехать. Не захотеть тоже были веские причины: на похороны соберётся весь цвет оппозиции, противники Сталина, взглядов которых он не разделял, в том числе родные его братья. Общение с таким количеством неблагонадёжных не могло пройти бесследно для человека, занимающего такой ответственный пост, какой занимал Шалва в Нижнем Тагиле. Да что там пост, это было просто физически опасно для любого человека. И вообще приезжать в Грузию, где воевал царствовал Берия, Шалве было опасно — после того, как он резко выступил против прихода Лаврентия к власти в 1932 году и, проиграв, вынужден был фактически бежать в Россию.

А у Миши к моменту его ареста должность была уже значительно скромнее, чем у братишки Шалико, — он был директором Научно-исследовательского института пищевой промышленности Грузии. Поэтому одним из вороха бредовых обвинений против него было и такое: он, будто бы, целенаправленно заражал бактериями ботулизма консервы.

Вслед за Михаилом была арестована Вера. Отар Дзимистаришвили хорошо запомнил этот день:

— В конце октября ночью пришли несколько человек, разбудили весь дом, всё перевернули вверх дном и маму увели. Нашли какие-то книги, в частности, один или два тома Плеханова — это было почему-то предосудительно, хотя в центре Тбилиси был Плехановский проспект.

Вера не была близкой родственницей, она была лишь сестрой первой жены Михаила, и потому её не должны были взять, тем более так скоро, и тем более что 1936 год был ещё вполне «вегетарианским». Но кто-то «настучал», что неспроста она живёт в доме Михаила, — наверное, помощница, правая рука в контрреволюционной деятельности.

Вера потом, на очной ставке, видела того, кто на неё «настучал», и, вернувшись через десять лет, сказала Отару, что знает виновника своего ареста, но, несмотря на многолетние уговоры сына, так и не назвала его имени. Говорила: «У этого человека

растут хорошие дети, и я не хочу, чтобы им было неприятно. Я-то вернулась живая, а этот человек вскоре после меня сам был арестован, и говорят, что его забили насмерть».

Отар Джумберович рассказывал:

— Помню, пару раз бабушка водила меня к маме в тюрьму на свидание, отца на всякий случай не пускали туда, чтобы «не дразнить гусей». Помню, оба раза мама мне дарила подарки, кто-то из арестантов вылепил ей для меня сначала арбу из хлебного мякиша, а потом комплект шахматных фигурок.

А вообще Вере здорово повезло (если арест можно назвать везением), что её взяли уже в 1936-м. Тогда страшный террор только начинался, ей дали десять лет и забыли о ней. Будь это годом позже, всё могло сложиться гораздо страшней. Ещё не было пыток, ещё было какое-то подобие суда, и суд даже вернул дело на доследование, не вынеся обвинительного приговора за недостаточностью улик. Она, воодушевлённая, вернулась в камеру и ждала — вот сейчас её отпустят, вещички собирала. Но ждать пришлось недолго — дверь открылась, ей протянули какую-то бумажку: «Распишитесь». Это был приговор на десять лет.

Её повезли в товарном вагоне в Кировскую область, на лесоповал. И опять ей повезло — она попала в новый лагерь в самом начале его организации. Делать поначалу было нечего, она от скуки забрела в медсанчасть, стала что-то там помогать, да так и осталась при медсанчасти. Научилась делать уколы и стала медсестрой.

Вернулась Вера в 1946 году, и больше её не трогали. И это тоже, наверное, было следствием того, что её забрали в 1936-м. Ведь тех, кого брали через год, впоследствии, в 1949-м, уже освободившихся, практически всех снова арестовали. Наверное, автоматически доставали из архива все дела, начиная с 1937-го, и вписывали новый приговор.

Отец Отара чудом спасся. Он работал в Закавказском научно-исследовательском институте животноводства экономистом. Ему могли припомнить очень многое, в том числе офицерство в царской армии и даже награждение его Георгиевским крестом. Но директор института был его близким другом.

Отар рассказывал:

— Незадолго до событий он вызвал отца к себе и говорит: «Джумбер, надо тебе спрятаться». И написал приказ об увольнении. И отец, старший научный сотрудник института, пошёл ра-

*Нина Модебадзе,
Гиви, Натела,
Михаил
и Владимир
Окуджава,
<1927–1929>.
Архив
Н. М. Окуджава*

ботать счетоводом в винный погреб. О нём забыли, и так он спасся. А из тех, кто остался в институте, многие впоследствии погибли. В его институтском рабочем кабинете, кроме него, сидели ещё семь человек — и все они были расстреляны. И друга его, директора института, тоже не миновала эта чаша.

В том же 1936-м арестовали и Олю Окуджава. Расстреляли её 11 сентября 1941 года в числе ста пятидесяти семи «особо опасных» узников Орловской тюрьмы. Среди них были и Христиан Раковский, и Мария Спиридонова, и Ольга Каменева. Немцы наступали, заключённых должны были эвакуировать, и Сталин с Берия решили избавиться от этих личных своих врагов окончательно, раз и навсегда.

Как это происходило, рассказывал в 1989 году один из палачей, бывший начальник УНКВД по Орловской области К. Ф. Фирсанов:

Они препровождались в особую комнату, где специально подобранные лица из числа личного состава тюрьмы вкладывали в рот осуждённому матерчатый кляп, завязывали его тряпкой, чтобы он не мог его вытолкнуть, и после этого объявляли о том, что он приговорён к высшей мере наказания — расстрелу. После этого приговорённого под руки выводили во двор тюрьмы и сажали в крытую машину с пуленепробиваемыми бортами...¹⁶

А потом несчастных вывозили и расстреливали в десяти километрах от города, в Медведевском лесу.

¹⁶ Постановление о прекращении уголовного дела Управления Главной военной прокуратуры по реабилитации от 12 апреля 1990 г. (www.perpetrator2004.narod.ru/documents/Show_Trials/Orlov_Prison_Shooting.doc: 12.06.08).

Ольга Окуджава до последнего дня беспокоилась о своём любимом, остававшемся на свободе Галактионе, и подбадривала его в своих письмах:

Тбилиси, наверное, теперь утопает в зелени, цветах... Солнце заполнило и нашу комнату, где некогда жила и я: лучи солнца золотили всю стену узорами. Да будет тебе, Галактион, лучезарное солнце на радость! И мне хочется быть дома, хочется знать, как ты живёшь, и всякая мелочь меня интересует¹⁷.

И только иногда она не могла справиться со своим отчаянием:

Ах, как хочется быть птицей, чтобы опуститься у порога родного дома и хотя бы краешком глаза сквозь кружево занавески заглянуть к тебе...

15 января 1937 года власти, не дожидаясь окончания следствия и судебного приговора по делу Михаила Окуджава, приказали его семье в трёхдневный срок освободить квартиру. Собрались наскоро, почти ничего не взяли с собой, даже детские вещи оставили — бабушка сказала, что ничего нельзя трогать.

10.

В 1936 году Гиви учится на первом курсе Политехнического института. После ареста отца однокурсники перестают с ним здороваться. Был у него один близкий друг, так и с ним они сейчас в ссоре: ещё до ареста отца у них произошёл конфликт, причём неправ был Гиви. О чём они спорили, неизвестно, но в пылу ссоры он крикнул: «Мой отец членом ЦК был, а твой сапожником!» Они даже подрались тогда...

И вот теперь сидит он дома один, все о нём забыли. Вдруг слышит — с улицы зовёт кто-то: «Гиви! Гиви!» Выглянул в окно, а это тот самый друг, которого он обидел. «Пойдём, — говорит, — к нам, у меня мама хорошие обеды готовит»...

Вскоре Гиви вовсе отчислили из института. Бабушка Федосья не могла понять — как это так, за что? И заставляла идти хлопотать о восстановлении.

Но он решил уехать от греха подальше из Грузии. Благо было куда: в Донецкой области директором крупного металлургического комбината работал Георгий Гвахария, брат покойной жены Коли Окуджава, родного дяди Гиви. Сына самого дяди Коли, Кукулю, уже три года как оставшегося без родителей, тоже ничто не держало в Тбилиси. И двоюродные братья поеха-

¹⁷ Копии писем О. Окуджава подарены автору Иосифом Раскиным, который получил их от Игоря Окуджава.

*Справка
об освобождении
Гиви. Архив семьи*

ли вместе. Дядя Георгий принял племянников хорошо, устроил на работу. В Макеевке они прожили довольно долго и остались бы, глядишь, насовсем, тем более что Гиви встретил и полюбил там девушку, Аню Овсянникову. Но неожиданно дядю Георгия арестовали, и пришлось братьям оттуда поспешно уносить ноги — обратно в Тбилиси.

Вскоре к Гиви в Тбилиси приехала и Аня из Макеевки. Они поженились.

Бабушка Федосья продолжала пилить внука: иди, мол, попробуй восстановиться в институте, объясни им, что сын за отца не отвечает. Пилила, пилила, ну, он и пошёл. И его арестовали прямо в институте. Федосья Тариеловна когда-то, ещё до революции, ходила на свидания с Мишей Окуджава в Кутаисскую тюрьму, потом к дочери Вере, и вот теперь очередь внука пришла.

Сначала Гиви обвиняли только в доносительстве, но потом, при обыске, нашли старый отцовский пистолет, который в прошлый раз не заметили. Начались допросы. Требовали, чтобы он сознался, а он не знал, в чём. Следовательно заставлял его делать по девятьсот приседаний, а когда Гиви терял сознание, его обливали холодной водой, и всё начиналось сначала. Держали в тёмной одиночке — ничего не видно, ничего не слышно...

Он рассказывал потом, что был на грани сумасшествия, не понимал, что происходит. И всегда повторял, что его спас человек из соседней камеры.

Сидел Гиви в своей одиночке в полном отчаянии и вдруг услышал, что в стену кто-то стучит. И голос: «Студент, студент, я Мамед-баянист». Был в Тбилиси такой известный баянист, на свадьбах играл. И стал он Гиви говорить: ты не волнуйся, мол, завтра тебя в бане помоют, потом то будет, потом это, а потом тебя отпустят. И всё произошло, как обещал Мамед, — кроме последнего. Но Гиви уже успокоился.

26 марта 1939 года его осудили на пять лет по двум статьям — за недоносительство и за хранение оружия.

Жена его Аня осталась одна. Она ждала ребёнка. Но от потрясений что-то пошло не так, и родившийся мальчик вскоре умер.

11.

После ареста Михаила Нина, оставшись с тремя детьми на руках, была совершенно подавлена. Теперь они жили в маленькой комнатке на Лермонтова, 22. Дети спали, где придётся: один под столом, другой на столе, третий на буфете. Уже начался страшный 1937 год, и ей бы сидеть тихо, не высовываться, но она всё пыталась что-то сделать, чтобы вызволить мужа. Просила оставшихся на свободе друзей Михаила помочь ему, но с каждым днём их становилось всё меньше — их тоже забирали одного за другим. Да и кто отважится помогать? Вон племянник тёти Федосьи, Владимир Мдивани, работавший в НКВД, попробовал выяснить что-то у коллеги о своём родственнике Михаиле Окуджава, когда того только собирались арестовать. Коллега этот, Александр Хазан, тут же доложил начальству, и Владимира Мдивани выгнали из органов, а вскоре арестовали и расстреляли.

Нина не знала, что придумать, чтобы смягчить сердце Берия, и однажды решила даже послать детей к нему на приём. Долго репетировали: как подойти, как поздороваться, как поговорить... Дядя Лаврентий, конечно, пожалеет их... Приободрит добрым словом, что-нибудь придумает...

И они втроём пошли к нему — Натела, Арчил и Важа.

Подошли к дому, позвонили, охранник велел подождать. Долго ждали. Через стеклянную дверь видно было, как кто-то пошёл докладывать, потом вернулся. Наконец дверь открылась, вышел охранник и грубо велел им убираться отсюда, пока целы.

Зря только репетировали.

Так ничего и не добившись, Нина увезла детей на лето в деревню в Чиатурском районе. Каждое лето они проводили здесь, и дети очень любили этот дом, всегда с нетерпением ждали поездки.

Это был старый родительский дом Нины. И Нина, и сёстры её Анна и Людмила родились здесь. Здесь впервые они пошли в школу, здесь прошла их юность. Дом был крепкий, добротный, в два этажа, он и теперь ещё стоит, и дети Михаила Окуджава и Нины, внуки их и правнуки бережно за ним ухаживают.

...Но тогда совсем с другим настроением ехали они сюда. Нина, как могла, пыталась скрыть тревогу от детей, но у неё это с трудом получалось, и они, маленькие, тоже что-то чувствовали и вели себя тихо, старались не шуметь. 9 июля Верховный суд Грузии за один день в закрытом заседании рассмотрел дело Б. Мдивани, М. Окуджава, М. Торошелидзе, Г. Курулова, С. Чихладзе, Г. Элиава и Н. Карцивадзе. Дело рассматривалось в соответствии с декретом от 1 декабря 1934 года, то есть без защитников, без права апелляции и с немедленным приведением приговора в исполнение.

Подсудимые были обвинены в «шпионской, вредительской и диверсионной работе», которую они вели «в пользу фашистских кругов одного иностранного государства», и в «подготовке террористических актов», о чём и было сообщено в газете «Заря Востока» на другой день.

А уже в следующем номере «Зари Востока» вся первая страница была отдана требованиям трудящихся — расстрелять осуждённых. На последней же, в «Хронике», мелькнуло маленькое сообщение о том, что приговор приведён в исполнение ещё накануне.

Газету принесли Нине.

Вспоминает Арчил Окуджава, которому тогда было девять лет:

— Я хорошо помню тот день, когда ей сообщили, что отца расстреляли. Она как будто окаменела. И абсолютно никакой реакции. Несколько минут она сидела и ничего не говорила. Потом собралась с силами, вспомнив о нас, и стала говорить, что надо сделать то-то и то-то.

И только бабушка Мария, мать Нины, не могла справиться с собой и кричала что-то страшным голосом...

В доме рядом жил очень милый сосед, известный учёный, винодел и балагур. Добрый человек, сердечный, всегда хорошо относился к ним, часто заходил в гости. Его с домом Нины

разделяла только проволочная ограда, и соседи могли видеть, что творится друг у друга. У него всегда было много народа — молодёжь, комсомольцы.

А в тот день, когда принесли газету, было особенно многолюдно. Оказывается, сосед, узнав о новости в газете, специально собрал гостей, чтобы вместе посмотреть, какая будет реакция за забором, — повеселиться.

Гости времени даром не теряли, совмещали приятное с полезным, и через несколько дней вышел очередной номер местной, чиатурской, газеты — с заметкой о том, что и как происходило в семье соседей, узнавших, что их отца и мужа расстреляли. Нашлось там место и бабушке Марии: газета писала, что жена бывшего священника впала в истерику, узнав о судьбе её зятя, врага народа.

12.

А ещё через несколько дней, ночью, пришли за самой Ниной. Конечно, обыск. Перебудили детей. Напуганные, они смотрели, как чекисты наскоро перетряхивают книги и бросают их на пол. Кроме книг, в доме ничего почти и не было. Отец Нины, Иоаким Модебадзе, в прежние времена действительно был священником. В совершенстве владел русским языком, латынью, греческим. Интеллигентом был.

Не найдя ничего, чекисты закончили обыск и приказали Нине собираться. Но она вдруг решительно отказалась — не с кем оставить детей. Дело в том, что бабушка Мария накануне уехала в Тбилиси, узнав, что там арестована другая её дочь, Анна. «Вот вернётся мать, и я готова ехать с вами», — сказала Нина. Чекисты молодые попались, растерялись — что делать? Конечно, угрожали, кричали, дети на всё это со страхом смотрели, но Нина стояла на своём: «Сейчас дам телеграмму матери, она приедет, и я поеду с вами». В конце концов решено было оставить одного из чекистов, самого молодого, с винтовкой, чтобы он доставил Нину, когда бабушка вернётся, а остальные уехали.

Ночь ещё не кончилась, и надо было ложиться спать. Нина предложила конвоиру лечь в доме: на улице прохладно — горы. Но тот отказался. Вышел во двор и лёг спать прямо на траву.

На следующий день бабушка приехала. С детьми Нина попрощалась спокойно, утешала их:

— Поймут, что я ни при чём, и отпустят.

Дети поверили.

*Последний
снимок.
Нина Модебадзе
со своими
детьми Важей,
Арчилом
и Нателой
Окуджава,
<1936–1937>.
Архив
А. М. Окуджава*

...Арчил Михайлович говорит совсем тихо. Он очень болен, шея его не держит голову, и голова безжизненно клонится к земле. Из-за этого он смотрит на меня как бы исподлобья. Но голос ровный и бесстрастный:

— Легко было нас убедить. И каждое утро мы выходили и смотрели на дорогу, ждали маму. Каждое утро.

Слушать это дальше становится невыносимо, и я пытаюсь увести его рассказ дальше, вперёд:

— Арчил Михайлович, а когда вы узнали, что мама уже не вернётся?..

— Нет, мы всё время надеялись. И в военные годы, и после. Мы были уверены, что она вернётся — вот сейчас откроется дверь, и она войдёт...

Он замолкает надолго, и я тоже не могу больше ни о чём спрашивать. Помолчав, он продолжает:

— А потом стала просачиваться информация через родственников заключённых, какие-то обрывки. Насколько это соответствовало истине, я не могу сказать. При такой передаче всё искажается. Но, видимо, было так: её там пытали, избивали очень сильно, а потом расстреляли. Одна из заключённых, которая вернулась, рассказывала много лет спустя, что сидела с ней вместе. Она вспоминала, как маму взяли на допрос, а когда вернули в камеру, она была настолько избитая и отёкшая, что её невозможно было узнать...

Всё-таки нужно сменить тему, и я перевожу разговор на детей Арчила Михайловича. Оказывается, его дочь — кандидат медицинских наук, кардиолог, кандидатскую защищала в Москве.

Часто бывала тогда у своего дяди Булата в Переделкине. И вообще — не только дети, но и все внуки Михаила Степановича выросли достойными людьми, защитили кандидатские и докторские диссертации, стали выдающимися специалистами.

13.

...Лето заканчивалось, мама так и не приехала, и дети возвратились в Тбилиси. Вместе с ними туда уехали бабушка и Людмила, мамина сестра. Надо было кому-то заботиться о детях, и пришлось Людмиле взять эту ношу на себя. Её муж тоже был арестован, а может, уже и расстрелян, и теперь она и племянники должны были как-то скрашивать жизнь друг другу. Повторилась история с Гиви — тёте пришлось заменить маму.

Людмила, как и её сестра Нина, была очень умной и талантливой женщиной. Она блестяще закончила аспирантуру в Ленинграде, защитилась, но вот теперь, вернувшись в Грузию, вместо научной работы должна была думать о том, как прокормить малолеток и собственную мать. Стала работать врачом в нескольких местах.

Своих детей у Людмилы не было, и она полностью посвятила себя детям Нины. Она должна была стать им матерью, и она ею стала. Всю жизнь они звали её — и до сих пор зовут — не иначе как мама, хотя уж сорок лет нет её на свете. И матерью она стала такой же талантливой, какой была в науке. Мало кому удаётся вырастить таких детей, каких вырастила Людмила Модебадзе, столько им дать, несмотря на тяжелейшее материальное и моральное положение. Иначе как подвигом сделанное ею назвать нельзя.

...Наступила новая жизнь, полная страха и неизвестности. Никакой уверенности в завтрашнем дне, никаких перспектив... Людмила понимала, что бессильна защитить детей от всех зол, какие может преподнести эпоха, и старалась поскорее дать им как можно больше знаний. Она сумела объяснить им, что жизнь их будет суровой и надеяться придётся только на себя. Ей было страшно за них, и детей этот страх тоже не оставлял многие годы. Не только детство было отравлено страхом, но и юность прошла под его гнётом. Арчил вспоминал, что в студенческие годы не курил — боялся, что его отравят через сигареты.

Но страх не сломил потомков Михаила, а закалил их. В каждодневной борьбе за жизнь они победили.

*Людмила Модебадзе.
Из архива В. М. Окуджавы*

В школе они учились отлично. Помимо школьных предметов, Людмила сама обучала их и музыке, и языкам — несколькими сразу, словом, всему тому, что сама знала хорошо. Мало ли что пригодится, поможет выжить, когда они попадут на зону... И дети, надо отдать им должное, росли не только умными, но и старательными и послушными.

Натела окончила консерваторию, а потом ещё и медицинский институт, стала известным учёным в области фтизиатрии, доктором наук.

Учась в консерватории, она познакомилась с двоюродным братом Булатом. Раньше она видела его как-то раз, в начале тридцатых годов, — он с мамой тогда летом приезжал в Тифлис, — но не запомнила его, маленькая была. Теперь же вновь познакомилась с Луизой, племянницей Ашхен Степановны, матери Булата. Двоюродный брат давно уже жил в Тбилиси, но раньше они познакомиться не могли — после случившегося с их родителями они прекратили всякие родственные связи, потому что представляли опасность друг для друга.

Троюродная сестра их, Наталья Окуджавы¹⁸, вспоминала, как году в 1950-м подошла к Арчилу и сказала, что они родственники, но тот ответил, что у него никаких родственников нет. Да что там троюродная сестра! Даже когда Гиви вернулся из лагеря, они не встречались ни с Нателой, ни с Арчилом, ни с Важей. Только после смерти Сталина потихоньку начали снова общаться.

¹⁸ Наталья Александровна Окуджавы — внучка Николая Васильевича, родного брата Степана Васильевича Окуджавы, деда Нателы и Булата.

К слову, о Наталье Окуджава. С Булатом она познакомилась в 1944-м, и притом совершенно случайно. Её отец преподавал в Политехническом институте и летом 1944-го работал в приёмной комиссии. А Ната помогала отцу. И вот пришёл юноша подавать документы на подготовительное отделение, она смотрит — а у него такая же, как у неё, фамилия. Рассказала вечером отцу:

- Папа, к нам однофамилец поступать пришёл.
- А как его зовут?
- Булат. Отчество Шалвович.
- Это не однофамилец, доченька. Это твой брат¹⁹.

...После Натальи — снова о Нателе. Однажды стоит Натела около консерватории, свою преподавательницу ждёт. А окна квартиры, где Булат у тёти Сильвии жил, прямо в консерваторию упирались. И дочь тёти Сильвии Луиза говорит Булату, глядя в окно:

— Смотри, видишь, внизу девушка стоит? Это твоя сестра. Пойдём, познакомлю.

Схватила его за руку и буквально потащила на улицу. Он даже опомниться не успел. Но пока сбегали по подъездной лестнице, успокоился, подошёл к девушке и сказал: «Здравствуй, Натела, я твой брат».

Это был 1945 или 1946 год. Через какое-то время Булат и другого двоюродного брата привёл, Кукулю — познакомить с Нателой. Кукуля тоже окончил институт и работал в Ткибули. К несчастью, очень скоро он погиб там, при аварии в шахте.

14.

Важа школу закончил с золотой медалью. Ему так хорошо давались все предметы, и так они все ему нравились, что после окончания школы перед ним встала трудная проблема — куда идти учиться дальше: и естественные науки его увлекали, и гуманитарные. В конце концов остановил свой выбор на факультете востоковедения Тбилисского университета, на арабском отделении.

Поступив туда, учился не просто отлично, а так, что уже в конце первого курса факультет выдвинул его на Сталинскую

¹⁹ Они потом много встречались. Это её дом упомянут в названии стихотворения «Свет в окне на улице Вахушти».

стипендию. Это был из ряда выходящий случай, обычно эту стипендию давали лучшим студентам только после третьего курса.

В 1950 году старший брат Важи Арчил окончил учёбу и собрался поступать в аспирантуру. И кому, как не Арчилу, отличнику, учиться в аспирантуре? Но его не приняли, прямо сказав, что с его биографией, с его анкетными данными и мечтать об этом нечего.

Вот так, дойдя до третьего курса, Важа увидел, что ожидает его в будущем, и понял, что надо уходить из университета. Не ту он специальность выбрал, совсем не ту. Арчил — физик, и потому при желании везде может заниматься наукой. А на что может рассчитывать Важа, даже с красным дипломом? Только на должность школьного учителя где-нибудь в сельской школе. А он мечтал о научной работе...

Думали они думали с приёмной мамой, что делать. Людмила, сама врач, говорила, что в медицине он всегда сможет заниматься наукой, даже работая простым врачом. (Она и сама в конце концов, несмотря на все жизненные трудности, защитила докторскую диссертацию.) Важу медицина тоже увлекала. Но Людмила беспокоилась — как это он так круто поменяет свою жизнь, оставит университет? И тогда Важа пишет заявление, что по состоянию здоровья не сможет длительное время посещать занятия и просит перевести его на заочное обучение. Заочного отделения в университете не было, но Важа был на таком хорошем счету, что ему разрешили сдавать сессии экстерном. А он тем временем поступил в медицинский институт в Ереване.

Он рассказывал:

— Мама просто поехала туда, обратилась к коллеге-профессору, сказала, что у нас семейные затруднения, и ей надо, чтобы сын выехал из Тбилиси, чтобы он там не учился. Та повела её к ректору, сказала — вот коллега из Грузии, у неё возникли трудности...

Так он и учился, в двух местах одновременно: в Ереване сдаст все экзамены досрочно — едет в Тбилиси. Там тоже сдаёт всё на пятёрки — и едет обратно. Он почти до госэкзаменов дошёл в университете, и тут настал момент, когда нужно было наконец сделать окончательный выбор. В тот год как раз умер Сталин, и можно было надеяться на какие-то радикальные перемены в ближайшем будущем, но медицина уже захватила Важу, он понял, что это его призвание, и без сожаления бросил учёбу в Тбилиси.

*Братья
Булат и Важа
Окуджава,
1979 г.
Из архива
В. М. Окуджава*

Он вернётся ещё сюда — через тридцать лет академик Важа Михайлович Окуджава станет ректором Тбилисского государственного университета.

Он — физиолог, занимается проблемами головного мозга. Академиком стал в тридцать девять лет. Жена Важи — невролог, работа её связана с аналогичными проблемами. Дочь — доктор наук, профессор кафедры неврологии в медицинском университете, вторая дочь — кардиолог. Крупным учёным стал сын Михаил, он тоже невролог, работал и в Москве, и в Германии. Его труды публикуются в престижных научных журналах Америки, Англии, Германии.

15.

Арчил, после того как его не приняли в аспирантуру, пошёл работать в Институт геофизики Академии наук Грузинской ССР и проработал там всю жизнь. И стал доктором наук, одним из ведущих учёных института, много лет заведовал отделом.

Эти Окуджава не только умом незаурядным отличались, но и непреодолимой волей к жизни. Сколько раз от обиды и отчаяния можно было плюнуть на всё и озлобиться, но они упорно тянулись к жизни.

...А Гиви тогда, в свой срок, попал в лагеря на самый край земли, на прииски в Нагаевской бухте. Условия жизни там были совершенно невыносимые. Чудом он остался жив. Когда возвращался с работы, ноги отекали настолько, что не умеща-

*Арчил, Важа
и Натела
Окуджава, 2003.
Фото автора*

Арчил умер
в 2008 году,
Натела —
25 октября
2009-го

лись в валенках и вылезали, как дрожжевое тесто из квашни. Снять размокшие валенки не было никакой возможности, их можно было только разрезать, чтобы освободить изуродованные ноги, но тогда не в чем было бы идти завтра на работу. И он так и спал в них.

Срок Гиви окончился в 1943 году. Но во время войны заключённых не отпускали, и пришлось ещё несколько лет жить там. Жена его Аня, окончив институт, приехала к нему на Колыму. Там у них родилась дочь Наталья.

В Грузию они вернулись только в 1947 году. Когда ехали в поезде, кто-то из пассажиров угостил Наташу яблоком. До этого она яблок никогда не видела, подумала, что это картошка, надкусила яблоко и бросила в недоумении...

Поехали на родину в Кутаиси — жить в больших городах бывшему политзаключённому было запрещено. Только через несколько лет семья Гиви смогла вернуться в Тбилиси. Институт он окончил, когда ему было уже около пятидесяти.

Булат был очень близок с Гиви. Хотя они и не были родными братьями, но между ними было много общего, даже во внешности. Оба были красивы какой-то несуетностью, какой-то аристократичностью. Вторая жена Гиви Элла Дейнеко говорит, что у них были одинаковые руки, одинаковые пальцы, и в разговоре они совершенно одинаково жестикулировали. Оба любили аккуратно одеваться, не терпя при этом галстуков.

Гиви вообще был очень красив — высокий, стройный. На работе по какому-то случаю про него стишок сложили:

Плечи — ровно, грудь — вперёд,
Гордо голову несёт,
Ходит с выправкою бравой
Вечно юный Окуджава.

Он до конца оставался очень жизнелюбивым и добрым человеком. Все, с кем приходилось о нём говорить, вспоминали его с любовью. Люди видели от него только добро, хотя в жизни Гиви повидал много зла. Может, то, что он держал все обиды в себе, а не выплёскивал их на окружающих, и явилось причиной несчастья: в начале семидесятых годов у Гиви случился инфаркт.

Стих в предгорьях Магадана
Лай сторожевых собак,
Но твоя большая рана
Не затянется никак.

Несмотря на очень поздно полученное высшее образование, Гиви быстро стал одним из ведущих специалистов республики, получил звание Заслуженного инженера. Он занимал высокое положение, его прочили на министерские должности. Для этого необходимо было вступить в партию, но на все уговоры Гиви неизменно отвечал:

— Думаю, партийного стажа моего отца вполне достаточно на всех.

Я расспрашиваю Отара Джумберовича:

— Вот вы говорите, что Булат и Гиви были очень похожи и оба не забыли 1937 год, поэтому Гиви не вступал в партию, несмотря на уговоры. А ведь Булат-то всё-таки вступил...

Отар отвечает:

— Я этот съезд двадцатый очень хорошо помню. Такая эйфория была! Я тогда работал в Абастуманской обсерватории, и нас собрали, чтобы ознакомить с докладом Хрущёва о культе личности Сталина. Читал доклад человек с плохим русским языком, всё время запинаясь, и я попросил — давай, я прочитаю.

Какое для меня было счастье читать э т о вслух! То был самый счастливый день в моей жизни, наверное. Эйфория была... Так и Булат — поверил тогда. А вот у Гиви никогда эйфории не было. Он ведь был старше Булата и умудрённей.

Будучи уже немолодым, Гиви уходит от Ани и женится вторично. Новая жена, Элла, была намного моложе его. Уход Гиви из первой семьи был долгим и мучительным для всех. Он уходил, возвращался, снова уходил, снова возвращался. Когда

*Гиви Окуджава
и Людмила
Модебадзе.
Из семейного
архива
Г. М. Окуджава*

окончательно ушёл, его дочери уже были взрослыми и сами имели детей. Отношения с прежней семьёй остались хорошими, но он очень переживал.

Я беседую с Натальей Гивиевной о её отце, которого она очень любила. Она рассказывает, как отец когда-то, очень давно, был в Москве в командировке и попал на концерт брата:

— Я училась в восьмом классе, это был шестидесятый или шестьдесят первый год. Булат ему предложил: «Хочешь, пойдём на мой вечер, только мы должны пораньше прийти, потому что потом не пробьёмся». Они пошли на час раньше и всё равно попали в такую толкотню, что на пальто отца ни одной пуговицы не осталось. Просто разодрали их на части. Где это было, я не знаю, какой-то клуб молодёжный, наверное.

В 1981 году у Гиви случился новый, теперь уже обширный инфаркт. Он снова выкарабкался и потихонечку приходил в себя. Прошёл реабилитационный период, и Гиви уже неплохо выглядел. Но надо было бы ещё лечь в больницу, закрепить успех. Элла пыталась уговорить мужа: «Давай ты сейчас, пока хорошо себя чувствуешь, ляжешь, пройдёшь обследование». А он обиделся: «Ты что, хочешь избавиться от меня? Я и так себя прекрасно чувствую».

В последний раз братья увиделись в феврале 1983 года, когда Булат приезжал в Тбилиси и выступал в зале Тбилисской филармонии. Элла рассказывает:

— Булат приехал из Франции буквально перед началом концерта, и мы побежали к нему в гостиницу. Оля сказала нам,

*Отар
Дзимистаришвили
и Элла Дейнеко, 2003.
Фото автора*

что он отдыхает, но Булат услышал голос Гиви и сказал, что для Гиви он не отдыхает.

Через два месяца после этого, 24 апреля, умерла Вера Владимировна, Верочка, та самая, что заменила Гиви маму, вырастила и воспитала его. Эта красивая женщина в свои девяносто оставалась в совершенно трезвом уме и прекрасной физической форме. Но — несчастный случай: вышла за хлебом, упала, и — перелом шейки бедра, что, конечно, было смертельно в её возрасте.

Через десять дней после её смерти Элла улетала ненадолго в Москву в командировку. Обратный билет был на 9 мая. Гиви провожал её в аэропорту, он прекрасно выглядел, и Элла сказала на прощанье: «Не знаю даже, как тебя такого красивого оставлять здесь одного, что меня ждёт по возвращении?» А он ей: «Да-да, я сейчас провожу тебя, пойду обратно, а женщины штабелями, штабелями будут падать вокруг меня, а я пройду мимо гордо, потому что у меня такая молодая, такая красивая, любящая жена».

Элла прилетела в Москву днём, а через несколько часов, ночью, скончалась тётя Маня Окуджава. На следующий день позвонил Гиви и сказал, чтобы она сдавала билет: он тоже приедет в Москву проститься с тётей Маней, а потом они вместе вернутся.

Элла целый день потратила, чтобы сдать билет: выстояла две огромные очереди. К вечеру вернулась в гостиницу — и тут звонок. Из Тбилиси звонила её мама, сказала, чтобы Элла отговорила Гиви ехать в Москву, он не очень хорошо себя чувствует. Потом трубку взял Гиви. Голос у него был слабый, но он всё равно хотел ехать. Элла упростила его остаться, сказала, что они с Булатом всё сделают, закажут от него венок, пусть он не волнуется.

*«...ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой».*

Утром снова позвонила мама и сказала, чтобы Элла срочно, не дожидаясь похорон тёти Мани, возвращалась в Тбилиси — Гиви совсем плохо...

На откосе, на обрыве
нашей жизни удалой
ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой.

Элла собрала вещи, выписалась из гостиницы и бросилась в аэропорт. Целый день провела там, плакала, кого-то уговаривала, но билет купить не смогла. Пришлось вечером возвращаться в Москву. Переночевала у подруги и с утра — снова в аэропорт. Кое-как улетела — одна кассирша сжалилась над ней и помогла.

Гиви чуть-чуть не дождался её, она всего на час опоздала...

Кто толкнул тебя с откоса,
не сказав тебе: «Прощай»,
будто рюмочку с подноса,
будто вправду невзначай.

Ему было шестьдесят шесть лет. Он родился почти в Рождество — 8 января, а умер на Пасху — 8 мая.

Гиви пережил Верочку — свою вторую маму — всего на две недели. Рядом с ней его и похоронили.

И кого теперь с откоса,
по ранжиру за тобой?
Спи, мой брат беловолосый,
стройный, добрый, молодой.

А. Е. КРЫЛОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О САМОИРОНИИ,
КОРРЕКТНОСТИ ЦИТИРОВАНИЯ,
АГГЛЮТИНАЦИИ И КОНФАБУЛЯЦИИ,
или О ТОМ, КАК И КОГДА МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ
«БИЛИ» БУЛАТА ОКУДЖАВУ*

...Но ведь и друг дружку били
(если правда дорога).

Наша память бессильна
уйти от потерь,
всё с фонариком
бродит в былом...

...Да козыри лукавы
и не даются в руки.

Б. Окуджав

Когда в 1953 году умер Сталин и начали было налаживаться нормы демократической жизни в нашей стране, мне предложили работать в областной комсомольской газете, я заведовал отделом пропаганды. И там же, в Калуге, у меня вышла первая маленькая книжечка стихов. Но так как в Калуге других поэтов не было, я считался самым лучшим. У меня очень кружилась голова, я был очень самонадеян, мне казалось, что я уже достиг самых больших высот, хотя стихи эти очень слабые, подражательные, посвящались, в основном, праздникам, временам года.

* Публикуется в сокращении.

Затем я переехал в Москву. Попал в одно литературное объединение. Там были очень сильные молодые поэты, которые меня крепко побили. Сначала я подумал, что это они от зависти, потом понял, что я сам в этом виноват. Год приблизительно ничего не писал в отчаянии. Потом природа взяла своё — стал писать¹.

Это фрагмент из фонограммы встречи Б. Ш. Окуджавы с комсомольским активом Свердловска и представителями городского клуба самодеятельной песни. Так или примерно так поэт часто рассказывал о своём переезде в Москву в 1956 году и о том, что за этим последовало.

1. О каком «битье» речь?

Цитаты подобного рода позволили филологу Ольге Михайловне Розенблюм сделать вывод, что речь здесь идёт о легендарном литобъединении «Магистраль» при московском Центральном доме культуры железнодорожников, которое Окуджава действительно посещал, вновь став москвичом².

Позже этот же фрагмент без изменений перешёл в её диссертационную работу³. Только здесь эту — вроде бы вполне ло-

¹ Так — с незначительными разночтениями — напечатано в трёх различных публикациях, однако слово *побили* в данном контексте следовало бы взять в кавычки; что мы и будем делать далее. Цит. по первой публ.: *Окуджава Б.* Я человек счастливый: [Из беседы в Свердлов. обкоме комсомола; 1986] // Публ. подгот. В. Попов // Наука Урала. Свердловск, 1988. 8 сент. (№ 36). *То же см.: Окуджава Б.* ...А Арбата больше нет: (Ответы на записки) / Записал О. Терентьев // Огонёк. 1997. № 30 (июль). С. 44–48; *Окуджава Б.* «Я никому ничего не навязывал...»: [Ответы на записки] / Авт.-сост. А. Петраков. М., 1997. С. 28.

² См.: *Розенблюм О. М.* О некоторых темах и образах книги «Лирика» // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 53–54.

³ См.: *Розенблюм О. М.* Раннее творчество Булата Окуджавы: Опыт реконструкции биографии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2004. С. 355–360. Далее диссертация (т. е. её гл. 5.3 «Переход в газету “Молодой ленинец”: редакция газеты и литературное объединение» и 5.8 «Переезд в Москву. Литобъединение “Магистраль”: отказ от “Лирики” и декларация перехода к новым стихам», если это не указано особо) цит. без дополнительных ссылок. Это делается в связи с тем, что копия диссертации приобретена нами в РГБ в электронном виде и на различных компьютерах нумерация страниц выглядит по-разному. Мы также опираемся на статью того же автора, представляющую собой доработанную журнальную редакцию некоторых фрагментов диссертации: *Розенблюм О.* Путь в литературу Булата Окуджавы: между официальной культурой и культурной периферией // Вопр. лит. 2007. [Вып.] 4 (июль–авг.). С. 177–213. Эта публикация, по сути, переводит работу Розенблюм из квалификационной («на правах рукописи»), коей является диссертация, в сугубо научную.

гичную — версию исследователь подкрепляет рассказом участницы литобъединения и жены руководителя «Магистрали» Григория Левина — Инны Миронер. И с к л ю ч и т е л ь н о этим рассказом. Из него мы приведём две цитаты о процедуре приёма в члены литобъединения и приёме Окуджавы в частности (так, как они процитированы исследователем):

...Люди читали свои произведения, потом присутствующие высказывались, говорили, что им нравится, что им не нравится, можно этого человека принять или нет. Если человек подходил, то его принимали.

Он [Окуджава — А. К.] уже выпустил книгу. Но когда он стал читать, *несколько свысока*⁴, стихи из этой книги на «Магистрали» — он об этом писал, — то обсуждение было весьма критическое. *Что он и написал, что его очень плохо обсудили.* И он был на грани того, что его не примут. Но <...> я сказала всё-таки в обсуждении, что всё-таки в стихах Окуджавы есть магическое что-то, что позволяет его принять <...> После этого чтения его приняли⁵.

В полном тексте того же интервью содержится исключённая исследователем фраза, которая не укладывалась в предлагаемую ею версию (процитированный в диссертации контекст отделим курсивом):

Если человек подходил, то его принимали. Я, например, хорошо помню, что Булат приехал в Москву из Калуги во время фестиваля 57 года. В Калуге ему немного помогал Панченко, он учительствовал в Калужской области, он уже выпустил книгу, но когда он стал читать стихи из этой книги на «Магистрали» (он об этом писал), то обсуждение было весьма критическим, что он и написал [—] что его очень плохо обсудили... [далее по цит. тексту]⁶.

Как известно, московский (шестой) Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, ставший одним из главных символов Оттепели, проходил в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 года. В конце беседы интервьюер ещё раз переспросила, в каком году пришёл в «Магистраль» Окуджава, и И. Миронер опять уверенно подтвердила, что в 1957-м. Правда, вторично сообщила, что поэт в тот момент ещё был калужанином, а это, как мы знаем,

⁴ Этой характеристики нет в оригинальной записи интервью (см. ниже), и в этом случае независимо от происхождения целесообразно было бы взять её в квадратные скобки (здесь и далее сноски внутри цитат — наши. — А. К.).

⁵ Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы. Здесь и далее курсивы в цитатах — наши. — А. К.

⁶ Цит. по: Приложение 6: Интервью с Инессой Ефимовной Миронер (8 июля 2002 г.) // Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы. Приложения. (Приложения имеют самостоятельную нумерацию страниц. — А. К.)

было уже не так. Логично предположить всё же, что в этом противоречивом фрагменте беседы продуктивнее опираться на уверенное утверждение мемуариста о приходе Окуджавы в «Магистраль» летом 1957-го, когда он н е д а в н о переехал в Москву и з К а л у г и, что и зафиксировала память И. Миронер при знакомстве. Ведь наша память ассоциативна, она прочнее фиксирует не год, а контекст, точнее — сопутствующие события; к тому же ремарка *хорошо помню* многого стоит.

Кстати, когда М. Баранов принёс однажды показать Окуджаве две его ранние фотографии, тот воскликнул:

— Это же моё первое выступление в «Магистрали»! — и поставил на обороте ту же дату: 57⁷.

Судя по тому, что на снимке рядом с читающим стихи Окуджавой за столом сидит И. Миронер, это действительно могло быть то самое *выступление* на приёме в литобъединение. Но Окуджава на фотографиях — в демисезонном пальто. Это может говорить о том, что со дня первого прихода до обсуждения и приёма прошли пара месяцев: пока размножили и раздали будущим оппонентам стихи, пока те подготовились...

Эльмира Котляр, тоже не помня дат, вообще считала, что обсуждение состоялось далеко не сразу после знакомства с Булатом в «Магистрали»:

Кажется, *целый год* он сидел на занятиях «Магистрали» и *ничего не читал*. А потом посыпались первые стихи, ещё не песни⁸.

Значит, она помнила Окуджаву д о его стихов?

И третья — очень важная — деталь: И. Е. Миронер обнаруживает свою осведомлённость в том, что писал сам Окуджава о своём приходе в *литературное объединение* на обсуждение к *молодым поэтам* в рассказе «Ода литобъединению, или О пользе своевременного битья»⁹. И здесь, кстати, бесценной ремарки нет. Это знание вполне могло довлеюще повлиять на её собственный рассказ.

Нам встречались и другие мемуарные повествования об этом эпизоде биографии поэта. Но их авторы тоже упоминают п о з д н е е его «признание» о «*битье*». Так что и на них основывать свои выводы мы должны с осторожностью.

⁷ Факсимильное воспроизведение снимка и надписи см.: Голос надежды. Вып. 4. М., 2007. С. 218.

⁸ Котляр Э. Памяти Булата Окуджавы // Лит. обозрение. 1998. № 3 (май–июнь). С. 16.

⁹ Окуджава Б. Ода литобъединению, или О пользе своевременного битья // Лит. учёба. 1979. № 1 (янв. — февр.). С. 217–219.

Но есть и противоположные воспоминания — например, у Владимира Войновича, который тоже начинал как поэт и пришёл в «Магистраль» раньше Окуджавы. Он не замечает ничего экстраординарного. Воспоминание в данном случае тоже не решающее, но дающее нам дополнительный повод проверять на прочность версию о «*битье*»:

...У учителя был уже сборник стихов, кое-что из него он представил суду членов объединения. Судьями, обычно не слишком суровыми, прочитанное было воспринято благожелательно и снисходительно в том смысле, что, мол, продолжайте, учитель, может быть, когда-нибудь из вас что-нибудь и получится¹⁰.

Другое важное противоречие в своей версии датировки прихода поэта в московское литобъединение отметила сама О. Розенблюм. После пресловутого «*битья*» со стороны *молодых поэтов* Окуджава *год приблизительно* (в других его рассказах — *до нескольких лет*) *ничего не писал*. Если принять за основу дату прихода, предлагаемую автором диссертации, то совсем нелепо выглядят утверждения Окуджавы, что первые его песни появились в 1956-м (иногда он называл — *1956—1957 годы*) и что написаны они под влиянием приезда в Москву Ива Монтана.

В одном из интервью, распространённом в 1984 году в самиздате, поэт говорил:

Меня взволновал приезд Монтана. И песня его о Париже. И я подумал: почему же о Москве не пишутся такие сердечные песни... Сейчас я это припоминаю¹¹.

Напомним и ещё одно высказывание — опубликованное почти через десятилетие после предыдущего:

На меня, между прочим, повлиял Ив Монтан, который пел о Париже, и песни были очень тёплые, очень личные. Мне захотелось и о Москве написать что-то похожее...

Первая московская песня «На Тверском бульваре» появилась в 1956 году. Появилась сразу как песня — и стихи, и мелодия. Помню, как осенью мы стояли поздно вечером с приятелями у метро «Краснопресненская», и я им напел... А потом довольно быстро сложился целый цикл песен о Москве: «Лёнька Королёв», «Полночный

¹⁰ Войнович В. Вот счастливый человек, это видно по всему... // Россия. 1997. Авг. ([№ 8]). С. 22.

¹¹ Окуджава Б. Самое начало / Беседу вели В. Акелькин и И. Зимин; [Подгот. В. Щербакова] // Менестрель: Стен. газ. Моск. КСП. 1984. № 2—3. С. 6—7.

троллейбус», «Московский муравей», «Часовые любви», «Арбат беру с собой» — все в 1957 году¹².

Здесь датировка Окуджавы вроде бы легко проверяется и выглядит реальной. Монтан с женой, кинозвездой Симоной Синьоре, приехал в Москву в декабре 1956-го, здесь же супруги встретили Новый год и в январе после концертов в Ленинграде и Киеве отбыли в Польшу. Гастроли, начало которых задержалось по политическим мотивам, в СССР действительно предвляла большая информационная подготовка, включавшая не только три разных публикации его автобиографической книги, но и журнально-газетные статьи, а также передачи на радио и на телевидении. Эти концерты знаменитого французского шансонье были необходимы Советскому Союзу именно тогда — в условиях, когда весь мир с возмущением обсуждал наше вторжение в «братскую» Венгрию. Инициатором приезда Ива Монтана называют знаменитого кукольника С. Образцова, за несколько лет до этого побывавшего в Париже. Он же был автором и ведущим предшествующей гастролям телепередачи о певце.

А может быть, это и не проверка вовсе? Более вероятна иная ассоциативная цепочка: поэт запомнил время гастролей, а его память, спрессовав годовой отрезок времени, уже привязала к ним сочинение песни.

В калужском «Молодом ленинце» Окуджава был «освобождён от занимаемой должности с 1 ноября 1956 г. по семейным обстоятельствам (в связи с переездом в г. Москву)»¹³. Получается — перерыва в писании вовсе не было?

Однако О. Розенблюм этому несоответствию в основополагающем моменте находит такое объяснение:

Окуджава приехал в Москву в августе¹⁴ 1956 года; видимо, вскоре после этого и состоялось обсуждение его стихов в «Магистрали», однако уже концом 1956 года *датируются* его первые московские песни. *Между ними и разгромом в «Магистрали» — самое большое месяца два, но Окуджаве было важно зафиксировать эту границу между «до» и «после», обозначить, что разница между ними огромная.*

¹² Окуджава Б. Всему времечко своё / Беседовал М. Нодель // Моя Москва. 1993. № 1–3 (январь – март). С. 4–6.

¹³ Здесь и далее данные о работе в газете приводятся по «Архивной справке» Партийного архива Калужского обкома КПСС № 120/СП-78 от 17 марта 1983 г., составленной по запросу П. Б. Нама (архив авт. ст.).

¹⁴ В поздней статье автор, ссылаясь на те же воспоминания Окуджавы, что и в диссертации, расширяет этот диапазон: «в августе–сентябре» (Розенблюм О. Путь в литературу Булата Окуджавы... С. 208). Но, как мы уже знаем, и такая датировка тоже не верна.

Такие датировка и последовательность событий, отметим справедливости ради, устраивала всех биографов и никогда не подвергалась сомнению. Её можно считать общим местом окуджавоведения. Однако уточним: не *датируются его первые песни*, а — с а м а в т о р д а т и р у е т и х (или точнее одну из них) концом 1956 года.

Отметим и другое: нами не обнаружено пока ни одной прямой ссылки Окуджавы на «Магистраль» в подобных его рассказах о «*битье*» (при всём обилии этих рассказов). По-видимому, не найдено такой ссылки и диссертантом, поскольку в её работе подобная цитата не приводится. В то же время название этого литобъединения само по себе поэтом не замалчивалось: оно всплывает в других контекстах, подчас противоположных по смыслу.

Теперь о сроках. К ним также нужно относиться взвешенно. Часто, обозначая разные периоды, Окуджава ошибался на полгода-год и более. Позволим себе одну параллель. Примерно такое же соотношение называемого и реального периода мы встречаем в рассказах поэта о своём конфликте с партийными органами в 1972-м. Время, прошедшее со дня исключения своего на парткоме московской писательской организации до восстановления в КПСС, Окуджава оценил в *год*. Фактически же с одной даты до другой прошло всего около шести месяцев¹⁵. Случай этот далеко не единичен, такое расхождение для поэта можно даже назвать рядовым. Анализ этих расхождений в датах и сроках показывает, что они вовсе не означают то, что *Окуджаве было важно зафиксировать эту границу* или этот срок, — просто так у него работал механизм памяти. (Так он, кстати, работает и у большинства из нас.)

Или проще: т а к е м у з а п о м н и л о с ь.

2. «Память — нелёгкая служба», или О биографическом мифе

Как видим, общепринятая версия насыщена противоречиями.

О недопустимости опоры на неподтверждённые мемуарные свидетельства писалось неоднократно¹⁶. В первую очередь это касается датировок. Как правило, они приво-

¹⁵ Подробнее см.: «Процесс исключения», 1972: [Разд.] // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 267–318.

¹⁶ См., например, очень показательную в этом смысле подборку материалов, наглядно продемонстрировавшую, что ни один из мемуаристов не смог адекватно воспроизвести те обстоятельства пребывания Окуджавы в Нижнем Тагиле

дят в лучшем случае к не совсем верным результатам. Подтвердим эту мысль свежими примерами. Первый из них — из книги Д. Быкова об Окуджаве, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Об одной из песен говорится следующее:

Песня написана весной 1969 года и, по воспоминаниям Аксёнова, впервые исполнена в ялтинском Доме творчества 10 мая; впервые опубликована год спустя в «Дне поэзии-69», под названием «Моцарт на скрипке играет»¹⁷.

Меж тем упоминание в данном контексте мемуаров Аксёнова представляется излишним, поскольку датировка 10 мая здесь вовсе не показательна. К этому времени песня уже была не только напета на магнитофон, но и передана в Новосибирск, где её текст с плёнки опубликован в газете «Энергия» ещё 23 апреля¹⁸ — вот здесь действительно впервые, за полмесяца до посиделок в Ялте. Она к тому времени даже перешла в разряд п у б л и ч н о исполняемых. Широко известна фонограмма публичного авторского концерта в ЦДЛ от 19 марта того же года (двумя месяцами раньше Ялты), где Окуджава поёт ту же песню. Кстати — уже с посвящением *Ирине Делюсиной* (Балаевой), успевшей до этого восхититься новым произведением и потому получившей его в подарок. Фонограмма давно издана на нескольких CD¹⁹.

Нельзя, как мы уже убедились, слепо доверять и поздним датировкам, сделанным самим Окуджавой спустя годы после события или написания той или иной песни, то есть по сути таким же — м е м у а р н ы м. Так, слёжкой руки (то есть со слов) Окуджавы, почти во всех его биографических справках фигурирует «первая песня» 1946 года «Неистов и упрям...», хотя документально установлена дата написания этих стихов — 24 октября 1947 г.²⁰

в 1964 году, о которых каждый из них вспоминал (Урал. 1964: [Разд.] // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 163–230).

¹⁷ Благодарим Д. Л. Быкова за возможность прочесть книгу в рукописи. В настоящей статье все цитаты из неё исправлены по изд.: *Быков Д.* Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 559. (Жизнь замечат. людей).

¹⁸ Подробно об этом, а также факс. воспроизведение публикации см.: *Ранно-порт А. Окуджава в Новосибирске* // Голос надежды. Вып. 5. С. 38.

¹⁹ Впервые: *Окуджава Б.* Пока Земля ещё вертится. [М.]: Solyd records, 1994. № SLR 008.

²⁰ См., например, факсимиле датированного списка тбилисских времён, сделанного рукой жены поэта: Dubia / Публ. и предисл. М. Гизатулина // Голос надежды. Вып. 4. С. 351. См. также: *Крылов А. Е.* О проблемах датировки авторских песен: На примере творчества Александра Галича // Галич: Проблемы поэтики и текстологии. [Вып. 1]. М., 2001. С. 182–184; *Крылов А. Е.* О задачах и особенностях текстологии произведений Б. Ш. Окуджавы: К постановке проблемы // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. С. 191–193.

К чему ведут эти напоминания?

К тому, что:

1) любые мемуары — для учёного источник ненадёжный по определению;

2) Булату Окуджаве, как и любому другому мемуаристу, присущи ошибки, в том числе и хронологические.

Однако нам представляется, что в нашем случае дело не только в несовершенствах процесса запоминания фактов человеком. Хотя современный исследователь порой по сути отказывает поэту в праве на ошибку памяти.

Так, Г. Гусейнов посчитал, что дату своей первой поездки во Францию в рассказе «Около Риволи...» Окуджаву перенёс с ноября—декабря 1967-го на 1968 год (то есть в лучшем случае на несколько месяцев) — сознательно²¹. С этим мы никак не можем согласиться. На наш взгляд, здесь имеет место именно такая — рядовая для Окуджавы — неточная датировка по памяти.

Или вот, например, что в выводах своей диссертации пишет О. Розенблюм:

Определим основные черты автобиографического мифа Окуджавы, выявленные нами в различных главах диссертации. У этого мифа можно выделить два аспекта, влияющих друг на друга: во-первых, способы изображения Окуджавой собственного прошлого, во-вторых, их рецепция читателем/слушателем Окуджавы. В общих чертах восприятие продуцируемого Окуджавой автобиографического мифа, т. е. те сведения о нём, которые знают и рассказывают люди, слушающие записи его песен и соответственно его ответы на вопросы в перерывах между песнями, следующее: Окуджаву родился на Арбате, там прошло его детство, прямо со школьной скамьи он ушёл на фронт, а потом его выселили с Арбата, и он стал «арбатским эмигрантом». Собственная биография в большинстве случаев подаётся Окуджавой таким образом, будто не было Тбилиси, не было Нижнего Тагила, будто «арбатский двор» — это братство, которому свойственны черты пушкинского Лицея с его культом дружбы, взаимопонимания, взаимовыручки, будто на фронт он пошёл не из Тбилиси, а из Москвы. На такое восприятие рассчитаны также интервью Окуджавы, в которых сведения о себе подобраны таким образом, что после рассказа о жизни на Арбате сразу следует рассказ об уходе на фронт. Характерно также, что в рассказах о себе Окуджаву не был последователен и в разных интервью мог давать противоречащие друг другу сведения, в од-

²¹ См.: Гусейнов Г. Поэтика мемуаров, или Технология редактирования прошлого: Взгляд на ноябрь 1967-го из 1990-х // Голос надежды. Вып. 5. С. 225—226.

ном случае действительно вспоминая о том, как было, в другом — предлагая вариант, являющийся частью мифа о себе²².

Способы изображения Окуджавой собственного прошлого; собственная биография в большинстве случаев подается; сведения о себе подобраны; не был последователен; интервью рассчитаны... Все эти выражения заставляют читателя увериться в том, что поэт сам является автором своего биографического мифа. И что создавал он его целенаправленно и расчётливо. Ошибка диссертанта в том, что она пытается выстроить биографию поэта, к примеру, не по официальным анкетам и собственно автобиографиям, а по авторским текстам совсем иного рода. Между тем Окуджава как литератор, ряд лет проработавший в газетах, прекрасно знал возможности и рамки газетных жанров. Знал он и законы сцены, которая не позволяет без ущерба для восприятия зрителями и слушателями общаться с залом более полутора часов.

Можно, конечно, легко представить себе такую «мечту биографа» — творческую встречу, где минут двадцать-тридцать выступающий подробненько отвечал бы на одну записку: мол, в одна тысяча девятьсот... покинул родной город...; из Нижнего Тагила, где мой отец...; вернулся на Арбат, а там...; потом пришлось уехать в Тбилиси, где жил у..., работал... занимался в литобъединении, которое называлось... а потом было переименовано в...; оттуда ушёл на фронт... — и т. д. При этом, не говоря о чрезмерной скучности такого «отчёта», потребовалось бы рассказать не только о себе, о матери и отце, но и как минимум о нескольких своих тётках, у которых проживал, и расстрелянных дядях; сообщить будущим исследователям, кто и когда учил его играть на гитаре и т. п. И это всё — вместо ожидаемых от поэта стихов и песен... К тому же такой рассказ был бы переполнен наречиями *почти* и *примерно*, — в тех местах, где память не позволяет оперировать точными сроками и датами.

Окуджава прекрасно сознавал и то, что журналист приходится к нему со своими вопросами, ответы на которые должны составить именно беседу, а не автобиографический монолог. Такое «интервью», кстати, газета вряд ли ещё напечатает по цен-

²² Розенблюм О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы (гл. «Заключение»). См. также: Розенблюм О. Автобиографический миф Булата Окуджавы (в песнях, стихах, прозе) // Studia Slavica: Сб. науч. тр. молодых филологов. [Вып.] IV. Таллин, 2004. С. 124–133.

зурным соображениям (в 1970–1980-х о временах репрессий уже снова требовалось помалкивать). Оттого и поверхностность, и повтораемость некоторых журнально-газетных материалов такого рода.

То есть в своих устных автобиографических рассказах на выступлениях, а также в интервью бард естественно вынужден был прощать канву своей биографии, опуская «несущественные» (с его точки зрения и в данный момент) детали.

Некоторые эпизоды при этом со временем оттачивались и превращались если не сказать в концертные репризы, то уж в своеобразные формулы — это точно. В качестве яркого примера творчества можно сравнить вольный «пересказ» пресловутой статьи И. Лисочкина, неоднократно воспроизводимой Окуджавой на выступлениях, — с первоисточником. Этот «пересказ» вошёл в десятки биографических статей о поэте, между тем на самом деле он является лишь иронической художественной интерпретацией написанного ленинградским журналистом.

3. Пропущенные вехи, или Рабочая гипотеза

Отсюда — и миф, который в общем верно, но немного утрированно описывает О. Розенблюм, обратившая внимание на *противоречия* в беседах поэта с журналистами. (Уточним в скобках, что Нижний Тагил всё-таки в интервью присутствовал; рассказывал поэт и о том, что уходил на фронт именно из Грузии²³; и довоенным Арбатом, где было всё *от подлого до золотого*, он отнюдь не всегда восторгался.)

Так что это не означает, что опущенные детали Окуджавой забыты или сознательно замолчаны в целях их утайки. Вспомним, как вроде бы по-иному, но в итоге (вкуче) верно Окуджава излагал в разное время разным людям последовательность упомянутых нами событий лета и осени 1972 года²⁴. Или — как отличается его поздний подробный рассказ о «сво-

²³ См., например, первые печатные упоминания того и другого соответственно: *Окуджава Б.* «Нужен нам и потомкам...» / Интервью провёл Л. Колодный // Моск. правда. 1983. 13 нояб.; Вы слышите, грохочут сапоги... / Без подп. // В мире книг. 1984. № 5. С. 63–64.

²⁴ Сводку этих воспоминаний см.: Как это запомнилось главному герою // Голос надежды. Вып. 5. С. 594–301.

ей» войне в беседе с Юрием Ростом²⁵ от предыдущих кратких «военных экскурсов» в многочисленных интервью.

(На риске, связанном с попытками восстановления биографии писателя по его хоть автобиографической, но одновременно художественной прозе²⁶, мы здесь останавливаться подробно не станем — он очевиден.)

Во вступительной части своей работы О. Розенблюм пишет:

Работая с «недостоверными» источниками, мы основываемся на подходе Ю. М. Лотмана, который пишет о том, что «само понятие “достоверности” обладает известной относительностью. И безусловное доверие к “достоверным” источникам, и столь же категорический отказ от использования “недостоверных” могут привести к нецелесообразным решениям». Такой подход позволяет нам активно использовать в работе автобиографическую прозу Окуджавы, видя в ней указание не только на какие-либо факты, но также на способ интерпретации действительности, характерный для Окуджавы. Также и работа с воспоминаниями об Окуджаве даёт не только фактологический материал, но и помогает охарактеризовать особенности рецепции его самого и его стихотворений как в описываемый период, так и в настоящее время.

Однако основная мысль этой заметки Ю. Лотмана, из которой биографом взята цитата, в другом — она призвана рассмотреть сугубо частный случай пушкиноведения. Сказанное в ней, конечно, относится и к окуджавоведению, но... начинается приведённая выше цитата с другого:

Если в отдельных случаях погоня за сенсациями и приводит к использованию непроверенных и недостоверных источников, то усилия подлинной науки... как правило, на выявление апокрифи-

²⁵ См.: *Окуджавы Б.* Война Булата / [Беседовал] Ю. Рост // Новая газ. 2005. 5–11 мая. С. 12–13.

²⁶ Наряду с утверждениями об абсолютной подлинности фактической основы собственных автобиографических повествований в интервью Окуджавы можно встретить, например, следующие признания: «...Я написал ещё и повесть о войне “Будь здоров, школяр!” Это были почти автобиографические заметки...» (Между войной и тишиной / Беседу вёл М. Захарчук // Совет. воин. 1990. № 10 / май/. С. 80–82; Здесь и далее разрядка в высказываниях Окуджавы — наша); о романе «Упразднённый театр»: «Я писал о себе, о своей жизни. Почти ничего не придумал. Я не собирался писать мемуары...» (Каждый пишет — как он слышит: [Монологи из выступл. на журфаке МГУ] // Рос. вести. 1994. 7 мая. С. 3); наконец, об одном из «автобиографических анекдотов»: «Это же не автобиография, а анекдот, устный жанр, так что я вправе кое-что досочинить» (Анекдоты от классика / [Беседовал] Д. Быков // Профиль. № 6 / февр./ С. 52–55). Справедливость этих утверждений не раз доказывали авторы нашего альманаха.

ческих и псевдодокументальных данных и изгнание их из корпуса пушкинианы. Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, мы хотели лишь обратить внимание на то, что само... [далее — по тексту цитаты]²⁷.

То есть основной постулат, который Лотманом даже не обсуждается, — о необходимости критического подхода к источникам. С этой аксиомой нельзя не согласиться, и вся наша критика чужих биографических трудов сводится именно к утверждению такого подхода. Сами же мемуары важны и необходимы в исследовательской работе; в соединении с документальными источниками они безусловно способствуют приближению к искомой истине.

Впрочем, даже процитированный О. Розенблум фрагмент о работе с недостоверными источниками она применяет избирательно. Упоминая во вступительном обзоре очерки Марата Гизатулина, другого биографа Окуджавы, исследователь пишет:

...Эти работы не дают возможности опереться на приведённые в них сведения, поскольку носят характер скорее популярного, чем научного издания, в котором недостаточно отрефлексирована степень достоверности тех или иных источников. Отсутствие объяснения источников приводимых сведений лишает нас, при всём богатстве собранного автором материала, возможности пользоваться этим материалом и заставляет его перепроверять.

И, соответственно, обращается к *богатому материалу* Гизатулина... лишь единожды — где в силах с ним полемизировать²⁸. Этот *категорический отказ от использования «недостоверных»* (по формулировке Лотмана) источников в корне противоречит заявленному диссертантом принципу. И своё недоверие к коллеге диссертант никакими фактами не подкрепляет. Эффект от такого двойного подхода к источникам, увы, получается обратным задуманному.

К тому, чем отличается в данном случае «популярное» издание от «научного», мы ещё будем возвращаться на протяжении данной статьи. Вернёмся мы и к некритическому использованию источников как таковому. И поговорим о необходимости

²⁷ Оба фрагмента одной цитаты по: Лотман Ю. М. К проблеме работы с недостоверными источниками // Пушкин. СПб.: Искусство—СПБ, 1997. С. 324–325.

²⁸ См. соответственно: Гизатулин М. Р., Юровский В. Ш. Хроника жизни и творчества // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 12–21; Розенблум О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы (гл. 1.2. «На Арбате и в Тифлисе: география детских лет»).

осторожного отношения к воспоминаниям самого Окуджавы в частности.

А сейчас — о тех самых опущенных им «несущественных» деталях.

Ещё ряд событий литературной биографии поэта, которые в диссертации даже не перечислены в качестве «замолчанных» поэтом, вовсе выпадает из его автобиографических (устных и письменных) рассказов. Очень мало упоминаний о них и в мемуарах его друзей и коллег. В первую очередь мы имеем в виду его участие в третьем Всесоюзном совещании писателей, прошедшем в Москве в 1956 году.

В связи с изложенным позволим себе выдвинуть следующую версию.

По той или иной причине Окуджава объединил в своих кратких рассказах о «*битье*» как минимум два, а то и гораздо больше событий — аналогичных по обстоятельствам разбора его творчества *молодыми поэтами*. И если мы докажем эту версию, то в её свете некоторые факты из его устных рассказов могут предстать немного иначе.

Однако прежде чем познакомить читателя с основными подтверждающими её материалами, сделаем экскурс в 1954 год, когда калужский учитель словесности Булат Окуджава был послан на первое в своей жизни писательское совещание (этому факту окуджавоведение тоже уделяло пока довольно мало внимания).

4. 1954: Воронежская конференция

Мельком это *совещание* упоминает Ирина Живописцева:

Оказывается, Булат был в Воронеже на каком-то совещании молодых поэтов и видел наших родственников, но я об этом то ли не знала, то ли забыла²⁹.

Основные наши знания об этом *совещании* восходят к статье самого Окуджавы, рассказавшего 5 августа 1954-го своим калужским читателям о том, что происходило в Воронеже:

...В городе Воронеже состоялась межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР <...>

Кроме делегатов, в работе конференции приняли участие представители правления ССП, лауреаты Сталинских премий Николай Грибачёв, Аркадий Первенцев, Тихон Сёмушкин; писатели Ми-

²⁹ Цит. по второму изд.: Живописцева И. О Галке, о Булате, о себе... М.: Булат, 2006. С. 194.

хаил Слонимский и Дмитрий Щеглов; поэты В. Журавлёв, М. Львов, С. Орлов; директор издательства «Советский писатель» П. Чагин, представители партийной и советской общественности города Воронежа, многочисленные гости. <...>

В течение четырёх последующих дней проводилась секционная работа.

Семинаром поэзии руководили В. Журавлёв, М. Львов и С. Орлов. Прозаики собрались под руководством Т. Сёмушкина, П. Чагина, М. Слонимского. Семинаром драматургии руководили Рогов и Щеглов³⁰.

М. Гизатулин в своей книге излагает факты по этой статье-отчёту:

В июле 1954-го в рамках подготовки ко Второму съезду писателей СССР в Воронеже состоялась межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР. Каждую область на ней представляли два литератора — прозаик и поэт. От Калужской области на конференцию поехали самая именитая калужская писательница Нина Усова и Булат Окуджава. Семинаром поэтов там руководили В. Журавлёв, М. Львов и С. Орлов. Произведения Булата были отмечены и рекомендованы к изданию отдельной книгой³¹.

На источник своих сведений о *рекомендации* автор не ссылается, но они, вероятно, восходят к воспоминаниям Надежды Трофимовны Усовой (Гизатулин ошибочно называет её Ниной, и эту его ошибку памяти повторяет Д. Быков).

Розенблюм, как и во всей своей работе, смелее опирается на мемуары Н. Усовой, участвовавшей в той конференции. Некоторые второстепенные детали «путешествия», описанные попутчицей Окуджавы, и впрямь уникальны:

Ехали вместе, не через Москву, а через Рязск, так как тогда транзит через Москву давали только тем, у кого не было другого пути. В Рязске мы пересели на московский поезд, идущий через Воронеж.

В Воронеже Булат поселился в гостинице, а я — у родственников.

А вот — что касается самой конференции:

Участников семинара было человек восемьдесят, нас разделили на группы человек по двадцать, отдельно прозаики и поэты. В каждой группе руководителями были два писателя из Москвы и воронежские писатели. *Семинар длился неделю*. На его занятиях обсуждали присланные ранее рукописи, слушали поэтов, обменивались мнениями и впечатлениями. Лучшие произведения руководители семинара рекомендовали напечатать в каком-либо журнале или издательстве.

³⁰ См.: Окуджава Б. Конференция молодых литераторов // Молодой ленинец. Калуга, 1954. 5 авг.

³¹ См.: Гизатулин М. Булат Окуджава: «...из самого начала». М., 2008. С. 200–201.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Близится вторая сессия писателей СССР. Во многих краях, областях, республиках прошёл и проходит творческие конференции. В городе Воронежже состоялась межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР. Воронежской, Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской и других областей.

Броме делегатов, в работе конференции приняли участие представители правления ОСВ, депутаты Сталинского премия Николай Губичев, Армадей Перевозчик, Тихон Соминин; писатели Михаил Соминский и Дмитрий Шугалов; поэты В. Журавлев и А. Яков, С. Орлов; директор издательства «Советский писатель» Н. Чагин, представители партийной и советской администрации города Воронеж.

Самостоятельным словом в
статье секретаря практики СС
СССР Н. Габанова, Отделения
кадров.

с местными литературными силами, тов. Гривачев отмечает недостаточную активность редакция и писателей в деле привлечения способных местных авторов к участию в работе газет. Вызывает сожаление, говорят тов. Гривачев, когда областные газеты не используют таланты местных писателей, предпочитая им более сильных провинциальных местных авторов. А книга в угоду злободневности заимствует страницы сюрреализма, псевдоисторичности, вымысла. Данное замечание тов. Гривачев считает справедливым, поэтому ССН дискуссионно рассмотрела областные отделения ССН, поскольку в них работа областного самоуправления в отношении творческих работников должна была проводиться. В результате в редакционной коллегии Кузнецкого областного отделения ССН и в партийном отделе области.

С докладом «Задачи советской литературы на современном

В последи большое место было
уделено истории развития со-

теории литературы, истории становления социалистического реализма, как основного метода советской литературы. Тон Трифорова останавливался на ряде идеалистических течений, в борьбе с которыми он и сам вёл борьбу. В частности, издавна была охарактеризована пресловутая теория бесконфликтности, идеологиче критике статьи В. Понякина, опубликованная в журнале «Новый мир». Статьи приносили также очерк проклятого негиздателя, а также слогачей автор пытался возмещать численно невозможную в правдивую оценку — с точки зрения партийности, единичной партийности, пытаясь восстановить в правде бездельности в существующей в критике автора

Краткая была повесть И. Эрибурга «Оттепель» за обязательскую, наивную позицию автора, за отсутствие активного подвига главного героя. За всюстаток

резкого обличения отрицательных персонажей.

Делегаты конференции признали активное участие в инициативе. Выступившие рассказывали о работе своих литературных объединений, о том, что возмущает писательские организации. Много говорилось о недостаточном внимании со стороны секретариата правления Союза советских писателей к молодым писателям.

Некоторые из выступивших высказали мысль о необходимости создания межобластного литературного журнала. В отзывах отмечалась слабая связь правления ССП с областными отделениями литераторов.

В течение четырех последующих дней проводилась секционная работа.

Семинаром поэзии руководили В. Журавлев, М. Львов и С. Орлов. Продажи собрались похороновоштвом Т. Секуштина, В. Чагина, М. Словянского. Семинаром драматургии руководили Ротев и Шеглов.

Со слежжым интересным произведенийм выступали поэты А. Левушкин (Рязань), Голованов (Тамбов) и некоторые дру-

грии. Общими недостатками представленных произведений являются риторичность, малая эстетическая ценность, штампы.

На сцене предстали наиболее живописные картины: обскуренное оверное «Из жизни агронома» порочнейшего поэта-де Г. Тренкампфа. Очерки его, написанные в яркой сатирической манере, говорят о несомненной талантливости автора. Однако выступавшие товарищи, признавая достоинства оверков, отмечали в существующие недостатки, в частности, автор слабо поработал над изображениями положительных явлений нашей жизни.

На заочном заседании руководители семинаров выступили с краткими отчетами о работе семинаров, отмечая лучшие произведения, достойные быть изданными в центральных издательствах. Так, например, были отмечены сборник стихов А. Леушова, повесть Юлиана Писателю Дюбуа «Марфа Подаркина», повесть казахской писательницы Н. Усовой «Первый год» и другие.

Б. Онудинов, делегат конференции,

В своей группе Окуджава выступил очень успешно. Его стихи хвалили и рецензенты, и слушатели семинара. Они были рекомендованы к изданию в калужское издательство, где и вышли вскоре после семинара.

Ну, не совсем *вскоре* — через полтора года. Настораживает в воспоминаниях Н. Усовой и другое:

От каждой области на него были направлены два делегата — прозаик и поэт. Ехали за свой счёт, так как командировать нас было некому. От нашей области литобъединение послало от прозаиков меня, от поэтов — Булата Окуджаву, который жил тогда в Калуге³².

Если участников, по её же словам, *человек восемьдесят*, то по двое от каждой области не маловато ли? Или по-иному: не многовато ли областей для *средней полосы*?.. В дальнейшем мы увидим, что и в другом безоговорочно доверяться мемуаристу опасно.

О. Розенблюм же на основании этих воспоминаний делает следующее предположение о нашем герое, тут же — практически на следующей странице — перерастающее в утверждение:

Вероятно, действительно уже в 1954 году он хотел издать книжку, а на семинаре в Воронеже его стихи могли рекомендовать к изданию. — и от поездки в Воронеж многое зависело. <...>

О том, что его отметили на семинаре, Окуджава, конечно, не пишет, скромно заменяя собственную фамилию на «и другие».

В свою очередь, Д. Быков, говоря о воронежском совещании, целиком основывается на материалах предшественников, суммируя их:

³² Все три фрагмента в рамках цитирования в диссертации: *Усова Н.* Первый шаг // Знамя. Калуга, 2000. 10 июня.

...Летом 1954 года в Воронеже прошла межобластная конференция молодых писателей средней полосы РСФСР. Каждая область должна была делегировать по одному прозаику и поэту — калужане от прозаиков послали Нину Усову, а от поэтов Окуджаву. То, что совсем недавно тяготело на нём проклятием, сегодня было отличием: искупаем грех, реабилитируем, добро пожаловать в нормальную жизнь! *Вероятно, участие Окуджавы согласовывалось на высоком уровне: молодые должны были послать рукописи в Союз писателей, в Москву, и там выбрали именно его!* В июле 1954 года они с Усовой отправились в Воронеж. Поэтический семинар вели *молодые мэтры, фронтовики* Василий Журавлёв, Михаил Львов и Сергей Орлов (с Орловым Окуджаву сошёлся особенно близко). *Его стихи обсуждались и собрали комплиментарные отзывы.* 5 августа он напечатал в «Ленинце» статью о совещании, дежурно-протокольную, не преминув, однако, заметить, что в стихах большинства молодых отмечен налёт риторичности и литературности, а самого бурного обсуждения удостоились «Записки агронома» Гавриила Тропольского — одна из первых оттепельных повестей, в которой автор, страшно подумать, посмел написать о реальных проблемах села. *О том, что его собственная книга рекомендована к изданию, Окуджаву скромно умолчал*³³.

Как видим, пересказывает он и пассаж Усовой об интересе к Окуджаве и о пресловутой *рекомендации*. Нового здесь — о дружеских, надо понимать, отношениях с С. Орловым и утверждение, будто Окуджаву *выбрали* в Москве. Последнее не так: молодые писатели посылали свои произведения в столицу затем, чтобы руководители семинаров могли заранее с ними ознакомиться, а не отрывать на это драгоценное время от будущих обсуждений. А выбор «делегатов» в городах, не имеющих своего отделения Союза советских писателей, происходил на уровне местных литобъединений.

Да, в книге Быкова тоже мало сносков на труды предшественников, но он работает в том же жанре, что и Гизатулин, — ничего не поделает: частые ссылки на источники мешают такому популярному биографическому повествованию; они неизбежно привели бы к смешению жанров. А в сугубо научном тексте Розенблюм все ссылки на месте, но *степени достоверности источников* это не повышает — она и в данном случае *недостаточно отрефлексирована*, и приводимые сведения также требуют *перепроверки*³⁴.

³³ Быков Д. Указ. соч. С. 248.

³⁴ Этот вывод применим не только здесь, но и к другим разбираемым в диссертации эпизодам биографии Окуджавы тоже. Надо сказать, что в целом опора автора на неподтверждённые мемуары и недостаточное знакомство с газетными публикациями того времени породили целый ряд неверных утверждений и предположений, опровержение которых выходит за рамки данной статьи, и к ним нам неизбежно придётся возвращаться.

Между тем документы совещания, довольно полно представленные в РГАЛИ (Фонд № 631 Союза писателей СССР), доступны. И ч е г о о том, что его (Окуджавы) *собственная книга рекомендована к изданию*, они не содержат, и более того — заставляют в этом сомневаться. Действительно в последний день совещания, как отмечал в своей заметке сам поэт, больше всего внимания было уделено книге начинающего пятидесятилетнего писателя из Воронежа Гавриила Троепольского. Действительно о повести Н. Усовой в восторженных тонах говорил в своём заключительном слове руководитель её семинара. Но...

Некритическое использование мемуаров и автобиографической прозы привело к тому, что многие ф а к т и ч е с к и е данные о совещании 1954 года в биографических работах оказались недостоверными. (Даже заметку самого Окуджавы, хотя написана она в том же году и практически может считаться дневниковой, нам есть в чём поправить.)

Так или иначе, Межобластная конференция писателей средней полосы РСФСР (так — без прилагательного *молодых* — она называлась официально) проходила не в *июле*, а с 25 по 30 июня 1954 г. Всего в её списках действительно значится семьдесят четыре участника. Конференция действительно собрала в основном начинающих писателей из двенадцати российских областей. Молодых и начинающих — поскольку только в одной из этих областей (Воронежской) уже было достаточное количество членов Союза, чтобы создать свою «первичную ячейку» — отделение СП. Этот факт и определил место проведения съезда. Декларируемой целью этого мероприятия был «смотр сил» перед Вторым съездом писателей страны (после Первого прошло тридцать лет). А судя по сохранившимся стенограммам, литераторов созвали, в частности, для элементарного промывания мозгов: требовалось доходчивее показать молодёжи ту единственную соцреалистическую «тропинку», идя по которой советский писатель вправе рассчитывать на публикации и, соответственно, на успешную карьеру в итоге. От Калуги, согласно подробнейшему списку участников³⁵, на конференцию, кроме двух названных, были направлены преподаватель ремесленного училища № 20 Борис Обновленский (со стихами), зав. отделом «Молодого ленинца» Александр Авдонин (со стихами), и с очерком «Новый директор» — редактор той же газеты Иван Семёно-

³⁵ Оп. 5. Ед. хр. 1482. Л. 4—5.

вич Синицын. Он же, кстати, руководил местным областным литобъединением, которое базировалось при «Молодом ленин-це» (пл. Ленина, д. 5)³⁶.

Первые два дня были отданы пленарным заседаниям.

Открыл конференцию председатель Комиссии по работе с молодыми литераторами, секретарь СП Николай Грибачёв /5—17/³⁷, который в своём докладе попытался задать тон всему форуму. Он рассказывал, «что такое хорошо и что такое плохо». А именно, приводя по два примера на каждый род писательства, информировал собравшихся о том, что в последнее время появились пьесы, которые «чужды советской литературе, чужды нашему миропониманию» («Гости» Л. Зорина и «Гибель Помпеева» Н. Вирты); сообщил, что «ряд писателей предъявили серьёзные претензии к бесспорно талантливому» И. Эренбургу за повесть «Оттепель», что «очень серьёзную реакцию вызвал роман В. Пановой “Времена года”». И лишь в своей — поэтической — области докладчик обошёлся без имён «отщепенцев». Но зато не упустил из виду он и «моральный облик советского писателя», в качестве двух обязательных примеров упомянув «пьяные похождения Сурова», а также «барство и чванство Вирты». Больше всего досталось передовой критике — в лице, конечно, «Нового мира». Здесь были названы неугодные авторы М. Лифшиц, Ф. Абрамов, М. Щеглов. Автор известной и ныне статьи «Об искренности в литературе» В. Померанцев и вовсе был обвинён в плагиате: дескать, он «ничего нового не придумал, а... переписал уже написанное группой “перевальцев”»³⁸, которая шельмовала советских писателей, в том числе и Маяковского. Резюме-ярлык: «Редакция этого журнала стала на анти-марксистский путь и помешала подготовке к съезду». В общем, выражаясь языком того времени, Грибачёв «подверг критике» всё самое живое в оживающей литературе — ставшее впоследствии «оттепельной» классикой.

В том же духе был построен основной доклад «Задачи советской литературы на современном этапе её развития», с которым

³⁶ Данные из «Списка объединений молодых литераторов и литературно-художественных альманахов в областях РСФСР, где нет отделений Союза писателей СССР» (Оп. 32. Ед. хр. 796. Л. 2). Машинопись с разновременной правкой. Без даты. Исправление, относящееся к Калуге, восходит к марту 1955 г.

³⁷ Оп. 5. Ед. хр. 1478. Здесь и далее номера листов даны в тексте /в косых скобках/.

³⁸ В стенограмме ошибочно: *Перевальцева*.

выступила редактор отдела критики и библиографии «Литгазеты» Тамара Трифонова /18–62/. Она, более того, — по старинке цитировала «товарища Сталина» и в положительном контексте поминала автора печально известного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» «товарища Жданова», тоже костерила «отошедшего от соцреализма» Эренбурга и других, свернувших с «тропинки».

Однако собравшиеся писатели ждали иного — они справедливо чувствовали себя оторванными от центра и от центральных изданий, и в дальнейшем самой животрепещущей на конференции стала тема издания областных альманахов. Так что уже выступавший вслед за Трифоновой воронежский прозаик М. Сергеев /63–74/ заявил, что чувствует себя так, словно, по его выступлению, находится «на сессии заочников, куда нас пригласили в обычном порядке, чтобы послушать очередную лекцию, к которой лектор, надо сказать, не особенно хорошо и подготовился». (На этих словах стенографистка зафиксировала одобрительные аплодисменты.)

В заключение первого пленарного заседания собравшиеся прослушали заготовленное заранее выступление другого писательского начальника — А. Первенцева /81–91/, которое сводилось к двум тезисам: надо быть внимательными к молодёжи, и руководить писателями трудно. Настрой его речи отражён в следующей цитате:

Нам неприятно взирать на померанцевщину, которая пытается создавать историю. Что значит это явление? Это есть атака не только на нашу литературу, а атака на партию, т. к. [! — А. К.] партия — это наше счастье, наша гордость и наша радость /89/.

Закончился день ответами Т. Трифоновой на вопросы присутствующих /92–95/.

Понятно, что в своей заметке Окуджава не мог адекватно отобразить атмосферу конференции. Не мог он и рассказать о том, что названные им настоящие (по тем меркам) *мэтры* советской «секретарской» литературы Н. Грибачёв и А. Первенцев сразу после своих докладов отбыли в столицу, о чём в другие дни с недовольством говорили в своих выступлениях писатели. (Для молодых читателей: тогда никакая советская газета не смогла бы эти факты с критикой «начальства» обнародовать.)

Однако дело даже не в том, что Окуджава *не мог*: по-видимому, он ещё не *готов* был разбираться и потому отделался повторением тезиса о «партийности и подлинной народ-

ности», которыми якобы пренебрёг вздумавший оценивать труд писателя «исключительно с точки зрения искренности» критик В. Померанцев. Другими словами, в 1954-м поэт ещё оставался если не *красным мальчиком*, как он иногда характеризовал себя молодого, но — «красным мужем». Способность мыслить самостоятельно придёт позже — даже не сразу после знакового XX съезда, а уже после вступления в партию и переезда в Москву.

...Второй день конференции был отдан прениям по докладу Т. К. Трифионовой³⁹; снова высказывалось разочарование им (в заключительном слове докладчице даже пришлось признать, что она неверно подошла к его подготовке /86–97/). Отмечалась и плохая организация конференции: «нет информации о порядке дня» (С. Лазутин, ВГУ /76–81/).

В последний пленарный день, 30-го, с отчётами выступили руководители семинаров В. Журавлёв /14–23/, П. Чагин /6–8/, заместитель руководителя семинара О. Кротова /9–13/, для представительства — один из участников семинара с дифирамбами поэтам-хозяевам. Заключительное слово произнёс заведующий отделом прозы софроновского «Огонька» прозаик Т. Сёмушкин /46–62/.

Вопреки информации Окуджавы и воспоминаниям Н. Усовой, семинары уложились максимум в три дня: 27, 28 и 29 июня.

5. Документ: Как возникают легенды

По-видимому, стенограммы семинаров в Воронеже не велись, иначе они тоже оказались бы в архивах⁴⁰. Однако сохранились отзывы, сделанные участниками обсуждения — помощниками руководителей семинаров. В нашем случае это причисленные Окуджавой к рангу руководителей — Сергей Орлов, Михаил Львов, а также Павел Кустов⁴¹. Все они и в самом деле прошли войну, однако, кроме действительного руководителя семинара В. Журавлёва, *молодым мэтром* из них можно назвать ещё лишь

³⁹ Оп. 5. Ед. хр. 1479.

⁴⁰ В Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области материалов о совещании не обнаружено; здесь остались лишь вторичные следы проведённого мероприятия в виде переписки с Москвой об отсылке туда документации и т. п. Благодарим А. В. Скобелева, изучившего по нашей просьбе содержимое Фонда Воронежского отделения СП СССР (№ 2829).

⁴¹ Кустов Павел Петрович (1906–1970) — рабселькор, журналист, поэт, переводчик, критик; публиковать стихи начал ещё в 1919 г.; в середине 1950-х переехал из Череповца в Ленинград.

ленинградца, выпускника Литинститута этого года Сергея Орлова⁴², автора без преувеличений знаменитого стихотворения «Его зарыли в шар земной...» (1944). У нас нет сведений для подтверждения версии Д. Быкова о том, что поэты-фронтовики после совещания *сошлись особенно близко*, но Орлов действительно стал адресатом военной песни Окуджавы «Четыре года» (1959)⁴³. Пожалуй, гораздо ближе молодому калужанину оказался москвич Михаил Львов — к тому времени имевший уже десятилетний стаж члена СП⁴⁴. Его же Окуджава называл одним из самых первых писателей, с которыми познакомился (возможно, ещё до этого совещания⁴⁵). М. Львов — однофамилец погибшего в 1961-м друга Окуджавы Владимира Львова — постоянно будет возникать позднее на его жизненном пути.

Всего в семинаре Журавлёва приняли участие двадцать два человека.

Рассмотрим сохранившееся.

Судя по публикуемым ниже отзывам, на рецензирование в Москву Окуджавой была послана поэма «Весна в октябре» о Циолковском и подборка стихов («4 п. л.»⁴⁶).

Все три отзыва напечатаны на одной портативной пишущей машинке⁴⁷. Они, судя по имеющимся на двух из них датам, написаны непосред-

⁴² Орлов Сергей Сергеевич (1921–1977) — поэт; в будущем — член Правления СП РСФСР (1958), автор цикла стихов «Слово о Циолковском» (1962); с 1970 г. в Москве, рабочий секретарь СП РСФСР.

⁴³ Необходимо отметить, что часто посвящений Окуджавы удостаивались не самые близкие ему люди. Когда его однажды спросили: «Есть ли у Вас стихотворение, посвящённое Важе Окуджаве?», — поэт ответил: «*Нет, но это брат, вы знаете, — сочтут, что это... Сапожник без сапог, братья всегда обижены*» (Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 24).

⁴⁴ Львов Михаил Давыдович (Габитов-Маликов Рафкат Даутович; 1916/17–1988) — журналист, школьный учитель; поэт; родом из Башкирии, его учёба в Литинституте была прервана войной, после войны вернулся в Москву, заведовал отделом поэзии в журн. «Юность», работал секретарём правления Моск. писательской организации, зам. гл. редактора «Нового мира».

⁴⁵ См. свидетельство, зафиксированное в дневниковой записи Н. Эйдельмана от 17 сент. 1978 г.: «...Рассказ Булата, как он волновался, видя в Калуге первого писателя в жизни — Мишу Львова и как тот рассеял волнение вопросом о какой-то девице» (Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана. М.: Материк, 2003. С. 178). Запись эта, впрочем, сама по себе не точна, поскольку противоречит известным фактам.

⁴⁶ Это обозначение объёма сбивает с толку. Рукописи не могли меряться в печатных листах — либо здесь обозначены печатные страницы, либо — авторские листы, по тогдашним меркам для стихов составляющие 700 строк каждый, что, по понятным причинам, менее вероятно.

⁴⁷ Оп. 5. Ед. хр. 1484. Л. 79–81. Без автографов.

ственно в день семинара или на следующий. В их заголовочной части (в разных формулировках) имеется указание на то, что они носят характер *дополнений к сказанному устно*. (Такая принятая в СП формула позволяла бухгалтерии считать краткие отзывы полноценными рецензиями.)

* * *

Тов. Окуджава в своей поэме задался целью рассказать нам о том, как и в каких условиях жил и работал в дореволюционное время знаменитый русский учёный Циолковский. Автором хорошо показаны застойный быт старой Калуги, затхлая мещанская среда, окружавшая учёного. Обыватели, мещане смотрели на него как на человека «свихнувшегося». А наиболее реакционная часть городского населения всячески травила его, называла «отравителем», «бунтовщиком» и т. д. Нелегко было Циолковскому жить и творить в такой обстановке. Но мысль о полёте к звёздам, о преодолении воздушных пространств никогда не покидала его. Учёного всё время тянуло к звёздам. К сожалению, вот эта тема «звёздных устремлений» Циолковского автором не разрешена поэтически.

Тов. Окуджава — способный поэт, ему нужно основательно поработать над этой вещью.

П. Кустов

27/VI-54 г.

* * *

В поэме имеются волнующие психологически точные куски о знаменитом учёном, но книжность поэта помешала создать ему живой образ Циолковского. Поэт владеет стихом; чувствуется, что он человек начитанный, думающий серьёзно. Но свой голос он ещё не обрёл несмотря на несомненные успехи в творчестве. Следует освобождаться от книжности, учиться выражать себя ярче своим голосом.

С. Орлов

* * *

Ознакомившись со стихами и поэмой Окуджавы, мы пришли к выводу, что автор очень и очень страдает книжностью, хотя поэма о Циолковском написана в основном крепкими стихами, но там ещё (особенно в отдельных стихотворениях) много книжности, т. е. того, что идёт больше от прочитанных книг, чем от живой жизни. По общему мнению, это главный недостаток

8

30/VI-1954 г.

Левушкин окончил Литературный институт, а Голованова нужно рекомендовать на Высшие литературные курсы.

(С места — он кандидат, а студа принимают только членов)

Мы просили бы посодействовать этому делу.

С интересом заслушали поэму Акуджавы и Гордейчев. Обоим было указано на недостатки. Акуджаву было указано на длинноты, а Гордейчеву на недостаточную ясность конфликтов, на недостаточно ясно выраженное свое отношение к этому произведению. Но эти произведения заслуживают, чтобы авторы еще поработали над ними и, если они будут отработаны, их можно рекомендовать в печать.

С поэмами пришли Блинский — Орел и Полевой — Тула. Поэмы мы не успели обсудить, но при знакомстве с ними, можно ска-

Стенограмма
выступления
В. Журавлёва.
Фрагмент

работ Окуджавы. Но человек он, несомненно, способный, и при серьезной работе он мог бы стать поэтом.

М. Львов

30/VI-54 г.

Свой голос он ещё не обрёл, мог бы стать поэтом — эти оценки, согласимся, далеки от комплиментарных отзывов. В этом контексте другие слова мэтров — *несомненные успехи в творчестве и несомненно способный* — скорее всего похожи на «утешительные призывы». И — ни слова о какой бы то ни было рекомендации издать собственную книгу.

В десятистраничной стенограмме отчёта Василия Журавлёва⁴⁸ Окуджаве уделено всего несколько строк, и то — на пару с воронежцем Владимиром Гордейчевым.

Процитируем это место:

С интересом заслушали поэму Акуджавы⁴⁹ и <стихи> Гордейчева. Обоим было указано на недостатки. Акуджаве было указано

⁴⁸ Оп. 5. Ед. хр. 1480. Л. 14–23. Машинопись с поверхностной правкой. Журавлёв Василий (Вильгельм) Андреевич (1914–1996) — поэт, переводчик, в 1954 г. вышла его вторая книга стихов; родом из тамбовского села, выпускник Литинститута 1940 г., работал в альм. «Молодая гвардия» и журн. «Москва». В 1965 г. опубликовал под своим именем стихотворение А. Ахматовой, что послужило иллюстрацией к главе «Плагат» в «Краткой лит. энциклопедии» (Т. 5. 1968); об этом же случае рассказывал В. Высоцкий в связи со своей «Песенкой плагиатора».

⁴⁹ Разнобой в склонении фамилии Окуджавы свойствен оригиналам публикуемых документов (здесь и далее в цитатах и документах сноска наши. — А. К.).

на *длинноты*, а Гордейчеву — на недостаточную ясность конфликтов <...> Но эти произведения заслуживают, чтобы авторы ещё поработали над ними, и, *если они будут* отработаны, их можно рекомендовать в печать /17/.

(Заметим, что приведённое здесь написание фамилии Окуджавы принадлежит человеку, правившему стенограмму красным карандашом, — возможно, самому Журавлёву. Стенографисткам и вообще такая фамилия была чудна: со слуха они транскрибировали её как *Ахуджаев*.)

Итак, на *комплименты* в адрес Окуджавы тоже похоже мало — дежурные фразы об «имеющихся недостатках». Так что, скорее всего, Окуджаву в своей заметке вовсе не *скромно заменил* или *скромно умолчал*, а написал всё как есть — просто личные успехи, которыми стоило бы хвастаться, пока не подоспели.

Напротив, к изданию «в Москве» на этом семинаре были рекомендованы книги стихов Анатолия Лёвушкина (Рязань), Сергея Голованова, Герасима Приземлина⁵⁰ (оба — Тамбов) и Станислава Серикова (Липецк); первые двое, как отмечалось, заслужили приём в СП; рекомендовано издать и сборник Дмитрия Блынского (Орёл).

По-видимому, для полноты следует привести и общее замечание руководителя семинара, относящееся ко всем делегатам конференции (а значит, и к Окуджаве тоже):

Что ни говорите, а налёт некоторой провинциальности на стихах поэтов чувствуется. Это тем более странно, что наша страна идёт заметно к коммунизму, так заметно сглаживается разница между городом и деревней, а эта разница между московскими поэтами и областными бросается в глаза. Не всегда имеется хороший вкус... /23/

И вместе с тем Журавлёв подводит такой итог:

Работа в семинаре шла на очень высоком идейном, художественном уровне. Товарищи друг к другу относились доброжелательно, с большой требовательностью выступали, с большим вкусом, и это не может не порадовать нас. Нужно сказать, что работа шла на уровне секции московских поэтов и даже повыше, потому что в Москве между писателями имеются приятельские отношения, что позволяет иногда замазывать ошибки. Здесь же товарищи из разных областей, и они, невзирая на лица, бросали правду в глаза. Это даст хорошую пользу.

Думается, что со стороны Союза советских писателей и нашим отделениям это принесёт большую пользу, так как поэты, писатели,

⁵⁰ В стенограмме ошибочно — *Приземлённого*. Далее ошибки в фамилиях, взятых из стенограмм, исправляются безоговорочно. Отсутствующие в стенограммах инициалы и имена восстановлены нами по сторонним источникам.

живущие в областях, хотя и проводят время от времени совещания, но этому придаётся парадность и <этой парадностью> как-то замазывается настоящая правда /22/.

Конечно сказанное здесь справедливо. И жаль, что мы не можем восстановить хотя бы часть той *брошенной в глаза правды*. Однако не следует по неукладке Окуджавы на этом семинаре судить о его поэзии тех лет в сравнении со стихами перечисленных авторов: процитированное неизбежно вызывает грибоедовский вопрос «А судьи кто?»

Вот, в качестве ответа без комментариев, небольшой фрагмент о сатире из того же выступления ответственного руководителя семинара Журавлёва — для его (кстати, преподавателя Литинститута!) характеристики:

...Русская классическая поэзия и такие большие баснописцы как Дмитриев, Крылов, Демьян Бедный и Михалков. Но если Дмитриев, Крылов, Демьян Бедный не могли... раскрывать свой замысел напрямую, то советские поэты могут говорить прямо. Поэтому стихотворный фельетон должен занять в жанре политической сатиры главенствующее место /19/.

Надежда Усова из первых уст могла слышать только процитированные нами оценки, так как, занимаясь в прозаическом семинаре, сама не имела возможности присутствовать у Журавлёва. Тем не менее она была первой (и единственной из мемуаристов) сообщившей читателям о такой рекомендации. По-видимому, в её памяти, ко времени написания воспоминаний, на события 1954 года наложился образ успешного, популярного и даже модного поэта, каким Окуджава стал позднее.

Что ж, так бывает часто. Механизм нашей памяти, способный «склеивать» в одно целое различные эпизоды и создавать из них новую картину, порой далёкую от реальности, называют синтезом, комбинированием, контаминацией, наконец агглютинацией. Результат такого «склеивания», порождающего ложное воспоминание, учёные называют конфабуляцией.

Прочие несоответствия в воспоминаниях Н. Усовой можно объяснить, например, следующим образом. Окуджава в своём газетном отчёте о поездке не упоминает о составе калужской делегации. Плохо помня обстоятельства той поездки, Усова тоже, как и все биографы, заново перечитала давнюю статью своего коллеги и попутчика. И сделала тот же вывод: делегатов было лишь двое. Кстати, в приведённых нами списках обозначены и командирующие организации (в основном те, где каждый

трудился). В соответствующей графе напротив фамилии «преподавателя ж. д. школы № 2» Окуджавы стоит: «Издательство газеты “Знамя”». Возможно, денег на командировку для Усовой в техникуме МПС, где работала она, не нашлось и она ехала в Воронеж *за свой счёт*. Не исключено, что оплата командировки сорвалась и у Окуджавы. Но чтобы денег не было сразу везде, даже в партийном органе, — не очень верится.

Имеющиеся на сегодня сведения позволяют предположить, что старожилы ЛИТО держались обособленно, а новички Окуджава и Усова и впрямь добирались в Воронеж отдельно и самостоятельно. Упомянуть же «стариков» в газетной корреспонденции не нашлось повода — как и её автор, они не снискали лавров.

6. 1955: Второе областное совещание молодых литераторов

Возможно, на память Н. Усовой повлиял ещё один писательский форум местного — калужского — значения. В двадцатых числах мая (мы не можем с уверенностью назвать точную дату) 1955 года там «в течение трёх дней» проходило Второе областное совещание молодых литераторов⁵¹.

...Участники совещания подвели итоги работы областного литературного объединения за три года. На семинарских занятиях были подробно разобраны произведения местных авторов <...>

23 мая в помещении облдрамтеатра состоялся большой литературный вечер, на котором выступили участники совещания и самодеятельные коллективы города.

Руководить семинаром поэзии на этот раз в Калугу был послан уже знакомый нам Михаил Львов. Всё, что мы пока знаем об итогах этого семинара, известно из первых рук.

В своём заключительном выступлении Львов отметил Окуджаву, но в краткое изложение попала лишь одна фраза о нём:

Что касается Б. Окуджавы, то он уже в 1955 г. может издать книжку своих стихотворений⁵².

⁵¹ Здесь и далее цит. по: Областное совещание молодых литераторов / Без подп. // Молодой ленинец. 1955. 25 мая. По должности эту заметку должен был писать тоже Б. Окуджава.

⁵² Второе областное совещание молодых литераторов / М. Львов, Г. Медынский и др. // Молодой ленинец. 1955. 29 мая.

Подробности содержатся в его отчётной статье, опубликованной в трёх номерах калужской молодёжки. Мы приведём только фрагмент из её начала:

...Мне пришлось на совещании руководить семинаром по поэзии, разбирать стихи молодых поэтов, и хвалить, и критиковать их; и сами участники семинара активно выступали по произведениям своих товарищей. Занятия семинара проходили живо, порой даже шумно; много верного было сказано товарищами в адрес молодых поэтов.

На семинаре были обсуждены произведения тт. Б. Обновленского, А. Авдониной, П. Шпилёва, М. Просвирнова, Д. Сачкова, М. Садовской, А. Золотина, В. Стожарова, Л. Шмакина, Н. Юрченко, В. Фомина и др.

Стихи и поэма Б. Окуджавы были вынесены на индивидуальную консультацию.

В прошлом году в Воронеже, на конференции писателей областей средней полосы России Б. Окуджава читал первый вариант своей поэмы о Циолковском. Тогда на семинаре поэтов поэма была одобрена, автору указали на ряд недостатков её и, судя по новому варианту, опубликованному во втором номере альманаха «Литературная Калуга», он серьёзно поработал над ней.

Поэма посвящена гениальному изобретателю К. Э. Циолковскому. Поэт пишет о единоборстве великого учёного с мешанским миром, равнодушным, порой просто враждебным ко всему новому, живому.

Мы с ним повстречались
В далёком «когда-то»,
Как будто влекло <н>ас
Тропою единой,
Как будто свидетелем
И секундантом
Я был приглашён
На его поединок.

Это сказано хорошо. Поэт рассказывает об этом поединке, как участник событий — со страстью, с убеждённостью.

Циолковский не одинок. В трудную минуту он сердцем обращается к России, и вот как бы в ответ на его зов приходит помощь народа:

Вот так
И не сказкою,
Не сновиденьем,
А новой надеждой, поддержкой целительной
Пробились к нему ручейки сбережений.

Живо, интересно пишет поэт об октябрьских днях в Калуге, о счастье Циолковского, увидевшего, что новой России нужны и мечты, и небо, и звёзды. Я воспринял поэму как первую часть поэтического труда о великом изобретателе. Было бы хорошо, если бы Окуджава в дальнейшей своей работе вернулся к этой теме, продолжил её и попробовал показать жизнь Циолковского после революции.

В поэме ещё остались отдельные неудачные строки и строфы, как например:

И снова сомненье минутной болью
врывалось, сдобрённое гулом орудий.

Трудно представить сомненье, которое «сдобрено гулом орудий» и «врывается минутною болью»⁵³. Это очень вычурно, неясно. Конечно, такие строки надо безжалостно выкидывать...⁵⁴

Об этом мероприятии Н. Усова не упоминает, хотя как прозаик, уже отмеченный на Межобластной конференции, участвовала и в нём. (И более: на этот раз её повесть снова высоко оценили, но уже другой руководитель прозаического семинара — Г. Медынский⁵⁵.) Обратим внимание: у Львова фамилия Окуджавы не фигурирует в общем ряду — его *стихи и поэма были вынесены на индивидуальную консультацию*. То есть руководители совещания отнесли к нему уже как к знакомому, почти с в о е м у⁵⁶. Однако в городе были и более известные калужским читателям поэты: например, названные выше Борис Обновленский или Михаил Просвирнов, который ещё в 1950 году выпустил свой первый сборник. (Опять же для тех, кто подзабыл порядка тех лет или вовсе не знаком с ними, скажем, что собственная книга была очень важным для литератора рубежом: хотя и не достаточным, но обязательным условием для вступления в Союз советских писателей. А о возможности издать её самостоятельно, как это делается теперь, нечего было мечтать.)

Скорее всего, только после этого фактически привилегированного положения на совещании и после двух публикаций Львова в «Ленинце» редакция газеты «Знамя» могла вынести своё решение об издании произведений поэта отдельным сборником.

Вот это действительно тот момент в биографии Окуджавы, после которого он мог всецело ощутить себя *лучшим поэтом Калуги*.

Но не тут-то было.

⁵³ Ср. в «Лирике»: «И снова сомненье // минутною болью // *в душу* врывалось // *под грохот* орудий: // до звёзд ли теперь?».

⁵⁴ Львов М. О семинаре поэзии: (Заметки руководителя) // Молодой ленинец. 1955. 3 июня.

⁵⁵ Второе областное совещание молодых литераторов / М. Львов, Г. Медынский и др.

⁵⁶ На наш взгляд, именно в это время мог состояться разговор Львова с Окуджавой, который пересказал эту историю Эйдельману (см. сн. ⁴⁵).

7. 1956: III Всесоюзное совещание

Говоря о знакомстве с Окуджавой, бывший лагерник, поэт Лазарь Шерешевский, живший в 1950-е годы в городе Горьком, упоминает «так называемое Всесоюзное совещание молодых писателей»⁵⁷ 1956 года в Москве, на котором он попал в семинар Ильи Сельвинского.

А в соседней комнате заседал семинар Михаила Светлова, — *рассказывал он далее*. — На нашем семинаре как представитель города Калуги был Николай Васильевич Панченко, очень хороший, замечательный поэт, и он меня познакомил тоже с делегатом из Калуги, только занимавшимся не в нашем, а в соседнем семинаре, — с Булатом Окуджавой.

Сразу отметим ошибку: Светлов тоже вёл один из одиннадцати (!) поэтических семинаров, но Окуджава попал к другому мэтру — уже знакомому ему по Воронежу Сергею Орлову (с ним снова работал и Михаил Львов). Ещё одна ошибка памяти — новый калужский знакомый Л. Шерешевского приехал туда не будучи автором своей первой книги, как вспоминает последний в продолжении своего повествования, — обсуждению на семинаре подлежали стихи из её *рукописи*⁵⁸.

Это, кроме публикуемых в этом же выпуске воспоминаний Д. Долинского, пожалуй, единственный известный нам мемуарный рассказ о тех событиях. Кстати, в них тоже есть фрагмент, который вызывает сомнения — о звонке матери Окуджавы: к этому времени она уже около года жила и работала в Москве. Речь здесь, по нашему предположению, может идти о её возвращении из длительной поездки по стране с комиссией по реабилитации, в работе которой она участвовала.

А что же говорят о том совещании биографы?

Главы из биографического повествования М. Гизатулина, посвящённые «калужскому периоду», на момент написания нашей статьи ещё не опубликованы. О. Розенблюм, мельком упоминая московское совещание, основывается на своей личной беседе с единственным свидетелем — калужским журналистом, прозаиком и партийным работником Сергеем Васильчиковым.

Цитируя его, исследователь пишет:

⁵⁷ Здесь и далее его выступление в Клубе друзей Булата Окуджавы цит. по: *Шерешевский Л. «С гитарой под плащом» // Встречи в зале ожидания. С. 124.*

⁵⁸ Дальнейшие неточности воспоминаний легко заметны при сравнении их с содержанием сборника «Лирика» (Калуга, 1956).

...Видимо, это было первое совещание такого уровня, на которое попал Окуджава: «В президиуме сидели все, начиная от Шолохова <...> вся элита литературная присутствовала». Ездили туда все вместе: С. А. Васильчиков, Н. В. Панченко, В. Кобликов, Окуджава. С. А. Васильчиков рассказывает, что Окуджава «был главным лицом, он и Коля Панченко <...> Булат сразу заявил о себе довольно-таки серьёзно», «там я обратил внимание на то, что работники журналов и “Литературной газеты”, они как-то на него сразу пошли: брать у него интервью — чем он интересуется, какой литературой, на какой литературе он воспитан».

Присутствие на этом совещании ещё раз подтверждает, что ко времени переезда Окуджавы в Москву какие-то литературные знакомства у него уже должны были быть. Кроме того, он уже собирался переезжать в Москву, ждал, видимо, только выхода калужской книжки, и эта поездка в Москву была для него важна ещё и потому, что здесь, на совещании, можно было с кем-то познакомиться, да к тому же и статус оно давало другой — участник всесоюзного совещания.

Д. Быков в этом месте своей книги ещё более краток:

К началу 1956 года Окуджава уже считался ведущим калужским поэтом. В январе он участвовал в Третьем всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем в Москве. Там его заметили — выделяться из толпы было уже не опасно, а, напротив, почётно. Высокий темноволосый калужский грузин многим понравился⁵⁹.

Так ли всё было однозначно — мы узнаем из публикуемых ниже документов. А пока — о самом совещании.

Как и в 1954 году, будущие участники Всесоюзного (уже третьего) совещания обязаны были заранее послать в столицу подборку своих произведений. Однако в этот раз из Калуги, которая имела квоту два человека, были предложены трое участников, и один из них в Москве был отсеян⁶⁰. (По косвенным данным мы можем предположить, что среди отклонённых оказался А. Авдонин⁶¹, и это никак не связано с политическими мотивами, о которых пишет Д. Быков.)

Окуджава, как дальше будет видно, не стал ориентироваться только на опробованное и, кроме поэмы, отобрал примерно по семь уже напечатанных и новых стихотворений. Одновре-

⁵⁹ Быков Д. Указ. соч. С. 254.

⁶⁰ По данным статистической «Справки о количестве рекомендованных, утверждённых и отклонённых кандидатов для участия в работе...» (Оп. 32. Ед. хр. 864. Л. 59—62).

⁶¹ Фамилия Авдонина числится среди вызванных перед совещанием в Москву «для обсуждения произведений». См. «Смету расходов Комиссии по работе с молодыми писателями на 1955 г.» (Там же. Л. 10—14).

менно в Москве готовились к печати два текста для поэтической подборки одиннадцатого номера «Нового мира». В предисловии к ней было, в частности, сказано:

В декабре 1955 года в Москве состоится Третье Всесоюзное совещание молодых писателей. На совещание съедутся прозаики, поэты, драматурги, критики.

В этом номере мы печатаем стихи молодых поэтов Москвы, Ленинграда, Еревана, Грозного, Тулы и других городов Советского Союза...⁶²

Соотносится ли эта публикация с совещанием напрямую или же связующее их предисловие появилось в независимо подготовленной подборке уже на стадии вёрстки, — не совсем ясно. Кстати, сначала форум был намечен на октябрь⁶³, потом перенесён на ноябрь 1955 года⁶⁴. По организационным причинам (рукописи не успевали отрецензировать) совещание потом переносили ещё дважды, и в итоге оно прошло с 9 по 16 января 1956-го. И только опираясь на эти данные о переносах, мы можем утверждать, что дату присылки материалов «семинаристами» в столицу нельзя определять так, как это делает Н. Усова («примерно за месяц до начала семинара»⁶⁵). В документах этот крайний срок определён как 15 октября⁶⁶ — для Минобороны и МВД. Судя по тому, что совещание было решено пополнить за счёт участников в погонах уже позднее, калужане в числе прочих штатских должны были послать свои рукописи ещё в августе.

О совещании написано много, в том числе обнародованы и воспоминания его участников. Поэтому мы не станем подробно рассказывать о первых пленарных заседаниях 9–11 января. Достаточно упомянуть, что его открытие, по воспоминаниям Б. Сарнова, происходило во Дворце культуры газеты «Правда»⁶⁷.

⁶² Первые стихи / Врез от ред. // Новый мир. 1955. № 11. С. 76, 80–81. Из сод- держ.: Окуджава Б. Зависть; «Сидишь, одета в платье ситцевое...». Ср. с поздней оценкой: «...В 55-м была публикация в подборке молодых поэтов в "Новом мире" перед совещанием молодых писателей — два стихотворения прошли ужасных» (Окуджава Б. «Всё зависит от таланта...» / Беседу вёл Г. Елин // Лит. Россия. 1984. 10 февр. / № 7. С. 8–9.).

⁶³ См. письмо секретаря Правления ССП В. Ажаева в ЦК ВЛКСМ, который традиционно участвовал в организации и проведении подобных мероприятий, от 10.03.55 (Оп. 32. Ед. хр. 845. Л. 2).

⁶⁴ Этим временем в своей «Хронике жизни и творчества» Окуджавы датировали совещание М. Гизатулин и В. Юровский.

⁶⁵ Усова Н. Указ. соч.

⁶⁶ Например, в «Плане по подготовке и проведению...» (Оп. 32. Ед. хр. 864. Л. 19).

⁶⁷ См.: Сарнов Б. Чем-то я ему приглянулся // Вопр. лит. 2007. № 2. С. 19.

РАСПИСАНИЕ

занятий семинара № 24. Руководитель ОРЛОВ С.С.

№ п/п	Дни	Часы	Участники совещания	Докладчики-рецензенты
12/1	11-15	Окуджава Дакх		М.Дзюв, С.Наровчатов, М.Дзюв, В.Дементьев
	17-21	Новел Вайтерьяков		В.Дементьев, С.Наров- чатов. М.Дзюв, С.Наровчатов
13/1	11-15	Бодренко Молутов		С.Наровчатов, В.Демен- тьев - "
	17-21	Озерова Николаев		Кураев, Лезина Кураев, Солоухин
14/1	11-15	Кузнецов Дербесов		С.Наровчатов, В.Демен- тьев М.Дзюв, С.Дементьев
		Долгинский		- "
	17-21	Половинкин		- "
		Юшков		- "

Табель посещаемости занятий

Руковод- ств. Се	№	Фамилия, име отчество	12/1-		13/1-		14/1-	
	п/п		Утра	вечер	Утра	вечер	Утра	вечер
		<u>Участники</u>						
	1	Бодренко А.М.	+	+	+	+	+	+
	2	Вайтерьяков Н.С.	+	+	-	+	+	+
	3	Дербесов И.М.	+	+	+	+	+	+
	4	Долгинский В.И.	+	+	+	+	+	+
	5	Дзюв С.С.	+	+	+	+	+	+
	6	Кузнецов Ю.И.	+	+	+	+	+	+
	7	Лакти Уно	+	+	-	-	-	-
	8	Молутов И.П.	+	+	+	+	+	+
	9	Окуджава В.И.	+	-	+	+	+	+
	10	Половинкин В.В.	+	+	+	+	+	+
	11	Юшков Ф.	-	-	-	-	-	-
		<u>Руководители</u>						
	1.	Орлов С.С.	+	+	+	+	+	+
	2.	Дементьев В.В.	+	+	-	+	+	+
	3.	Дзюв М.Д.	+	+	-	-	-	-
	4.	Наровчатова С.С.	+	+	+	+	+	+
		<u>Члены Президиума ССН.</u>						
	1	Жароков Т.И.	-	-	+	-	-	-
	2	Смушало	-	+	-	-	-	-
		Отв. секретарь Яковлев						

Табель
посещаемости
и расписание
(РГАЛИ. Ф. 631.
Оп. 32. Ед. хр. 864.
Л. 117; Оп. 35.
Ед. хр. 494.
Л. 21об.)

Занятия поэтических семинаров проводились в основном в помещениях МК ВЛКСМ (Колпачный пер., 6)⁶⁸. Совещание фактически собрало 325 семинаристов, 118 из которых принадлежали поэтическому цеху. В той или иной степени в работе совещания приняли участие 240 только московских членов Союза; были подключены и писатели из других городов. Они съехались на проходящий одновременно II Пленум правления Союза советских писателей, посвящённый воспитанию молодых литераторов⁶⁹.

Ответственным руководителем того семинара, куда попал Окуджава, был Сергей Наровчатов⁷⁰. «Докладчиками-референтами» при нём на этот раз были знакомые поэты С. Орлов и М. Львов, а также критик В. Дементьев.

В качестве главок 8 и 9 приведём полный текст сохранившегося отчёта, цитату из другой его редакции, а также ту часть «протокольной записи», которая отразила обсуждение творчества Окуджавы.

8. Документ: Отчёт о работе поэтического семинара № 24⁷¹

На поэтическом семинаре № 24 были обсуждены рукописи десяти поэтов⁷².

Разбирая подробно стихи поэтов, пишущих на русском языке, а также стихи в подстрочных и поэтических переводах поэтов из национальных республик, руководители семинара и делегаты совещания обсуждали серьёзные проблемы поэзии, волнующие их.

Общим недостатком обсуждаемых поэтов, присущим им в разной степени почти всем, является риторичность и отсутствие поэтической смелости.

Семинар проходил очень живо, к произведениям предъявлялись высокие требования без скидок на молодость. Разговор шёл дружеский и нелицеприятный.

⁶⁸ Здесь и далее — по данным списка «Размещение семинаров по помещениям» (Оп. 32. Ед. хр. 864. Л. 91—92).

⁶⁹ Данные по: Стенограмма заседания II Пленума правления СП СССР и III Всесоюзного совещания молодых писателей (Оп. 32. Ед. хр. 863. Л. 3—4).

⁷⁰ Близости к Наровчатову посвящён один из эпизодов рассказа «Подозрительный инструмент».

⁷¹ Оп. 35. Ед. хр. 494. Л. 1—3. Машинопись без автографа, без даты. Для сравнения критики и рекомендаций в адрес участников семинара публикуется полностью.

⁷² Одиннадцатый из намеченных участников Г. Юшков из Коми АССР в семинаре не участвовал — он предпочёл семинар драматургов, в списках которого также присутствовал.

Коротко о поэтах.

1. ОКУДЖАВА Б. — интересный своеобразный поэт, ещё не свободный от книжности.

Необходимо помочь отредактировать ему сборник стихов, запланированный в Калуге. Дать ему творческую командировку от Союза в Туву, Окуджаву загорелся желанием поехать в Туву после рассказов тувинского поэта Ю. Кунзегеша⁷³ о своём крае.

2. УНО ЛАХТ. Интересный, сложившийся поэт, его первая книга сатирических стихов «Молочные зубы», изданная в Эстонии большим для республики тиражом в 10 000, имела в Эстонии большой успех. Стихи Уно Лахта обязательно нужно переводить на русский язык. Его лирические стихи, поэмы мог бы блестяще перевести М. Луконин, которому Лахт близок по манере. Рекомендовать в Союз писателей.

3. ИСАЕВ Е., Москва. У него хороший поэтический глаз, наблюдательность, умение сказать коротко, образно, но не хватает образования, что заметно по стихам. Семинар рекомендует Е. Исаева в Литинститут.

4. КУНЗЕГЕШ Ю. Тувинский поэт, не свободен от риторичности, но лучшие его стихи говорят о подлинном поэтическом видении мира. Его необходимо перевести из кандидатов в члены Союза писателей. Дело Кунзегеша лежит в приёмной комиссии СП с весны 1955 года без движения.

5. ДОЛИНСКИЙ Д., Ростов. В его стихах присутствует биография, поэт с хорошей выдумкой, но иногда она превращается <в> «хохму» двухкопеечную. Долинскому необходимо помочь в его желании перевестись из Ростовского института в Литинститут.

6. МОЛУТОВ И. Уйгурский поэт. О нём можно сказать то же, что и о Кунзегеше. Талантлив. Подстрочник обсуждаемый был не точен, даже образы были утрачены, можно назвать подстрочник плохим пересказом содержания. Только с помощью поэта Т. Жарокова, сделавшего новый перевод, мы смогли судить об истинном лице поэта. Молутов пишет также сатирические стихи. Они яркие, выразительны.

7. БАЙТЕРЯКОВ <Н.>⁷⁴, Удмуртия. Лирический поэт, склонный к песенному творчеству. В лучших коротких стихах

⁷³ Кунзегеш Юрий Шойдакович — поэт из г. Кызыл; по существовавшему тогда правилам, стал кандидатом в члены СП ещё в 1949 г.; закончил Литинститут в 1960-м.

⁷⁴ В оригинале ошибочный инициал: А.

проявляется его способность мыслить ярко, образно, но немало у него и риторических стихов.

8. ДЕРБЕДЕНЕВ И. Русский поэт из Мордовии. Ему при-
суща задушевность, теплота, но очень много идиллических, ла-
кировочных стихов, не хватает поэтической смелости.

9. ПОЛОВИНКИН В. из г. Горького. Поэт ищущий, ещё
не нашедший себя, много риторических стихов.

10. БОДРЕНКОВ А. из Смоленска. Пишет давно, профес-
сионально, но слишком гладок, идилличен, много в нём рито-
рики. Написал пьесу, которая идёт на театре.

Т.т. С. Наровчатов, М. Львов, В. Дементьев, Т. Жароков,
Ю. Смуул, Л. Тоом вдумчиво, добросовестно отнеслись к рабо-
те семинара.

На семинаре завязалась хорошая дружба всех, принимав-
ших участие в его работе. Семинар прошёл плодотворно, конеч-
но, как писать хорошие стихи мы никого не научили, но всем
стало ясно, как не надо писать стихи. Об этом говорили хорошо
участники семинара.

Ответственный

С. Орлов

В том же деле содержится ещё одна редакция отчёта, выполненная
другим лицом, вероятно — ответственным секретарём семинара. Она
отличается формулировками, а также перечислением конкретных дней,
в которые присутствовали те или иные московские члены СП (те самые
«докладчики-референты» и специально приглашённые консультанты —
представители национальных литератур). Например, М. Львов — только
в первый день, Ю. Смуул — только «при разборе творчества эстонского
поэта Лахта У.» и т. д.

В частности, об Окуджаве в этой редакции говорится:

1. ОКУДЖАВА Б. (Калуга) — способный молодой поэт,
пишет на русском языке, стихи печатаются в газетах, 2 стиха
в «Новом мире», в областном издательстве готовится сборник
стихов. У него смелая манера письма, но не всегда присутствует
культура стиха. Следует помочь в подготовке сборника — прив-
лечь хорошего редактора⁷⁵.

К счастью, сохранилась и краткая «протокольная запись» семинара,
на основе которой был сделан процитированный (неподписанный) отчёт.
За ненадобностью она так и не была перепечатана.

⁷⁵ Там же. Л. 4–5. Машинопись без подп., без даты.

9. Документ: Протокольная запись заседаний⁷⁶

12 января, утреннее заседание.

Обсуждение творчества т. Окуджава.

Т. Окуджава рассказал о своём пути в поэзии. Прочитал следующие стихи: «В музее оружия»⁷⁷, «Он не писал с передовой»⁷⁸, «Ночь после войны»⁷⁹, «Бессмерт<и>е», «Поединок», «В лесу»⁸⁰, «Ты води нас вперёд, дорога»⁸¹, «Сидишь одна, в платье ситцевом»⁸², «У весны такое море красок...»⁸³, «Мужья на войне»⁸⁴, «Последний залп»⁸⁵, отрывки из поэмы о Циолковском.

Т. Долинский⁸⁶. Знаю Окуджаву давно, ещё по Кавказу. И сейчас и тогда мне нравились в стихах его — культура, культура стиха, хорошая выделка стихов, чувство такта и слова. Его ранние стихи (о войне) мало трогали. А новые стихи, только что нами услышанные, — трогают. Особенно меня взволновали «Ночь после войны» и «Поединок». В первом хорошо переданы слова солдата, пострадавшего первую мирную ночь. Здесь и интимное, и общественное. Здесь лирика не крикливая. И особенно хороши стихи «Сидишь одна в платье ситцевом», напечатанные в «Новом мире».

Поэма о Циолковском вся не понравилась, хотя есть в ней хорошие куски. Зримого образа Циолковского не получилось, ведётся о нём разговор, а самого учёного не видно.

Т. Львов. Первый вариант поэмы о Циолковском мы читали ещё в 1954 г. в Воронеже. Он явно сделан под Асеева. Хоро-

⁷⁶ Там же. Л. 22об.—27. Рукопись.

⁷⁷ См.: «В зале оружейного музея...» (Твои глаза // Молодой ленинец. 1955. 29 мая). Характерные разночтения в этом списке с существовавшими названиями говорят о том, что вероятнее всего он делался со слуха.

⁷⁸ Впервые: Там же. 1 июля.

⁷⁹ Впервые: Там же. 16 окт.

⁸⁰ Впервые: Там же. 1955. 14 авг.

⁸¹ Ранняя ред. стихотворения, вошедшего в «Лирику» с первой строкой «Ты води нас по жизни строго...». Впервые: Дорога («Ты води нас вперёд, тревога...») // Знамя. Калуга, 1955. 24 дек. Данная публикация обнаружена нами недавно; до сих пор она не значилась в библиографиях.

⁸² Верно: «Сидишь, одета в платье ситцевое...» (см. публ. в журн. «Новый мир»; То же под загл.: В семье // Знамя. 1955. 21 мая). В «Лирике» — под загл. «Посредник».

⁸³ См.: Здравствуй, весна // Молодой ленинец. 1955. 11 марта («...Узнаю весны прикосновение // на расцветших лицах калужан. // У неё такое море красок, // что зима не в силах спорить с ней...»).

⁸⁴ В книге названо «Возвращение».

⁸⁵ Вероятно, не опубликованное ещё тогда стихотворение «Журавли» («Последний залп прорвал тишину...»).

⁸⁶ Биографическую справку о нём см. в разделе «Коротко об авторах».

шо говорит автор: поэзия привела его к теме о Циолковском. В поэме есть живые куски. Работу над ней надо продолжать и досказать то, чего не хватает. С культурой стиха у Окуджавы плохо. Культура чувства есть. В стихах много промахов, провалов. Отбор стихов для (предполагаемого) сборника — неправильный. Например, не следует включать в сборник <стихотворение> «В музее оружия»⁸⁷. В нём тема распадается. Здесь одни «глаза», а музея нет. В стихах «Ночь после войны» нет конкретной темы. «Болят раны войны...»⁸⁸ — что за раны болят, какие? — здесь конкретность нужна.

(Реплика т. Наровчатова: У Окуджавы тяга к обобщению. Это хорошо. Но и плохо — портит иногда. Почему «жёны», а не «жена»? /Имеется в виду — у Пушкина⁸⁹./)

Не вижу в стихе первой мирной ночи, т. к. деталей соответствующих нет. Автор пытается мудрствовать — это нехорошо. «Поединок» — распадающийся стих. Почему приговор самому (сам себе трибунал) — сильнее другого?

«Апрель» — хорошие, человеческие стихи, здесь переданы черты естественности. Но со стихом плохо: «И крови жгуч к лицу прилив...»⁹⁰, «не её ли то рука, не её ли то лицо...»⁹¹.

Считаю Окуджаву талантливым, но советую ему серьёзнее работать над стихами, над строкой.

Т. Байтеряков⁹². Общее впечатление о стихах — Окуджава ищет смелые выражения, отходит от гладких стихов. Не всегда удачно бывает, но всё же многое удаётся. Хорошо: «Нет у жён крыльев, чтоб лететь к мужьям и закрыть от бед...»⁹³. «Ночь после войны» понравилась. Но стихотворение это тоскливое, создаёт тяжёлую картину. Мы помним, как радостно переживали первые дни после победы. Не нравятся повторы: «болят-болят

⁸⁷ Окуджава последовал этой рекомендации, и стихотворение, раскритикованное также Наровчатовым и Орловым (см. дополнительную реплику Львова ниже), в итоге в готовящийся сборник не вошло, в отличие от остальных обсуждаемых.

⁸⁸ Строка не идентифицирована. Возможно, в дальнейшем она выпала из стихотворения «Ночь после войны» (см. похожие строки, упомянутые Н. Байтеряковым).

⁸⁹ Из стихотворения «Бессмертие».

⁹⁰ Из стихотворения «Посредник».

⁹¹ Из стихотворения «В лесу».

⁹² Байтеряков Николай Семёнович (1923–1997) — поэт-фронтовик, народный поэт Удмуртии, лауреат Государственной премии Удмуртской республики; в то время жил в селе под Ижевском.

⁹³ См.: в «Возвращении»: «Стоят у ворот одинокие жёны, // А крыльев-то нет долететь до войны, // мужей разыскать, от беды уберечь их...»

раны...», «свежие-свежие раны войны»⁹⁴... Нет в стихе центральной линии — или о войне хотел писать, или о солдате. Есть в стихах свежие <выражения⁹⁵> — <это> мне нравится.

Т. Лахт⁹⁶. Впервые слышу стихи Окуджавы. Отмечу мелочность его стихов. Но культуры стиха недостаёт. Размер (метрика) стихов одинаков. Нет строгой сюжетности. Отсюда и концовки не получаются. Наиболее эмоциональна «Ночь после войны». Хотя эту эмоциональность вызывает не конкретность. Несмотря на то, что стихи грустные — здесь смелые обобщения. Стихи создают впечатление, вызывают переживания. В <стихотворении> «Последние <дни войны>» нет конца.

(Реплика т. Львова. Словарь стихов не соответствует теме — «трибунал» и другие. «Оружие» и «глаза» — невозможно, «глаза» здесь не влезут в стих, в интонации.)

«Бессмертие» — не вызывает картину, т. к. в строфе нет деталей, чтобы картину нарисовать. Хотя здесь очень много других деталей, нагромождённых. Они, как краски на картине, перекрываются — и картины нет живой. Хотелось бы видеть конкретности — время, место — и в поэме о Циолковском. В ней мрачные мотивы. Неужели не было радостных моментов в жизни учёного?

Т. Шишло К.⁹⁷ Поэма Окуджавы не нравится мне — она не правомочна. Она сугубо подражательная — и по построению, и по метрике. Образ Циолковского теряется. Бытовые картинки засосали. Назойливость быта. Так нельзя писать об учёном — Циолковском.

О сборнике стихов — его надо посмотреть в Москве, иначе его (сборник) поругают. О Пушкине стихи слабые и, кроме того, нарушают целостность сборника.

Т. Наровчатов. С Окуджавой надо разговаривать по большому счёту. Его стихи, напечатанные в «Новом мире», взяли для сборника «Лучшие стихи 1955 года»⁹⁸. В его поэме я не уло-

⁹⁴ Слова из текста исключены. См. также в выступлении Львова.

⁹⁵ Возможно: *вкрапления*.

⁹⁶ Лахт Уно Эдуардович (Uno Laht; 1924–2008) — поэт, переводчик, пародист, прозаик; член СП СССР с 1954 г.; фронтовик.

⁹⁷ Поэт-переводчик с удмуртского. Вероятно, присутствовал в связи с обсуждением поэзии Н. С. Байтерякова, выступавшего непосредственно после Окуджавы.

⁹⁸ Вероятно, речь идёт о кн.: Стихи 1955 года / Сост.: К. Ваншенкин, М. Львов, С. Наровчатов, В. Тушнова // М.: Худож. лит., 1956. Среди ста двадцати её авторов имени Окуджавы нет. Однако указанные стихи попали в другой сборник: «Сидишь, одета в платье ситцевое...»: Лирич. стихи и песни // О любви, о дружбе / [Без указ. сост.]. М.: Искусство, 1956. С. 37–38. (Репертуар худож. самодельности; № 28).

ПРОГРАММА РАБОТЫ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

9 января

(открытие совещания в 17 час.)

Вступительное слово Первого Секретаря
Правления СП СССР А. А. СУРКОВА.

Доклад В. Н. АЖАЕВА «Молодые силы
советской литературы и задачи Союза
Писателей СССР в области воспитания
молодых литераторов».

10 января

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ, НАЧАЛО в 11 час.

Содоклад А. Н. МАКАРОВА «Творчество
молодых советских поэтов».

Содоклад В. С. РОЗОВА «Творчество
молодых советских драматургов».

Прения по докладу и содокладам

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ, НАЧАЛО в 17 час.

Продолжение прений.

11 января

Продолжение прений.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ **МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**

1 9 5 6

12 января

Работа семинаров прозы, поэзии, драма-
тургии, кинодраматургии, детской литера-
туры и критики.

с 11 до 15 час.

с 17 до 21 час.

13 января

Работа семинаров прозы, поэзии, драма-
тургии, кинодраматургии, детской литера-
туры и критики.

с 11 до 15 час.

с 17 до 21 час.

14 января

Работа семинаров прозы, поэзии, драма-
тургии, кинодраматургии, детской литера-
туры и критики.

с 11 до 15 час.

с 17 до 21 час.

15 января

Работа семинаров прозы, поэзии, драма-
тургии, кинодраматургии, детской литера-
туры и критики.

с 11 до 14 час.

16 января

Творческие встречи-беседы молодых
писателей с мастерами литературы (по
секциям).

с 11 до 15 час.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ, НАЧАЛО в 17 час.
Заключительное (итоговое) заседание.

Такие программки
совещания 1956 г.
были у каждого
участника
(РГАЛИ. Ф. 631.
Оп. 32. Ед. хр. 864.
Л. 123—124об.)

вил подражательности. И следование другому автору не страшно. Досадно другое: в поэме не видим устремлённости, мечты Циолковского, ради чего он работал и отдал жизнь. Межпланетные путешествия у него не самоцель. Он мечтал облагодетельствовать человечество. Мечта о бессмертии человечества вела его. Надо взглянуть и вперёд. Его мечта близка к осуществлению. <Есть> уже реальная возможность полётов на Луну, Марс... Автору не следует глубоко залезать в «губернию»⁹⁹. Необходимо высокий полёт в поэме. А автор здесь как областник (калужские мас<штабы>).

Советую продолжать работу над поэмой, но глубже разрабатывать — помечтать надо.

У Окуджавы есть тяга к обобщению — это хорошо. Но он злоупотребляет множественным числом — «жёны», «мужья»... Это плохие стихи. Недостает и культуры стиха, и вкуса. Есть желание сказать по-своему, иногда получается, а иногда нет, ляпсус получается: «детей — мужей». Неудачные стихи — «В музее оружия», — отсутствие вкуса, и всё из-за желания сказать непохоже, по-своему. Другим дарованием Окуджавы является драматургичность в его стихах. Когда он не выдумывает, пишет просто, тогда стихи хорошие. Например, «В лесу».

Надо повысить требовательность к себе. Сборник Калуга не вытянет. Надо помочь здесь, в Москве.

Т. Дементьев¹⁰⁰. Стихи оставили самое лучшее впечатление. Сборник будет хорошим, интересным. Окуджава — поэт своеобразный, у него есть своя поэтическая индивидуальность. Согласен, когда он пишет просто — всё идёт хорошо. А когда идёт от книжности — плохие стихи получаются. В начале стихов «Ночь после войны» — риторика, надуманность. Это идёт от книжности, от академизма — (автор имеет филологическое образование). Как хорошо, живо <он> пишет, когда не мудрствует: «Как много невест в этом году»¹⁰¹, — это поэтический язык. И вдруг спад: «Кости берлинцев и парижан в обнимку лежат»¹⁰². Ещё Белинский говорил, что мысль должна быть од-

⁹⁹ Так названа одна из глав поэмы.

¹⁰⁰ Дементьев Валерий Васильевич (1925–2000) — критик, литературовед, начинал как поэт, в 1950-х жил в Вологде; доктор филологических наук (1984), профессор Литинститута (1987); фронтовик.

¹⁰¹ Из стихотворения «Ночь после войны».

¹⁰² По-видимому, при публикации строфа с этой строкой (из того же текста) была сокращена.

на, а здесь, у Окуджавы, их много. Организации нет в стихах. Привлекают в его стихах гиперболы. Живое поэтическое чувство есть у автора.

Т. Орлов. В стихах Окуджавы есть места, где чувствуется культура стиха, стремление к точности, чеканности. За культуру можно принять его эрудицию. Пишет он о Пушкине, Гёте¹⁰³, — широко. Над поэмой надо работать. Окуджава — человек думающий. Следует устремиться к звёздам вместе с Циолковским. Можно использовать приём контраста. Много у автора книжностей. Прав Лахт — много пихает Окуджава деталей. Надо привлекать только нужное. «Апрель» — хорошие стихи. В <них> есть поэтическое чувство. Есть безвкусица: «седой архив переживаний»¹⁰⁴ (книжно), «с двадцатилетием в груди»¹⁰⁵. «Глаза» и «оружие» — безвкусица.

Сложно говорит. Очень рассудочный поэт. «В лесу» же — просто и живо, эмоционально написано. «У весны много красок»¹⁰⁶ — прописные истины, затасканные.

Надо помочь сделать сборник. Работа с хорошим редактором лучше поможет, чем двадцать семинаров. По военной тематике — можно писать, если душа лежит к ней, но находить новое.

Т. Окуджава благодарит за разбор. Многие недостатки видел сам — но не нашёл решения.

<...>

Записал: А. Кр[нрзб.]

14/1-56 г.

10. Уроки совещания

По программе 15 января работа семинаров должна была закончиться к обеду, но заседали только несколько из них: детской литературы, драматургии, кинодраматургии и критики. У других семинаристов этот день был свободным. Его программа¹⁰⁷ предусматривала дневную экскурсию в Кремль и вечернее посещение Дома кинематографистов.

¹⁰³ Возможно, имеется в виду не названное в числе прочитанных стихотворение «Гейне» из рукописи «Лирики» (см.: «...Задумался старый Бетховен, // и Гёте, — насупясь, молчит»).

¹⁰⁴ В сборнике исправлено: «седой архив *воспоминаний*».

¹⁰⁵ Из стихотворения «Апрель».

¹⁰⁶ Из стихотворения «Здравствуй, весна» (с разнотечением; см. сн.⁸³).

¹⁰⁷ См.: «Программа работы Пленума Правления Союза писателей СССР и 3-го Всесоюзного совещания молодых писателей» (Оп. 32. Ед. хр. 864. Л. 45–47).

Особо надо сказать о последнем дне этого форума — 16 января. И вот почему. Утренних заседаний было несколько, в разных залах, и одно из них — в большом зале старого ЦДЛ — было объявлено как «встреча представителей старшего поколения в поэзии с молодыми поэтами»¹⁰⁸. На наш взгляд, она в той или иной степени повлияла на будущую поэтическую работу Окуджавы.

Председательствовал на ней автор знаменитой и «образцовой» для Окуджавы военных лет¹⁰⁹ «Землянки», дважды лауреат Сталинской премии и будущий Герой соцтруда Алексей Сурков (1899—1983).

Сурков признался, что он «не такой могучий новатор в поэзии, чтобы выступать... с какими-то чрезвычайно глубокомысленными наблюдениями за жизнью стиха», и начал со своей биографии. Рассказывая о своих недавних поездках в Индию и Китай, он ругал Киплинга и восхвалял китайскую революцию, напомнившую ему его юность; рассказывал, как здорово китайцы борются с мухами. Защищал Маяковского от газетчиков, которые цитируют «проходные, а не важнейшие его строчки». Делился опытом: жалел, что в юности написал очень много стихов про свою фабрику и про Днепрогэс, и только в зрелом возрасте понял, что призван писать о «человеке с ружьём». Самым полезным для начинающих стало его напутствие: ищите свою тему и пишите о том, что видели сами.

Можно писать о китайских партизанах, — сказал он, — не будучи китайским партизаном, но если вы не были советским партизаном, вы можете написать фальшивые стихи о китайских партизанах /19/.

Нельзя утверждать, что Окуджава воспринял эту мудрую мысль именно в 1954 году и именно от Суркова. (Как не верным было бы сводить непосредственное, живое влияние старшего поколения на нашего героя лишь к такому ряду крупнейших поэтических имён как Пастернак, Антокольский, Табидзе.) Однако сам Окуджава в своих интервью в 1970—1980-х исповедовал именно такой творческий метод:

...Я просто рассказывал о себе, о том, что прожил, понял и переживал. Конечно, я не первооткрыватель: это общий закон искусства. Все мои замечательные предшественники писали

¹⁰⁸ Здесь и далее цит. по стенограмме: Ед. хр. 862. Л. 1—102.

¹⁰⁹ См.: «Под влиянием сурковской "Землянки" написал свои похожие стихи, подобра под них мелодию, спел песню бойцам» (Окуджава Б. «Нужен нам и потомкам...»).

так, что материал их жизни становился фактом искусства, представляющим интерес для многих людей¹¹⁰.

А следующая формула стала чем-то вроде его кредо:

*Задача художника — рассказать о себе... в меру своих способностей и представлений о жизни*¹¹¹.

Правда, после совещания 1956-го Окуджава опубликовал ещё два своих стихотворения из разряда «про Днепрогэс, китайских партизан» и «к Первому мая»¹¹² — точнее, про нарушение техники безопасности на бельгийской шахте «Марсинель», приведшее к трагедии, и о празднике Нового года¹¹³. Но это были последние его публикации такого рода.

...Кто-то из заявленных «стариков» не смог прийти на «утренник», и после Суркова из его поколения литераторов здесь выступили только Павел Антокольский (1896—1978), тоже уже лауреат, и Семён Кирсанов (1906—1972), пока ещё не лауреат той же премии под её новым названием. Но зато это были настоящие поэты, у которых действительно было чему поучиться.

Очень содержательным и полезным для молодых стало выступление С. Кирсанова /36—47, 65/. Для нас оно интересно своим построением, или, точнее, намерением. Он предложил провести встречу так, как потом будет строить свои вечера Окуджава:

Мне бы очень хотелось, чтобы на этот раз... действительно состоялась встреча-беседа... А ведь беседа — это вещь двусторонняя, и хотелось бы, чтобы состоялся хоть какой-нибудь разговор.<...> За те десять-пятнадцать минут, которые я буду говорить в плане заправки, может быть у вас сформируются вопросы, на которые вы хотели получить ответы /36—37/.

Это была очень яркая речь. В ней говорилось о мастерстве, которое складывается из двух составляющих: наличия того, что сказать, и техники стиха. Того или другого по отдельности — мало. «Мастерство — это только условие, а цель поэзии — это выражение человека». Высказал Кирсанов мысль

¹¹⁰ Окуджава Б. «Всё было очень серьёзно...» / Интервью вела О. Вайсбейн // Тетрадь. 1980. № 5. С. 21—23.

¹¹¹ Окуджава Б. Память // Интервью вёл А. Черненко // Совет. Россия. 1981. 8 мая.

¹¹² Ср.: «Когда я был молодым человеком и работал в газете, считал своим долгом написать что-то к Первому мая, седьмому ноября, к Новому году» (Окуджава Б. «Не писал я матерных куплетов...» / [Беседовал] А. Муждабаев // Тамбов. трактир. 1994. [Авг.] / № 31/).

¹¹³ См.: Окуджава Б. Марсинель // Молодой ленинец. 1956. 24 авг.; У городской ёлки // Там же. 31 дек.

о том, что в поэзии нет «молодых и старых», — и напомнил высказывание Л. Толстого о Пушкине, который «умер молодым, только начав развиваться во всю мощь» (примерно так же отзовется Окуджава на смерть Владимира Высоцкого). Уделил внимание старший поэт и защите так называемого формализма, который у нас не только не приветствовался, но и преследовался. И привёл в пример А. Мицкевича, который для каждого стихотворения находил отдельную форму. Говорил и о недопустимости фальши, которая всегда бывает видна. Закончил он тезисом о «воспитании личности в поэте». И рассказал о личности Маяковского, которому практически поголовно подражали тогда молодые поэты, не исключая и Окуджаву; делился личными воспоминаниями о «лучшем и талантливейшем».

В ответе на заданный ему вопрос он рассуждал о необходимом для поэта свойстве — любить и уметь ч и т а т ь поэзию /79–82/.

Не менее интересным и познавательным для собравшихся оказался монолог П. Антокольского /48–64/. Основой его стала мысль о том, что «обязательным для писателя сегодняшнего дня являются знания в области гуманитарных наук». Как и Кирсанов, он рассуждал о единстве «внутренней и профессиональной подготовки» писателя, призвал к «развитию формы в поэзии»; говорил о богатстве русского языка, который писатель должен любить и за чистоту которого бороться; о необходимости любить и изучать родную литературу и её историю: «Для того чтобы быть Туполевым, надо знать историю авиации»; о важности «воспитания и самовоспитания поэта», о внимании к деталям. Остановился он и на важности «тренажа», образно сравнивая профессию поэта с профессиями музыканта и живописца.

Добавим, что до последних дней Окуджава вспоминал, как Антокольский защищал его от критики¹¹⁴. Окуджава, по его воспоминаниям, познакомился с ним «в 48-м году, когда Антокольский, Николай Тихонов и молодой Межиров приезжали в Тбилиси. <...> Уже гораздо позже, подружившись с ним, я напомнил

¹¹⁴ См.: Антокольский П. Отцы и дети // Лит. газ. 1962. 11 дек. «Прошло много времени, пока Павел Антокольский не объяснил всем, что вовсе я не композитор, не песенник, не вокалист, а некая новая разновидность — поэт, исполняющий под гитару свои стихи. Тогда все успокоились и разошлись по своим вотицам. И, можно сказать, дали мне возможность писать свои стихи-песни. Правда, я к тому времени делать это уже перестал. Занялся прозой» (Окуджава Б. «...Не стараясь угодить» / Интервью вела Авг. Гербер // Веч. Таллин. 1983. 10 апр.).

*Павлу Григорьевичу о той встрече и мы смеялись...*¹¹⁵. Впоследствии они действительно сдружились, выступали на одних вечерах; Окуджава бывал у Антокольского в гостях и тоже, как Орлову и Наровчатову, посвятил ему стихи; был приглашён он и на семидесятилетие Антокольского.

Об этом празднике требуется сказать особо. Вот что пишет о нём О. Розенблюм:

Потом отношения будут дружеские, и на юбилее Антокольского в 1966 году Окуджава споёт в том числе и специально написанную песню «Письмо Антокольскому» («Здравствуйте, Павел Григорьевич!..»)¹¹⁶.

Известно ли это достоверно? Источником своего открытия автор называет издание фрагментов дневника юбиляра. Протицируем названную публикацию:

Ну вот и юбилей мой, и всё, что с ним было связано, и счастливое, и трудное, и хлопотливое, и шумное, и утомительное, и весёлое, и печальное, и всякое прочее — всё это прошло и стало прошлым.

1-го сего месяца ещё утром пришли Константин Симонов, Лариса, Карло Каладзе, мать Кости Александра Леонидовна. <...>

Еды было невероятное количество, и до сего дня мы её ещё не доели.

По отзывам, которые доходят ко мне, все остались довольны.

И поэтический праздник тоже был: Булат Окуджава спел несколько песен, Белла читала свою «Елабугу» и ещё что-то, Женя Евтушенко — несколько затянутое стихотворение на смерть Ахматовой...¹¹⁷

Как видим, на репертуар Окуджавы в этот день здесь никаких указаний нет. Конечно, мы вправе *предполагать*, что без *чтенія* посвящения на вечере не обошлось, но даже этого утверждать мы не можем. Даже если дополнительно привлечём авторское свидетельство о недолгом существовании мелодии у этого посвящения (см.: «Я никому ничего не навязывал...». С. 70–71). Такое допущение ещё как-то может быть объяснимо в популярной биографии, но в научной статье — вряд ли.

...Между тем на последнем дне совещания, 16 января 1956-го, выступали руководители семинаров и сами «семинаристы». Так утреннее заседание постепенно перетекло в заключительное. Поэтам только пришлось после перерыва перебраться в знакомый уже ДК газеты «Правда».

¹¹⁵ Окуджава Б. «Всё зависит от таланта...».

¹¹⁶ Розенблюм О. Путь в литературу Булата Окуджавы... С. 192–193.

¹¹⁷ Антокольский П. Дневник: 1964–1968 / Предисл. и коммент. А. Тоома. СПб.: Изд-во «Пушк. фонда», 2002. С. 60–61.

Приведём кое-что ещё для сравнительных показателей успеха/неуспеха Окуджавы. Несмотря на то, что каждый из выступавших руководителей семинара говорил о своих слушателях, присутствующим более всего должны были запомниться имена Валентина Берестова и семнадцатилетней Аллы Тарасовой. От них и ожидали многого: их фамилии были названы ещё в начале совещания, 10 января, во вступительном содокладе критика А. Н. Макарова. Так или иначе, но всегда с положительным знаком о них, помимо их руководителей С. В. Смирнова и Е. Долматовского, говорили и Сурков, и молодой грузинский поэт Нодар Гурешидзе. Двумя выступавшими отмечались успехи приехавшего из Хакассии Михаила Дёмина — двоюродного брата Юрия Трифонова. Из поэтов других семинаров были отмечены также Николай Савостин (Чита), Нафи Джусоев (Северная Осетия), Юстинас Марцинкявичус (Литва) и некто О. Николаев с Сахалина, так и не ставший, видимо, впоследствии профессиональным литератором. А калужане, увы, остались в тени...

Мы были делегатами этого совещания, — напишут по возвращении домой Н. Панченко и Б. Окуджавы. — На пленарных заседаниях, семинарских занятиях, в частных беседах с молодыми и опытными поэтами нам довелось услышать много интересного и поучительного. В связи с этим возникло немало своих размышлений, появилось желание поделиться этими размышлениями с читателями и молодыми литераторами Калужской области¹¹⁸.

Совещание, а также опубликованное вслед ему выступление Бориса Полевого, вдохновило соавторов ещё на одну статью (с ней окуджавоведы знакомы фрагментарно — она в качестве читательского письма цитируется в «Литературной газете»¹¹⁹.)

¹¹⁸ Панченко Н., Окуджавы Б. Против опошления поэзии // Молодой ленинец. 1956. 28 марта.

¹¹⁹ См.: Писатели в газете // Лит. газ. 1956. 12 апр. О. Розенблюм, кстати, вслед за анонимным автором «Литературки» называет статью письмом. Напомним, что «письмо» написано двумя профессиональными поэтами (этот их статус был подтверждён участием в совещании писателей) и профессиональными газетчиками (один из них — главный редактор областной газеты!). Трудно себе представить, что, посылая в своё дважды профильное столичное издание какой бы то ни было совместный текст, авторы относились к нему как всего лишь к письму. Безусловно они вправе были надеяться на публикацию. В этой связи одним из многих необоснованных предположений Розенблюм является тезис о личных знакомствах в «Литгазете», которые якобы могли способствовать напечатанию фрагментов этого «письма». О том, почему единственное мемуарное указание на возможность таких знакомств нам представляется недостоверным, будет сказано ниже.

11. Ещё о критике источников и о корректности цитирования

Так как ни Наровчатов, ни кто-либо другой из его семинара не выступал, то имя Окуджавы вовсе не было упомянуто на последнем пленарном дне совещания. До *довольно-таки серьёзной заявки о себе*, скажем помягче, далековато. А именно так, судя по тексту диссертации, рассказывал, напомним, С. Васильчиков.

Если под критическим углом рассматривать цитаты из беседы с ним, то у любого читателя они вызовут ещё ряд недоумений. Например, непонятно, когда стало ясно, что Окуджава и Панченко — *главные лица совещания*? Действительно *сразу*? или это в принципе могло случиться только после подведения итогов? Трудно себе представить и картину, когда *работники журналов* (!) и «Литгазеты» с интересом обступили никому не известного семинариста из Калуги, имя которого даже в отчётный день не всплывало. Да ещё наперебой задают ему вопросы: *чем интересуетесь*, мол, кто ваши учителя, — только что не о «творческих планах». Теперь, зная о процедуре отбора делегатов на семинары, о заблаговременной посылке в Москву их произведений, а также о программе проведения и немного об атмосфере совещания, можно предположить, что С. Васильчиков не мог оказаться в числе приглашённых уже после составления списка участников. А он тоже сохранился¹²⁰, и там его фамилии нет. Нет в списках и упомянутого Васильчиковым Владимира Кобликова.

Всё единственным свидетелем выдуманно? Нет.

От подозрений в адрес заслуженного писателя нас спасает полный текст беседы Васильчикова с О. Розенблум, который тоже помещён в приложении к её диссертации. Мемуарист прямо рассказывает о том, что ещё с 1954 года вообще не жил в одном городе с Окуджавой:

А в 54-м году я попал под мобилизацию, ещё под одну. (Я участник войны, в семнадцать лет я был на войне.) И меня отправили заведующим отдела пропаганды в райком партии, потом я стал редактором через несколько месяцев, потом секретарём третьим, вторым и далее первым. Восемь лет я отдал деревне.

Не только рассказывает, но и настаивает, возвращаясь к этому моменту ещё дважды: что уехал в деревню вместе с главным

¹²⁰ Утверждён Секретариатом Правления СП СССР 9 ноября 1955 г. — см.: Оп. 32. Ед. хр. 846. Список с распределением по семинарам, без даты, см.: Оп. 32. Ед. хр. 847.

редактором газеты И. Синицыным и что деревня эта находилась в восемнадцати километрах от города...

Биограф сама чувствует здесь слабость «свидетельской ба-зы». Как при цитировании Ю. Лотмана и И. Миронер, она отбрасывает мешающее. А мешает вот что (здесь также курсивом выделено попавшее в текст диссертации):

...Хотя я жил в районе рядом, рядом — восемнадцать километров всего; Лев-Толстовский район, — я постоянно был и на всех литературных совещаниях, и мы ездили вместе <...> Он [Окуджава. — А. К.] был главным лицом. Он и Коля Панченко, потому что из прозаиков у нас в ту пору... Мы были гостями — и Кобликов, и я. Я был у Медынского, потому что как-то заявить о себе серьёзно мы не могли. *А Булат сразу заявил о себе довольно-таки серьёзно.* <...> ...В президиуме сидели все, начиная от Шолохова и т. д., и т. д. Вся элита литературная присутствовала, это было в зале газеты «Правда» — огромный зал... Короче говоря, *там я обратил внимание на то, что работники журналов...* [и далее по тексту цитаты в диссертации]¹²¹.

То есть, во-первых, слова о том, что *Булат сразу заявил о себе довольно-таки серьёзно*, — вырваны из контекста. Они вовсе не имеют отношения к совещанию, а продолжают мысль о начале творческой карьеры перечисляемых калужан. Другими словами, они лишь подтверждают высказывание самого Окуджавы о *лучшем поэте Калуги*. Точнее трактовать сбивчивый рассказ ветерана следовало бы примерно так (здесь курсивом выделена возможная точка, на которой мысль прервалась и вновь продолжилась):

Он [в Калуге. — А. К.] был главным лицом. Он и Коля Панченко, *потому что* из прозаиков у нас в ту пору... (Мы были гостями — и Кобликов, и я. Я был [на семинаре. — А. К.] у Медынского.) *потому что* как-то заявить о себе серьёзно мы [с Кобликовым. — А. К.] не могли. А Булат сразу заявил о себе довольно-таки серьёзно.

А во-вторых, мемуарист точно описывает приметы открытия писательского форума в ДК «Правды» 9 января. К примеру, в стенограмме основного доклада В. Ажаева зафиксирован запомнившийся Васильчикову приход Шолохова, который был встречен «бурными аплодисментами из зала и президиума»¹²². Поэтому, видимо, верны и сведения о присутствии Васильчи-

¹²¹ В начале цитаты для лучшего восприятия знаки препинания и верное название района уточнены нами. Все цит. по: Приложение 10: Интервью с Сергеем Александровичем Васильчиковым (26 августа 2004) // *Розенблюм О. М.* Раннее творчество Булата Окуджавы. Приложения.

¹²² Оп. 35. Ед. хр. 467. Л. 24.

кова и Кобликова в качестве вольнослушателей¹²³ на семинаре Медынского. (Он, заметим, проходил не в том же здании, где семинар Окуджавы, а в одном из кабинетов комсомольского ЦК на улице Б. Хмельницкого, 1/2¹²⁴.)

Так что в остальном налицо тот же эффект агглютинации и конфабуляции — наложения восприятия фигуры позднего Окуджавы С. Васильчиковым, что мы наблюдали и в тексте Н. Усовой.

12. Хронология событий

Итак, попробуем восстановить канву литературной биографии поэта в период 1954–1957 годов.

2 января 1954 — у переехавших из области в Калугу учителей-словесников Галины Смольяниновой и Булата Окуджавы родился сын, которого называли Игорем.

14 января 1954 — Булат получает работу в штате в школе рабочей молодёжи № 2 Московско-Киевской железной дороги. Он посещает областное литобъединение, собирающееся при редакции калужской областной комсомольской газеты «Молодой ленинец».

1 мая 1954 — после более чем годового перерыва эта газета публикует его стихотворение «Весеннее».

11 мая 1954 — та же газета сообщает об издании второго выпуска альманаха «Литературная Калуга», в котором напечатана его поэма «Весна в Октябре»¹²⁵.

Июнь 1954 — главным редактором «Молодого ленинца» становится бывший заместитель главного Николай Панченко¹²⁶, друг Окуджавы, поэт.

25–30 июня 1954 — участие в Межобластной конференции писателей средней полосы РСФСР (Воронеж). Знакомство Окуджавы с поэтами С. Орловым и М. Львовым, которые отнеслись к начинающему стихотворцу внимательно, но критически.

¹²³ При просмотре «Краткого отчёта о семинаре № 10» под руководством Г. Медынского (Оп. 35. Ед. хр. 477. Л. 2) находим подтверждение этому факту: «Кроме участников и руководителей в обсуждении принимали участие представитель Калужского литобъединения Васильчиков С. А. <...>». Впрочем, В. Кобликов не упомянут и здесь. Возможно, он присутствовал, но в обсуждениях участия не принимал.

¹²⁴ См. документ «Размещение семинаров по помещениям» (Оп. 32. Ед. хр. 864. Л. 91).

¹²⁵ В этой публикации — в отличие от сборника «Лирика» — *Октябрь* печатается так, с заглавной буквы.

¹²⁶ См.: *Гизатулин М.* Указ. изд. С. 197.

С сентября 1954 — его публикации в калужских газетах являются регулярно.

5 ноября 1954 — восстановлена в КПСС мать Окуджавы — Ашхен Степановна Налбандян.

Декабрь 1954 — на заседании областного литобъединения прошло обсуждение новой поэмы Окуджавы «Беспокойный человек». «Герой поэмы — беспокойный, ищущий советский человек, участник гражданской войны, строитель новой социалистической жизни. <...> Б. Окуджава признал справедливыми и правильными многие критические замечания о поэме и сказал, что продолжит работу над произведением»¹²⁷.

11–12 января 1955 — увольняется из школы и поступает на службу в отдел учащейся молодёжи «Молодого ленинца»¹²⁸.

Апрель 1955 — реабилитация матери, которая в том же месяце устраивается на работу в Управление общественного питания Мосгорисполкома. Она живёт в новой квартире на Краснопресненской набережной¹²⁹. С этого момента Булат — частый гость в Москве.

10 мая 1955 — переведён в отдел пропаганды и агитации «Молодого ленинца».

<21–23> мая 1955 — участие во Втором областном совещании молодых литераторов (Калуга). На общем фоне Окуджава резко выделяется — он явный лидер. Знакомый ему руководитель семинара М. Львов, который остальных калужан видит и слушает впервые, заговаривает о возможном издании авторского сборника, неременного атрибута настоящего писателя; об этом появляется публикация в той же газете. Позднее Окуджава иронически определит это своё положение как *лучший поэт Калуги*.

<23> мая 1955 — в последний день совещания — Окуджава, наряду с Н. Усовой, избран заместителем председателя (председатель — Н. Панченко) бюро литобъединения; в его обязаннос-

¹²⁷ См.: Обсуждение новой поэмы / Без подп. // Молодой ленинец. 1954. 24 дек. (Полный текст заметки публикуется в настоящем выпуске, см. сн. ¹³¹.)

¹²⁸ Предположение О. Розенблюм о том, что Окуджава работает в газете уже в 1954-м году, не имеет оснований.

¹²⁹ Дата вселения Ашхен Степановны в новую квартиру нам не известна, но поступление на работу не могло состояться без московской прописки; следовательно, получение жилплощади состоялось ранее апреля, а по некоторым сведениям — и вовсе в 1954-м (см.: Гизатулин М. Указ. изд. С. 288).

ти входило осуществление «связи с районными литературными группами»¹³⁰.

Август 1955 — принят кандидатом в члены КПСС; примерно тогда же посылает в Москву подборку своих стихов для обсуждения на готовящемся совещании молодых писателей.

16 сентября 1955 — назначен на должность заведующего отделом пропаганды и агитации «Молодого ленинца».

Второе полугодие 1955 — в местных газетах (в том числе областном партийном «Знамени») напечатаны шесть стихотворений; плюс два из числа посланных в Москву для рецензии — в столичном (!) журнале «Новый мир» Константина Симонова.

11–15 января 1956 — Третье Всесоюзное совещание молодых писателей (Москва). Среди его участников — драматурги А. Володин и М. Рошин, критики З. Крахмальникова и Б. Сарнов, поэты В. Берестов, Р. Рождественский, А. Дементьев, а также «магистральцы» — Н. Бялосинская-Евкина, Э. Котляр и В. Львов¹³¹. Но... Окуджава здесь остался практически не замеченным.

16 марта 1956 — сдача в набор авторского сборника «Лирика».

28 марта 1956 — в калужском «Молодом ленинце» выходит статья «Против опошления поэзии», написанная в соавторстве с Н. Панченко.

<Март> 1956 — вместе с Н. Панченко пишет для «Литературы» статью, в которой критикуется практика современной журналистики и говорится о необходимости заинтересовать писателя работой в газете; но статью в качестве письма лишь одобрительно цитируют в номере от 12 апреля.

До 1 апреля 1956 — Окуджава публикует пять стихотворений из готовящейся книги. Как минимум, два из них («Бессмертие» и «Ты води нас по жизни строго...») написаны в прошлом году, до совещания. От одного из прошлогодних («Поединок») поэт вовсе отказался и никогда не напечатал. С тех пор не обнаружено больше (никаких!) упоминаний о его поэме «Беспокойный человек», раскритикованной товарищами по калужскому лит-объединению.

24 мая 1956 — подписание «Лирики» к печати.

¹³⁰ См.: Областное совещание молодых литераторов / Без подп. // Молодой ленинец. 1955. 25 мая; К сведению членов литобъединения // Там же. 29 мая. Благодарим М. Гизатулина за указание на эту и несколько других калужских публикаций, упомянутых ниже.

¹³¹ По материалам упом. дела 847.

6 июня 1956 — реабилитирован отец поэта Шалва Степанович Окуджава.

Ок. 14 июня 1956 — выход в свет «Лирики» (этим числом датирована самая ранняя дарственная надпись на книге, адресованная Дине Гурджи¹³²).

22 июля 1956 — напечатана первая рецензия на этот сборник¹³³.

3 августа 1956 — в Калуге прошла читательская конференция, где выступил К. Г. Паустовский, который говорил, в частности, о «небывалом расцвете... в поэзии»¹³⁴.

7 сентября 1956 — Окуджава вступает в ряды КПСС¹³⁵.

Май—октябрь 1956 — снова активно печатается в Калуге (девять стихотворений и маленькая поэма «Валины каникулы»); однако часть из этих стихов тоже, скорее всего, написаны ещё в 1955-м¹³⁶.

30 сентября 1956 — в столице проходит первый День поэзии, репортаж о котором в калужском «Молодом ленинце» подписан «Наш корр.» (с большой вероятностью мы можем предположить, что её автор — Б. Окуджава). Заметка сопровождается стихами Владимира Корнилова, вероятно его московского знакомого¹³⁷, а также Бориса Заходера.

14 октября 1956 — в центральном книжном магазине Калуги, в детской трудовой колонии и в городской библиотеке им. Белинского состоялся свой общегородской День поэзии, на который приехали С. Наровчатов и другие московские поэты¹³⁸. Окуджава ближе знакомится с Натальей Астафьевой, Ниной Бялосинской и Владимиром Львовым — участниками московского литобъединения «Магистраль» при ЦДКЖ (рук. Г. М. Левин).

¹³² См. её факс. воспроизведение: Голос надежды. Вып. 4. С. 17.

¹³³ Эту, а также другие свои находки М. Гизатулин публикует в настоящем выпуске альманаха.

¹³⁴ См.: Усова Н. Литература — это призвание // Молодой ленинец. 1956. 8 авг.

¹³⁵ Об ошибках О. Розенблюм, связанных с этой датой, и др. см.: Андреев К. Каждый пишет, как он дышит?: Биограф. ст. в справочниках: неутешительные итоги // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 3. С. 488, 498. Остаётся заметить, что в этом обзоре дата утверждения решения первичной парторганизации ошибочно сдвинута на 9 сентября.

¹³⁶ Например: Стихи о Юге; Цветы моей земли; Картли // Там же. Видимо, все три стихотворения написаны прошлым летом в Туапсе (подробнее: Гизатулин М. Указ. изд. С. 218—220).

¹³⁷ «Я впервые увидел Окуджаву в 1955 году. <...> Он жил тогда в Калуге и приехал по какому-то делу в Москву. Я его встретил в журнале «Октябрь»» (Корнилов В. Воспоминаний писать не буду // Голос надежды. Вып. 3. С. 13).

¹³⁸ День поэзии / Без подп. // Молодой ленинец. 1956. 17 окт.

В «Магистрали», 1957 г. Слева направо сидят: Н. Бялосинская, И. Миронер, Н. Хикмет, Э. Котляр, Б. Окуджава. Стоят: Н. Астафьева, А. Аронов, неизвестный, Г. Левин. Фото из архива Н. Бялосинской; собрание М. Гизатулина

1 ноября 1956 — увольнение из «Молодого ленинца», окончательный переезд в столицу, к матери. Тем не менее до конца года в этой газете опубликованы ещё два его стихотворения.

С ноября 1956 — «Первое время нигде не работал. Год. Не мог устроиться никуда. <...> Просто не получалось. Не было места. Никто меня не знал»¹³⁹.

Декабрь 1956 — январь 1957 — гастроли в Москве Ива Монтана с его «песенками о Париже». «Мне захотелось и о Москве написать что-то похожее».

9 января 1957 — на месяц устраивается исполняющим обязанности заместителя редактора по отделу литературы и искусства «Комсомольской правды» — отвечает на письма читателей¹⁴⁰.

Апрель 1957 — Окуджава пробует себя в литературных переводах; в «Комсомолке» напечатаны стихи Мусы Джалиля в его переводе.

¹³⁹ Окуджава Б. Учитель-словесник / [Беседовал] Е. Типикин // Независимая газ. 1997. 20 сент.

¹⁴⁰ Факсимильное воспроизведение приказа по редакции см.: Булат Окуджава работал в «Комсомолке»! / Без подп. // Комсом. правда. 2004. 6 мая. С. 17.

Апрель—май 1957 — его стихи берёт печатать не только эта столичная газета, но и ленинградский журнал «Нева», московские «Молодая гвардия» и «Знамя».

Август 1957 — VI московский Всемирный фестиваль молодёжи и студентов; приход в московское литобъединение «Магистраль».

<Октябрь> 1957 — ещё одно обсуждение его поэтического творчества *очень сильными молодыми поэтами* — в «Магистрالي».

<Ноябрь—декабрь> 1957 — первые песни Окуджавы.

К последнему пункту мы подробнее обратимся в главах 14—15, а сейчас попробуем прояснить ещё одно «тёмное место».

13. Последний аргумент, или О поэтическом молчании

Перед этим — далеко не первым — критическим разбором в «Магистрالي» Окуджава не мог предстать таким уж неподготовленным и незащищённым, как опять же с иронией рассказывал об этом своим слушателям в 1980-е годы. А ведь в 1940-е была ещё школа тбилисского ЛИТО. О практике такого рода со знанием дела пишет Д. Быков — не только биограф, но и сам поэт:

Окуджава в это литобъединение не входил, но появлялся на его заседаниях и даже единожды «обсудился»: стандартная практика, когда жертва зачитывает подборку, а собравшиеся дружно долбают услышанное. Жёсткость обсуждений считалась серьёзным достоинством ЛИТО: престижность пребывания там зависела именно от интенсивности дружеской ругани¹⁴¹.

Небезоблачным были его первые попытки опубликоваться в Калуге:

*Первая моя встреча с критикой состоялась в учительские годы в Калуге. Я на протяжении долгого времени посылал свои стихи в местную газету, откуда мне регулярно их возвращали с благими советами больше читать классику*¹⁴².

Как мы смогли убедиться, ещё до «магистральцев» начинающего литератора публично *«били»* за стихи довольно часто — и *молодые*, и опытные, и калужские, и московские поэты (а ещё удмуртский; и даже чуть «наподдал» один эстонский). Не забудем, что мы располагаем лишь *к р а т к о й* «протокольной записью» обсуждения 1954 года и краткими отзывами руководи-

¹⁴¹ Быков Д. Указ. соч. С. 173.

¹⁴² Окуджава Б. «...Не стараясь угодить».

телей семинара 1956-го. Следует отметить, что в последнем случае исследователям сильно повезло: протоколы во многих других семинарах, в отличие от публикуемой здесь «протокольной записи», ещё более кратки и выполнены намного небрежнее. Так или иначе, но в стенограммах (то есть в действительности) критика могла выглядеть суровее. Но чтобы мягче — вряд ли.

Так что к поступлению в «Магистраль» Окуджава был вполне закалён в критических разборах на семинарах в Воронеже, Калуге и Москве, а также внутри своего родного областного литобъединения, в котором был одним из руководителей.

В этом свете и авторский сюжет о беззащитном и безответном провинциальном поэте, которого неожиданно «*побили*» *москвичи*, представляется вовсе утрированным, если не сказать мифологическим. Снова агглютинация с конфабуляцией? Намеренное сокращение «несущественного»? Художественное осмысление и обобщение? Не суть важно.

Важно то, что эта же «сборная» легенда перешла в письменный рассказ «Ода литобъединению, или О пользе своевременного битья», написанный в 1978-м для «Литучёбы». (Может быть, наоборот — сам рассказ положил начало автобиографической легенде? Не исключено. Ведь пока что исследователи оперируют лишь публикациями журнально-газетных интервью 1980-х годов и более поздними, а из многочасовых магнитофонных записей концертов используется только малая часть — то же, кстати, в основном периода 1980—1990-х.)

Не подлежит сомнению тот факт, что молодые московские поэты приняли Окуджаву в свой круг сразу после этого — первого и, вероятно, единственного — обсуждения. У нас нет сомнений и в том, что обсуждение в «Магистрالي» было нелицеприятным, но подлинную степень этой нелицеприятности для поэта теперь, видимо, установить невозможно. «*Били*», конечно, но наверняка не так сильно, как мы представляем себе с его слов. И не так обидно, как написано в рассказе. Просто ироническое переосмысление прошлого потребовало от писателя гротесковости.

Осталось прояснить вопрос с так называемым «периодом поэтического молчания».

Он тоже был, и длился долго. Но вряд ли его основной причиной была потрясённость «*битьём*». Окуджава быстро сдружился со своими «обидчиками», которые стали первыми слушателями его песен.

<Первые песни пелись> ... в очень узком кругу, но мне вот что очень помогало: тогда было такое литобъединение «Магистраль» при ЦДКЖ, которое я посещал как поэт, и там были мои литературные друзья, которые остро оценивали все удаchi и неудачи. И они очень высоко оценили эти песни, поэтому в их кругу я сразу и с удовольствием стал их исполнять¹⁴³.

То есть на смену стихам пришли п е с н и. И. М. Зимин, в 1984 году уточнивший их хронологию с самим поэтом, относит к 1957 и 1958 годам соответственно тринадцать и восемь произведений; в 1959-м их насчитывается уже более пятнадцати¹⁴⁴.

Кстати, «старики»-«магистральцы» вспоминают, что запел Окуджава уже будучи членом их коллектива¹⁴⁵. Впрочем, такие свидетельства, как мы уже знаем (см. упоминавшееся в начале сходное по ситуации наблюдение В. Аксёнова), не могут быть решающими. Но как косвенное подтверждение вполне годятся.

Ничего не писал — сильно сказано. На выступлении 1985 года автор уточняет:

Я перестал писать с т и х и: несколько лет не писал совсем¹⁴⁶.

Значит, слова *несколько лет не писал* в данном случае можно интерпретировать так: не занимался своим основным делом — «книжной» поэзией. Потому что — добавим — увлёкся песнями.

Кроме того, отнимала много времени служба в издательстве, где поэт сначала занимался подготовкой всяческих *комсомольских брошюр*, а затем сборников стихов национальных поэтов¹⁴⁷.

¹⁴³ Окуджава Б. Самое начало.

¹⁴⁴ См. в самиздатской кн.: Окуджава Б. Собрание соч.: [В 11 т.]. Т. 2. Песни / Предисл. Е. Камбуровой. М.: Клуб самодет. песни, 1984.

¹⁴⁵ Например, опрошенные М. Гизатулиным Эльмира Котляр (в нашем распоряжении имеется расшифровка фонограммы этой беседы) и Дмитрий Сухарев. См. также запись выступлений в Клубе друзей Булата Окуджавы и в Литмузее: Храмов Е. «И мало горя мне, свободна ли печать...» // Храмов Е. Куда вы уходите, люди: [Стихи, мемуары, воспоминания об авторе / Сост. Л. Э. Кренкель]. М.: Булат, 2007. С. 197–198.

¹⁴⁶ Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 23.

¹⁴⁷ В одном из телеинтервью 1983 г. Окуджава рассказывал: «Я выпускал всякие брошюры о передовиках-комсомольцах — всякую ерунду. Ну вот там я сидел, наверное, год, на этой литературе, но постепенно писал стихи, и постепенно стал известен в издательстве как пишущий стихи. И меня, так как ко мне хорошо относились, перевели в редакцию поэзии народов СССР, и я стал редактором и стал выпускать переводные книги поэтов. И там я много на выпускал книг» (Цит. по: Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 20).

И уже в начале 1957-го Окуджава — для заработка — занимается поэтическими переводами¹⁴⁸...

А искомый период биографии поэта мы обнаруживаем сразу, как только открываем библиографию И. Ханукаевой:

Мы приходим к нему... // Комсом. правда. 1957. 22 апр.

Письма // Нева. 1957. № 4. С. 107.

Я встречаю гостей // Молодая гвардия. 1957. № 4. С. 8.

Цвет любви // Комсом. правда. 1957. 1 мая.

В Музее революции; Картли; Подмоскowie // Знамя. 1957. № 9. С. 141–142¹⁴⁹.

Это в с е публикации Окуджавы за 1957 год. Можно заметить, что самая поздняя из них — журнальная — за сентябрь. Значит, стихи, опубликованные «Знаменем», сданы в редакцию никак не позднее весны. То есть во второй половине года — точнѐхонько после Всемирного фестиваля — у него не состоялось ни одной публикации.

Смотрим дальше. За 1958 год — не напечатано н и о д н о г о нового стихотворения.

И лишь ч е р е з д в а г о д а после Фестиваля, а значит, и после прихода в «Магистраль», — первые стихи в московской писательской газете:

Огонёк; Баллада о Неве // Моск. литератор. 1959. 24 сент.

Переход в «Литературку», по-видимому, знаменуется публикацией в этой газете:

Разговор по душам // Лит. газ. 1959. 29 окт.

¹⁴⁸ Первую известную нам публикацию переводов из Мусы Джалиля см.: Комсом. правда. 1957. 21 апр. В 1958–1959-х среди «его» авторов были (из известных нам): грузины М. Кахидзе, О. Мампория, Ш. Роква; армяне А. Граши, С. Капутикян, абхазец А. Ласурия, а также финны Я. Ругоев и Т. Сумманен.

¹⁴⁹ Здесь и далее по: Окуджава Булат Шалвович: [Библиогр. 1945–1992] / Сост. И. В. Ханукаева // Русские писатели. Поэты: (Совет. период.). Библиогр. указ. Т. 16. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1994. С. 180–275. К слову, О. Розенблюм считает: Окуджаву, в частности, в 1957 году сделал ставку на песенное «неофициальное... существование» потому, что до 1959 года «не было московских изданий, готовых публиковать его стихи» (Розенблюм О. Путь в литературу Булата Окуджавы... С. 211–212). Как видим, это не так: его печатают охотно. Здесь исследователь вообще связывает увлечение Окуджавы жанром песенной поэзии с «бытованием в неофициальном пространстве». Согласимся, — с тем только уточнением, что сам автор песен ещё н е о с о з н а в а л, что тем самым начинает покидать *пространство официальное*, к существованию в котором до тех пор тщательнo стремился (и будет стремиться ещё даже до середины 1960-х). Здесь поэт мог бы подписаться под строчками своего старшего последователя: «Началось всё дело с песенки, // А потом — пошла писать!..».

И только с 1960-го, после выхода под Новый год сборника «Острова», публикации стихов Окуджавы в прессе вновь становятся регулярными¹⁵⁰. Причём за эти два с лишним года им не опубликовано ни одного песенного текста. Так что, согласимся с О. Розенблум, в данном случае поэт о т д е л я е т стихи — от песен¹⁵¹. Как делил своё поэтическое творчество в 1950-х, — вспомним про первую песню: *текст есть — и ладно...*

Но вот в «Островах» мы находим шесть «чистых» стихотворений, датированных 1958 годом¹⁵². И этой датировке есть смысл доверять больше, чем поздним: ведь она не на столь долгий срок отстоит от момента написания самих произведений. И почему всего шесть? И на этот счёт предложим версию. Вероятно, по авторскому замыслу, эти проставленные здесь даты были призваны отделить «старые» стихи от совсем новых — написанных в 1959-м. Тем самым ф а к т и ч е с к и й срок «поэтического» (не песенного!) молчания у Окуджавы сокращается с двух лет до года. В крайнем случае — до полугода, — если считать, что «шестёрка» появилась не «кучно» в конце 1958-го, что она не ознаменовала собой начало нового этапа творчества п о ч т и *тридцатипятилетнего* поэта.

Ещё одним косвенным доказательством правильности новой хронологии могут послужить следующие слова Мастера. Он хоть и не любил анализировать себя, но однажды признался:

Лирический герой первых моих песен, таких, как о Лёньке Королёве или о московском муравье, был непосредственным, простоватым. Потом, начиная, наверное, с «Молитвы Франсуа Вийона» («Пока земля ещё вертится...»), я старался глубже проникнуть в его душу, может — за счёт потери непосредственности?»¹⁵³

¹⁵⁰ Есть основание предполагать, что стихи в калужском альманахе (Окуджава Б. Баллада о лесе; «Зябкой ночью, почти что осенней...» // Калужанин. 1959. С. 76–77), пропущенные здесь нами, написаны ещё в 1956 году. Подробнее см.: Гизатулин М. Указ. изд. С. 231–236.

¹⁵¹ См.: Розенблум О. Путь в литературу Булата Окуджавы... С. 212.

¹⁵² Это: «Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок...»; Тамань; «Сто раз закат краснел, рассвет синел...»; Сапожник; «Не вели, старшина, чтоб была тишина...»; Искала прачка клад // Острова: Лирика. М.: Совет. писатель, 1959. Пять из них напрямую связаны с военными воспоминаниями.

¹⁵³ Окуджава Б. «А иначе зачем на земле этой вечной живу?» / Беседу вёл Л. Сидоровский // Веч. Ленинград. 1984. 7 мая. Анализ эволюции песен на переходе от первого периода творчества Окуджавы (1957–1961) к последующим см. также: Богомолов Н. Булат Окуджав и массовая культура // Богомолов Н. От Пушкина до Кибирова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 399–410.

(Напомним: стихи «Молитвы» он сам датировал 1963 годом.)

То есть первые песни 1957-го — это, с одной стороны, «новый» Окуджава. А с другой — их герой был, по поздней авторской оценке, недостаточно глубоким, *простоватым*, — то есть ещё из «старого». А «Тверской бульвар», вспомним, и вовсе не устраивал зрелого автора *по стиху*¹⁵⁴.

Этот расклад подтверждает как уверенность Инны Миронер в своей датировке обсуждения стихов Окуджавы «магистральцами», так и факты из его устных рассказов. Нам всем очень хотелось, чтобы *первые московские песни* поэта непременно относились именно к новому периоду его творчества. И мы безуспешно пытались втиснуть это злополучное обсуждение в конец 1956-го...

Но переход от «старого Окуджавы» к «новому» не был скачкообразным. Писал исключительно плохие стихи, после «*битья*» и некоего переосмысления вдруг стал писать только хорошие — такая схема не выдерживает никакой критики. Плюс к упомянутому нами вспомним ещё раз стихи 1947 года «Неистов и упрям...», ставшие программными, и «Журавли», попавшие в 1959-м из «Лирики» в московский сборник «Острова», — в общем, каждый читатель найдёт свои аргументы. Ясно одно: одновременно поэт менялся только в своих поздних рассказах, оглядывая прошлое с высоты прожитых лет.

14. Два эпизода — две авторские версии?

Попробуем объяснить ещё одно противоречие. В новую хронологию легко укладывается авторское утверждение, будто в 1957-м у него *довольно быстро сложился целый цикл песен о Москве*. Ведь цикл мог появиться и осенью того года. Но как быть с тем, что поэт в 1984-м при подготовке своего песенного тома¹⁵⁵ датой первой песни этого периода «На Тверском бульваре» назвал *ноябрь—декабрь 1956-го*? То же самое, как мы помним, он утверждал в интервью, уточняя: она *появилась сразу как песня — и стихи, и мелодия*.

О появлении первой песни есть множество устных рассказов Мастера. Два однотипных привёл в своей статье «Песенки

¹⁵⁴ Этой песне и истории её создания посвящена специальная работа: Кулагин А. «На Тверском бульваре»: О первой песне «нового» Окуджавы // Голос надежды. Вып. 3. С. 310—324. К ней мы отсылаем читателя за подробностями, которые здесь по большей части опускаются. Однако некоторые высказывания поэта мы вынуждены повторять.

¹⁵⁵ Об этом самиздатском томе подробнее: Юровский В. В единственном экземпляре: О юбилейн. собр. соч. Б. Окуджавы // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 353—367.

из самого начала», посвящённой не этим, а ещё д о м о с к о в - с к и м песням Окуджавы, М. Гизатулин¹⁵⁶. Чтобы не повторяться, процитируем третий вариант:

Если откровенно, то началось смешно и нелепо. Однажды мы, тогда совсем ещё молодые, — Евтушенко, Ахмадулина, Луконин — сидели у меня дома. До этого они где-то гуляли и решили заглянуть ко мне на «огонёк». У меня было что выпить. Разогретые, начали читать стихи. А мне перед этим показали буквально три аккорда на гитаре. Я в с п о м н и л своё шуточное стихотворение, взял гитару и стал его почему-то петь. Хотел таким образом развлечь гостей. Мелодия была примитивная, как раз на три аккорда. Но друзья пришли в восторг. Меня это вдохновило, и я тут же спел второе стихотворение. И так стал петь. Мне это и самому понравилось. Правда, оказалось, что петь можно не все стихи, но те, которые поддавались, я стал напевать¹⁵⁷.

Однако есть и другие признания, похожие на то, что мы уже цитировали. Они вроде бы не стыкуются с версией о Евтушенко и Луконине и отличаются не только по персоналиям, но и по месту, и по обстоятельствам.

После вопроса о первой песне Окуджавы задумался:

Не помню... Кажется, это была «На Тверском бульваре». Я потому так думаю, что она самая слабая по стиху. Я ещё не придавал этому значения: текст есть — и ладно... Другую такую я бы не смог себе позволить.

Помню даже, как осенью мы стояли с Женей Храмовым и Володи Львовым у станции метро «Краснопресненская», расходились поздно вечером, и я им напел...¹⁵⁸

Опять осень, опять та же станция метро, но приятели уже конкретизированы — «магистральцы» Храмов и Львов... И если предположить, что речь идёт об осени 1957-го, то получается, что это событие на год отстаёт от песен Монтана... Нестыковка?

Ну, во-первых, французский певец продолжал влиять на отечественные умы, и на умы наших величайших бардов в частности¹⁵⁹.

¹⁵⁶ См.: Гизатулин М. Указ. изд. С. 68.

¹⁵⁷ Окуджава Б. «Защитникам родной державы не хватает Окуджавы» / Записал И. Окунев // На смену! Екатеринбург, 1995. 26 сент.

¹⁵⁸ Окуджава Б. «Прошло и словом стало...» / Записал И. Мильштейн // Студен. меридиан. 1986. № 11. С. 38—42.

¹⁵⁹ См., например: Зайцев В. А. Вариации на тему одной солдатской песни: (Ив Монтан и Окуджавы, Высоцкий, Галич) // Зайцев В. А. Окуджавы. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003. С. 49—60.

Его относительная дружба с СССР гастрольями не закончилась, и советские средства массового обольванивания не перестали крутить в эфире его песни. Закончилась эта «французская идиллия» только с очередной «братской» интервенцией — в 1968-м в Чехословакию. А во-вторых, уже неоднократно убедившись в том, что Окуджава обращается с датами написания своих произведений достаточно вольно, — всё равно в этом случае мы не хотим объяснять путаницу его обычной забывчивостью.

Внутри сюжета у метро «Краснопресненская» существует ещё как минимум один вариант:

Я помню, например, как нескольким своим друзьям я на улице, у метро «Краснопресненская», — это в конце 56-го года (зима, декабрь, а мы стоим, уже пора расходиться) — ч и т а ю строчки «Последнего троллейбуса». Всего стихотворения ещё не было. Они говорят: «Ой, интересно, хорошо, давай пиши дальше...»¹⁶⁰.

Здесь, правда, не *осень*, а уже *декабрь*, но авторская ассоциация, видимо, неизменна: холод. Этот вариант более логичен: у метро *на холоде* сподручнее *читать*, а не *напевать*, да ещё без непременно гитары.

А что касается 1956 года, чаще всего называемого поэтом, то следует учитывать ещё одно уже упоминавшееся свойство нашей памяти — спрессовывать события прошлого. Так что не стоит подходить к этой дате догматически¹⁶¹.

Тем более, что существует и иная датировка первой песни — тоже авторская:

Но вот в 57-м году я совершенно случайно написал шуточные стихи и придумал мелодию, спел эту песенку своим друзьям¹⁶².

Не *вспомнил старое*, а *написал*. Конечно, здесь мы наблюдаем контаминацию двух приведённых выше эпизодов — то самое сокращение «несущественного». Однако при рассмотрении всех этих версий, мысля логически, можно насочинять ещё много всяких «если... то...»

О. Розенблюм отдаёт предпочтение последней версии («с Храмовым и Львовым»), но при этом для сглаживания расхождений

¹⁶⁰ Окуджава Б. О самой главной песенке: «Творчество у Пушкина, а у меня — работа» / Беседовал О. Фочкин // Моск. комсомолец. 1995. 1 марта.

¹⁶¹ О. Розенблюм, напротив, считает: «Что именно он исполнял у метро “Краснопресненская”, где жил тогда у Ашхен Степановны, не так важно, *важнее свидетельство о том, что это был ещё 1956 год*» (гл. 5.9. «Первые московские песни»).

¹⁶² Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 29.

выбирает те редакции сюжета, где отсутствуют фамилии «магистральцев». Не использует она и мемуары Э. Котляр, и ценнейшие свидетельства Войновича и Храмова (хотя указывает на их существование во вступительной части). М. Гизатулин обходит противоречия в этом вопросе ещё проще — в упомянутой статье о *песенках из самого начала* он без объяснений, напротив, вовсе не рассматривает этот сюжет у метро.

А какой из версий верить нам? К кому присоединиться?

Не хочется идти статистическим путём, подсчитывая количество повторений сюжетов...

Что ж, получается как у известного классика марксизмаленинизма: под любую концепцию можно выбирать подтверждающую её цитату? В этих нестыковках, порождённых причудливостью человеческой памяти и различной избирательностью деталей в рассказах, легко запутаться.

15. «Поэзия под аккомпанемент» или всё же песня?

Так или иначе, но одно предположение по поводу реальной датировки первой песни нам представляется перспективным.

Зайдём издалека. Известно, что знаменитая «Молитва» была опубликована ещё в 1964-м, но петь её автор стал только в 1966-м. Снова вспомним и историю с «первой тбилисской» песней «Неистов и упрям...», в датировке которой автор ошибался на год. Уже определив дату написания этого *с т и х о т в о р е н и я*, мы до сих пор не знаем, когда у него появилась мелодия. Ведь ни однокурсники, ни родные, видевшие с поэтом в конце 1940-х ежедневно, этой *п е с н и* не вспоминают. Зато помнят другие его песенки¹⁶³.

Аберрация памяти? Тогда у кого — у нескольких свидетелей или у одного поэта? Скорее всего, корни такого несоответствия в том, что Окуджава в поздние времена пропагандировал отсутствие разницы между песнями и стихами, а мелодии оставял подчинённую роль. У всех на слуху его определение авторской песни как *«стихов под собственный аккомпанемент»*¹⁶⁴.

¹⁶³ Подробнее см.: Гизатулин М. Указ. изд. С. 72–73.

¹⁶⁴ См., например: Окуджава Б. Чем слово ваше отзовется?... / Беседу вели: А. Григорьев, В. Чекмарёв, Л. Клюшкина // Молодой ленинец. Кострома, 1983. 11 июня. Цитата в заголовке взята из другого интервью: Я вновь повстречался с надеждой / Записал И. Медовой // Моск. новости. 1987. № 22 (31 мая). С. 11.

Тем не менее поэт, как мы знаем, прекрасно осознавал различия между стихами и песней. Эта разница видна в том, как он предпочитал по-разному публиковать один и тот же текст в соответствующих сборниках — поэтических или нотных. А определение *стихи под аккомпанемент* могло быть некой общей формулой, означающей, что песенная поэзия не должна опускаться ниже определённой планки. Не исключим и то, что данная формула могла существовать для публики и для «инстанций». Так или нет, некое противоречие в этом вопросе тоже бесспорно существует. На наш взгляд, это — внутреннее противоречие самого поэта. Он любил своё *хобби*¹⁶⁵, которое принесло ему известность, и одновременно пытался от него дистанцироваться. Потому и позиционировал себя не *гитаристом* и песенником, а — поэтом. Ведь шлейф от фелъетонов начала 1960-х тянулся за ним ещё долго. А официальный статус члена СП был надёжной защитой — недаром его так жаждал Высоцкий. Определение же *песенник* у нас всегда звучало с оттенком пренебрежения, если не неполноценности.

Так, может быть, и в случае с «первой московской» песней Окуджавы под вдохновляющим влиянием Ива Монтана написал лишь стихи, а *осенью 1957-го у метро или у себя дома*, в тепле, только *напел их своим друзьям?*..

Предположение наше возникло не на голом месте. Персонаж эпизода *у метро* Евгений Храмов, который впервые появился в «Магистрали» на год-полтора раньше Окуджавы, тоже не забыл ту ситуацию, хотя помнит её немного иначе:

Об этом чтении Булат написал в своём последнем рассказе (уже в госпитале), он заканчивается так: «А Женя Храмов сказал: “Да ведь это же песенка”». Вроде я — «крёстный отец» Булата, но я этих своих слов, честно говоря, не помню.

Первой мы услышали его песню «До свидания, мальчики»¹⁶⁶.

В другой раз он тоже — не исключено, что под влиянием датировки Окуджавы, — называет 1956 год. Но его показания и тут противоречат окуджавской версии. На этот раз кое в чём более существенном:

¹⁶⁵ См., например: «...Это никогда не было моей профессией, это было хобби. Профессия — проза, стихи. А песни писались от случая к случаю, к удовольствию друзей» (Окуджава Б. «А душа остаётся прежней...» / [Интервью вела] А. Вассерман // Горьков. правда. 1990. 26–27 мая).

¹⁶⁶ Его выступление в Клубе друзей Булата Окуджавы цит. по: Храмов Е. Из «Записок десантника» // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Вып. 2. М.: Булат, 2005.

...Так получилось, что он, я и Саша Аронов часто возвращались оттуда [из ЦДКЖ. — А. К.] вместе — все мы жили тогда в районе метро «Краснопресненская». И как-то осенью 1956 года Булат прочитал по дороге домой:

На Тверском бульваре <...>

*Это ещё не была песня. Ею стихотворение стало позже, вместе с уже явленным как песня «Над синей улицей портовой» — о морях и припортовых царевнах*¹⁶⁷.

Читатель уже располагает добротным аргументированным предположением М. Гизатулина о том, что стихотворение *о морях и припортовых царевнах* тоже было не новым, а из тех, что пришлось *вспоминать*. Скорее всего, оно тоже было написано летом 1955-го, по следам туапсинского отдыха поэта.

Самое время привести здесь ещё одно авторское уточнение:

*...И я взял гитару и однажды, когда мы встретились с друзьями, я своё с т а р о е шуточное стихотворение напел под случайную мелодию, которую только что придумал, и моим друзьям очень понравилось*¹⁶⁸.

Поэт иногда называл это *шуточное* стихотворение: «Ванька Морозов». До 1986 года он, кстати, часто называл своей первой песней именно её (пока в первый раз не вспомнил о песенке про Тверской бульвар). Однажды вдруг, в 1995-м, О. Фочкину Окуджава снова повторил эту свою первую версию про «Ваньку».

Естественно, автор по прошествии лет не в силах был вспомнить, какое именно из старых своих стихотворений он напел первым — «Ваньку Морозова», или «Над синей улицей портовой...», или «На Тверском бульваре», или какое-нибудь ещё.

Но! Стоит ли вообще выбирать между различными версиями с двумя группами персонажей?..

В том же 1986-м Окуджава вдруг сказал, что именно после «Ваньки» (*напето*го им *старого* стихотворения!) появился замысел московского цикла:

*Это пение имело бешеный успех. Друзья заставили спеть меня ещё раз «Ваньку». И ещё. Вот тогда я задумался. И решил написать цикл песен о Москве, о своей любви к ней. Скоро набралось песен пять. Среди них «Полночный троллейбус», «Король»*¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Храмов Е. Отдельные неудачи среди сплошных удач // Спец. вып. [Лит. газ.]. 1997. [21 июля]. С. 12.

¹⁶⁸ Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...». С. 36.

¹⁶⁹ Окуджава Б. Святая наука — расслышать друг друга / Записал В. Герасимов // Комсомолец Татарии. Казань, 1986. 14 сент.

Если присмотреться к другим интервью, то в подобных перечислениях почётные первое и второе места этим двум песням достаются чаще всего. Похоже на то, что они и впрямь были одними из самых первых.

Конечно, автор сам всё и запутал. Между тем отметим: первая мелодия, сочинённая на *старое стихотворение*, не и с к л ю ч а е т *новую песню* — написанную одновременно с музыкой. Из-за этого различия в творческом процессе и возникает мнимое противоречие между двумя сюжетами. То есть здесь мы, соответственно, наверняка имеем дело с двумя р а з н ы м и точками в творческой биографии писателя.

Насколько они отстоят друг от друга? Чем их датировать?

Точные ответы на эти вопросы могли бы дать дневники кого-нибудь из «магистральцев». Или письма тех лет. Но — где эти дневники? где эти письма?

Как говорил известный персонаж из фильма Л. Гайдая: «Ну что ж, будем искать».

Однако пока на основе вышеизложенного выдвинем ещё одну — на наш взгляд, правдоподобную, — рабочую версию.

Вырисовывается логичная последовательность. Окуджава в конце 1956 года переезжает в Москву; вдохновлённый Монтаном, пишет стихотворение о Тверском бульваре, за ним другие «московские» стихи. Следующим летом он попадает в «Магистраль», где обретает единомышленников и друзей. Незадолго до того или после он *случайно напевает* свои *старые стихи*, которые друзьям нравятся. Вот тут-то и всплывает *подозрительный инструмент*, трём аккордам на котором когда-то Окуджаву обучил тесть¹⁷⁰. Вдохновлённый таким приёмом, в конце 1957-го поэт начинает писать уже непосредственно п е с н и, которые оттесняют на задний план его «чистую» поэзию. (Читай: стихи д л я п е ч а т и.) Тут и происходит чтение/пение на Красной Пресне ещё не завершённого «Последнего троллейбуса», напи-

¹⁷⁰ См.: «Это было в Тбилиси после фронта, мне было 22 года, я был студентом, я женился, и мой тесть — военный — умел играть на мандолине “Светит месяц” и ещё знал три аккорда на гитаре. Этим трём аккордам он и меня выучил» (Окуджава Б. Ты весь — как на ладони... / Беседу вёл М. Поздняев // Сел. молодёжь. 1987. № 5. С. 32–37). Окуджава такие подробности упоминал очень редко — опускал как «несущественные». Но не только поэтому. И в устных, и в письменных своих рассказах он, как мы знаем, только иногда вспоминал публично о первой семье. Соответственно, и *тестя* он заменял на *друзей*. Хотя исключать, что эти неназванные *друзья* в самом деле возбудили у поэта новую волну интереса к гитаре, тоже нельзя.

санного сразу вместе с музыкой. Или какой-то другой песни из этого ряда.

...А пока Окуджава ещё только начинает служить редактором в столичном издательстве «Молодая гвардия». Впереди его ожидают работа в «Литературной газете», вступление в Союз советских писателей, новые столичные публикации, публичные выступления с песнями, уничижительные газетные статьи и огромная любовь технической (и не только) интеллигенции, признание и неприятие со стороны литераторов и композиторов...

И гораздо позже наступит переоценка своего раннего творчества¹⁷¹. К о г д а — отдельный вопрос, тоже требующий изучения авторских фонограмм 1960—1970-х годов...

16. Общие выводы, или К вопросу о методологии

Чтобы сделать ещё один важный вывод из сказанного, вернёмся к тому, с чего начали, и приведём ещё две автобиографические цитаты, повествующие в с ж а т о м в и д е именно о рассмотренном нами периоде. Первая — ответ журналисту на вопрос о том времени, когда Окуджава стал писать стихи «по-настоящему», по его словам — *в тридцать пять лет*:

...Позади были уже детское и юношеское графоманство, фронт, работа учителем и журналистом. Прошла самонадеянность, я н е с к о л ь к о р а з крепко получил по носу и научился относиться к себе достаточно иронически, что немаловажно для литератора¹⁷².

Вторая цитата — подтверждает неслучайность первой. Она взята из стенограммы публичного выступления, происходившего в те же дни, что и предыдущее интервью, — на гастролях:

¹⁷¹ Одна из цитированных нами главков диссертации О. Розенблюм носит название «Переезд в Москву. Литобъединение “Магистраль”: отказ от “Лирики” и декларация перехода к новым стихам»; впрочем, о заявленном в заглавии *отказе* нет ни слова. У читателя может сложиться впечатление, что он произошёл по возвращении поэта в Москву, в том же 1956-м. В гл. 5.7 «Книга “Лирика”: тематика и проблема героя» мы нашли утверждение автора: «Однако от первой книжки Окуджава действительно всегда отказывался». Это не так: его высказывания, например, на концертах 1960-х годов, для цитирования которых здесь нет места, говорят о том, что тогда поэт ещё ставил «Лирику» в один ряд с другими своими сборниками.

¹⁷² Окуджава Б. «Каждый пишет, как он дышит...» / [Беседовал] В. Спешков // Комсомолец. Челябинск, 1986. 27 сент.

...Затем началась война, я из девятого класса добровольно ушёл на фронт. Стихов не писал. И по-настоящему серьёзно стал писать стихи уже в тридцатипятилетнем возрасте, когда самонадеянность моя прошла, когда я крепко и неодонократно получил по носу за свои стихи, когда научился относиться к себе иронически¹⁷³.

Очевидно, что слова неоднократно получил отсылают нас не только к «Магистрали», но и к тем семинарам, о которых теперь уже мы знаем довольно много. Проверим алгеброй. Несложные вычисления (1924+35) дадут нам ещё одну дату — 1959 год. Тот самый, в который Окуджава возобновил публикации своих стихов. Так что, похоже, и здесь всё сходится.

Совпадают наши (с И. Миронер) хронологические выкладки и с не упомянутыми здесь мемуарами. Например, с такими воспоминаниями критика Станислава Рассадина, также незаслуженно обойдёнными в работах О. Розенблум, но востребованными ею же по поводу других эпизодов:

Когда мы сошлись в 58-м, оказавшись в соседствующих кабинетах издательства «Молодая гвардия», у него и было-то четыре песни, из которых он не стеснялся петь две — «А мы швейцару: “Отворите двери!...”» и «Из окон корочкой несёт поджаристой». В остальном же пел в застольях бог знает что, главным образом шуточное-ёрническое: «Из-за леса выезжает конная милиция: “Скидавайте, девки, юбки, будет репетиция!”» Или: «На одном клетка попугай сидит, на другом клетка ему мать плачит. Она ему любит, она ему мать, она ему хочет аб-ни-ма-ать! Таш-туши, таш-туши, билет всем давай!...» и т. д.¹⁷⁴

Самая ранняя — прижизненная, юбилейная — редакция воспоминаний того же автора в чём-то подробнее, однако суть их неизменна:

Нынче мне самому странно вспомнить, что в пору нашей встречи с Булатом Окуджавой он был автором всего двух своих песен: «Из окон корочкой несёт поджаристой...» и «А мы швейцару: “Отворите двери!...”» Верней, не совсем так. Позже он сказал, что, дескать, вспомнил: ещё учась в Тбилисском университете, сочинил «Неистов и упрям, гори, огонь, гори...» — между прочим, одну из лучших своих

¹⁷³ Окуджава Б. «Любить — главное свойство человека»: [Выступл. в Челяб. театре кукол 20.09.86] / [Подгот. Ю. М. Трахтенберг] // Лукина М. Звенящий горизонт: Очерки и эссе о бардах. Челябинск: [Челяб. гос. акад. культуры и искусств], 2008. С. 219.

¹⁷⁴ Рассадин С. Архипелаг Булат // Встречи в зале ожидания. С. 160. С вариантами в более ранней публикации: Он же. Булат Окуджава. М.: Олимп: ИТЦ «Марка», 1999. С. 8.

песен; сочинил да и забыл. А недавно в разговоре со мной поправился: не то что забыл, просто не придавал значения. И заодно озадачил меня, сообщив, что самой-то первую песенкой была: «На Тверском бульваре вы не раз бывали...» Но её, говорит, просто стеснялся — слишком сентиментальна¹⁷⁵.

Рассадин точно не ошибается в дате, поскольку в том году он заканчивал университет и ещё за два месяца до получения диплома — в мае 1958-го — поспешил занять освободившееся место в издательстве «Молодая гвардия», где в соседнем отделе уже работал Окуджава. Там они познакомились и сдружились.

У Рассадина есть ещё одно ценное воспоминание:

...За несколько лет до смерти Булата Окуджавы я наконец собрался спросить его, нарочно ли или по оплошности памяти в своём одностомничке 1984 года он сдвинул даты под ранними стихотворениями. Например, то, что относится к 58-му, отнёс к 57-му, — будто нарочно потакая вольностям фильма «Москва слезам не верит» или «Покровским воротам», где его песни звучат в те дни, когда их ещё попросту не было.

— А! — беспечно махнул он рукой. — Это редактор попросил поставить даты, я и назвал их примерно. Какая разница?¹⁷⁶

Подтверждающие цитаты можно множить, но на этом мы остановимся.

А коль скоро речь в этой главке зашла об и р о н и и и с а м о и р о н и и, напоследок перечитаем немного из того, что сказано Окуджавой по этому поводу:

Многие вещи, которые раньше воспринимались мною всерьёз, даже трагически, теперь кажутся смешными. И я сам, всё чаще, кажусь себе в прошлом смешным (1980).

Нельзя же говорить о себе совершенно всерьёз, вот и рождаются иронические рассказы (1984).

...На расстоянии всегда себя воспринимаешь очень смешно почему-то. Почему-то. Я не знаю вот как вы, а я, когда вспоминаю себя молодым, я себе кажусь ужасно смешным и нелепым. Ужасно (1985).

...В юности я был очень самонадеянным. Потом жизнь меня была и приучила к самоиронии (1986).

¹⁷⁵ Рассадин С. Судьба барабанщика: Булат Окуджава: воспоминания и разговоры // Век. 1994. 6—12 мая (№ 17). С. 14.

¹⁷⁶ Рассадин С. Булат Окуджава. С. 6.

Вообще поэт должен уметь иронизировать над собой. Не над другими, посмеиваться над другими очень легко, а над собой. Поэтому что, если воспринимать себя на сто процентов серьёзно, ничего не получится (1994).

Когда вспоминаю себя молодым, смотрю с иронической колокольни (1995)¹⁷⁷.

Эту мысль в разных вариантах Окуджавы не устал повторять нам много лет. (На этот момент, кстати, в цитированной нами книжке обращает своё пристальное внимание и С. Рассадин¹⁷⁸.) А мы тем не менее в большинстве случаев принимаем воспоминания Мастера о своей прошлой жизни за чистую монету.

Надо констатировать: пока что все биографы чересчур доверяют а) воспоминаниям как таковым и б) художественной прозе писателя; а также в) часто, несмотря на его многократные предупреждения, в п р я м у ю, если не сказать в л о б трактуют его «концертные» высказывания и беседы с журналистами.

Между тем при цитировании любых рассказов Окуджавы исследователям необходимо делать поправку на позднее — ироничное — восприятие себя молодого. Или сформулируем эту мысль ещё шире: давайте попытаемся не распространять все его п о з д н и е оценки и взгляды (выше вскользь говорилось, например, об отказе поэта от ранних стихов) на его прошлое.

В любом случае нам всем, пишущим об Окуджаве, надо в з в е ш е н н е е подходить к выбору: какое из ряда его противоречащих друг другу высказываний больше подтверждается фактами, а какое можно отнести на счёт самоиронии и опираться на какое в научных работах не стоит. Ведь всё, что рассказывал Окуджавы на выступлениях, в интервью, в прозе и даже в стихах («Всё для вас. Посвящается вам»), — всё это было адресовано н а м - с л у ш а т е л я м и н а м - ч и т а т е л я м, а не н а м - ф и л о л о г а м и тем более не н а м - б и о г р а ф а м.

¹⁷⁷ Соответственно: Окуджавы Б. «Всё было очень серьёзно...» / Интервью вела О. Вайсбейн; Вы слышите, грохочут сапоги... / Без подп.; «Я никому ничего не навязывал...». С. 212; «Не оставляйте стараний, маэстро...» / Беседовал С. Федотов // Веч. Казань. 1986. 13 сент.; Высокое слово «Поэт» / [Беседовала] Е. Каширина // Студия: Лит. альм. дет. и юнош. творчества / Сост. Е. С. Абелюк, Н. В. Давыдова. М.: МИРОС, 1994. С. 4–11; «Шестидесятник», говорящий тихо / Беседовал М. Нодель // Век. 1995. 7–13 апр. (№ 14). С. 12.

¹⁷⁸ Рассадин С. Булат Окуджавы. С. 7, 51–54.

* * *

Не станем подытоживать наши наблюдения о подходах и методах работы различных исследователей¹⁷⁹. Такие выводы, относящиеся к категории частных, включая сюда и уточнения мелких подробностей творческой биографии писателя, читатель вправе и в силах сделать самостоятельно. Остановимся только на главных — способных повлиять на качество будущих научных (или претендующих на это звание) трудов:

1. Биографам следует учитывать, что в силу особенностей человеческой памяти любые поздние мемуары, не основанные на документах, дневниках и прочих подобных источниках, являются априори ненадёжной опорой для исследователя, нуждаются в независимой проверке и способны выполнять лишь вспомогательную функцию — вызывать сомнение в общеизвестных или установленных документально фактах либо подтверждать их.

2. В основе так называемой автобиографической прозы Окуджавы лежат всё те же авторские воспоминания и мемуары третьих лиц. Поэтому чрезвычайно осторожно и критически следует подходить к фактам, содержащимся не только в его устных рассказах, но особо — в письменных, которые, кроме ошибок памяти, допускают ещё и элементы прямого авторского вымысла. Не стоит также забывать о том, что Окуджава — писатель, которому присуща склонность к обобщениям и художественности изложения.

3. Воспоминания Булата Окуджавы 1980–1990-х годов о своём прошлом перспективнее рассматривать через призму его иронического отношения к себе, которое выработано автором в поздние годы и о котором он предупреждал неоднократно.

4. Работа с устными рассказами автора о его прошлом показывает также, что подавляющее большинство из них являются достоверными по фактам. Со временем изменениям могли подвергаться оценка фактической стороны дела или мотивировка некоторых действий и поступков автора, даты и сроки часто забывались, замещаясь примерными. Тем не менее при обращении ко всему сохранившемуся массиву таких рассказов и при документальном подтвержде-

¹⁷⁹ Отметим лишь, что мы пользовались в своей статье в основном теми документальными и мемуарными источниками, которые были доступны исследователям до 2005 года — то есть до времени создания разбираемых биографических работ в области окуджавоведения.

дении отдельных эпизодов картина событий довольно чётко может быть прояснена.

5. В методологическом плане — в случаях, когда поэт называет разные (а потому п р и м е р н ы е) даты одного и того же события, до определения истинного времени происходившего целесообразнее оперировать не конкретными годами, а — сроками (в описанном случае промежуток времени 1956–1957 позволил бы ещё на более ранней стадии исследований избежать многих противоречий и заблуждений). Так же взвешенно следует относиться и к называемым Окуджавой срокам.

6. В плане практическом, на наш взгляд, привычная хронология творческой биографии Б. Ш. Окуджавы в части его прихода в литобъединение «Магистраль» и времени появления первых «московских» песен требует пересмотра и перенесения обоих этих биографических вех с 1956-го на 1957 год.

Владислав СМИРНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА 1966 ГОДА

В середине сентября 1966 года в Ростове состоялся праздник искусств. Это было традиционное торжество с идеологическим акцентом. На такие праздники обычно приезжали артисты из столицы и других регионов. Приехал на этот праздник и Булат Окуджава, песни которого любили уже многие. В сентябре состоялись его выступления на стадионе «Ростсельмаш». Это место для многих тысяч ростовчан было тогда, можно сказать, ритуальным: в высшей лиге отечественного футбола гремела в ту пору слава команды СКА. Трибуны на концертах праздника искусств были переполнены.

А накануне отъезда из города Окуджава выступил в одном из залов ВТО, находящегося в левом крыле знаменитого ростовского театра им. М. Горького. На этой встрече посчастливилось побывать и мне. Я работал тогда редактором молодёжной радиостанции «Парус», мне позвонил из газеты «Молот» мой друг В. Быстров и сказал: будет выступление Окуджавы.

В то время я вёл дневник, поэтому все детали встречи сохранились, — их я и привожу без правки. Этим записям более сорока лет. И некоторые фрагменты, намеченные мной для сокращения, публикуются полностью — по убедительному совету редакции. Может быть, кому-то рассуждения об эмоциональном воздействии песен Окуджавы и общая восторженность автора дневника покажутся чересчур наивными. Однако прошу читателя учесть: хоть автор уже и выступал к тому времени в эфире более двух лет и чувствовал себя достаточно опытным радиожурналистом (так по крайней мере ему казалось тогда), — в момент встречи с Булатом Окуджавой ему исполнилось двадцать пять, и был он тогда безоглядным романтиком. А также сделайте поправку на время, в которое наша тяга к Настоящему была неутолимой.

<13' > *сентября*

Только что эту ручку держал Булат Окуджава. Я попросил его написать слова, которые он считает лучшими, самыми значимыми, из своей любимой песни. Он сказал: «Трудно вспом-

¹ В рукописи, видимо, ошибочно: 12. — *Сост.*

Но какие бы руки тебя ни ласкали,
 Как бы пламень тебя ни сжигал неземной,
 В трехкратном размере болтливость людская
 За тебя расплатилась, ты чист предо мной.
 Чистый, чистый лежу я в наплывах рассветных,
 Велим флагом струится на пол простыни.
 Три судьи, три жены, три сестры милосердных
 Открывают бессрочный кредит для меня.

Берегите нас, Иосиф...

Б. Окуджавы

нить». Я дал ему листок с текстом песни «Опустите, пожалуйста, синие шторы»². (Как жалел я, что не взял с собой сборник его стихов «По дороге к Тинатин».) Он написал: «Берегите нас, поэтов... Булат Окуджавы». Я не сентиментален, для меня автограф знаменитости не стоит ничего. Я люблю Окуджаву, его поэзию — грустную боль нашего времени — и буду хранить этот листок как память о сегодняшней встрече.

Вовка Быстров позвонил в конце дня — будет встреча с Окуджавой... ВТО. Петь он вряд ли будет, а стихи почитает.

Мы расселись в жёлтом зале; как хорошо, что не в кинозале³. Людей было немного, и я сел рядом со столом в центре. <Окуджавы> оказался высоким и стройным. Таких парней я встречал в Сванетии. Я представлял его по фотографиям в «Юности» маленьким и щуплым, и сейчас как-то не вязался его тихий голос, звучащий с плёнок, с широкими плечами и стройным крепким станом.

Он попросил всех сесть поближе и сказал, что только от нас будет зависеть непринуждённость обстановки. Рассказал коротко свою биографию; как он сказал: «как на профсоюзном собрании».

² Я подошёл к Булату Шалвовичу после окончания концерта с листком машинописи, взятым из дома впопыхах. (Здесь и далее неподписанные сноски принадлежат автору дневника. — *Сост.*)

³ В кинозале конфигурация помещения была совсем иной, неудобной для прослушивания.

«Я грузин, но как говорят мои товарищи, “московского разлива”. Работал после окончания филологического факультета в сельской школе одной из деревушек Калужской области. Работал года три, потом это стало не по душе. Был сотрудником молодёжной областной газеты в Калуге. Там и вышла первая книга стихов, от которой сейчас отрекаюсь. Тогда я относился к себе слишком непоэтично. Вторая книга стихов, вышедшая в Москве, — моя. Хороша она или плоха — судить вам, но за неё я отвечаю перед Богом, литературой и читателями. Затем работал в “Литературной газете”. Потом стал “домовником”. Это <после того>, как вступил в Союз писателей. Член КПСС с 1955 года, — добавил он после некоторой паузы. — Это для тех, кого это интересует. Воевал. Солдатом я, наверное, был смешным.

Песен сейчас не пою. Надоел сам себе. Как всё началось? Однажды попробовал “спеть” стихи под гитару. Друзьям понравилось. Тогда, написав несколько песен, я решил организовать оркестр из энтузиастов. Выходить вечером на Тверской бульвар и, уладив дело с милицией, петь песни. Энтузиастов, к сожалению, не нашлось. А когда нашлись, то прошло желание петь у меня. И вот уже три года я не пою.

Он очень часто шутил над своими музыкальными способностями.

Задавали много вопросов, причём вопросов несерьёзных, пустяшных. Он отвечал с шуткой, по ходу рассказывая любопытные истории.

Однажды в Горьком на одном из его выступлений присутствовало «высокое» лицо из областного начальства. После концерта этот уважаемый товарищ задал поэту вопрос: мол, как это так в песне о Лёнке Королёве вы говорите, что не представляете Москву без короля? Окуджава объяснил ему, что значит этот король. Тот согласился.

С этой песней были и другие «заключения». Ещё на заре выступлений поэта вызвали его, как он говорил, в одну «высокую» организацию (как потом оказалось — в ЦК) и сказали: зачем вы, мол, поёте песню о Лёнке Королёве; она, де, не туда ориентирует нашу молодёжь. (Кстати, как я потом узнал от Вовки, он вышел и запел эту песню.)⁴ Через три года вызывают Окуджаву

⁴ См. также поздние воспоминания самого Быстрова, ещё одного свидетеля приезда Окуджавы в Ростов: «Я тогда уже работал в редакции, и мне, благодаря этому, выпало счастье познакомиться со своим кумиром, *несколько раз* за дни его пребывания видеть и говорить с ним, даже принимать участие в организации встречи Окуджавы с молодой творческой интеллигенцией. Он тогда рассказы-

снова <туда же> и говорят: «Зачем Вы поёте песню о дураках, есть же у вас замечательная песня о Лёньке Королёве».

Отвечал он на вопросы охотно, даже сам просил, чтобы их задавали. «Обо мне ходит дурная слава, так вот я хочу, чтобы обо мне знали правду».

Читал он стихи хорошо: «Павел Первый», «Берегите нас, поэтов», «Совет тому, кто хочет научиться рисовать», стихи о Пушкине, — как он уважительно называл его только по имени-отчеству — Александр Сергеевич.

Часто отдыхал, вытирая пот платком. Жадно курил после каждой песни. Часто ссылался на то, что многие слова уже забыл, — и он действительно ошибался. «Я уже стал не тот». И песни выбирал попроще <в плане исполнения>. Просили его спеть «Лёньку Королёва», «Дежурный по апрелю». Я попросил спеть «Неистов и упрям...», но он отказался...

Публика была ужасная. Смеялись в самых грустных местах. В общем-то, человек десять по-настоящему понимающих Окуджаву в зале всё-таки было.

Спел он три новые песни: «Песенку Франсуа Вийона», «Метро» и «Шарманку». «Шарманка», как он сказал, посвящается «Евтушенко, Вознесенскому, Ахмадулиной — моим друзьям, — и мне самому». Все песни интересны. Пел он «Чёрного кота»⁵, «Дураки».

Интересным был разговор о последователях Окуджавы. Он сказал, что свой голос имеет только Новелла Матвеева. Остальные, кто идёт уже по следам, ничего своего не создали. «Есть це-

вал: // — Нельзя бояться властителей. Надо знать их слабые места. Я фронтовик, член партии — это всегда действует на чинуш. Вот, помню, вызвал меня распекать секретарь ЦК комсомола. Как он надсаживался! “Не смейте калечить нашу молодёжь! Что это за упадочная песня у вас — про Лёньку Королёва? Кого она может воспитать?! Пацифиста, нытика, слюнтяя! Я вам запрещаю это петь!” Ну, я его послушал, вышел оттуда — и в первой же подворотне запел эту свою песню, и пел её во всех компаниях, на всех встречах, везде, где бывал. А недавно этот же самый секретарь <...>» (*Быстров В.* Прекрасен лад его баллад // Соци. 1994. 17–23 июня / № 24/. С. 5; курсив наш). — *Сост.*

⁵ Надо сказать, что в январе 1966 года вышел в свет первый номер журнала «Сельская молодёжь». Это был воистину «ударный» номер, так сказать, на закрытие хрущёвской оттепели. В нём были опубликованы поэма Булгакова «Похождения Чичикова», необычайно откровенные для того времени записки одной девушки, а главное — большая подборка стихов Окуджавы, — целая полуса, да каких! Среди них была и «Песенка про Чёрного кота» (читай — про Сталина). Главный редактор журнала, наш земляк, ростовчанин Г. Марчук, был уволен. И вот мы слышим со сцены эту песенку!..

лый отряд молодых «менестрелей» в Ленинграде. Один другого хуже». Галич неплох, но у него песни другого порядка, они больше напоминают политические памфлеты.

Пел он неплохо, но чувствовалось, что даётся это ему нелегко. Он поставил ногу на стул, положив гитару на бедро.

Жёлтые стены и жёлтые занавески... Голос совсем близко, тот голос, что рвался в душу с коричневой блестящей магнитофонной ленты. Я слушаю и наблюдаю за соседями. Сюда пришло много людей, не имеющих к Окуджаве никакого отношения. Пришли из чисто мещанского интереса, поглазеть на знаменитость, чтобы завтра рассказать всем самые «острые», шекочущие нервы места. Вот сидит с глупой улыбкой <старушка>. Боже мой, как она сюда попала? Что ей здесь нужно? Что ей до боли этого самого одинокого из одиноких, грустного человека? Что понимает она в этой голубой боли, этой скорби, которой нет границ? Хихикающие девочки. Конечно же, им хочется услышать «Ваньку Морозова» и песню о Наде-Наденьке...

А он поёт, распяв себя на гитаре. Тяжело нести этот семиструнный крест. У всех на виду. Всех интересуют подробности создания песен. И он выворачивает себя, потому что не может без песни, хотя и говорит, что уже не поёт. Если бы он не пел, то кто заставил бы его петь здесь, на глазах неизвестных чужих людей. Но песни — это он сам.

Жёлтые стены, жёлтые занавески... Жёлтый Христос. Жёлтая грусть, настоящая на пьяной крови.

Окуджава — человек города. Он родился и вырос на Арбате. Город создал его, детство в Арбатских переулках опьянило на всю жизнь, война отрезвила. И вот эта смесь хмельной грусти детства и трезвой мудрости солдата, смотрящего в лицо смерти, — настой, на котором поднялись его песни.

Я всю ночь спал плохо, мне вспоминался вечер, звучали в ушах обрывки песен. Встреча была неожиданной, <и> я всё не могу осмыслить до конца её значение, её реальность...

14 сентября

Сегодня утром мне пришла в голову мысль: а что если позвонить Окуджаве, если он ещё не уехал, и попросить его спеть «Вийона». Связался с Вовкой, он дал номер телефона в гостинице, но говорил о встрече так безнадежно, что я совсем потерял уверенность в успехе этой затеи и даже не собирался звонить. И только в обед я наткнулся на клочок бумажки, где был

записан номер его телефона. Сказал Вальке Бондаренко. Она сразу позвонила. Он оказался дома! В три часа дня он уезжал. Осталось часа три. Мы схватили магнитофоны и побежали за машиной. Интервью — это само собой, но мне хотелось записать хоть что-нибудь из новых песен. Гитара! Но где её взять, когда осталось так мало времени? И тут нам по-настоящему повезло. Гитара оказалась у Рубена⁶. Мы с трудом нашли его, взяли запылённую, ненастроенную гитару и помчались в гостиницу.

Он сидел один в номере; видимо, читал... На столе лежали очки, раскрытая книга, начатая пачка сигарет и что-то ещё из мелочи. Запомнил я красный значок «Ростсельмаша» — видимо, сувенир, память о Ростове. На стене висел солнечный, ясный эстамп: на берег набегали синие волны, а на <суше> стояла серая крепость с крытыми каменными башнями.

Интервью дать он охотно согласился, обещал прочитать стихи, от песен наотрез отказался. Ну, что ж, обойдёмся без песен, хотя я втайне надеялся уговорить его. Гитару мы оставили внизу, в машине, чтобы не шокировать его сразу. Он принял нас очень любезно, всё старался усадить, хотя в комнате был всего один стул и диван. Я держался очень спокойно, хотя вчера, когда я подходил к нему, волновался.

Говорил он легко, непринуждённо, я бы сказал даже артистично. Хотя перед этим <сказал>, что боится микрофона как какой-то психологической стены. Мы записывали его на два магнитофона. Запись его я приведу полностью. Валька очень волновалась и вела беседу не лучшим образом, о чём он потом сказал. Он читал стихи, говорил о песнях. Потом пришёл Данька Долинский. Я думал, что он будет мешать, но он только стал «мостиком» между Окуджавой и мной⁷. Валя уехала на вокзал как только мы записали интервью: она торопилась на встречу с героями похода по местам боевой славы.

Тогда я сказал, что в стихах, в чтении «Вийон» не звучит, его нужно петь. «Ну несите гитару, попробуем». Я мигом слетал. Он долго настраивал струны, потом заменил одну и сказал, что хорошо, что не годится как раз та струна, которая ему не нужна. «Я играю на шести струнах».

Первой песней он пел «Вийона». Пел он хорошо, гораздо лучше, чем вчера. Как он сам сказал: «Вчера был большой зал,

⁶ Рубен Каспаров — художник Ростовского телевидения.

⁷ Старый друг Окуджавы, создал атмосферу доверия — поэт увидел, что я хорошо знаком с Долинским, и вначале мне это пригодилось.

и я чувствовал перед собой стену». Мы закрыли дверь поплотнее. Я замер у микрофона. Пел он необычайно хорошо. Потом, когда я <на студии> переписал кассету (а ему очень понравились наши «Репортёры») я убедился, что запись эта в десять раз лучше, чем те, которые я слышал когда-то. Не было ни треска, ни шума. Только чистый голос. Играл он тоже здорово, хотя и несколько раз предупреждал, что играет на гитаре плохо. Начинал каждую песню медленно, первые строчки произносил речитативом, а потом мелодия захватывала его. Только сейчас я обратил внимание на то, что песни его гораздо мелодичнее, музыкальнее, чем мне казалось раньше.

Лёгкий голубой дымок поднимался от папиросы к его лицу. Он струился около глаз и таял где-то вверху, его лоб пересекали две глубокие складки. Чувствовалось напряжение мысли даже тогда, когда он пел. Его высокий загорелый лоб — лоб мудреца — переходил в лысину. Волосы густые, легко выющиеся начинались сразу и лежали на голове полукругом, как парик, как шапочка-сванка...

Я не слушал песни — я «дрожал»: чтобы удалась запись. Держал я себя очень легко и непринуждённо, словно это был Колька⁸. Просил его спеть то, что хотел услышать. Он спел опять «Метро», «Шарманку». Мы долго вспоминали, что можно спеть и новое и интересное. «“Музыкантов” я не осилю — очень длинно. “Кредиторы” — тоже». «Неистов и упрям» спеть он опять не захотел, а как-то отмахнулся от этой песни. Что-то, видимо, неприятное связано с ней, и он не хотел вспоминать это.

Спел он интересную песенку «Старый вальс “Прощание с Польшей”». Я тогда обратил внимание на то, что его мелодия не просто музыкальный речитатив. В каждой песне чувствовалась связь с народной музыкой. В «Прощании с Польшей» звучал классический вальс, звучал каким-то вторым или третьим фоном. «Вийон» — это молитва, здесь элементы обращения к Богу настолько сильны (в песне есть что-то баховское, скорбное), что сравнение с молитвой возникает сразу. В «Песенке о нашей жизни» явственно звучат цыганские мотивы. Так что мелодии Окуджавы не так просты, как это кажется на первый взгляд.

Пел он охотно. Мы вспоминали его старые песни. «Об Одессе»⁹ он даже забыл, и когда я напомнил ему, он обрадовал-

⁸ Мой друг — гитарист Николай Ребачук.

⁹ «Песенка об Одессе» с авторской мелодией прозвучала в кф. «Цепная реакция» (1962). — *Сост.*

ся: да-да, моя это песня. Он и впрямь забыл свои некоторые песни, вернее забыл отдельные слова из них, и его очень расположило ко мне то, что я так хорошо знал его творчество. Он говорил по-доброму, и даже сам предложил дописать кассету до конца. Как он сказал: «Вам на память». Спел «Московского муравья». Вспомнил начало не сразу, и мне пришлось помогать ему. Спел он «Песню короля, отправляющегося в поход»¹⁰. Он действительно забывал некоторые слова, и тогда в процессе исполнения сразу же находил новые. Я и раньше обращал внимание на то, что в некоторых записях звучат одни слова, а в некоторых другие. Теперь же я видел сам, как он легко импровизирует. Песня живёт у него каждый раз по-новому, и всегда в ней возможны новые блёстки, новые находки, неожиданные повороты.

Песни свои он очень любит. Да, они действительно надоели ему, потому что поёт он их часто. Но пел он с большим желанием и, видимо, очень был рад этой встрече. <...> Он вспомнил, что я к нему подходил вчера, расспросил меня, где я учился. «Мы, — говорит, — с вами коллеги, я ведь тоже филолог». Спросил, как меня зовут. Я говорю: «Всё равно забудете», — намекая на то, что он даже песни свои не все помнит. «Нет, не забуду». Я сказал: «Слава Смирнов».

Я опять пожалел, что не взял его книжечку стихов «По дороге к Тинатин»¹¹. Он рассказал немного о её издании. Предложили ему дать в сборник половину своих стихов о Грузии, половину — переводов грузинских поэтов. «А у меня стихов о Грузии нет. Я тогда подставил к некоторым стихам грузинские названия: “Георгий Саакадзе”, “Осень в Кахетии”¹². Они прошли. А цикл стихов, которые составители называли даже поэмой, был собран из разных произведений, написанных в разное время и ничего общего не имеющих между собой. Но всё же много стихов не вошло в эту книгу, так как их никак нельзя было привязать к Грузии».

¹⁰ «Песню о старом, больном, усталом короле...» я слышал незадолго до этого. Из Москвы в Ростов приезжала актриса Ия Саввина. Она была в гостях в нашей редакции и пела эту песню. Но пела её не так, как Окуджава. В её исполнении звучали нотки «королевы», что ли, песня приобретала «женское лицо», была более мягкой. Чуть сдвигался акцент иронии. Он же делал «ударение» на «партии» короля. Песня звучала более мужественно. Он пел её так, словно пел о себе...

¹¹ Эту книгу, изданную в Тбилиси в 1964-м, я имел, но не смог её найти.

¹² Стихотворение «Осень в Кахетии», не имеющее в тексте признаков принадлежности к Грузии и бывшее ранее опубликованным (Лит. газ. 1962. 23 авг.), вошло в сборник «По дороге к Тинатин» под названием «Октябрь в Карданахи». — *Сост.*

Да, вот ещё интересная деталь. Когда мы обговаривали с ним круг вопросов интервью, я попросил его как-то связать планы своего творчества с молодёжью¹³. «Я не пишу для молодёжи. Я пишу для всех. Если хотят — пусть читает молодёжь; а нет — так нет. А как можно вообще разделять литературу на молодёжную и немолодёжную? Разве Лев Толстой писал для молодёжи? Вот меня иногда просят: напиши, мол, туристскую песню. А я не понимаю, что значит “туристская песня”. Хорошие песни поют все».

Я спросил, ценит ли он Примерова и Вегина¹⁴. «Вегина знаю». О Примерове он ничего не сказал. Он согласился со мной, что Петька Вегин — эпигон Вознесенского. «Вообще-то, когда пришли в поэзию Евтушенко, Вознесенский и в какой-то мере Рождественский (видимо, он ставил Рождественского значительно ниже), то они пришли со своим голосом, со своим “я” в поэзию, в литературу». «Время сделало их поэтами; такими поэтами, какими мы их знаем», — вставил я. «Да, именно время», — подхватил он эту мысль и щёлкнул пальцами, как бы подбавляя удачно найденное выражение.

Я сказал, что Вознесенский из всех этих ребят самый большой поэт, но Булат возразил, что Евтушенко не менее талантлив, чем Вознесенский. Я бы многое сказал ему о его творчестве, о его песнях, но постеснялся Дани: что он подумает — смотри, мол, как распинается. Я просто показал знание творчества Окуджавы, что очень люблю и ценю его.

Разговорились мы о его записях. В Англии вышла пластинка с двадцатью пятью песнями. «Где же взяли?» — «Да собрали по домам». О пластинке, которая вышла у нас, он отозвался не лестно¹⁵. И очень обрадовался, что его мнение совпадает с моим. Записи в оркестровке — красивые, они звучат, но в них нет Окуджавы. Песни поэта характерны слиянием стиха и мелодии, и когда их поёт сам поэт, он передаёт их суть, кровь этих песен. Повторить это невозможно. «Майя Кристалинская поёт песенку

¹³ Напомню, что мы готовили передачу в программу *м о л о д ё ж н о й* радиостанции.

¹⁴ Борис Примеров (1938–1995) и Пётр Вегин (1939–2007) — поэты, переехавшие в Москву из Ростова.

¹⁵ Речь идёт о новой в то время гибкой пластинке с записью песен в исполнении Ю. Визбора, Е. Камбуровой, И. Кобзона и М. Кристалинской (1966), — единственного в то время отечественного «звукового» издания Окуджавы (Д 00016717-8).

об Арбате очень весело, — сказал он. — А это — грустная песня. А Хиль так весело “выдал” “Я дежурный по апрелю”, что пришлось от этой записи совсем отказаться».

Рассказал он о своей поездке в Швецию, где он был с Евтушенко и Вознесенским. Песни его встретили очень тепло, так как он был в очень выигрышном положении: песни короткие, переводить их легко, тем более ещё — гитара...

Рассказал он об истории создания песни о весёлом барабанщике, когда я вспомнил о ней; вернее о двух вариантах звучания этой песни как <о> двух разных песнях. Он быстренько подобрал на гитаре оба варианта и <вспомнил>, как песня попала в кино. «Когда её послушал композитор (кажется, Колмановский¹⁶), он сказал — “цыганщина”. “Давай я тебе сделаю песню”. Мне очень хотелось попасть в кино, это было первое приглашение, и я согласился. Утром звонит Колмановский: “Приезжай, написал гениальную песню”. Послушал. Боже мой! Ничего моего не осталось, но согласился: очень уж заманчиво было прозвучать с экрана».

Я <заметил>, что этот «весёлый» вариант вышел тоже неплохим, хотя его жизнерадостность и зачёркивает смысл окуджавинской песни¹⁷. Он согласился.

Сидели мы с ним долго. Я не расхваливал песни, но после каждой записи говорил просто: «Здорово», «Годится» или что-то в этом роде. Без десяти минут три я стал собираться: в три часа за ним должна была приехать машина. Он крепко пожал мне руку; проводив меня, он ещё раз попрощался.

А в ушах ещё долго звучала «Песенка Франсуа Вийона». Слова её были опубликованы в «Юности», но «спел» он её недавно. Она, видимо, очень нравилась ему, и он гордился ей.

Когда мы брали интервью, Валя сказала, что дадим его песни по радио. Он усомнился в этом, и вполне справедливо. Валя сказала: у нас, мол, такое справедливое начальство¹⁸. Я посмеял-

¹⁶ Видимо, здесь и далее неточность. В кф. «Друг мой Колька» песня вошла с музыкой Л. Шварца; в этой редакции и пропагандировалась советскими средствами массовой информации как пионерская. — *Сост.*

¹⁷ Я говорил, что у этой редакции иной смысл, но её великолепные слова могут поворачиваться совсем другой, почти противоположной стороной. А ведь это своего рода эксперимент над внутренним взаимодействием слов и музыки. Зачёркивая окуджавинскую грусть, песня начинает жить иной — «весёлой» жизнью.

¹⁸ Валина наивность объясняется тем, что она совсем недавно окончила университет и только-только пришла работать в редакцию.

ся в душе над ней, посмеялся и Окуджава. Но он всё-таки <признался> перед её уходом, что стихи прочитал нам те, которые были уже опубликованы, чтобы нам не «досталось», и назвал <журналы>, где они были напечатаны. А когда пел мне песни, сказал, что это, мол, конечно, не для радио, а так — на память. «Конечно же», — поспешил сказать я. Позже я клял себя <за то>, что мы поехали так поздно, что дело всё в спешке, что даже взяли ненадёжный «Репортёр», который «сел», и часть песен пропала.

Но главное — я записал «Вийона». Из-за одной этой песни можно было уже ехать к нему. А главное, он пел — мне, ведь он знал, что никогда ни на какое радио эти песни не пройдут. Могли я об этом мечтать, слушая затёртые плёнки, переписанные по сто раз?

«Песенка Франсуа Вийона» бесподобна. Она самая «песенная», самая мелодичная из всего, что написал Окуджава. Он сам подтвердил это и сказал, что её собирается петь какой-то известный бас.

В этой песне слилась вся чистая озёрная грусть поэта. Она переходит здесь в скорбь, доходит до трагической черты. Какая-то демоновская, врубелевская скорбь. Ирония и мудрость здесь так переплетены, что трудно различить их, да и стоит ли? По гармонии и силе звучания я могу сравнить эту песню лишь с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...» У него есть немало песен, по глубине своей не уступающих «Вийону», но здесь мелодия бесподобна, и поэтому получилось что-то невероятное. Эту песню трудно слушать. Это апогей, исповедь, крик души. Она поднимается так высоко, так захватывает тебя, что ты начинаешь ощущать дрожь. В некоторых местах голос его достигает такой силы, такого проникновения в тайники души, на какое способна только самая настоящая, самая первозданная поэзия. Кажется, что поэт дошёл уже до той трагической, страшной черты, когда всё уже понято, всё измерено, всё взвешено. Я и раньше с интересом следил в его песнях за развитием «божественной» темы, где поэт находил чистые, яркие слова. Особенно чувствовались эти слова исповеди в «Кредиторах», где поэт обнажает свою душу, «распинает» себя на кресте индивидуализма. Здесь, в «Вийоне», он уже на коленях. Его молитва чиста и мудра. Он просит у Бога то, что положено каждому без всяких просьб. В этом страшная трагедия Человека и Земли, которой странно самой, что она ещё вертится.

В эфире — «Парус»

СЛУШАЙТЕ нас сегодня в 19 часов на волне 317,8 метра.

В программе: 1) Радиопортреты современников. Зарисовка А. ГЕРАЩЕНКО «В буйном и прекрасном мире». 2) Год службы — третий. Радиорассказ зарубежного корреспондента Петра ФЕДОРОВА. 3) Наши интервью. Интервью с Булатом ОКУДЖАВОЙ. 4) Песни Булата Окуджавы.

*Анонс радиопередачи
в газете «Комсомолец»
от 2 октября 1966 г.*

В песне «Неистов и упрям...» Окуджава призывает брать у жизни то, что положено, не дожидаясь милости, милости чьей бы то ни было. В «Вийоне» он как бы признаёт, что это ужасно тяжело в наш век, с которым нельзя «на Вы». Но не получается и «на ты» делать то, что хочешь, писать то, что хочешь, говорить то, что ты хочешь...

«Умному дай голову, трусливому дай коня...» — в этих уайльдовских по силе и глубине парадоксах — мудрость бытия. Правда, истина парадокса обнажается со страшной силой.

<...>

7 октября

Написал письмо Окуджаве.

Булат Шалвович!

Посылаю Вам вырезку из нашей молодёжной газеты «Комсомолец» с анонсом, в котором сообщалось о том, что в программе радиостанции «Парус» выступит поэт Булат Окуджавы.

Может быть, это сообщение и не доставит Вам радости (я не знаком с психологией человека, вкусившего заманчивый плод славы), но думаю — Вам, всё-таки, приятно будет узнать, что «Песенка Франсуа Вийона» звучала в эфире, тем более в Вашем исполнении.

Я, как и Вы, сомневался, что её удастся «пробить» (она необычайно глубока и смела для нашего эфира). Но наш шеф благоговееет перед тем, что было уже «опубликовано». И это, кажется, был главный козырь ребят из «Паруса». Но если даже учесть, что слова её были опубликованы, мелодия придаёт им

необычайную силу. Песня достигает гармонии — текст и музыка сливаются в молитву с потрясающей эмоциональной силой воздействия.

Итак, «Франсуа Вийон» был в эфире! И это, возможно, единственный случай.

Неплохо прозвучало и интервью. Девушка, которая вела его в гостинице, перечитала вопросы в студии. Они стали более мягкими, пластичными. Выдал «Парус» и Ваши стихи «Как научиться рисовать», «Не представляю Пушкина без падающего снега» и официальные записи песен «Лёнька Королёв» и «По Смоленской дороге...» Но главное, конечно, — «Франсуа Вийон». Собственно, ради этой песни я и приезжал к Вам в гостиницу.

Все записи вышли удачно, особенно великолепно — «Вийон». До этого я слышал Вас на затёртых плёнках, теперь я убедился — Вы прекрасно поёте. Во всех официальных записях в исполнении профессиональных певцов нарушается гармония Ваших песен, их дух. Я убеждён в том, что блестяще читать свои произведения может только большой поэт. Так читали свои стихи Маяковский, Блок, Есенин... Так читает их Евтушенко. Настоящего поэта нельзя повторить. Большая, истинная поэзия — первозданна, необъяснима. Актёр — играет. А игра убивает истину, даже малейшей долей неискренности, наигранности. Поэзия настояща на крови. Вы передаёте кровь, суть, характер Ваших песен, сами не замечая этого. И это неповторимо.

Я давно люблю Вашу поэзию. С тех пор, как несколько лет назад впервые услышал «Весёлого барабанщика» и «По Смоленской дороге». Но мне никогда не приходило в голову написать Вам. И вот я вспомнил эпизод из рассказа «Промоксис», когда его герой, Сытов, остаётся сидеть на ступеньках дачи. (Это самое лучшее место рассказа, в общем-то не очень сильного. Надо сказать, что Ваша поэзия на голову выше той Вашей прозы, которую мы пока знаем).

Сытов преодолевает инстинкт общественного страха и остаётся в лесу. Мы настолько связаны условностями, что минуты, когда мы осмеливаемся быть самими собой — великое откровение для нас.

И вот я решил написать Вам, влекомый желанием поступить так, как мне хочется, не боясь холодных слов осуждения.

Прошу у Вас прощенья за раннее прощанье,
За долгое молчанье, за поздние слова...

А может быть, это письмо нужно Вам. Я знаю: Вы одиноки. Друзья, вино — это всё поверхностно, как одежда, всё это преходяще.

Когда мы пришли к Вам в гостиницу, Вы читали книгу. Серые окна, холодная мебель и яркая, словно выплеснутая солнцем, картинка на стене. И мы были для Вас чужими... Но вот Вы взяли гитару. Голубой папиросный дым струился и таял под толчком. Волосы — словно сванка, заброшенная на высокий лоб, глаза потемнели... Струились и таяли голубые песни... Может быть, Вы часто получаете письма от поклонников. Я никому не поклоняюсь. У меня свои счёты с искусством. Я ценю только то, что написано кровью. Ван Гог и Гоген, Рерих и Врубель, Уитмен и Маяковский, Блок и Лорка, Достоевский и Кафка...

Вас и Андрея Вознесенского я считаю большими, настоящими поэтами.

Андрей Вознесенский — нервная боль нашего времени, трагедия столкновения человека и машины, ослепительная обрзанность. Булат Окуджава — глубина и мудрость, ощущение тревоги, грусть и необычайная лиричность, певучесть и родниковая чистота. Определение — убивает. Поэтому то, что я написал сейчас, — условно. Вы — художник. И хотя Вы «тот родник, который не спасает» (да и что нас может спасти?), но на берегу Вашей тихой реки мне хорошо.

Писать кровью, самим собой, может только мужественный человек и большой художник.

...Главное — это сгорать,
И сгорая, не сокрушаться о том.
Может быть, кто и осудит вначале,
Но не забудет потом.

И так будет. Я знаю, очень немногие понимают Вас до конца. Но лучше иметь пригоршню золотых монет, чем мешок медных. Ведь золото — бессмертно.

Перед тем, как писать Вам это письмо, я ещё раз прослушал «Песенку Франсуа Вийона». Это — божественная песня, грусть и ирония мудреца, познавшего суетность нашей жизни. Я слушаю её снова и снова в каком-то глубоком забытии. Вам, вероятно, уже говорили Ваши друзья, что это одна из лучших Ваших песен, если не лучшая.

Это, конечно, песенка Франсуа Вийона, которого я очень люблю. Он был истинным поэтом, презревшим законы общест-

ва, бесстрашным и ярким. Но мне кажется, что это и Ваша песня. И заголовок «Франсуа Вийон» идёт от цензуры. Может быть, я ошибаюсь?

Но в любом случае для нас важно, что получилось. А получилась великолепная песня.

Спасибо Вам, дорогой мой человек, за большое истинное искусство. Вы написали мне на листе: «Берегите нас, поэтов...». Но ведь Вы знаете, что мы часто бываем не в силах придти на помощь друг другу, как трамвай не может перейти на параллельную линию. Близко, но невозможно. Мы, как трамваи, идём по одному пути, но — в одиночку. В том-то и трагедия наша.

Берегите себя ради нас, ради всего святого, из-за чего стоит ещё жить на земле.

Всего Вам самого доброго. И главное — побольше солнца, ведь его не так много в нашей жизни.

С искренним уважением

Владислав.

Р. С. Если Вас интересует мнение радиослушателей о передаче, я могу сообщить Вам, о чём они написали в редакцию.

Владислав СМЕРНОВ

БУЛАТ ОКУДЖАВА В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Первый раз Булат Шалвович Окуджава приехал в Ростов в 1958 году. Он только что перебрался из Калуги, где работал в молодёжной газете, в Москву. Его стихи, публиковавшиеся на страницах молодёжки, были замечены, и его пригласили на работу в издательство «Молодая гвардия» на должность редактора отдела поэзии.

В это время издательство готовило к печати книгу балкарского поэта Жанакаита Залиханова «Голубые ели». В неё была включена и поэма «Сюлемен», которую перевёл ростовский поэт Николай Егоров. «Молодая гвардия» откомандировала Б. Окуджаву в Ростов-на-Дону для встречи с Егоровым: сверки, редактирования текста, его сокращения, так как поэма была великовата для сборника.

Поэма Залиханова была названа по имени главного героя — молодого горца, оторванного от мирного труда войной.

Рассказывает Н. Егоров:

Я собирался сам звонить в «Молодую гвардию», когда узнал о подготовке книги Залиханова. И тут к нам в редакцию журнала «Дон» пришёл мой друг, поэт Даниил Долинский, и с ним молодой художавый человек кавказской наружности. Это и был Булат Окуджава.

А наше знакомство с Окуджавой состоялось вначале заочно. Ранней осенью 1955 года стало известно, что в Москве готовится совещание молодых писателей. Я тогда работал в Грозном, газете «Грозненский рабочий». К этому совещанию стали отбирать произведения молодых поэтов и прозаиков. Так мои стихи попали в Москву. И вот в десятом номере журнала «Новый мир» за 1955 год была напечатана подборка стихов поэтов, которые печатались в столице первый раз. Мои стихи тоже были опубликованы на страницах «Нового мира». Смотрю, — а там все известные имена. И только одна фамилия не была мне знакома — Окуджава. Фамилия грузинская, а в конце не указано, кто же переводил стихи. Это меня заинтересовало, и я за-

помнил эту фамилию. Булат тогда жил в Калуге, и это была его первая публикация в Москве. На Третьем совещании молодых писателей, в котором принимало участие около 150 поэтов, был и Окуджав, и Долинский, и я. Но только тогда, когда мы увиделись в Ростове, я его спросил: «Ты абхазец?» Он ответил: «Я грузин наполовину, а наполовину армянин. И у абхазов и у грузин есть фамилии, оканчивающиеся на “ава”».

До сих пор помню, как мы работали с Булатом над книгой «Голубые ели». По согласованию с автором всю операцию по сокращению должны были провести я и редактор. Булат хорошо вчитался в поэму, и мы легко понимали друг друга, бережно работая с текстом, стремясь сохранить нетронутым главное — образ юного героя-балкарца. Мы оба считали несправедливым выселение балкарского народа. Это тоже определяло наше отношение к её герою, заслуживающему благодарности, а не изгнания и унижения. Пронзительно звучала в поэме нота любви к родной земле, к аулу в горах, отчему дому, к соплеменникам. Ведь автор поэмы Жанакаит Залиханов был выслан в Киргизию, где разделил со своим народом тяжкие годы. И родители редактора, Булата Окуджавы, были репрессированы. Отец его погиб, мать, к счастью, выжила, вернулась из заточения и разыскала сына по отчёту о Всесоюзном совещании молодых писателей в «Комсомольской правде».

Когда, к общему удовлетворению, дело было сделано, я спросил, не захватил ли Булат с собой новых стихов. Оказывается, захватил. Он дал мне почитать их, и я отобрал несколько стихотворений для журнала «Дон». Это были простые, задушевные, очень человеческие стихи поэта, который в повседневном, бытовом видел важное и высокое. Стиль у Булата и тогда был изыскан, но изысканность у него отличалась естественностью, благородством. Я пошёл с этими стихами к главному, а тот отверг их — все до единой строки. Булат, услышав приговор, грустно и понимающе улыбнулся: не впервой.

Потом мы встречались и в Ростове, и в Москве. Мы были сверстниками, и разве мог я подумать, что доживу до воспоминаний о Булате?

...Булат хорошо чувствовал себя в самом узком кругу, хотя и тут держался тихо, скромно, словно в сторонке был. В больших и шумных компаниях он и вовсе старался быть незаметным, даже если оказывался центром компании. И это при том, что обстоятельства вынуждали его к публичности. До сих пор не понимаю: как удавалось ему вынести испытания концертами и литературными встречами? Откуда силы брались? Нет, он не был робок, напротив, он был мужествен и самостоятелен, а вот суеты и гордыни не терпел¹.

Второй раз Б. Окуджава побывал в Ростове в сентябре 1966 года. Он провёл здесь около недели. Тогда в городе состоялся

¹ Егоров Н. Булат Окуджава // Егоров Н. Мастера: Воспоминания о писателях и художниках. Кн. 2. Ростов н/Д.: Новая кн., 2006. С. 31–40.

*На стадионе «Ростсельмаш»
Ростова-на-Дону, 1966 г.
Фото Э. Литвинова*

праздник искусств. Это было время амплитуды постепенного «затухания» хрущёвской Оттепели.

Праздник проходил на стадионе «Ростсельмаш» 10–11 сентября. Стадион, недавно реконструированный и теперь вмещавший около тридцати пяти тысяч человек, был для Ростова в то время местом почти ритуальным. 1966 год был пиком успеха ростовской команды СКА. Она выиграла в том сезоне серебряные медали чемпионата страны по футболу.

На стадионе и состоялся театрализованный спектакль «Говорит Москва», сыгранный артистами Московского театра масовых представлений. В нём участвовали, как писали газеты, «выдающиеся мастера театра, кино и эстрады». Среди них — народные артисты СССР Борис Андреев и Павел Лисициан, народный артист РСФСР Марк Бернес, народный артист УССР Юрий Гуляев и многие другие. Два дня, в субботу и в воскресенье, шли утренние и вечерние представления, которые закончились грандиозным фейерверком. Их посетило около 80 тысяч ростовчан. Так идеологи страны начинали за год готовиться к помпезному, шумному празднованию 50-летия Октябрьской революции, превращая такие массовые действия в демонстрацию достижений социализма.

Был среди участников спектакля и Булат Окуджава, который, естественно, не числился артистом, тем более отмеченным высшими государственными регалиями. Он не так давно побы-

НАШИ ВСТРЕЧИ

Артисты Московского театра массовых представлений в гостях у журналистов

В эти дни на сцене завода Ростсельмаша выступает Московский театр массовых представлений «Говорит Москва» — так называется новый театро-индустриальный концерт, в котором принимают участие выдающиеся артисты советского театра, кино и эстрады. Велась передача...

великая премия имени Андрея недолгого воспоминания и тем не менее работы в кино и на сцене более чем в 50 кинофильмах, рассказы и пьесы, поэзия, таинственные легенды, Булат Окуджавы, композитор Александр...

Старший редактор архива СССР Борис Андреев, редактор издания «Молот» В. М. Штеин, редактор «Вечернего Ростова» Михаил Костомаров, редактор «Молота» К. П. Туманов.

Фото Б. Каралкина.

Участники представления в редакции газеты «Молот». Фото Б. Каралкина

вал в Саратове, где выступления московских писателей прошли с нежелательным для местного начальства «шумом».

10 сентября в газете «Молот» состоялась творческая встреча группы артистов с сотрудниками редакции. В небольшом отчёте Окуджаве отведено особое место: «Поэт Булат Окуджава рассказал о том, что работает над новыми киносценариями (недавно зрители видели кинофильм «Верность»), написал новые повести. В столичных издательствах выходят в свет его новые книги стихов» (*Наши встречи // Молот. 1966. 11 сент. С. 4*). Здесь же помещена и фотография: Окуджава рядом с Б. Андреевым, М. Пуговкиным, М. Кристаллинской, руководителями театра. Кстати, на этом снимке — он в костюме с галстуком, — редкий кадр (фото Б. Каралкина).

Интересная деталь: городская газета «Вечерний Ростов» опубликовала несколько раз очень крупные блоки рекламы о предстоящих спектаклях. Первое сообщение о представлении было напечатано там 24 августа, и из участников был назван — крупным шрифтом — только один Окуджава. Затем на неделю анонсы пропали. А когда они появились вновь (с сообщением о дополнительном, утреннем спектакле 11-го), — ни одной фамилии там уже не фигурировало. Однако когда спектакли прошли, в репортажах его имя было поставлено рядом с самыми известными певцами. Более того, в одной из газет ему отдавалось предпочтение в некоторых оценках: «Задушевно звучит голос поэта и композитора Булата Окуджавы, поёт заслуженный артист РСФСР Иосиф Кобзон...» — писал «Вечерний Ростов» (*Иванова А. «Говорит Москва» // Веч. Ростов. 1966. 12 сент. С. 1*).

Газета «Комсомолец» опубликовала фоторепортаж, и опять на снимках, уже индивидуальных, — Ю. Гуляев, М. Бернес, М. Пуговкин, М. Кристалинская и Б. Окуджава. (*Шершевский Г. «Говорит Москва» // Комсомолец. 1966. 13 сент. С. 3.*)

Спектакль «Говорит Москва» представлял собой патетическую летопись страны, показанную через историю одной рабочей семьи. Б. Окуджава, конечно, условно вписывался в шумный, многоликий контекст спектакля. Но его слава к тому времени была уже столь велика, что многие слушатели, особенно молодые, выделяли из концерта именно его песни, хотели услышать их не на затёртых плёнках магнитофона, а «живьём», ко всему прочему, с творчеством других исполнителей они были хорошо знакомы.

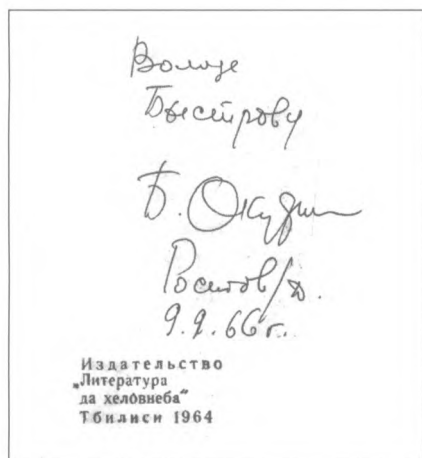
Булат пел песни на военную тему. И открывалась она «Ленькой Королёвым». На фотографии (фото Э. Литвинова) он стоит перед двумя крупными микрофонами, весь в напряжении, как в атаке... Гитара почти ребром у груди — словно автомат... В издательстве «Музыка» в 1989 году вышел сборник «Песни Булата Окуджавы. Мелодии и тексты». Под фотографией его выступления на стадионе «Ростсельмаш» стоит подпись «Выступление в Ростове-на-Дону в 70-е годы». Это ошибка. На одной из этих фотографий есть собственноручная надпись Окуджавы. Он подарил её своему другу Д. Долинскому.

Вот она:

Даньке и Жене Долинским от этого перепуганного гитариста — на дружбу. Булат. 12 сентября 1966 г.

Эта же ростовская фотография была помещена на обложке книги, изданной в Швеции. Фотокорреспондент «Комсомольца» Эдуард Литвинов был настоящим мастером. Достаточно сказать, что во время гастролей в Ростове выдающегося югославского певца Джорджи Марьяновича он сделал такой блестящий портрет артиста, что тот поместил его на свою афишу и ездил с ней по всему миру.

В то время поэтического бума 60-х годов поэты выступали в огромных залах и на стадионах. Так рождалась «громкая», эстрадная поэзия, требовавшая большой аудитории, формировавшей существо этой поэзии в отличие от «тихой» лирики. Но песни Окуджавы были совсем другими «по образу и духу своему». Они не были рассчитаны на такую большую аудиторию. Неслучайно их поют в узком дружеском кругу. Он это хо-

Автограф
Владимиру Быстрову

рошо понимал и чувствовал. Фотоаппарат «схватил» напряжённое лицо Булата Шалвовича и динамику его фигуры, словно слившейся с гитарой. Можно представить, каково было «давление» огромной аудитории слушателей под открытым небом. И самоирония поэта — «перепуганный гитарист» — передавала ещё пульсирующее в нём недавнее острое ощущение от выступления в «чаше» стадиона.

Сохранилось ещё одно свидетельство — корреспондента «Молота» Владимира Быстрова. Он договаривался с поэтом о последующем выступлении в зале ВТО.

Быстров вспоминает:

На встрече в «Молоте» Окуджава держался как-то обособленно от всей той звёздной компании — худой, немного сутуловатый, в короткой курточке. Страшно удивился, увидев у меня свою книгу стихов «По дороге к Тинатин», когда я попросил подписать её. У неё был ничтожный по тем времена тираж — 5 тысяч экземпляров.

Спросил меня, как я отношусь к его участию в стадионном действе, хорошо это или плохо для его песен. Мне бы ответить, что стадион, да ещё с тем пропагандистским антуражем, конечно же, не место для песен Окуджавы. Но я ему сказал, что это — возможность увидеть его и хоть капельку услышать, каковой никогда не было и вряд ли будет когда у десятков тысяч его поклонников...²

Это свидетельство подчёркивает, что Окуджава сам внутренне сомневался в таком выступлении, может быть, не сразу принял решение и искал хотя бы такой поддержки у одного

² Письмо автору статьи, 2007 г.

из истинных ценителей его песен (а такого он увидел в обладателе редкой книги — ведь это был своего рода знак для него).

Позже, как рассказывал Быстров, он и ещё одна сотрудница газеты, Людмила Дорофеевко, отметили с Окуджавой окончание концерта — чисто по-студенчески, на скамеечке Пушкинского бульвара с бутылкой водки, сырками и дешёвой колбаской:

От всего этого осталось какое-то сказочно-феерическое впечатление. Никаких деталей не запомнилось, а только общее настроение, которое трудно передать³.

В тот же день, вечером 12 сентября, состоялся ещё один концерт Булата Окуджавы. В небольшой квартирке Даниила Долинского, находившейся на улице Ленина, 99, собрались его товарищи по работе в журнале «Дон». Как рассказывал присутствовавший там литературный критик и киновед Александр Обертынский, перед этим в московском издательстве «Советский писатель» в сборнике вышла его статья, и он получил приличный гонорар. На эти деньги он купил магнитофон — вещь для того времени чрезвычайно редкую. И вот этот магнитофон и был «опробован» на записи песен Окуджавы.

Вспоминает сам Обертынский:

Пел Окуджава удивительно. Вёл он себя доброжелательно и скромно. Запомнился такой эпизод. Я спросил его, как он относится к Галичу. Он отозвался о нём хорошо, но мы, мол, работаем по-разному. Дёрнул меня чёрт сказать: «По-моему, он талантливый человек, у него хорошие песни, но у меня есть такое ощущение, что он любит хлеб с маслом и даже — с икрой». Окуджава долго молчал, потом посмотрел на меня так выразительно и добавил: «Да, по-моему, все это любят». И я понял, что ляпнул лишнее. Я ведь не знал Галича, зачем же стал так оценивать человека? А вот Окуджава проявил максимум деликатности.

Запись на новый магнитофон удалась. Её приходили ко мне слушать многие ростовские писатели: и Виталий Сёмин, и Павел Шестаков, и Леонид Григорьян, и Николай Скрёбов...

Были там песни «Молитва Франсуа Вийона», «Вы слышите, грохочут сапоги», «Голубой шарик» и другие.

Слухи об этой записи быстро распространились по Ростову. Её прослушали все сотрудники журнала «Дон». Как-то Игорь Бондаренко напросился даже на ночь. Говорит: «Вы ложитесь спать, а я на кухне тихонечко слушать буду». Принял перед этим, правда, дозу портвейна. Но Долинский не советовал мне кому-либо из малознакомых давать эту плёнку на перезапись. Говорил: «Как бы Окуджаве не навредить, мало ли к кому она может попасть...»⁴

³ Там же.

⁴ Личная беседа 2007 г.

13 сентября состоялось выступление Окуджавы в зале ВТО театра им. М. Горького. На этой встрече с молодой творческой интеллигенцией собралось несколько десятков человек: актёры, литераторы, журналисты... Довелось побывать на том выступлении и автору этих строк.

Вечер проходил по «классической схеме»: Окуджава коротко рассказал о себе, о своём творчестве, читал стихи, пел песни, отвечал на вопросы и исполнял некоторые заявки. Вопросы задавали прямо из зала. Однако непринуждённая обстановка, которая обычно помогает исполнителю быть естественным, искренним, почему-то не сложилась. Как потом скажет сам Окуджава: «Между мной и залом стояла какая-то стена». Некоторые слушатели смеялись в неподходящих местах, не понимали подтекста песен... Когда он спел «Песенку о московском метро», где есть такие строчки: «Те, кто справа стоят — стоят. А те, кто идут, всегда должны держаться левой стороны...», то сказал: «Я на этой песне проверяю, понимает ли зал подтекст». Судя по реакции слушателей, подтекст понимали далеко не все. Такую же реакцию вызвала и песня о шарманке, в которой пелось о трудностях свободного творчества в нашей стране: «шагаю еле-еле, вершок за пять минут, ну как дойти до цели, когда ботинки жмут...»

При исполнении одной песни он споткнулся, забыл слова, и я тут же напомнил ему их. Он посмотрел на меня, как мне показалось, с особым уважением⁵.

В то время песни Окуджавы записывали на магнитофонные бобины вместе с блатными песнями. Мы, например, на целине пели одну шуточную песенку «Марья Петровна спешит за селёдкой...». Считалось, что эта песня тоже принадлежит Окуджаве, хотя я чувствовал: слова не дотягивают до его уровня. И я спросил о ней. А до этого моего вопроса он уже отказался от некоторых приписываемых ему песен. Но здесь он ответил подробнее: «Эта песня тоже не моя. — (В зале засмеялись.) И добавил: — У меня был друг, грузин. Он написал шуточные стихи и попросил меня сочинить на них музыку. Я её и придумал». Я уже не стал настаивать на том, что автором песни считается композитор. Песня была очень мелодичная.

Встреча продолжалась часа два с половиной. Кое-кто записывал по ходу встречи свои впечатления в блокнот, кто-то делал фотоснимки...

⁵ Подробнее см. дневниковые записи В. В. Смирнова, публикуемые выше. — *Сост.*

После окончания выступления ростовский писатель Виталий Сёмин пригласил Окуджаву к своему другу, поэту Леониду Григорьяну, домой — у того была большая квартира в центре города (ул. Горького, 147—6), и здесь частенько собиралась диссидентствующая интеллигенция.

Л. Григорьян рассказывал:

...Забавная деталь: едва мы вышли из ВТО, как к нам подскочила фигуристая стильная девица и стала завлекать Булата в какой-то близрасположенный особняк с садом, чтобы он спел «достойнейшим из ростовчан». Булат заколебался, повернулся к Виталию и сказал: «А что, пожалуй, я соглашусь, жизни-то осталось на доньшке», — и показал пальцами уровень недопитого в рюмке вина. Девица позвонила в ворота, Булат увидел за столом во дворе компанию мордастых партюков-комсомольцев и круто повернул назад: «Ещё не хватает, чтобы я развлекал этих мудаков!»

Потом он пел у меня дома... Пел прекрасно, проникновеннее, чем при многолюдье⁶.

Вот тут-то и проступают различия в исполнении, которые всегда зависят от аудитории. На стадионе он пел неизвестно кому. А здесь — тем, кто любил и ценил его творчество, поэтому он полностью раскрывался в своих песнях. И от этого также зависело звучание его голоса, жившего в песне, а значит и эффект воздействия на души слушателей.

На следующий день в гостях у Окуджавы в его гостиничном номере побывали мы с Валентиной Бондаренко — корреспонденты Ростовского радио, — и записали интервью с поэтом и небольшой концерт «на память».

Третий раз Булат Шалвович приехал в Ростов в 1968 году. Приехал вместе с Василием Аксёновым по приглашению комсомольской организации Ростовского медицинского института. Как и в первый приезд, поселились гости в гостинице «Южная». Инерция хрущёвской оттепели совсем уже сошла на нет. Возможно, всё это состоялось, потому что сыграла свою роль дата — 50-летие ВЛКСМ. На небе сгущались совсем не весенние идеологические тучи, только что советские танки вошли в Чехословакию. Печать этого события как бы «висела» над большой терапевтической аудиторией мединститута, где и проходила встреча с московскими писателями. Предоставим слово очевидцам.

⁶ Здесь и далее печ. по: Григорьян Л. Короткие встречи // Ковчег Кавказа. Ростов н/Д., 2001. № 6 (сент.). С. 14.

Леонид Григорьян в те годы работал в мединституте. Он вспоминает:

Наивные мединститутские студенты уговорили нашего дубоватого парторга официально пригласить Окуджаву и Аксёнова. Тот, и слухом не слышавший об их скандальной репутации, согласился, тем более, ему пояснили, что Аксёнов по профессии врач, а Окуджава — комсомольский поэт-песенник.

Мы с Виталием Сёминым и его женой Викторией примостились где-то на галёрке. Окуджава и Аксёнов задерживались (оказывается, их задерживали в гостинице самыми причудливыми способами). Зал терпеливо ждал. И вдруг незадачливый парторг в чёрной военной форме и фуражке с крабом (он заведовал военной кафедрой), которому уже пояснили, кого он пригласил, рявкнул голосом командира на плацу: «Сейчас перед вами выступают Окуджава и Аксёнов. Я призываю дать им достойный единодушный отпор!» Все растерянно стали переглядываться. И тут же, как в кино, — отворилась дверь и в аудиторию вошли два провороненных властями «злоумышленника». («Как только я увидел в первых рядах озабоченные сановные хари, я сразу всё понял», — сказал потом Булат). Хотя аплодисменты были громовые, разговор поначалу не клеился. Окуджава пришёл без гитары, но её, на всякий случай, принёс кто-то из предусмотрительных студентов.

Вспоминает В. Сёмина-Кононыхина:

Аксёнов сразу обратился к собравшимся: «Задавайте, пожалуйста, вопросы». Зал молчал. Он повторил свою просьбу ещё и ещё раз. Зал по-прежнему молчал. Тогда он сказал: «Вы что думаете, Окуджава сразу запоёт, а я затанцую?» И вдруг кто-то спросил о Чехословакии. Окуджава ответил: «Я считаю это преступной ошибкой». Зал замер. И тут же раздался крик: «Позор!» Все захохотали. Известно, кому позор? Тут появилась на сцене гитара⁷.

А вот как об этом вспоминал сам В. Аксёнов:

Осень 1968-го, Ростов-на-Дону. Мы с ним вдвоём — «спиной к спине у мачты» — во Дворце спорта перед многочисленной враждебной массой ленинского комсомола. Праздничное сборище — пятидесятилетие борьбы и побед — поражено сомнительными выступлениями гостей, московских писателей. Провокационные выкрики о Чехословакии. Булат спокойно заявляет: «Ввод войск был непростительной ошибкой!»⁸

Л. Григорьян:

Булат пел свои самые отважные, по тем временам, песни. Аксёнов рассказывал об опальных или вообще запрещённых писателях — Бабеле, Булгакове, Платонове, Замятине, Пильняке. Потом посыпались вопросы. Отвечали они отважно. — «Вы говорите по-грузин-

⁷ Личная беседа 2007 г. (здесь и далее).

⁸ Аксёнов В. Господи, прими Булата // Моск. новости. 1997. 15–22 июня (№ 24). С. 2.

ски?» — спросил у Окуджавы какой-то студент-грузин. — «Увы, нет. Я грузин, так сказать московского разлива. Когда в 37-м году моего отца, как и отца Василия Аксёнова, расстреляли, меня приютили московские родственники...» — «Что вы думаете о Солженицыне?» — «Это очень большой писатель и великий гражданин».

Институтское начальство ошеломлённо безмолствовало и только взапуски что-то строчило в своих кондутах. Это празднество (а для кого кошмар) длилось часа четыре. Потом лавина студентов ринулась вниз (зал был расположен амфитеатром) с книгами Аксёнова и Окуджавы, с номерами «Юности» — все просили автографы. Далее, по рассказам, какого-то университетского студента, записавшего всё происходившее на магнитофон, поволокли в кабинет того же парторга, орали на него, угрожали, изорвали ленту. Тут же состряпали донос в ЦК ВЛКСМ и в «Юность», но, к чести наших студентов, все они отказались «телегу» подписать, пришлось ограничиться подписями институтского начальства и комсомольских вожаков.

Вечером Окуджава и Аксёнов уже по традиции пришли на квартиру Долинского.

О том, что было дальше, вспоминает В. Сёмина-Кононыхина:

На следующий день мы с Виталием пришли в гостиницу «Ростов», где они остановились. Аксёнов и Окуджава были взволнованы. Они постоянно ходили по комнате. Главная тема разговора: телега из мединститута уже отправлена в Москву.

Л. Григорьян:

Зимой я был в Москве и снова встретился с Булатом. «Передай нашим монстрам, что их донесение не сработало — завтра еду в Австрию, поскольку наша политика — это экономика и денюжки, которые там заплатят, им пригодятся». Увы, кой-чего «монстры» всё же добились, — сборник Булата тут же был вычеркнут из издательского плана⁹.

А в цитированных выше воспоминаниях поэта Н. Егорова содержится рассказ ещё об одной — недатированной — встрече в Ростове:

В шестидесятые и семидесятые годы прошлого, двадцатого, столетия Бюро пропаганды при отделении Союза писателей действовало, как никогда ни до ни после. Писатели ради встреч с читателями ездили не только по своей области и не только по сухопутным дорогам. Летом Бюро пропаганды договаривалось с пароходством, и оно выделяло небольшой, но уютный теплоход «Прогресс», населяло его

⁹ Сборник «Март великодушный», о котором Окуджава сообщил в интервью корреспондентам Ростовского радио (см. ниже), вышел предыдущим летом (он слан в набор 21 февраля и подписан в печать 13 мая 1967-го). Возможно, речь идёт о каком-то другом намечавшемся издании (ср. с процитированным выше сообщением газеты «Молот», где о *книгах стихов* говорится во множественном числе). — *Сост.*

поэтами, музыкантами, художниками и отправляло в плавание вверх по Дону. Судно приставало к грузовым судам, к дебаркадерам, и служители муз выступали перед речниками, перевозившими лес, руду, уголь, и перед местными жителями в береговых клубах и библиотеках. В одну из таких поездок мы с Долинским позвали и Булата, он охотно согласился приехать в Ростов. Теперь, когда минуло много лет, когда легче сравнить увиденное и услышанное в разное время, могу сказать, что Булат, обрета широкую и безусловно заслуженную известность, держался со своими друзьями и товарищами столь же ровно, просто, предупредительно, как и в нелёгкие годы литературной молодости.

На ночь теплоход причаливал, бывало, что и к безлюдному берегу, где заставало нас наступление темноты, в путь снова пускался рано утром. И на пустынной палубе или в кругу уже проснувшихся коллег Булат обычно стоял, прислонившись к фальшборту, то пристально смотрел вдаль, в степь, то на береговые обрывы, то поворачивался к тем, кто был рядом. И подолгу молчал, словно был здесь и не здесь. Может, напивывался впечатлениями, может, думал о том, что потом писал в каюте, может, вспоминал о чём-то далёком от того, что происходило сейчас и возле. Он всегда и везде оставался самим собой, ничего не делал на публику и не включался в какие-либо дела за компанию. Он не сторонился людей, но и не растворялся среди них, скорее растворял их в себе¹⁰.

К сожалению, Даниил Долинский в нашем разговоре не смог подтвердить этого факта. Он рассказывал, что в таких поездках на «Прогрессе» бывали и композиторы, и художники: «Кто-то из художников писал наши портреты. Но я не помню, чтобы с нами был Окуджава». Не удалось найти и каких-либо других свидетельств его участия.

Остаётся только добавить, что при встречах с ростовскими литераторами в Москве Б. Окуджава всегда тепло отзывался о нашем городе.

Конечно, во время приездов Окуджавы в Ростов, во время его выступлений кто-то записывал его песни на магнитофон, кто-то фотографировал, и эти документы, возможно, лежат до сих пор в частных архивах. Неизвестна судьба фотоархивов Э. Литвинова и Б. Каралкина. Зато известен драматический случай. У Ю. Грабовецкого, военного корреспондента, который встречал Окуджаву на вокзале вместе с Долинским, было много фотографий Булата. К сожалению, его вдова уничтожила этот бесценный архив.

¹⁰ Егоров Н. Указ. соч.

Небольшой постскриптум

А моё личное общение с Окуджавой в 1966-м и запись в гостинице «Ростов» имели небольшое продолжение.

Сам поэт не верил, что такой «концерт» состоится в эфире, — в то время это действительно был уникальный случай, но он всё-таки состоялся! Через три недели после отъезда Окуджавы из Ростова наша передача прозвучала в одной из еженедельных программ молодёжной радиостанции Дона «Парус», работавшей по моделям радиостанции «Юность». Начальство «проворонило» это выступление. В то время программа «Парус» пользовалась большой популярностью, и не только среди молодёжи. Газета «Комсомолец» каждую неделю печатала расширенное расписание очередной передачи «Паруса». В ближайшем номере мы анонсировали и выступление Б. Окуджавы, и чтение его стихов, и пение, записанное на плёнку. Получилась передача, звучащая более получаса. Её могли слушать сотни тысяч человек. Мы боялись, как бы наш главный идеологический шеф не зарубил песни Окуджавы. Ведь он был ревнивым смотрителем партийных нравов. Но в сценарии передачи не было стихотворных текстов, а сам он их, конечно же, не знал. В эфире прозвучала и «крамольная» песня Окуджавы — «Молитва Франсуа Вийона» (как выяснилось позднее, так Окуджава называл эту песню при публикации её текста в журнале «Юность», чтобы отвести от её содержания дотошных хранителей пропагандистской «чистоты» в советской литературе). Она стала нашим гимном.

После затёртых, старых магнитофонных плёнок, которые мы слушали раньше, голос Окуджавы звучал очень чисто, и я обратил внимание на его глубину и красоту. Эту запись позже приходили послушать к нам в редакцию многие сотрудники телерадиокомитета.

...Когда мы расставались в гостинице, Булат Шалвович сказал: — Может, ещё увидимся...

Приезжая в Москву, я звонил ему — он то болел, то был в Германии, то уезжал на дачу. Потом договорились о встрече. Я послал тезисы вопросов.

Но, увы...

В один из своих приездов в Москву (а было это, скорее всего, в 70-е годы) я случайно встретил Булата Шалвовича. Мы с женой Еленой Петровной шли в Музей изобразительных искусств

им. Пушкина. Зашли в вестибюль, стали подниматься по широкой лестнице. Смотрим — дежурная у входа, которой нужно предъявлять билеты, что-то говорит мужчине. Оказалось: она попросила его отнести в гардероб зонтик. И он стал спускаться. А дама, с которой он пришёл, осталась стоять рядом со столиком дежурной. Лена и оговаривает мне: «Смотри, какая красивая женщина. Действительно, как в песне: “Эта женщина! Увижу и немею...”» А я обратил внимание на то, что Булат Шалвович ни слова не сказал дежурной: не положено с зонтиком — и он безропотно понёс его в гардероб, хотя сколько случаев я знал, когда люди и не столь известные подчёркивали своё превосходство.

К Булату Шалвовичу я тогда подходить не стал — не та ситуация была...

В 1985 году, спустя почти двадцать лет после того памятно-го для меня выступления, в Ростиздате к 60-летию Ростовского радио вышла книжка «Встречи у микрофона». В ней была опубликована и моя статья «Голоса, неподвластные времени», в которой я собрал воспоминания о своих встречах с выдающимися людьми. Рассказал я в ней и о записи той радиопередачи. Послал книжку Булату Шалвовичу.

И получил короткое письмо от него:

<17 апреля 1987 г.>

Уважаемый тов. Смирнов!

Спасибо Вам за книгу, за памятку. Первое В
высказание, я уже не помню этого момента ра
и приезду в Ростов в каком-то путеше
стве, то что было, было.

Хочу Вам всего самого
доброго

Ф.Окудзашва

Песни Булата Окуджавы обладали магической властью над мной, с ними я живу, напеваю их постоянно.

Позже я осмелился написать дружескую пародию на одну из самых известных песен Окуджавы — «Грузинскую». Хотя я издал много книг стихов, но никогда не писал пародий, поэтому решил отправить её (а заодно и некоторые «образцы» других своих стихотворений) «на экспертизу» известному пародисту Александру Иванову, который, на мой взгляд, обладал самым острым восприятием современной поэзии. Некоторые мои стихи он оценил высоко, в качестве других усомнился. Вот что, в частности, он написал: «В пародии на Окуджаву недопустимо упоминание гонорарных интересов». А у меня там была такая строчка: «раздвигая пером гонорарные дали в тумане...» Я и сам чувствовал — плохо, хотя хорошо знал высказывание Окуджавы: «Я пишу всю жизнь только то, что мне хотелось, и ещё за это деньги получаю». Иванов сразу попал в самую точку. Я, естественно, заменил ту строку, и вот что получилось.

Булату Окуджаве

*Виноградную косточку
в тёплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву...*

Заповедные ноты под грифом гитары зарю,
И струну приструню я, и гроздья аккордов сорву.
На магнитную запись я голос свой грустный настрою,
А иначе зачем в электронную эру живу?

Собирайтесь-ка, песни мои, на пластинку большую.
И на малую можно, но лучше уж сразу в альбом.
Коль углы в час заката рассветные рифмы даруют,
Что ж надеждой не жить? Да вот так наяву и живём!

Мне неведомо точно, клянусь я тебе, моя Дали,
Сигаретой, Москвою, поэзией — чем и дышу,
Пробираясь с розой замёрзшей в туманные дали,
То ль романс я о вас, то ль роман о себе напишу?

Письмо Окуджавы и его надпись «Берегите нас, поэтов...» на листе со стихами я храню как дорогие реликвии.

Валентина БОНДАРЕНКО

ИНТЕРВЬЮ РАДИОСТАНЦИИ «ПАРУС»

<Эфир> 2 октября 1966 года¹

ЖЕН. ГОЛОС: Недавно у нас в городе на празднике искусств был Булат Окуджава. Вряд ли кто не знает теперь этого популярного поэта, исполнителя, композитора.

МУЖ. ГОЛОС: Сегодня мы передаём интервью с Булатом Шалвовичем. Ведёт его Валентина Бондаренко.

КОРР.: — *Булат Шалвович, пожалуйста, стоит нам начать наш разговор с вами традиционным вопросом: над чем вы сейчас работаете?*

Если такая постановка вопроса не затруднит, пожалуйста.

ОКУДЖАВА: Я последнее время почти не пишу стихов. Меня потянуло к прозе. Я написал несколько повестей², которые пока ещё в несколько сыром состоянии, и я их не предлагаю никуда. Написал из таких действующих вещей пьесу, которая сейчас принята к постановке в Ленинграде и Москве³. Эта пьеса о декабристах, называется она «Глоток свободы». По всей вероятности, к концу года состоится её премьера.

Кроме того, меня очень увлекла работа в кино последние три года. Я написал три сценария для кино. По первому из них поставлен кинофильм «Верность». Он получил какой-то приз в Венеции, ну и некоторые положительно оценивают эту картину. Кроме того, я написал сценарий экспериментального фильма о войне «Женя, Женечка и «катюша»», который сейчас за-

¹ Публикуется по монтажной записи (машинопись). Здесь и далее — комментарии составителя.

² Вероятно, речь идёт о повестях «Фотограф Жора» (1964) и «Как с иголки» (обе впервые опубликованы в 1969 г.), а также, возможно, о первой редакции будущего романа «Бедный Авросимов».

³ В Москве постановка пьесы не состоялась.

Машинописный
оригинал
монтажной
записи
сохранился
в личном
архиве
В. Смирнова

БОНДАРЕНКО

пр. 1314; §

Комитет

СКОРЯТИН В.

2 октября 1966 года

ИЗН. ГОЛОС: Поданию у нас в городе на празднике по-
куства был Булат Окуджава. Бред ли кто не знает теперь
этого популярного поэта, исполнителя, композитора.

ИЗН. ГОЛОС: Сегодня мы передаем интервью с Булатом
Шалвовичем. Ведет его Валентина Бондаренко.

КОРР.: — Булат Шалвович, пожалуй, стоит нам начать.

канчивают снимать на Ленинградской киностудии. И в Одессе в начале следующего года начнутся съёмки фильма по моему сценарию об Александре Сергеевиче Пушкине «Пушкин в Одессе»⁴. В начале следующего года у меня выходит книга стихов, которая называется «Март великодушный», в издательстве «Советский писатель». В этой книге собраны стихи, написанные мною за три года. Вот всё, чем я могу похвастаться.

КОРР.: — Многие стихи приписывают Булату Шалвовичу. Те стихи, которые он не писал. И многие исполняют его стихи, его песни в манере лёгкого пошиба, в такой блатной манере.

По этому поводу Булат Шалвович хочет кое-что сказать.

ОКУДЖАВА: Да, у меня есть особое мнение по этому поводу. Дело в том, что мои песни или стихи, которые я напеваю под аккомпанемент, в связи с магнитофоном получили широкое распространение. Потом очень часто эти плёнки переписываются. Они теряют своё первозданное качество. К ним присоединяются другие песни, которые хозяева магнитофонов записывают на ту же плёнку.

И это всё почему-то идёт под моим именем. Значит, мне хочется сейчас, пользуясь радио, отмежеваться от многих песен, хотя я их не имею возможности перечислить. Но блатных песен я никогда не писал. У меня не было для этого оснований, хотя к блатному жанру, как к фольклорному, я отношусь, как филолог, совершенно серьёзно, без преду<беж>дения и не отмахиваюсь от этого жанра. Но беда заключается в том, что под блатной жанр пишется масса всяких подделок, очень низкопробных

⁴ Сценарий, написанный в соавторстве с О. Арцимович, также не был реализован.

и безвкусных. Они-то в основном и бытуют. Ну, я хочу просто попросить радиослушателей, чтобы они были бдительны, когда слушают плёнки, и внимательно относились к тому, что слушают.

КОРР.: — Теперь, пожалуйста, Булат Шалвович, не могли бы вы рассказать историю создания одной из песен? Ну вот, допустим, такая очень интересная песня, как «Мама, я дежурю по апрелю».

Пожалуйста, если можете.

ОКУДЖАВА: Вы знаете, песня «Дежурный по апрелю» как раз не кажется мне очень интересной, а если говорить о создании, я лучше расскажу об одной из первых своих песен, тоже известной песне — о Лёньке Королёве.

Дело в том, что я сам москвич, жил и родился на Арбате в Москве (такая улица довольно известная). У меня были друзья в юности и в детстве. И среди них был один — Лёнька Королёв⁵, который... Ну, в общем, он был таким же, каким описан в песне. Хорошим парнем, своеобразным. А когда началась война, мы все добровольно ушли на фронт из девятого класса. Я вернулся, а он не вернулся. И так, когда я начал писать песни, почему-то вспыхнуло воспоминание о нём. Да и вообще война как-то неотвязно идёт за моим поколением. И вот уже значительно позже войны и его гибели меня начала мучить эта тема. Я написал песню об этом человеке. Для меня он является олицетворением вообще юношества, моего поколения. Тех добровольцев, которые в сорок втором — сорок первом добровольно ушли на защиту Родины.

(Запись песни о Лёньке Королёве⁶)

Вот появилась эта песня.

А что касается «Дежурного по апрелю», то по тексту своему это менее интересная вещь, она была в кино<картине> «Горизонт», которая была на Ленфильме давно. В общем, не заслуживает большого разговора.

КОРР.: — Кстати, манера исполнения этой песни несколько фривольная часто, да? Хотя в общем-то по тексту такого исполнения не должно быть⁷.

⁵ В более поздних интервью Окуджава стал называть фамилию прототипа: *Гаврилов*.

⁶ Песня прозвучала в исполнении Е. Камбуrowой.

⁷ По-видимому, здесь и далее речь идёт в основном о фонограммах других исполнителей, записанных на пластинку (см. сн. ¹⁵ на с. 314) и прозвучавших в этой передаче.

ОКУДЖАВА: «Дежурного по апрелю»?

КОРР.: — Да-да.

ОКУДЖАВА: Вы знаете, и та и другая песня. «Лёньку Королёва» исполняют с таким, как вы сказали, дешёвым пошибом. Она более строгая песня, более грустная и более мужественная, конечно. А что касается «Дежурного по апрелю», так она вообще-то не так легкомысленна, как её представляют себе некоторые. Это песня о молодом человеке, у которого, может быть, что-то неудачно в любви, я не знаю, какой-то элемент одиночества в жизни появился⁸. Об этом беспокоится его мать. И тут появляется святая ложь. Не хочется огорчать мать. И сын начинает ей рассказывать, что он не одинок, а просто «дежурит по апрелю» и чувствует себя прекрасно. Вы сами, наверное, знакомы с этим чувством. Это бывает часто. Вот что касается этой песни.

КОРР.: — *Как видите, нет того пессимизма, который часто приписывают Булату Шалвовичу.*

ОКУДЖАВА: Я несколько слов хочу сказать по этому поводу. Пессимизм у нас неправильно <толку>ется. Пессимизм — это неверие в жизнь. Много моих песен грустных, это другое дело. У меня и у моих сверстников... сложно сложилась жизнь, и элементы грусти, естественно, могут быть. В этом ничего предосудительного нет. А пессимизм — это неверие в жизнь. А я человек очень жизнелюбивый и верящий в жизнь. И может, ради этого делающий то, что я делаю. Значит, вот нужно как-то не путать эти два <понятия>.

КОРР.: — *Пожалуйста, прочтите нам что-нибудь из своих новых стихов, или из тех, которые вам очень нравятся.*

ОКУДЖАВА: Хорошо, я вам прочту из приблизительно последних, потому что я давно уже не писал. Из тех, которые войдут в последнюю книгу. Одно из них называется «Как научиться рисовать».

(Запись стихотворения)

Вот в одном из номеров «Юности», я уже не помню в каком, были опубликованы стихи. Они назывались «Песенка Франсуа Вийона». Франсуа Вийон — очень известный, велико-

⁸ Ср. с поздними высказываниями Окуджавы о том, что «задача художника — рассказать о себе», а также с его личной ситуацией в первой семье в начале 60-х годов.

лепный французский поэт. Бунтарь, который погиб на виселице. Я написал такие стихи, которые как бы от имени Франсуа, последняя молитва Франсуа Вийона, с долей иронии, присущей ему.

<(Запись песни)>

Стихи об Александре Сергеевиче.

(Запись стихотворения

<«Не представляю Пушкина без падающего снега...»>)

ЖЕН. ГОЛОС: Несколько песен Булата Окуджавы.

(Записи песен «По Смоленской дороге»,

«Песня об Арбате»,

«Синий троллейбус»⁹)

⁹ В исполнении соответственно Ю. Визбора, М. Кристалинской и И. Кобзона.

Даниил ДОЛИНСКИЙ

ОТ «СОЛОМЕННОЙ ЛАМПЫ»...

Моё знакомство с Булатом Шалвовичем Окуджавой, переросшее позже в дружбу, состоялось в Тбилиси.

Наша 10-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия орденов Кутузова и Александра Невского, которой командовал генерал Витрук, входила в состав 17-й воздушной армии под командованием генерал-полковника Судеца. После окончания войны она была передислоцирована в Грузию и стояла там в нескольких местах. Часть, в которой я непосредственно служил, находилась на военной базе в Ахалкалаки, недалеко от турецкой границы. Так как я работал тогда в редакции армейской газеты «Защитник отечества», то мог свободно перемещаться по всей Грузии.

В основе нашего с Окуджавой знакомства лежала поэзия. Я начал писать стихи ещё на фронте. Впервые напечатал их в Австрии, под Веной, в городе Майно. Печатал в своей армейской газете. Мне было в сорок пятом двадцать лет. Будучи уже в Грузии, я послал стихи в окружную газету «Ленинское знамя». И вдруг в нашей редакции раздаётся телефонный звонок из Тбилиси, — меня просят приехать на совещание поэтов-фронтовиков. Приехал. Семинар тот проводила редакция «Ленинского знамени» совместно с ЦК комсомола Грузии. Большого помещения в редакции не было, поэтому семинар состоялся в зале Центрального комитета ВЛКСМ.

Я обратил внимание на молодого человека, поднимающегося по лестнице. Все приехавшие были в основном в военной форме, а он — в гражданской одежде. Он был очень худощав. Тогда я ещё не знал, что это Окуджава. Значит, подумал я, он тоже публиковал стихи в армейской печати, раз участвует в семинаре.

Руководили семинаром поэты Ивнев и Эльснер. Рюрик Ивнев, друг Есенина, был тем поэтом, который вместе с Маяковским первым пришёл после революции к Луначарскому, а позже стал его секретарём. После войны Рюрик Ивнев жил в Тбилиси, мы с ним так хорошо подружились, что он мне даже свои стихи посвятил. До сих пор у меня дома на стене висит прекрасная фотография, где мы запечатлены с ним вместе, — но она сделана позже. Владимир Эльснер ещё при Блоке руководил Союзом поэтов. Впоследствии профессор Эльснер преподавал в Тбилисском университете. Возможно, его лекции слушал и Окуджава, когда учился там в 1945–1950 годах.

На семинаре мы все читали стихи, читал и Булат. Всё прошло хорошо. Уже в 1966 году в Москве, в издательстве «Советский писатель», вышла — под редакцией С. Наровчатова — антология «Священная война». В её предисловии было написано, что это — первая попытка собрать воедино стихи поэтов-фронтовиков на военную тему, опубликованные в годы войны. Стихи были взяты из фронтовых газет. Там есть и стихотворение Булата, а я в антологию попал (по алфавиту) между Джамбулом и Долматовским. В 1985 году, уже после смерти Наровчатова, эта книга под названием «Победа. Стихи военных лет. 1941–1945» была переиздана в Москве в издательстве «Художественная литература». Стихотворение Булата, опубликованное в этом издании, называется «Вдова». Под стихами стоит дата — 1945–1946. В них говорится о весне, значит можно предположить, что начинал он их писать перед днями Победы. В этих — одних из первых — стихах Окуджавы с пронзительной силой сказано о вдовах, которые ждут не вернувшихся с войны солдат. И в последних четверостишиях «проступает» способность Булата видеть в деталях очень крупные и значительные вещи и говорить об этом образно и своеобразно: «...Как будто им глаза даны, чтобы глазами теми всем не вернувшимся с войны глядеть на мир весенний».

...А тогда, после окончания семинара, мы все решили собраться. А где?

Помню, Булат сказал:

— Поехали ко мне.

Жил он в центре Тбилиси в большой квартире, располагавшейся на цокольном этаже. Улица, где находился его дом, шла параллельно главному проспекту — Руставели. Я первый раз был в такой квартире. Все стены выложены кафелем. Печь отапливалась углём. Около неё изразцы, медные (под золото)

*Тот же снимок (см. с. 323),
но с дарственной надписью.*

Архив В. Смирнова

красивые отдушины. Стояла двуспальная кровать, большой стол. И пианино было. Кое-где висели на верёвочках картины, они могли подтягиваться: выше-ниже.

Так мы стали собираться у Булата. Был такой художник (учился в Тбилисском художественном училище), он и стихи писал, — кажется, Калашников. Он нарисовал наши портреты, и их Булат тоже развесил на спускавшихся с потолка верёвочках. Были местные поэты — Александр Цыбулевский и Иосиф Нонешвили. Был среди нас такой поэт — Геннадий Брежнев. Это был родной, младший брат нашего «дорогого Леонида Ильича». (Мы, конечно, тогда ничего ещё о Брежневе не знали. У меня дома хранится где-то книжка этого Гены Брежнева — сказка какая-то... Гена был лейтенантом, «бухарик» — страшный. Он хотел демобилизоваться. Кто-то ему посоветовал: ты, мол, приди на площадь Руставели — там стоял штаб военного округа, — выстрели из пистолета — тебя и уволят. Он, между прочим, так и сделал. Пальнул у штаба и, как нам потом рассказывали, выскочили из здания два майора, его арестовали и выгнали из армии. Он уезжал с сумкой стихов, в другой сумке были бутылки с водкой...)

Был ещё демобилизованный офицер, по-моему капитан, — Борис Котляров, он потом в Харьков уехал. Помню Романа Чернавского. Он был такого же невысокого роста, как и я. Жил потом в Прибалтике. Бывал там и Алексей Силин —

крепкий такой, тоже невысокого роста. У него ещё одна рука (не помню только какая, кажется — правая) была всё время полусогнута. Заглядывал к нам иногда и академик Абашели, директор издательства «Заря Востока». Он жил недалеко. Такой богообразный старичок.

А потом случилась такая история. Кто-то в оперном театре Палиашвили разбросал листовки. Толком никто ничего не знал. Но прошёл слух, что Цыбулевского посадили. Как-то прихожу я к Булату, он мне и говорит: «Знаешь что, не приходи пока сюда. Приходил энкавэдешник — спрашивал, бывает ли здесь сержант-авиатор. Тобой интересовался. Наверное, нас Силин заложил...» А что он мог сказать? Да просто собирается группа молодых людей. Но собирается у кого — у фронтовика, родители которого репрессированы... Но потом всё утихло. А Цыбулевский так и отсидел три года. Жил он в Тбилиси. Выпустил две книги. Одна называется «Что сторожат ночные сторожа». Вторая — стихи и проза — «Хозяин шарманки». Эти книжки у меня до сих пор хранятся.

Позже стали приходить две сестры — Галя и Ира Смольяниновы, они учились вместе с Окуджавой на втором курсе филологического факультета Тбилисского университета. Булат ухаживал за Галей. А Ира была такая высокая девочка. Когда мы были у Окуджавы вчетвером — играли в бутылочку. Крутишь бутылку, она поворачивается, на кого горлышком укажет — того надо поцеловать. Мне попалась как-то несколько раз подряд Ира. А я роста невысокого — тогда я ставил стульчик и целовал её в щеку. Щека была розовая и горячая.

Был такой интересный случай. Как-то мне Булат говорит: отец Гали и Иры хочет, чтобы ты пришёл. А я знал, что он — военный. Жили они недалеко от Мухранского спуска, — почему мы там иногда и встречались. Там стояли большие сталинские дома с высокими потолками, с огромными кухнями. Я прихожу. Они сидят за столом: Галя, её отец, Булат. Я начинаю было повоенному докладывать: мол, такой-то прибыл... Он махнул рукой: не надо, садись. И Ира сидит. Я понял: меня привели, чтобы отец на меня посмотрел.

Булат говорит:

— Пусть мама зайдёт.

Заходит мать Галины и Иры. Она как grenадёр — высокая была.

Отец и говорит:

— Ира и сейчас намного выше тебя, а какая она будет, когда вырастет, ты представляешь? Ты и не допрыгнешь до неё...

Встречались мы и у Мухранского моста через Куру. Получалось, что я ухаживаю за Ирой. Я позже написал два стихотворения, посвящённые нашим встречам в Тбилиси, но о них немного позже.

Собирались у Булата в основном те, кто был на поэтическом семинаре, — человек до пятнадцати. Читали стихи, пили вино. Вино было разное, главным образом грузинское сухое. Но надо сказать, никогда не напивались. В этой квартире жила тётя Окуджавы, но я забыл, как её звали. Приходила и другая женщина. Они готовили нам закуску, девчата помогали им. Приносил свои яства и Иосиф Нонешвили — ему присылали продукты из деревни. Я хоть и был старшим сержантом, но числился на офицерской должности. У меня было редакционное удостоверение, и я мог ходить везде. Получал сто десять рублей и паёк: сигареты, консервы, бублики, печенье, из сладкого — мёд... И часть моего пайка тоже шла на наши вечеринки.

Читали мы там и свои стихи. Булат иногда играл на пианино и пел. Своих песен у него тогда ещё не было. Запомнилась одна песенка, видимо, фронтовая... Но я её раньше не слышал — о Тамарке-санитарке. Там были и такие слова:

Летят по небу самолёты,
А я израненный лежу.
Ко мне подходит санитарка,
звать Тамарка:
«Дай, — говорит, — раны пэрвяжу...»

Так и пел — с искажением этого слова — *пэрвяжу*.

И вот однажды, когда мы собрались, а было нас, как всегда, человек пятнадцать, не меньше, Булат предложил создать творческий кружок «Соломенная лампа». Мы согласились. А название дал торшер, который стоял в комнате. Я раньше никогда не видел торшеров, и он меня удивил. Высокая лакированная палка и абажур соломенный. А рядом стоял какой-то нагревательный прибор, пружина, раскалённая током, — как ветка молнии. У меня есть дарственная надпись на книге, в которой говорится о нашей «Соломенной лампе». Булат называл меня Данила. Стихи, о которых я вспоминал, посвящены не только нам, но торшеру этому и нашему поэтическому послевоенному братству.

«СОЛОМЕННАЯ ЛАМПА»
(Два стихотворения Булату)

1.

Данила!
«Соломенная лампа» жива!
В память о ней и о молодости нашей,
и в честь их...
Булат. 11.11.57 г.

*Надпись на книге
«Лирика». Калуга, 1956*

...И всё ж, дорогой мой Булат.
Хоть годы уже и болят
И рвётся идущего рынка
К душе загребущая лапа, —
Нас греет тбилисская лампа,
Под коей мы вновь — к брату брат...

И светел судьбы циферблат!..
И длится надежд вечеринка!..

1 января 1991 г.

2.

Как под шляпою соломенной
Мини-солнышко жило!..
Виснул гром на ветке сломанной —
Добела её прожгло.

Время было не весеннее —
Речь кровили удила,
И на ниточке висели мы,
Прошивающей дела.

Чьи-то строчки... где-то... что-то там...
Молодняк да наивняк:
То да сё... никак не шёпотом,
Да и вслух — почти никак...

Пронесло. Прошло. В прогалины
Чист среди тучищ небосклон!..
Ты влюблён в улыбки Галины,
Я — в Иринины влюблён!..

Сквозь старенье наше сирое
На скамеечке места
Нам держали Галя с Ирою
У Мухранского моста,

"Comrades! Brought home
the victory over Kaiser,
Dynamite!!"
4/2-57

ЛИРИКА

Ваша
Будет нашей
В честь
суджава
ОСТРОВА
суд
26.5.60
Дунав

В память нашей
счастья дружбы.
Будь счастлива,
Зинаида!

Бучин
Окузжав

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА - 1959

ВЕСЕЛЫЙ

БА-
РА-
БАН-
ЩИК

БҮЛАТ
КУДЖАВА

Topomy tranne
 e uagueri uagueri
 non uagueri uagueri
 non uagueri

Tygas

ПО ДОРОГЕ К ТУНАТИН

Где Кура ярится истоиво,
Белогривым скакуном,
Где шурианье многолистоиво,
Где рассвет пьянит вином...

Две сестрицы — две красавушки
(Где тот дом и где та дверь?!),
Две плакучих — после — ивушки,
Незабудки две теперь...

Всё то памятью несломленной
Сохранилось в вихре лет.
Но под лампою «соломенной»
Время выключило свет...

13 июня 1997 г.

О войне Булат рассказывал немного. Был артиллеристом и в пехоте. Подвигов особых не совершил. Фронтовые стихи он уже писал и иногда их читал.

Говорил:

— Мою фамилию на фронте часто путали. Старшина звал: Окуджав. Где рядовой Окуджав? А другой армянин ему отвечал: «Он пропал без извести». — (Это вместо *без вести*).

У Булата была очень красивая улыбка. Он вообще был тёплый человек. Была в нём некая грузинская удадь. Одевался он всегда со вкусом. Много курил, — сигареты...

Я уехал из Тбилиси в 1950 году. Перебрался в Ростов-на-Дону. Здесь на Сельмаше закончил вечернюю среднюю школу, у меня было до этого всего семь классов. Закончил три курса историко-филологического факультета Ростовского университета.

В 1955 году состоялось третье Всесоюзное совещание молодых писателей, участником которого был и я. Был там и Окуджав. И мы с ним встретились. Обнялись, расцеловались. Я помню ещё, что у него была небритая щека... Почему-то, как и в первый раз, я увидел его на лестнице. Спускаюсь, смотрю: идёт Булат. В модном зелёном пиджаке. Ворот пиджака раскрыт, воротник рубашки распахнут. Он вообще галстуки не любил.

Семинар наш проходил на Поварской, в Доме писателей. Булат в то время жил в Калуге: уехал туда с женой Галей после окончания Тбилисского университета. Сначала работал в сельской школе, а потом в редакции газеты в самой Калуге. Главным редактором был поэт Николай Панченко. Их двоих и выгнали оттуда из-за того, что они очень свободно вели газету.

Мы с Булатом были в одном поэтическом семинаре того совещания. Руководили семинаром поэты Сергей Орлов и Сергей Наровчатов. Окуджава привёз альманах «Литературная Калуга», где была напечатана его поэма о Циолковском. Мы тогда и её обсуждали. Я выступал и попытался её покритиковать: мол, там есть некоторые длинноты. Но меня прервал Наровчатов: «Положди, подожди, ты о нём ещё услышишь!»

Как-то в один из дней, когда проходил наш семинар, в зал зашла женщина и сказала: «Кто здесь Окуджава?» И повела Булата. Оказалось — к телефону. Он вернулся в зал, ему двое помогали идти, — на нём лица не было. И слёзы стояли в его глазах. «Звонила мама, ей разрешили вернуться из ссылки в Москву...» Оказывается, она узнала из «Комсомольской правды», что идёт в столице совещание молодых писателей, и увидела фамилию сына...

На том совещании меня рекомендовали в Литературный институт. А попасть туда было очень трудно. И я стал заочно учиться в Литинституте. Учился вместе с Юнной Мориц, с ростовчанином Василием Бетаки (он позже уехал за границу, много переводил, издал в Париже антологию русской поэзии)... А с Юнной Мориц мы сидели рядом на одной скамье. На дневном отделении в это время учились Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина... Чуть позже Мориц и Евтушенко выгнали из института. Потом они восстановились.

Запомнились похороны Владимира Луговского. Он умер в июне 1957-го в Крыму. Хоронили его в Москве. Я тогда приехал в Литинститут на летнюю сессию. Когда в почётном карауле у гроба, который стоял в Центральном доме литератора, стояли литературные мэтры, выставили студентов Литинститута. Стоял и я. И вот вижу — подходит к гробу Светлов с веточкой от дерева, вероятно сломал у входа. Положил эту зелёную ветку у гроба: «Ой, Володя, ой, Володя!» Когда гроб выносили, впереди его нёс Борис Слуцкий. Перед этим Эренбург написал блестящую статью о его стихотворении «Лошади в океане» для «Литературной газеты», и имя Слуцкого у всех было на слуху.

Я стою в сторонке, слышу знакомый голос: «Слуцкий!» Оборачиваюсь — Окуджава. Там же мы встретили и Романа Чернавского...

Помню его первый приезд в Ростов, ещё в конце 50-х.

Булат позвонил мне из Москвы: «Встречай». Я пришёл на вокзал с фотожурналистом Юрием Грабовецким. (Это он

сманил меня из Тбилиси в Ростов. Когда я сюда перебрался, первое время обитал у него.) И вот пришли мы на перрон, когда поезд только прибыл. Смотрим — Булат стоит у вагона. Сзади нас выпорхнула молодая женщина, помахала рукой и подбежала к нему. Был он в шляпе, в чёрном пальто. Поехали в гостиницу «Южная», где он должен был остановиться. Ну, известное дело — вначале вино... Эта девушка тоже была с нами в гостиничном номере. Она оказалась солисткой из военного ансамбля песни и танца (им руководил Анатолий Тополь).

И вообще, когда Булат собирался приезжать в Ростов, то всегда звонил мне — просил заказать гостиницу. Собирались у меня на квартире и в его номере. Засиживались подолгу.

В этот свой приезд он пел у меня дома. Помню, были ещё критик Александр Обертынский, писатель Игорь Бондаренко, была и режиссёр Ростовского телевидения Галина Бродская... Запомнилось, как Булат «подбирал» мелодию к уже написанным стихам. У него есть такое стихотворение — «Синька», о войне. Он начал читать его распевно, речитативом, а потом стал напевать. Мелодия, которая в нём уже отдалённо звучала, рождалась на наших глазах...

Вероятно, в один из дней этой встречи он подарил мне свой первый — калужский — сборник.

Во время приездов на сессии в Москву я всегда заходил к Окуджаве. Когда в очередной раз я оказался в Москве (а Булат работал тогда в «Литературной газете»), он попросил меня принести и стихи. Я пришёл в редакцию, он посмотрел, кое-что отобрал. Но потом оказалось, что Наровчатов, заведовавший отделом поэзии, их не пропустил.

Одно время Булат жил на Фрунзенской набережной. Он снимал квартиру, принадлежавшую какому-то дипломату. Тот на время по работе уехал из России, а квартиру сдал. Она вся была загромождена мебелью, а одна комната — свободная. В ней-то и жили Булат и Галя. Там я встретил один раз и Иру.

Однажды я приехал, звоню, Галина говорит:

— Булата нет, но он сегодня приезжает из Харькова в пять часов вечера, поедem его встречать на вокзал?

— Поедем!

Она мне рассказала, что его не было больше месяца, и он не подавал о себе никаких вестей. Смотрим — он уже на перроне: в пальто, в шляпе. Я его никогда в шляпе не видал.

Когда доехали до Фрунзенской набережной, он спрашивает:

— Галя, а у нас выпить что-нибудь есть?

Галя отвечает:

— Да. Вино какое-то.

— А коньяк есть?

— Нет.

— Ну, на тебе денег, пойдёшь, купи коньяк.

Когда мы остались одни, я у него спрашиваю:

— Булат, ты что загулял?

— Да как тут не загулять? — отвечает. — Такие женщины хорошие!

— Слушай, я тебе скажу серьёзно, ты должен знать: горшки за тобой будет выносить только жена.

Он лишь улыбнулся.

Булат вообще был любитель женщин и мне говорил в таких случаях как в самооправдание:

— Я же — грузин!

И ещё один эпизод. Не могу поручиться за его достоверность, мне рассказывали соседи. Это было, когда они уже разошлись. Булат уехал в Ленинград, там выступал. Галя сидела в кресле и смотрела передачу — он пел. В комнате было прохладно. Пришла соседка — что-то холодно. И пошла за пледом — укрыть Галю. Приходит, а она в кресле мёртвая. А Булат поёт.

Это, конечно, напоминает легенду...

После этого мы встречались ещё несколько раз и в Москве, и в Ростове, я передавал ему свои книжки стихов, он мне — свои...

Как-то в ЦДЛ Булат познакомил меня с Давидом Самойловым. Я в то время увлекался одной его поэмой о войне. Меня поражало, как ёмко и образно писал Самойлов. Мы сидели в ресторане, а потом подошла машина, и Самойлов предложил и мне поехать с ними, но я отказался, я ведь его совсем не знал, а позже жалел, что не поехал...

Когда Окуджава приезжал на праздник искусств и выступал на стадионе «Ростсельмаш», он пробыл в Ростове неделю, и мы с ним виделись несколько раз. Тогда он подарил мне сборник «Весёлый барабанщик» с подписью: «В память нашей старинной дружбы. Будь счастлив, Данька! Булат. 12.9.66». А вот когда он подписал мне книгу «По дороге к Тинатин», уже не помню. Там и даты нет...

Когда Булат приезжал в Ростов с Василием Аксёновым, они также были у меня. Оказалось, Аксёнов тоже писал стихи, и Булат попросил его почитать что-нибудь. Но то ли настроенные были у всех подавленные, то ли дело было в стихах, но они «не приглянулись».

А однажды, в московском Доме литераторов, Булат меня не узнал. Спускаюсь по лестнице, гляжу — он идёт и с кем-то увлечённо разговаривает... А позже он поехал в Переделкино с ростовским поэтом Николаем Егоровым, и Коля мне передал его записку:

Здравствуй Василий!
 Сидишь с Колей, и все же гай,
 вскакиваешь, как я же узнаю
 тебя при ветре. Может
 быть, уже? Погони в Пе-
 ределкино съехавшись,
 съездив, да было поздно.
 Спасибо тебе за
 кино. Может быть, ког-
 да-нибудь покажу в Рос-
 тов...
 Обнимаю тебя
 Булат

Не случилось...

И напоследок — эпизод, который произошёл уже после смерти Булата Шалвовича. Мне кажется, что он тоже по-своему

характеризует Окуджаву, который никогда не забывал старых друзей, хотя слава уже давно пришла к нему. Это было в 2006 году. Лежал я в Ростовском кардиологическом центре. Много времени проводила со мной моя жена Галя. Она-то и приносила мне новости в больницу.

И вот один раз рассказала:

«Звонил Виталий Калашников, — (это ростовский поэт и бард, который уехал в Москву), — и поведал, как когда-то в Москве виделся с Окуджавой. Заговорили о ростовских поэтах. И Виталий что-то нелестное сказал о Долинском. Булат заметил тогда: “Я Долинского хорошо знаю и верю ему больше, чем тебе”... “Теперь я понимаю, что был не прав”, — признался Калашников. Он как бы извинялся...»

Записал В. СМЕРНОВ

Валерий РАДЧЕНКО

РОСТОВ — ТАГИЛ

Вместо послесловия

В 1965-м году я поступил в Таганрогский радиотехнический институт. В общежитии у нас сформировалась группа любителей искусств. Мы ходили в местный театр имени Чехова, приглашали к себе известных артистов, сами посещали концерты, пели песни в походах, у костров. В эти годы в стране были популярны «поезда искусств». Это когда большое количество артистов садилось в поезд и отправлялись с концертами по всей стране. Они выступали на больших площадках, стадионах, и такие демократические выезды были доступны даже бедному студенту.

Закончилось лето 1966 года. Из очередной программки «поезда искусств» я услышал, что на концерте в Ростове-на-Дону будет выступать Окуджава. Кто ещё должен был там участвовать (и участвовал), вспомнить не могу — мне ведь важны были не они!

Я, не раздумывая, поехал. Сидя с букетом цветов на стадионе «Ростсельмаш», я был безумно счастлив: на импровизированной сцене пел Булат Окуджава. Он спел, по-моему, две песни и прочитал лирические стихи «По Смоленской дороге»:

... Может, будь понадежнее рук твоих кольцо,
Покороче б, наверно, дорога мне легла.

Такое публичное выступление молодого фронтовика сильно возмутило сидящую рядом со мной старушку, которая во весь голос закричала Окуджаве:

— Стиляга!

А я, наоборот, наслаждаясь концертом, пошёл через всё поле с цветами к Булату Шалвовичу. Всего за минуту общения я успел многое ему сказать: что у нас в Таганроге есть группа студентов, объединившаяся в своеобразное общество любителей

поэзии, музыки и театра, что мы его любим, собираем пластинки, следим за его творчеством. Он, в свою очередь, передал ребятам привет и поблагодарил за цветы, за внимание. Для меня это была счастливая встреча — я был на седьмом небе от счастья!

Встретились мы с Булатом Шалвовичем почти через тридцать лет в том уральском городе, куда я приехал по распределению после окончания института и где, к моему изумлению, прошло детство Булата. С 1970-го года Нижний Тагил стал и моей судьбой.

Здесь мои увлечения продолжились. Тут я обрёл новых друзей, которые были также равнодушны к бардовской песне. Волна этого творчества в те годы захлестнула всю страну: мы слушали Клячкина, Кукина, Визбора, брали шесть аккордов, подражали Высоцкому, читали стихи и пели песни Окуджавы. Владимир Высоцкий и Булат Окуджава для меня лично стояли как-то особняком: их творчество было на другом, что ли, понятийном уровне, в песнях чувствовалось глубокое дно, которое хотелось достать, почувствовать, но это не всегда удавалось. Знаете, как в детстве: нырнёшь, чтобы померить дно, если даже достанешь, то сразу наверх — вода выталкивает, не даёт по нему походить, исследовать его.

Таким для меня был Булат Окуджава — великим творцом, одним словом, кумиром.

В августе 1994 года Булат Шалвович приехал с концертом в Нижний Тагил, а накануне мне предложили сопровождать его в этой поездке.

Представляете, какое это для меня было счастье! К тому времени я занимал определённое положение на металлургическом комбинате и в своём городе, и у меня была возможность на самом высоком уровне принять дорогих гостей. А главное — мне очень хотелось это сделать!

БШ приехал с супругой и сыном.

Поселили семью Окуджавы в прекрасном загородном пансионате «Ленёвка», в трёхкомнатных апартаментах. Сначала Булат Шалвович как-то поморщился: мол, не в самом городе, но я заметил, что здесь, на свежем воздухе, им будет очень комфортно. Концерт проходил в Драматическом театре. Мы с женой сидели в первом ряду, во время выступления (поэт был уже болен) он часто забывал слова, а я пытался ему подсказывать. Меня одёргивала жена, но как только Булат Шалвович вновь пропускал слово, я снова рвался подсказать.

*Нижний Тагил,
2 августа 1994 г.
С Петром Качанко
и Валерием
Радченко
у гостиницы.
Фото
А. Помигалова*

Одна моя знакомая, также присутствовавшая на том концерте, вспомнила другое — когда Булату поднесли гвоздики, он тихо заметил: «Гвоздики к памятникам возлагают. Видимо, я уже таковой». После концерта Окуджава давал интервью журналистам, а я неожиданно для себя открыл его в новой ипостаси. Я увидел его государственным человеком, великим философом, которому не дали реализоваться полностью, потому что он не вписывался в «систему». Он горячо обсуждал с журналистами «советские» проблемы, и я понял, как все эти годы ему не хватало открытости, публичности, истинной гласности.

В этот же вечер мы вместе ужинали в банкетном зале пансионата. Булат Шалвович был немногословен, я бы даже сказал, что он был «в себе». Однако он моментально оживился, когда я напомнил ему о встрече в Ростове, а затем ещё прочитал пародию на его стихотворение, которая ходила в магнитофонных записях:

Всю ночь кричали петухи,
Чем очень досаждали:
Их окуджавские стихи
Ужасно раздражали.

Мне петухов не жаль, не жаль —
Пусть будет суп с наваром.
Поэт один из Окуджав,
А петухов — навалом¹.

¹ Песенная пародия математика Владимира Трутнева из репертуара московского автора-исполнителя Юрия Колесникова; тогда же, в начале 1960-х годов, Колесников прекратил исполнять её на своих выступлениях, но в магнитозаписи пародия сохранилась и продолжала распространяться стихийно. Публикуется впервые. — *Ред.*

Оказалось, что Булат Шалвович никогда пародию не слышал и попросил меня написать ему её текст.

В поездке он встречался со своими одноклассниками, и это был редкий момент, когда он улыбался. Он бережно общался со своими преклонного возраста однокашниками, и его глаза блестели, как у озорного мальчишки. Скорее всего, они были просто учениками того же выпуска, но разных классов: не все помнили друг друга, но это было неважно — их объединяли один город, одна школа, одно время. Они пили чай, по-детски смеялись, вспоминали учителей, их привычки и характеры, школьные ЧП и их героев.

Уезжая, Булат Шалвович не расплескал своего величия. По каким-то только мне понятным моментам я ощутил, что его семья осталась довольна оказанным приёмом. И это было для меня ещё одним мигом счастья, вновь подаренным Окуджавой.

Записала Ирина ПАНФИЛОВА

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ГАСТРОЛИ

Любителям творчества Булата Окуджавы известен CD с записями его так называемого «концерта в Нью-Йорке», состоявшегося в 1979 году¹. Больше ничего об этом выступлении поэта на вкладышах диска не сообщается; там представлены лишь четыре цветных фотографии из этой поездки. Подписи под ними малоинформативны: «С супругами Хотинными...», «С Элен Вайль на выступлении...». Меж тем это выступление проходило 13 апреля 1979 года в американском университете Квинс Колледж. И впервые — тогда же, в 1979-м, — фонограмма, записанная на этом концерте, была издана на американской виниловой пластинке. Правда, авторские комментарии и ответы на записки туда не вошли. Этому концерту посвящена одна из перепечатываемых сегодня статей.

Мы располагали довольно скудными документальными сведениями об этой довольно длительной — почти в два месяца — поездке Булата Шалвовича. Знали, что он выступал. Сам он назвал количество концертных выступлений: шесть. Сохранилась фонограмма его концерта в Ирвайнском университете (Лос-Анджелес). Из фонограмм известно было, что также один концерт планировался в Ирвайнском театре, а другой состоялся в Лоуренсе.

Опубликованы и некоторые воспоминания. В частности, один из основателей ленинградского клуба песни «Восток» музыковед Владимир Фрумкин пишет:

Первая наша встреча в Америке произошла в начале апреля 1979-го в Оберлине, в штате Огайо, где мы тогда жили. Перед этим Булат заехал в Анн-Арбор, город в Мичигане, где находилось издательство «Ардис» и жил Иосиф Бродский, приглашённый Профферами преподавать в престижном Мичиганском университете. Булат жаловался на боль в животе, ел мало и осторожно: «Бродский угостил

¹ Окуджава Б. Американский концерт. [М.]: Solyd records, 1998. № SLR 0128.

меня в ресторане какой-то морской живностью — от этого, что ли?...» Но через несколько дней, прощаясь, попросил: «Из того, что будет выходить в Америке по-русски, присылай, пожалуйста, только Бродского...»

В то время Оберлинский колледж, кроме Булата, посетили один за другим его коллеги по Союзу писателей — Бакланов, Нагибин и Трифонов. Самым смелым, независимым и открытым был Булат. Он отвечал на вопросы оберлинцев спокойно и прямо, как будто ему не надо было возвращаться в советскую Москву. На второе место в этом смысле я поставил бы Трифонова. Бакланов был скован, нёс идеологически правильную чушь... Потом он объяснял свой испуг тем, что его сопровождала в поездке по Америке Фрида Лурье из иностранной комиссии Союза писателей...²

Вероятно, об этом приезде Окуджавы вскользь говорится и в мемуарной книге журналиста и прозаика Александра Половца:

...Однажды (по-моему, в самом конце 70-х) я имел серьёзный нагоняй от Елены Вайль, профессора кафедры славистики, пригласившей Булата с лекциями в её университет: нагло поправ свои собственные обещания, я задержал Окуджаву в городе на ночь. Причина была основательная: университет тот отстоял от Лос-Анджелеса миль на пятьдесят, мы заобедались — сначала в популярном тогда, первом в Лос-Анджелесе русском кафе «Миша», потом где-то в гостях, — ехать за город в ночь никому не хотелось. Словом, волнение Лены было более чем объяснимо. Конечно, наутро Окуджава был доставлен на кафедру, лекции прочитаны, но она долго ещё сердилась на меня и при случае напоминала о моей непростительной беззаботности³.

Кое-что по нашей просьбе дополнил в двух своих письмах в редакцию альманаха тоже, как и г-жа Вайль, упомянутый выше учёный-социолог Леонид Хотин (университет Беркли), издатель американского реферативного журнала «Зарубежная печать на русском языке». Он пояснил и содержание упоминавшихся снимков:

Это те самые фотографии, которые сделаны на рыбачьей пристани города Монтерей, около итальянского ресторанчика, откуда мы только что вышли.

Это я и моя жена Галина, так как мы познакомились с Булатом во время его первого приезда в США по приглашению Лены Вайль, директора отдела русского языка и литературы Университета Калифорнии в Ирвайне (*UC Irvine*). <...> Булат вёл семинар в этом уни-

² Фрумкин В. «Между счастьем и бедой...» // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Ниж. Новгород: ДЕКОМ, 2003. С. 200—201.

³ Половец А. Булат. [Энсино]: Альманах: Всеамер. культур. фонд им. Булата Окуджавы, 2001. С. 6—7.

*С Галиной
и Леонидом Хотиными.
Монтерей, апрель 1979 г.
Фото Д. Каплан*

верситете и выступил несколько раз с концертами в Ирвайне и Лос-Анджелесе. После семинара Лена Вайль с мужем, Булат и я ездили в Лас-Вегас, где мы с Булатом были впервые. Азартные игры в казино совершенно не заинтересовали ни его, ни меня. Лена с мужем проводили все дни в казино, и мы с Булатом были всё время вместе, много разговаривали о жизни в Союзе и в эмиграции. Так мы подружились.

Известный в своё время диссидент Владимир Дремлюга и я организовали концерт Булата в городе Монтерей (Северная Калифорния), где мы тогда жили и работали. К нам в Монтерей Булата привёз писатель Саша Соколов, с которым мы дружили и который жил тогда в Лос-Анджелесе. На концерт в Монтерей съехались эмигранты со всей северной Калифорнии, в том числе компьютерщики из Силиконовой Долины, эмигранты из Сан-Франциско и Окланда, а также немало русских эмигрантов «второй волны». Выступление Окуджавы в Монтерее имело бешеный успех. Булат остался ещё на пару дней в Монтерее, и мы с женой показывали ему этот знаменитый курортный городок...

Сохранились и некоторые рассказы Окуджавы, которыми он делился со своими слушателями здесь, в России...

Вот один из таких самоироничных поздних рассказов:

Один раз мне посчастливилось попасть в Соединённые Штаты. Так, случайно как-то. Вдруг мне позвонили и сказали, что меня приглашают американские университеты — согласен ли я? Ну согласен, конечно.

И прошёл год, пока меня оформляли, и я забыл об этом. Однажды вечером мне звонят и говорят: «Ну, Булат Шалвович, вы готовы? Значит, завтра утром вылетаете!»... (Я-то думал, что я лечу туда с какой целью: буду среди славистов выступать, петь песни свои, которые там известны, читать стихи.) Я гово-

*...И с самой
Даней Каплан.
Фото Л. Хотина*

рю: «Ну, собственно, а что готовиться? — я готов!» — «Да, ну вы знаете, что вас приглашают читать лекции о современной русской поэзии».

А я ничего не сказал, потому что я почти уже был в обмороке, потому что никогда в жизни никаких лекций не читал. А тут — накануне вылета! А лететь хочется... Я говорю: «Да-да, конечно, конечно...» — повесил трубку.

Утром сел в самолёт и полетел. Лечу вот в том же полубомбочном состоянии, мучительно думаю: что же делать? что же делать? Прилетел, с опозданием. Меня встретил профессор одного из университетов, посадил в машину. И я говорю — а всё-таки девять часов полёта, десять, голова кружится — я говорю: «Мы сейчас поедem в отель?» — «Нет, вы знаете, поздно — вы с опозданием, поэтому прямо на лекцию мы поедem». И я, как приговорённый, еду.

И меня вводят в аудиторию, и там сидят человек восемьдесят славистов: профессора, студенты, аспиранты. Очень милые люди, они все мне аплодировали, все они обо мне знали. Было очень приятно... Думаю, что приятно. Вот я сел за столик, и от страха я решил покаяться — я им сказал: «Знаете, так произошло, я никогда в жизни никаких лекций не читал, а тут такая возможность прилететь к вам. Ну что мне, отказываться, что ли?!.. Что будем делать?» А они такие доброжелательные, все смеются. Я говорю: «Если вы хотите, я буду вам рассказывать свою жизнь». Они все зааплодировали и очень захотели. И я стал им подробно рассказывать свою жизнь. Они ничего не знают. Как я учился в школе, как я был пионером, что такое пионер, как моих родителей

*На выступлении
в Квинс Колледже
13 апреля 1979 г.
Справа —
Елена Вайль*

арестовали в тридцать седьмом году, и как смели арестовать, и как это всё происходило, как я на войну пошёл, как я воевал — всё их интересовало.

И я читал им пятнадцать лекций. Они платили по двадцать долларов за вход. Это не в мой карман — это университету: так полагалось. И их не убывало: каждый день они приходили. Значит, вот я прочитал им так лекции...⁴

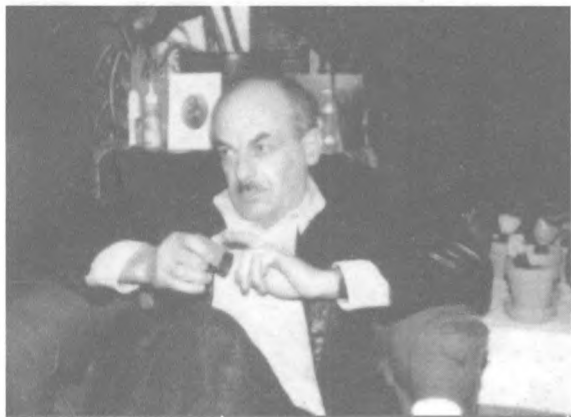
Но дальше в этом разделе речь пойдёт не о фактической стороне поездки. Он посвящён дискуссии, о которой кратко в известных читателю воспоминаниях рассказал поэт Наум Коржавин:

Я встречал Булата и живя в эмиграции, но, естественно, не часто — раза два, — когда он приезжал из Москвы: в 1979 году у нас дома и в Нью-Йорке...

В эмиграции тоже жили советские люди. В газете появилась идиотская статья Марка Поповского о том, что Советы забросили идеологический десант — Белла Ахмадулина, кто-то ещё, и вот Булат. «Вы, конечно, любите его, но помните: он приехал сюда для того, чтобы показать американцам, что в Советском Союзе — свобода». Я ему ответил, что если следовать этой логике, то те эмигранты, которые хорошо устроились, проявив высокие профессиональные качества, поступают тоже предосудительно, ибо тем самым демонстрируют, что в Советском Союзе довольно хорошее образование. Однако желания с пропагандистской целью устроиться дворниками, черно-рабочими никто не проявил.

⁴ Цит. по кн.: Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...» / Сост. А. Петраков. М., 1997. С. 255–256.

*Тогда же,
в апреле 1979 г.
Все фотографии —
с упомянутого
диска*

Была и такая реакция на Булата: вот, такой-сякой, — я не хочу повторять всех гадостей, которые писались по этому поводу — а его посылают будить ностальгию. Последнее Булата даже удручало, он боялся, что это правда. А я ему сказал: «Знаешь, в мои расчёты это тоже входит. Буди в нас ностальгию. Начальство думает, что это ему выгодно, а я думаю, что это выгодно мне. Пока у людей есть ностальгия, они ещё люди. А когда они перестают её чувствовать, они не люди. Не зря ведь у тебя залы переполнены»⁵.

В этом выпуске наш альманах перепечатывает статьи из русского тамиздата, посвящённые этим гастролям и этой полемике. И почти все они по большому счёту касаются проблемы «художник и власть».

Первая из них, принадлежащая журналисту и писателю Марку Поповскому, сразу задала тон всей дискуссии, вылившейся поначалу на страницы «Нового русского слова», но в итоге затронувшей и другие издания. При чтении статьи может сложиться впечатление, что всё банально: за что-то обиженный на Окуджаву и менее удачливый, чем он, литератор, к тому же недавний — и потому очень ретивый — эмигрант, обнажает все свои комплексы в безнравственных нападках на кумира отечественной интеллигенции, по официальным каналам приехавшего в США. Мол, мы столько лет боролись за выезд, а он... Да ещё за казённый счёт...

Меж тем, видимо, дело обстояло по-иному, и не следует безоглядно относиться к невольному инициатору полемики как к за-

⁵ Коржавин Н. Булату это удалось // Встречи в зале ожидания. С. 176.

*Г. и Л. Хотины
на концерте
Окуджавы в Лос-
Анджелесе, 1991 г.
Фото из книги
А. Половца «Булат»*

вистливому антагонисту поэта — вот что он писал в своём дневнике семью годами раньше (21 декабря 1971-го), до эмиграции:

В Дубулты приехал Булат Окуджава, человек, которого я давно и безотчётно люблю, хотя мы с ним никакие не друзья, и даже не товарищи, просто знакомые. Он мил мне двумя своими чертами: независимостью и скромностью. Независимость его чувствуется во всём, начиная от стихов и романов — до манеры сидеть, ходить, беседовать с людьми. Он остаётся независимым без шума, крика, позы, несмотря на огромную популярность. Великая сила должна быть в человеке, сила самоуважения, чтобы не поддаться разлагающему влиянию всеобщей любви и всеобщего преклонения. Я боюсь проявить своё чувство к нему⁶.

На самом деле тема, над которой размышляли авторы в 1979 году, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, и выходит далеко за рамки противостояния «за — против» Окуджавы. И не наше дело судить, кто прав, а кто нет. Наша задача — попытаться восстановить атмосферу, как тогда писали в советских газетах, «противостояния двух миров»: «загнивающего капиталистического» и «прогрессивного социалистического».

Обсуждаемую в статьях нравственную проблему кратко сформулировал (и фактически подвёл под неё черту) историк-эмигрант Михаил Геллер, автор известной книги «Утопия у власти», написанной им в соавторстве с А. Некричем. В августе того же 1979 года в очередном обзоре для выходившего в Париже польского журнала «Культура» Геллер писал:

⁶ Поповский М. Семидесятые: Записки максималиста // Новый журн. Нью-Йорк, 2002. № 228. С. 245.

*С Е. Вайль дома
у А. Половца (он справа).
Лос-Анджелес, 1986 г.*

...Есть, несомненно, ещё одна причина, по которой советские власти любят и поощряют И. Глазунова: на Западе у него всё ещё репутация художника «независимого», «смелого», делающего то, что он хочет. В последние годы такая репутация очень высоко ценится властями: в США в последнее время ездили Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Высоцкий⁷, А. Вознесенский. Поскольку, как известно, из Советского Союза «поехать на Запад» нельзя, можно быть только — посланным на Запад, то цель поездок очевидна. В США нельзя послать в американские университеты, например, Г. Маркова или А. Софронова. Но Окуджаву или Вознесенского там слушают с интересом и удовольствием. Но Окуджаве и Вознесенскому приходится за право поехать на Запад платить.

Я не имею в виду платы примитивной: службы в КГБ. Разумеется, всем приходится говорить несколько добрых слов о Родине, впрочем, само их присутствие на Западе должно свидетельствовать, что советский либерализм ни в чём не уступает американскому, даже лучше — вот выпустили «нонконформистов»! Самая тяжёлая плата состоит в том, что приходится «наступать на горло собственной песне», убивать свой талант⁸.

Однако, нарушая хронологию, начнём мы именно с двух репортажей о том, как проходил тот самый «американский концерт», попавший на пластинки.

Составитель

⁷ Необходимо отметить, что в этот ряд «посланцев родины» Высоцкий попал случайно, поскольку прибыл в США по собственным каналам из Франции с женой Мариной Влади, и даже без оформления американских виз.

⁸ Цит. по: Геллер М. Российские заметки 1969—1979. М.: МИК, 1999. С. 522—523.

Л. КАФАНОВА

ВСТРЕЧА С БУЛАТОМ ОКУДЖАВОЙ

Мне выпала нелёгкая задача — рассказать тем, кто не был 13 апреля в Квинс Колледже, о том, как прошла встреча поэта, композитора и певца Булата Окуджавы с русской публикой Нью-Йорка. Сложная — потому, что говорить надо о том, что выразить в словах почти невозможно: о стихах и песнях.

Хотя сам Булат Окуджава сказал о себе, что он не певец и не актёр, тем не менее его выступление было, если можно так выразиться, «гала-представлением», спектаклем «одного актёра», потому и писать о нём позволительно в терминах театральных.

Представьте заполненный публикой огромный зал — длинный, высокий, широкий, — просторную сцену, на ней два, под углом укрепленных, микрофона, и около них, поставив ногу на стул, примостился человек с гитарой. Человек не внушительной внешности, в более чем скромном костюме, с тихим, мягким голосом и серьёзным, не улыбчивым лицом. Он бы мог потеряться в этом пространстве. Но нет. Окуджава — настоящий артист. Он знает, что контакт с залом создают не декорации, не костюм, не заискивающие улыбки, скрывающие желание угодить публике. Контакт создаёт та единственная искра, которая вспыхивает от соединения двух проводов, протянувшихся от сердца артиста и от «сердца» зрительного зала. Потому, едва выйдя на сцену, Окуджава «выбил» эту искру. Когда устроитель выступления Виктор Шульман, представляя поэта залу, сказал: «У нас в Нью-Йорке Булат Окуджава», Окуджава подхватил эту реплику и ответил на неё: «Как это прекрасно звучит: у нас в Нью-Йорке!» И всё. И зал был «взят». И сразу установилась та доверительность, та душевная открытость, при отсутствии которых Окуджава просто «не прозвучит».

OVO

стр 2.

НРС

ВТОРНИК 17 АПРЕЛЯ 1979 ГОДА

ВСТРЕЧА С БУЛАТОМ ОКУДЖАВОЙ

Мне выпала нелегкая задача — рассказать тем, кто не был 13 апреля в Квинс Колледже, о том, как прошла встреча поэта, композитора и певца Булата Окуджавы с русской лубликой Нью Йорка. Сложная — потому, что говорить надо о том, что выразить в словах почти невозможно: о стихах и песнях.

Хотя сам Булат Окуджава сказал о себе, что он не певец и не актер, тем не менее его выступление было, если можно так выразиться, "гала-представлением", спектаклем "одного актера", потому и писать о нем по-

вым лицом. Он бы мог потерять в этом пространстве. Но нет. Окуджава — настоящий артист. Он знает, что контакт с залом создают не декорации, не костюм, не заискивающие улыбки, скрывающие желание угодить публике. Контакт создает та единственная искра, которая вспыхивает от соединения двух проводов, протянувшихся от сердца артиста и от "сердца" зрительного зала. Потому, едва выйдя на сцену, Окуджава "выбил" эту искру. Когда устроитель выступления Виктор Шульман, представляя поэта залу,

почему таким людям, как Окуджаву, Высоцкий, разрешают выступать перед недавними советскими гражданами, а ныне — эмигрантами?" И сам ответил: "Для того, чтобы вызвать у них ностальгию. Чтобы вдруг мелькнуло у них: "Ах, "там" не так уж плохо. Все-таки — Окуджава... А здесь — сплошной рокк..." Возможно, он прав, мой молодой знакомый. Но лично у меня песни Окуджавы никакой ностальгии не вызвали. Слушая его стихи и песни, почти все много раз слышанные и "там", и "здесь", я думала о другом. О

Один молодой человек, студент американского колледжа, спросил меня: «Как вы думаете, почему таким людям, как Окуджаву, Высоцкий, разрешают выступать перед недавними советскими гражданами, а ныне — эмигрантами?» И сам ответил: «Для того, чтобы вызвать у них ностальгию. Чтобы вдруг мелькнуло у них: "Ах, 'там' не так уж плохо. Всё-таки — Окуджава... А здесь — сплошной рок..."» Возможно, он прав, мой молодой знакомый. Но лично у меня песни Окуджавы никакой ностальгии не вызвали. Слушая его стихи и песни, почти все много раз слышанные и «там», и «здесь», я думала о другом. О том, что когда лет двадцать назад впервые появились песни Окуджавы, своим успехом они были обязаны тому, что действительно вызывали ностальгию. Но это была странная ностальгия — о том, чего никогда не было в нашей советской жизни. Они будили в душе зыбкие образы, порождённые «старой» литературой, и у людей, с трудом приходивших в себя от сталинских непре-рывных чисток, от страха и постоянного унижения человеческого достоинства, вызывали тоскование по мужеству, благородству, доброте. Так было «там». А здесь — для меня в песнях и стихах, которые исполнил Окуджава, отчётливо и ярко вырисовался «лирический герой» его поэзии. Действительно, благородный и мужественный, не растерявший восторга перед

женщиной и всегда «спешащий на помощь» тому, кто терпит крушение. «Лирический герой», сущность которого поэт сам определил, сказав: «Товарищ мужчина, а всё же заманчива должность твоя». И не намёки на несовершенства подсоветской жизни, которых ищут у Окуджавы радители и «там», и «здесь», а этот «лирический герой» делает его творчество несовместимым с железобетонным и бесчеловечным духом советской идеологии и побивает «неблагие» намерения «разрешивших выступления».

На вечере Булат Окуджава прочитал стихотворение о семье, которая снимается у памятника Пушкину, «на фоне Пушкина». А я, вслушиваясь в его новые стихи и песни, думала ещё о том, что он, которого не затянуло в омут «молоткастой и серпастой» советской поэзии, с годами становясь мудрее, ироничнее, всё более приближается к тому, чтобы иметь право сказать о себе: «на фоне Пушкина».

В самом деле, как спел Окуджава: «Каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет».

Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1979. 17 апр. С. 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

*Б. С. Окуджавы*¹

Нам пишут из Нью-Йорка:

Известный в Москве автор исполняемых им песен Булат С. Окуджавы прилетел на гастроли в Соединённые Штаты. Первое его выступление состоялось в городе Канзасе. В связи с этим «Нью-Йорк Таймс» сообщил об Окуджаве и его биографии следующее:

«Он — член коммунистической партии, и его произведения часто издаются в Москве. Он располагает квартирой в том же доме, в каком живёт одна из самых богатых в мире женщин, дочь покойного судовладельца Кристина Оназис², ставшая в прошлом году женой советского гражданина. Он легко получал до сих пор согласие советской власти на его частые поездки за границу, но его приезд в Канзас был первым его появлением в Соединённых Штатах.

Его нельзя назвать конформистом, но нельзя назвать и диссидентом. Хотя с 1960-го и до начала 1970-го года советская печать критиковала его произведения, это не помешало их распространению в СССР и за границей. Программа его выступлений в Америке ещё не вполне ясна, но до начала марта он останется в Канзасе по приглашению университета имени Лауренса».

«Булат Окуджавы, — сказано в следующей части сообщения “Нью-Йорк Таймса”, — более всего известен как певец и исполнитель печальных мелодий о погубленной молодости, о причинённых войной разрушениях, об уничтожении московского Арбата, который был сравнен с землёй по распоряжению Хрущёва для сооружения небоскрёбов. В последнее время он всё

¹ Так везде в тексте: последствие неверного сокращения английского написания отчества, которое в газете не смогли перевести (здесь и далее — *Прим. сост.*).

² Принятое в России написание: *Онассис*.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Б. С. ОКУДЖАВА

Нам пишут из Нью-Йорка:

Известный в Москве автор исповедных им песен Булат С. Окуджава прилетел на гастроли в Соединенные Штаты. Первое его выступление состоялось в городе Канзасе. В связи с этим «Нью-Йорк Таймс» сообщила об Окуджаве и его биографии следующее:

«Он — член коммунистической партии и его проназвания часто издаются в Москве. Он располагает квартирой в том же доме, в котором живет одна из самых богатых в мире женщин, дочь покойного судавладельца Кристина Ондан, ставшая в прошлом году женой советского гражданина. Он легко получал до сих пор согласие советской власти на его частные поездки за границу, по его приезде в Канзас был перыш его членством в Соединенных Штатах.

Его нельзя назвать конформистом,

длин о погубленной молодости, о причиненных войной разрушениях, об уничтожении московского Арбата, который был сравнен с землей по распоряжению Хрущева для сооружения небоскреба. В последнее время он все больше становится писателем и относится иронически к своему пению. Он открыто жалеет о гибели той России, которая теперь не существует, и о том, какой она могла стать. Тысячи принадлежащей к его поколению молодежи разделяют это мнение.

О своей семье он рассказывает, что его родители пострадали в 1937 году от сталинских репрессий. Отец, по происхождению грузин, возглавлял коммунистическую партию на Урале, когда был арестован и расстрелян. Мать была сослана в лагерь. Бывший тогда мальчиком школьного возраста Окуджава и его брат остались на попечении бабушки. В 1951 году его родители были признаны пострадавшими по недоразумению. Мать до сих пор жива, получает квартиру и пенсию. Коммунистом Окуджава стал в 1952 году.

больше становится писателем и относится иронически к своему пению. Он открыто жалеет о гибели той России, которая теперь не существует, и о том, какой она могла стать. Тысячи принадлежащей к его поколению молодежи разделяют это мнение.

О своей семье он рассказывает: его родители пострадали в 1937 году от сталинских репрессий. Отец, по происхождению грузин, возглавлял коммунистическую партию на Урале, когда был арестован и расстрелян. Мать была сослана в лагерь. Бывший тогда мальчиком школьного возраста, Окуджава и его брат остались на попечении бабушки. В 1951 году его родители были признаны пострадавшими по недоразумению. Мать до сих пор жива, получила квартиру и пенсию. Коммунистом Окуджава стал в 1952 году³.

Наша страна. Буэнос-Айрес, 1979. 9 марта

³ Ошибочные датировки. В КПСС О., пробыв менее года кандидатом в члены партии, вступил в 1956 году, — сразу после реабилитации родителей.

Марк ПОПОВСКИЙ

ПОГОВОРИМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Более всего мы любим своё прошлое. Там, в прошлом, у каждого из нас первая любовь, юношеская дружба, там мы видим себя в новеньком офицерском мундире или в подвенечном платье, там всё светло и прекрасно. Подозреваю, что «Словарь иностранных слов» (*шестое издание, Москва, 1964 год*) ошибается, и ностальгия вовсе не тоска по родине, а тоска по минувшей юности, неудовлетворённая страсть к прошлому. Между тем, взгляд в минувшее всегда чуточку затуманен. Время смягчает и облагораживает события, а по сути искажает реальную картину бытия. Я встретил недавно в Нью-Йорке супругов, бывших москвичей, которые вспыхнули от счастливых воспоминаний, прочитав в газете сообщение о Марине Влади. «А помнишь её в “Колдунье”? — воскликнула жена. — О, это великая актриса!» — «Мы всем классом были влюблены в неё, — подхватил муж. — Я десять раз смотрел этот фильм». Фильм «Колдунья», действительно, неплох, и молодая Влади была в нём очень мила. Но в перевёрнутом бинокле памяти неплохая кинокартина становится классической, а молодая женщина с хорошей фигурой превращается в гениальную актрису. Этот оптический обман станет понятным, если вспомнить, что французская картина, сделанная по рассказу Куприна, появилась на советских экранах после десятилетий духовной сухомятки. Нет ничего удивительного, если после сталинских «Кубанских казаков» и после сталинских помпезных фильмов вроде «Адмирал Ушаков» история бесхитростной любви так привлекла наши сердца. Удивительно другое: как, прожив несколько лет на Западе, пересмотрев в кинотеатре Карнеги Холл всю подлинную классику мирового кино, мы всё ещё не можем расстаться с прежними идеалами. Впрочем, это и есть одна из тех странностей любви, ради которой я беру нынче за перо.

Итак, всё то, что мы любили в прошлом, продолжает сиять из глубины времён с удвоенной силой. Появляется в газете объявление о приезде в США Евгения Евтушенко, и мы вздрагиваем от воспоминания о былой любви к нему, к его стихам. Я собирал его книги с самого их появления. Храню и «Шоссе Энтузиастов» (1956), и «Обещание» (1957), и более поздние. Его стихи появились лет через десять после войны. Советские поэты всё ещё продолжали долдонить про боевые ракеты, про разведчиков и танковые рейды. Коснуться каких бы то ни было внутренних проблем и конфликтов никто почти не смел. Евтушенко был из другого поколения. Он не знал страха 1937 года и года 1948-го. В стихах 50-х годов он шалил, прыгал, играл, как молодой, не проученный жизнью щенок. И это всех прельстило. Его полюбили за искренность и непохожесть его на поэтов-официозов. Начальство его время от времени шлёпало, но пора была либеральная, и он быстро шёл в рост. Писал он много и как будто становился с годами значительнее. Да, мы его полюбили. Мы — это поколение родившихся в 20-е годы, те, от кого скрыли Ахматову и Цветаеву, Мандельштама, Набокова, поколение, которому негде было услышать, что Иван Бунин получил Нобелевскую премию по литературе.

«Я разный, // я натруженный и праздный, // я целе- и нецелесообразный», — писал Евтушенко в 1956 году. Но времена менялись, и он становился всё более целесообразным. Он умудрялся извлекать для себя пользу даже из проработок. После каждой такой хрущёвской проработки он, ко всеобщему удивлению, выскальзывал, как новенький медный пятак без какого бы то ни было изъяна. Молодёжь продолжала бредить им. И где-то наверху в конце концов сообразили, что поэта с такой репутацией можно приспособить к государственной службе. И приспособили. Послесталинская оттепель к 1960 году сменилась морозом, пишущую публику стали приструнять, а Евтушенко как раз в это время снарядили за границу. До этого за границу ездили только официозные зубры вроде Суркова и Симонова. Западу они были скучны и впечатления никакого не производили. И вот в 1960 году в Париже, Лондоне, а потом в Америке побывал Евтушенко. Перед западной интеллигенцией впервые предстал не подозрительный злобный субъект в чёрном галстуке, не литературный советский чиновник, который ходит как будто аршин проглотил, а жизнерадостный парень, разбитной, актёристый, болтливый, который вроде бы ничего

не боится. Приняли его на ура, тем более, что хоть и не прямо, а намёками, давал он понять публике, что рискует, что ещё неизвестно, как эта поездка для него кончится.

Кончилось всё очень хорошо. Вернувшись, Евтушенко заплатил пославшим его стихами, предназначенными для внутреннего пользования, в которых присутствовали (США) «акулы тела» «готовых к действию ракет» и (Франция) парижские булжники — «коммунарское оружие». Одним словом, первое задание выполнил он отлично. Рейд его помог Хрущёву размягчить общественное мнение Запада в большей степени, чем поездки многих дипломатов. Но мы его всё ещё любили. Ибо от богатств своих привозил он нам стихи о мире, в котором мало кто из нас надеялся когда-либо побывать. О делах своих «сверхпоэтических» он никогда не рассказывал, даже выступая перед коллегами в Центральном доме литераторов. Только однажды, как-то между делом, сказал, что пробыл в Белом Доме у президента дольше, чем кто бы то ни было прежде из СССР.

Между поездками, которые стали постоянными, учинял он всякие действия либерального вроде свойства. То стихотворение про Бабий Яр напишет, то какую-то слишком свободолобивую телеграмму пошлёт властям (против ввода войск в Чехословакию, против изгнания Солженицына). Его тут же шумно в газетах начинают ругать и следом же отправляют в очередной вояж. Так оно и шло: Синявский и Даниэль в тюрьме — Евтушенко в Париже и Нью-Йорке; поэт Юрия Галанскова мордуют в Мордовских лагерях (не дожив до тридцати трёх лет, он погиб оттого только, что не получил элементарной медицинской помощи), а Евтушенко срывает аплодисменты в Оксфорде и Кембридже. О Евтушенко шумят газеты по всему миру — либерал, вырвался на Запад, чтобы прокричать правду!

Не сразу мы сообразили, что Женя наш — троянский конь, засылаемый на Запад ради политического оболыщения и оглупления тамошней публики. А едва мы это сообразили, как московские власти погнали в Европу и Америку целый троянский табун: Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксёнов, Владимир Высоцкий, Булат Окуджава. Талант на таланте, а главное, либералы, демократы, свободомыслящие — цвет нации! Им-то уж точно на Западе поверят!!! Так в извечный список товаров российского экспорта — пенька, лес, лён, поташ (при царе ещё значились в том списке сало и пшеница) — советская власть внесла новый массовый продукт — либеральных прозаиков и поэтов.

Да, все они, или почти все, пользовались когда-то нашей любовью. Или во всяком случае симпатией. А более всего любили мы Булата Окуджаву. Кстати сказать, даже в самые оттепельные дни ничего особенно крамольного он не пел, но и полностью советским его признать было трудно. Нестандартный какой-то, слишком много толкует в стихах о «я», в то время как полагается воспевать «мы». Жил он многие годы довольно скудно. Власти не упускали случая то кольнуть его грубой газетной шпилькой, то пнуть равнодушием. Однажды после концерта в Ленинграде появилась в комсомольской газете против него очередная статья. Союзу писателей приказано было в связи с этим «разобраться», а по сути устроить над Булатом судилище. Комната № 8 в Центральном доме литераторов, где предстояло судилище, была в тот день переполнена. Окуджава пришёл понурий. Сказал, как-то жалко глядя себе под ноги: «Может быть, я вам спою то, что пел в Ленинграде?.. Может быть, не так уж всё было страшно...»

Идея понравилась: лучше сидеть на концерте, чем на суде над поэтом. Он пел и играл минут сорок. Публика, да и поэты-судьи из поэтической секции Союза писателей, блаженствовали. Когда Булат отложил гитару, сидевший рядом со мной Солоухин, подчёркнуто охая, сказал: «Ну вот, поразвлекались хорошо, а теперь возьмёмся за розги...» В розгах в тот раз недостатка не было.

Окуджаву заметили на Западе. Англичане опубликовали сборник его стихов, прежде изданных в СССР, издательство «Посев» выпустило четыре или пять томов его произведений, а французы дали жизнь его долгоиграющей пластинке. После этого слава его за границей начала стремительно расти. На такие незапланированные предприятия советские власти реагируют всегда одинаково: Окуджаве приказано было написать в «Литературную газету» письмо с проклятиями по адресу тех, кто издаёт его за границей. Только таким письмом — знаком верноподданности — может вернуть советский литератор расположение советских властей. Он написал. Один из коллег спросил в те дни Окуджаву, зачем он написал письмо. Тот ответил вполне откровенно: «Боюсь нищеты».

От нищеты он уберётся. И даже более того, видя страх и его покорность, в тех самых кабинетах, где получал инструкции Евтушенко, решили, что годится для роли поэта-дипломата и Булат. К концу 70-х годов он и впрямь подходил уже для этой Цели: всемирно известный поэт со славой либерала; на Запад

не сбежит, ибо духом слаб, да к тому же и любимый сын Булатик остаётся в Москве в качестве заложника. Решили посылать. Сначала в Париж, а теперь вот в Америку. И правильно решили. Он своё дело сделает не хуже Евтушенко. Ибо играет на новенького, и репутация у него международная пока ещё без пятен. Евтушенко в Кембридже уже освистывали...

Итак, один за другим приезжают в Америку Андрей Вознесенский, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава. Да вот теперь и Нагибин. Едут петь песни, читать доклады, едут как частные лица, по приглашению колледжей и университетов. Для американцев их приезд — дело естественное, обычное. Пригласили — приехал. Они и сами ездят куда и когда хотят. Нас, эмигрантов, приезд всех этих членов Союза писателей тоже не удивляет, потому что мы хорошо знаем: из СССР (если не считать эмигрантов) люди выезжают только по казённой надобности, только после строжайшей проверки политической лояльности. Исключения не бывает ни для кого: ни для инженеров, ни для шахматистов, ни для скрипачей. А уж тем более для поэтов. Сотни, а скорее даже тысячи советских граждан обращаются в ОВИР (витрина КГБ) с просьбой выпустить их для свидания с родными, для лечения, для научных контактов, для собирания литературного материала и просто так — посмотреть мир. Им, как правило, отказывают. Ибо езда за границу — высшая форма государственного поощрения советского гражданина. Это — всегда (повторяю) езда с заданием.

Оно, конечно, поэты едут не для того, чтобы красть американскую технологию, и не за тем, чтобы выпытывать тайну ракетных баз. Этим занимаются другие. Но задание есть задание. Сейчас оно связано с пошатнувшимся в глазах американцев реноме советской власти. Агрессивные действия СССР в Азии и Африке, расправы с интеллигентами, издевательские суды над Шаранским, Гинзбургом, Орловым, подавление национальных движений — всё это настроило Запад против отечества социализма. Недавний опрос общественного мнения в США показал, что у граждан Америки русские (имеется в виду СССР) пользуются всё меньшей симпатией. Десант советских писателей и поэтов, выброшенный ныне на американский континент, предназначен для того, чтобы привлечь, расположить американское общественное мнение, успокоить американских учёных, бойкотирующих советскую науку.

Поэты наши люди обаятельные, но главная их сила в либеральной репутации, в репутации, которую, как поддельные пас-

порта, готовит специальный отдел КГБ. На червячка этого хорошо клюёт левая университетская профессура и студенты. Глядя на наших бардов, высоколобые обитатели Оксбридж и Кемфордов приходят к мысли, что ежели таких страшных бунтарей из СССР выпускают свободно ездить по свету, то, очевидно, советский режим не так уж и жесток. В Кремле, очевидно, потеплело. Россия либерализуется. Так что нечего бойкотировать советскую науку, с русскими обо всём можно договориться — и о торговле, и о делах афро-азиатских, и о Щаранском-Гинзбурге. Именно этого эффекта в Москве и ждут, именно этого они там и хотят. Для того и десант литературный высаживают.

Но оставим большую политику и вернёмся к нашей теме: закончим разговор о странностях любви. Итак, кумиры наши, хотя и по разным причинам, пошли на сделку с властью, на сделку с совестью. Но в конце концов и трусость Окуджавы, и циничный карьеризм Евтушенко ведут к одному итогу. Падение свершилось.

Ты раньше подавал надежды —
Теперь одежды подаёшь,

— писал молодой Евтушенко своему другу. Теперь мы можем адресовать эти строки самому автору. Отступничество от правды, от самого себя, карается высшим судом: поэт теряет талант. Окуджава не пишет больше стихов, поэзия Евтушенко последних лет превратилась в набор дешёвых политических клише. И тем не менее недавние эмигранты из Советского Союза жадуют встречи со своими недавними кумирами. Что там ни говори, а лучшие стихи Евтушенко и Окуджавы по-прежнему берегут нашу память. Плывёт из милого прошлого «Синий троллейбус», звучит «Молитва» («Пока Земля ещё вертится...»), приветно горит жёлтый глаз «Чёрного кота», того самого, который мышей не ловит, а «ловит нас на честном слове».

Найдутся слушатели, которые скажут, что им наплевать на то, как КГБ и партийные вожди используют поэзию. Важно, что эта поэзия существует. Другие, покупая билет на концерт, станут утешать себя тем, что стихи это одно, а поэт — другое. «Ведь Пушкин тоже не всегда... И Блок тоже...» Едва ли есть смысл оспаривать подобные аргументы. Как говорится: «Любовь зла...» Не собираюсь я и призывать к бойкоту концертов Окуджавы и Евтушенко. Хочу лишь сказать моим соотечественникам в Америке: ходите, слушайте, аплодируйте, но не забывайте: для вас это любовь, а для них государственное задание.

Наум КОРЖАВИН

ТЕМ САМЫМ

Новых эмигрантов другие и сами они друг друга — так уж повелось — часто обвиняют в советскости мышления. Лично я родился, жил, начал думать и, наконец, стал свободным человеком именно в Советском Союзе: никаких особых духовных превращений на Западе со мной не произошло. От коммунизма я отказался тоже на Востоке. Кроме того, я склонен приходить к определённым мнениям и до тех пор, пока меня не убедили в их неверности, отстаивать их как истину — следовательно, противоположные мнения считать неверными. Не думаю, чтобы это относилось только к советскому воспитанию (советское воспитание, наоборот, внушает с детства безграничную, правда, несколько одностороннюю, толерантность, приспособляемость к чему угодно); но если определённость мнения является признаком советского мышления (а мне и это приходилось слышать), то так тому и быть: не отказываться же от самого себя во имя расцвета индивидуализма!

Но чего я не ожидал здесь встретить, особенно — у новых эмигрантов, но на что натываюсь всё чаще, — это на воскресающий среди них советский, даже сталинский стиль не чего-либо другого, а политического мышления, примерно — на «тот, кто не с нами, тот против нас». И особенно на применение этого принципа по отношению к искусству. А при этом вокруг такая проповедь аполитичности идёт — иной раз даже непонятно, каким нас ветром в эмиграцию занесло.

Первая эмигрантская демонстрация партийности в литературе произошла в Париже на одном из выступлений А. Вознесенского. Демонстрация проходила с шумом и плакатами. На плакатах объявлялось, когда именно Вознесенский был, а когда перестал быть поэтом. Конечно, это странно, что такие

вопросы вдруг стали решать с помощью плакатов — до сих пор считалось, что это дело требует более тонкой аргументации, чем позволяет этот жанр. Но эстетическая проблема, как и положено в таких случаях, была тут вообще сбоку припёка («Поэтом можешь ты не быть...»), была только приправой к политическому обвинению. Обвинялся же Вознесенский в том, что он дезинформирует западное общественное мнение. Чем? Да просто тем, что не отказывается от заграничных поездок и выступлений. Собственно никаких более конкретных обвинений не было, но было выведено, что *тем самым* он внушает западной публике, что СССР — свободная страна. Т. е. выражаясь юридическим языком сталинской эпохи, он не совершил преступления, но был «объективно вреден», вреден *тем самым*. Так сказать, «лил воду на мельницу»... По-видимому, по убеждению демонстрантов, он обязан был запереться в квартире и греметь оттуда проклятиями: «Пошли вон, гады! Никуда я от вас не поеду!» Или вообще уехать в эмиграцию. В урочьих «романах» главный герой-любownik всегда урка. Выходит, что в наших — эмигрант?

Впрочем, в статье Марка Поповского «Поговорим о странностях любви» (*НПС* от 15.III.79) Вознесенский только один из «стаи славных» или из «троянского табуна», куда входят Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Василий Аксёнов, Владимир Высоцкий и... Булат Окуджава (о котором речь особо). Теперь ещё и Нагибин. Я по-разному отношусь к каждому из этих писателей (кстати, я ведь никогда не был и поклонником Вознесенского), но буду стараться, где можно, вообще избежать эстетических оценок. Разговор ведь не о литературе, а о правде и нравственности. Не хотел бы, чтобы эта моя статья и её резкость (резкость будет) была воспринята как просто выступление против Марка Поповского, талантливую, интересную, горькую и очень важную книгу которого «Управляемая наука» я как раз теперь читаю. Я выступаю только против тенденции, которая в его статье проявилась, к сожалению, наиболее ярко.

Конечно, наиболее уязвим для такой критики Евгений Евтушенко. Уязвим потому, что больше всех играл в эту игру — в хождение по канату между властями и публикой. Правда, я убеждён, что и с властями он заигрывал, чтоб иметь возможность нравиться публике. Публике он служил, и она это знала. Соответственно с ним и обращалась. Чуть что не так — затапывала его в грязь, чуть «исправился» — бешено аплодировала. Всё

*С И. Смолтунов-
ским в гостях
у Н. Коржавина
в США (РГАЛИ.
Ф. 3323. Оп. 1.
Ед. хр. 523. Л. 4)*

бы ничего, но жаль, что он заплатил за эту игру слишком дорого — слишком много истратил на неё сил, времени, забот и своего незаурядного таланта. Правда, эта игра принесла ему мировую славу — невиданную после Байрона, — но думаю, он больше потерял, чем приобрёл. Он сделался выразителем поневоле неопределённого, непостоянного, только пробуждавшегося после сталинщины общественного самосознания, а «должность» эта, как вы сами видите, — дело весьма ненадёжное. Но он уже не мог остановиться — актёрская установка (актёру иначе нельзя) на ближайшие аплодисменты заняла слишком большое место в его жизни и творчестве.

Может быть, при Хрущёве он и выполнял какие-то пропагандистские задания за границей? Думаю, что выполнял. Думаю, что тогда они не противоречили ни его, ни читательскому представлению о возможном и должном. (Это мы теперь такие умные.) Он наверняка считал, что борется за мир и за настоящую революционность, он и дома защищал именно её. Читатель сердился на него не за то, что он делал за границей (он тогда бы это одобрил), а за стихи, которые он оттуда привозил и которыми расплачивался с начальством.

Должен сказать прямо, что в этой статье Марк Поповский, как это ни странно, выступает как человек публики, как человек, расценивающий стихи и поэтов в зависимости от внешних обстоятельств. Стихи в мире его статьи существуют, нравятся и перестают нравиться благодаря не своей живой сути, а внешним обстоятельствам: в зависимости от чего-то, в противовес чему-то, по сравнению с чем-то.

Не знаю, как ведёт себя Евтушенко на своих заграничных выступлениях сегодня. Знаю, что живётся ему сейчас нелегко. Прочёл это в его последней поэме, напечатанной в «Новом мире». В поэме есть много хорошего и талантливого — несмотря на чилийское обрамление. Знаю ещё, что и в СССР, и на Западе живёт много людей, чьё развитие — и политическое, и даже эстетическое — началось с него. Я к этим людям не отношусь, но знаю, что неблагодарность — грех. И я вообще не верю, что на сегодняшнем Западе Евтушенко или кто другой могут сбить кого-либо с толку. Кроме тех, кто сам к этому стремится, но те и за Сергея Острового схватятся. Им вообще не надо доказательств — в любой момент высосут из пальца. Да и вообще при наличии в Госдепартаменте честного и благонамеренного Маршалла Шульмана¹, кому нужны в роли агитаторов советские писатели, которые в этом качестве были бы поневоле недостаточно искренни? И если после того, как нам сообщили, что СССР испытал ракету, которую он не имел права даже разрабатывать, нас радуют другим сообщением, что скоро с ним будет окончательно подписано новое соглашение по этому вопросу, — то что к этому может добавить Евтушенко? И, тем более, Окуджава...

Появление в такой статье имени Окуджавы поражает, как гром среди ясного неба. Чем провинился Окуджава? Впрочем, можно догадаться чем — *тем самым*. Сиди дома и не смей выезжать, а то неверно истолкуют. Так что уж если КГБ вас выпустит, то мы — на страже, с противоположной стороны.

Странно как-то. Защищать его? От кого? От тех, которые звонят мне по телефону и хотят выяснить (почему-то полагают, что мне это известно), приедет ли Окуджава и будет ли он выступать? Как будто излишне. Правда, Поповский от этого возращения обезопасился. Это — говорит он — странности нашей любви, ностальгия, ибо ностальгия — это тоска не по родине, как он полагает, а по собственному прошлому. Ведь вон же знакомые Поповского, имея возможность посмотреть в Карнеги Холл всю мировую киноклассику, тем не менее до сих пор считают классикой средний французский фильм «Колдунья» (с Мариной Влади) — таким он им показался в их юности — после всякого рода «Кубанских казаков». Механизм прост:

¹ Шульман Маршалл (Marshall D. Shulman; 1916–2007) — известный американский советолог, основатель Института изучения СССР при Колумбийском университете.

в юности была неинформированность, а теперь — тоска по юности. Так, видимо, и Окуджава показался нам значительным после чего-нибудь вроде Лебедева-Кумача, а теперь у нас абберрация из-за тоски по юности...

На это можно было бы возразить просто — не у всех такое релятивистское восприятие искусства. Некоторые не считали «Колдунью» классикой и тогда. Что же касается Окуджавы — то как быть с подростками? Поколения приходят за поколениями и начинают петь Окуджаву — а у них ведь нет той памяти, которую он мог бы разбередить. Видимо, что-то в этих песнях представляет не относительную, а абсолютную ценность. Видимо, это поэзия, искусство — и к этому вообще следует относиться иначе. Бережней, что ли — как мы требовали от властей, живя в СССР.

Но Марк Поповский, говоря об Окуджаве, применяет к нему те же критерии, что и к Евтушенко: «...ничего особо крамольного он не пел, но и вполне советским его не назовёшь», — чуть ли не недоумевает он. Но недоумение скоро рассеивается. «Нестандартный какой-то, слишком много толкует в стихах о “я” в то время, как полагается воспевать “мы”». Всё в порядке — теперь ясно, за что «мы» (не то «мы», что полагалось воспевать, но всё же «мы») его любили: за то, что делал непопозвенное и говорил про «я». Такую любовь и впрямь нетрудно (да и не жалко) утратить — тем более здесь на Западе, где все говорят про «я» — эка невидаль... А раз так — то всё естественно — валяй и дальше делай непопозвенное, раз тебя за это полюбили, нечего публику надувать...

Я не совсем уверен, что в эту игру с Окуджавой когда-либо в глубине души играл сам Поповский, но уж Окуджава в такие игры ни с кем не играл. Это вообще не про него. Он не делал ни попозвенного, ни непопозвенного, делал только должное — то, чего от него требовало искусство, — и никому никаких оснований для такой фамильярности не давал и не даёт. Он просто писал и пел свои песни о том, что считал важным, и так, как считал нужным, — чем занимается и поныне. Правда, Поповский утверждает, что «Окуджава не пишет больше стихов», и связывает это с якобы имевшим место «отступничеством от правды». Но это неверно. Окуджава уже очень давно пишет стихи не очень часто, но пишет и теперь, и пишет хорошо.

Не говоря уже о том, что никакого отступничества от правды вообще не было. А что было? А вот что. Когда-то, в году 1972-м в издательстве «Посев» вышли две книги Окуджавы.

От него потребовали «отповеди». Он отказался, а потом после долгого и упорного нажима не выдержал — написал.

Это факт общеизвестный, лишний раз показывающий, какому давлению может подвергнуться в СССР даже знаменитый художник (тогда это произошло не только с Окуджавой). Но особых последствий не было. Окуджава остался Окуджавой. Как он не был ни диссидентом, ни холуем, так и не стал.

Кстати, издательство «Посев», как мне известно, на него нисколько не обиделось за это письмо в «Литгазету».

Но Поповский не только возмущён. Он считает нужным сообщить и новые подробности этого события. Оказывается, когда общий коллега спросил в эти трудные дни у Окуджавы, зачем он написал это письмо, тот якобы ответил: «Боюсь нищеты».

Что касается содержания этого сообщения, то оно не потрясает. Во всяком случае меня. Я и сам боюсь нищеты, и пусть те, кто без греха, бросят в меня камень.

В связи с этим у меня большая личная просьба. Не столько к Поповскому, сколько ко всем, работающим в жанре «Воспоминания осведомлённого человека». Я ничего не имею против этого жанра, но оберегайте имена и частные секреты всех доверившихся вам на родине людей. Не только таких, как Окуджава, а даже номенклатурных, если в какую-то минуту в них взяла верх человеческая откровенность. Не обрекайте их на сожаление о том, что они с вами встретились. Кем бы они ни были! Не способствуйте увеличению зла и недоверия в мире. Но это к слову.

Ничего страшного и опасного Марк Поповский об Окуджаве не говорит и дальше — только неприятное. Иногда даже не от себя, а через мысли начальства о том, почему следует посылать Окуджаву за границу (что почему-то у Поповского связывается с этим злополучным письмом, хотя Окуджава стал ездить за границу намного раньше): «...на Запад не сбежит, ибо духом слаб, да и любимый сын Булатик остаётся в Москве в качестве заложника».

У Окуджавы в Москве и у начальства (несмотря на это давнее письмо) вовсе нет репутации человека слабого духом. Да и с каких это пор вообще для писателя стало критерием силы духа — способность сбежать на Запад? (Я, например, оказался на Западе потому, что не выдержал, а не потому, что набрался сил.) А уж пассаж насчёт сына — прежде всего, при чём тут сын? Почему Окуджава должен пренебречь своей любовью к нему? Кто его имеет право к этому призывать и во имя чего?

Обсуждать тут нам особенно нечего. Кто может вообще сказать, что лучше для писателя (в плане выполнения им своей миссии) — идти ва-банк или изворачиваться и что-то своё печатать? Уходить в подполье или всё-таки оставаться на поверхности? У каждого писателя своя судьба, за которую он сам непосредственно и недвусмысленно отвечает. Булат Окуджава делает и теперь то, что он делал раньше. Пишет и поёт. А удаётся — печатает и записывается. Прозу ещё пишет. Всё это настоящая, нужная всем работа. Никакой другой он никому не обещал. Вина его, по-видимому, в том, что ему сейчас дают работать. Или в том, что он доказывает своими выступлениями, что в России есть литература. Но ведь она там на самом деле есть. Её зажимают, её приходится пробивать — но она есть. И каждый раз после того, как вещь пробили в печать, она начинает свидетельствовать в пользу тех, кто противился её публикации. Парадоксально это? Да. Но это так. Я не знаю, что будет потом, но сейчас это так. Так что же — не пробивать, чтоб *тем самым* не исказить картину? А врачам, может, и людей не лечить — ведь это тоже поддерживает советскую власть, особенно если лечить хорошо? А может, вообще всем не жить для наглядности — ведь почти каждый, кто там живёт, как-то сотрудничает с властью?

А ведь сидя за океаном и так можно решить — кто мешает?

Нет, я отнюдь не разделяю взгляда, что если человек приехал оттуда, то он вне критики. Но виноват он, если сам активно и направленно занимается дезинформацией, т. е. врёт в глаза, а не врёт *тем самым*. Впрочем, если его заставляют врать бестактными вопросами, ответы на которые вопрошателю известны, то вина его в значительной степени смягчается: он не лез, а ему возвращаться. Впрочем, я вообще не думаю, что перечисленных писателей посылают для пропаганды — максимум, это второстепенное дело. Просто в какой-то момент руководство осталось совсем без классики, и понадобилось приблизить это поколение писателей. И как-то ввести их в ранг, приласкать, что сейчас неотделимо от загранпоездки. Вот и пускают. Да испугались ещё, что сами уедут — особенно после отъезда А. Гладилина...

Да и так ли это хорошо с нашей стороны — продолжать работу всякого рода выездных комиссий — чтоб человек, наглотавшись нечистот на их заседаниях и, наконец, вырвавшись, попадал в магнитное поле нашего недоброжелательства и быстро — ещё быстрее, чем во время пятилеток, — возросшего культурного уровня?

И ещё шире — хорошо ли вырывать пропасть между нами и нашей родиной, способствовать взаимному отчуждению, в котором может быть заинтересовано только КГБ? Стоит ли помогать ему нашими страстями, амбициями и самолюбиями? Это уже, если исключить вопрос о том, что у нас нет никакого права смотреть на наших оставшихся дома соотечественников свысока, внимательно следя за тем, достаточно ли они там героичны и не оскорбляются они иногда — если не прямо, то хотя бы *тем самым*. Тут ведь каждый может нам сказать: чем кумушек считать... И будет прав.

Статья Марка Поповского написана в оскорбительном тоне. Но ведь Окуджава не привык (и не с чего ему привыкать) к тому, чтобы с ним или о нём разговаривали в таком тоне. Правда, когда-то, на заре его деятельности, его оскорбили в Доме кино. Какие-то очень тонкие люди (в Москве всегда находились и сегодня есть люди, которые и без Карнеги Холл соответствуют мировым стандартам) вдруг начали кричать: «Пошлость». Что ж, Окуджава встал, вложил гитару в чехол и ушёл, а они потом десять лет перед ним всем Домом кино безуспешно извинялись: ошибка вышла у них со стандартами. А что, если он и сейчас переоценит значение выступления Поповского и (надеюсь, этого не произойдёт) поступит так же: соберёт вещички и на Москву-реку, что тогда? Ведь даже делегацию вслед не пошлешь с извинениями — не пустят. Я думаю, этого не произойдёт, слишком для этого большим вниманием его везде окружают эмигранты всех волн, но, уверяю вас — я тоже осведомлённый человек — он на это способен. Ведь на образ, нарисованный Поповским, он совсем не похож!

Поповский советует вам, даже аплодируя, помнить, что для вас это любовь (к своему приукрашенному прошлому, конечно), а для Окуджавы — политическое задание. Я же советую полностью забыть о политической казуистике и просто верить тому, что вы слышите, тем чувствам, которые обязательно вызовут у вас его песни. Это не аберрация и не тоска по прошлому, это и здесь и там, и тогда и теперь. Это искусство, поэзия, боль, окрылённость. А если уж обязательно что-нибудь при этом помнить, помните, что перед вами большой художник, встреча с которым всегда праздник, чудо, удача.

Марк ПОПОВСКИЙ

ЕЩЁ РАЗ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Весной 1965 года, воспользовавшись некоторым замешательством, которое возникло среди власть предержащих после падения Хрущёва, получил я из архива КГБ следственное дело академика Николая Вавилова. Стали известны подробности истязаний, которым подвергался во время следствия величайший русский биолог, история его смерти от голода в тюрьме. Я написал по этим материалам первые главы книги «Дело Вавилова» и пустил их в Самиздат. В «Предисловии историка» я требовал предать суду академика Лысенко, который, по сути, погубил Вавилова. Времена сразу после Хрущёва были сравнительно либеральные. В 1966 году удалось даже создать при Академии наук Вавиловскую мемориальную комиссию, куда я вошёл в качестве одного из членов. Так что начало казаться даже, что справедливость вот-вот восторжествует и мы действительно увидим суд над одним из сталинских злодеев. В эти дни ко мне всё чаще стали обращаться знакомые и незнакомые, которые по телефону, при встрече в редакциях или в гостях задавали один и тот же вопрос: какого, собственно, приговора для Лысенко я стану добиваться? Расстрела? Тюрьмы? «Очевидно, вас пригласят как общественного обвинителя, — говорил мне профессор из Ленинграда, сам подвергавшийся в сталинско-лысенковские времена преследованиям. — Так вы обратите всё-таки внимание, что Трофим Денисович уже старый человек. Пожалейте его». «Имейте в виду, — говорила другая учёная дама из вавиловского окружения, — Лысенко вовсе не бездарный человек. Нельзя сбрасывать со счетов его ранние работы по изучению световой стадии».

На всё это я отвечал, что, во-первых, суда скорее всего не будет, а во-вторых, в этом деле важен не приговор, а разбирательство. Общество должно разобраться в том, что именно с ним

произошло в 30-е — 40-е годы, как это случилось, что гения убили, а злодея возвеличили. Если, глядя на художества Лысенко, общество наше поймёт себя, свои прошлые заблуждения, то может статься, что в будущем мы избежим повторения подобных коллизий. С такой задачей я и работал над книгой о трагедии Вавилова: думал прежде всего о том, как мы — потомки — должны относиться к поведению Лысенко и Вавилова, какой опыт должны мы извлечь из той давней мистерии.

Тринадцать лет спустя я вложил ту же самую немудрёную мысль в свою статью «Поговорим о странностях любви» (*НПС от 15 марта 1979 г.*). В статье говорил я не о России в целом, а только об узком берегу нашей прошлой жизни, о поэзии, о любимых поэтах. Я знал и эту поэзию, и этих поэтов и надеялся, что приведённые факты и доказательства помогут моим соотечественникам понять: то, что они любили и любят по сей день, к сожалению, подверглось загрязнению; поэты, которых мы боготворили, предали себя и тем самым нас, своих читателей и почитателей. Я попытался дать эмигрантам из СССР факты для того, чтобы когда они будут оглядываться назад в своё прошлое, они видели его незамутнённым взором.

Но всё повторилось почти точно так же, как после первых глав Вавилова. Мне звонили знакомые и незнакомые и спрашивали: «Вы действительно против Евтушенко и Окуджавы? Вы их ненавидите? Но ведь они талантливые?.. А у Высоцкого есть такие трогательные песни...» Другие подходили ко мне, чтобы пожать руку и сказать: «Правильно вы их прохватили, этих гадов! Гнать их надо из Америки! Гнать их надо грязной метлой!» Но я ничего подобного не писал и гнать никого не собирался. И противники и доброжелатели услышали не то, что было сказано в моей статье, а то, что им хотелось услышать.

Это не недоразумение, это — закономерность. После шестидесяти лет тиранической власти нравственное чувство, нравственная оценка поступков перестали быть решающими в нашем обиходе. Возник другой, по существу государственный подход к личности: «Этот учёный профессионально хорош, профессионально плох». Профессиональная оценка вытеснила, заслонила понятие о порядочности и непорядочности. Нравственная оценка человеческих поступков стала казаться большинству из нас слишком строгой. Советский человек привык поступать не по совести, а по обстоятельствам. Он хочет, чтобы и оценивали его по обстоятельствам, «по силе возмож-

ности». Разговоры о нравственности его раздражают, он хочет видеть ситуацию более простой, привычной, приземлённой. Автор статьи критикует Евгения Евтушенко? Значит, был между ними когда-нибудь скандалчик, что-то не поделили. И сразу сколачиваются читатели в две монолитные группы: «За Евтушенко» и против него. Для обеих групп разговоры о странностях любви — ерунда, выдумка. Какие там странности. Всё просто... К сожалению, этому соблазну глухоты поддался и наш оппонент Наум Коржавин.

Он начал статью «Тем самым» (*НПС от 8 апреля*) с обещания не уводить нас в сторону, не касаться эстетических оценок, то есть качества стихов Евтушенко, Окуджавы и других приехавших в Америку поэтов. «Разговор ведь не о литературе, а о правде и нравственности». Очень хорошо. Главная тема моей статьи действительно об этом; о том, как нам совместить наши прежние чувства с нынешним советским литературным десантом, который высаживается на американский берег с политическими целями. Но едва дав своё обещание, Коржавин тут же с ходу о нём забыл. Как истинный поэт, он с увлечением заговорил о том, какие хорошие поэты приехали в последнее время в США и какие славные стихи они пишут. Вот, к примеру, Евтушенко недавно опубликовал поэму в «Новом мире». В ней есть много хорошего и талантливого, несмотря на «чилийское обрамление». А в песнях Окуджавы что-то «представляет не относительную, а абсолютную ценность. Видимо, это поэзия, искусство — и к этому вообще следует относиться иначе. Бережнее, что ли...». Потом ещё о незаурядном таланте Евтушенко и его мировой славе, невиданной после Байрона. А вот Поповский, тот совсем в поэзии не разбирается...

Вероятно, всё это правильно, но беда в том, что эти рассуждения не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме. То, что Евтушенко и Окуджава весьма популярные поэты, никто не оспаривает. Иначе бы их сюда не послали. Островой и Софронов тоже ездят по заграницам, но всерьёз говорить об этих посланцах не приходится. От их литературных встреч проистекают только смешные анекдоты (Островой в Королевской библиотеке в Стокгольме долго искал свои стихи, не нашёл и шумно негодовал по этому поводу). Много и других тем, решительно никак не связанных с поднятой нами проблемой, затрагивает в своей статье Наум Коржавин. Он пишет о том, как следует составлять воспоминания об исторических лицах;

о том, как Булат Окуджава относится к своему младшему сыну и какую сочиняет прозу; какой скверный советник Маршалл Шульман работает в Госдепартаменте; надо ли задавать бестактные вопросы приезжающим из СССР и, наконец, обсуждает трудное положение руководителей Советского Союза, которые совсем остались без классики...

Простим поэту его многомыслие и зададимся всё-таки вопросом: можно ли считать появление группы советских поэтов и бардов на американском берегу в последнее время десантом, выполняющим задание Идеологической комиссии ЦК, или просто поэты наши решили совершить моцион и случайно завернули на огонёк в Нью-Йорк? «Я вообще не думаю, что перечисленных писателей посылают для пропаганды», — отвечает Коржавин. А зачем же их посылают? По мнению Коржавина, в ЦК решено указанных выше писателей «приласкать, что сегодня неотделимо от заграничных поездок». Ну, что ж, с этим спорить не приходится: партия решила приласкать Булата Окуджаву, так же как она прежде приласкала Евтушенко и Вознесенского. И как правильно считает мой оппонент, такие ласки неотделимы нынче от заграничных поездок. Ибо не просто так, не для удовольствия писателей и поэтов необходимы такие поездки за рубеж. Они есть, с одной стороны, награда за верность, а с другой задание.

ЦК КПСС и его отделы, а соответственно сотрудники КГБ отлично знают, кого ласкать следует и кого не надо. Живёт в Москве член Союза писателей СССР, автор многих прозаических книг Инна Варламова. Варламова — тяжело больной человек. Из трёх коронарных артерий, питающих сердце, две у неё отказали. В Соединённых Штатах таких больных оперируют. Осенью 1978 года двоюродный брат Варламовой, живущий в Америке, договорился с врачами о такой операции и послал своей кузине вызов. Но КГБ отказал писателю Варламовой в поездке. Отказал именно как писателю. Потому что незадолго перед тем Варламова опубликовала свою повесть за границей («Мнимая жизнь» в журнале «Время и мы»). ЦК и КГБ мстят больной женщине за то, что она раз в жизни решила произнести своё слово без их цензуры. Варламову власти не приласкают. Оттого что она вылечится и жизнь её продлится, им проку нет. И то, что, отказав ей в визе, они её убивают, ЦК-КГБ тоже безразлично. Заграничные поездки, особенно в Америку, не для таких припасены.

Подобных историй, когда гражданину СССР надо поехать за границу по собственным делам, а его не выпускают, знаю я десятки. А их в Советском Союзе не десятки, а десятки тысяч. Не пускают учёных, желающих ехать на научные конгрессы, матерей к дочерям, женихов к невестам, писателей для сбора литературного материала. И тут нет никакой случайности. Ибо из Советского Союза за границу едут только с в о и люди, едут только по казённой надобности. Отбор тех, кто начинает ездить, имеет самое прямое отношение к нравственному лицу выделенного и отобранного. Прежние, памятные нам стихи Булата Окуджавы после того, как он начал ездить за границу по правительственным заданиям, не стали хуже. Но сам он хуже стал. Он очень неглупый человек и хорошо знает правила игры. Правила же состоят в следующем. Как профессионал писатель в СССР может существовать только в системе постоянных, ежедневных компромиссов с властью. На эти компромиссы порядочный человек идёт скрепя сердце, потому что иначе он просто не может ни копейки. Он идёт на сговор с бессовестным редактором и бессовестным цензором, чтобы кормить семью. Что сказать об этих компромиссиках? К ним как-то притерпелось. Их можно понять. Хотя и не следовало бы... Но вот писатель возжелал сладенького: дачу, квартиру в шикарном доме, автомобиль последней марки и, конечно же, заграничную поездку. И тут ставка сразу вырастает в сотни раз. Тут уж не о компромиссе речь, а о продаже оптом и в розницу. Покупатели душ ещё кобелятся: желающих-то пруд пруди. Нужны же не все, а люди отборные. В частности, для индивидуальных поездок в капиталистические страны нужны люди, имевшие в прошлом конфликты с советской властью. Нужны казовые либералы. Продажа либеральной репутации писателя на западном интеллектуальном и политическом рынке — главная сегодняшняя задача советской пропаганды. Ибо верят сегодня на Западе только им. Симонova, Суркова, Софронова сегодня никто слушать не станет. Нужны «противники режима». Да такие, чтобы, воспаряя, они оставались на привязи, а ниточка, привязанная к лапке, пребывала в руках Идеологической комиссии ЦК КПСС.

Почему-то Наум Коржавин не захотел обратить внимание на этот тезис моей статьи. А в нём как раз и разгадка вопроса. Всяк едущий из СССР за границу по туристической путёвке или в группе специалистов направляется в вояж под присмотром тайного агента, а то и нескольких. Литературные десантники

едут поодиночке. Им доверяют. И они в свою очередь должны вызывать доверие у западной публики. А для этого им надлежит публично намекать на несогласие с советской политикой, вспоминать прошлые преследования. Евтушенко эти трюки производит артистически. Высоцкий работает грубовато, но тоже ничего. Выступая в городе Элизабет (Нью-Джерси), между песнями ввёртывал многозначительно: «Т а м я пою для узкого круга, з д е с ь у меня большая аудитория. А поэту, как вы знаете, нужен слушатель. Так что я благодарен вам больше, чем вы мне». Публика польщена, публика верит и аплодирует. Окуджава, конечно, так грубо не работает. Литературная стипендия имени Булата Окуджавы в одном из западных университетов США — это другое дело. Интеллигентно. И не сразу догадаешься, где именно возникла и разработана эта акция.

Удаётся ли московским десантникам обманывать американское общественное мнение? Наум Коржавин пишет: «Я вообще не верю, чтобы на сегодняшнем Западе Евтушенко или кто другой могут сбить кого-либо с толку. Кроме тех, кто к этому стремится». К сожалению, попасть в сети советской пропаганды стремится немало народа. Но не о них речь. Речь идёт о нас. Как нам преодолеть разлад в нашем собственном сердце, что нам делать с любовью к этим стихам и этим песням, которые были стихами и песнями нашей юности? Любовь, как известно, не картошка... С болью и горечью думаю я о тех, кто предал себя и нас, и ничего, по сути, не могу подсказать своим соотечественникам. Очевидно, каждый должен решать для себя эту проблему сам. Несколько человек здесь в Нью-Йорке говорили мне в эти дни: «Я согласен с вашей статьёй, но тем не менее я купил билет на концерт Окуджавы. Я люблю его, люблю его песни». Ну что ж, их можно понять. Гораздо труднее мне понять Наума Коржавина, который, не замечая всей серьёзности нашего раздумья, продолжает горячиться: «Так что же, писателям не печататься? Так что же, им не ездить за границу?» Не знаю. Это каждый решает сам. Я, например, с 1964 года писал книги в стол, а за границу не ездил вовсе. И не я один. Впрочем, мы маленькие люди. Вспомним-ка лучше Анну Андреевну Ахматову. Сорок лет не публиковала она своих стихов в советское время. За границу же поехала не по заданию ЦК, а тогда, когда сама решила ехать, после того, как с глубоким почтением пригласили её в Италию поклонники её таланта. И Корней Иванович Чуковский не ездил в советскую пору по заграницам, ибо был

умён и не хотел платить за это подлостями. Поехал лишь однажды по приглашению Оксфордского университета, получить степень доктора. И, выступая в Англии, докторскую мантию свою ложью не замарал.

Как не вспомнить в том же ряду Осипа Мандельштама и Марину Цветаеву? Марина, вынужденная поневоле ехать из Франции в СССР в 1939 году, писала подруге: «Здесь (в Париже) я не нужна, там я невозможна». Она знала, что невозможно честному и талантливому поэту жить и работать в Советском Союзе. И невозможность эту не пыталась она преодолеть компромиссом. Петлю предпочла. Так вот вели себя настоящие российские классики в совсем ещё недавние времена. На сладенькое не зарились. Были поэтами, но прежде всего были людьми. Впрочем, «у каждого писателя своя судьба, за которую он сам непосредственно и недвусмысленно отвечает», — как справедливо заметил Наум Коржавин.

На этом следовало бы поставить точку. Но хочется мне всё-таки понять моего оппонента, разобраться, зачем пустился он в неблагоприятное предприятие: прикрывать грудью чужеземный политический десант? Неужто и впрямь полагает он, что если Евтушенко и Окуджава умеют писать хорошие стихи, то по части совести с них уже и спрашивать нельзя? Нет, всё было проще: не расслышал меня Наум Коржавин. Пробежал глазами статью, увидел, что задеты поэты, его коллеги, люди одарённые, и с привычной своей горячностью и бескорыстием бросился в бой. А защищать-то, собственно, и некого. Ибо речь шла не о поэзии и поэтах, а о десанте, о политических дельцах. Вот куда заносят странности любви. Перед нами тот самый случай, когда не хотим мы и не умеем выслушать друг друга. Не внемлем аргументам собеседника. Не слышим. У натур поэтических это особенно часто случается. Даже и не в эмиграции. Советский поэт Илья Сельвинский (1899–1968) это качество даже в принцип вводил:

Им нужно доказательство, учёным,
Мне этого не нужно. Я — поэт.

Новое рус. слово. 1979. 14 апр. С. 3

Борис ПАРАМОНОВ

СКОЛЬКО СТОИТ БИЛЕТ НА ОКУДЖАВУ?

Статья Наума Коржавина «Тем самым» в воскресном номере НРС от 8 апр. вносит элемент дискуссии в вопрос, ясный как Божий день. Он предлагает рассматривать выступление Булата Окуджавы как факт, имеющий отношение к искусству, и только к искусству, а всякую иную его трактовку — как пережиток советской тоталитарной идеологии, всюду вносящей политику. Между тем, политический аспект этого дела несомненен. Политику внёс сюда не автор статьи «Поговорим о странностях любви» Марк Поповский, а сам бард.

Коржавин забывает одно немаловажное обстоятельство. Выступление Окуджавы в Квинс Колледже было бесцензурным: было прочтено и спето то, что ни прочитать, ни услышать советский человек не может легально. Окуджава предстал перед аудиторией в «экспортном» варианте. Для подавляющей массы слушателей цена за этот концерт выражается не только в долларах, — за него заплачено эмиграцией. Не слишком ли дорогая это цена за какого-нибудь «Ваньку Морозова»?

Другой вопрос: сколько и чем заплатил — и ещё заплатит — за это сам автор. Коржавин говорит, что Окуджава стал, так сказать, пассивным объектом обожания властей, пожелавших сменить уже расстрелянную обойму советских классиков, и вины его в этом нет. Но вот в «Нью-Йорк Таймс» было написано, что Окуджава — член партии. У нас нет оснований не верить солидной американской газете. Значит, Окуджава не только терпит ухаживания, но и идёт им навстречу. Не только терпит игру, но и подыгрывает.

Что происходит с советскими классиками, слишком хорошо известно. Илья Эренбург сидел в Париже и «наезжал» в Москву. Прошло сколько-то лет, и вот уже не узнать в авторе «Оттепели» автора «Хуренито»; выдерживают ли сравнение беззубые «Японские впечатления» с блистательной «Визой времени»?

Аксёнов это понимает и после своих заграничных вояжей выпускает «Метрополь». Он знает, что поддержать свою честь писателя в СССР может, только проявив некоторую строптивость.

И пусть Окуджава вспомнит хотя бы об этом своём коллеге. Даже не о другом, которого хотели убить отравленной сигаретой.

Да и с Аксёновым не так всё просто. Блестящий его талант не сможет развернуться в полную силу при ориентации на советскую печать. Он может сочинять какие угодно «мениппеи» («Поиски жанра»), но «Мастера и Маргариту» всё равно не напишет (а ведь способен!). Смешно сопоставлять «Стальную птицу» хотя бы с «Рыжиканом» Владимира Корнилова.

Коржавин пишет, что Окуджава может оскорбиться и зачехлить гитару. Признаюсь, мне бы это показалось наилучшим выходом — для Окуджавы. Оскорбительна не статья Поповского, а ситуация, в которую поставил себя сам Окуджава. Неужели он не понимает, что в Квинс Колледже он не пел, а плясал? Под советскую дудку.

Я однажды написал статейку «Книгу — в массы!» (*НПС*, 4 февраля с. г.), в которой выразил ироническое (подчёркиваю — ироническое) восхищение доступностью в Америке для эмигрантов редких советских изданий. Но ведь там шла речь о Сологубе и Ахматовой. Их нет в живых, и сказать они ничего не могут. Но вспомним, какотреагировал Солженицын на «издание» его книг для «узкого круга» чиновников ЦК. Что ж, Булат Окуджава только лишний раз доказал то, что и так ясно: он — не Солженицын. И даже — не «наследник» его, как мнит о себе Евтушенко.

Речь сейчас не о нём, а о Коржавине. По-человечески понять Коржавина очень легко: он хочет избыть трагедию, сделать вид, что ничего не произошло, жить как ни в чём не бывало. Никто не мешает ему встретиться с Окуджавой приватно и за товарищеской беседой предаться иллюзии о непрерывности существования. Но, что бы там ни говорили, эмиграция — беда, несчастье. И нужно уважать своё несчастье, быть на его высоте. Я удивлён, что этого не понимает поэт Коржавин.

Новое рус. слово. 1979. 18 апр. С. 3

И. Б.

ВЫСОЦКИЙ, ОКУДЖАВА, ЕВТУШЕНКО

Каждый из этих трёх, очень разных, поэтов выступал в начале 1979 г. в актовом зале Квинс Колледж, на окраине Нью-Йорка. Серия их выступлений не была задумана как конкурс популярности, но всё же разница в количестве слушателей — интересна. Почти 2 100 пришли слушать Высоцкого, около 1 600 — Окуджаву, и 260 — Евтушенко. Слушатели Высоцкого — вероятно, самая многочисленная русская аудитория, которую когда-либо видел Нью-Йорк, — состояли преимущественно из третьей эмиграции и представляли, как говорится, «широкую публику». На Окуджаву пришла скорее «интеллигенция», причём всех трёх эмиграций. Среди слушателей Евтушенко было много американских студентов и служащих разных иностранных ведомств СССР в Нью-Йорке.

Правда, Высоцкий и Окуджава выступали в Нью-Йорке впервые; многим хотелось узнать, как прозвучат в жизни голоса, известные лишь по хриплым, заигранным плёнкам. Евтушенко же выступал в США многократно и в 60-е годы собирал многотысячные американские аудитории. Однако была и общая причина послушать каждого из них: с тех пор, как они начали писать или петь, прошло много лет, и хотелось сравнить прошлое с настоящим.

Высоцкий всем своим существом живёт в сегодняшнем дне. Хотя он и занят киносъёмками, и выступает в театре, он продолжает писать новые песни. Поэт по призванию, он по профессии — актёр: от этого оживает интонация стиха, жанр и форма — от юмористической до патетической. Он наглядно вводит слушателя в самые разные пласты народной жизни — то ли в бытовые сценки у телевизора, то ли в обширную область спорта, то ли в бои мировой войны. Острый, едкий юмор у него по-

ЗА РУБЕЖОМ

Высоцкий, Окуджава, Евтушенко

Каждый из этих трех, очень разных, поэтов выступал в начале 1979 г. в актовом зале Квинс Колледж, на окраине Нью-Йорка. Серия их выступлений не была задумана как конкурс популярности, но все же разница в количестве слушателей — интересна. Почти 2 100 пришли слушать Высоцкого, около 1 600 — Окуджаву, и 260 — Евтушенко. Слушатели Высоцкого — вероятно, самая многочисленная русская аудитория, которую когда-либо видел Нью-Йорк — состояли преимущественно из 3-й эмиграции и представляли, как говорится, "широкую публику". На Окуджаву пришла скорее "интеллигенция", причем всех трех эмиграций. Среди слушателей Евтушенко было много американских студентов и служащих разных иностранных ведомств СССР в Нью-Йорке.

Правда, Высоцкий и Окуджава выступали в Нью-Йорке впервые: многим хотелось

на сцене точно так, как на пластинке, выпущенной в Чикаго в 1966 году. И публика реагировала соответственно, не столько с бурным восторгом, сколько с теплой симпатией. Он пел преимущественно ранние, известные свои песни, и читал стихи, снабжая их небольшими комментариями относительно обстоятельств места и времени. Теперь, по его словам, он песен пишет очень мало (был занят работой над историческим романом), но все же спел и песню, написанную в феврале 1979 года: "В моей душе запечатлен портрет прекрасной дамы..." В песне — утонченная мудрость возраста, чуть заметно изменившегося, но не изменившего себе барда.

Сложнее, во всех отношениях, положение Евтушенко. Годы качания "между городом да и городом нет" на нем заметно сказались. "Ничто не сходит с рук", "сколько раз я был

прежнему чередуется с нравственным призывом, с криком о добре и зле. Он отдаёт себя аудитории до конца, и аудитория реагирует без отказа. Говоря об образах Высоцкого, рецензент «Нью-Йорк таймс» пишет: «Маскируя прямой смысл, Высоцкий углубляет силу своих метафор. Их универсальность не столько скрывает политические намерения, сколько укрепляет их эмоциональную силу».

Песни Окуджавы также построены на метафорах, но характер их совсем иной: более сдержанный, нежный и традиционно-лирический. Голос его, тихий и мелодичный, звучал на сцене точно так, как на пластинке, выпущенной в Чикаго в 1966 году. И публика реагировала соответственно, не столько с бурным восторгом, сколько с тёплой симпатией. Он пел преимущественно ранние, известные свои песни, и читал стихи, снабжая их небольшими комментариями относительно обстоятельств места и времени. Теперь, по его словам, он песен пишет очень мало (был занят работой над историческим романом), но всё же спел и песню, написанную в феврале 1979 года: «В моей душе запечатлён портрет <одной> прекрасной дамы...» В песне — утончённая мудрость возраста, чуть заметно изменившегося, но не изменившего себе барда.

Сложнее, во всех отношениях, положение Евтушенко. Годы качания «между городом да и городом нет» на нём заметно сказались. «Ничто не сходит с рук», «сколько раз я был ранен», «прижатость есть вид непокорства», «приходите ко мне

на могилу» — эти строки характерны. Хотя он тоже теперь выступает в кино, но тут на сцене он, по-видимому, играл самого себя, читая стихи о зависти к другим и о жалости к самому себе. Ещё неприятней была его попытка дать нечто общественно значимое — стихотворение «Карликовые берёзы» — напористо-грубую апологию «гомо советикус». Впрочем, многие встретили эти стихи бурными аплодисментами. Перед лицом первого, по его словам, «испытания пустотой» — зала, заполненного всего на 1/8 — он вёл себя на сцене оборонительно и протестовал против вежливой раздачи листовок украинскими студентами. Говорят, что он лучше звучал в небольшом зале «Паблик театр» в Манхаттане, перед преимущественно американской аудиторией, где в прошлый свой приезд выступал Вознесенский.

На страницах эмигрантской печати разгорелась полемика о том, какова польза для советского режима от зарубежных поездок поэтов: сохранение видимости детанта, иллюзия либерализма, укрепление эмоциональных связей эмигрантов с «родиной». Вероятно, так действительно это замышляет КГБ. Но российской оппозиции дано мыслить иначе: всё, что хорошо для русского искусства, — в конечном итоге плохо для режима, который это искусство подавляет. В том, что режим иначе действовать не может, и кроется его обречённость.

Посев. Франкфурт н/М., 1979. № 5. С. 56

Вяч. ЗАВАЛИШИН

КОГДА ЗАЦВЕТАЮТ ЛЕВКОЙ И ОСЫПАЮТСЯ ИЛЛЮЗИИ (Американская гастроль Булата Окуджавы)

Известный советский поэт, прозаик и песенник Булат Окуджава читал лекции в университете «Канзас-Сити».

Он при желании мог бы попасть в Харвардский, Колумбийский или Нью-Йоркский университеты, но выбрал периферию с тем, чтобы сопоставить её с шумным Нью-Йорком, куда он приехал для концерта и личного контакта с американскими литературными кругами.

Вечер стихов и песен Булата Окуджавы состоялся в театре при Квинс Колледже. Народу пришло много, но сказать, что зал был набит битком, нельзя: некоторое количество свободных мест и непроданных билетов осталось. Третья эмиграция составила больше половины пришедших послушать Окуджаву. Видно, что не особенно привлек он высокоответственных товарищей из посольства. Было также много русской зарубежной молодёжи и изучающих русский американцев.

Все принимали Булата Окуджаву радушно, тепло. Но ряд представителей всех трёх эмиграций хотел установить, приехали ли Окуджава только для того, чтобы «людей посмотреть и себя показать» (а показал он себя, надо сказать, с самой выгодной стороны), или же власти, отпустившие его за океан, руководствовались определёнными политическими соображениями (какими именно?).

Этот вопрос волновал даже самых ревностных почитателей дарования Окуджавы.

Вечер-концерт имел редкий успех. Аудитория не раз одобряла «любимца публики» аплодисментами, переходящими в овацию.

Окуджава был одет не криливо и держался скромно, хотя чувствовалось, что цену себе он знает.

Но вот мнения аудитории разделились. Первая и вторая эмиграции трёх поколений узрели в нём второго Игоря Северянина, американцы нашли в нём русского Ал<a> Джалсона¹, а эмигранты из Франции оценили его за естественную и непронизвольную русификацию французских песенок.

Третью эмиграцию эти сравнения и сопоставления почему-то раздражали или даже возмущали.

«Окуджава есть Окуджава, и нечего его принижать. Он бесподобен, и принимайте его таким, как он есть», — говорили мне.

Зачем же именно принижать? Можно в данном случае разобратся в преемственной связи любимца публики с его предшественниками без всякого принижения дарования Окуджавы. Так, «Молитва Франсуа Вийона» — хороший номер Окуджавы (в Советском Союзе молитву чаще называют «Песенкой Франсуа Вийона»). На концерте в театре при Нью-Йоркском Квинс Колледже поэт сказал, что это его, Окуджавы, молитва, а старофранцузский поэт Вийон тут в сущности ни при чём.

Вийон-то, может быть, и ни при чём, но мы знаем, что Окуджава любит пластинки с записями французской средневековой музыки, и не потому ли его молитва не что иное, как свободная интерпретация менестрельских песен.

Пока земля ещё вертится,
Пока я ещё не сед,
Господи! дай же каждому,
Чего у нас нет.
Верую, Господи, верую
В мудрую благость Твою,
Как верит солдат пред боем,
Что встретит он смерть в раю.
Господи мой, Боже,
Всех обойдённых храня,
Дай же ты всем понемногу
И не забудь про меня².

Согласимся с русскими из Франции, что титул «советский бард» слишком гроыхающе и дико звучит применительно

¹ Знаменитый американский певец и актёр, снявшийся в первом звуковом фильме «Певец джаза» (1927).

² Данная псевдоцитата интересна сама по себе. Вероятно, так один поэт «запомнил» с одного прослушивания, а затем реконструировал в памяти стихотворение другого.

к Окуджаве. Гораздо более справедливо называть его (не величать, а именно называть) «русским менестрелем».

Известно, что песенки, напетые в Америке Ал<ом> Джолсоном в двадцатых годах, переводились на русский, исполнялись в Советском Союзе эстрадными певцами, записывались на пластинки. И эти пластинки, видимо, известны Окуджаве.

А вот его стихотворение, где ясно проступает влияние Игоря Северянина:

Когда расцветают левкой,
Ещё расцвести не успев,
Я вас понимаю. Легко ли
Не жить на земле нараспев.
В его аромате медовом,
В его кружевах и резьбе
История шара земного
Таится, представьте себе.

А мне говорили, — нашли с кем сравнивать Окуджаву, с каким-то салонным поэтишкой (то есть с Северяниным), при царе Горохе.

Такие люди просто не понимают, что установление преестественных связей с прошлым не унижает, а напротив, вызывает уважение к Окуджаве. Можно не считать себя Иваном, не помнящим родства, и в то же время обладать неповторимой индивидуальностью. Среди представителей третьей эмиграции есть такие, которым это ясно. К ним, например, принадлежал покойный критик Аркадий Белинков. У меня в своё время, помнится, был с ним такой разговор, имевший отношение к Окуджаве. Белинков напомнил мне о машине, изобретённой опустившимся инженером Бабичевым из романа Олеши «Зависть». В этой машине Белинков правильно усмотрел и предвосхищение кибернетики (то есть эпохи думающих машин) и одновременно пародию на неё. Так вот машина инженера Бабичева сочиняет песенки в духе глупых и пошлых романсов прошлого века. Когда настанет всеобщая механизация человеческих чувств, такой машине цены не будет...

Но Бабичев, как думает Белинков, не учёл внутреннего сопротивления среднего советского человека такой механизации. Булат Окуджава потому и становится кумиром молодых поколений в Советском Союзе, что в искусстве он, по мнению Белинкова, преимущественно антикибернетик. Окуджава непосредственен и умен, и вся его поэзия, как и все его песен-

ки, — отрицание пошлости. Это верно, что никакая машина не вытеснит поэта с душой и талантом.

И я думаю, что Белинков прав. Окуджава своим опытом доказал, что в душе человека есть что-то неподвластное машинной мощи. Правда, теперешний Окуджава не тот, что прежде. Он уже не напоминает слушателям ни о своём расстрелянном в ежовщину отце, ни о жертвах сталинского террора. Гражданского протеста в его стихах больше нет. Но зато есть непосредственная защита извечных человеческих чувств, есть мир радостей, печалей и забот человека, кем бы он ни был и какое бы место в обществе ни занимал. Но тут-то Окуджава и показал себя мастером волшебных превращений. Эпиграфом к его Нью-Йоркской программе могли бы послужить такие строки:

Невозможное станет возможным,
Безглазое вдруг заговорит.
Захудалый цветок придорожный
Дивный запах вокруг — застучит.

И действительно, когда слушаешь Окуджаву, можно вообразить, что со струн его гитары слетают жаворонки, чтоб оживить своим пением не небо над полями, а театральные своды. Можно вообразить, что куст жасмина распускается не на склонах холмов, а на крыше движущегося автобуса, что ландыш растёт не в лесу, а на эстраде.

Настолько бытовое, обыденное, примелькавшееся становится поэтичным и необычным. К тому же Булат Окуджава поёт свои песни под гитару и читает стихи необыкновенно естественно и живо.

Но, если в репертуаре его вечера в театре при Квинс Колледже почти не было пропагандных мотивов, то почему же всё-таки Окуджаву выпустили за океан?

Не ради же, конечно, его небесных роз и соловьёв и совсем не для того, чтоб доставить удовольствие третьей эмиграции.

На концерте Окуджаву представлял Виктор Шульман из новоприбывших. Недурной эстрадный певец, он энергично и ловко занялся антрепризой.

Шульман считает, что в лице Булата Окуджавы нашёлся, наконец, шансонье (певец), который достоин выступать вместе с Ивом Монтаном, Жоржем Брассенсом, Бобом Дилланом. Значит, его послали в Америку для пушного престижа.

Есть американские музыканты, которые находят, что Булат Окуджава вовремя появился на Нью-Йоркском горизонте.

Нью-Йорк, а может быть и другие штаты, устал от модернистских новшеств, устал от визгов и завывания вместо пения, как устал от рок-энд-ролла и рэга.

Не поэтому ли американцы, потянувшиеся к мелодичным, порой чуть сентиментальным, песенкам двадцатых годов, узрели в Булате Окуджаве русского Ал<а> Джолсона?

Допускаю, что эти соображения были приняты во внимание министерством культуры в Советском Союзе. Но они играли лишь вспомогательную, и даже не второстепенную, третьестепенную роль.

Главная причина не в этом, а в том, что Булат Окуджава усилил тоску по новой оттепели в Советском Союзе, сознательно или подсознательно вызвав как у третьей эмиграции, так и у американцев ощущение того, что эта оттепель не за горами.

Подлинный поэт и советский менестрель, Булат Окуджава прибыл в Америку сеятелем радужных иллюзий. Спрашивается, чего этим достигли пославшие его?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, сделаем небольшое отступление.

Среди некоторых представителей третьей эмиграции есть такие, которые усматривают антисемитизм там, где его нет. Это не моё заключение, а точка зрения известных мне евреев из новоприбывших. Так, по их мнению, в Советском Союзе наблюдается перепроизводство технической и гуманитарной интеллигенции, вернее полуинтеллигенции. Это в равной мере бьёт и по евреям, и по русским, и по другим национальностям, когда человек профессионально себя теряет из-за конкуренции. Когда, скажем, на одно вакантное место киноактёра или режиссёра театра есть десять или пятнадцать претендентов, то отсеиваются как русские, так и евреи, особенно если степени дарования и профессиональной пригодности приблизительно одинаковы и у тех и у других. Если на одну незанятую должность учителя есть четыре или пять конкурентов, то понятно, почему профессионально выбывают из строя и русские и евреи.

Сказанное применимо и к другим интеллектуальным профессиям, в разных, правда, пропорциях, так что стоит ли примешивать к этому антисемитизм? Неудивительно, что человеку в таких условиях приходится менять профессию и искать любую работу. А так как еврею теперь гораздо легче выбраться из Советского Союза, чем русскому или украинцу, то он и рвётся в Америку, где и труд спокойнее, и жизненный стандарт выше, а не в Израиль.

Конечно, вышесказанное не относится к тем евреям из новоприбывших, у которых острый конфликт с коммунистическим режимом по политическим, религиозным или духовным мотивам, но так ли уж их много среди третьей эмиграции?

Вяч. Завалишин.

КОГДА ЗАЦВЕТАЮТ ЛЕВКОИ
И
ОСЫПАЮТСЯ ИЛЛЮЗИИ.

(Американская гастроль Булата Окуджавы)

Известный советский поэт, прозаик и песник Булат Окуджава читал лекции в университете Калифорнии.

Он при желании мог бы попасть в Харвардский, Колумбийский или Нью Йоркский университеты, но выбрал периферию с тем, чтобы сопоставить ее с шумным Нью Йорком, куда он приехал для концерта и личного контакта с американскими литературными кругами.

Вечер стихов и песен Булата Окуджавы состоялся в театре при Колумбийском Университете. Пришло много, но сказать, что зал был набит битком нельзя: некоторое количество свободных мест и непродавших билетов осталось. Третья эмиграция составила больше половины присутствующих послушать Окуджаву. Видно, что не особенно привлекал он высокоответственных товарищей из посольств. Было также много русской зарубежной молодежи и изучающих русский американцев.

Все понимали: Булату Окуджаву гнали.

дичать, а именно называть) «русским министром».

Известно, что песни, напетые в Америке Ой Диким в двадцатых годах, перешли на русский, исполнялись в Советском Союзе эстрадными певцами, записывались на пластинки. И эти пластинки, видимо, известны Окуджаве.

А вот его стихотворение, где ясно проступает влияние Игоря Северянина:

«Когда расцветают левоки,
Еще расцвела на родине,
Я все тонкоблю. Летно ли
Не жить на земле нараспаш.
В его вромате медовом,
В его кружевах и резбе
История шара земного
Твистит, претворяет себя».

А мне говорили, «нашли с кем сравнивать Окуджаву, с каким-то салонным поэтишкой (то есть с Северяниным), при царе Горохе».

Такие люди просто не понимают, что установление преэстетических связей с прошлым не унижает, а напротив вызывает уважение к Окуджаве. Можно не считать себя Иваном, не помнящим родства, и в то же время обладать неопровержимой индивидуальностью. Среди представителей третьей эмиграции есть также, которым это ясно. К ним, например, принадле-

ловцев и совсем не для того, чтобы доставить удовольствие третьей эмиграции.

На концерте Окуджаву представлял Виктор Шульман из Новороссийска. Неудачный эстрадный певец, он энергично и ловко занялся антраксом.

Шульман считает, что в лице Булата Окуджавы находится, наконец, шанс (песни), который достоин выступать вместе с Ивом Монтаном, Жеромом Брасоном, Бобом Диланом. Значит, его послали в Америку для лучшего представления.

Есть американские музыканты, которые находят, что Булат Окуджава во время появления на Нью Йоркском горизонте. Нью Йорк, а может быть и другие штаты, устал от монотонности новизны, устал от визгов и завывания вместо песни, как устал от рок-н-ролла и рага. Не поэтому ли американцы, потирающие и мелодичным, порой чуть сантиментальным, песням двадцатых годов, устремились в Булате Окуджаву русского Ал Дикосона.

Допускаю, что эти соображения были приняты во внимание министерством культуры в Советском Союзе. Но они играли лишь вспомогательную, а даже не второстепенную, третью ступень.

Главная причина не в этом, а в том, что Булат Окуджава усилил тоску по новой отеплени в Советском Союзе, сознательно или подос-

Рис. Кавице - 1979. 14. 1979

И вот выбитый из профессиональной колеи человек, став эмигрантом, напряжённо ищет выхода из положения. Бывший музыкант советского джаза рассказывал мне:

— Сперва был кельнером, потом торговал водкой у бара. Наконец, повезло: устроился по специальности скрипачом и альтистом в оркестре ночного клуба (музыканты джаза нередко играют на разных инструментах).

Как только в Москве потеплеет, политический климат переменится, вернись назад и создай такой джаз, что Утёсовы и Эдик Рознер закачаются (это короли советского джаза).

А вот мечта бывшей аспирантки по русской литературе в советском педагогическом институте:

— Ещё там знала английский, а здесь добилась стипендии для изучения американской литературы. Ведь если бы вернулась обратно, работу по специальности нашла бы без труда.

— Почему?

До революции еврей, который не мог из-за процентной нормы поступить в русский университет, ехал в Оксфорд, в Сорбонну, в Гейдельберг и возвращался в Россию с английским, французским или немецким дипломом, занимая своё место в жизни, потому что на Западе он приобрёл профессиональные преимущества перед русскими коллегами. Нам, если мы хотим вернуться в Россию, остаётся такой же путь — иного нет.

Хочешь вернуться в строй — приобрети в профессиональном отношении преимущества перед другими. Ведь нам в Советском Союзе не дают хода не только потому, что мы евреи, а потому что как специалисты мы такие же, как и другие, но не выше других.

Такова точка зрения преуспевших за рубежом. А что сказать о неудачниках, которые сожалеют о том, что покинули Советский Союз? Вот эта категория новоприбывших и живёт на-

деждами на новую оттепель в Советском Союзе и в советском искусстве. К ним примыкают и левонастроенные круги американской интеллигенции и студенчества, которым хочется верить, что новая оттепель не за горами и скоро появятся новые Окуджавы и новые Евтушенки. Вся эта публика всячески отмежовывается и отрешивается от политической деятельности трёх эмиграций, считая, что антикоммунизм, особенно в его активных проявлениях, — лишь тормозит и отдаляет новую оттепель в советском искусстве. Тут-то и появляется Булат Окуджава со своей гитарой в качестве сеятеля радужных иллюзий.

Только, когда левкой расцветает, иллюзии опадают, как листья с дерева, скованного преждевременным морозом. Ведь, открыв певцам вроде Окуджавы отдушину для общечеловеческих чувств, коммунистическая партия требует от деятелей искусств доказательств повиновения и обострения политической активности. При такой ситуации новой оттепели придётся ожидать долгие, долгие годы.

Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1979. 14 июня. С. 6—7

Белла ЕЗЕРСКАЯ

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Как всё это началось?

...Странная пятиугольная комната-башня с широкой тахтой в углу и видом на море — в такой комнате мог бы жить Куприн. Сверкающая панорама одесского порта была предметом особой гордости хозяев, и гости усиленно восхищались ею. Но «коронным номером» в этом доме был, конечно, Окуджава, и мы ходили на него, как на праздник.

Расположившись на тахте, я прикинула ухом к старенькой «Яузе» и — отключалась. Негромкий, чуть дребезжащий голос, заунывные, монотонные мелодии песен действовали на меня магически. А рядом с тахтой шумело воскресное застолье, хозяйка сновала из комнаты в аппендикс, гордо именуемый «кухней». Кто-то соблазнял меня фаршированной рыбой, кто-то предлагал очередной тост...

— Оставьте её, — говорила хозяйка безнадёжным голосом, видимо оскорбившись за рыбу, — пусть дослушает.

Строго говоря, мне не было надобности дослушивать — я и так знала эти песни наизусть. От первого до последнего слова.

Со двора подъезд известный
Под названием чёрный ход.
В том подъезде, как в поместье,
Проживает чёрный кот.

Станный образ, странные слова. Рождённые отдельно и задолго до мелодии, они послушно легли на неё, превратившись в грустно-саркастическую песенку о Чёрном коте, от которого нет спасения. Метафора была разгадана сразу, принята безоговорочно — и началась слава Окуджавы, певца, исполняющего собственные песни под свой же собственный аккомпанемент. Все словно забыли, что «вначале было слово». И что Окуджава, прежде всего — поэт милостью Божьей.

Он сам более чем кто бы то ни было ощущал это. И предупреждал:

Берегите нас, поэтов, берегите нас!

Это стихотворение, которое он прочитал, отложив в сторону гитару, негромко и страстно, как заклинание, может быть, и было самым сильным впечатлением от первой встречи с Окуджавой.

Было это 13 марта 1963 года. Окуджава приехал в Одессу — у него были какие-то дела на Одесской киностудии. Конечно, газетчики сразу затащили его на очередную редакционную «среду». Дирекция библиотеки, где я работала, решила устроить вечер встречи Окуджавы с читателями. Провести это ответственное мероприятие было поручено мне.

Я нашла поэта в гостинице киностудии. Был он худым и небритым и выглядел уставшим. Против ожидания, он согласился выступить сразу, без отговорок, и, конечно, бесплатно. Вечер решено было провести в читальном зале детской библиотеки имени Крупской, находившейся с библиотекой Ленина под одной крышей угрюмого серого здания, когда-то бывшего мануфактурным складом. Никакой рекламы, разумеется, не давали, даже обычного объявления на дверях не было. Но к семи часам вечера угол улиц Ярославского и Советской Армии оказался запружен народом.

Окуджава приехал с женой. Он никак не мог прорваться сквозь публику, был заметно растерян и в то же время польщён. Мне даже показалось, что он посмеивается над комизмом создавшейся ситуации. Изрядно помятый своими темпераментными поклонниками, он кое-как добрался до четвёртого этажа, где размещалась библиотека. Читальный зал был набит до отказа: сидели на столах, подоконниках и даже на книжных шкафах. Тотчас же была заперта на засовы массивная железная дверь — наследие мануфактурного склада, — и зал затих.

Окуджава долго и подробно объяснял, что он никакой не певец, не композитор и не музыкант; что он не знает нот и едва выучил несколько аккордов, которыми пользуется по необходимости. А затем он тронул струны гитары... И в эту же минуту комната наполнилась железным грохотом: это те, кто не попал на концерт, выражали свой протест. Окуджава умолк. Концерт пришлось прервать.

— Впустите их, — страдальчески улыбнувшись, попросил поэт, — как-нибудь потеснимся.

Белла Езерская

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Как все это началось?

...Странная пятиугольная комната-башня с широкой тахтой в углу и видом на море — в такой комнате мог бы жить Куприн. Сверхкающая панорама одесского порта была предметом особой гордости хозяев, и гости усиленно восхищались ею. Но "коронным номером" в этом доме был, конечно, Окуджавы мы ходили на него, как на праздник.

Расположившись на тахте, я принакала ухом к старенькой "Яузе" и — отключалась. Громкий, чуть дребезжащий го-

Советской Армии оказался запружен народом.

Окуджаву приехал с женой. Он никак не мог прорваться сквозь публику, был заметно растерян и в то же время польщен. Мне даже показалось, что он посмеивается над комизмом создавшейся ситуации. Изрядно помятый своими темпераментными поклонниками, он кое-как добрался до четвертого этажа, где размещалась библиотека. Читальный зал был набит до отказа: сидели на столах, подоконниках и даже на книжных шкафах.

подложить мегатонную ностальгическую бомбу в логово третьей эмиграции, а заодно доказать Западу, что Окуджаву вполне "выпускаем", что свидетельствует о демократии и свободе. Возможно. Я рада тому, что для сотен поклонников Окуджавы, несмотря на столь весомые аргументы, не было вопроса: идти или не идти на Окуджаву. Ибо он не стал для них историей, золотой страницей прошлого — первернутой и забытой, прекрасным символом ушедшей юности. Он им нужен сейчас, в эмиграции не

Но тесниться было решительно некуда. Между тем, бомбардировка двери продолжалась: видимо, те, снаружи, решили окончательно испортить настроение счастливицам. И вдруг случилось непредвиденное: запоры выскочили из гнезд, железная дверь распахнулась, и толпа, подпираемая снизу, густой массой втиснулась в вестибюль. Концерт продолжался при открытых дверях — таким образом, стоявшие на лестнице тоже могли кое-что услышать.

Видимо, Окуджаву был растроган экспансивностью и самоотверженностью одесситов. Он безропотно пел всё, о чём его просили. Попутно выяснилось, что многие песни, приписываемые ему, написаны другими бардами — верный признак растущей популярности. Поэта долго не отпускали, засыпали вопросами и цветами, замучили автографами. Мне тоже достался автограф на обороте фотографии, снятой фотокорреспондентом Виктором Дробашко. В 1977 году эта фотография пересекла со мной океан. Собираясь на концерт Окуджавы в Нью-Йорке, я на всякий случай захватила её с собой.

Сейчас, когда отшумели страсти, вызванные приездом Окуджавы в Америку зимой 1979 года, хочется спокойно, без полемического запала, разобраться в своих ощущениях.

Упрёк (поэту? себе? советской власти?) в том, что за право жить так, как нам хочется и, в частности, слушать любимого барда мы заплатили эмиграцией — не нов: в СССР Окуджаву

до сих пор полузапрещён и поэтому для широких масс трудно доступен — о чём и рассказывалось выше. Как и почему власти выпустили полуофициального поэта в «коварный зарубеж» и даже учредили в одном из американских университетов литературную премию его имени — меня лично не интересует. Вполне возможно — для того, чтобы подложить мегатонную ностальгическую бомбу в логово третьей эмиграции, а заодно доказать Западу, что Окуджаву вполне «выпускаем», что свидетельствует о демократии и свободе. Возможно. Я рада тому, что для сотен поклонников Окуджавы, несмотря на столь весомые аргументы, не было вопроса: идти или не идти на Окуджаву. Ибо он не стал для них историей, золотой страницей прошлого — перевёрнутой и забытой, прекрасным символом ушедшей юности. Он им нужен сейчас в эмиграции не меньше, а может быть, даже больше, чем когда бы то ни было. И Окуджаву нельзя так просто «сбросить с корабля современности». История литературы знает не одну попытку такого рода — чем все они кончились? Не вина Окуджавы, что он родился в СССР. Ибо —

Моцарт отечество не выбирает...

Он был, он есть, он вышел в мир со словом правды и протеста среди всеобщего молчания и страха. Он обозначил собою начало эры советских бардов — будем же благодарны ему за это.

Сидя в удобных креслах огромного зала Квинс-колледжа, слушатели принимали Булата Окуджаву не менее восторженно, чем одесские библиотечные энтузиасты в далёком уже теперь 1963 году.

Окуджаву заметно постарел. Годы литературного безвременья, видимо, не дались ему даром. Виски запали, поседевшие волосы были коротко острижены. Он уже был всемирно известен, но не нажил респектабельности ни на грош. На огромной сцене он выглядел немного сиротливо и неприкаянно — видимо, больше привык к уютной тесноте застолий и студенческих общежитий. И петь он стал как-то иначе, старательней, профессиональней, что ли. Но в общем — это был тот же Окуджаву, — только более мудрый и ироничный. Менее социальный и более общечеловечный. С возрастом он стал, пожалуй, сентиментален. Но главное, что стало ясно — это то, что он неотделим от своей родины, от своего любимого и несчастного, исколеченного и перестроенного Арбата. Что он просто не может жить без него. Что он будет отыскивать в нём нетронутые угол-

ки, хранить в сердце его дворики, греть руки о его камни и петь его, покуда жив. И что в этом — его земное предназначение.

Длинная очередь знакомых и незнакомых выстроилась за кулисами, как когда-то в Москве или Ленинграде. Администраторы пропускали неохотно и скупно — по минуте на человека: Окуджава был измучен концертом.

Неожиданно увидев на снимке себя — молодого — он удивлённо поднял брови:

— Где это было?

Я перевернула фотографию. Окуджава увидел свой автограф и вспомнил. В его глазах запрыгали чёртики. Он надписал фотографию (удивительно, как не меняется почерк!) и дописал внизу: «Нью-Йорк! 1979!» И с удовольствием поставил два жирных восклицательных знака.

Новое рус. слово. 1980. 22 июня. С. 10

Инна ШУМКИНА

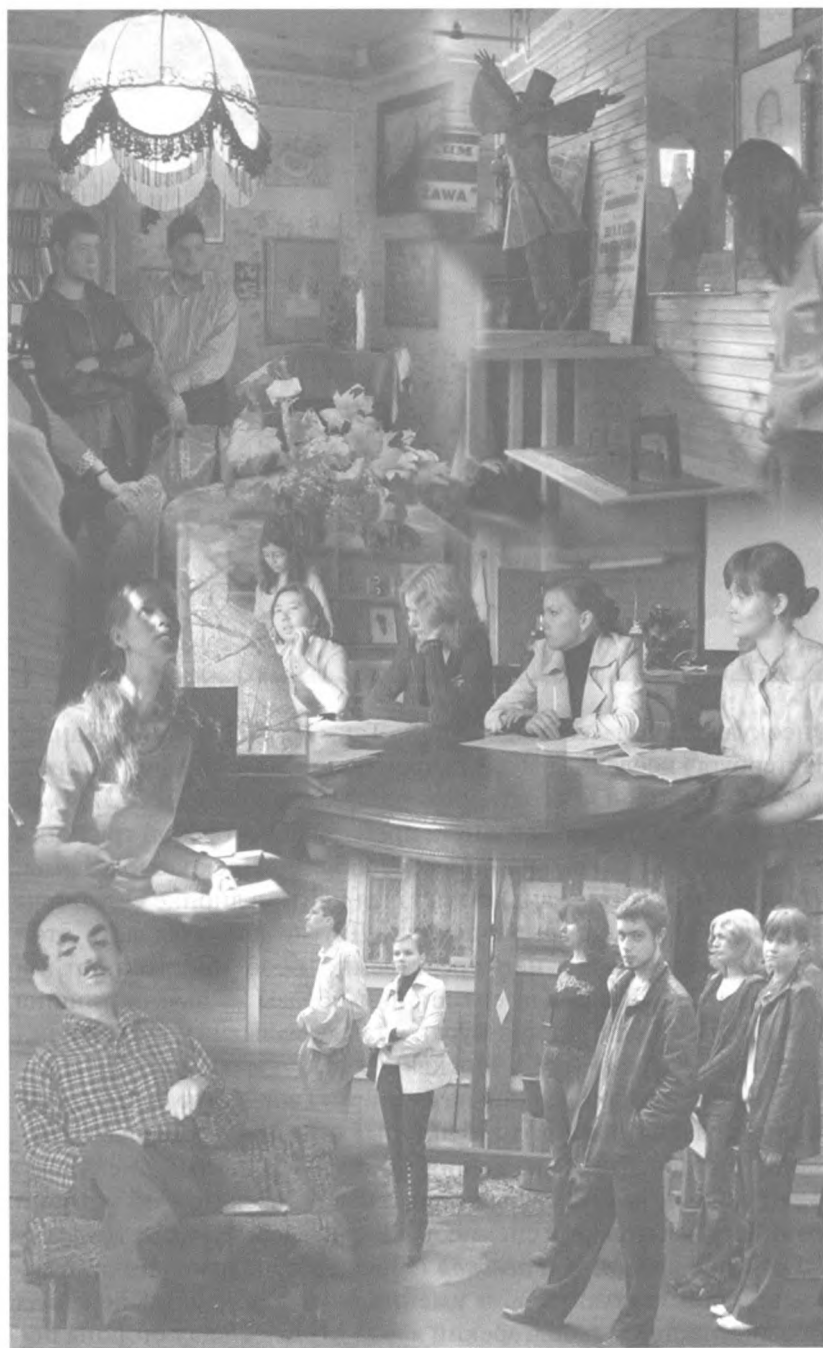
ОКУДЖАВОВЕДЕНИЕ — В МОЛОДЫЕ РУКИ!..

12 апреля 2008 года в Доме-музее (пос. Переделкино) состоялась первая научно-практическая конференция молодых учёных «Булат Окуджавы: проблемы жизни и творчества». Уже само название конференции достаточно многообещающе. Начинаящим учёным — студентам, магистрантам, аспирантам — предлагалось обсудить жизненные коллизии Мастера и его творческие успехи. И, по мнению директора Музея О. В. Арцимович, данное обсуждение должно было выявить, «кто же (из докладчиков) был наиболее близок к Поэту» в своих поисках. Эту направленность конференции подчёркивала и уютная обстановка: доклады зачитывались за большим круглым столом с самоваром в небольшой деревянной гостиной.

К тому же сам статус конференции предполагал не только теоретическое обсуждение. Практическая часть, представленная экскурсией по Музею, просмотром фильмов и мастер-классом видных окуджавоведов — Вл. И. Новикова (к сожалению, так и не приехавшего) и С. С. Бойко, несомненно была призвана углубить знания молодых учёных о жизни и творчестве Мастера.

Заседание было разделено на три тематические части. Первая часть, как это ни странно, была посвящена прозе поэта. Здесь были представлены три доклада, которые были схожи в своей направленности — анализ сквозных мотивов и образов русской классической прозы в творчестве Окуджавы: дуэльная ситуация и «лишний человек» (*И. О. Гуляева*, Н. Новгород), декабристы (*А. В. Тимофеева*, Саратов), встреча с историческим лицом (*С. Ф. Казамбаева*, Астрахань).

Вторая секция — «Поэзия» — включала пять докладов, однако большая их часть опять же представляла собой сравнительные исследования, иногда с явным превалированием

«неокуджавской» составляющей. Так, *Н. В. Аксёнова* (Санкт-Петербург) исследовала окуджавский поэтический фон в повести Л. Е. Улицкой «Весёлые похороны»; в докладе *Д. В. Мосовой* (Н. Новгород) была затронута проблема блоковской традиции в лирике Окуджавы на примере образа Прекрасной дамы; *И. В. Чудасов* (Астрахань) попытался найти в лирике Окуджавы примеры комбинаторной поэзии. Другие два доклада в этой секции затрагивали непосредственно особенности поэтики Мастера, значимые для его лирики образы — звук и тишина (*М. В. Ермохина*, Екатеринбург), а также музыкант, судьба и надежда (*М. Арсуага-Герра*, Москва).

Последний раздел под названием «Творчество Б. Ш. Окуджавы и различные сферы культуры» объединил доклады, связанные с рецепцией наследия поэта в различных дискурсах. Театральный контекст был представлен рассказом об истории создания и бытования спектакля «Вкус черешни» (*Е. А. Артамонова*, Москва). *М. А. Раевская* (Москва) ознакомила с лингвокультурной «ситуацией», а именно — с проблемами перевода поэзии Мастера на болгарский язык. Музыкальная сторона по-

лучила своё отражение в докладе о традициях французского шансона в песнях Окуджавы (*О. Е. Волкова*, Москва). О вкладе поэта в русскую речевую культуру говорилось в сообщении *И. В. Шумкиной* (Самара), исследовавшей цитаты из песен Окуджавы в публицистическом дискурсе.

Несмотря на некую кулуарность конференции и малочисленность её участников, её география, как видим, оказалась довольно представительна: не только обе столицы, но и областные центры — Нижний Новгород, Самара и Саратов, Астрахань и Екатеринбург.

Итогом конференции должно стать издание сборника материалов (но пока эта точка не поставлена).

Привлечение молодых учёных к окуджавоведению — дело безусловно благородное. И остаётся только надеяться, что эта «молодёжная» конференция станет традиционной.

Фото автора

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

По материалам Интернета (2008)

Anons

В театре «Актёр» на представлении «Вкус черешни» зритель сможет попробовать на вкус непростые отношения влюблённых

Двое актёров театра — Ирина Калашникова и Сергей Мельник — сыграют пьесу известного польского автора Агнешки Осецкой в постановке народного артиста Украины Валентина Шестопалова. Сообщает «Київ FM».

Представление расскажет о непростых отношениях двух влюблённых и о том, как избежать их в жизни. Особенного шарма постановке придаёт музыкальное сопровождение.

«Звучат песни Булата Шалвовича Окуджавы и Осецкой. Живой звук и гитара, два исполнителя, которые поют — Сергей Мельник, исполняющий роль мужчины, и Калашникова Ирина, то есть я. Сюжет прост: как мужчина и женщина встречаются в вагоне и при встрече они, как два неизвестных человека, разыгрывают всевозможные ситуации. То их бросает в юность, то их бросает... то ли это фантазии их, то ли это то, что было. Из вагона они уже вышли, взявшись за руки», — сказала Ирина Калашникова <...>

28 января

Хрещатик: Київська муніципальна газ.

<http://www.kreschatic.kiev.ua/ru/>

21 февраля в Краснокамском районе пройдёт первый конкурс имени Булата Окуджавы

Целями и задачами конкурса являются пропаганда лучших образцов патриотической авторской песни, нравственное воспитание молодёжи, возрождение чувства национального достоинства.

Конкурс организуют управления по молодёжной политике администрации района и городского поселения, управление образования. К участию в нём приглашены кружки, клубы, ансамбли, отдельные авторы и исполнители.

Подобный конкурс авторской песни проводится в Краснокамске впервые.

28 января

Пермская Афиша

<http://www.afisha.prm.ru/News/BOkudjava>

Семь дней области

5 марта в литературно-мемориальном музее Ал. Алтаева (деревня Лог, Плюсский район) состоится музыкальный вечер, посвящённый масленичной неделе.

Мероприятие будет организовано для детей Дома милосердия общины священномученика Вениамина Петроградского (деревня Лосицы). Ребята встретятся с участниками хора при церкви Марии Магдалины в Санкт-Петербурге. Коллектив исполнит церковные песнопения, песни на стихи Булата Окуджавы. Среди детей будет проведён конкурс на лучший рисунок, посвящённый масленице. Дом милосердия существует с 2000 года. Его руководителем является инокиня Вениамина. В учреждении воспитываются около двадцати ребят.

/ПАИ/. 5–11 марта

Газ. «Псковская губерния»

<http://www.gubernia.pskovregion.org/>

Лица и звёзды

Фотобиеннале 2008 покажет выставки Варвары Родченко и Николая Лаврентьева

Выставочная программа Галереи А-3 в рамках нынешней фотобиеннале целиком посвящена классике. Сегодня здесь открываются сразу две выставки, по которым можно изучать историю фотографии, — «Ретроспектива» Николая Лаврентьева и «Фотограммы» Варвары Родченко. Увидеть снимки Булата Окуджавы и Константина Симонова, сделанные Лаврентьевым, а также фотографии без фотоаппарата в исполнении Родченко можно будет до 14 апреля.<...>

Нынешняя фотобиеннале представляет отдельную «Ретроспективу» фотографа, на протяжении долгого времени работавшего художественным редактором в издательстве «Советский

писатель». Николай Лаврентьев оформлял книги Арсения Тарковского и Евгения Винокурова, и все писатели и литераторы попадали к нему в кадр. <...>

Е. БЕРНОВСКАЯ, 25 марта

Газ. «РБК daily»

<http://www.rbcdaily.ru/>

«Огонёк» выставит фотографии известных людей

На фотовыставке журнала «Огонёк» будут представлены фотографии известных людей последнего столетия, сообщили РИА Новости в пресс-службе Российской академии художеств, в залах которой 15 апреля откроется экспозиция.

«На выставке можно будет увидеть Николая II на прогулке с сыном, Илью Репина с друзьями в любимых “Пенатах”, Дмитрия Лихачёва в знаменитом ссыльном тулупе, блистательную Майю Плисецкую на репетиции с Морисом Бежаром, Никиту Хрущёва с женой, совершенно беззаботного, дачного Булата Окуджаву, совсем молодого, с гитарой», — отметили в пресс-службе.

Все фотографии, представленные в экспозиции, в разное время были сделаны для журнала «Огонёк» мастерами репортажной и портретной съёмки, среди которых Дмитрий Бальтерманц, Олег Кнорринг, Семён Фридлянд, Лев Шерстенников, Марк Штейнбок, Юрий Феклистов. <...>

6 апреля

ИД «Собеседник»

<http://www.sobesednik.ru/>

Новости культуры Пензы

<...> 27 мая в областной филармонии мастер художественного слова Павел Викман представит свою программу. Она посвящена Булату Окуджаве, с которым артист пензенской филармонии был знаком лично.

«На ясный огонь» — так будет называться музыкальная программа Павла Викмана, в ней прозвучат не только песни и стихи Окуджавы, но и романсы легендарного барда.

16 мая

Пензенская ГТРК

<http://www.penza.rfn.ru/rnews.html?id=10511&cid=7>

Новая драма театра

Завтра начинается фестиваль современной пьесы «Новая драма», который проходит в Москве в седьмой раз. В отличие от экспериментального и сдержанного прошлого года, на этот раз ожидаются не только пьесы и их презентации, но и сами спектакли. Из московских премьер — только две, остальные привозные российские и зарубежные постановки. Однако главное, по словам организаторов, не количество и даже не качество спектаклей. Главное, что современная пьеса, несмотря на сомнения, в пространстве театра всё-таки существует. <...>

В последний день состоится дискуссия, посвящённая пражской весне 1968 г. «Превращения империй и демократий». А непосредственно перед закрытием фестиваля Александр Филиппенко сыграет в спектакле-акции «Демарш энтузиастов», в котором слова Довлатова, Аксёнова, Высоцкого, Окуджавы, Бродского и других становятся просто словами времени. «Новая драма» для этого, собственно, и предназначена — поймать собственное время и рассказать о нём.

Ю. ЧЕРНИКОВА, 19 сентября
Ежедневная электронная газ. «Утро.ru»
<http://www.utro.ru/>

Афиша. Где отдохнуть сегодня вечером в Москве

«Заезжий музыкант». Вечер в честь Булата Окуджавы. Среди участников Ирина Муравьёва, Дмитрий Быков, Алексей Баталов, Альберт Филозов, Олег Погудин, Жанна Бичевская, Галина Хомчик, Ирина Богушевская и др. Концертный зал им. Чайковского, 29 ноября, 19.00. <...>

28 ноября
ИА «Финмаркет»
<http://www.personalmoney.ru/txt.asp?rbr=205&id=1015544>

Post factum

Два поэта в одной телеге.

Сильная художественная метафора — стиль Александра Мочалова

«Сны о Пушкине» — новый живописный цикл художника, с которым можно ознакомиться в рекреационном зале библиотеки имени поэта.

Хотя титульная часть его имеет отношение скорее к Булату Шалвовичу (творчество которого и биография сейчас вообще

на пике исследований. Монография Дмитрия Быкова из ЖЗЛ, к примеру), чем к Александру Сергеевичу. Автору этих строк именно его фирменно «расквადраченный» Мочаловым лик сразу же бросился в глаза, и он с удивлением опознал в нём великого шестидесятника. А после уж Пушкина рядом.

Триптих называется по слову песни Окуджавы «А дальняя дорога...», которая, конечно же, как и гоголевская птица-тройка, есть символ России (это — уровень обобщений Александра Петровича Мочалова, как стало совершенно ясно с прошлого его амбициознейшего проекта «Русское»; на меньшее он, полагаю, уже не подписывается). Триптих, судя по датам написания — с 2003 по 2008-й, — вещь «выношенная» и глубоко продуманная. Презентован был на прошлогодней объединённой выставке кировчан в Московском Доме художника. Сейчас пришло время его домашнего показа.

Итак, Пушкин с Окуджавой в одной телеге. Пушкин, светлый ликом и молодой, правит; Окуджава, старый и умудрённый, спиной к движению, — стало быть, везомый. Он нахохлился, задумался. Ибо, волею судьбы, дожил до седины и уже может всё осмыслить — и свою и пушкинскую эпоху. Образ неожиданный, яркий и вполне прозрачный для понимания, как и общность двух поэтов, как связь времён («...только топот мерный, флейты голос нервный да надежды злые...»).

Это как раз та Картина, по которой тоскует вся кировская школа живописи, специализирующаяся в основном на жанре пейзажа («сумерки, природа...»).

Правая часть триптиха наиболее загадочна. Теперь поэты рядом и почти вровень. Из предметного окружения только полосатый верстовой столб, опять же символ дороги. Воздух ночной, густо-синий. В синхронном жесте рук и лицах поэтов выражено некоторое сложное чувство — то ли почтение, то ли скорбь, удивление. Или всё вместе, что можно испытывать к этому пустынному, мрачному и всё же родному пространству, которое лежит у их ног («где-то под ногами да над головами лишь земля и небо...»).

Но краше всех — молодой Булат Шалвович, который в начале всего, и фон его, наоборот, изумруден. Это лучшее из изображений Окуджавы, которое мне доводилось видеть, включая памятник на Арбате. Без банальностей и, слава богу, без гитары. Взгляд поэта, юный и дерзкий, характерная постановка корпуса, где всё — свобода и любопытство к жизни («ещё моя поход-

ка мне не была смешна...»). Небольшой ростом, он тем не менее подчеркнуто не входит в раму — то есть не вписывается во время. Надо очень любить и знать предмет, чтобы так его смочь изобразить.

Цикл есть цикл, и до своей целостности он был доведён буквально за последний год, ещё десятком небольших сюжетных работ по мотивам жизни поэта (как выяснилось, к тому художника подвигла заведующая отделом искусств библиотеки Алевтина Мошкина). Самое занятное среди них — это Пушкин, одетый русским царём с державной шапкою в руке («Достиг я...»). Посредством своей музыки он как бы властвует над людьми. В другом сюжете, «Сквозь магический кристалл», где Пушкин с дамою, вновь фишка: девушка-то явно с лицом Сашеньки Мочаловой, дочери художника (любимый его приём — близкие люди становятся родной частью живописи и так попадают в историю).

Говорят, что эти небольшие работы пока только эскизы, и из них ещё предстоит вырасти настоящему дереву Пушкинианы Александра Мочалова. А пока это только сны...

М. ЛАЗАРЕВА, 6 февраля

Информ.-аналитический еженедельник «Вятский Наблюдатель»

<http://www.nabludatel.ru>

Московское время Николая Грицюка

Галерея «Старый город» продолжает цикл выставок работ из наследия сибирского классика Николая Грицюка. В этот раз представлена графическая серия «Моя Москва», датированная серединой 60-х годов прошлого века: признание в любви к столице и пронизательное художественное свидетельство жизни мегаполиса.

Николай Демьянович Грицюк для Новосибирска — самая значимая и безусловная художественная фигура, синоним самого понятия «художник». О значимости творчества и личности Николая Грицюка не спорят: одно его присутствие в художественной жизни Новосибирска меняло саму ситуацию, отношение к профессии других художников, расширяло диапазон восприятия зрителей. Но ещё важнее, возможно, были влияние и обаяние его как личности: не случайно о его гостеприимной мастерской до сих пор вспоминают все, кому посчастливилось там побывать. Можно сказать, что и сегодня, через тридцать лет после ухода, он остаётся фигурой примиряющей и объединяю-

шей художественное пространство города. Свидетельство тому — популярность выставок работ художника. Вот и на открытии этой была, кажется, вся художественная элита Новосибирска, а также немало представителей бизнес-кругов.

«Старый город» показывает работы из наследия Николая Демьяновича регулярно. Наследие Грицюка обширно, он, как и полагается большому мастеру, был, говоря современным языком, трудоголиком, и семья художника охотно сотрудничает с галереей, предоставляя для выставок неизвестные или давно не экспонировавшиеся работы. В прошлом году семидесятипятилетие со дня рождения Николая Грицюка «Старый город» отметил большой выставкой акварелей и темпер «Крымская сюита». Та выставка имела резонанс, открытие посетил губернатор области Виктор Толоконский, рассказав, что с художником были знакомы его родители, да и он сам знал о Грицюке с детства больше, чем о любом другом художнике. На открытии той выставки президент Сибирской хлебной корпорации Дмитрий Терешков напомнил, что наследие Грицюка ещё не полностью выставлялось, и пообещал приложить все усилия, чтобы публика увидела и другие работы художника.

Обещание выполняется. Нынешняя выставка открылась не столь торжественно, но публики было ничуть не меньше, а значение выставленной серии работ «Моя Москва» для творчества Грицюка вообще трудно переоценить. Хозяйка галереи Анна Терешкова, открывая выставку, напомнила о значении его творчества для Новосибирска, а вдова художника Валентина Эдуардовна рассказала, как Николай Грицюк работал над серией «Моя Москва»: долго подступаясь к теме, не чувствуя себя достаточно уверенным, чтобы воплотить на бумаге философию города.

Работы (а это большей частью акварельные этюды) датированы серединой 1960-х годов, но и сегодня они смотрятся на редкость современно, если не сказать актуально, — дыхание мегаполиса чувствуется в этих листах, а потоки машин на улицах напоминают сегодняшний автомобильный трафик. Художник предугадал вектор развития города. И по работам чувствуется, что этот будущий динамичный облик города, в котором почти нет места людям, его тревожил.

Но только технологичной стороной московская жизнь Грицюка не ограничивается. В этих этюдах старина сочетается с новизной, и куполов московских храмов едва ли больше, чем новостроек. Нельзя сказать, что такое внимание к русской

старине было в те времена общепринятым, но Николай Грицюк никогда не придерживался массовых течений. И наконец, в работах этой серии есть какой-то трудно определимый, но тем не менее несомненно присутствующий дух шестидесятничества. Грицюк, несомненно, принадлежал поколению шестидесятников, разделял их идеи и устремления. Не случайно ему посвящали стихи Окуджава и Высоцкий (о чем на открытии выставки, кстати, вспоминали). Но, как и любой большой художник, Николай Грицюк не принадлежал целиком, без остатка к этому, пусть и богатому на таланты поколению. Его творчество — и сейчас это ясно — шире поколенческих рамок. Выставка «Моя Москва» это доказывает.

С. САМОЙЛЕНКО, 15 февраля
Региональная деловая газ. «Континент Сибирь»
<http://com.sibpress.ru/15.02.2008/society/87731/>

«Пока я жив, я буду работать для людей»

Вячеслав Зайцев:

— Я полон творческих сил, реализую задуманное, и всё это задуманное значимо. Постарался показать это в своей выставке в музее «Царицыно», где представлены вещи из моих коллекций, картины, графика, имеющие для меня особое значение. Эта выставка отражает и развитие отечественного костюма, и мои собственные, дорогие мне воспоминания. Глядя на то или иное платье, я вспоминаю, как показывал его впервые, как на эти показы приходили мои друзья, которых уже нет с нами, — Булат Окуджава, например. Многие коллекции уже разошлись, даже в фондах моего Модного дома осталось всего несколько моделей. И за каждой из них — история. <....>

В. ГУДКОВА, 7 марта
Газ. «РБК daily»
<http://www.rbcdaily.ru/2008/03/07/lifestyle/327810>

В Москве коммунальные службы начали месячник по весеннему благоустройству

— Ленина? Знаю. Окуджаву с Пироговым и Блока с Прокофьевым тоже, — важно загибал пальцы мужик в оранжевой куртке, выделяющейся среди коммунальщиков, которые собрались на показательную (для журналистов) помывку памятников. — Что ж мне их не знать-то, когда я каждый год их мою!

Но из знаменитых людей, прославивших в разные времена Россию, подрядчик из «Асфальтстроя» Анатолий Плаксин для себя выделяет Окуджаву и Рублёва. Потому что невысокие их памятники удобно в порядок приводить. <...>

Д. ДОБРИНА, 21 марта
Вечерняя Москва. Портал городских новостей
<http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=54737>

Вспомнили Булата
Хорошее дело

В библиотеке «Эврика» Тольяттинской библиотечной корпорации прошёл тематический вечер «Давайте понимать друг друга с полуслова».

Литературно-музыкальная композиция посвящалась памяти Булата Окуджавы. Школьники гимназии № 77 вспоминали жизнь поэта и его творчество. Ребята исполняли любимые многими стихи, вместе пели песни из репертуара известного барда. <...>

Е. АНТОНОВ, 24 марта
«Молодецкий курган». Тольятти
ПРЕСС-ВОЛГА
<http://www.press-volga.ru/>

Путин отказался называть новый сорт тюльпана своим именем

Сочинский селекционер-любитель Николай Ветров посвятил всё своё свободное время скрещиванию и выращиванию тюльпанов. И ему есть чем гордиться: ведь начинал он всего с двух сортов, а теперь в его коллекции более сорока видов! <...>

Практически все сорта названы в честь известных людей: здесь и Булат Окуджаву, и Валерий Леонтьев, и Майя Плисецкая. Но вот назвать прекрасный сиреневый тюльпан в честь Владимира Путина Николаю не удалось: из администрации президента пришёл ответ, что президент благодарен и тронут, но использовать его имя как название сорта цветка крайне не желательно. Пришлось Николаю искать другое достойное имя для нового сорта. Тюльпан отныне зовётся Пол Маккартни, что, согласитесь, ничуть не хуже.

17 апреля
По материалу сайта Вести Северный Кавказ
Аргументы и факты online
<http://www.aif.ru/>

Выдающийся композитор Исаак Шварц сегодня отмечает 85-летие

Сегодня, 13 мая, свой 85-летний юбилей отмечает знаменитый композитор Исаак Шварц, — сообщает ИА «Росбалт».

<...>

В 2000 году Шварцу присуждена Царскосельская художественная премия «За уникальное собрание романсов на стихи русских поэтов XIX–XX веков». Более тридцати романсов Исаак Шварц написал на стихи Булата Окуджавы.

С юбилеем композитора поздравил Президент России Дмитрий Медведев...

13 мая

Информ. агентство «АМИТЕЛ»

<http://www.amic.ru/>

Памяти Булата Окуджавы

На Трубной площади уже в пятый раз проходит ежегодный фестиваль «И друзей созову...»

<...> В этом году на Трубной площади уже в пятый раз проходит ежегодный фестиваль «И друзей созову...» памяти Булата Окуджавы. В нём принимают участие все звезды от бардовской песни. Ну и ещё огромное число артистов, которые боготворят поэта, «за ценой не постоявшего». Началось трогательное действо в память об Окуджаве 9 мая, в театре «Школа современной пьесы». С уличной сцены прозвучали вечные мелодии и стихи в исполнении «молодых да ранних». Вечером имел место быть гала-концерт. В нём выступали уже только звезды — Сергей Юрский, Михаил Козаков, Юлий Ким, Александр Городницкий, Виктор Шендерович... Короткие и не очень сольные номера явно порадовали зрителей. Для концерта на открытом воздухе пришлось установить рамки металлодетекторов: мест, как говорят, было около пятисот(!), а желающих приобщиться к прекрасному гораздо больше. Трубная площадь в течение первых пятнадцати минут песен-плясок заполнилась людьми. К слову, милиционеры, присланные «сохранять порядок» слушали бессмертные творения мэтра с интересом, а кое-кто даже подпевал. Под песню из народного фильма «Белорусский вокзал» «Нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим» праздничная толпа раскачивалась в такт музыке с неподдельными слезами на глазах. Немного грустный и тем не менее светлый праздник на этом событии не закончился, сейчас он, как говорится, в самом разгаре. Каж-

дый день до 25 мая включительно всех поклонников творчества Окуджавы ждут в гости мастера душевной песни. Все они, хотя и абсолютно не похожи друг на друга, в один голос клянутся в вечной любви поэту. Так, в этот раз на фестиваль приедет театральный коллектив из Чикаго «Атриум» — забугорные почитатели Окуджавы покажут спектакль «Посвящается вам». К ним присоединится эксцентричный «Хоронько-Оркестр» из Санкт-Петербурга и обезоруживающая своим очарованием группа «Редкая птица». Ну и корифеи своего жанра, разумеется, продолжают радовать всех желающих. Олег Митяев, Александр Городницкий, Сергей Юрский, Вероника Долина... Список разноплановый, но очень и очень серьезный.

— Мы рады, что уровень фестиваля памяти Булата Шалвовича не снижается, — сказал художественный руководитель и главный режиссёр театра Иосиф Райхельгауз. — В нём принимают участие как мэтры, так и молодёжь. Для тех и других песни и стихи Окуджавы не устарели. Кроме того, появляются новые имена, новые стили. Наша задача не законсервировать жанр бардовской песни, а развить. Слава богу, это удаётся.

Н. ПЕНЬКОВА, 13 мая
Газ. «Вечерняя Москва»
<http://www.vmdaily.ru/>

Столичные власти решили провести реконструкцию Старого Арбата

Программу ведёт Михаил Саленков. Принимает участие корреспондент Радио Свобода Ольга Вахоничева.

Михаил САЛЕНКОВ: В Москве в конце минувшей недели торговцы сувенирами покинули Старый Арбат. На главной пешеходной улице столицы остались только художники и музыканты. Решение о ликвидации на Старом Арбате киосков, торгующих сувенирами, принято правительством Москвы. Отношение к выселению торговцев неоднозначно: одни считают, что это нарушит привычный облик центральной туристической улицы, другие, наоборот, уверены, что Арбат должен выглядеть как во времена Булата Окуджавы.

Ольга ВАХОНИЧЕВА: Выселение торговцев со Старого Арбата — это только часть реконструкции, которую задумали столичные власти. По мнению правительства столицы, сувенирные палатки, стоящие посередине, нарушают вид исторической улицы. Художники и музыканты, которых пока не тро-

гают, не исключают, что и их могут выселить с главной туристической улицы Москвы. <...>

Пешеходной улицей Арбат стал в конце 80-х. Примерно тогда же здесь появились и лотки с матрёшками и сувенирами. Чуть позже на Арбате стали торговать очками, зонтами и прочим ширпотребом. И хотя сейчас власти запретили торговлю вообще, некоторые умудряются, пока рядом нет милиции, выставить свой товар. <...> Член экспертного совета Комитета по строительству, архитектуре и земельным отношениям Государственной Думы Елена Косоренкова закрытие торговли на исторической улице считает справедливым. <...>

Елена КОСОРЕНКОВА: В общем-то, так оно и было, и дело всё в том, что в своё время Арбат представлял из себя такую смесь Европы и Азии. Но в данном случае, когда уже начали появляться товары ширпотреба, типа шампуней и всего прочего, какого-то дешёвого белья, извините, это уже перестало быть художественной ценностью. И в данном случае правительство Москвы приняло абсолютно верное решение, для того чтобы улицу Арбат сделать именно интеллектуальным Арбатом, таким как он есть, с его историческим, литературным, художественным прошлым. И прекрасно сочетается с памятником Булату Окуджаве. А потом, действительно надо было производить, и она была произведена, реконструкция мостовой, замена фонарей, от которых в своё время, по словам Евтушенко (! — *Ред.*), «Арбат офонарел». Нормальная реконструкция и действительно приведение этого места в порядок. Да, хотелось бы, конечно, чтобы художники остались, потому что это история и традиция Арбата.

Ольга ВАХОНИЧЕВА: А вот вице-президент Академии художественной критики, член экспертного совета при главном архитекторе Москвы Алексей Клименко категорически против не только торговли, но и присутствия на Арбате зарабатывающих творчеством.

Алексей КЛИМЕНКО: Не могу не радоваться любому решению, которое направлено на изменение неблагополучия, созданного опять-таки руками тех же самых властей. Поскольку с 1983 года, после этой знаменитой реконструкции, когда «Арбат офонарел», он превратился во что-то совершенно непотребное, совершенно неприличное, с моей точки зрения. Каждый встреченный иностранец спрашивал, как проехать или пройти на Арбат. Потому, естественно, там, где потребность,

там, где поток, там и предложение. И эта торговля приобрела совершенно непристойный характер. Мне, как и Окуджаве, кстати, бывать на Арбате стало совершенно невозможно, просто неловко, стыдно, противно. Это всё превратилось в такой вот аналог того, что называется «измайловская ярмарка», такой кич. <...>

Ольга ВАХОНИЧЕВА: В ходе реконструкции, задуманной властями, на старом Арбате обновят брусчатку и сменят фонари. Это лишь часть перемен, которые ждут главную пешеходную улицу Москвы, которую намерены сделать в старомосковском стиле.

11 августа

Радио «Свобода». Программа «Время Свободы. Свобода в девять»
<http://www.svobodanews.ru/Transcript/>

Кузбасс: в день открытия фестиваля «Бабье лето» появилась мемориальная доска Окуджавы

В городе Юрге Кемеровской области открылась мемориальная доска в честь поэта, писателя, «отца» авторской песни Булата Окуджавы.

На сегодня это единственный знак памяти поэта за Уралом и в Сибири, отмечает пресс-служба администрации Кемеровской области. Мемориальная доска размещена на здании гостиницы «Сибирь». Здесь в 1993 году со 2 по 5 сентября останавливался Булат Шалвович. В то время ему было семьдесят лет. И это был единственный приезд в Сибирь за последние тридцать восемь лет его жизни. В Юрге Булат Окуджаву выступал на сцене Дворца культуры «Победа», отвечал на вопросы горожан.

Инициатором создания мемориальной доски стал культурный центр «Бабье лето». Автором проекта — художник Виктор Аннин. Он придумал эскиз, и сам выполнил его в чеканке.

Мемориальную доску украшает знаменитая строчка из не менее знаменитой песни «Возьмёмся за руки, друзья...». Одновременно, это и девиз популярного в Сибири фестиваля авторской песни «Бабье лето».

Тысячи поклонников этого жанра собрались на берегу Юргинского моря на свой XII Всероссийский фестиваль авторской песни «Бабье лето» (22–24 августа). Среди почётных гостей фестиваля — популярные барды Галина Хомчик, Игорь Саркисов, Сергей Матвеенко, Людмила Катерисова (Москва),

Николай Старченков и Марина Дмитриева (Тюмень), Анна Быстрова (Новосибирск).

23 августа

РИА «Сибирь», Кемерово

<http://www.ria-sibir.ru/>

НАТО — бумажный альянс

Когда начала оседать пыль после конфликта в Южной Осетии — и по мере того, как эта тема всё больше исчезает из заголовков в западной прессе, становится предельно ясно одно. Грузия никогда уже не вступит в НАТО, а следовательно, баланс сил в мире в результате этой маленькой шестидневной войны радикально изменился.

<...>

Это исторический переломный момент. Всё время после распада Советского Союза в 1991 году Запад расширял своё влияние на бывшей территории СССР. Одной из главных точек такой экспансии был Кавказ с его трубопроводами, перекачивающими каспийскую нефть на Запад. Российские войска сегодня в часе езды от этого трубопровода, и Запад ничего не может с этим поделать. Кстати, вызывает большие сомнения и то, что знаменитый противоракетный щит, который российские руководители вполне справедливо называют антироссийским проектом, действительно заработает. Теперь, когда план натовской экспансии заторможен — и не исключено, что навсегда, цель создания однополярного мира, вращающегося вокруг глобальной американской мощи, терпит крах.

Конечно, всё это можно было предугадать ещё давно, стоило послушать песню одного грузина. НАТО сегодня похожа на знаменитого солдата Булата Окуджавы:

Он переделать мир хотел,
Чтоб был счастливым каждый,
А сам на ниточке висел,
Ведь был солдат бумажный.

Джон ЛАФЛЭНД — британский историк, политолог,
директор исследований в парижском Институте
демократии и сотрудничества — для РИА Новости

25 августа

Информ. агентство Trend News

<http://www.news.trendaz.com/>

Самолёт назвали в честь Булата Окуджавы

Ещё один калининградский воздушный лайнер получил имя. Его презентовали в аэропорту «Храброво». Боинг 737 назван в честь поэта, прозаика и сценариста Булата Окуджавы. Теперь в регионе шесть самолётов носят имена деятелей российской культуры. На презентацию последнего лайнера приехала вдова поэта Ольга Окуджавы.

Песни Окуджавы звучали и на лётном поле. Возле Боинга, который прилетел из Коста-Рики. Уже с именем поэта на борту. Воздушный лайнер имеет сто сорок одно посадочное место, отвечает всем современным техническим характеристикам. Теперь его оценила и Ольга Владимировна Окуджавы, хотя, по её признанию, летать она не любит.

Ольга Окуджавы, вдова Булата Окуджавы: «Вот эти строки Булата — “о, надежда, ты крылатое такое существо” — ну, конечно, как совок, я никогда не могла и мечтать о том, что доживу до того времени, что будет самолёт назван именем моего мужа».

Связано имя поэта и с Калининградом. Булат Окуджавы — автор многих известных песен для кинофильмов, спектаклей, радиопостановок, в том числе он написал и песни для фильма «Женя, Женечка и “катюша”», съёмки которого проходили в нашем городе. И сам Окуджавы был тогда в Калининграде. Так что увидеть имена деятелей культуры, связанных с городом, на борту воздушного лайнера можно всё чаще.

Сергей Грищенко, председатель совета директоров ОАО «КД авиа»: «Вчера мы сидели, проводили вечер под гитару, и у меня родилась идея с женой Окуджавы — следующий самолёт назвать Владимир Высоцкий».

Сейчас песни Окуджавы считаются классикой, многие поколения выросли на них. Приехали в Калининград на презентацию Боинга представители Фонда и музея Булата Окуджавы, известный бард Галина Хомчик. Песни Окуджавы певица обязательно включает в свой репертуар.

Галина Хомчик, артистка: «Я на них выросла, и я на них воспитывалась и продолжаю воспитывать себя и своего сына».

Долго авиалайнер на взлётном поле не задержался. Прямо во время презентации стальной «Булат Окуджавы» взял курс на Лондон.

1 сентября

Калининградская телевизионная радиовещательная компания
<http://www.kaliningrad.rfn.ru/>

КРО КПРФ подвело черту за два года работы

Коммунисты Зауралья 20 сентября на очередной отчётно-выборной конференции подвели итоги за два года работы и пришли к выводу, что партия в регионе за это время «одержала важную моральную и политическую победу» на президентских выборах. В то же время выяснилось, что в КРО КПРФ снизилась численность рядов, появились раскольники, с которыми либеральничает ЦКРК, и приходится экономить деньги даже для проведения пленумов обкома. Подробности — в материале побывавшего на конференции корреспондента экспертного канала «УралПолит.Ru».

Конференция в камерном зале областной филармонии собрала 87 делегатов из 99, часть из них опоздала, и первый секретарь обкома Василий Кислицын начал форум с просмотра фильма — нарезка кадров про акции активистов шла на фоне песни Окуджавы из фильма «Белорусский вокзал» про «огонь смертельный», дым над Родиной и то, что «нам нужна одна победа».

Как уже сообщал «УралПолит.Ru», эту песню политтехнологи давно приспособили для сплочивания любой российской аудитории, а партийной — в особенности, что неоднократно доказано на примере тех же единороссов в последние две избирательные компании.

Но песни не всем помогают. Коммунисты трезво понимают — стать партией власти им не удастся. Поэтому они очень довольны итогами президентских выборов. Они стали второй по популярности после «Единой России» партией в регионе. <...>

22 сентября

Экспертный информ. канал «УралПолит.Ru»
<http://www.uralpolit.ru/>

Подвиг «Бумажного солдата»

Он не испугался гениальности своего отца и пошёл по его стопам. Искал свой собственный, ни на кого не похожий язык кино. В итоге его третий полнометражный фильм — «Бумажный солдат» получил одну из самых престижных кинонаград, и весь мир узнал, кто такой Алексей Герман (младший)<...>

Окуджава из детства

— Чтобы назвать фильм цитатой из Окуджавы, надо вырасти на нём. Любимый бард?

— Окуджава шире и важнее, чем категории «любимый» — «нелюбимый». Это часть разнообразного культурного слоя

детства. Как всякий интеллигентный ребенок, с детства я слушал бардов. В нашей семье Окуджаву считали не только бардом, но и крупнейшим поэтом. Одной из наиболее значимых фигур отечественной культуры второй половины XX века...

О. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 25 сентября
Общенациональная еженедельная газ. «Россия»
<http://www.russiannews.ru/>

В вагоне московского метро... показали спектакль

Впервые в истории московского метрополитена вчера состоялась премьера спектакля в движущемся поезде. Действие происходит в конечном сдвоенном вагоне состава «Русич». Артисты со зрителями занимают лишь один вагон. В остальных вагонах едут обычные пассажиры.

Состав отправляется от станции «Арбатская» Филёвской линии, доезжает до «Кунцевской», некоторое время находится там и возвращается на «Арбатскую», сообщает радио «СИТИ-FM» со ссылкой на Интерфакс. Спектакль называется «И выбери жизнь». Это постановка режиссёра Вячеслава Спесивцева, основанная на произведениях писателя-сатирика Михаила Задорнова. В течение всего спектакля звучат песни Булата Окуджавы. Вопрос графика его дальнейших показов ещё будет решаться. <...>

29 сентября
Тюменская региональная интернет-газета «Вслух.ру»
<http://www.vsluh.ru/>

Constantia

Давайте обниматься!

Оказывается, есть праздники, которые подходят не всем. Вернее не так. Нет таких праздников, которые бы не подходили каждому человеку, если они приносят радость. Но только один из международных праздников мог бы быть назван в честь особого человека — Булата Окуджавы. Это Международный день объятий, который во всём мире отмечается 21 января. <...>

Приятельские объятия сближают и усиливают взаимопонимание, деловые подтверждают сотрудничество, дружеские — поддерживают и вселяют веру в себя. <...>

При чём же тут Булат Окуджава? Да всё очень просто. Мы часто здороваемся строчками Окуджавы, обнимаемся его

строчками, мы протягиваем ими руки друг другу, мы поём их, когда нам горько, или хорошо, или одиноко, или светло, когда мы становимся лучше, чем есть на самом деле. И именно он, этот невысокий, постоянно смущающийся человек написал прекрасный гимн любви, слова которого как нельзя более подходят Международному дню объятий:

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.

Высокопарных слов не стоит опасаться.

Давайте говорить друг другу комплименты —

Ведь это всё любви счастливые моменты.

М. СВЕШНИКОВА, 21 января

Страна. RU

<http://www.strana.ru/>

Подготовил В. ЮРОВСКИЙ

СТРАННАЯ ИНОСТРАННАЯ КНИГА¹

Странности в этой книге начинаются прямо с титульного листа. На нём в уменьшенном виде воспроизведено фото с обложки прижизненного сборника Б. Ш. Окуджавы «Милости судьбы». В этом, конечно, ничего странного нет, но ниже приведены даты рождения и кончины автора, что абсолютно неуместно на титульном листе. Собственно, только по последней из этих дат можно определить, что книга издана после июля 1997 года. Никаких других стандартных сведений (об издательстве, месте и годе издания, составителе сборника, тираже) ни на титульном листе, ни на других страницах — нет. Вместо этих обязательных данных на обороте титула приводится следующая аннотация:

Сборник содержит более двухсот текстов песен Булата Шалвовича Окуджавы, в том числе малоизвестные песни и зонги к спектаклям «Вкус черешни» (А. Осецкая) и «Похождения Шипова» (Б. Окуджавы). Книга снабжена алфавитным указателем и оригинальными иллюстрациями.

К последним словам следовало бы добавить: «неизвестного художника». Но мы этого делать не будем, поскольку, кроме примерного числа включённых в книгу произведений (*более двухсот*), и так всё неизвестно. Впрочем, одна «подсказка» всё-таки имеется. На последней странице обложки напечатано: «Цена 30 шек.» (читай — тридцать шекелей), что указывает на место, вернее страну, где печатали и, видимо, продавали это издание, — Израиль.

Булат Шалвович неоднократно, начиная с 1987 года бывал в Израиле: и сам по себе, и в составе писательских делегаций; выступал там с концертами, публиковался в газетах и журналах. После его смерти в этой стране уже в октябре 1997-го был создан Фонд Окуджавы, почти ежегодно проводящий мемориаль-

¹ Окуджавы Б. Ш. ...Сочинилось как-то так, само собою, что-то среднее меж песней и судьбою...: [Песни Булата Окуджавы. Б. м.: Б. и., Б. г.]. 216 с. Тир. не указан.

ные вечера и фестивали, посвящённые его творчеству.

Что касается изданных в Израиле на русском языке книг поэта, то нам известен лишь небольшой прижизненный стихотворный сборник «Избранное»², на обложке которого помещён известный фотопортрет работы В. Плотникова, такой же, как на книге «Песни Булата Окуджавы» (М., 1989). Кстати, на корешке рецензируемого издания также напечатаны слова «Песни Булата Окуджавы». Однако ни на её титульный лист, ни на обложку они не попали.

В книге, как было «обещано» аннотацией, 212 текстов. В том числе 159 авторских песен; 45 песен, написанных на стихи поэта разными композиторами (в основном, И. Шварцем, но также В. Гевиксманом, А. Журбиным, В. Левашовым и др.), а также 8 стихотворений, имеющих, на наш взгляд, особый статус: «Я жалею собак с нашей улицы...», «Мой город засыпает...», «Король ушёл на пенсию...», «Русского романса городского...», «Дорожная песня» («Под копытами снег голубой примят...»), «Не каждому поэту удача выпадает...», «В районной пивной на сквозном ветерке...», «Витя, сыграй на гитаре...».

Дело в том, что первые два из названных стихотворений в сборнике «Милости судьбы» (М., 1993) включены Окуджавой в раздел «Песенки из самого начала», а следующие пять — в раздел «Песни к спектаклям и кинофильмам». Тем не менее, эти произведения (кроме текста «Мой город засыпает...») до сих пор известны только как стихотворения, исполнение которых ни автором, ни другими исполнителями в спектаклях или кинофильмах звукоархивистами и библиографами не обнаружено. Относительно стихотворения «В районной пивной на сквозном ветерке...», имеющего в авторских сборниках название

² Окуджава Б. Избранное. Тель-Авив, 1995. 196 с. Обл.; малый формат. И здесь никаких сведений о себе издатели не печатают. Обложка «Избранного» воспроизведена в «окуджавском» выпуске журнала «Цитата» (М., 2006. № 5–6. С. 68).

«Последний пират», заметим, что нам ничего не известно ни о музыке к нему, ни о каком-либо его исполнении.

Не до конца ясна ситуация с песней «Витя, сыграй на гитаре...», обращённой к Виктору Фогельсону. Хотя она опубликована (с нотами!) в уже упомянутой книге «Песни Булата Окуджавы», но как песня имеет, видимо, сугубо частный характер. Возможно, она, будучи однажды исполнена, разонравилась автору. По крайней мере, запись её авторского исполнения также не известна. Кстати скажем, что Л. А. Шилов, составитель книги «Песни Булата Окуджавы» (1989), где она впервые была напечатана, ответил отрицательно на наш вопрос, слышал ли он когда-нибудь эту песню. А на следующий вопрос о том, как же, в таком случае, она попала в составленную им книгу, ответил: «Это композитор записал...». Здесь имеется в виду А. Э. Колмановский, подготовивший нотную запись всех включённых в книгу песен. Другой участник работы над книгой, художник Сергей Авакян, недавно сообщил, что на заключительном этапе подготовки издания Булат Шалвович предложил включить в него несколько новых песен (кроме вышеназванной, С. Авакян припомнил и песню «Что ж вы дремлете, ребята...») и передал составителю их тексты, а позже, возможно, напел их мелодии и (или) предоставил фонограммы, с которых они и были записаны А. Э. Колмановским.

Последнее стихотворение из этого ряда «Мой город засыпает...» в 1977 году было положено на музыку Виктором Берковским. Судя по повторам отдельных строк, характерных именно для его песни, в рассматриваемой книге текст приводится по «композиторской» фонограмме, поскольку в публикациях Окуджавы таких повторов нет.

Идея отдельного издания, включающего только песни Б. Ш. Окуджавы, конечно, не нова. Первое такое издание было опубликовано небольшим тиражом (до 100 экземпляров) в 1984 году. Оно входило в состав одиннадцатитомного собрания сочинений, подготовленного архивистами московского КСП³. Как уже известно, кроме автора, этот том получили участвовавшие в работе над ним и немногие клубные активисты, но за прошед-

³ Окуджава Б. Песни: [Т. 2] / Сост. Д. Соколов, В. Акелькин // Окуджава Б. Собрание соч. [В 11 т. / Подгот. кол. под рук. А. Гербовицкого]. М.: Моск. клуб самодееят. песни, 1984. 264 с. Об этом издании подробно см.: Юровский В. В единственном экземпляре: О юбилейн. собр. соч. Б. Окуджавы // Голос надежды. Вып. 5. М., 2008. С. 353.

шие годы книгу, поскольку она уникальна, кто-то из почитателей поэта, видимо, постарался скопировать. Это ясно подтверждает израильская книга, так как одним из источников её текстов и проставленных дат их создания точно является указанный самиздатский том «Песни». Другими двумя источниками и составными частями (почти как в названии хрестоматийной ленинской статьи) послужили уже упоминавшиеся сборники «Песни Булата Окуджавы» и «Милости судьбы».

Чтение книги показывает, что сделана она совершенно не профессионально. Возможно, один из бывших каэспешников, ныне живущий в Израиле, набрал на компьютере для себя сборник песен любимого автора, а затем не смог отказаться от предложения его растиражировать с коммерческими целями (тридцать шекелей на рубеже столетий — это около десяти долларов).

Также совершенно ясно, что никто, кроме самодеятельного верстальщика, эти тексты, по-видимому, не читал. Наверняка внимательный редактор убрал бы из вёрстки множество грамматических ошибок, заменил бы искажённые слова на авторские (например, «станет туго», на «станет худо» в «Песенке о Лёнке Королёве»), вставил бы пропущенные и недостающие слова и строки (от одной строки в «Первой песне Буратино» до 15 строк в «Эпиллоге» цикла песен к спектаклю «Похождения Шипова...»), добавил бы выпавшие частицы и знаки препинания, убрал бы часто встречающиеся пробелы перед запятыми и точками.

В результате в этой книге текстов, содержащих ошибки, опечатки, потери строк и строф, другие неточности, значительно больше, чем напечатанных безошибочно. Обнаруживать в книге курьёзные опечатки типа «он усы в усмешку прячет» («Песенка про Чёрного кота»), читать «оборванец», вместо «ординарец» («В районной пивной....») и «простите, господа», вместо «простите, города» («Не тридцать лет, а триста лет...»), или «негде разгуляться в нём войне», вместо «негде разгуляться в нём волне» (одна из песен к мюзиклу «Приключения Буратино») — совсем не смешно, а досадно. Горько за искажённые тексты поэта.

Безусловно, дело не столько в самодельной иностранной книге, сколько в нерешённости более общего вопроса: где же взять внимательного и неторопливого редактора? Ведь практика изданий сборников поэта последних лет в крупных и средних отечественных издательствах («Эксмо», «АСТ», «Зебра Е» и других) показывает, что альтернативы «бегунам на длинные дис-

танции», редактирующим и выпускающим в свет одновременно несколько книг, а затем их же переиздающим вместе с ошибками и опечатками, — пока нет.

По большому счёту, редактору, как и составителю, начинающему работу, к примеру, над книгой песен Окуджавы, хорошо бы иметь перед глазами некий эталонный источник, в котором, как минимум, была бы приведена окончательная авторская редакция каждой из песен, а в примечаниях перечислены варианты строк и строф в хронологической последовательности их появления. Таким источником, по сути, должно было бы стать издание стихотворений и песен Окуджавы в академической «Библиотеке поэта». Однако известное издание 2001 года по своему содержанию слишком далеко от любого эталона. В его текстах и справочном аппарате, на наш взгляд, объединено, вернее перемешано, множество верных и ошибочных сведений, из-за чего пользоваться им при цитировании, без проверки по первоисточникам, следует крайне осторожно.

Достаточно часто в вышеупомянутых нами изданиях-первоисточниках (и не только в них) одни и те же песни напечатаны по-разному, и выбор неизвестного составителя «нашей» книги — случаен. Кроме того, некоторые из источников не свободны от разного рода ошибок и неточностей. Все они (в добавление к собственным ошибкам), увы, тоже перенесены в израильский сборник, который своим появлением в очередной раз лишь подтверждает необходимость решения текстологических вопросов, неоднократно ставившихся нашим альманахом.

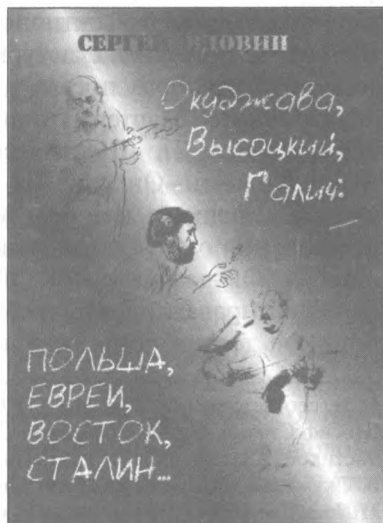
Виктор ЮРОВСКИЙ

В ОЖИДАНИИ СОСО, или ФИЛОЛОГИЯ ПОД ПУБЛИЦИСТИКОЙ

Неисповедимы пути муз. Садится писатель за стол сочинять про Фому, а о ком выйдет — это ещё бог знает — может, про Ерёму, или Федота, или Якова... или Иосифа. Вот и Сергей Витальевич Вдовин вознамерился написать книгу с загадочным подзаголовком «филология с публицистикой» о бардах — об Окуджаве, Галиче и Высоцком — а вышла у него книга... о Сталине! *Мудром, родном и любимом*¹.

Читатель удивлён? Да уж, сталинизм — среди «бардоведов» явление, мягко говоря, экзотическое. Ведь аудитория авторской песни, как и её создатели, — это всё больше шестидесятилетняя интеллигенция и люди, разделяющие её ценности. А если вспомнить, какими недвусмысленными эпитетами и «портретами» почтили «кремлёвского горца» Окуджаву, Высоцкий и Галич, то ясно как день: если уж ты друг «лучшего друга», то наверняка — враг бардов! Ан нет, бывают исключения. С. Вдовин — и бардам друг, и «отцу народов» верный сын.

Зачем уважаемый литературовед совместил науку со столь сомнительной публицистикой? Ну, начнём с того, что вопрос сформулирован неточно. Он

¹ Вдовин С. Окуджаву, Высоцкий, Галич: Польша, евреи, Восток, Сталин...: (Филология с публицистикой). Александров: Вересковый мёд, 2008. 180 с. Тир. 150 экз.

не совместил, он — з а м е с т и л. Читатель давно знает Сергея Витальевича Вдовина как автора содержательных статей о творчестве Окуджавы и Высоцкого, он исследователь наблюдательный и кропотливый, то есть не случайный человек в филологии. Все главы книги раньше публиковались: три вышли отдельными брошюрами, и ещё одна — пятилетием раньше — в составе авторитетного сборника².

Но потом появился ещё один С. В. Вдовин, и этому другому очень не нравится современная жизнь. Что ж, и впрямь не красавица. Зарплаты низкие, цены высокие, коррупция, безнравственность, утрата позиций в международной политике... Стало этому другому С. В. Вдовину обидно за себя, а ещё больше — за державу! И, как многие менее учёные его соотечественники, он нашёл одно сугубо наркотическое лекарство от своей обиды — миф о Сталине, гениальном отце нации, при котором право на гордость имели все — от Иосифа Виссарионовича до Ивана Денисовича.

Так явился на свет Вдовин-публицист и стал стараться перекричать Вдовина-филолога. Если у рецензируемой книги найдётся внимательный читатель, он заметит, что второй не сразу сдался первому. Никто не скажет, что в книге С. Вдовина нет филологического содержания. В первых главах автор подтверждает своё умение эффективно сопоставлять литературные факты, видеть органику культурного контекста. Например, когда сопоставляет образ поезда у Галича с ладьёй Харона (с. 15), окуджавского «Мастера Гришу» с песенкой из комедии «Первая перчатка» (с. 22), «Шестидесятников Варшавы» того же автора — с X главой «Онегина» (с. 24), «китайские» песни Высоцкого — с «мрачным юмором Маяковского» (с. 69). Интересны наблюдения о функционировании эпитета «золотой» в стихах и песнях Окуджавы (с. 108–109).

Но справедливость требует отметить, что эти исследовательские достижения соседствуют со странной небрежностью

² См. соответственно: *Вдовин С.* 1) Ну что, генералиссимус прекрасный...?... (Иосиф Сталин в поэзии Окуджавы, Высоцкого, Галича). Филология с публицистикой. Александров: Вересковый мёд, 2007; 2) Еврейские мотивы в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Галича: (Опыт сопоставления). Там же, 2007; 3) Про Мао Цзе-дуна, индийских йогов, слонов, узбекские дыни и турецкий плов...: (Восток в стихах Высоцкого и Окуджавы). (Филология с публицистикой). Там же, 2007; 4) Польские мотивы в поэзии Окуджавы, Высоцкого, Галича // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 5–24. (Прил. к VI вып. альм. «Мир Высоцкого»).

выполнения литературоведческой работы. Свои толковые наблюдения и гипотезы С. В. Вдовин не старается развить, не пытается основать на них дальнейшие тезисы и рассуждения, не учитывает в выводах. Его текст в целом не выходит за рамки «перечислительно-описательной методики», автор видит раскрытие темы в том, чтобы сложить в отдельную кучку все «полонизмы», «ориентализмы», «иудаизмы». Причём отбор ведётся весьма формально. «Месткомовские скрипочки» по вине Шопена попадают в польскую корзину. Иные умозаключения отдают школьной банальностью: «Читая, мы ощущаем мысли и чувства, позицию поэта» (с. 49). Стиль украшают такие стразы, как «дар стихотворного версификаторства» (с. 164), «ГУЛАГ и т. д.» (с. 146).

Техническое исполнение книги тоже далеко от совершенства. Литературные тексты цитируются не по указанным изданиям, а, видимо, по памяти. Только на одном развороте (с. 12–13) — в стихе «Там в выгребной яме» пропущена запятая, в стихах «...А мне-то, а мне что делать?!» и «И в том же горю пожаре!» появились лишние восклицательные знаки. Наверное, автору показалось, что Галич высказывается недостаточно энергично. Кстати, ООО «Графика» открестилось не только от содержания книжки, но и от макета! Не удивительно: ни одно уважающее себя издательство не станет набирать текст с отступами после каждого абзаца (что принято только в интернете) или именовать столетия нелепыми индексами *У11*, *У1* (с. 65), словно это модели стрелкового оружия или несчастные соседи Ивана Шухова.

Отчего же уважаемый автор стал таким рассеянным? Думаю, С. Вдовину стали просто неинтересны все эти литературные и издательские тонкости. Филолога поторапливал публицист, чающий высказаться в последней главе. Эта глава, собственно, и посвящена Сталину. Здесь автор преображается и демонстрирует глубокое соответствие темы, стиля и жанра: в главе содержатся не только славословия Вождю, но также длинный перечень врагов! Вот тут уж публицист не забыл никаких деталей, всё *приметил и взял на карандаш*. Досталось от Вдовина каждому, кто показался ему виновником (или символом) современной разрухи — и Ельцину, и Зурабову, и Чубайсу (разумеется!), и Хрущёву (а как же!), и его «пресловутой борьбе с культом личности» (с. 142), и «российской либеральной приبلуде», которая «кормится с руки дяди Сэма» и «поёт с его голоса» (с. 123), и «толпе у Белого Дома, с дармовой водкой и жрат-

вой, упиравшейся против ГКЧП» (с. 132)... Всыпал им Вдовин большого публицистического кнута. Как явствует из приведённых цитат, публицистический стиль Вдовина хлёсткий, зубо-ломный: «Кретины от политики, национал-предатели — ставропольский пустобрёх и свердловский бульдозер» (с. 123). Как не заметить школу мастеров — Ильича и Виссарионыча? Ну а Путину, Лаврову, Шойгу, Патрушеву наш публицист раздал маленькие пряники. Авансом.

Постойте-постойте! — воскликнет встревоженный читатель. — Если С. Вдовин взялся прокурорствовать, составлять списки друзей и врагов, то — страшно спросить — куда же попали наши любимые барды?! — Граждане, не надо так волноваться. Если эти самые Окуджавы, Высоцкий и Галич ни в чём не виновны, то им просто ничегошеньки не угрожает!

Автор книги, бардовед и тиранолюб, честно старается примирить две свои симпатии. Но, право, лучше бы и не старался. Ведь это *две вещи несовместные* по определению. Поскольку С. Вдовин изначально убеждён в непогрешимости и величии Вождя, то разбор сталинской темы бардов приобретает у него гаденькую оправдательную тональность. Великодушный Вдовин выступает адвокатом неразумных бардов в их нелюбви к Сталину. В старое время похожий тон брали советские критики в предисловиях к зарубежным классикам. Мол, не будем строго судить этого Тенниси Уильямса за то, что Бланш и Вэл не объединяются в борьбе против социального зла. Он же *научность марксистскую не пестовал*, посочувствуем прогрессивному, но дикому американцу. Например, для Окуджавы Вдовин находит такое нехитрое оправдание: «У Булата Окуджавы к Сталину — личные счёты!» (с. 126); «слишком рано политика вмешалась в его жизнь» (с. 137). Значит, если отца убили сталинские соколы, то этот непосредственный опыт лишает сына возможности судить о политическом режиме?! Разве не наоборот? Разве личное участие, причастность, присутствие не придают вескости и верности суждению?! С. Вдовину так не кажется. Он же п у б л и ц и с т, а не репортёр. К тому же, в отличие от упомянутого прогрессивного американца, С. Вдовин *сознательный марксист* и почитает правильным воздвигать абстракции выше фактов, «объективное» выше «субъективного», «историческое» выше человеческого. И с высоты такой диалектики он мудро прощает Окуджаву и Высоцкому их *абстрактный гуманизм*.

Но даже могучее великодушие С. Вдовина, *самое гуманное в мире*, имеет границы. Можно снисходить к детским шалостям гражданина Окуджавы и гражданина Высоцкого, но вот гражданина Галича Вдовин никак не может простить. Адвокат превращается в обвинителя. Правда, прокурорская речь Вдовина не оригинальна, это пересказ упрёков, звучавших в 1972 году в кабинетах Союза писателей в «процессе исключения». Вдовин возмущён тем, что Галич-то не воевал, а пишет о войне! Тем, что Галич — «конформист, жуир и бонвиван» (с. 152), а критикует советскую действительность. Тем, что «при треклятом Сталине питался отнюдь не плавлеными сырками “Дружба”» (с. 155). *До чего ж всё, братцы, тошно и скушно!* И через сорок лет присяжная честь и совесть не знает высшей истины, чем отец-хозяин. Цепная мораль С. Вдовина искренне негодует: Окуджаву хозяин обижал — он кусался. Это понятно. Но Галичу хозяин давал отборные кости! — а тот кусался всё равно — какая низость! какая подлость! Надо бы разобраться, откуда этот гражданин Галич знает, что такое *КВ коньячок? А балычок?* А, прости господи, *печенье «Салют»?! Э-ге-ге, так вы, гражданин хороший, с палачами «хлебали из одного котла»!* (с. 156).

Браво, Сергей Витальевич! Вы *проявили бдительность*. По законам жанра, теперь надо написать печатными буквами... вы хорошо знаете куда.

И вот проступает сквозь черты публициста С. Вдовина бесмертный обыватель Кузьма Кузьмич Кузьмин... Всё яснее узнаётся в публицисте «любимый антигерой» барда — тот надутый ревнитель порядка, потребитель ветчины и великих идей, исторический эгоизм которого сотворил и Сталина, и Гитлера, и всех тиранов.

— Был порядок! — говорят палачи.
— Был достаток! — говорят палачи.
— Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи.

На слово «обыватель» С. Вдовин не обидится, это его собственная характеристика: «не сталинизм, а нормальное сознание честного обывателя» (с. 161). Вот именно, обывателя! Дайте мне хлеба, масла и гордость! Это н о р м а л ь н о. А я послужу верой и правдой руке дающей. Это ч е с т н о. И подлинно, это сознание *обывателя*, которого Галич описал и назвал подобающими словами. Какими? Вот тут, боюсь,

С. В. Вдовин обидится, но пардон, из песни слова не выкинешь: *безгрешный холуй!* Ну как было не рассердиться С. Вдовину на гражданина Галича?

В заключение ещё раз процитируем нашего публициста:

«Говорят, что в XX веке Бог отвернулся от России... Но она была спасена... дьявольским умом, запредельной энергией, стальной волей Иосифа Джугашвили, падшего ангела русской истории, сына осетина и грузинки» (с. 171) — такой патетической кодой завершает свою книгу о бардах С. Вдовин. Тут мне вспомнился Том Уэйтс в фильме «Дракула», взывающий к своему бессмертному повелителю: «Master! Master! Master!» Понимает же С. Вдовин, что поклоняется дьяволу, *ведает, что творит!* — но слишком нестерпим соблазн так вот одним махом спасти... нет, не Россию, куда там... а банальную гордость обывателя. Благо, цена грошовая:

— Чернила! — ответил он.

Не скромничайте, Сергей Витальевич, вы настоящий сталинист. И этим погубили в себе филолога.

Я бы никому не советовал читать эту книгу, потому что есть такие случаи, когда на человека не нужно смотреть, а тактичнее отвернуться.

Станислав СВИРИДОВ

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О ПОЭТЕ¹

Выход книги Р. Ш. Абельской — событие для окуджавоведения чрезвычайно важное. Основанная на кандидатской диссертации, защищённой в 2003 году в Уральском госуниверситете², и дополненная по сравнению с диссертационным текстом новыми разделами (например, неожиданным и насыщенным разделом о еврейских аллюзиях в творчестве поэта, в том числе о сделанных им в 1988 году малоизвестных поэтических переводах с иврита), она представляет собой первую монографию о лирике Окуджавы и самим фактом своего появления по-своему закрепляет его статус как классика нашей словесности.

Монография посвящена выявлению историко-культурного генезиса окуджавской поэтики — и в этом смысле название диссертации было точнее («Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности»; курсив наш); знаменитая строчка из песни «Я пишу исторический роман» хотя и не противоречит сути книги, даже прихотливо-ассоциативно отвечает ей, но очень уж она расхожая, «расцитированная», да и придаёт строгой монографии вовсе не обязательный для неё налёт «журнализма». Впро-

¹ Абельская Р. Ш. Каждый пишет, как он слышит: Поэтика Булата Окуджавы. Екатеринбург: УГГУ: УПИ, 2008. 256 с. Тир. 200[+100] экз.

² Читатели альманаха знакомы с отзывом официального оппонента на её защите: Минералов Ю. И. // Голос надежды. Вып. 3. М., 2006. С. 372–375.

чем, выбор названия — право автора. «Каждый пишет, как он слышит».

С некоторыми материалами монографии заинтересованный читатель уже знаком — по публикациям и в альманахе «Голос надежды», и в других научных изданиях³. Теперь есть возможность оценить труд исследовательницы в целом.

Монография состоит из трёх глав: «Генеалогия песенности», «В диалоге с предшественниками и современниками», «Песенное и поэтическое: архитектоника гармонии». Думается, не будет обидным для второй и третьей глав (безусловно интересных, о чём мы ещё скажем ниже) отметить как особенно важную и принципиально новаторскую первую главу, где рассматриваются п е с е н н ы е истоки творчества Окуджавы: массовая советская песня, русский романс, песни войны, «блатные» песни, традиционный фольклор. Дело в том, что филологи, оказавшись перед феноменом авторской песни, склонны зачастую подходить к ней с традиционной литературоведческой меркой: вот традиция пушкинская, а вот толстовская — бери, прикладывай, видишь, как складно и уютно получается. А уж Окуджава, с его гусарами и кавалергардами, вроде бы как никто другой располагает к такому филологическому комфорту (коему, нужно признаться, отдал дань и автор этих строк).

Так вот, Р. Ш. Абельская, не пройдя (во второй главе) и мимо Пушкина, начинает всё же не с него, а с того, что Окуджаве было хронологически ближе — с демократичного песенного искусства двадцатого века. Прочитовав и постоянно держа в уме замечательную фразу Н. Коржавина «Булат... подбирает то, что валяется у всех под ногами», автор книги наполняет её богатым историко-культурным содержанием. Оказывается, многие образы и мотивы лирики поэта имеют «низкое» происхождение. Например, *костюмчик серый-серый* попал на плечо окуджавского лирического героя из «блатного фольклора» («Костюмчик новенький, ботиночки со скрипом // Я на тюремные халаты променял» и т. п.), а строчка *И тихим голосом пою* из той же песни поэта возникла как отголосок популярной в се-

³ См., например: *Абельская Р.* 1) «На мне костюмчик серый-серый...»: Поэтика Б. Окуджавы и блат. песня // *Голос надежды*. [Вып. 1]. М., 2004. С. 146–165; 2) «Не бродяги, не пропойцы, за столом семи морей...»: (Окуджава, Киплинг, Гумилёв и др.) // Там же. Вып. 3. С. 336–358; 3) Ах, это, братцы, о другом...: Совет. песня и её значение для формирования поэтики Булата Окуджавы // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. Материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 2003. С. 265–277.

редине двадцатого века песни про одессита Костю из фильма «Два бойца» (её пел Марк Бернес): «...И Константин берёт гитару // И тихим голосом поёт» /см. с. 74/.

Таких заимствований Р. Ш. Абельская обнаруживает немало, но дело не в количестве их, а в качестве. По ходу научного изложения исследовательница без сильного нажима, но неоднократно акцентирует одну очень существенную для понимания книги мысль — об *опосредованном* восприятии Окуджавой той или иной традиции. Это значит, например, что «влияние русского романа на его творчество» шло, «вероятнее всего <...>, через советскую песню» /с. 31/, а «фольклор воспринимался в большинстве случаев не от непосредственных носителей <...>, а из книг, от профессионального поэта, т. е. опосредованно» /с. 82/. Поэтому художник оказался способен «вбирать и почти бесследно растворять в своей поэтике самые разнообразные элементы “чужих” поэтик», и поэтому его творчество «является сложным объектом для исследовательского поиска» /с. 203; курсив наш/. Что ж, автор книги делает смелый и весьма результативный шаг на пути такого поиска, ибо, кажется, владеет ключом и знает пароль.

Идея опосредования органично распространяется и на *литературную* традицию, о чём Р. Ш. Абельская подробно пишет во второй главе. Обратившись к творчеству не только Пушкина (особое место которого в мире Окуджавы, конечно, неоспоримо), но и поэтов второго-третьего ряда — Давыдова, Мятлева, Трефолева... — исследовательница приходит к выводу, что Окуджаву интересовали в истории русской поэзии «не столько магистральные пути её развития, сколько <...> поэтическая лирика песенного и романсового характера» /с. 127/. Другими словами, цветы поэзии собирались им не на ухоженных клумбах, а на пыльной обочине, на периферии культуры. Это показательно: ведь едва ли не каждый большой поэт — от Державина до Ахматовой («Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...») — собирал их именно там. (Впрочем, где находятся те самые ухоженные клумбы и магистральные пути?..) Что касается пушкинской традиции, то и здесь было своё посредничество: Окуджава, как пишет автор книги, воспринял фигуру классика сквозь призму «современной ему русской поэтической пушкинистики» /с. 89/ — произведений Цветаевой, Багрицкого и других (другая ценная мысль «пушкинского» параграфа — «детскость» сознания лирического героя Окуджавы, когда он говорит о великом поэте, и как следствие — выявлен-

ные Р. Ш. Абельской неоднократные текстуальные переклички с пушкинскими сказками, особенно заметные в стихотворении «Путешествие в памяти» /см. с. 98–100/).

Но всё это ещё не значит, что ларчик открывается просто. «Опосредованный» поэтический мир Окуджавы в самом деле — «сложный объект». Может быть, особенно остро это ощущается там, где исследовательница пытается решить вопрос о художественном методе поэта, напомнив поначалу о полемике Р. Чайковского с известной давней статьёй З. Паперного (1983). Речь тогда шла о том, «романтик» Окуджава или «реалист». Автор же новой книги полагает, что художественный метод поэта представляет собой «своеобразный сплав сентиментализма и романтизма» /с. 96/ (то «романтиком», а то «сентименталистом» Окуджава называли и прежде)⁴. Первую составляющую этого сплава филолог возводит к присущему поэту (или его лирическому герою) «умилению от собственной трогательной мелкости», в том числе — «на фоне истинного величия» («На фоне Пушкина снимается семейство...»); вторую связывает, в частности, с влиянием революционно-романтического пафоса сравнительно раннего творчества, а позже — с «романтическим благородством мироощущения» в духе пушкинской эпохи /с. 116/. Но ведь умиление, пафос и благородство — категории скорее содержательные, а как быть с поэтикой? Без неё не распутать узел знакомых определений (сентиментализм, романтизм, реализм...), между тем как Окуджава был всё-таки художником двадцатого века, а не девятнадцатого и не восемнадцатого. Какие-то мотивы сентименталистской и романтической поэзии у него, конечно, звучат, но о сплаве этих методов можно говорить, допустим, применительно к Жуковскому. А применительно к Окуджаве (да и к любому его современнику) такая формула будет не научным определением, а филологической метафорой.

Так вот, на вопрос о художественном методе Окуджавы исследовательница отвечает сама же и невольно и *н а ч е* (!), когда обращается к более близким герою книги по времени поэтическим истокам и контексту его творчества. Речь идёт о трёх великих лириках первой половины двадцатого века — Блоке, Маяковском, Пастернаке. Каждый из них, как убедительно показано в работе Р. Ш. Абельской (и отчасти её предшественни-

⁴ Кстати, такой же сплав — только на этот раз в якобы «до- (на деле же: «пост-», — А. К.) реалистической» прозе — усматривает у Окуджавы Д. Быков (см.: *Быков Д. Булат Окуджава*. М., 2009. С. 89, 103 и др.).

ков, на которых она, естественно, ссылается — А. Жолковского, Вл. Новикова и др.; нам, впрочем, показалось, что публикации, появившиеся после защиты автором диссертации, могли бы быть представлены в библиографии полнее), вызывал пристальное творческое внимание Окуджавы и был близок ему типологически: один — музыкальностью стиха, другой — ритмической и языковой смелостью, третий — поэтической концепцией творчества. (Влияния к этому, разумеется, не сводятся.) Трёх столь разных поэтов роднит между тем их принадлежность к эпохе русского модернизма, сквозь призму которой каждый из них, кстати, воспринимал и пушкинскую эпоху. Да и некоторые литературные друзья Окуджавы — скажем, Ахмадулина или Искандер — представляют как бы вторую волну русского модернизма (сравнительному анализу поэзии Окуджавы с творчеством некоторых его современников — Самойлова, Левитанского, той же Ахмадулиной — посвящён отдельный параграф второй главы книги). И Окуджава, по нашему мнению, — явление позднего русского модернизма. Ну откуда у «сентименталиста-романтика» тонические стихи, ассонансные рифмы, прогуливающийся по современной Москве *Александр Сергеевич*, дуэт самовара и гитары, которые вполне по-блоковски *плачут и снова поют* («Гимн уюту»), «маяковская» брутальная *деревяшка с грубыми жилами* вместо скрипки, гротескные метафоры типа *проливается чёрными ручьями эта музыка прямо в кровь мою?* И наконец такое: «Мой страшный век меня почти добил...» (кстати, о трагизме поэзии Окуджавы пишет на страницах книги и сама Р. Ш. Абельская — см., например, с. 219). В его поэзии всегда бьётся нервный пульс двадцатого столетия («гармонический сдвиг», по выражению Вл. Новикова), порой лишь заслоняемый от читателя и слушателя устоявшимся образом *московского муравья*, любимца гуманитарной интеллигенции, ласкающего наш слух своим негромким пением. А он-то хотел *в душу к нам проникнуть и поджечь* («А чего с ней церемониться?»), чтобы пылала, как у героя того же Маяковского, «на негсгорающем костре немыслимой любви».

Что же касается, скажем, сентиментализма, то здесь автору книги мог бы послужить подспорьем сохранившийся конспект написанной, но не дошедшей до нас работы М. М. Бахтина «Проблема сентиментализма», где намечен широкий, сравнительно с традиционным, подход к явлению, предполагающий «проследить элементы сентиментализма до наших дней». А к числу таких «элементов» мыслитель относил и «сочувствие,

сострадание, жалость»⁵. Современные теоретики, последователи Бахтина, могли бы счесть сентиментализм (или сентиментальность?) одним из «модусов художественности» — понятием, близким к привычному нам «эстетическая категория» (героика, сатира, идиллика и др.)⁶. Но это уже не художественный метод, а нечто иное...

Проблема столь сложна, что требует, конечно, разговора большого и подробного. Пока довольно будет сказать, что вопрос о художественном методе Окуджавы не закрыт, и работа Р. Ш. Абельской — соглашаемся мы с ней или нет — на сегодня, пожалуй, самое развёрнутое научное высказывание на эту тему. Хорошо, что она появилась, — есть на что опереться, от чего оттолкнуться и о чём думать дальше...

Третья глава, сравнительно небольшая, не претендует на концептуальную завершённость (в диссертации у неё был статус Приложения), ибо напоминает серию этюдов — о художественном пространстве лирики поэта: своеобразное двоемирие, «система концентрических кругов», где ближний круг — Арбат, дом, малая родина, частная жизнь, а дальний — Война и Судьба, с их фатальностью и общественностью; о связанных с этой пространственной моделью отдельных лейтмотивах и ключевых образах: *городской сад, родители, музыкант...* (Есть и стиховедческие выкладки, направленные на выявление специфики *з в у ч а щ е г о* стиха — сравнительный анализ произведений Окуджавы и А. Межирова.) Здесь исследование Р. Ш. Абельской перекликается (но не совпадает) с почти одновременно опубликованной статьёй С. В. Свиридова «Поэтические константы Окуджавы»⁷, что весьма симптоматично: назрел и уже ведётся научный разговор о лежащих в основе творчества поэта архетипах (нужна, конечно, предварительная договорённость о границах этого термина, понимаемого ныне по-разному, порой довольно широко; неспроста С. В. Свиридов, в отличие о Р. Ш. Абельской, осторожно его обходит). В этом смысле третья глава хотя и самая краткая в монографии, но, может быть, самая перспективная в ней.

Анатолий КУЛАГИН

⁵ Бахтин М. М. Проблема сентиментализма // Бахтин М. М. Собрание соч.: В [7] т. Т. 5. М., 1997. С. 304–305.

⁶ См.: Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса; Теоретическая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие: В 2 т. / Под. ред. Н. Д. Тмарченко. М., 2004. Т. 1. С. 54–77.

⁷ См.: Свиридов С. В. Поэтические константы Окуджавы // Голос надежды. Вып. 4. М., 2007. С. 336–348.

ПОЭЗИЯ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Художественный перевод как культурная универсалия всегда выполнял и выполняет сегодня целый ряд важных социальных и эстетических функций. Однако в XX веке миссия перевода стала ещё более значимой, поскольку он начал служить единению людей, живших в разделённых противоположными идеологиями странах. Во второй половине прошлого века процесс этот был весьма своеобразным: в СССР в годы застоя стремились переводить и печатать всё, что как-то поддерживало коммунистическую доктрину, а за рубежом в эти десятилетия переводили и публиковали произведения преимущественно тех авторов, которые по той или иной причине были неуютны коммунистическому режиму.

Одним из таких авторов оказался Булат Окуджава. Он не принадлежал, как известно, к ярым противникам существующего строя или к диссидентам, но власть интуитивно ощущала опасность, исходившую из всего, что он писал. Ибо всё, что создавал Окуджава с начала 60-х годов, разительно отличалось от того, что печаталось до него и при нём. Несмотря на многочисленные попытки Д. Быкова представить Булата Окуджаву как некую реинкарнацию А. Блока¹, суть поэтического творчества Окуджавы состоит прежде всего в его уникальности. И именно уникальность, неповторимость, необычность поэзии Окуджавы пугали советскую власть. Вместе с тем новый литературно-песенный жанр, созданный Окуджавой, представлял одну из наиболее сложных задач, стоявших перед переводчиками его поэзии на иностранные языки, в том числе на английский. Огромность этой задачи была такова, что, на наш взгляд, она даже не в полную меру осознавалась переводчиками разных стран,

¹ Быков Д. Окуджава и Блок: реинкарнация // Цитата. 2006. № 5–6. С. 2–8.

приступавшими к переводу стихотворений Окуджавы на свои языки. Небезынтересно будет проследить, в какой степени с этой задачей справились переводчики в англоязычных странах.

Подчеркнём, что в нашей статье мы затрагиваем главным образом английские переводы стихотворных произведений Б. Окуджавы, появившиеся на страницах поэтических сборников и книг, посвящённых русской поэзии, а также на Интернет-сайтах, не касаясь газетных и журнальных публикаций, о которых мы предполагаем написать в другой работе.

Знакомство англоязычных читателей с поэзией Б. Окуджавы, по имеющимся у нас данным, состоялось в 1968 году, когда в Лондоне в билингвальной антологии «The New Russian Poets. 1953–1968. An anthology»² («Новые русские поэты. 1953–1968. Антология»³) появились переводы десяти стихотворений поэта («Детство», «Баллада о Дон Кихотах», «Человек», «Один солдат на свете жил...», «Эх ты, шарик голубой», «Это случится», «Вся земля, вся планета...», «Берегите нас, поэтов, берегите нас...», «Не верь войне, мальчишка...», «Ленинградская музыка»⁴), выполненные Дж. Риви, который был составителем и редактором книги. Поэтические тексты для перевода в упомянутом издании были отобраны и систематизированы в хронологическом порядке. Сами переводы представляют собой смысловые подстрочники, выполняющие функцию общего ознакомления читателей с содержанием оригиналов.

В том же 1968 году и снова в Лондоне был опубликован сборник «Russia's Other Poets»⁵ («Иные поэты России»), в который входят семь текстов Б. Окуджавы («Ванька Морозов», «Бумажный солдат», «Чёрный кот», «Всю ночь кричали петухи...», «Песенка про дураков», «Возьму шинель, и вешмешок, и каску...», «Песенка о весёлом барабанщике») в переводе К. Босли, Д. Пospelовского и Дж. Сапиетс. Сопоставляя оригинальные стихи и их переводы, можно сказать, что переводчиками была предпринята попытка передать на английском языке не только мысль поэта, но и форму стихотворений. Однако в переводах песенок «Ванька Морозов», «Всю ночь кричали петухи...» имеют

² The New Russian Poets. 1953–1968: An anthology. London: Calder & Boyars Ltd., 1968. P. 145–165.

³ Здесь и далее перевод заглавий книг и разделов наш.

⁴ Названия стихотворений Б. Окуджавы мы приводим по цитируемым зарубежным изданиям.

⁵ Russia's Other Poets. London: Longmans, 1968. P. 55–59.

место нарушения метрической структуры оригинала, а перевод стихотворения «Чёрный кот» сопровождается не совсем верной пометой — «A poem about Stalin»⁶ («Стихотворение о Сталине»).

С 1968 года стихотворения Б. Окуджавы в английских переводах стали регулярно появляться на страницах печатных изданий США, Великобритании, Канады, Австралии.

Книга О. Карлайл под названием «Poets on Street Corners»⁷ («Поэты на углах улиц»), изданная в 1969 году в Нью-Йорке, содержит небольшой раздел о Б. Окуджаве и стихотворение поэта «Надежда, я вернусь тогда...», представленное в адаптивном переводе Р. Стайрон.

В 1973 году в Нью-Йорке увидел свет билингвальный сборник под названием «Poetry from the Russian Underground» («Поэзия русского андеграунда»), включающий в себя шесть стихотворений Б. Окуджавы в переводах Дж. Лэнгленда, Т. Ашеля и Л. Тикоса⁸. Переводы «Песенки о дураках», стихотворения «А как первая любовь — она сердце жжёт...», «Песенки американского солдата», стихотворения «Когда мы уходим...» являются смысловыми подстрочниками, а английские версии «Франсуа Вийона» и «Лёньки Королёва», как и большинство переводов из русской поэзии вообще, характеризуются неполным соблюдением рифмы. В некоторых переводах допущено искажение смысла оригиналов.

Сборник переводов русской поэзии «Post-War Russian Poetry»⁹ («Поэзия послевоенной России»), опубликованный в 1974 году, содержит шесть стихотворений Б. Окуджавы («Военный парад», «Я много лет пиджак ношу...», «Глаза — неведомые острова...», «Девочка плачет: шарик улетел...», «Пятак», «Полночный троллейбус») в переводах Д. Вейсборта и Дж. Р. Роуланда. С точки зрения хронологии создания и тематики переводы стихотворений и песен поэта в этом издании представлены весьма хаотично. Вместе с тем, частично рифмованные переводы таких стихотворений, как «Полночный троллейбус» и «Пятак», достаточно близко передают мысль поэта.

⁶ Там же. Р. 57.

⁷ Carlisle O. Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets. New York: Random House, 1969. Р. 11.

⁸ Poetry from the Russian Underground. New York: Harper & Row, 1973. Р. 120—136. К сожалению, мы не можем точно указать, кто из этих трёх переводчиков переводил тексты Окуджавы, так как в издании информации об этом нет.

⁹ Post-War Russian Poetry. Harmondsworth; Baltimore; Victoria: Penguin Books, 1974. Р. 94—97.

Важную роль в ознакомлении англоязычной публики с песенной поэзией Булата Окуджавы играли его многочисленные выступления за рубежом (в Великобритании, США, Австралии). Нередко люди, приходившие на встречу с поэтом, но не знающие русского языка, получали заранее заготовленные организаторами концерта брошюры с прозаическими переводами его песен. Например, одно из таких выступлений, во время которого поэт исполнил пятнадцать песен, состоялось 3 декабря 1977 года в университете города Глазго. К сожалению, такие рабочие переводы впоследствии не публиковались.

Книга Д. Брауна «Soviet Russian Literature Since Stalin»¹⁰ («Русская советская литература со времён Сталина»), изданная в 1978 году, затрагивает и историю советской поэзии. В разделе «Poets Formed during the War» («Поэты, сформировавшиеся во время войны») приведена биография Б. Окуджавы и даётся анализ основных поэтических тем, к которым обращался поэт. Глава содержит также дословные переводы отрывков нескольких поэтических произведений Б. Окуджавы — таких, как «Чёрный кот», «Ах ты, шарик голубой...», «Ленинградская элегия». Наряду с ними, в книге приведены подстрочники стихотворений «Пятак», «Итак, я постарею...» и «Не верю в Бога и в судьбу, молюсь прекрасному и высшему...», выполненные автором книги.

Вышедшая в свет в 1978 году в США под редакцией Дж. Глэда и Д. Вейсборта книга «Russian Poetry: The Modern Period»¹¹ («Русская поэзия: Современный период») включает четыре стихотворения Б. Окуджавы («Франсуа Вийон», «Я никогда не витал, не витал...», «Один солдат на свете жил...» и «Берегите нас, поэтов, берегите нас...»).

Первое отдельное англоязычное издание стихотворений Булата Окуджавы увидело свет в США в 1980 году. Составителем и редактором двуязычного тома «Bulat Okudzhava. 65 Songs»¹² («Булат Окуджава. 65 песен») выступил В. Фрумкин. Английские переводы выполнены Е. Шапиро. В. Фрумкин, как известно, пытался издать книгу песен Б. Окуджавы ещё до своей эмиграции, но рукопись с 25 песнями поэта издана не была, и В. Фрумкин «забрал её перед своим отъездом из Советского

¹⁰ Soviet Russian Literature Since Stalin. New York: Cambridge University Press, 1978. P. 103–104.

¹¹ Russian Poetry: The Modern Period. Iowa: University of Iowa Press, 1978. P. 216–219.

¹² Bulat Okudzhava. 65 Songs / Ed. by V. Frumkin; Transl. by E. Shapiro. Ann Arbor: Ardis, 1980. 174 p.

Союза (в начале 1974)»¹³. В издании последовательно выдержан хронологический принцип подачи текстов — одно стихотворение относится к 1946 году, 22 стихотворения — к 1950-м годам, большая часть поэтических произведений в количестве 30 стихотворений — к 1960-м годам, 12 — к 1970-м. Дословные переводы Е. Шапиро экономными средствами английского языка достаточно верно передают содержание оригинала. Книга сопровождается «устными и письменными высказываниями Б. Окуджавы о его творчестве, о его взглядах на жизнь и литературу, об истории создания некоторых его песен», а также нотными записями, которые В. Фрумкин просит не рассматривать «как жёсткую догму»¹⁴.

Издание «Songs to Seven Strings. Russian Guitar Poetry and Soviet "Mass Song"»¹⁵ («Песни под семь струн. Русская гитарная поэзия и советская "массовая песня"»), опубликованное в 1984 году в Америке, в главе «The Guitar Poets» («Поэты с гитарой») включает информацию, посвящённую биографии и литературному творчеству Окуджавы. Текст главы содержит фрагменты и целые стихотворения поэта в дословных переводах Дж. С. Смита. Если проанализировать, насколько качественно переводчик передал содержание подлинников, то следует сказать, что многим из этих переводов недостаёт их простоты и естественности. Наличие ссылок на библиографические источники позволяет сделать вывод о том, что переводы стихотворений Окуджавы были выполнены по упомянутому выше двуязычному сборнику «Bulat Okudzhava. 65 Songs» под редакцией В. Фрумкина. Однако в отличие от книги, изданной В. Фрумкиным, переводы стихотворений поэта расположены не по годам их создания. Дж. С. Смит руководствовался принципом тематической систематизации, которая, на наш взгляд, к сожалению, выдержана не до конца. Например, стихотворения о Москве рассредоточены по разным местам главы. По мнению Дж. С. Смита, «Девочка плачет: шарик улетел...» является самой великой песенкой Б. Окуджавы. К самым же известным он относит «Молитву»¹⁶.

Книга переводов «The Shalford Book of 20th Century Russian Poetry»¹⁷ («Шелфордская книга русской поэзии 20 века»), вы-

¹³ Там же. Р. 11.

¹⁴ Там же. Р. 18.

¹⁵ *Smith G. S. Songs to Seven Strings: Russian Guitar Poetry and Soviet "Mass Song".* Bloomington: Indiana University Press, 1984. P. 121–143.

¹⁶ Там же. Р. 142–143.

¹⁷ *The Shalford Book of 20th Century Russian Poetry.* London; Dallas; Sydney: Kozmic Press, 1985. P. 83–89.

шедшая в свет в 1985 году, включает переводы четырёх стихотворений Б. Окуджавы («Франсуа Вийон», «Баллада о моей любви, моей жизни», «Баллада о бумажном солдате», «Баллада о солдатских сапогах»), выполненные Р. Маккейном. Весьма удачной на фоне других переводов представляется нам «Баллада о бумажном солдате», в которой практически полностью сохранены ритмический рисунок оригинала и рифма.

В 1986 году был опубликован второй том стихотворений и песен под редакцией В. Фрумкина под названием «Songs. Volume II»¹⁸ («Песни. Том 2»), в котором содержится 28 стихотворений поэта в переводах американки русского происхождения Т. Вольфсон. В этом издании тексты расположены не хронологически, а тематически. Большинство поэтических произведений (20 из 28 стихотворений) относятся к 80-м годам, что давало возможность англоязычным читателям познакомиться с новыми стихотворениями поэта. Книга сопровождается также нотной записью песен Б. Окуджавы и его письменными и устными высказываниями, относящимися к 1979–1986 годам. Приводится интервью Окуджавы газете «Нью-Йорк Таймс», опубликованное 16 декабря 1979 года. Однако наибольшим достоинством сборника являются блистательные рифмованные переводы стихотворений поэта, выполненные Т. Вольфсон. Во многих переводах средствами английского языка воспроизведена та поэтическая аура, которая делает Окуджаву Окуджавой. Подытоживая сказанное, подчеркнём, что ардисовский двухтомник английских переводов поэзии Булата Окуджавы стал важным этапом в рецепции поэзии автора в англоязычном мире. Двухтомник В. Фрумкина неоднократно переиздавался.

Упомянем и книгу «A History of Russian Poetry»¹⁹ («История русской поэзии»), изданную в 1991 году в Нью-Йорке. В разделе «Soviet and Emigre Poetry (After Stalin /1955–1970/)», название которого переводится как «Советская и эмигрантская поэзия (после Сталина /1955–1970/)», находим фрагмент, посвящённый творчеству Окуджавы. В тексте представлен и смысловой подстрочник стихотворения «Бумажный солдат» в переводе Э. Бристол. Этот перевод ознаменовал собой начало нового этапа в освоении поэзии Окуджавы средствами английского

¹⁸ *Okudzhava B. Songs. Volume II / Ed. by V. Frumkin; Transl. by T. Wolfson. Ann Arbor: Ardis, 1986. 177 p.*

¹⁹ *Bristol E. A History of Russian Poetry. New York: Oxford University Press, 1991. P. 285.*

языка, так как все последующие переводы печатались уже в постсоветское время.

Двухязычная антология «Contemporary Russian Poetry»²⁰ («Современная русская поэзия»), напечатанная в США в 1993 году, включает девять расположенных относительно бессистемно дословных переводов Дж. С. Смиты: «Римская империя времени упадка...», «Примета», «Письмо к маме», «Всё глуше музыка души...», «Как наш двор ни обижали...», «У поэта соперников нету...». Важно отметить, что в этой антологии впервые в английских переводах появились такие поэтические произведения Окуджавы, как «Давайте придумаем деспота...», «Когда начинается речь, что пропала духовность...», «Что-то сынок мой уединением стал тяготиться...».

В 1994 году в Лондоне вышел коллективный сборник поэзии «The Twentieth-Century Russian Poetry»²¹ («Русская поэзия XX века»), составителем которого выступил Евг. Евтушенко. В книгу входят переводы тринадцати стихотворений Б. Окуджавы («Размышления возле дома, где жил Тициан Табилдзе», «Я никогда не витал, не витал...», «В городском саду...», «Франсуа Вийон», «Полночный троллейбус», «В детстве мне встретился как-то кузнечик...», «Мне нужно на кого-нибудь молиться...», «Не верю в Бога и в судьбу...», «Как я сидел в кресле царя», «Возьму шинель, и вещмешок, и каску...», «Поэтов травили, ловили...»), выполненные Д. Брауном и А. С. Тоддом. Эти смысловые подстрочники не являются адекватным воссозданием оригиналов, однако переводы стихотворений «Тьмою здесь всё занавешено...» и «Бумажный солдат» достаточно адекватно передают содержание подлинников.

Билингвальное издание «In the Grip of Strange Thoughts. Russian Poetry in a New Era»²² («Во власти странных дум. Русская поэзия нового времени»), названное по строчке из стихотворения Окуджавы «Мне москвичи милы из давней прозы...», увидело свет в 1999 году одновременно в Великобритании и в США. В нём мы находим четыре стихотворения Б. Окуджавы («Как улыбается юный флейтист...», «Мне москвичи милы из давней прозы...», «Ах, Надя, Наденька», «Отъезд») в форме смысловых

²⁰ Contemporary Russian Poetry. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1993. P. 26–39.

²¹ The Twentieth-Century Russian Poetry. London: Fourth Estate, 1994. P. 740–750.

²² In the Grip of Strange Thoughts: Russian Poetry in a New Era. Newcastle-upon-Tyne: Bloodaxe Books Ltd., 1999. P. 20–27. Книга выпущена одновременно американским издательством Zephyr Press.

подстрочников, выполненных М. Херманом и Р. Эптер. Данные переводы также выполняют функцию общего ознакомления читателей с поэзией Окуджавы.

Если в целом оценивать качество переводов поэзии Б. Окуджавы на английский язык, то следует признать, что оно остаётся недостаточно высоким. В письме к одному из авторов статьи профессор-славист университета в г. Глазго Мартин Дьюхерст писал: «Я ещё не встречал ни одного адекватного перевода поэзии Окуджавы (или Пушкина)» (Письмо к Р. Р. Чайковскому от 23 сентября 2002 года).

Кроме того, следует упомянуть и то обстоятельство, что отдельные стихотворения переводились на английский язык неоднократно — более десяти раз («Бумажный солдат», «Молитва» и др.), в то время как другие переведены только один раз, а многие поэтические шедевры Окуджавы ещё не стали достоянием англоязычного читателя.

Помимо двухтомника под редакцией В. Фрумкина, предпринимались попытки издать и другие поэтические книги Окуджавы на английском языке. В частности, в 2002 году такое желание в письме к одному из авторов статьи высказывали М. Херман и Р. Эптер, которые просили о посредничестве при приобретении прав на издание у О. Окуджавы. Однако уровень их переводов не давал оснований для согласия на подготовку такого издания. О. Окуджавы была готова предоставить права на издание книги переводов поэзии Окуджавы на английском языке Т. Вольфсон, которая, к сожалению, из-за занятости по своей основной работе осуществить этот проект пока не смогла. Поэтому двухтомник В. Фрумкина и поныне остаётся наиболее репрезентативным изданием поэзии Окуджавы на английском языке.

Освещение переводческой рецепции поэтического творчества Булата Окуджавы на английском языке было бы неполным, если бы мы обошли вниманием те переводы, которые осуществлялись в СССР и постсоветской России. Если говорить об английских переводах поэтических текстов Б. Окуджавы в СССР, то следует упомянуть первый перевод «Весёлого барабанщика», выполненный Т. Боттингом и Л. Штурманом в 1966 году и опубликованный в первом выпуске «Русско-английского песенника»²³ для школьников.

В 1981 году в Москве в издательстве «Прогресс» вышел коллективный сборник переводов «Soviet Russian Poetry of the

²³ Весёлый барабанщик (A Jolly Drummer) // Русско-английский песенник. Вып. 1. М.: Музыка, 1966. С. 60–63.

1950s–1970s»²⁴ («Русская советская поэзия 1950–1970-х годов»). В книгу включены стихотворения Окуджавы «Сто раз закат краснел, рассвет синел...», «До свиданья, мальчики», «Песенка об открытой двери» в рифмованных переводах П. Темпеста и Т. Боттинга. Эти переводы можно считать одними из наиболее адекватных, поскольку переводчикам удалось достаточно точно воспроизвести содержание, а также стихотворные размеры и схему рифм оригиналов.

П. Темпест является также автором прозаических английских переводов таких стихотворений Б. Окуджавы, как «Грузинская песня», «По Смоленской дороге», «Как научиться рисовать», «Песенка об открытой двери», «Парижская фантазия», «Давайте говорить друг другу комплименты...», «Я дарю тебе к светлому празднику множество...». Названные переводы появились на страницах седьмого номера журнала «Советская литература»²⁵ (на английском языке) за 1984 год.

Среди печатных изданий, посвящённых переводу поэзии и прозы Б. Окуджавы на языки народов мира, упомянем и третий выпуск научного альманаха «Перевод и переводчики»²⁶. Книга содержит семь английских переводов «Полночного троллейбуса», выполненных различными переводчиками, стихотворение «Примета» в переводе И. Держанского, «Дежурный по апрелю», «До свидания, мальчики» и «Оловянный солдатик моего сына» в переводе Т. Вольфсон, а также англоязычную версию М. Хермана и Р. Эптер «Песенки об Арбате».

Одно из ведущих мест как среди отечественных, так и зарубежных переводчиков стихотворений Б. Окуджавы на английский язык занимает сегодня А. Вагапов. Основные переводческие принципы А. Вагапова заключаются в адекватном воссоздании поэтических образов Б. Окуджавы, соблюдении эквиритмичности и характера рифм. В 2006 году в Пскове появился сборник его переводов русской поэзии «Popular Poetry Pages. An Anthology of Literary Translations»²⁷ («Страницы популярной поэзии. Антология литературных переводов»), в который включены 43 перевода стихотворений Б. Окуджавы, довольно точные

²⁴ Soviet Russian Poetry of the 1950s–1970s. M.: Progress, 1981. P. 111–113.

²⁵ Soviet Literature. 1984. № 7. P. 100–103.

²⁶ Перевод и переводчики: Науч. альм. каф. нем. яз. Север. междунар. ун-та (г. Магадан). Вып. 3: Б. Окуджава / Гл. ред. Р. Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2002. С. 78–84, 106–109.

²⁷ Vagapov A. Popular Poetry Pages: An Anthology of Literary Translations. Pskov: Publishing House of Regional Center of People's Creative Work, 2006. P. 108–140.

как по содержанию, так и по форме. Таковы, например, переводы стихотворений «Строитель, возведи мне дом...», «После дождика небеса просторны...», «Старинная студенческая песня», «Цирк», «Песенка о художнике Пиросмани» и др. Сайт переводчика — <http://vagalecs.narod.ru/> — предлагает читателю ознакомиться с новыми английскими переводами поэзии Б. Окуджавы, которые также можно отнести к категории адекватных.

В 2009 году вышел шестой выпуск научного альманаха «Перевод и переводчики», затрагивающий проблемы художественного перевода. В книге помещены новые переводы стихотворений Окуджавы: «Ещё один романс», «Голубой шарик», «Дежурный по апрелю», «Фотографии друзей» в переводе А. Вагапова, «Молитва Франсуа Вийона» в переводе Эндрю П. (так переводчик подписывает свои переводы) и «Медсестра Мария» в переводе Р. Янга²⁸.

Рубеж XX–XXI веков, как видим, ознаменовался вновь вспыхнувшим интересом к поэзии Окуджавы. Об этом, в частности, свидетельствуют и английские переводы стихотворений поэта, появляющиеся на различных Интернет-сайтах: <http://spintongues.msk.ru/>, <http://www.arlindo-correia.com/> и др.

Активно работающим переводчиком стихотворений поэта является, например, Е. Бонвер. Его Интернет-страница — <http://www.poetryloverspage.com/yevgeny/> — содержит на данный момент 24 английских перевода поэзии Б. Окуджавы, и их количество постоянно увеличивается. Среди рифмованных переводов Е. Бонвера встречаются удачные варианты, которые в большинстве случаев сохраняют смысл и особую ауру стихотворения и не отходят далеко от оригиналов по форме.

Перу переводчицы М. Журавель принадлежат английские переводы песенок «Молитва», «Дежурный по апрелю» и «Тьмою здесь всё занавешено...», представленные на сайте — <http://chernomore.net/Poetry/>. Эти варианты можно считать достаточно адекватными, так как в них воссозданы, хотя и с некоторыми неточностями, содержание, ритмический рисунок, варианты рифмовки.

Т. Вольфсон пополнила арсенал своих виртуозных переводов поэзии Окуджавы новыми переводческими удачами — рифмованными переводами стихотворений «Чёрный кот», «По Смоленской дороге», «Песенка о ночной Москве», «Бумаж-

²⁸ Перевод и переводчики: Науч. альм. каф. нем. яз. СВГУ (г. Магадан). Вып. 6: Художественный перевод / Гл. ред. Р. Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2009. С. 85–92.

ный солдат», «Гончар» и «Собрался к маме — умерла...». Переводчица на удивление точно передаёт на английском языке поэтическую форму подлинников, предоставляя читателям возможность ощутить неповторимую притягательность окуджавского текста.

Сегодня Интернет-страницы предлагают также различные английские подстрочники стихотворений Б. Окуджавы: «Чёрный кот», выполненный Р. Янгом (<http://www.lit-kicks.com/SovietUnderground2/>), «Песенка об Арбате», «Песенка о московском метро» в переводе В. Дж. Комера (<http://web.ku.edu/~russcult/culture/handouts/okudzhava.html>) и др.

Анализируя рецепцию поэзии Б. Окуджавы в англоязычном мире, можно заметить, что пик освоения творчества поэта пришёлся на восьмидесятые годы. Несмотря на последовавшее затем некоторое ослабление интереса к творчеству Б. Окуджавы в странах английского языка, переводы, появившиеся в девяностые годы XX века, также выполнили своё основное предназначение, предоставив англоязычным читателям возможность продолжить ознакомление с поэтическим творчеством автора.

Благодаря труду таких переводчиков, как Дж. Риви, Д. Браун, Р. Маккейн, Д. Вейссборт, Дж. Р. Роуланд, А. С. Тодд, Дж. С. Смит, Е. Шапиро, Т. Вольфсон и др. происходило постепенное восприятие поэзии одного из выдающихся российских поэтов-шестидесятников зарубежными читателями. В наши дни новые переводы как отечественных переводчиков — А. Вагапова, Е. Бонвера и др., — так и англоязычных почитателей творчества поэта — Т. Вольфсон, Р. Янга, Эндрю П. и др. — свидетельствуют о вновь возрождающемся интересе к творчеству Окуджавы. Хочется верить, что поэзия Булата Окуджавы найдёт отклик в сердцах и других переводчиков, поскольку обращение к новому для себя иноязычному автору очень важно для переводчика — оно расширяет его поэтический кругозор, пополняет арсенал его творческих приёмов, приумножает его творческий потенциал.

Таким образом, в истории освоения поэзии Булата Окуджавы в странах английского языка можно выделить четыре основных этапа: первый (начальный) — вторая половина 60-х годов — 70-е годы; второй — 80-е годы (книги под редакцией В. Фрумкина); третий — 90-е годы (первые издания постсоветского времени); четвёртый — рубеж XX—XXI веков. Этот последний этап продолжается и сегодня. Англоязычные читатели имеют возможность и далее открывать для себя поэтический материк Булата Окуджавы.

А. СЫЧЁВА, Р. ЧАЙКОВСКИЙ

БЛИЦ И МИНИ

К библиографии Булата Окуджавы

Данный библиографический список представляет собой существенное дополненное (более чем на 100 позиций) переиздание аналогичного списка, увидевшего свет в журнале «Библиография» в 1994 году¹. Нами учтены статьи и заметки на конвертах грампластинок, а также в книгах, периодике и прочих печатных источниках, опубликованных на территории бывшего СССР на русском языке.

Центральный раздел состоит в основном из описаний кратких отзывов Окуджавы по одному-двум конкретным вопросам, напечатанных как в качестве самостоятельных заметок, так и в составе статей на сторонние темы — для которых сам писатель не является основной фигурой. Материалы последней категории не всегда описываются библиографами, хотя в самой объёмной на сегодня работе — принадлежащей И. Ханукаевой² — такие «мелкие» заметки по возможности учитывались. Публикации, целиком посвящённые биографии и творчеству Окуджавы и содержащие его прямую речь, по сравнению с прежней редакцией в настоящем списке отсутствуют, так как они учтены в крупных его библиографиях. По той же причине из данного списка исключён эпистолярный раздел.

Осознавая незаконченность работы по выявлению печатных материалов, обращаемся к читателям с просьбой присылать дополнения и замечания на адрес альманаха.

Благодарим А. Алёшина, Н. Игнатову, А. Левитан, П. Качанко, А. Коваленко, И. Некрасова, Б. Оглоблина за постоянную и неоценимую помощь.

Составители

Тексты на конвертах грампластинок

1. Козлов С. Сказки про Африку // ВСГ. — [1969]. — № М 51-26027-8; То же: Я на солнышке лежу: Сказки // Мелодия, 1989. — № С60 27987 001.

¹ [Окуджав Б. Ш.:] Тексты на конвертах грампластинок; Коллективные письма; Письма, заметки, высказывания, блицинтервью: [Библиогр. 1967—1994] / Сост. А. Е. Крылов, В. Ш. Юровский // Библиогр. 1994. № 6 (нояб. — дек.). С. 40—48.

² См.: Ханукаева И. В. Окуджав Булат Шалвович: [Библиогр. 1945—1992] / Сост. И. В. Ханукаева // Русские писатели. Поэты: (Совет. период). Библиогр. указ. Т. 16. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1994. С. 180—275.

2. *Мориц Ю.* Сто фантазий: Стихи и песни // ВСГ. — [1976]. — № 33 С 50-08139-40.
3. *Окуджавы Б.* Песни на стихи Булата Окуджавы из кинофильмов // Апрельский з-д грампластинок, [1978]. — № 33 М 60-41235-6.
4. *Камбурова Е.* Послушайте...: Песни Владимира Дашкевича // Мелодия, 1981. — № С 60-16283-4; *То же* // Совет. культура. — 1982. — 5 февр.
5. *Бичевская Ж.* Жанна Бичевская поёт песни Булата Окуджавы // Мелодия, 1984. — № С 60-21103-4; *То же* // Совет. Россия. — 1985. — 6 апр. — В зам.: Диск / Без подп.; Совет. культура. — 1985. — 31 окт. — В подборке: Новые диски.
6. *Визбор Ю.* Наполним музыкой сердца [Песни] // Мелодия, 1985. — № М60 46691 000.
7. *Долина В.* Позвольте быть вам верной...: Песни / [Из: Аврора. 1982. № 9] // Мелодия, 1986. — № С60 23535 005.
8. * *Левитанский Ю.* Жизнь моя, кинематограф...: [Стихотворения] // Мелодия, 1986. — № М40 46779 008.
9. *Никитины Т. и С.* Синий цвет: [Песни] // Мелодия, 1986. — № С60 24809 006.
10. *Высоцкий В.* Спасите наши души: На концертах Владимира Высоцкого — 2 / [Компиляция из: Совет. культура. 1987. 28 апр.; Новое время. 1988. № 5] // Мелодия, 1987. — № М60 48025 001.
11. *Ахмадулина Б.* Всё сказано — и всё сокрыто: Стихотворения // Мелодия, 1990. — № С40 30137 004.
12. *Митяев О.* Давай с тобой поговорим: [Песни] // Мелодия, 1990. — № С60 30291 008; *То же* // Митяев О. Вечная история. — М.: АиФ Принт, 2003. — С. 277.

Краткие предисловия, блицинтервью, минианкеты, высказывания³

13. Писатели за работой // Вопр. лит. — 1964. — № 3. — С. 241. — Без подп.
14. [О творческих планах] // Тихоокеан. комсомолец. — Владивосток, 1966. — 30 янв. — В зам.: У нас в гостях / Без подп.
15. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» / [Записали] А. Шлиенков и А. Яровой // Неделя. — 1968. — 24 нояб. (№ 48). — С. 24.
16. Дорога открытий: Творчество моск. писателей, прибывших в Иваново в рабочую командировку / [Записал] Е. Богданов // Рабочий край. — Иваново, 1969. — 19 нояб.
17. [О празднике поэзии] // Комсомолец Забайкалья. — Чита, 1971. — 15 сент. — В ст.: Колесникова В. «Забайкальская осень — 71»: Эпилог и вновь — пролог.
18. Мерси, или Старинный водевиль: Слово перед премьерой // Театр. Ленинград. — 1974. — № 45 (Дек.). — С. 5-6.

* Здесь и далее не просмотрено de visu.

³ В данный раздел не включены высказывания О. из мемуарных источников.

19. [Тема войны в творчестве] / Записала А. Гербер // Совет. экран. — 1975. — № 4 (февр.). — С. 2 обл., 1–2. — В подборке: Мальчики в шинелях.

20. [Об участниках III общемосковского совещания молодых писателей] // Моск. комсомолец. — 1975. — 13 нояб. — В зам.: Кавицкая М. Заинтересованность и талант.

21. Ждём встреч с Молдавией: Интервью у трапа самолёта / Д. Гранин, М. Алигер, Б. Окуджава и др.; Наш моск. кор. // Совет. Молдавия. — Кишинёв, 1976. — 17 сент.

22. [Впечатления от выступления] / [Записал] Л. Замойский // Лит. газ. — 1977. — 16 нояб. (№ 46). — С. 15. — В подборке: Советские поэты во Франции.

23. [Краткое предисловие к стихам А. Любегина «Тень черёмухи»] // Комсом. правда. — 1978. — 23 дек.

24. [Фрагменты письма и ответов на анкету] // День поэзии 1978. — М.: Совет. писатель, 1978. — С. 235, 236, 237. — В ст.: Самойлов Д. Поэты о рифме.

25. [О своём творчестве, об изданиях] // Поляр. правда. — Мурманск, 1979. — 7 июля. — В подборке: Ближе к жизни!.

26. Как мы пишем: [Анкета] // Лит. Грузия. — Тбилиси, 1982. — № 1. — С. 138–139.

27. [Поздравление Ленингр. ТЮЗа с юбилеем] // Веч. Ленинград. — 1982. — 22 февр. — В подборке: Адрес театра — детство.

28. Я просто подбираю к стихам музыку / [Беседовала] Л. Солнцева // Моск. новости. — 1982. — 30 мая (№ 22). — С. 14.

29. *Диалектова И.* Юрий Тынянов. Размышления... Встречи...: [О тп. 7 апр.; Из высказываний участников] // Говорит и показывает Москва. — М., 1983. — 1 апр. (№ 14).

30. «Возьмёмся за руки, друзья!..»: [Круглый стол в ред. с участием О.] / (Наш кор.) // Молодой ленинец. — Калуга, 1984. — 12 мая.

31. «Я вижу в Пушкине идеал...» / [Записал] А. Соколов // Вперёд. — Пушкин Ленингр. обл., 1984. — 8 сент.

32. [Какую роль и почему вы хотели бы сыграть?] // Театр. жизнь. — 1984. — № 24 (дек.). — С. обл. 3. — В ст.: Уфимцева Е. В этой роли, безусловно, я — король!

33. «Нужен Пушкинский праздник» // Вост.-Сибир. правда. — Иркутск, 1985. — 22 июня. — Вкл. отзыв О.

34. [Об Арбате] // Наука и жизнь. — 1985. — № 7. — С. 81. — В ст.: Сорокин В. Заповедный Арбат.

35. Над чем работают наши писатели / Интервью взял К. Межлумян (АПН) // Коммунар. — Тула, 1986. — 12 янв.; Слава Севастополя. — 12 янв.; Комсомолец. — Петрозаводск. — 14 янв.; Комсомолец Узбекистана. — Ташкент. — 16 янв.; Совет. торговля. — 18 янв.; Голос Риги. — 18 янв.; Биробиджан. звезда. — 18 янв.; Моск. комсомолец. — 22 янв.; На смену!. — Свердловск. — 22 янв.; Ленин. смена. — Горький. — 11 февр.; *То же*: Над чем работаете? // Соц. Донбасс. — Донецк. — 12 янв.; *То же*: Замыслы, планы // Коммунист Таджикистана. — Душанбе. — 14 янв.; *То же*: Над чем работают писатели // Рабочая газ. — Киев. — 14 янв.; Прав-

да Севера. — Архангельск. — 14 янв.; Совет. торговля. — 18 янв.; *То же*: Что у писателей на рабочем столе // Смена. — Ленинград. — 19 марта.

36. Мнение поэта / [Записала] Л. Мариева // Изв. — М., 1986. — 19 февр. — В подборке: Ах, Арбат, мой Арбат...

37. [О литобъединении «Магистраль»] // Гудок. — 1986. — 11 мая. — В ст.: Иушпе Ф. «Магистраль» — 40!

38. Краткий комментарий к репортажу [Зенова Н. Откровенный разговор: Дни совет. лит. в Куйбышеве] // Лит. газ. — 1986. — 30 июля (№ 31).

39. Не склоняясь к самообольщению: [Анкета «Писатели о критике»] // Лит. газ. — 1986. — 10 сент. (№ 37). — С. 3.

40. Песне — «охранную грамоту»? : «Круглый стол» «СК» / Ю. Ким, Я. Френкель, Б. Окуджава, Е. Камбурова; Материалы подгот. Е. Щербиновская // Совет. культура. — 1986. — 7 окт.

41. [О I всеююз. фестивале самодеят. песни] // Собеседник. — 1986. — Ноябрь. (№ 48). — С. 13. — В ст.: Мартынов И. Возьмёмся за руки?

42. [Об атмосфере 1986 года] // Учит. газ. — 1987. — 1 янв. — В подборке: Мы желаем счастья вам!.

43. С Новым годом! С новым счастьем!: Вас поздравляют // Огонёк. — 1987. — № 1 (1–10 янв.). — С. 2 обл., 1.

44. 7 x 7: Телевизион. неделя на перекрёстке мнений // Лит. газ. — 1987. — 7 янв. (№ 2). — С. 2.

45. 7 x 7: Телевизион. неделя на перекрёстке мнений // Там же. — 14 янв. (№ 3). — С. 2.

46. 7 x 7: Телевизион. неделя на перекрёстке мнений // Там же. — 21 янв. (№ 4). — С. 2.

47. ТВ 7 x 7: Телевизион. неделя на перекрёстке мнений. Мнения писателей // Там же. — 28 янв. (№ 5). — С. 2.

48. ТВ 7 x 7: Телевизион. неделя на перекрёстке мнений. Мнения писателей // Там же. — 18 февр. (№ 8). — С. 7.

49. Пишу о современности: [О времени, о себе, о своём творчестве] // Комсом. Удмуртии. — Ижевск, 1987. — 28 февр.

50. Он вошёл в нашу жизнь: [Анкета об А. С. Пушкине] // Наука и жизнь. — 1987. — № 2. — С. 27–28.

51. Нас объединило и выдвинуло время // Огонёк. — 1987. — № 9 (28 февр.). — 7 марта. — С. обл. 1, 26–31. — Ил. / Фото Дм. Бальтерманца; в ст.: Медведев Ф. И были наши помыслы чисты...: Об одной встрече спустя тридцать лет; *То же* // Травя после нас: Книга-интервью журн. Ф. Медведева с деятелями совет. литературы и искусства. — М.: АПН, 1988. — С. 86–87; Медведев Ф. Цена прозрения: Спец. корреспондент «Огонька» берёт интервью. 1986–1988. — М.: Книга, 1990. — С. 68–91.

52. Дела, помыслы и надежды / Записал Н. Висков // Неделя. — 1987. — 16–22 марта (№ 11). — С. 9; *То же* // Красн. знамя. — Сыктывкар, 1987. — 3 марта; *То же*: Писатели о своих планах / (АПН) // Совет. Литва. — Вильнюс, 1987. — 26 февр.; Комсомолец Узбекистана. — Ташкент, 1987. — 7 марта; Ленин. знамя. — М., 1987. — 20 марта.

53. Владимир Высоцкий: [Из материалов телепередачи Н. Крымовой] // Говорит и показ. Москва. — М., 1987. — 20 мая (№ 22). — С. 16.

54. Планета мира и добра: Говорят участники форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» / Записали Л. Бахнов и М. Донской // Лит. обозрение. — 1987. — № 5. — С. 9.

55. [Краткое предисловие к рассказу Н. Шахбазова «Случай с Дюбуа»] // Огонёк. — 1987. — № 42 (17–24 окт.). — С. 18.

56. [О юбилее революции и перестройке] // Моск. новости. — 1987. — 8 нояб. (№ 45). — С. 11. — В подборке: Блокнот «МН».

57. Булат Окуджава о своём творчестве // Музыка арбатского двора: Программка сп. Моск. камер. музык. театра под х/р Б. А. Покровского. — [М., 1987. — Дек.]. — *Из содерж.*: [Из интервью для т/ф «Рыцарь с Арбата»; Из интервью венгер. «Лит. газ.», 9 дек. 1983; Из интервью для пол. еженед. «Политика», 8 окт. 1983; Из выступл. перед слушателями].

58. Несколько слов об Игоре Северянине // Венок поэту: (Игорь Северянин) / Сост.: М. Корсунский, Ю. Шумаков. — Таллин: Ээсти раамат, 1987. — С. 65–66; *То же* // Северянин И. Лирика / Сост. И. Трофимкин. — Л.: Дет. лит., 1991. — С. 215; *То же [в сокр.]*: [Из записи в кн. почёт. гостей домика И. Северянина в Тойле] // Аврора. — Л., 1987. — № 5. — С. 81. — В ст.: Кривошеев В. «Я Россию люблю — свой родительский дом...».

59. Слово о Владимире Высоцком / [Из самиздат. газ. «Менестрель»]; Публ. подгот. А. Крылов, Ю. Тырин // Клуб и худож. самодеятельность. — 1988. — № 2 (январь). — С. 21; *То же*: Смена. — Тверь, 1990. — 12 окт.

60. [Краткое предисловие к стихам А. Башлачёва] // Огонёк. — 1988. — № 25 (18–25 июня). — С. 24; *То же [в сокр.]* // Комсомолец. — Ростов н/Д., 1990. — 6 июня.

61. [Из выступления на пресс-конференции в Западном Берлине 6 марта 1987 г. / Из Форум. Мюнхен, 1987. № 17] // Искусство кино. — 1988. — № 10. — С. 31–32. — В ст.: Померанц Г. По ту сторону здравого смысла.

62. Воспоминания... [о работе в шк. № 5; 1985] / Записал В. В. Соловьев // Зеленов В. С. Старейшая школа Калуги: (Док., события, люди). — Калуга: Золотая аллея, 1988. — С. 98–99; *То же* — 2-е изд., доп. — 2000.; 3-е изд., доп. — Калуга: Фридельм, 2005. — С. 90–91.

63. [О телепередачах недели] // Лит. газ. — 1989. — 4 январь (№ 1). — С. 2. — В подборке: ТВ / 3 + 1.

64. [О судьбе Оптиной пустыни] // Неделя. — 1989. — 13–18 февр. (№ 7). — С. 21.

65. Мыслить — самостоятельно / Записал К. Тихомиров // Тюмен. комсомолец. — 1989. — 6 июля.

66. Обсуждаем проект нового Устава Союза писателей СССР / Интервью... взял Г. Кузьмин // Лит. газ. — 1989. — 12 июля (№ 25). — С. 1.

67. Анкета «Большой П[еремены]» [о подростковом возрасте] // Смена. — Л., 1989. — 1 сент.

68. Слово прощания: [О Н. Эйдельмане] // Лит. газ. — 1989. — 6 дек. (№ 49). — С. 7.

69. Наша новогодняя анкета / [Записал А. Щуплов] // Кн. обозрение. — 1989. — 29 дек. (№ 52). — С. 6.

70. [Анкета о поэзии] // Киреева А. Классики пишут сегодня: Разговор о поэзии с начинающими поэтами. — М.: Совет. писатель, 1989. — С. 77–80; *То же [в сокр.]* // Юность. — 1987. — № 2. — С. 86. — В ст.: Киреева А. Поэзии парное молоко.

71. Шемякин: [Текст для каталога выставки художника в Москве] // Аврора. — Л., 1989. — № 12. — С. 137; *То же [в сокр.]* // Огонёк. — 1989. — № 23 (3–10 июня). — С. 8; Культура и жизнь. — 1989. — № 9. — С. 32; Лит. газ. — 1989. — 19 апр. (№ 16). — С. 8.

72. [Из интервью болгарской газете «Народна култура» от 9–18 сент. 1981 г.] // Георгиев Л. Владимир Высоцкий знакомый и незнакомый / Пер. с болг. В. Викторова. — М.: Искусство, 1989. — С. 113–114; *То же*: Георгиев Л. Владимир Высоцкий: Встречи, интервью, воспоминания. — [2-е изд.]. — 1991. — С. 228–229.

73. [Из сценария телепередачи «Владимир Высоцкий»] / [Беседует] Н. Крымова // Телевидение вчера, сегодня, завтра '89. — М.: Искусство, 1989. — С. 191–192.

74. [Краткое предисловие] // Сербский В. Зачёт: Стихи. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — С. 5–6. — Миниатюр. изд.; *То же* // Сербский В. Экзамен: Стихи. — Братск; СПб.: Четверг, 1998. — С. 8–10. — Миниатюр. изд.

75. Четыре вечера с Владимиром Высоцким: По мотивам телевизион. передачи [«Четыре встречи с Владимиром Высоцким»] / Автор и ведущий Э. Рязанов. — М.: Искусство, 1989. — С. 216–217; *То же*: Рязанов Э. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. — М.: Вагриус, 2004. — С. 239–240.

76. От редакции: [Коммент. О. к монологу Е. Клячкина о причинах его эмиграции] // Инф. бюл. по проблемам репатриации и еврейск. культуры. — 1990. — № 4–5 (апр. — май). — С. 18–20.

77. Из письма Булата Окуджавы к госпоже Эльдар (в девичестве Дарелл) // Моск. комсомолец. — 1990. — 10 мая.

78. [О положении в СП СССР] / Записал А. Щуплов // Кн. обозрение. — 1990. — 11 мая (№ 19). — С. 4. — В подборке: Всесоюзный «Ап-рель»: [Мнения участников учредит. съезда].

79. У нас два вопроса: [Анкета об итогах и перспективах Перестройки] // Юность. — 1990. — № 6. — С. 4.

80. [Выступление на общественном редакционном совете «ЛГ»] // Лит. газ. — 1990. — 31 окт. (№ 44). — С. 1, 3, 7. — В ст.: Писатели и газета.

81. [Из разговора с В. Никулиным] // Моск. правда. — 1990. — 2 нояб. — Из ст.: Валентин Никулин.

82. [Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24 и 26 декабря 1962 г.] / Подгот. к печ. С. Попов // Изв. ЦК КПСС. — 1990. — № 11. — С. 212–213. — В ст.: «Мы собрались для того, чтобы искренне высказать свои мысли»: (К истории встреч Н. С. Хрущёва с твор. интеллигенцией в 1962 и 1963 гг.).

83. Съезд писателей России: мысли вслух / Интервью взял Г. Кузьмин // Лит. Россия. — 1990. — 7 дек. (№ 49). — С. 8. — Портр.

84. [Анкета об американской литературе: Фрагм.⁴] // Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956—1980. — М.: Книга, 1990. — С. 139.
85. «Борис Годунов» на Таганке: Стенограмма обсуждения спектакля в Моск. театре драмы и комедии на Таганке 25 декабря 1982 г. [Выступл.] / Подготовлено Н. Панфиловой и О. Фельдманом // Вопр. театра: Сб. ст. и публ. — М.: Минкульт СССР; ВНИИ Искусствозна-ния; СТД РСФСР, 1990. — С. 295—296.
86. С праздником! // Учит. газ. — 1991. — 5—12 марта (№ 10). — С. 1.
87. [Выступление на общественном совете «ЛГ»] // Лит. газ. — 1990. — 17 апр. (№ 15). — С. 9. — В ст.: Талант — единственная власть.
88. Испытание победой: На вопросы, поставл. жизнью и сформу-лир. газетой, отвечают члены ред. совета и извест. писатели // Демо-крат. Россия. — 1991. — 19 апр. (№ 5). — С. 9.
89. Дни весёлых обманов: [О цифре 45] / [Записал] В. Чантурия // 45-я параллель. — Ставрополь, 1991. — Апр. (№ 4). — С. 3.
90. Читатели и К²: Анкета [о газ.] / [Записали] А. Шахматов и А. Щуп-лов // Кн. обозрение. — 1991. — 3 мая (№ 18). — С. 2, 10.
91. Заявка на талант: [Крат. предисл. к повести в стихах «Мёртвая голова» А. Дилурова] // Кн. обозрение. — 1991. — 17 мая (№ 20). — С. 7.
92. За что мы их любим? / Беседовала Е. Дроздова // Братья мень-шие. — 1991. — № 1 ([май]). — С. 5. — Портр.
93. «Ожидание длилось, а проводы были недолги»: Как рождался и умирал спектакль «Владимир Высоцкий». Ч. 2: [Из протокола расшир. заседания худ. совета Театра на Таганке 31 окт. 1981 г.] / Публ. С. Сидо-риной // Соврем. драматургия. — 1991. — № 4 (июль—авг.). — С. 183.
94. «Нет, это Окуджава...»: [Крат. интервью после операции] / Звонила поэту Н. Дардыкина // Моск. комсомолец. — 1991. — 25 сент.
95. Что на нашем знамени? / [Беседовал] М. Овечкин // Кн. обо-зрение. — 1991. — 15 нояб. (№ 46). — С. 8—9. — Портр.
96. [«Я думаю, если мы уже встали на путь разоблачения сталин-ского времени...»] // 33 ответа на один вопрос: Извест. совет. писатели о проблемах немцев в Совет. Союзе / Сост. И. Бастрон-Сухарь. — М., 1991. — С. 44 (на рус. яз.), 45 (на нем. яз.); *То же [в сокр.] в интервью:* Бастрон-Сухарь И. Судьба демократии — это судьба малых народов // Кн. обозрение. — 1991. — 10 нояб. (№ 45). — С. 5.
97. Монологи о песне: В новом контексте // Музыка России: Альм. — Вып. 9 / Сост. Е. Григорьева. — М.: Совет. композитор, 1991. — С. 77—78.
98. Блицинтервью [об итогах года и перспективах] // Огонёк. — 1992. — № 1 (28 дек. — 11 янв.). — С. 6—7.
99. Булат — долгое эхо тихого голоса: [О своих выступлениях по телевидению] // Семь дней. — М., 1992. — 17—23 февр. (№ 8). — С. 1.
100. [О смене руководства Содружества союзов писателей] // Комсом. правда. — 1992. — 25 марта. — В зам.: Берестов С. Весна. Писа-тели бунтуют: [Репортаж с пресс-конф.].

⁴ Полностью см. на с. 63—64 наст. выпуска.

101. Россия, Европа и интеллигенция: [«Круглый стол» об уроках коммунизма, необходимости диалога интеллигенции европ. стран] // Моск. новости. — 1992. — 13–19 апр. (№ 16). — С. 18–19.

102. В. С. И ты, Булат?: [Из интервью радио Варшавы] // Неделя. — 1992. — Июнь (№ 23). — С. 6.

103. Август=91 — август=92: итоги вслух // Веч. клуб. — 1992. — 22 авг. — С. 1, 2.

104. «Мусагет» взывает к властям: [Излож. письма А. Битова, Ф. Искандера, В. Виноградова и О. к властям в защиту памятника архитектуры] // Моск. новости. — 1992. — 20 сент. (№ 38). — С. 23.

105. Поэт — существо ранимое...: [Анкета о М. Цветаевой] // ЛГ-Досье. — 1992. — Сент. (№ 9). — С. 2.

106. «Одна — из всех — за всех — противу всех...»: [Анкета о М. Цветаевой] // Лит. газ. — 1992. — № 41 (7 окт.). — С. 6.

107. «Трагическая ошибка?»: [О снятии Е. Яковлева с поста председателя РГТК «Останкино»] // Моск. комсомолец. — 1992. — 26 нояб.

108. Что наша жизнь?: [Анкета о любимых играх] // Поле чудес. — 1992. — [Нояб.] (№ 1).

109. Как я снимался в кино: [С концерта в Москве, в ЦДРИ, 1985 г.] // ЛГ-Досье. — 1992. — [Нояб.] (№ 11). — С. 32.

110. [О поэте Я. Вольфсоне: Крат. предисл. к поэме С. Волковича] // Стрелец. — Париж; Москва; Нью-Йорк: Третья волна, 1992. — № 3 (сент. — дек.). — С. 111.

111. [Краткое предисловие к стихам А. Гончарова] // Апрель: Альм. — Вып. 6. — М.: РИА Юго-Запад, 1992. — С. 280.

112. [О Б. Ельцине и народных депутатах] // Огонёк. — 1993. — № 13 (апр.). — С. 2. — (Телеграммы, телефонограммы).

113. Давайте не будем суетиться...: [Референдум о доверии Президенту РФ, о положении в стране] / [Беседовала] С. Железцова // Невск. время. — СПб., 1993. — 17 апр.

114. Хорошо быть молодым. Независимо держаться...: У России есть праздник. А есть ли у неё независимость? // Комсом. правда. — 1993. — 11 июня. — С. 1.

115. Булат Окуджава: [Каким быть новому «Свободному журналу для интеллигенции»] // Бестселлер. — 1993. — № 1 (янв. — июнь). — С. 2.

116. [О работе в жюри] / [Записала] Н. Перова // Сегодня. — 1993. — 10 авг. — С. 12. — В подборке: Букер. Предварительный отсев: В Лондоне состоялось первое заседание жюри.

117. Что нас ждёт?: [Прогноз] // Аргументы и факты. — 1993. — Сент. (№ 39). — С. 3.

118. Страшно. Чудовишно. Гибнут невинные люди: [О событиях в Москве] // Веч. клуб. — 1993. — 5 окт.

119. За что я люблю «Вечерний клуб»? // Веч. Москва. — 1993. — 6 окт.; *То же [в сокр.]* // Веч. клуб. — 1993. — 26 окт.

120. «Я арбатский человек»: [О нац. вопросе] // Веч. клуб. — 1993. — 30 окт.

121. Цена жизни: [Ответ на записку из зала] // ЛГ-Досье. — 1993. — [Сент.—окт.] (№ 9–10). — С. 31.

122. [В поддержку Ю. Черниченко] // [Листовка к выборам в Федеральное Собрание России]. — М.: Моск. рабочий, [1993]. — Портр.; *То же* [факс.] // [Плакат].

123. «Я ему обязан жизнью»: [К 75-летию А. Солженицына] // Голос. — 1993. — 13–19 дек. (№ 50–51). — С. 8.

124. Мы будем жить лучше, так как другого выхода просто нет! [Новогод. анкета] // Моск. комсомолец. — 1993. — 31 дек.

125. 1993: человек года, антигерой года в России: Анкета // Голос. — 1994. — Янв. (№ 1). — С. 3.

126. [Пожелания журналу] // Вера, Надежда, Любовь. — 1994. — № 1. — С. 2.

127. 8 марта. Кто что думает по этому поводу: Празднич. анкета «Голоса» / Вопр. задавала Е. Белостоцкая // Голос. — 1994. — Март (№ 9). — С. 8.

128. «Письмецо в конверте, погоди, не рви!..»: Анкета [о письмах, об эпистоляр. жанре в лит.] // ЛГ-Досье. — 1994. — [Февр. — март] (№ 2–3). — С. 3.

129. «Волшебник XX века»: [Запись в книге отзывов иллюзиониста И. Кио] / Записал И. Дорожкин // Центр Плюс. — 1994. — Апр. (№ 14). — С. 16; *То же* [в сокр.]: Гортинский Е. Товарищ цирк: Книга отзывов Кио // Культура и жизнь. — 1984. — № 8. — С. 31.

130. Демократия — это состав крови / [Беседовал] А. Туманов // Нев. время. — СПб., 1994. — 17 мая.

131. Звёздный бал телегазеты: [Мнения о музыкал.-развлекат. тп О. Марусева «Под знаком Зодиака»] / [Записали Э. Николаева, В. Бочкарёв] // Моск. комсомолец. — 1994. — 26 июля.

132. [О конфликте в Театре на Таганке] // Лит. газ. — 1994. — 17 авг. (№ 33). — С. 8. — В ст.: Нодель М. Если друг оказался вдруг...: На Таган. площади продолжаются бои мест. значения.

133. [Об отношении поколений в писательской среде: Из выступл. на вечере «Лит. газ.»] // Веч. клуб. — 1994. — 15 нояб. — С. 1, 7. — В ст.: Некрасов Е. Как шестидесятники засиделись до «полночного троллейбуса».

134. Жизнь после смерти: К сороковому дню со дня гибели Дмитрия Холодова // Лит. газ. — 1994. — 23 нояб. (№ 47). — С. 3.

135. [Из выступления на встрече президента с интеллигенцией] // Лит. газ. — 1994. — 23 нояб. (№ 47). — С. 1, 3. — В ст.: Чудакова М. Наша демократия...

136. Не любить его — невозможно: [К 70-летию Ю. Давыдова] / Записала А. Ковалёва // Общ. газ. — 1994. — № 46 (18–24 нояб.). — С. 10.

137. [Из бесед] // Дидуров А. Солдаты русского рока. — М.: МП «Русь-90»; Гос. респ. центр рус. фольклора, 1994. — С. 42, 43, 66.

138. [Краткое интервью радио «Эхо Москвы» 3 октября] // Москва. Осень-93: Хроника противостояния / Сост.: Железнова Н. Л., Панова А. Г., Сурков А. П. — М.: Республика, 1994. — С. 420; *То же*. — 1995.

139. [Анкета Г. Маковского о С. Есенине / Из: Новый журн. Нью-Йорк, 1970. № 100] // Рос. провинция. — 1995. — № 4. — С. 2, 7. — В подборке: Сергей Есенин — это...

140. Отдельные неудачи среди сплошных удач: [Новогод. анкета] // Общ. газ. — 1995. — 29 дек. — 4 янв. (№ 1). — С. 10.

141. Всё делается по-советски: [О событиях в Чечне] // Голос. — 1995. — 30 янв. — 5 февр. (№ 5). — С. 2.

142. Воспоминания трёх советских писателей по поводу дня рождения Сталина: [Фрагм. интервью из газ. «Нью-Йорк таймс» от 16 дек. 1979 г.] / Публ. подгот. З. Водопьянова, А. Новиков // Куранты. — 1995. — 3 марта. — С. 9. — В подборке: Сталин — это болезнь.

143. Эхо выстрелов: из первых уст [Об убийстве В. Листьева] // Правда. — 1995. — 3 марта.

144. [Бывает ли у писателя отпуск] // Моск. комсомолец. — 1995. — 1 авг. — С. 4. — В ст.: Ковалёва А. Тихо! Писатели работают!»: «На улице Тренёва живу клёво».

145. [О жизни в писательском дачном посёлке] // Моск. комсомолец. — 1995. — 3 авг. — С. 2, 3. — В ст.: Ковалёва А. Переделкино.

146. Памяти Миши Нодела // Лит. газ. — 1995. — 16 авг. (№ 33). — С. 3; То же // Лит. базар. — 1995. — № 15 (авг.). — С. 3.

147. [Главное событие месяца — Чечня] // Новое кн. обозрение. — 1995. — № 4 (16–31 авг.). — С. 3.

148. Раб мечтает иметь своих рабов: [Откл. на ст. А. Тимофеева «Кто они были “враги народа”»] // Лит. газ. — 1995. — 13 сент. (№ 37). — С. 13. — В подборке: Студент Тимофеев как адвокат товарища Сталина.

149. Новая песня Окуджавы: [Об участии в реклам. кампании блока «Демократ. выбор России»] / [Беседовала] А. Ковалёва // Моск. комсомолец. — 1995. — 5 дек. — С. 3.

150. Таинственные «интеллектуалы»? Реплика [по поводу ст. В. Курицына «Кто виноват?» в номере от 13 дек. о Букер. премии] // Лит. газ. — 1995. — 27 дек. (№ 52). — С. 2.

151. «Будем сидеть тихо и, по возможности, больше смеяться»: [О Новогод. празднике; в излож.] // Моск. комсомолец. — 1995. — 30 дек. — С. 2.

152. Из стенограммы заседания Худсовета, посвящённого обсуждению репетиций поэтического представления «Владимир Высоцкий» 15 июля 1981 года // О спектакле «Владимир Высоцкий». — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1995. — С. 16. — (Прил. к журн. «Вагант»; № 55–58).

153. Из стенограммы заседания Худсовета (расширенное заседание, посвящённое обсуждению репетиции поэтического представления «Владимир Высоцкий») 31 октября 1981 года // О спектакле «Владимир Высоцкий». — М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1995. — С. 42–43. — (Прил. к журн. «Вагант»; № 55–58).

154. 28 января 1996 года умер великий русский поэт Иосиф Александрович Бродский // Гражданин. — СПб., 1996. — 31 янв. (№ 3).

155. Памяти Олега Васильевича Волкова // Рус. мысль. — Париж; М., 1996. — 15–21 февр. — С. 18.

156. Мы начинали очень робко: Невыуч. уроки 56-го: [Анкета] // Лит. газ. — 1996. — 21 февр. (№ 8). — С. 11.

157. Был бы стакан, а буря найдётся: [Решение Госдумы о денонсации Беловеж. соглашений] // Веч. клуб. — 1996. — 21 марта. — С. 1.

158. Дорожите правом ругать власть! : [О предстоящих президент. выборах] // Комсом. правда. — 1996. — 2 апр. — С. 3. — Портр. / Фото Д. Азарова.

159. [Пересказ мнения о нынеш. власти; из лич. беседы] // Аргументы и факты. — 1996. — Май (№ 12). — С. 3. — В интервью: *Синявский А., Розанова М.* Вечные оппозиционеры / [Беседовал] В. Полупанов.

160. «Может, Зюганов — «редиска» в своих рядах?» / Подгот. И. Мильштейн // Новое время. — 1996. — № 20 (май). — С. 16. — В подборке: Голоса из хора: Предвыбор. анкета «Нового времени».

161. [Об авторской песне] // Огонёк. — 1996. — № 20 (май). — С. 56–57. — (Отечеств. записки).

162. Буду голосовать только за Ельцина / [Записал] Н. Ильтуганов // * Демократ. выбор. — 1996. — 6 июня; *То же.* — [Листовка. — М., 1996].

163. За кого вы собираетесь голосовать на грядущих президентских выборах? // Выбирай!. — СПб., 1996. — Июнь (№ 5).

164. Я был сыном «врагов народа» // Рос. вести. — 1996. — 26 июня. — С. 2.

165. Куда уедет цирк?: [Ответ на вопр. о возмож. победе на выборах коммунистов] / Гостей расспрашивала Е. Дикун // Общ. газ. — 1996. — 4–10 июля (№ 26). — С. 1, 2.

166. [О поэтическом буме 1960-х] // Огонёк. — 1996. — № 27 (июль). — С. 55. — (Отечеств. записки).

167. Признания в любви: [О руководителе ВГТРК Э. Сагалаеве] // Антенна. — 1996. — 22–28 июля (№ 28). — С. 5.

168. [О Чечне и власти] // Огонёк. — 1996. — № 44 (нояб.). — С. 114. — (Отечеств. записки).

169. Рейтинг-96 «КО»: [Лучшая кн. года / Подгот.: А. Щуплов, Е. Ульченко, Е. Лесин] // Кн. обозрение. — 1996 — 31 дек. (№ 52). — С. 14.

170. [Краткое предисловие] // Стихи и песни калининградских бардов / Сост. И. Моргулева. — Калининград: Б. и., 1996. — С. 3.

171. [О творчестве Юза Алешковского] // Алешковский Юз. Собрание соч.: В 3 т. — М.: ННН, 1996. — Т. 2. — С. суперобл. 4.

172. [Выступление на концерте победителей Первого ленинградского городского конкурса авторов и исполнителей самодетельной песни 25 мая 1965 г.] // От костра к микрофону / Сост. А. и М. Левитаны. — СПб.: РЕСПЕКС, 1996. — С. 259.

173. Рейтинг-96 «КО»: [Пожелание читателям] / [Подгот.]: А. Щуплов, Е. Ульченко, Е. Лесин // Кн. обозрение. — 1997. — 21 янв. (№ 2). — С. 9.

174. [О памятнике Петру I работы З. Церетели] // Столица. — 1997. — № 1 (22 февр.). — С. 25. — В ст.: Мостовиков С. Долой царя!

175. Ушла ли Россия из Чечни?; Каких последствий в случае «развода» вы ожидаете для России и для Чечни? // Новое время. — М., 1997. — № 7 (23 февр.). — С. 6–7.

176. Симпатизирую Чубайсу, но не как политику, а как человеку: [Крат. интервью] // Коммерсантъ-daily. — 1997. — 15 марта. — С. 12; *То же [в сокр.]*: Академик Лихачёв и поэт Окуджава приветствуют назначение Чубайса / По материалам «Интерфакса» // Демократ. выбор. — 1997. — 20 марта (№ 12).

177. Ваше отношение к Всероссийской акции протеста, намеченной на 27 марта 1997 года?: Вопр. по телефону // Веч. клуб. — 1997. — 20–26 марта (№ 11). — С. 1.

178. [О Белле Ахмадулиной] // Моск. комсомолец. — 1997. — 10 апр. — Из ст.: Дардыкина Н. Белла.

179. Окуджаву смотрел то, что ему нравилось: [Интервью по телефону] / [Беседовал] М. Панюков // Антенна. — 1997. — 30 июня — 6 июля (№ 24). — С. 3.

180. [О книжном магазине «Библио-Глобус»; 23.7.96: Факс.] / Из альбома Культурного центра при магазине // Кн. обозрение. — 1997. — 26 авг. (№ 34). — С. 10. — В ст.: Овчинников В. Н. Новая философия «Библио-Глобуса» / Беседовала Е. Ульченко.

181. [Краткое предисловие] // Живописцева И. Последняя любовь: Стихи и рассказы. — СПб.: ПИК, 1997. — С. 2.

182. [О поэте А. Ткаченко] // Кн. обозрение. — 1998. — 3 февр. (№ 5). — С. 18. — В ст.: Ткаченко А. «Футбол» Александра Ткаченко / [Беседовала] Н. Гроздилова.

183. [О войне в Чечне] / Из выступл. в Бол. зале ЮНЕСКО 23.06.95 // Моск. новости. — 1999. — 14–20 дек. (№ 48). — С. 2. — В ст.: Гинзбург А. «Дети Солженицына», а не «дети цветов»: По поводу ст. Д. Бабица «Жестокие игры “детей цветов”» («МН» № 45).

Коллективные письма и некрологи

184. [Поздравление Н. С. Хрущёву с 70-летием] / Р. Казакова, Г. Медынский, Л. Мартынов и др., всего 56 подп. // Юность. — 1964. — № 4. — С. 2–3.

185. В. Н. Болховитинов: Некролог // Лит. газ. — 1980. — 9 янв. (№ 2). — С. 3.

186. Открытое письмо [председателю Моссовета В. Т. Сайкину и первому секретарю МГК ВЛКСМ С. А. Смирнову о необходимости создания музея в доме М. А. Булгакова] / С. Аверинцев, Ч. Айтматов, Б. Ахмадулина и др., всего 16 подп. // Собеседник. — 1986. — Ноябрь. (№ 47). — С. 6.

187. Умер Виктор Некрасов / Г. Бакланов, Б. Окуджаву, В. Кондратьев, В. Лакшин // Моск. новости. — 1987. — 13 сент. (№ 37). — С. 6.

188. [О необходимости возрождения Общества покровительства животным] / Б. Окуджаву, М. Ульянов // Огонёк. — 1987. — № 46 (14–21 нояб.). — С. 4.

189. Разве он такой же, как все?: [О необходимости возобновл. выставки скульптора В. Сидура] / Е. Велихов, А. Вознесенский, В. Гинзбург и др., всего 7 подп. // Лит. газ. — 1988. — 17 февр. (№ 7). — С. 8.

190. Спасти Битцу!: Открытое письмо председателю Мосгорисполкома тов. В. Т. Сайкину / Г. Боровик, В. Горбатко, Е. Долматовский и др., всего 14 подп. // Неделя. — 1988. — 18–24 апр. (№ 16). — С. 11.

191. Демократию надо защищать: [Заявление членов клуба «Моск. трибуна» в связи с армяно-азербайдж. конфликтом; в крат. излож.] / С. Аверинцев, Ю. Афанасьев, Л. Баткин и др., всего 13 подп. // Комс. правда. — 1988. — 3 дек.

192. [В защиту чести Л. Копелева] / Ф. Искандер, Ю. Карякин, В. Корнилов, Б. Окуджава и др., всего 52 подп. // Огонёк. — 1989. — № 2 (7–14 янв.). — С. 5.

193. Несколько мнений о «Письме семи»: [В защиту журн. «Огонёк»] / В. Быков, Б. Васильев, А. Вознесенский и др., всего 10 подп. // Огонёк. — 1989. — № 6 (4–11 февр.). — С. 27; *Откл.* // Там же. — № 15 (15–22 апр.). — С. 13. — В подборке: Бондарев Ю. «Мы живём в плюрализме, чёрт возьми».

194. [О создании независ. обществ. комитета «Писатели в поддержку перестройки»] / О. Волков, А. Гельман, В. Дудинцев и др., всего 26 подп. // Огонёк. — 1989. — № 7 (11–18 февр.). — С. 5.

195. Остановите чёрную стрелу!: [В защиту иран. писателя С. Рушиди] / Р. Сагдеев, А. Битов, А. Вайнер и др., всего 14 подп. // Моск. новости. — 1989. — 12 марта (№ 11). — С. 4.

196. Заявление исполкома русского советского ПЕН-центра: [В защиту гл. ред. журн. «Октябрь» А. Ананьева] / А. Рыбаков, А. Битов, А. Вознесенский и др., всего 14 подп. // Лит. газ. — 1989. — 13 сент. (№ 37). — С. 7; *То же* // Октябрь. — 1989. — № 10. — С. 201–202.

197. [Заявление совет. ПЕН-центра в защиту гл. ред. газ. «Кн. обозрение» Е. Аверина] / А. Рыбаков, Е. Евтушенко, А. Вознесенский и др., всего 8 подп. // Огонёк. — 1989. — № 47 (19–26 нояб.). — С. 8.

198. [Памяти А. Д. Сахарова] / Коллектив ред.; Б. Окуджава, Б. Галязимов, В. Рогачёв, О. Усминский // Тюмен. комсомолец. — 1989. — 16 дек. — С. 1.

199. Письмо 62 писателей в Президиум XXIII съезда КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, в Президиум Верховного Совета РСФСР: [Просьба выпустить на поруки осужд. писателей А. Синявского и Ю. Даниэля] / К. Чуковский, И. Эренбург, В. Шкловский и др. // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля: Сб. / Сост. Е. Великанова. — М.: Книга, 1989. — С. 499–500; *То же* / А. Анастасьев, А. Аникст, Л. Аннинский и др., всего 63 подп. // Каверин В. Эпilog: Мемуары. — М.: Моск. рабочий, 1989. — С. 393–394; Лит. новости. — 1992. — Дек. (№ 20). — С. 4. — *Там же*: Бабёнышева С. История шестидесяти трёх; *То же [фрагм.] в ст.*: Евграфов Г., Карпов М. По статье 70-ой... // Огонёк. — 1989. — № 19 (6–13 мая). — С. 23–24.

200. Пока не поздно: Открытое письмо членом Политбюро ЦК КПСС [об опас. проявлениях фашизма в СССР] / И. Виноградов, Н. Иванова, Е. Лопатина и др., всего 35 подп, членов КПСС движения писателей в поддержку перестройки «Апрель» // Лит. газ. — 1990. — 14 февр. (№ 7). — С. 9.

201. Декларация движения Гражданское содействие / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Афанасьев, Л. М. Баткин и др., всего 23 подп. // Нев. курьер. — СПб., 1990. — 5–18 февр. (№ 6). — С. 8; *То же*: Декларация движения «Гражданское содействие» // Позиция. — М., 1990. — [Февр.] (№ 2); *То же* / Всего 29 подп. // Огонёк. — 1990. — № 8 (17–24 февр.). — С. 5; *То же* / Всего 26 подп. // Новое время. — 1990. — № 8 (февр.). — С. 25.

202. [Соболезнования совет. ПЕН-центра: памяти Сергея Довлатова] / А. Рыбаков, Б. Ахмадулина, А. Битов и др., всего 18 подп. // Лит. газ. — 1990. — 29 авг. (№ 35). — С. 9.

203. «Московские новости» — независимая народная газета: Платформа учредителей / А. Гельман, Ю. Рыжов, А. Ципко и др., всего 38 подп. // Моск. новости. — 1990. — 2 сент. (№ 35). — С. 2.

204. Потеря невосполнима: Некролог [об А. Мене] / А. Борисов, С. Бычков, И. Виноградов и др., всего 10 подп. // Моск. новости. — 1990. — 16 сент. (№ 37). — С. 5.

205. Преступление режима, который не хочет сходить со сцены: Заявление членов учредит. совета «МН» [о кровавых событиях в Литве] / Т. Абуладзе, Е. Амбарцумов, А. Бовин и др., всего 30 подп. // Моск. новости. — 1991. — 20 янв. (№ 3). — С. 1; *То же в сокр.*: Красное или белое?: (Драма Августа-91: факты, гипотезы, столкновение мнений). — М.: Терра, 1992. — С. 18—19.

206. Нет оправданий: [Протест рус. совет. ПЕН-центра против применения насилия в суверен. Литве] / А. Рыбаков, С. Алёшин, Б. Ахмадулина и др., всего 50 подп. // Лит. газ. — 1991. — 23 янв. (№ 3). — С. 3.

207. Товарищу Кравченко, человеку и председателю: [Отказ от сотрудничества с ЦТ] / В. Абдрашитов, Р. Адомайтис, А. Алиев и др., всего 57 подп. // Комс. правда. — 1991. — 24 янв.

208. Право на правду: [Обращение рус. совет. ПЕН-центра к нар. депутатам в защиту свободы печати] / А. Рыбаков, А. Адамович, В. Аксёнов и др., всего 70 подп. // Лит. газ. — 1991. — 13 февр. (№ 6). — С. 3.

209. Аркадий Натанович Стругацкий: Некролог / А. Адамович, А. Ананьев, В. Арро и др., всего 9 подп. // Лит. газ. — 1991. — 23 окт. (№ 42). — С. 9.

210. Обращение совета учредителей «МН» к интеллигенции Грузии, к интеллигенции стран Содружества: [Призыв к прекращению кровопролития] / Ю. Афанасьев, А. Борщаговский, П. Бунич и др., всего 21 подп. // Моск. новости. — 1992. — 26 янв. (№ 4). — С. 4.

211. Сын Галича — не самозванец: Им движет любовь, а не меркантил. интерес / Ю. Ким, Н. Коржавин, Н. Каретников, Б. Окуджава, З. Крахмальникова // Независимая газ. — 1992. — 20 февр. — С. 6.

212. Конфликт писательского союза с писательским изданием: [В защиту ред. журн. «Дружба нар.»] / С. Алексиевич, Ч. Амиразджиби, А. Ананьев и др., всего 18 подп. // Изв. — М., 1992. — 21 февр. — С. 8.

213. Дорожает всё, дешевеет лишь творческий труд: Заявление рус. ПЕН-центра [о необходимости немедл. помощи книгоиздател. и журн. делу] / В. Аксёнов, С. Алёшин, А. Арканов и др., всего 84 подп. // Лит. газ. — 1992. — 26 февр. (№ 9). — С. 2 // Независимая газ. — 1992. — 25 февр. — С. 7.

214. Интеллект нуждается в защите: [О необходимости создания эффектив. системы охраны прав интеллектуал. собственности] / М. Дудин, Ф. Искандер, Б. Окуджава и др., всего 17 подп. // Труд. — 1992. — 21 марта.

215. Президенту России Борису Ельцину [В поддержку курса реформ] / И. Виноградов, Р. Гальцева, З. Крахмальникова и др., всего 10 подп. // Лит. газ. — 1992. — 15 апр. (№ 16). — С. 1.

216. Мы — правопреемники: Письмо Президенту России. [Содружество союзов писателей — правопреемник Союза писателей

СССР] / А. Адамович, Ч. Айтматов, А. Ананьев и др., всего 20 подп. // Лит. новости. — [1992]. — [Апр.] (№ 4). — С. 5.

217. Открытое письмо делегатам IX съезда писателей: [Об отношении к оргкомитету съезда; в сокр.] / В. Быков, Р. Бородулин, В. Кондратьев и др., всего 24 подп. // Лит. газ. — 1992. — 13 мая (№ 20). — С. 3.

218. Участвовать не намерены: [О IX съезде писателей] / Д. Гранин, Ю. Черниченко, Б. Окуджава и др., всего 9 подп. // Лит. газ. — 1992. — 20 мая (№ 21). — С. 4.

219. Памяти Маргариты Алигер / А. Анфиногенов, А. Вознесенский, Д. Данин и др., всего 26 подп. // Лит. газ. — 1992. — 5 авг. (№ 32). — С. 6; *То же*: Маргарита Алигер: 1915–1992 / Всего 28 подп. // Лит. новости. — 1992. — Авг. (№ 10). — С. 5.

220. «Нет» ползучему перевороту: Обращение группы нар. депутатов и представителей демократ. общественности [о политич. ситуации в стране] / А. Адамович, И. Андреева, А. Анфиногенов и др., всего 49 подп. // Изв. — М., 1992. — 26 окт. — С. 1, 2.

221. С какой стати ИПО писателей финансирует профашистские издания? / А. Гербер, А. Иванов, Ф. Медведев и др., всего 8 подп. // Лит. новости. — 1992. — Ноябрь. (№ 18). — С. 1, 3.

222. Спаси и сохрани: [Идея создания мемориал.-истор. комплекса Второй мировой войны] / А. Злобин, Л. Копелев, Л. Лиходеев, Б. Окуджава // Лит. новости. — 1992. — Янв. (№ 21–22). — С. 3.

223. Евгений Михайлович Винокуров: Некролог / К. Ваншенкин, Ю. Бондарев, Г. Бакланов и др., всего 14 подп. // Лит. газ. — 1993. — № 4 (27 янв.). — С. 3; *То же*: Евгений Винокуров: Слово об ушедшем друге / Б. Ахмадулина, Т. Бек, К. Ваншенкин и др., всего 32 подп. // Лит. новости. — 1993. — февр. (№ 24). — С. 11.

224. Чтоб не попасть под колёса: [В поддержку президента России] / Б. Ахмадулина, Р. Гальцева, Ю. Карякин и др., всего 18 подп. // Изв. — М., 1993. — 20 марта. — С. 8.

225. Телеграмма Евгению Евтушенко [к 60-летию] / Адамович, Анастасьев, Анфиногенов и др., всего 34 подп. // Лит. новости. — 1993. — Июль (№ 40–41). — С. 3.

226. Требуем досрочных выборов не позднее осени: Обращение 37 писателей [О всевластии Советов и перевыборах Верховного Совета России] / А. Адамович, К. Азадовский, А. Анфиногенов и др. // Лит. новости. — 1993. — Авг. (№ 43). — С. 1, 2.

227. Анастасия Ивановна Цветаева похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище / С. Филатов, А. Шохин, Е. Сидоров и др., всего 19 подп. // Рос. вести. — 1993. — 9 сент.

228. Слово прощания: Некролог [о В. Кондратьеве] / А. Адамович, Я. Аким, С. Алексиевич и др., всего 49 подп. // Лит. газ. — 1993. — 29 сент. (№ 39). — С. 3.

229. Писатели требуют от правительства решительных действий: [Обращение к согражданам в связи с кровавыми событиями в Москве] / А. Адамович, А. Ананьев, А. Анфиногенов и др., всего 42 подп. // Изв. — М., 1993. — 5 окт. — С. 3; *То же* [в сокр.]: Общественное мнение:

Из обращения к согражданам извест. литераторов / Всего 43 подп. // Москва. Осень-93: Хроника противостояния. — М.: Республика, 1994. — С. 493–494; *То же*. — 1995.

230. Памяти Алеся Адамовича / С. Аверинцев, С. Алексиевич, А. Ананьев и др., всего 46 подп. // Лит. новости. — 1994. — Февр. (№ 4). — С. 4; *То же*: Алесь Адамович / С. Аверинцев, Ч. Айтматов, С. Алексиевич и др., всего 56 подп. // Лит. газ. — 1994. — 2 февр. (№ 5). — С. 3.

231. Состояние «отеческих могил» — свидетельство состояния общества: [Излож. письма к президенту России] / О. Ефремов, Б. Ахмадулина, Б. Мессерер и др., всего 15 подп. // Изв. — М., 1994. — 25 февр. — С. 2.

232. Помогите восстановить Дом писателя! [О пожаре в Петерб. Доме писателя] / А. Анфиногенов, В. Арро, Б. Васильев и др., всего 20 подп. // Лит. газ. — 1994. — 16 февр. (№ 7). — С. 3.

233. Игорь Шаферан: Некролог / П. Аелоницкий, Л. Дербенёв, Э. Иодковский и др., всего 14 подп. // Лит. новости. — 1994. — Март–апр. (№ 8). — С. 10.

234. Виктор Фогельсон: Некролог / А. Анфиногенов, Б. Ахмадулина, Л. Беспалова и др., всего 19 подп. // Лит. газ. — 1994. — 22 июня (№ 25). — С. 6.

235. Юрий Нагибин: Некролог / А. Ананьев, А. Анфиногенов, В. Астафьев и др., всего 33 подп. // Лит. газ. — 1994. — 22 июня (№ 25). — С. 4; *То же*: Юрий Маркович Нагибин / Всего 45 подп. // Кн. обозрение. — 1994. — 28 июня (№ 26). — С. 9.

236. Спасти «Дружбу народов»! / С. Алексиевич, А. Вознесенский, Р. Гамзатов и др., всего 13 подп. // Лит. газ. — 1994. — 13 июля (№ 28). — С. 3.

237. Вернём столице её историю: [Письмо мэру Москвы Ю. Лужкову о переименовании моск. улиц; в сокр.] / Д. Лихачёв, С. Аверинцев, С. Шмидт и др., всего 37 подп. // Изв. — М., 1994. — 9 авг. — С. 5; *То же [с иными купюрами]*: Не имена — псевдонимы / Д. Лихачёв, С. Аверинцев, М. Захаров и др. // Веч. Москва. — 1994. — 15 авг. — С. 6.; Полянка, Таганка и вал Земляной / Д. Лихачёв, М. Захаров, Б. Окуджава и др. // Куранты. — 1994. — 19 авг. — С. 9.

238. [Благодарность организациям и должностным лицам, оказавшим помощь в день кончины Ю. Нагибина] / А. Нагибина, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина и др. // Лит. газ. — 1994. — 24 авг. (№ 34). — С. 3.

239. «Орфей» должен быть спасён: [Письмо премьер-министру России В. Черномырдину в защиту радиоканала клас. музыки] / Д. Лихачёв, Б. Покровский, С. Юрский и др., всего 8 подп. // Независимая газ. — 1994. — 27 авг. — С. 8; *То же [в крат. излож., с доп. адресом: председателю ТРК «Останкино» А. Яковлеву]* // Изв. — М., 1994. — 26 авг. — С. 4.

240. Свара среди демократов расчищает реакции путь к власти / А. Битов, А. Герман, С. Гандлевский и др., всего 13 подп. // Изв. — М., 1994. — 30 авг. — С. 5.

241. [Обращение к читателям за помощью поэту Н. Искренко] / Б. Окуджава, Ю. Мориц, Е. Евтушенко и др., всего 8 подп. // Лит. газ. — 1994. — 19 окт. (№ 42). — С. 6.

242. Наша демократия слаба, реформы тяжелы, а в умах — хаос / А. Анфиногенов, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов и др., всего 74 подп. //

Изв. — М., 1994. — 28 окт. — С. 4; *То же* / Всего 75 подп. // Лит. вестн. — 1994. — [Нояб.] (№ 1). — С. 2.

243. Памяти Григория Левина / Б. Ахмадулина, В. Берестов, Н. Бялосинская и др., всего 14 подп. // Лит. газ. — 1994. — 9 нояб. (№ 45). — С. 3.

244. [Письмо мэру Москвы в поддержку прав потомков «Дома Перловых»: В крат. излож.] / В. Солоухин, В. Песков, С. Михалков и др. // Веч. Москва. — 1994. — 7 дек. — С. 2. — В ст.: Глинка Т. Что дозволено Макдональдсу — невозможно Перловым?

245. Памяти Бориса Чичибабина / Б. Ахмадулина, Т. Бек, Е. Бершин и др., всего 28 подп. // Лит. газ. — 1994. — 21 дек. (№ 51). — С. 3.

246. Олегу Волкову — 95 / Ч. Амирэджиби, В. Бахмин, Н. Богатикова и др., всего 26 подп. // Моск. комсомолец. — 1995. — 21 янв. — С. 4.

247. Не нужны России недоучки: [Обращение к президенту, премьеру и депутатам Федерал. собрания по поводу призыва студентов в армию] / Н. Моисеев, Б. Раушенбах, А. Яншин и др., всего 30 подп. // Лит. газ. — 1995. — 22 февр. (№ 8). — С. 1, 2; *То же* [в сокр.]: Требования военных обескровят интеллектуальный потенциал страны // Изв. — М., 1995. — 22 февр. — С. 2.

248. М. Л. Гаспарову — 60 лет / Ф. Искандер, С. С. Аверинцев, А. Битов и др., всего 19 подп. // Лит. газ. — 1995. — 19 апр. (№ 16). — С. 6.

249. Памяти Сергея Антонова / Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, Т. Бек и др., всего 14 подп. // Лит. газ. — 1995. — 17 мая (№ 20). — С. 4.

250. Ушёл друг: [Турецкий писатель Азиз Несин] / А. Арканов, Ч. Гусейнов, Б. Окуджава, М. Ткачёв, Р. Фиш // Лит. газ. — 1995. — 12 июля (№ 28). — С. 9.

251. Заявление русского ПЕН-центра: [Требование от правоохранит. органов немедл. расследования нападения на В. Оскоцкого] / А. Битов, А. Рыбаков, А. Вознесенский и др., всего 21 подп. // Сегодня. — 1995. — 17 нояб. — С. 6.

252. Манифест в защиту культуры / Д. С. Лихачёв, Ж. И. Алфёров, В. Е. Фортвов и др., всего 47 подп. // С.-петерб. ун-т. — 1995. — 27 нояб. (№ 9). — С. 1–2; *То же*: / Всего 46 подп. // Фурсей Г. Н., Рюмцев Е. Н., Чирятыев М. Н. Наука и образование в общем контексте культуры как определяющий фактор устойчивого развития России. — СПб.: Изд-во С.-петерб. ун-та, 1999. — С. 143–147.

253. Без «врагов народа» большевики не обойдутся: [Против кампании клеветы и травли А. Н. Яковлева] / Д. Гранин, Б. Васильев, А. Иванов и др., всего 11 подп. // Изв. — М., 1996. — 4 янв. — С. 5.

254. Остановите Чеченскую войну!: Обращение ста представителей рос. интеллигенции к президенту Российской Федерации / В. Абдрашитов, П. Алешковский, Л. Аннинский и др. // Изв. — М., 1996. — 6 янв. — С. 1.

255. Прощание с Юрием Левитанским / В. Астафьев, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов и др., всего 70 подп. // Лит. газ. — 1996. — 31 янв. (№ 5). — С. 3.

256. К миллиону присоединяем свои голоса: [В поддержку обращения губернатора В. Немцова к президенту о незамедлит. прекра-

шении войны в Чечне] / А. Приставкин, В. Оскоцкий, К. Ковальджи и др., всего 15 подп. // Изв. — М., 1996. — 1 февр. — С. 1.

257. Памяти Лидии Чуковской / С. Агапов, Я. Аким, И. Бабёнышева и др., всего 71 подп. // Лит. газ. — 1996. — 14 февр. (№ 7). — С. 3.

258. Сто слов ста москвичей о своём мэре / А. Аганбегян, А. Адамишин, С. Алексеев и др., всего 100 подп. // Общ. газ. — 1996. — 29 февр. — 6 марта (№ 8). — С. 1.

259. Мы никого не уполномочивали говорить от нашего имени [В ответ на «Обращение творческой интеллигенции России в поддержку кандидата в президенты РФ Г. А. Зюганова»] / А. Анфиногенов, О. Басилашвили, Р. Быков и др., всего 27 подп. // Изв. — М., 1996. — 13 апр. — С. 2.

260. Президент сегодня не имеет права рисковать [Писатели-фронтовики против поездки Б. Н. Ельцина в Чечню] / А. Анфиногенов, Г. Бакланов, Д. Гранин, всего 7 подп. // Изв. — М., 1996. — 17 мая. — С. 2.

261. Манифестация и митинг-концерт у стен Кремля 12 июня в день независимости России / Г. Хазанов, В. Войнович, О. и др., всего 5 подп. // [Листовка. — М., 1996].

262. Решается судьба России / В. Аксёнов, А. Анфиногенов, Б. Ахмадулина и др., всего 57 подп. // Лит. газ. — 1996. — 12 июня (№ 24). — С. 2; *То же* // Выбирай!. — СПб., 1996 — Июнь (№ 5).

263. Слово прощания: [Об А. А. Иванове] / А. Анфиногенов, А. Арканов, Г. Бакланов и др., всего 43 подп. // Лит. газ. — 1996. — 19 июня (№ 25). — С. 4.

264. К гражданам России, ко всем добрым людям! / В. Абрамкин, Л. Алексеева, Е. Альбац и др., всего 20 подп. // Хроника тек. событий: Инф. бюл. Моск. Хельсинк. Группы. — 1996. — № 2 (6 сент.).

265. Владимир Николаевич Соколов: Некролог / В. Илюшин, Е. Сидоров, С. Красавченко и др., всего 25 подп. // Культура. — 1997. — 1 февр. (№ 4). — С. 2.

266. Но не такой же ценой!: [Письмо Б. Ельцину против проекта российско-белорусского договора] / В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Войнович и др., всего 12 подп. // Изв. — М., 1997. — 2 апр.

267. Открытое письмо Президенту РФ Ельцину Б. Н.: [О необходимости создания Всерос. юбилейн. комиссии по празднованию 100-летия А. Платонова] // Культура. — 1997. — 10 апр. (№ 14). — С. 2.

268. Наступление на свободу прессы — это наступление на демократию: [О попытке властей расправиться с независимыми «Известиями» руками нефтян. компании «Лукойл»] / Ю. Григорович, Н. Бессмертнова, Я. Засурский и др., всего 16 подп. // Изв. — М., 1997. — 18 апр. — С. 1; *То же* / Доп. 22 подп. // Там же. — 19 апр. — С. 1.

269. [Письмо IV съезду Союза писателей СССР в поддержку А. Солженицына, 1967 г.] // Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и док. об А. И. Солженицыне (1962–1974) / Сост.: В. Глоцер, Е. Чуковская. — М.: Рус. путь, 1998. — С. 216–217; *То же* [фрагм.] // Дон. — 1990. — № 4. — С. 29. — В кн.: Решетовская Н. Александр Солженицын и читающая Россия; *То же* // М.: Совет. Россия, 1990. — С. 301.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Мария Александровна — кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

БЕРШТЕЙН Анатолий Авраамович (1952) — в 1974 году закончил исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина, работал учителем истории, был организатором внеклассной работы. Обозреватель газет «Время новостей» и «Первое сентября».

БОЙКО Светлана Сергеевна — доцент кафедры истории русской литературы Института филологии и истории РГГУ. Автор многих статей о творчестве Окуджавы, а также кандидатской диссертации «Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система» (1998).

БОНДАРЕНКО (Шершабова) Валентина Николаевна — журналист. В 1966—1970 годы работала корреспондентом на Ростовском областном радио, позже — на Ленинградском телевидении. Живёт в Санкт-Петербурге.

БЫКОВ Дмитрий Львович (1967) — журналист, поэт, прозаик; автор многих книг, в том числе «Булат Окуджава», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (2009).

ВИНОГРАДОВ Владислав Борисович (1938) — режиссёр документального кино, оператор, продюсер; народный артист России. Живёт в Санкт-Петербурге. Автор ряда телефильмов об Окуджаве и с его участием.

ВРАДИЙ Валерий Николаевич (1942) — художник; член Международного художественного фонда. Учился во Львовском институте прикладного и декоративного искусства и в Московском полиграфическом институте; с 1969 года участник более 75 художественных выставок в СССР, России и за рубежом; многие работы находятся в музеях и в частных коллекциях в России, СНГ, в странах Европы. Живёт в Москве.

ГИЗАТУЛИН Марат Рустамович (1960) — исследователь творчества и биограф Булата Окуджавы; предприниматель. Один из основателей и первый директор народного музея Окуджавы в Переделкине. Председатель Клуба друзей Булата; издатель альманаха «Голос надежды».

ДЕЙЧ Марк Михайлович (1945) — журналист, публицист; в 1991–1996 годах — постоянный сотрудник московского бюро Радио Свобода.

ДОЛИНСКИЙ Даниил Маркович (1925–2009) — поэт, выпускник Литинститута, автор многих книг; родился в Полтавской области; фронтовик. Жил в Ростове-на-Дону.

ЕВЛАДОВ Пётр Владимирович (1923) — художник, журналист, поэт; живёт в Екатеринбурге. В 1948 г. окончил филиал ВГИКа при Свердловской киностудии. Работал постановщиком, художником-фотографом научно-популярных и художественных фильмов, режиссёром Свердловской телестудии. Почти 40 лет был художником в газете «Вечерний Свердловск».

ЕЗЕРСКАЯ Белла — журналист, театральный и литературный критик, эссеист. Окончила филфак Одесского университета. В 60–70-е гг. — заместитель директора Публичной библиотеки имени Ленина в Одессе, одна из распространителей самиздатской литературы. На Западе с 1977 г., живёт в Нью-Йорке.

ЗАВАЛИШИН Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) — родом из Петрограда. Закончил Ленинградский университет, работал на Лентехфильме как сценарист. В 1940-х годах попал на Запад. Автор монографии об Андрее Рублёве, а также многочисленных статей по русской литературе и искусству в «Новом журнале», «Гранях», «Новом русском слове» и других зарубежных изданиях. Скончался в Нью-Йорке.

ЗЕЕМАНН Клаус Дитер — профессор славистики, автор многочисленных работ по проблемам древнерусской литературы и русской поэзии.

КАФАНОВА Людмила — театровед, журналист; выпускница ГИТИСа. С 1975 г. живёт в Нью-Йорке. Автор двухтомника воспоминаний «Любовь и мистика. Тридцать пять лет, которых не было», вышедшего в США.

КОРЖАВИН Наум Моисеевич (1925) — поэт, публицист; эмигрировал в США в 1973 г., живёт в Бостоне.

КРЫЛОВ Андрей Евгеньевич (1955) — литературовед, историограф, библиограф авторской песни. В 1979–1985 годах — главный редактор самиздатской газеты «Менестрель». Текстолог и составитель нескольких сборников В. Высоцкого и воспоминаний о нём, альманаха «Мир Высоцкого» (1996–2002) и других сборников. Автор трёх книг и многих публикаций и статей о творчестве Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича.

КУЛАГИН Анатолий Валентинович (1958) — доктор филологических наук, профессор Коломенского пединститута; тема докторской диссертации — «Эволюция литературного творчества В. С. Высоцкого» (1999). Автор ряда книг о творчестве В. С. Высоцкого и Б. Ш. Окуджавы, а также многих статей об авторской песне.

МОСОВА Диана Владимировна — студентка 5 курса филологического факультета НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Пишет дипломную работу о блоковской традиции в лирике Окуджавы.

ПАНФИЛОВА Ирина Павловна — журналист. Сначала работала в многотиражной газете, а затем на телевидении (Нижний Тагил). С декабря 2008 г. пресс-секретарь Главы города.

ПАРАМОНОВ Борис Михайлович (1937) — философ, культуролог, эссеист; кандидат философских наук. Родился в Ленинграде, с 1978 г. живёт в Нью-Йорке.

ПОПОВСКИЙ Марк Александрович (1922–2004) — журналист, прозаик, выпускник философского факультета МГУ. В 1977 г. эмигрировал. Один из основателей Клуба русских писателей Нью-Йорка; вице-президент организации «Писатели в изгнании» американского отделения ПЕН-клуба.

РАДЧЕНКО Валерий Андреевич (1948) — выпускник Таганрогского радиотехнического института, ныне — начальник протокольного отдела ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат», город Нижний Тагил.

СВИРИДОВ Станислав Витальевич (1969) — кандидат филологических наук; тема диссертации — «Структура художественного пространства в поэзии Высоцкого» (2003). Доцент кафедры истории русской литературы Российского государственного университета им. И. Канта (г. Калининград). Автор ряда работ об авторской песне, а также теоретических разработок в области звучащей поэзии.

СМИРНОВ Владислав Вячеславович (1939) — доктор филологических наук, профессор ЮФУ (Южный федеральный

университет); публицист, поэт, краевед. Действительный член Евразийской Академии телевидения и радио. Автор 45 книг и многочисленных публикаций в периодической печати, его перу принадлежит ряд статей о творчестве Б. Окуджавы. Живёт в Ростове-на-Дону.

СУББОТИНА Татьяна Евгеньевна — инженер-экономист, многодетная мать; автор нескольких статей об авторской песне.

СЫЧЁВА Анастасия Валерьевна — старший преподаватель кафедры английского языка Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

ТИМАШЕВА Марина Александровна — театральный критик, кандидат искусствоведения; обозреватель радио «Свобода» по вопросам культуры.

ХАЗИН Михаил Григорьевич (1932) — прозаик, переводчик, публицист. Родился и жил в Молдове, работал в редакции республиканского литературного журнала «Кодры». Автор ряда книг. С 1995 года живёт в Бостоне, США. Вице-президент Американской антифашистской ассоциации иммигрантов из бывшего СССР, главный редактор её «Вестника».

ЧАЙКОВСКИЙ Роман Романович (1939) — декан филологического факультета Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан), доктор филологических наук, профессор; автор двух сборников статей об Окуджаве.

ШАУЛОВ Сергей Михайлович (1949) — кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета (г. Уфа). Автор двух книг о Владимире Высоцком (первая — совместно с А. В. Скобелевым), а также ряда статей об авторской песне.

ШУМКИНА Инна Викторовна — выпускница и преподаватель кафедры русского языка Самарского государственного университета. Направление научной деятельности: авторская песня как источник «чужого» слова.

ЮРОВСКИЙ Виктор Шлёмович (1946) — библиограф, составитель ряда сборников авторской песни. Специализируется на творчестве Б. Окуджавы, М. Анчарова, В. Высоцкого. Автор статей по темам, связанным с авторской песней, опубликованных в периодике и сборниках. Живёт в Москве.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абашели А. В. 344
Абельская Р. Ш. 109, 443–448
Абелюк Е. С. 303
Абрамов Ф. А. 252
Авакян С. А. 434
Авдонин А. Н. 46, 251, 261, 264
Аверинцев С. С. 173
Ажаев В. Н. 265, 282
Акелькин В. И. 238, 434
Аксёнов В. П. 14, 57, 61, 176, 241, 290, 329–331, 352, 373, 378, 386, 393, 394, 417
Аксёнова Н. В. 412
Акунин Б. 77
Александр I (Благословенный) 80
Александр II 80
Александр III 80, 83
Александр Евгеньевич 191
Александр Македонский 205
Александра Леонидовна 279
Александров Г. Ф. 169
Александрова М. А. (106–116), 152, 173, 478
Алексеев 166
Алексей Михайлович (Тишайший) 80
Алтаев Ал. 416
Амирэджиби М. И. (Чабуа) 200
Амфитеатров А. В. 122
Андерсон К. 198
Андреев Б. Ф. 323, 324
Андреев К. Е. 286
Андреев Я. Б. 8
Андроников И. Л. 61
Андропов Ю. В. 42
Аннин В. 426
Антокольский П. Г. 175, 276–279
Антонов Е. (422)
Анчаров М. Л. 481
Апдайк Дж. 63
Аракчеев А. А. 16
Аронов А. Я. 287, 298
Арсуага-Герра М. 412
Артамонова Е. А. 412
Арцимович О. В. 12, 13, 29, 38, 39, 58, 62, 200, 201, 337, 410, 428
Асеев Н. Н. 158, 168–171, 270
Астафьев В. П. 23
Астафьева Н. Г. 286, 287
Афанасьев К. М. 45
Ахмадулина Б. А. 57, 190, 198, 207, 279, 294, 309, 349, 362, 373, 378, 447
Ахматова А. А. 257, 279, 372, 390, 394, 445
Ашель Т. 451
Бабель И. Э. 330
Багрицкий Э. Г. 93, 123, 445
Баевский В. С. 150, 152
Байрон Дж. 15, 379, 387
Байтеряков Н. С. 268, 271, 272
Бакланов Г. Я. 359
Балаева (Делюсина) И. А. 241
Балтер Б. И. 60, 176
Бальтерманц Д. Н. 415
Баранов А. Н. 184
Баранов М. О. 237
Барановская М. Ю. 77
Баратынский Е. А. 81
Баруздин С. А. 66, 67
Басаев Ш. С. 87
Баталов А. В. 417

* В Именной указатель не включены: Б. Ш. Окуджава; персонажи художественных произведений, в том числе и реальные; различные мифические персонажи; фамилии, упоминаемые в полных названиях учреждений и организаций; а также фамилии из библиографического списка.

- Бах И. С. 31
Бахтин М. М. 447, 448
Бедный Д. 162, 259
Бежар М. 416
Бек Т. А. 159
Белая Г. А. 166
Белинков А. В. 400, 401
Белинский В. Г. 191, 274
Белов В. И. 23, 104
Белый А. 121, 122
Бенкендорф А. Х. 16, 76
Берестов В. Д. 280, 285
Берия Л. П. 80, 205, 214, 215, 217, 220
Берков В. П. 184
Берковский В. С. 434
Бернес М. Н. 323, 325, 445
Берновская Е. (415–416)
Берштейн А. А. (28–33), 478
Бестужев М. А. 164
Бетаки В. П. 349
Биешу М. Л. 25
Биргер Б. Г. 39
Бичевская Ж. В. 417
Блок А. А. 106–116, 118–121,
123–126, 150, 318, 319, 342, 376,
412, 421, 446, 447, 449
Блынский Д. И. 258
Богомолов Н. А. 141, 292
Богословский Н. В. 136
Богушевская И. А. 417
Бодренков А. М. 269
Бойко С. С. 143, (157–182), 410, 478
Бойцов А. А. 39
Болотников И. И. 55
Бонвер Е. 458, 459
Бондарева Н. 158
Бондаренко (Шершабова) В. Н. 311,
315, 329, (336–340), 478
Бондаренко И. М. 350, 327
Борисова И. 176
Босли К. 450
Ботвинник М. М. 10
Боттинг Т. 456, 457
Брассенс Ж. 401
Браун Д. 452, 455, 459
Брежнев Г. 343
Брежнев Л. И. 20, 21, 343
Бременер М. С. 176
Брик Л. Ю. 158, 170, 172, 174, 181
Брик О. М. 170
Бристол Э. (Bristol E.) 454
Бродская Г. 350
Бродский И. А. 358, 359, 417
Бройтман С. Н. 448
Брук П. 195
Брюсов В. Я. 171
Будённый С. М. 40
Букса И. П. 147
Булгаков М. А. 16, 157, 309, 330
Бунин И. А. 372
Быков В. В. 104
Быков Д. Л. 5, (84–105), 109, 142, 241,
245, 248–250, 255, 264, 288, 417,
446, 449, 478
Быстров В. Н. 306–309, 326, 327
Быстрова А. Н. 427
Бялосинская-Евкина Н. С. 285–287
Вавилов Н. И. 385, 386
Вагапов А. (Vagapov A.) 457–459
Вайль Э. (Елена, Лена) 358, 359,
362, 365
Вайсбейн О. 277, 303
Валенберг Р. 26
Ван Гог В. 319
Ваншенкин К. Я. 12, 13, 60, 61, 174
Ваншенкина Г. К. 12
Варламова И. (Ландау К. Г.) 388
Варченко В. В. 184
Васильев С. А. 122, 134
Васильев Ю. В. 39
Васильчиков С. А. 263, 264, 281–283
Вассерман А. 297
Вася Белый — см. Окуджава Вас. С.
Вася Чёрный — см. Киквадзе В. М.
Вахоничева О. 424–426
Вахтин Б. Б. 60, 62
Вловин С. В. 437–442
Вегин П. В. 314
Вейнинггер О. 92
Вейссборт Д. 451, 452, 459
Вениамина, инокиня 415
Вертинский А. Н. 10, 150–152
Ветров Н. 422
Визбор Ю. И. 197, 314, 355
Вийон Ф. 319, 339, 340, 399
Викман П. 416
Виноградов В. Б. (76–83), 478
Винокуров Е. М. 176, 197, 416
Винокурова И. Е. 167, 172, 175
Вирта Н. Е. 252
Витрук А. Н. 341
Влади М. 365, 371, 380
Владимиров С. В. 141
Владимов Г. Н. 176
Вознесенский А. А. 174, 309, 314, 319,
365, 373, 375, 377, 378, 388

- Войнович В. Н. 238, 296
 Волкова И. 67
 Волкова О. Е. 413
 Волконская М. Н. 82
 Волконский С. Г. 76, 82
 Володин А. М. 167, 285
 Волошин М. А. 10
 Володица М. С. 10
 Вольфсон Т. (Wolfson Т.)
 454, 456–459
 Воннегут К. 16
 Воронцова Е. К. 59
 Врадий В. Н. (34–43), 478
 Врубель М. А. 43, 316, 319
 Вулф Т. 63
 Высоцкий В. С. 10, 67, 93, 130, 131,
 143, 144, 155, 180, 182, 190,
 194–197, 257, 278, 294, 297, 355,
 365, 367, 373, 375, 378, 386, 390,
 395, 396, 417, 421, 428, 437, 438,
 440, 441, 480, 481
 Выходцев П. С. 139
 Габитов–Маликов Р. Д. —
 см.: Львов М. Д.
 Габриадзе Р. Л. 101
 Гаврилов Л. 338
 Гайдай Л. И. 299
 Гайдар Е. Т. 99
 Гал, Галактион — см. Табидзе Г. В.
 Галансков Ю. Т. 373
 Галич А. А. 10, 121, 122, 124, 150, 151,
 194–197, 241, 294, 310, 327,
 437–442, 480
 Гамсахурдия З. К. 103
 Ганичев 166
 Гарагула А. Г. 11, 12, 61
 Гаспаров М. Л. 118–122, 124, 125
 Гвахария Н. В. 204, 212–214
 Гвахария Г. В. 218, 219
 Гевиксман В. А. 433
 Гейне Г. 120, 121, 275
 Геллер М. Я. 364, 365
 Георгадзе Е. 213
 Георгадзе (Перемушева) Ф. П. 213
 Герасимов В. 298
 Гербер Авг. 61, 278
 Гербовицкий А. З. 434
 Гердт З. Е. 75
 Герман А. А. (мл.) 429
 Герцен А. И. 17, 102
 Гёте И. В. 275
 Гизатулин М. Р. (44–54, 57–67), 161,
 168, (198–233), 241, 246, 248, 250,
 265, 283, 285–287, 290, 294, 296,
 298, 479
 Гинзбург А. И. 375, 376
 Гитлер А. 441
 Гладилин А. Т. 383
 Глазков И. Н. 163
 Глазков Н. И. 157–179, 181, 182
 Глазкова Р. М. 160, 174
 Глазунов И. С. 365
 Глэд Дж. 452
 Гоген П. 319
 Голованов С. И. 258
 Голодный М. С. 109, 138
 Гончаров Виктор (С. М.) 176
 Горбачёв М. С. 129–131, 189
 Горбов Д. 172
 Гордейчев В. Г. 257, 258
 Городницкий А. М. 423, 424
 Горький М. 137
 Гофман Э. Т. А. 101
 Гофф И. А. 12, 60, 61
 Грабовецкий Ю. 332, 349
 Гранин Д. А. 200
 Граши А. 291
 Гребенщиков Б. Б. 92
 Грибачёв Н. М. 247, 252
 Грибоедов А. С. 173, 259
 Григорьев А. 296
 Григорьев Ап. А. 54
 Григорьян Л. Г. 327, 329–331
 Грицюк В. Э. 420
 Грицюк Н. Д. 419–421
 Грищенко С. Е. 428
 Гройсман Я. И. 58, 246, 359
 Грушко Е. А. 184
 Гуд Т. 123, 125
 Гудзенко С. П. 138
 Гудкова В. (421)
 Гуляев Ю. А. 323, 325
 Гуляева И. О. 410
 Гумилёв Н. С. 444
 Гурджи Д. П. 286
 Гурешидзе Н. В. 280
 Гусейнов Г. Ч. 242
 Гюнтер Х. 157
 Давиньон А. Я. 76, 77
 Давыдов Д. В. 445
 Давыдова Н. В. 303
 Дагерр Л. 77
 Дагуров В. Г. 167
 Даев Б. 151

- Даниэль Ю. М. 373
Дашковская Т. Б. 64
Дворниченко Н. 170
Дейнеко Э. В. 208, 229–233
Дейч М. М. (84–105), 479
Дельвиг А. А. 54
Делюсин Л. П. 192
Делюсина И. А. — см. Балаева И. А.
Дементьев А. Д. 95, 285
Дементьев В. В. 267, 269, 274
Дербеденев И. М. 269
Державин Г. Р. 162, 445
Держанский И. 457
Дёмин М. (Трифонов Г. Е.) 280
Джалиль М. 287, 291
Джамбул Джабаев 342
Джолсон А. 399, 400, 402
Джугашвили И. В. —
 см. Сталин И. В.
Джусоев Н. Г. 280
Дзимистаришвили Д. 209, 216
Дзимистаришвили О. Д. 204,
 208–210, 215, 216, 230, 232
Диллан Б. 401
Дмитриев И. И. 259
Дмитриева М. Н. 427
Добренко Е. 157
Добринина Д. (421–422)
Добровольский Д. О. 184
Добронравов Н. Н. 109
Довлатов С. Д. 417
Долгин Ю. 170, 174
Долина В. А. 424
Долинская Г. 353, 353
Долинский Д. М. 263, 268, 270, 311,
 321, 322, 325, 327, 331, 332,
 (341–353), 479
Долматовский Е. А. 280, 342
Дольский А. А. 190
Дорофеенко (Винникова) Л. Н. 327
Достоевский Ф. М. 146, 214, 319
Достян Р. М. 158
Драйзер Т. 63
Дремлюга В. А. 360
Дробашко В. 407
Дубчек А. 13
Дудаев Д. М. 98
Дьюхерст М. 456
Дюкова Э. Ю. 184
Дюма А. 16
Дядечко Л. П. 184
Евгенов С. В. 45, (51–54)
Евладов П. В. (6–9), 479
Евтушенко Е. А. 174, 279, 294, 309,
 314, 315, 318, 349, 365, 372–376,
 378, 380, 381, 386–388, 390, 391,
 393–396, 404, 425, 455
Егоров Н. М. 321, 322, 331, 332, 352
Езерская Б. (405–409), 479
Екатерина II 80
Елин Г. А. 175, 265
Ельцин Б. Н. 87, 89, 99, 100, 439
Ераков А. Н. 125
Ерёмин Ю. 6, 7
Ермаков В. И. 165
Ермолинская Ю. 84
Ермохина М. В. 412
Есенин С. А. 318, 342
Жадимировская (Бравура) Л. А. 61
Жадимировский А. П. 61
Жаров 166
Жароков Т. Ж. 268, 269
Жванецкий М. М. 4
Жданов А. А. 253
Живописцева (Смолянинова) И. В.
 168, 247, 344, 345
Жириновский В. В. 93, 99
Жолковский А. К. 447
Жуковский В. А. 150, 151, 162, 173, 446
Журавель М. 458
Журавлёв В. А. 248, 250, 254, 255,
 257–259
Журбин А. Б. 433
Завалишин В. К. (398–404), 479
Заднипру П. И. 23, 24
Задорнов М. Н. 430
Зайцев В. А. 294
Зайцев В. М. 421
Залиханов Ж. Ж. 321, 322
Замятин Е. И. 330
Зарнадзе Г. 204, 210
Засядко П. Л. 78
Захарчук М. 245
Заходер Б. В. 286
Зверев И. Ю. 176
Зеemann К. Д. (Seemann K. D.)
 (132–139), 479
Зеликин 166
Зенкевич М. А. 171
Зимин И. М. 238, 290
Золотин А. П. 261
Золотухин Б. А. 99
Зорин А. Л. 144
Зорин Л. Г. 252
Зурабов М. Ю. 439
Зюганов Г. А. 192

- И. Б. (395–397)
 Ивакин 46
 Иванов А. А. 25, 335
 Иванова А. 324
 Ивнев Р. (Ковалёв М. А.) 342
 Игнатова Н. А. 460
 Игорь — см. Окуджава И. Б.
 Икрамов К. А. 176
 Исаев Е. А. 268
 Исаковский М. В. 109, 138
 Искандер Ф. А. 19, 23, 67
 Каверин В. А. 157
 Казамбаева С. Ф. 410
 Каладзе К. Р. 279
 Калашников 343
 Калашников В. А. 353
 Калашникова И. 414
 Калипсо (Полихрони К.) 15
 Камбурова Е. А. 290, 314, 338
 Каменева О. Д. 217
 Капабланка Х. Р. 10
 Каплан Д. 360, 361
 Капутикан С. Б. 291
 Капцев В. А. 184
 Каралкин Б. 324, 332
 Карасик Д. Ю. 74
 Карлайл О. (Carlisle O.) 451
 Карол II 21
 Каршивадзе Н. И. 221
 Каспаров Г. К. 10
 Каспаров Р. О. 311
 Кастро Р. 12
 Кастро Ф. 12, 393
 Катаев В. П. 14, 42
 Катерисова Л. 426
 Кафанова Л. (366–368), 479
 Кафка Ф. 319
 Кахидзе М. И. 291
 Хаховский П. Г. 79
 Качанко П. Ф. 356, 460
 Каширина Е. 303
 Кибиров Т. Ю. 141, 292
 Киквадзе В. М. (Вася Чёрный)
 204, 206, 207, 212, 213
 Киквадзе Г. М. (Гоги) 213, 214
 Киквадзе Макр. П. 212, 213
 Киквадзе Макс. Г. 212
 Ким Ю. Ч. 153, 423
 Киплинг Р. 96, 276, 444
 Кирсанов С. И. 277
 Кислицын В. А. 429
 Клименко А. А. 425
 Ключкина Л. 296
 Клячкин Е. И. 355
 Кнорринг О. Б. 416
 Князев В. В. 47
 Кобзон И. Д. 314
 Кобликов В. В. 264, 281–283
 Коваленко А. А. 460
 Ковалёв Д. 166
 Ковалёв С. А. 99
 Коган П. Д. 109, 160, 170
 Козаков М. М. 423
 Козовой В. М. 66
 Колесников Ю. С. 356
 Колмановский Э. С. 315
 Колмановский А. Э. 434
 Колодный Л. Е. 244
 Колька — см. Ребарчук Н. М.
 Комер В. Дж. 459
 Кондратова Т. И. 146
 Кононов Н. 187
 Константинов В. 44
 Копелев Л. З. 62, 63
 Коржавин Н. М. 62, 64, 67, 174, 176,
 362, 363, (377–384), 387–394,
 444, 479
 Корнилов В. Н. 286, 287, 394
 Корнилова Г. П. 58, 246, 359
 Королёв Л. — см. Гаврилов Л.
 Косаговский Ю. Ю. 34
 Косоренкова Е. Л. (424–426)
 Костин А. 214
 Костромин А. Н. 150
 Котляр Э. П. 237, 285, 287, 290, 296
 Котляров Б. И. 343
 Крахмальникова З. А. 285
 Кренкель Л. Э. 290
 Кретьева О. К. 254
 Кривенко Л. А. 176
 Кристаллинская М. В. 314, 324, 325
 Крылов А. Е. (55–67, 68–75), 140,
 153, 156, 183, (234–305, 358–365),
 (460–477), 480
 Крылов И. А. 259
 Кугультинов Д. Н. 22, 23
 Кузнецов Ф. Ф. 102
 Кукин Ю. А. 355
 Кукуля — см. Окуджава Н. Н.
 Кулагин А. В. 113, 115, (140–156),
 293, (443–448), 480
 Кульчицкий М. В. 170
 Кунзегеш Ю. Ш. 268
 Куняев С. Ю. 93
 Куприн А. И. 371, 405
 Курулов Г. Д. 221

- Кустов П. П. 254, 256
Кучерова М. Н. 44, 46
Кюстин А. де 17
Лаврентий, Лаврентий Павлович —
см. Берия Л. П.
Лаврентьев Н. С. 415, 416
Лавров С. В. 440
Лазарев Л. И. 176
Лазарева М. (417—419)
Лазутин С. Г. 254
Лариса 279
Ласкер Э. 10
Ласуриа А. Е. 291
Лафлэнд Дж. (427)
Лахт У. Э. (Laht U.) 268, 272, 275
Лебедев А. А. 189
Лебедев-Кумач В. И. 122, 132,
134—139, 381
Лебедь А. И. 93, 99
Левашов В. С. 155
Левашов В. В. 79
Левин Г. М. 175, 236, 286, 287
Левин Ю. И. 119
Левитан А. М. 460
Левитанский Ю. Д. 71, 142, 447
Ленин В. И. 160, 393, 421
Леонтьев В. Я. 422
Лермонтов М. Ю. 47, 61, 86, 316
Лешенко П. К. 10
Лёвушкин А. И. 258
Лившиц Д. Я. 9
Лидия Корнеевна —
см. Чуковская Л. К.
Лизико — см. Окуджава Е. П.
Лимонов Э. В. 191
Липранди И. П. 15
Лисициан П. Г. 323
Лисневич 76
Лисочкин И. Б. 244
Литвинов Э. 323, 325, 332
Лифшиц М. А. 252
Лихачёв Д. С. 416
Ломинадзе С. В. 56
Лондон Дж. 63
Лорка Ф. 319
Лосев Л. В. 159
Лотман Ю. М. 163, 245, 246, 282
Лотяну Э. В. 25
Луговской В. А. 349
Луиза — см. Налбандян (Арешева) Л. Л.
Лукина М. В. 301
Луконин М. К. 268, 294
Луначарский А. В. 342
Лупан А. П. 25
Лурье Ф. А. 359
Лысенко Т. Д. 385, 386
Львов В. 255, 285, 286, 294, 295
Львов М. Д. (Габитов-Маликов Р. Д.)
248, 250, 254, 255, 257, 260, 262,
263, 267, 269—272, 283, 284
Лэнглэнд Дж. 451
Любарева Е. П. 110
Майков А. Н. 121, 123
Майский Я. (Альциглер В. Б.) 130
Макаревич А. В. 92
Макаров А. Н. 280
Маккартни П. 422
Маккейн Р. 454, 459
Максимов В. Е. 88, 176
Мамед-баянц 220
Мампория О. А. 291
Мандель (Коржавина) Л. С. 62
Мандельштам О. Э. 117, 121, 190,
372, 391
Маня — см. Окуджава М. С.
Мао Цзэдун 438
Марков Г. М. 365
Марран 106
Мартынов Н. С. 61
Мартынов Л. Н. 109
Марцинкявичус Ю. М. 280
Марчук Г. 309
Марычев В. А. 99
Марьянович Дж. 325
Марьясин И. Л. 164
Матвеева Н. Н. 142, 309
Матвеев С. Л. 426
Махарадзе Ф. И. 208
Маяковский В. В. 46, 106, 144, 157,
170, 171, 173, 175, 252, 276, 318,
319, 342, 446, 447
Мдивани Б. Г. 221
Мдивани В. 220
Медведев Д. А. 423
Медведев Ю. М. 184
Медведева Г. А. 68
Медовой И. Б. 296
Медынский Г. А. 260, 262, 282, 283
Межаков-Корякин И. И. 134
Межлайтис Э. Б. 22
Межиров А. П. 174, 175, 278, 448
Мелихов Л. Б. 35, 37, 41
Мельник С. 414
Мешавкин С. Ф. 8
Мильштейн И. И. 162, 294
Минералов Ю. И. 443

- Минчиковский А. М. 19
 Миронер И. Е. 236, 237, 282, 287, 293, 301
 Митяев О. Г. 192, 424
 Михайлов М. Н. (Mihajlov M.) 132–134
 Михайлов М. Л. 123, 125
 Михалков С. В. 259
 Мицкевич А. 278
 Молебазе А. И. 221, 222
 Молебазе И. 222
 Молебазе Л. И. 214, 221, 224, 227, 231
 Молебазе М. 221, 222, 224
 Молебазе Н. И. 210, 211, 217, 220–223
 Мокиенко В. М. 184
 Молоствов М. М. 99
 Молотов В. М. 205
 Молотов И. Т. 268
 Монтан И. 238, 239, 287, 294, 297, 299, 401
 Мориц Ю. П. 34, 349
 Мосова Д. В. (106–116), 412, 480
 Мотыль В. Я. 19, 20, 60
 Моцарт В.-А. 31
 Мочалов А. П. 417–419
 Мочалова А. А. (Сашенька) 419
 Мошкина А. 419
 Муждабаев А. 277
 Муравьев Н. М. 80
 Муравьев-Апостол С. И. 79
 Муравьева И. В. 417
 Мятлев И. П. 445
 Набоков В. В. 372
 Нагибин Ю. М. 359, 375, 378, 393
 Налбандян А. С. 211, 225, 284
 Налбандян (Арешева) Л. Л. 225, 226
 Налбандян С. С. 226
 Нам П. Б. 239
 Наровчатова С. С. 158, 166, 267, 269, 271, 272, 279, 281, 286, 342, 349, 350
 Наумов 15
 Невзоров А. Г. 99
 Незнамов (Лежанкин) П. В. 170–174, 177–179, 181
 Некрасов И. А. 67, 156, 183, 460
 Некрасов Н. А. 124–126
 Некреич А. М. 364
 Нефагина Г. Л. 184
 Нечкина М. В. 76
 Никитин В. Ф. 38
 Николаев О. 280
 Николай I 77, 79, 80, 83
 Николай II 80, 82, 83, 416
 Нилин 166
 Новиков Вл. И. 140, 144, 146, 149, 410, 447
 Нодель М. Ф. 239, 303
 Нонешвили И. Э. 343, 345
 О'Генри 63
 Обертынский А. Я. 327, 350
 Обновленский Б. П. 44, 251, 261, 262
 Образцов С. В. 239
 Овидий 15, 18
 Овсянникова А. 219, 220, 229, 230
 Оглоблин Б. Л. 460
 Окуджав А. М. 199–201, 208, 214, 220, 221, 223–225, 227, 228, 229
 Окуджав А. С. 199
 Окуджав Б. Б. (Антон) 382
 Окуджав В. М. 199–201, 205, 208, 214, 220, 223, 225–229, 255
 Окуджав Вас. С. (Вася Белый) 199, 210, 211
 Окуджав Вл. С. 199, 202, 203, 208, 217
 Окуджав В. Ш. 199, 206
 Окуджав Г. М. 199, 201, 205, 206, 208–212, 217–220, 224, 225, 228–233
 Окуджав Е. П. 199, 204, 208, 210, 214, 215
 Окуджав И. Б. 218, 283
 Окуджав М. В. 228
 Окуджав М. Н. 212
 Окуджав (Алексеева) Мар. С. 199, 202, 204, 205, 210, 212–214, 232, 233
 Окуджав Мих. С. 199, 201–208, 210–215, 217–221, 224
 Окуджав Нат. А. 208, 225, 226
 Окуджав Н. В. 225
 Окуджав Н. Г. 208, 229, 231
 Окуджав Н. М. 198–201, 203, 206, 208, 214, 217, 220, 223, 225, 226, 229
 Окуджав Н. Н. (Кукуля) 199, 211, 213, 218
 Окуджав Ник. С. 199, 204, 205, 207, 212–215, 218
 Окуджав Нина С. 199
 Окуджав О. В. (Ольга) — см. Арцимович О. В.
 Окуджав О. С. 198, 199, 202–208, 212, 217, 218
 Окуджав С. В. 199, 204, 210, 225
 Окуджав (Заварьян) Т. В. 199

- Окуджава Ш. С. 8, 162, 199, 204, 205, 207, 215, 286
Окуджава Э. Н. 212
Окунев И. И. 294
Олеша Ю. К. 400
Онасис (Оназис) К. 369
Опекушин А. М. 23
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 212, 213
Орлов М. Ф. 15, 20
Орлов С. С. 248, 250, 254–256, 263, 267, 269, 271, 275, 279, 283, 349
Орлов Ю. Ф. 375
Орлова Р. Д. 62
Оруэлл Дж. 143
Осецка А. 414, 432
Осипов 166
Островой С. Г. 380, 387
Панкратов В. С. 82
Панкратов Ю. 166
Панов Н. А. 76
Панова В. Ф. 60, 62, 252
Панфилова И. П. (354–357), 480
Панченко Н. В. 45, 46, 174, 236, 263, 264, 280, 282, 283, 285, 348
Паперный З. С. 446
Парамонов Б. М. (392–394), 480
Пастернак Б. Л. 126, 142, 157, 178–181, 276, 446
Пастернак Е. В. 181
Патрушев Н. П. 440
Паустовский К. Г. 76, 286
Пахмутова А. Н. 109
Паша — см. Засядко П. Л.
Пенькова Н. (423–424)
Первенцев А. А. 247, 253
Перетц Г. А. 15, 16
Пестель П. И. 15, 16, 20, 77, 78, 80
Петраков А. Е. 235, 362
Петрунин Ю. 167
Петухова-Якунина А. Е. 64
Пётр I 47, 135
Пиночет А. 393
Пильняк Б. А. 330
Пирогов Н. И. 421
Плаксин А. 422
Платонов А. П. 157, 330
Плеханов Г. В. 215
Плисецкая М. М. 416, 422
Плотников В. Ф. 433
Погудин О. Е. 417
Поджио А. В. 76
Поженян Г. М. 11–13
Поздняев М. К. 165, 299
Покровский А. Н. 155
Полевой Б. Н. 280
Половец А. Б. 359, 364, 365
Половинкин В. В. 269
Померанцев В. М. 252–254
Помигалов А. 356
Попов А. 162, 163
Попов В. И. 235
Поповский М. А. 362–364, (371–376), 378–382, 384, (385–391), 392, 394, 480
Поспеловский Д. 450
Преображенская 46
Приземлин Г. П. 258
Примеров Б. Т. 314
Приставкин А. И. 63
Прокофьев С. С. 421
Прокофьев А. А. 121, 138
Просвирнов М. И. 46, 261, 262
Профферы К. и Э. 358
Пугачёв Е. И. 80
Пуговкин М. И. 324, 325
Путин В. В. 422, 440
Пушкин А. С. 14–16, 18, 20, 22, 23, 47, 58, 59, 76, 77, 80, 81, 86, 94, 101, 102, 141, 162, 189, 242, 245, 246, 271, 272, 275, 278, 292, 295, 309, 318, 337, 340, 368, 376, 393, 417–419, 444, 447, 456
Радченко В. А. (354–357), 480
Раевская М. А. 412
Раевский В. Ф. 15, 20
Разин С. Т. 80
Райхельгауз И. Л. 424
Раковский Х. Г. 217
Раппопорт А. Г. 241
Раскин И. З. 218
Распутин В. Г. 104
Рассадин С. Б. 64, 174, 301–303
Рахманинов С. В. 31
Ребачук Н. М. 312
Репин И. Е. 416
Рерих Н. К. 319
Риви Дж. 450, 459
Риффатер М. 126
Ришина И. И. 67, 178
Ровинский 135
Рогов 248
Родченко В. А. 415
Рождественская О. (429–430)
Рождественский Р. И. 285, 314, 349
Розанов Б. И. 138

- Розенблюм О. М. 109, 110, 161–163,
 175, 182, 235, 238, 239, 243, 244,
 246, 248–250, 279, 280–282, 284,
 286, 291, 292, 295, 300, 301
 Рознер Э. И. 403
 Роква Ш. Г. 291
 Романов А. В. 59
 Рост Ю. М. 245
 Роуланд Дж. Р. 451, 459
 Рошин М. М. 285
 Рублёв А. 422, 461
 Ругоев Я. В. 291
 Руставели Ш. 342, 343
 Рыбаков А. Н. 61
 Рыбников А. Л. 142
 Рылеев К. Ф. 79, 81
 Сабинский Ю. 76
 Саввина И. С. 313
 Савельев А. Г. 55
 Сависаар Э. 75
 Савостин Н. С. 280
 Садовская М. 261
 Сажин В. Н. 47, 140, 173, 198
 Сажин Д. В. 140, 198
 Саинчук Г. В. 24, 25
 Саленков М. 424
 Самойленко С. (419–421)
 Самойлов Д. С. 16, 68–74, 140, 174,
 351, 447
 Самойлович С. И. 44, (46–48)
 Сапиетс Дж. 450
 Саркисов И. Э. 426
 Сарнов Б. М. 62, 174, 176, 265, 285
 Сартр Ж.-П. 25
 Сачков Д. А. 46, 261
 Светлов М. А. 93, 109–112, 157, 263, 349
 Светов Ф. Г. 176
 Свешникова М. (430–431)
 Свиридов С. В. (117–131), 145,
 (437–442), 448, 480
 Северянин И. 399, 400
 Сельвинский И. Л. 263, 391
 Семенюк О. А. 190
 Сергеенко М. М. 253
 Серго —
 см. Орджоникидзе Г. К.
 Сериков С. 258
 Серов В. В. 184
 Сетон-Томпсон Э. 63
 Сёмин В. Н. 327, 329–331
 Семина-Кононыхина В. Н. 330, 331
 Сёмушкин Т. З. 247, 248, 254
 Сидоровский Л. И. 292
 Сикорский В. В. 148
 Силин А. 343, 344
 Сильвия — см. Налбандян С. С.
 Симонов К. М. 55, 136, 279, 285, 372,
 389, 415
 Синицын И. С. 252, 282
 Синьоре С. 239
 Синяевский А. Д. 373
 Скобелев А. В. 254, 481
 Скрёбов Н. М. 327
 Слонимский М. Л. 248
 Слуцкий Б. А. 10, 56, 57, 60, 64, 93,
 109, 114, 159, 166, 170, 174, 176, 349
 Случевский К. К. 125
 Смирнов В. В. (306–335), 337,
 (341–359), 480
 Смирнов С. В. 280
 Смирнов И. П. 126
 Смирнова Е. П. 333, 334
 Смит Дж. С. (Smith G. S.) 453, 455, 459
 Смоктуновский И. М. 379
 Смольников А. С. 57
 Смольянинов В. Х. 344
 Смольянинова К. И. 344
 Смольянинова Г. В. 283, 344, 348, 350
 Смольянинова И. В. —
 см. Живописцева И. В.
 Смуул Ю. (И. Ю.) 269
 Соколов Д. П. 434
 Соколов Саша (А. В.) 360
 Соколова И. А. 186
 Солженицын А. И. 24, 331, 373, 394
 Соловьёв В. И. 149
 Сологуб Ф. К. 394
 Солоухин В. А. 374
 Софронов А. В. 54, 365, 387, 389
 Спесивцев В. С. 430
 Спешков В. 300
 Спиридонова М. А. 217
 Стайрон Р. 451
 Сталин И. В. 80, 83, 132, 134,
 136–139, 205, 211, 215, 217,
 225–227, 230, 234, 253, 309, 344,
 372, 385, 438–442, 451, 452, 454
 Старченков Н. Н. 427
 Стейниц В. 10
 Степанов Л. А. 7
 Стожаров В. 44, 48, 261
 Стрымбяну А. Н. 18–20
 Субботин В. М. 15–17, 19–21
 Субботина Т. Е. (84–105), 481
 Судец В. А. 341
 Сумманен Т. 291

- Сурков А. А. 138, 276, 277, 280, 372, 389
Суров А. А. 252
Сутырин В. А. 57
Сухарев Д. А. 290
Сычёва А. (449–459), 481
Табидзе Г. В. 198, 199, 204–206, 208, 209, 212, 218, 276
Табидзе Т. Ю. 205
Тамарченко Н. Д. 448
Тарабукин И. И. 9
Тарасова А. К. 280
Тарасова Н. Б. 133
Тарковский Арс. А. 416
Твен М. 63
Темпест П. 457
Герентьев О. Л. 235
Терешков Д. М. 420
Терешкова А. В. 420
Терновский А. В. 158–160, 167
Тиде — см. Табидзе Т. Ю.
Тикос Л. 451
Тимашева М. А. (84–105), 481
Тимофеева А. В. 410
Типикин Е. В. 287
Тихонов Н. С. 157, 175, 278
Тодд А. С. 455, 459
Толоконский В. А. 420
Толстой Л. Н. 101, 102, 196, 214, 278, 314, 393
Томашевский Ю. В. 150
Тоом А. Л. 279
Тоом Л. В. 269
Тополь А. К. 350
Торошелидзе М. Г. 221
Травкин М. 46
Трахтенберг Ю. М. 301
Третьяков С. М. 170
Трефолов Л. Н. 445
Триоле Э. Ю. 170
Трифонов Ю. В. 77, 78, 280, 359
Трифорова Т. К. 253, 254
Троепольский Г. Н. 250, 251
Трубецкой С. П. 76, 81
Трубецкой С. В. 61
Трутнев В. 356
Туполев А. Н. 278
Тушнова В. М. 272
Тюпа В. И. 448
Тютчев Ф. И. 80, 81, 150
Уайльд О. 317
Уварова-Даниэль И. П. 72
Удальцов А. П. 88
Уильямс Т. 440
Уитмен У. 63, 319
Улицкая Л. Е. 412
Урбан-Подольян А. 146
Усова Н. Т. 248–251, 254, 259, 260, 262, 265, 283, 284, 286
Утёсов Л. О. 403
Уткин И. П. 121
Фаликов И. З. 172
Фатеева Н. А. 119, 126
Фатьянов А. И. 122
Федотов С. 303
Фейхтвангер Л. 16
Феклистов Ю. Н. 416
Фет А. А. 150
Фёдорова Л. 174
Филиппенко А. Г. 417
Филозов А. Л. 417
Фирсанов К. Ф. 217
Фишер Р. 10
Флегон А. 134
Фогельсон В. С. 57, 72, 434
Фолкнер У. 63
Фомин В. 261
Фочкин О. 295, 298
Фридлянд С. О. 416
Фрумкин В. А. (Frumkin V.) 133, 358, 452–454, 456, 459
Хазан А. 220
Хазин М. Г. (10–27), 481
Хайдер Х. (Heider H.) 133, 134
Халваши В. В. (Вера) 202, 203, 205, 208–210, 212, 215, 216, 219, 232, 233
Халваши Вл. 202
Халваши Е. В. (Катя) 202, 203, 205, 208, 211
Халваши Ф. Т. 202, 203, 209, 212, 218–220
Ханукаева И. В. 291
Хауманн П. 134
Хемингуэй Э. 63, 165
Херман М. 456, 457
Хикмет Н. 287
Хиль Э. А. 315
Хлебников В. В. 171
Ходасевич В. Ф. 122
Ходорковский М. Б. 77
Хомчик Г. В. 417, 426, 428
Хотин Л. С. 358, 360, 361, 364
Хотина Г. А. 358, 360, 364
Храмов Е. Л. 290, 294–298
Хрущёв Н. С. 37, 230, 323, 329, 369, 372, 373, 379, 385, 416, 439
Хрущёва Н. П. 416
Цветасева М. И. 189, 372, 391, 445

- Цветков В. И. 124
 Цимбал И. 166
 Циолковский К. Э. 36, 37, 44, 50, 255, 256, 261, 270–272, 274, 275, 349
 Цыбулевский А. С. 343, 344
 Цявловская Т. Г. 58, 59
 Цявловский М. А. 58
 Чаадаев П. Я. 18
 Чагин П. И. 248, 254
 Чайковский Р. Р. 154, 155, 183, 446, (449–459), 481
 Чекмарёв В. 296
 Чернавский Р. 343, 349
 Черненко А. 277
 Черникова Ю. (416–417)
 Чернышевский Н. Г. 125
 Чехов А. П. 88, 163, 173
 Чихладзе С. А. 221
 Чубайс А. Б. 99, 439
 Чудакова М. О. 109, 113, 165
 Чудасов И. В. 412
 Чужак Н. Ф. 170
 Чуковская Л. К. 69, 157
 Чуковский К. И. 390
 Чухонцев О. Г. 64, 176
 Шалико–Окуджава — см. Окуджава Ш. С.
 Шапиро Е. (Shapiro E.) 452, 453, 459
 Шаулов С. М. (132–139), 481
 Шахбазов Н. Г. 158, 172
 Шварц И. И. 26, 423, 433
 Шварц Л. А. 315
 Шевлов И. М. 30
 Шейнин Л. Р. 51
 Шендерович В. А. 423
 Шереметьев А. Д. 40
 Шерешевский Л. В. 263
 Шерстенников Л. Н. 174, 416
 Шершевский Г. 325
 Шестаков П. А. 327
 Шестопалов В. Н. 414
 Шилов К. В. 58, 59
 Шилов Л. А. 75, 434
 Шишло К. 272
 Шляху С. Г. 21
 Шмакин Л. 261
 Шойгу С. К. 440
 Шолохов М. А. 264, 282
 Шопен Ф. 439
 Шпилёв П. В. 45, 47, (48–51), 261
 Штейн С. 163
 Штейнбок М. Г. 416
 Штерн Л. 146
 Штурман Л. 456
 Шуберт Ф. 31
 Шулежкова С. Г. 184
 Шульман В. Л. 366, 380, 401
 Шульман М. (Shulman M. D.) 388
 Шумкина И. В. 156, (183–197, 410–413), 481
 Щаранский А. Б. (Н. Б.) 375, 376
 Щеглов Д. А. 248
 Щеглов М. А. 252
 Щербаков А. С. 169
 Щербакова В. А. (В. Ф.) 241
 Шуплецов 166
 Эйдельман Н. Я. 255
 Эйдельман Ю. М. 255
 Эйхенбаум Б. М. 174
 Элиава Г. Г. 221
 Эльснер В. Ю. 342
 Эндрю П. 458, 459
 Эптер Р. 456, 457
 Эпштейн М. Н. 153, 154
 Эренбург И. Г. 16, 137, 138, 252, 253, 349, 392
 Эткинд Е. Г. (Etkind E.) 132, 136
 Эшпай А. Я. 197
 Юровский В. Ш. (34–43), 161, 246, 265, 293, (414–436), (460–477), 481
 Юрский С. Ю. 423, 424
 Юрченко Н. 261
 Юшенков С. Н. 99
 Юшков Г. А. 267
 Явлинский Г. А. 99
 Янг Р. 458, 459
 Bristol E. — Бристол Э.
 Carlisle O. — Карлайл О.
 Etkind E. — см. Эткинд Е. Г.
 Fischer W. 133
 Frumkin V. — см. Фрумкин В. А.
 Heider H. — см. Хайдер Х.
 Holbeck M. von 133
 Kaempfe A. 133
 Mihajlov M. — см. Михайлов М. Н.
 Sagner O. 139
 Schindele G. 133
 Seemann K. D. — см. Зеemann К. Д.
 Shapiro E. — см. Шапиро Е.
 Smith G. S. — см. Смит Дж. С.
 Vagapov A. — см. Вагапов А.
 Wolfson T. — см. Вольфсон Т.

От редакции	4
-------------------	---

✓ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Пётр Евладов. Знакомство с героем нашего времени	6
Михаил Хазин. С Булатом — по Молдове	10
Анатолий Берштейн. Свидание с Окуджавой	28
Валерий Врадий. Портреты судьбы и судьба портретов. Записал В. Юровский	34

✓ ПУБЛИКАЦИИ

«Ерундовские стишки». Несколько ранних рецензий	44
Письма из фондов РГАЛИ (1959—1995). Публикация М. Гизатулина и А. Крылова	55
Семь писем к Давиду Самойлову (1977—1988)	68
Владислав Виноградов. Монолог Мастера о декабристах	76
Марк Дейч, Дмитрий Быков, Марина Тимашева. Интервью на «Свободе». Публикация Д. Быкова. Подготовила к печати и прокомментировала Т. Субботина ...	84

✓ ШТУДИИ

Мария Александрова, Диана Мосова. «Песенка о комсомольской богине»: диалог с Александром Блоком	106
С. В. Свиридов. «Решайте, решайте, решайте...». Одно стихотворение в нескольких контекстах	117
Клаус Дитер Зеemann. «Чёрный кот» Булата Окуджавы как антифашистская пародия. Перевод с немецкого С. Шаулова	132
А. Кулагин. Точное «неточное» слово. (Глава из новой книги)	140
С. С. Бойко. «Судьба судьбы». Борис Пастернак — Николай Глазков — Булат Окуджава и другие	157
И. В. Шумкина. Образ Окуджавы в современной речевой культуре .	183

✓ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Марат Гизатулин. «Сестра моя прекрасная...»	198
А. Е. Крылов. Размышления о самоиронии, корректности цитирования, агглютинации и конфабуляции, или О том, как и когда молодые поэты «били» Булата Окуджаву	234

✓ РОСТОВСКИЙ СЛЕД	
Владислав Смирнов. Из дневника 1966 года	306
Владислав Смирнов. Булат Окуджава в Ростове-на-Дону	321
Валентина Бондаренко. Интервью радиостанции «Парус»	336
Даниил Долинский. От «Соломенной лампы»... <i>Записал В. Смирнов</i>	341
Валерий Радченко. Ростов — Тагил. <i>Вместо послесловия.</i> <i>Записала Ирина Панфилова</i>	354
✓ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ, 1979	
Первые американские гастроли	358
Л. Кафанова. Встреча с Булатом Окуджавой	366
Политическая хроника. <i>Б. С. Окуджава</i>	369
Марк Поповский. Поговорим о странностях любви	371
Наум Коржавин. Тем самым	377
Марк Поповский. Ещё раз о странностях любви	385
Борис Парамонов. Сколько стоит билет на Окуджаву?	392
И. Б. Высоцкий, Окуджава, Евтушенко	395
Вяч. Завалишин. Когда зацветают левкой и осыпаются иллюзии <i>(Американская гастроль Булата Окуджавы)</i>	398
Белла Езерская. Две встречи	405
✓ ОКУДЖАВА СЕГОДНЯ	
Инна Шумкина. Окуджавоведение — в молодые руки!..	410
Без комментариев. <i>По материалам Интернета (2008).</i> <i>Подготовил В. Юровский</i>	414
✓ РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Виктор Юровский. Странная иностранная книга	432
Станислав Свиридов. В ожидании Сосо, или Филология под публицистикой	437
Анатолий Кулагин. Первая монография о поэте	443
А. Сычёва, Р. Чайковский. Поэзия Булата Окуджавы в переводах на английский язык	449
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	
Блиц и мини. <i>К библиографии Булата Окуджавы.</i> <i>Составители А. Крылов, В. Юровский</i>	460
Наши авторы	478
Именной указатель	482

Голос надежды
Новое о Булате

Сборник
Выпуск 6

Научное издание

Составитель А. Е. Крылов
Редактор И. А. Соколова
Корректор А. А. Коваленко
Отв. за выпуск В. Ш. Юровский

Компьютерная вёрстка Д. Дзюба

При перепечатке разрешение правообладателей
и ссылка на «Голос надежды» — обязательны

Мнения авторов сборника
могут не совпадать с мнением редколлегии

Ваших отзывов ждут по адресу:
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39
ЗАО «ЮПАПС»
Тел. (499) 1950270
E-mail: mgizatulin@yandex.ru

Подписано в печать 23.10.09.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0
Тираж 1 500 экз. (1-й завод: 1—700 экз.) Заказ № 0917870.

ООО «Профорбита»
115409, Москва, пр. Маршала Жукова, 39

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Издательство «Булат» представляет:

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

Новое о Булате

Выпуски 1–5

(2004–2008; ок. 500 с., в переплёте)

Альманах, целиком посвящённый жизни и творчеству Б. Ш. Окуджавы, публикует новые для российского читателя материалы, а также не известные ранее широкому читателю архивные документы. В понятие новизны, кроме текстов, написанных специально для этого издания, редакция и редакционная коллегия включают и новое качество, которое обретают, к примеру, переводные и редкие зарубежные русскоязычные статьи, впервые перепечатываемые в России, обзоры советской периодики...

В каждом выпуске печатаются воспоминания о поэте, его письма и интервью, статьи о его прозе и поэзии, результаты биографических изысканий.

Рецензии, помещённые здесь, возможно, покажутся читателям чересчур строгими. Однако комплиментарность редакция и редколлегия альманаха предпочитают оставлять для других. Иллюстрации в своём большинстве уникальны.

Анатолий Кулагин ЛИРИКА БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Научно-популярный очерк

(Совместно с издательством Коломенского
госпединститута; 2009; 320 с., в обложке)

В книге доктора филологических наук А. В. Кулагина (р. 1958) в популярной форме раскрыты основные достижения изучения поэзии Булата Окуджавы. Внимание автора сосредоточено на узловых моментах творческой биографии художника и основных темах его лирики (война, Арбат, пушкинская эпоха...), на особенностях поэтического стиля и текстологии. Издание адресовано как филологам, так и любителям поэзии и авторской песни.

Этот выпуск альманаха призван отразить события окуджавознания и окуджавоведения за 2008 год.

Оценки, данные молодому поэту коллегами в 1950-х годах и собранные в разделе «Публикации», дополняют документы, представленные в одной из биографических статей выпуска. Другие документы этого раздела (прежде всего письма и телеграммы поэта) также вызовут безусловный интерес исследователей. Старую запись размышлений Мастера о декабристах решил обнародовать кинодокументалист В. Виноградов. Впервые публикуется и полный текст легендарного интервью поэта на «Радио Свобода» 1995 года. Особые разделы составили материалы о его первых выступлениях в Ростове-на-Дону (1966) и в США (1979).

Центральное место в альманахе, как и раньше, уделено новым исследованиям. Это статьи как ведущих, так и начинающих филологов. Их работы объединены в раздел «Штудии». Две объёмных статьи, содержащие множество новых сведений и документов, составили раздел «Материалы к биографии».

По традиции новый выпуск содержит хронику событий, связанных с именем Окуджавы, обзоры и рецензии на книги самого поэта и о нём.